

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВОИН МАРСА

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВОИН МАРСА

31

31

В О И Н М А Р С А
Л А Н А И З Г А Т О Л А
ДЖОН КАРТЕР, ЖИТЕЛЬ МАРСА

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВОИН МАРСА

В О И Н М А Р С А
Л А Н А И З Г А Т О Л А
ДЖОН КАРТЕР, ЖИТЕЛЬ МАРСА

П Р И Н Т Э С Т

1 9 9 4

**Перевод с английского: С. Глебкин, Е. Владимиро-
рова, В. Каротам**

Оформление серии Хейки Лоомана

Берроуз Э. Р.

**Воин Марса: Воин Марса, Лана из Гатола.
Джон Картер, житель Марса: — Повести / Пер. с
англ. С. Глебкина, Е. Владимировой, В. Каротам.
Худож. Хейки Лооман.— Таллинн: «Принтэст»,
1994.— 528 с.**

ISBN 5-7985-0040-3

**В этот том серии вошли три повести, продолжающие рас-
сказ о приключениях Владыки Марса Джона Картера.**

**© Перевод. С. Глебкин, Е. Владимирова,
В. Каротам, 1994.**

ISBN 5-7985-0040-3 © Оформление. Хейки Лооман, 1993.

ВОИН МАРСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ясон Гридли, открывший волны Гридли, установил связь между Пеллусидаром и внешним миром.

Мне посчастливилось провести много времени в его лаборатории, когда он проводил свои эксперименты, и я стал его доверенным лицом. Он не скрывал, что надеется установить связь с другими планетами, и, в первую очередь, с Марсом.

Гридли сконструировал простое автоматическое устройство, периодически посылающее в пространство радиосигналы, а во время пауз записывающее те сигналы, которые принимала его антенна.

В течение пяти минут его устройство передавало кодированные сигналы — волны Гридли — затем следовала десятиминутная пауза, во время которой система чутко прослушивала эфир. Час за часом, день за днем, неделя за неделей устройство передавало в бесконечное пространство послания человеческого разума.

И после того, как Ясон Гридли оставил свою лабораторию и отправился в экспедицию в Пеллусидар, я остался в лаборатории, полный надежд осуществить его сокровенные мечты. Я дал ему слово, что буду наблюдать за работой устройства, просматривать все зарегистрированные сигналы, чтобы не пропустить момента, когда будет получен ответ из других миров.

За время работы в лаборатории я освоил прибор, изучил азбуку Морзе до такой степени, что мог достаточно качественно и быстро принимать передачи.

Шли месяцы, а лента, на которой должны были отпечататься принятые кодированные сигналы, оставалась девственно чистой.

Затем я ненадолго уехал в Аризону. Отсутствовал

я десять дней и по возвращении сразу же посетил лабораторию Гридли.

Когда я вошел в знакомую комнату и включил свет, я ожидал увидеть все ту же чистую ленту, к белизне которой уже привык.

Должен признаться, что я не питал особых надежд на успех, да и сам Гридли считал это только первым экспериментом, рассчитанным на случай. И тут, к своему удивлению, я увидел на ленте знакомые точки и тире — азбука Морзе!

Сначала я решил, что это сам Гридли прислал сообщение из Пеллусидара, но когда я расшифровал код, у меня отпали всякие сомнения. Это было сообщение Улисса Пакстона, бывшего в прошлом пехотным капитаном Армии Соединенных Штатов, который чудесным образом был перенесен прямо с поля битвы во Франции на умирающую планету. Там он стал правой рукой Раса Таваса, Великого ученого Марса, а позже — мужем Валлы Дайи, дочери джеджа Дахора.

В послании сообщалось, что таинственные сигналы были приняты в Гелиуме. Ученые не могли расшифровать их, хотя предполагали, что они идут с Джасума, так на Марсе называют Землю.

Джон Картер в тот момент был в отъезде, и в Дахор был послан воздушный корабль за Пакстоном. Его просили срочно прибыть в Гелиум, чтобы определить, действительно ли эти сигналы приходят с планеты, где он родился.

По прибытии в Гелиум Пакстон сразу узнал азбуку Морзе, и ученые поняли, что теперь есть средство надежной связи между Землей и Марсом.

Лучшие умы Барсума занялись анализом сигналов и проведением опытов, чтобы воспроизвести волны Гридли. И, наконец, они добились успеха. Пакстон передал свое первое сообщение и теперь с нетерпением ожидал ответа.

С тех пор я постоянно общался по радио с Марсом. Поскольку это открытие принадлежало Ясону Гридли, я не сделал никаких официальных заявлений и не дал в прессу никакой информации. Но я считаю себя вправе рассказать вам интересную историю Хадрона из Хастора, которую Пакстон передал мне в один из вечеров.

Надеюсь, что вы получите от этой истории удоволь-

ствие, но прежде чем начать, позвольте кратко описать вам жителей Марса и их жизненный уклад, а также коснуться некоторых обычаев. Думаю, что это будет вам небезынтересно.

Прогресс и цивилизация, да и сама жизнь на Марсе целиком зависят от доминирующей расы, которая мало отличается от белокожих людей Земли, если не считать того, что кожа у них медного цвета. В остальном красные люди Марса полностью отвечают стандартам англосакской расы. Впрочем, у марсиан есть и другое отличие — продолжительность жизни. Марсиане живут тысячу лет. Но из-за постоянных войн, поединков и просто убийств редко кто доживает до такого возраста.

Политическая структура марсиан довольно стабильна и сохраняется уже много тысячелетий. Основная общественная единица — племя, во главе которого стоит джед, что соответствует нашему королю. Вождь вождей, глава объединенных племен — джеддак, или император. Его супруга — джеддара.

Большинство красных людей живет в укрепленных городах, хотя некоторые живут и в поместьях, расположенных в плодородных, орошаемых каналами областях.

На далеком юге, вблизи южной полярной области, живут очень красивые, высокоразвитые черные люди Марса. Там же сохранились и остатки белой расы. Возле северного пояса льда доминирует раса желтых людей.

По всему Марсу, по дну давно высохших морей и океанов бродят орды свирепых зеленых людей. Они часто селятся в развалинах древних городов.

Зеленые воины Барсума — вечные враги всех остальных рас. Они обладают огромным ростом и дополнительной парой конечностей. Два огромных глаза расположены у них по обеим сторонам головы, а третий — по центру. Таким образом, зеленые люди могут смотреть одновременно во все стороны, не поворачивая головы. Два уха находятся чуть выше глаз и расположены очень близко друг к другу. Они на несколько дюймов поднимаются над головой. Нос представляет собой две вертикальные щели в центре лица между ртом и ушами. Цвет кожи у них оливково-зеленый, а в детстве желтоватый. Мужчины темнее, чем женщины.

Зубы у них ярко-белые — не цвета слоновой кости, а цвета китайского фарфора. Нижние клыки выдаются

вперед и загнуты вверх, их белизна на фоне зеленой кожи выглядит устрашающе.

Это раса хитрых и жестоких людей, совершенно не знающих пощады, любви, жалости; раса наездников, передвигающихся пешком только внутри своего лагеря.

Ездят они верхом на тотых, свирепых животных громадного роста — под стать своим хозяевам. У тотов восемь ног и хвост, расширяющийся к концу. Они совершенно безволосые, и кожа у них темно-коричневого цвета, гладкая и блестящая, но живот белый. Ноги в нижней части желтого цвета, но без копыт.

Зелеными людьми управляют джеды и джедаки, но их военная организация не такая совершенная, как у красных людей.

Военные силы красных людей прекрасно организованы. Главная боевая сила — это воздушный флот, состоящий из огромного количества разнообразных воздушных кораблей: от тяжелых боевых до легких одноместных корабликов-разведчиков. Вторые по значению — пехотные формирования. Кавалерия используется только для патрулирования улиц, охраны городов и селений.

Основная военная единица — утан, состоящая из ста воинов. Во главе утана стоит двар, которому подчиняются несколько падваров. Одвар командует умаком, состоящим из десяти тысяч воинов.

Удивительно, но на Марсе в большом почете наука, искусство, литература и архитектура, хотя в основном жизнь марсианина — это постоянная борьба за существование.

Марсианская природа достаточно сурова, постепенно все острее ощущается нехватка воздуха и воды: планета «задыхается». Кроме того, почти не затихают большие и малые войны.

С самого рождения марсианин должен уметь защитить себя от многочисленных врагов. И все же, несмотря ни на что, красные люди Марса — высокоцивилизованный народ со своим высокоразвитым искусством. Социальная жизнь в столице и других городах планеты такая же бурная и кипучая, как и в крупнейших городах Земли.

Это смелый, благородный народ, потому-то ни Джон Картер, ни Улисс Пакстон не собираются покидать Марс и возвращаться на Землю.

А теперь вернемся к рассказу, который передал мне

Пакстон через сорок три миллиона миль космического пространства.

Это история Хадрона из Хастора, великого воина Марса, как она была рассказана им самим Улиссу Пакстону.

Эдгар Райс Берроуз

I

САНОМА ТОРА

Я — Тан Хадрон из Хастора. Мой отец Хад Уртур, одвар первого умака армии Хастора. Он командовал самым крупным кораблем воздушного флота. Под его началом находилось десять тысяч воинов и пятьдесят боевых кораблей. Моя мать — принцесса Гатола.

Наша семья не была слишком богата, но наш род всегда отличался честностью и благородством, что ценится выше всех богатств на свете. Я выбрал профессию своего отца, отказавшись от более выгодных. Чтобы совершенствоваться в своем деле, я поступил на службу в армию Тардоса Морса, джедака Гелиума, где я мог быть ближе к великому Джону Картеру, Владыке Барсума.

Моя жизнь в Гелиуме и военная карьера были такими же, как и у сотен других молодых людей. Курс обучения я прошел без всяких затруднений, не лучше и не хуже других, а затем меня назначили падваром в девяносто первый умак, входивший в одиннадцатый дар.

Я принадлежу к древнему роду, и в жилах моих течет королевская кровь моей матери. Поэтому дворцы Гелиума были всегда открыты для меня. На одном из приемов я и встретил Саному Тора, дочь Тора Хатана, одвара девяносто первого умака.

Тор Хатан не принадлежал к древнему роду, но сказочно разбогател благодаря грабежам городов и ферм враждебных племен. Он стал могущественным человеком, чье влияние было не меньшим, чем у самого джедака, так как в Гелиуме богатство почитают выше, чем благородство и древность рода.

Никогда не забуду того вечера, когда я впервые увидел Саному Тора. Это был большой праздник в Мраморном дворце Владыки Барсума. Под сводами дворца

собрались самые прекрасные женщины Барсума. Но даже на фоне блистательной красоты Деи Торис, Тары из Гелиума, Тувии из Птарты красота Саномы Тора привлекала всеобщее внимание.

Я не хочу сказать, что Санома Тора превосходила красотой этих признанных королев, так как понимаю, что не смогу быть беспристрастным, но ведь многие другие также отметили ее необычайную красоту, которая отличалась от красоты Деи Торис, как своеобразный пейзаж полярных областей отличается от буйного великолепия тропиков, как строгий белый мраморный дворец в лунную ночь отличается от пышного дворцового сада в полдень.

Когда меня представили ей, она сразу взглянула на знаки отличия на моей форме. Увидев, что я всего лишь падвар, она сказала мне несколько ничего не значащих фраз и снова повернулась к двару, с которым перед этим беседовала.

Должен признаться, что мое самолюбие было уязвлено, и, тем не менее, именно ее пренебрежительное отношение ко мне укрепило мое намерение завоевать ее, так как, чем труднее цель, тем заманчивее ее достичь.

Вот так я влюбился в Саному Тора, дочь командира умака, в котором я служил. Долгое время я не мог продвинуться к своей цели ни на шаг. Я не встречался с ней несколько месяцев, так как из-за бедности и низкого положения меня не приглашали в их дом, а в других местах мне не удавалось встретиться с нею. Но чем она была недоступнее, тем сильнее я влюблялся в нее и вскоре все свое время, когда не был занят по службе, я посвящал разработке полубезумных планов завоевания ее сердца. Я даже подумывал о похищении девушки и, вероятно, в конце концов, сделал бы такую попытку, так как не видел других способов. Но однажды двар девяносто первого умака, где я служил, пожалел меня и раздобыл приглашение на празднество во дворец Тора Хатана.

Хозяин дворца, который был моим командиром, до этого вечера не замечал меня, и я был удивлен теплым и сердечным приемом.

— Мы должны видаться чаще, Хадрон из Хастора,— сказал он.— Я давно наблюдаю за тобой и уверен, что ты сделаешь хорошую карьеру на службе у джеджака.

Теперь я знаю, что он солгал, когда заявил, что

наблюдает за мной. Тор Хатан как командир умака весьма небрежно относился к своей службе. Все свои обязанности он перепоручил своему помощнику. И хотя я не понимал, в чем причина столь неожиданной любезности, мне было приятно. К тому же это означало, что я сделал шаг, хотя и небольшой, к руке и сердцу Саномы Тора.

Саномы Тора была более вежлива со мной, чем в первый раз, но все же она оказывала заметно большее внимание Силу Вагису.

Вряд ли в Гелиуме есть человек, которого я не терплю больше, чем Сила Вагиса, напыщенного сноба, который носит титул тидвара, хотя сам к военной службе не имеет никакого отношения. Однако он вхож в дом Тора Хатана. Думаю, что это из-за богатства его отца.

Такие люди имеют власть и вес только в дни мира. А когда начинается война, командование и ответственность берут на себя настоящие воины, а не напояженные трусы, которые получили свои звания благодаря богатству.

Итак, Сил Вагис отравил мне весь вечер. И все же я покинул дворец Тора Хатана в хорошем расположении духа, так как получил разрешение Саномы Тора посещать их дом, как только мои служебные обязанности позволят это.

Возвращаясь в казарму вместе со своим другом, я рассказал о теплом отношении ко мне Тора Хатана. В ответ он рассмеялся.

— Тебе смешно? Почему?

— Тор Хатан очень богат и могуществен. И все же, как ты можешь заметить, его не приглашают в самые знатные четыре дворца Гелиума. А ведь попасть туда — это большая честь.

— Ты имеешь в виду дворцы Владыки Барсума, джеддака и джеда Гелиума и Карториса?

— Конечно, разве есть более высокопоставленные и благородные люди? Все предполагают, что Тор Хатан низкого происхождения, а я просто уверен, что в нем нет ни капли благородной крови. Он настолько подобоострастен перед сильными мира сего, что, кажется, будто он готов отдать душу, чтобы приблизиться к ним.

— Но какое все это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое. Именно поэтому ты и приглашен к нему.

— Не понимаю.

— Когда я беседовал с ним о тебе, ты в качестве падвара пятого утана не вызвал у него ни малейшего интереса, но когда я упомянул, что твоя мать — принцесса Гатола, он наострил уши, а узнав, что ты принят как равный во дворцах четырех полубогов Гелиума, чуть не сошел с ума. Теперь ты понимаешь?

— Понимаю, и, тем не менее, я рад возможности получить доступ в дом Тора Хатана, и я не упущу ее, какими бы неприятностями мне это не грозило.

Я стал часто посещать дом Тора Хатана. Я был неплохим рассказчиком, умным собеседником, прекрасным танцором, а поэтому — желанным гостем. Кроме того, я приглашал Саному Тора то в один из четырех знатнейших домов Гелиума, то в другой. Меня везде принимали радушно, так как я имел кровное родство с Гоханом из Гатола, который был женат на Таре из Гелиума.

Я чувствовал, что продвигаюсь к цели, хотя скорость моего продвижения была несравнимо меньше, чем требовала моя все возрастающая страсть. Никогда раньше я не испытывал чувства любви, и мне казалось, что я умру, если в самом ближайшем времени не буду обладать Саномой Тора.

И вот в один из вечеров я пошел во дворец с самым решительным намерением упасть к ее ногам. Правда, я понимал, что я ничто для нее, и она отвергнет меня, но, тем не менее, я решил признаться ей, стать официальным поклонником, пусть даже отвергнутым. Я полагал, что это даст мне большую свободу действий.

Это был один из тех чудесных вечеров, которые превращают древний Барсум в мир грез и очарования. Турия и Хлорус бросали мягкий свет на сад Тора Хатана, окрашивая все цветы в колдовские оттенки, заставляя сверкать дорожки, выложенные полудрагоценными камнями.

В одном из громадных холлов дворца на массивной скамье, сделанной из дорогого черного дерева, сидят юноша и девушка. Такая скамья могла бы украсить дворец самого джедака, так велико было искусство резчика, создавшего этот шедевр.

Знаки отличия на одежде юноши указывали, что он падвар 91-го умака. И этот юноша — я, Хадрон из Хастора, а со мною — Саномы Тора, дочь Тора Хатана.

Но вся моя решимость куда-то исчезла. Что я, бедный падвар, могу предложить прекрасной дочери могущественного Тора Хатана? Правда, во мне течет королевская кровь, и это имеет значение для Тора Хатана, но разве я смею хвастаться этим перед его дочерью и подчеркивать те преимущества, которые дает благородство происхождения? Значит, я могу предложить ей только большую любовь. Это самый большой дар, который может дать мужчина женщине, и я подумал, что Саном Тора сможет оценить его и полюбить меня. Правда, каждый раз до этого оказывалось, что она желает поехать во дворец Тары из Гелиума, но я все же надеялся, что это не единственная причина, по которой она хочет видеть меня.

— Сегодня ты очень скучный, Хадрон,— сказала она после долгого молчания, во время которого я старался облечь в красивые фразы свое признание.

— Это потому, что я хочу сказать тебе кое-что, очень важное для меня.

— И что же это? — спросила она, впрочем, без всякого интереса.

— Я люблю тебя, Саном Тора,— пробормотал я.

Она рассмеялась. Ее смех напоминал серебряные капли, падающие на хрусталь: прекрасные, но холодные.

— Это и так все знают. Зачем говорить об этом?

— А почему нет?

— Потому что я не для тебя, Хадрон из Хастора, даже если бы и любила тебя,— холодно ответила она.

— Значит, ты не можешь полюбить меня?

— Я этого не говорила.

— Как же тебя понимать?

— Могу, если позволю себе слабость. Но что такое любовь?

— Любовь — это все.

Саном Тора рассмеялась.

— Если ты думаешь, что я свяжу жизнь с нищим падваром, даже если полюблю его, то ты ошибаешься,— надменно заявила она.— Я дочь Тора Хатана, чье богатство и могущество ничем не меньше, чем богатство и могущество джеддака. У меня есть поклонники, которые могут купить тысячу таких, как ты. Уже год, как посланник Тула Акстара, джеддака Джахара, ждет согласия моего отца, чтобы я стала женой джеддака. Я,

которая может стать джеддарой Джахара, никогда не буду женой нищего падвара.

Я встал.

— Может, ты и права. Ты так прекрасна, что не можешь ошибаться. Но в глубине души я знаю, что счастье — это величайшее сокровище, которым может обладать человек, а любовь — это величайшее могущество. Без них, Саномы Тора, даже джеддара — нищая.

— Я все же попробую.

— Надеюсь, что джеддак Джахара не такой толстый, как его посланник... — заметил я, пожалуй, с излишней злобой.

— Пусть он даже будет ожившей пивной бочкой. Мне все равно, если он сделает меня джеддарой.

— Значит, для меня нет надежды?

— Нет, пока тебе нечего предложить мне, падвар, — ответила она.

Затем слуга объявил о приходе Сила Вагиса, а я в глубоком отчаянии побрел в казарму. Но даже когда все мои надежды, казалось, умерли, я не оставлял мысли завоевать ее сердце. Если цена ее любви — богатство и власть, я добуду их. Как я собирался это сделать, я не знал, но я был молод, а для молодости нет ничего невозможного.

Я лег в постель и почти уснул, когда в казарму вбежал офицер охраны.

— Хадрон! Ты здесь?

— Да.

— Слава Богу, — воскликнул он, — я боялся не найти тебя.

— А почему меня не должно быть здесь? Что случилось?

— Тор Хатан, этот старый мешок с деньгами, сошел с ума!

— Тор Хатан? А причем тут я?

— Он клянется, что ты похитил его дочь!

В одно мгновение я был на ногах.

— Саному Тора похитили? Что с ней? Говори! Быстро!

— Да, она исчезла, и при очень таинственных обстоятельствах.

Через несколько минут мы уже были во дворце Тора Хатана. Там царила полная сумятица. На лицах всех присутствующих было написано смятение.

В этой неразберихе мы едва отыскивали Тора Хатана, который стоял в окружении взволнованных слуг и придворных. Среди них я заметил Сила Вагиса. Он что-то рассказывал.

— Было темно. Я никого не узнал. Может похитители были переодеты?

— Ты сражался с ними?

— Да, но меня обезоружили!

— Ты лжешь! Если бы ты вступил в бой, ты был бы убит. Нет, ты убежал и спрятался, не обнажив меча, чтобы защитить девушку.

— Это ложь! Я сражался, но меня обезоружили!

Я повернулся к Тору Хатану.

— Мы теряем время. Есть кто-нибудь, кто может что-либо сказать, кто эти люди, откуда явились, куда исчезли?

— Он пытается отвести от себя подозрение, Тор Хатан! — крикнул Сил Вагис. — Кто может сделать это, кроме отвергнутого поклонника? Что ты скажешь на то, что по эмблемам похитителей я понял, что это воины Хастора?

— Я скажу, что ты лжец, — ответил я. — Если было так темно, что не рассмотрел лиц, то как ты мог разглядеть эмблемы?

Тут к нам подошел офицер.

— Мы нашли человека, который может кое-что рассказать, — сказал он, — если, конечно, не умрет раньше.

Люди, обыскивавшие сад Тора Хатана и прилегающую часть города, принесли человека. Он был в ужасном состоянии: руки и ноги переломаны, а сам он почему-то раздет.

Один из рабов побежал во дворец, принес лекарство и влил его в рот несчастному. Тот пришел в себя.

— Кто ты? — спросил Тор Хатан.

— Я воин городской охраны.

Один из офицеров подошел к Тору Хатану.

— Мы нашли шестерых мертвых воинов и этого, который еще подавал признаки жизни. Все они были в ссадинах, кровоподтеках, у всех переломаны руки и ноги, и все раздеты.

— Может, мы узнаем правду от него! — сказал Тор Хатан и повернулся к раненому. Тот еле слышно заговорил:

— Мы были в ночном патруле и, пролетая над горо-

дом, заметили воздушный корабль, летевший без огней. Мы приблизились к нему, включили прожекторы. На нем не оказалось никаких опознавательных знаков, и конструкция его была мне совершенно незнакома. У корабля была длинная низкая кабина, из бортов торчали дула орудий. Я успел заметить, что одно из них направлено на нас. Наш командир окликнул чужой корабль, но в это мгновение раздался выстрел, и наш корабль рассыпался, растворился в воздухе, даже все металлические пряжки моей одежды испарились. Дальше я помню только, как стал падать... — с этими словами человек вздохнул и умер.

Тор Хатан вызвал всех своих слуг.

— Кто-то из них должен был видеть, что здесь произошло, — сказал он. — Я приказываю говорить всем, кто хоть что-нибудь знает о случившемся, даже если в этом замешан кто-либо из присутствующих.

Один из рабов вышел вперед, и Тор Хатан смерил его презрительным взглядом.

— Ну? — спросил он. — Что ты хочешь сказать? Говори!

— Ты приказал, Тор Хатан, — сказал раб, — иначе бы я не осмелился, так как мне придется упомянуть имя могущественного дворянина, — и он бросил взгляд в сторону Сила Вагиса.

— Если ты скажешь правду, человек, ты получишь покровительство падвара, чей меч защитит тебя даже от могущественного дворянина, — сказал я и тоже посмотрел на Сила Вагиса, так как понял, что раб хочет рассказать кое-что об этом хлыще, изображающем из себя воина.

— Говори, — приказал Тор Хатан, — и смотри не лги.

— Четырнадцать лет я служу тебе, Тор Хатан, — ответил раб, — с тех самых пор, как был захвачен в плен в Коболе, где служил в охране самого джеда, и все это время у тебя не было причин подозревать меня в вероломстве. Саном Тора доверяла мне, и если бы у меня был в этот вечер меч, Саном Тора была бы сейчас с нами.

— Говори! Говори! — крикнул Тор Хатан. — Что ты хотел сказать?

— Он ничего не видел! — заорал Сиг Вагис. — К чему терять на него время. Ему просто лестно ваше внимание.

— Дайте же ему сказать,— потребовал я.

— Я спускался по лестнице со второго этажа,— начал раб,— где готовил постель для своего господина, и задержался на минуту на балюстраде, чтобы полюбоваться садом. Там я увидел Саному Тора и Сила Вагиса. Зная, что мне не следует следить за ними, я уже хотел идти дальше, как вдруг заметил воздушный корабль, бесшумно спускавшийся в сад. На нем не было огней. Казалось, что это — корабль-привидение. Мое внимание привлекла не странная конструкция корабля, хотя и это было достаточно подозрительно; я подумал, что корабль, спускающийся ночью без огней, не к добру, и решил наблюдать за ним.

Корабль бесшумно сел позади Саномы Тора и Сила Вагиса. Они даже не заметили этого. А затем с корабля стали выскакивать воины, и Сил Вагис обернулся на шум. Мгновение он стоял, как парализованный, а затем повернулся и бросился в кусты.

— Это ложь! — крикнул Сил Вагис.

— Молчи, трус! — приказал я.

— Продолжай, раб,— сказал Тор Хатан.

— Саноме Тора ничего не понимала, пока ее не схватили сзади. Все произошло так быстро, что я ничего не понял, пока не увидел, как схватили Саному Тора. Я бросился вниз по лестнице в сад, но мою хозяйку уже втащили на палубу. Но я бы еще успел сразиться за нее, если бы у меня был меч, так как подбежал к таинственному кораблю тогда, когда туда поднимался последний воин. Я схватил его за одежду, попытался стащить вниз и позвал на помощь. И тут я получил сверху удар мечом по голове. Удар, к счастью, оказался скользящим и только оглушил меня. Я выпустил одежду воина и упал без чувств. Когда я пришел в себя, корабля не было, а надо мной стояли воины охраны. Я сказал все — и это правда.

Холодный взгляд Тора Хатана упал на Сила Вагиса.

— Что ты скажешь на это?

— Этот раб подкуплен Хадроном,— закричал Сил Вагис.— Все, что он сказал,— ложь. Я напал на похитителей, но их было слишком много, и я ничего не смог сделать. Этот раб лжет.

— Дай я осмотрю твою голову,— сказал я рабу.

Тот встал передо мной на колени. Все увидели красный рубец над левым ухом.

— Нут вот,— сказал я Тору Хатану, показывая ру-

бец, — вот доказательство того, что раб не лжет и что он мужественно вел себя. Теперь посмотрим, какие раны получил в бою дворянин Гелиума, который, как он заявил, один сражался с целым отрядом. Уж наверняка хоть одну царапину он получил.

— Или же он великий фехтовальщик, как сам Джон Картер, — сказал с усмешкой двар дворцовой охраны.

— Это заговор! — завопил Сил Вагис, — неужели ты ставишь слово раба выше слова дворянина, Тор Хатан?

— Я верю тому, что видят мои глаза, — ответил Тор Хатан и отвернулся от Сила Вагиса. Затем он бросился к рабу: — Узнал ли ты кого-нибудь из похитителей? Разглядел ли ты их эмблемы?

— Я не смог разглядеть лица, но эмблему того воина, которого я держал, видел.

— И это эмблема Хастора? — спросил Тор Хатан.

— Клянусь предками, нет. Эта эмблема не принадлежит ни одному из городов Гелиума. Она мне неизвестна. Но все же что-то тревожит меня. Кажется, я видел ее, но где и когда, не помню. На службе у джеда я сражался с воинами многих стран, и вполне возможно, что когда-то давно я видел и такую эмблему.

— Ты удовлетворен, Тор Хатан? — спросил я. — Ты понял, что все нападки Сила Вагиса лишены основания?

— Да, Хадрон из Хастора.

— Тогда я ухожу.

— Куда?

— Искать Саному Тора.

— Если ты найдешь и вернешь ее мне, она будет твоей.

Я не нашел ничего лучше, как поклониться ему за столь щедрое обещание, хотя понимал, что последнее слово будет за Саномой Тора.

Вскочив на палубу воздушного корабля, я взлетел в ночное небо и направился ко дворцу Владыки Барсума. Час был поздний, но я решил, что нельзя терять времени; я должен увидаться с ним.

II

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Подлетая ко дворцу, я заметил там оживление, необычное для такого времени суток. Воздушные корабли прилетали и улетали, освещенные прожекторами, а когда я сел на крышу, то заметил корабли высших офицерских чинов.

Меня хорошо знали во дворце, поэтому пропустили беспрепятственно. Я очутился в приемной Джона Картера. Немного погодя раб пригласил меня в его кабинет.

Хотя сидел я недолго, ожидание показалось мне вечностью, так как был уверен, что моя возлюбленная в страшной опасности. Может показаться смешным, но в тот момент я считал, что только я один могу спасти ее, и каждое мгновение задержки уменьшает мои шансы на успех.

Наконец я вошел в кабинет и увидел, что здесь собрались все члены Военного Совета Гелиума.

— Я знаю,— сказал Джон Картер, сразу переходя к сути дела,— что привело тебя сюда, Хадрон из Хастора. Похищение Саномы Тора. Ты имеешь какие-нибудь сведения, проливающие свет на эту тайну?

— Нет. Я просто пришел просить разрешения вылететь сейчас же на поиски похитителей.

— Где ты намерен искать их?

— Пока не знаю, но я найду их.

Он улыбнулся.

— Уверенность — половина успеха. Поэтому я даю тебе разрешение. Кроме факта похищения, что само по себе обязывает нас принять все меры для возвращения дочери Гелиума и наказания похитителей, в этом деле есть еще некоторые обстоятельства, указывающие на то, что империи угрожает страшная опасность. Ты, вероятно, уже знаешь, что таинственный корабль был оснащен каким-то излучателем. Загадочные лучи разрушили все металлические части корабля, даже оружие и пряжки на одежде воинов. Мы тщательно смотрели место, где упал офицер, а также тела остальных погибших воинов. Все остальные вещества, кроме металла, не подвержены воздействию этих загадочных лучей.

Я говорю тебе об этом, чтобы помочь определить

местонахождение этого города — нового страшного врага Гелиума. Ты понимаешь, что флот с таким оружием может нанести сокрушительный удар по Гелиуму, уничтожить великое государство!

К тому же, в последнее время стали исчезать корабли нашего флота. Я проанализировал все случаи их исчезновения и пришел к выводу, что они не возвращаются из рейсов в южную часть западного полушария. Та часть планеты населена недружелюбными народами, и мы не поддерживаем с ними никаких контактов, даже торговых.

Это, Хадрон, только предположения. Тысяча односторонних кораблей вылетит завтра на поиски похитителей, а кроме того, большие военные корабли тоже примут участие в поисках города, обладающего столь разрушительным оружием.

Совершенно очевидно, что это новейшее изобретение, которое, вероятно, в скором времени поступит на военные корабли врага. И тогда обладатель этого оружия станет властелином всего мира. Я сказал! Иди, Хадрон, и пусть удача сопутствует тебе.

Получив разрешение Джона Картера, я не стал терять времени.

Пока вернулся в казарму и занимался сборами, мой ум лихорадочно искал причины похищения Саномы Тора. Я пытался найти хоть малейшую зацепку. И вдруг в моем мозгу всплыло имя Тула Акстара, джеддака Джахара. Может, это и есть ключ к тайне? Я вспомнил его посланника, посещавшего дворец Тора Хатана, вспомнил хвастливые речи о богатстве и могуществе Тула Акстара, о красоте его жен. Возможно, в Джахаре и нужно искать похитителей? Перед отлетом я решил снова пойти во дворец Тора Хатана, чтобы поговорить с рабом, который последним видел Саному Тора.

По дороге я зашел во Дворец Знаний, где с помощью служителя нашел изображение эмблемы воинов Джахара. Через несколько минут я уже имел фотокопию эмблемы и с нею поспешил во дворец Тора Хатана.

Самого одвара не было. Его вызвали к Джону Картеру. Мне прислали раба, Кала Тавана, свидетеля похищения.

Когда он явился, я внимательно рассмотрел его. Крепкий, высокий, хорошо сложенный — настоящий воин.

— Насколько я помню, ты из Кобола? — спросил я.

— Я родился в Тьянате. Там у меня были жена и дочь. Жена погибла от руки убийцы, а дочь исчезла еще маленькой. Я не знаю, что с нею случилось, где она. Слишком велико было мое горе, чтобы я мог оставаться в Тьянате. Я стал пантаном в Коболе.

— Тебе знакомы эмблемы многих городов?

— Да.

Я достал копию эмблемы Джахара, которую принес из Дворца Знаний. Он взглянул на нее, и глаза его сверкнули.

— Это она! — воскликнул он.

— Ты где-нибудь видел такую же?

— Именно такая эмблема была у воина, которого я схватил возле корабля похитителей.

— Значит, похитители установлены, — сказал я и повернулся к старшему слуге.

— Пошли человека к Владыке Барсума и сообщи, что дочь Тора Хатана похищена воинами Джахара. Я убежден, что это сделано по приказу Тула Акстара, джеддака Джахара.

Затем я покинул дворец.

Взлетев над башнями Великого Гелиума, я взял курс на запад, в далекие неизведанные пространства, где находился Джахар. Теперь я был убежден, что Саноме Тора предстояло стать не джеддарой Тула Акстара, а его рабыней, наложницей, так как джеддаки не похищают своих будущих жен.

Я был уверен, что понял причину прохищения правильно. Посланник Тула Акстара сообщил своему господину о необычайной красоте дочери Тора Хатана, а также о том, что она недостаточно высокого происхождения, чтобы стать джеддарой. Тул Акстар решил похитить девушку, чтобы обладать ею. Кровь моя кипела при этих мыслях, но, по всей вероятности, я был прав в своих предположениях.

За последние десять-двадцать лет воздухоплавание на Барсуме сделало большой скачок в своем развитии. Изобретения Карториса положили начало новой эры. Целые столетия мы считали, что достигли в этом совершенства, но Карторис смог переубедить нас. Благодаря его трудам существенно улучшилась конструкция кораблей всех типов, произошла революция в моторостроении.

Мы считали, что наши легкие мощные радиевые двигатели уже не могут быть улучшены, а полеты невозможно уже более обезопасить и сделать более экономичными. Но вот никому не известный падвар из Гелиума объявил, что изобрел новый двигатель, весящий вдвое меньше, чем существовавшие тогда модели, и позволяющий развить скорость вдвое большую.

Именно такой мотор был установлен на моем воздушном корабле. Он потреблял энергию, выделяемую магнитным полем планеты. Принцип действия мотора был известен только самому изобретателю и правительству. Тайна эта свято сохранялась.

Вокруг пропеллера была смонтирована сложная конструкция — аппарат выделения энергии, которая вращала пропеллер. Скорость контролировалась увеличением или уменьшением количества включаемых элементов аккумулятора энергии простым движением рычага. Пилот обычно лежал в кабине на животе и был привязан ремнями безопасности.

Предел скорости, как заявил изобретатель, зависел только от веса корабля. Мой кораблик свободно делал две тысячи хаадов в цод. Конечно, можно было увеличить количество элементов аккумулятора и довести скорость до трех тысяч хаадов, но любой корабль развалился бы на части при такой скорости.

Другим чудесным изобретением Карториса был компас и автопилот. Достаточно было установить курс, после чего можно было спокойно лечь спать. Корабль сам доставлял вас до места назначения, опускался до высоты в сто ярдов и повисал в воздухе. А специальное устройство будило пилота. Я полагаю, что Джон Картер уже описал подробно это устройство в одном из своих рассказов.

Я не мог сейчас использовать этот прибор, так как не знал, куда лететь. Однако я лег на курс тридцать градусов южной широты, тридцать пять градусов восточной долготы, предполагая, что Джахар находится где-то там, и включил автопилот.

На большой скорости я миновал обработанные и орошаемые земли Гелиума и полетел над мертвой пустыней, покрытой желтым мхом. Это было дно давно высохшего океана, по которому когда-то ходили корабли счастливого и процветающего народа. Но те времена

давно прошли, и воспоминания о них остались лишь в легендах и сказках Барсума.

Кое-где на возвышенностях я видел древние памятники той эпохи — полуразрушенные города древнего Барсума. Но в тех развалинах до сих пор ощущались величие и величье, поражающие даже современного человека. Это были трагические следы, оставленные древней цивилизацией, как бы следовавшей по пятам высыхающих морей. Города теряли свое могущество и становились легкой добычей для диких орд зеленых кочевников. Теперь только они и были единственными обитателями пустынных бесплодных равнин на дне высохшего океана: ненавидящие и ненавидимые, не знающие ни любви, ни жалости, ни счастья, ни покоя, не умеющие ни смеяться, ни плакать — они проводили свою долгую жизнь в постоянных войнах друг с другом, со своими соседями; любой человек, попавший в эти безрадостные пустыни, становился жертвой их безудержной жестокости и алчности.

Но даже среди этих свирепых и жестоких обитателей пустыни наибольшей жестокостью отличалась орда зеленых людей из Торкаса. Город Торкас, в древности славившийся богатством и величием, теперь был опустошен и полуразрушен. Но настолько велика была его сила, что он до сих пор отмечен на всех картах Барсума. Я никогда не видел этого города, поэтому решил пролететь над ним. Увидев вдали горделивые башни и мощные укрепления Торкаса, я ощутил тревожное возбуждение, которое испытывали все красные люди Барсума при виде развалин древних городов.

Приблизившись, я сбавил скорость и спустился ниже, чтобы рассмотреть город. Как он, вероятно, был прекрасен в те давние времена! Даже сейчас, когда прошло много тысячелетий с тех пор, как его широкие улицы и просторные площади были полны жизни, он поражал воображение своим величием, которое не смогло полностью уничтожить безжалостное время.

Я видел улицы, по которым много лет не ступала нога человека. Плиты мостовых заросли желтым мхом, из трещин выбивались корявые деревья и кусты. Молчаливые дворцы смотрели на меня. Кое-где крыши провалились, но в основном все было в полном порядке, и казалось, что город дремлет, грезит о прекрасном прошлом, когда в этих дворцах жили счастливые гордые

люди, по улицам ходили прекрасные женщины, одетые в шелка, и их драгоценности сверкали в солнечном свете при каждом движении гибких тел. Я как будто видел витрины богатых лавок, мачты кораблей, стоящих на якоре в гавани... Вот по широким улицам идут моряки, а возле дверей домов стоят суровые воины. Да, чудесные видения рождала мертвая тишина мертвого города! И вдруг, возле одного из роскошных дворцов я увидел то, что сразу вернуло меня из чудесного прошлого в реальность: прямо подо мной стояли тоты, привязанные к ограде большого сада.

Присутствие этих огромных животных могло означать только одно: их свирепые хозяева где-то неподалеку. Один из тотов поднял голову и, увидев меня, начал злобно реветь. Остальные тоты, которых очень легко привести в бешенство, тоже подняли дикий шум. Что последовало за этим, нетрудно догадаться.

Зеленый воин выскочил из дворца как раз в тот момент, когда мой корабль еще не успел скрыться из виду.

Поняв, что он заметил меня и скрываться нет смысла, я включил двигатель на полную мощность и поднялся на большую высоту. Из дворца высыпало еще человек двадцать, и первый воин указал им на меня.

Я хорошенько отругал себя за любопытство, за которое придется расплатиться потерей времени. Я поднимался вверх зигзагами, а снизу доносились свирепые крики зеленых. Дула их длинных винтовок были направлены в мою сторону. Послышался свист пуль. К счастью, они пролетали мимо. Еще несколько секунд, и я буду вне досягаемости выстрелов зеленых воинов. Я уже в душе благодарил своих предков за удачу, как вдруг одна из пуль попала в корабль.

Злобные крики разочарования достигли моих ушей. Я сделал вираж и взял курс на юго-запад, все еще не веря в свое спасение.

Я уже пролетел семьдесят карадов от Гелиума. До Джахара, по моим подсчетам, оставалось карадов пятьдесят-семьдесят. Я решил, что больше не буду подвергать опасности свою жизнь. Ведь только я мог спасти Саному Тора, девушку, которую я любил.

Вдруг я ощутил, что мой воздушный кораблик теряет скорость и высоту. Наверное, пуля зеленых воинов попала в двигатель.

В этот момент я думал только о Саноме Тора, совершенно забыв, что теперь и моя жизнь находится в смертельной опасности. Я не знал, сколько времени мой корабль продержится в воздухе, и потому попробовал увеличить скорость, чтобы как можно дальше уйти от врагов. Я понимал, что недалек тот момент, когда мне придется приземлиться в этой пустыне.

Примерно две тысячи хаадов уже отделяли мой корабль от того места, где его подбили зеленые воины Торкаса. Сейчас я находился над заросшей мхом низменностью, где когда-то плескались волны залива. Далеко впереди виднелись низкие холмы — бывший берег моря. Я направил корабль к холмам, надеясь, что смогу на небольшой высоте перелететь через них. Но чем ближе я подлетал, тем меньше надежд оставалось у меня. Увы, еще немного — и мне придется садиться. И тут я увидел у подножия холмов развалины древнего города. Ничего хорошего это мне не сулило, так как подобные развалины всегда служили местом обитания зеленых.

Сейчас я находился на высоте нескольких адов над землей (ад составляет примерно 9,75 футов). Я уменьшил скорость, чтобы не разбиться при посадке, и это приблизило конец полета. Я опустил на покрытую желтым мхом равнину в хааде от бывшей набережной мертвого города.

III

ЗАПАДНЯ

Мне не повезло, так как я приземлился на совершенно открытой местности и был виден из города. У меня оставалась только слабая надежда на то, что зеленые люди селятся обычно в самых роскошных дворцах древних городов, которые расположены далеко от берега. Тогда, может быть, я сумею добраться до города и укрыться в одном из домов на набережной. Впрочем, зеленых здесь могло и не быть вовсе.

Я покинул корабль, прихватил оружие, патроны и немного еды и быстро пошел по направлению к набережной. Не знаю, заметили ли меня враги, но я дошел до первых зданий, не обнаружив ни одного живого существа.

В некоторых древних городах живут огромные белые обезьяны Барсума, которых все боятся больше, чем зеленых дикарей. И не только потому, что они обладают страшной силой и чрезвычайно свирепы, но и потому, что они людоеды. Пожалуй, это единственные живые существа, вселяющие ужас даже в зеленых людей Барсума.

Может показаться странным, что я, зная все опасности, которые могли подстергать меня в этих развалинах, тем не менее стремился к ним. Но у меня не было выбора. Оставаться на голой, покрытой мхом равнине без всякого укрытия, это значило быть замеченным или зелеными воинами, или белыми обезьянами — и погибнуть. Мне было необходимо до ночи где-то спрятаться, а под покровом темноты попытаться пересечь пустыню. Стоя на плитах набережной, я смотрел на дома, которые когда-то были складами, магазинами. А дома смотрели на меня пустыми глазницами окон.

Перейдя через улицу, я вошел в одно из зданий, над которым возвышалась башня. Все здание, включая башню, было в хорошем состоянии. И я решил взобраться на башню и оттуда разглядеть город и равнину, которую мне предстояло преодолеть. Я вошел в здание и оказался в огромном зале. Нельзя было угадать его прежнего назначения, так как здесь не было ничего, что могло бы натолкнуть меня на какие-либо мысли по этому поводу. В углу зала находился большой камин, а слева от него я увидел лестницу, ведущую вниз, в подвальные помещения. Еще одна лестница вела наверх.

Я прислушался и, не услышав ничего подозрительного ни в самом здании, ни на улице, стал подниматься по лестнице. Поднимаясь с одного этажа на другой, я неизменно попадал в очередной большой зал. Вероятно, здесь был пакгауз, где хранились товары, выгруженные с прибывших кораблей. Вскоре я добрался до последнего этажа, откуда деревянная лестница вела в башню. Лестница была вполне крепкой; я без колебаний решил довериться ей и стал подниматься.

Вокруг было темно. На каждой лестничной площадке я видел окна в стенах, но они были заделаны. Слабый свет проникал в башню откуда-то сверху. Я был уже на второй лестничной площадке башни, как вдруг мне почудился слабый шум позади. Он был еле слышен, но настолько мертвой была тишина древнего города, что

этот звук громом отозвался у меня в ушах.

Остановившись, я посмотрел вниз, прислушался, но звук больше не повторился, и я стал подниматься дальше, надеясь забраться как можно выше, не задерживаясь, чтобы осмотреться. В конце концов, я поднялся до места, где путь мне преградили доски. Они служили потолком верхнего помещения башни. В стене башни под самым потолком я увидел дверь. Было непонятно, зачем она здесь. Я изо всех сил уперся в нее плечом, и она со страшным скрипом едва открылась.

Я очутился в небольшой комнате на высоте двухсот футов над землей. В одном из окон висел проржавевший древний фонарь, который, вероятно, когда-то служил маяком для кораблей. Да, много лет прошло с тех пор, когда горел огонь этого маяка.

Из окон башни открывался прекрасный вид. К северу и северо-востоку, насколько хватало глаз, простиралось дно мертвого моря. На юге виднелась цепь низких холмов, которые когда-то были берегом залива Торкас. На западе, за развалинами великого города, я увидел полуразрушенные загородные виллы.

В самом центре города, который некогда был столицей богатого государства и крупнейшим портом, возвышалось величественное здание, которое, скорее всего, было дворцом джедака. Сейчас над городом стояла тишина. Его судьба казалась пророческой для нас, нынешних обитателей Барсума.

Если древние люди мужественно, но тщетно боролись с исчезновением воды на планете, то перед нами встала гораздо более страшная угроза. Последние несколько тысячелетий только мужество, стойкость и богатство красных людей делали возможным существование жизни на планете. Ведь если бы не огромные заводы, вырабатывавшие воздух, на планете не осталось бы ни одного живого существа. А эти заводы разработали, построили и обслуживали красные люди Барсума.

Я смотрел на город и, хотя мои мысли были заняты печальными размышлениями, снова услышал шум где-то внизу. Я быстро подошел к двери, посмотрел вниз и на этот раз увидел то, от чего похолодело бы сердце самого отважного из людей Барсума: я увидел жуткую оскаленную морду большой белой обезьяны Барсума.

Как только мы встретились глазами, животное издавало звериный рев и, отбросив всякую осторожность, с ко-

торой оно подкрадывалось ко мне, ринулось вверх по лестнице. Я успел захлопнуть тяжелую дверь прямо у нее над головой. И только тут я заметил, что на двери с внутренней стороны есть тяжелый засов. Я быстро задвинул его. Вот таким образом я преградил путь белой обезьяне, но зато запер себя в этой ловушке, куда сам и забрался.

Да, я оказался в ужасном положении: заключенный на высоте двухсот футов над землей, а единственный путь вниз мне преградило самое страшное и кроваж-адное существо Барсума.

Я охотился на белых обезьян в Тарке, когда был гостем великого джеддака зеленых людей Тарса Таркаса, и кое-что знал о коварстве, силе и свирепости этих тварей. Они во многом походили на человека. Если человек воспитывал детеныша обезьяны с раннего возраста, он мог научить его очень многому. Но и в этом случае обезьяна оставалась диким зверем, которого следовало всегда опасаться. Было немало случаев, когда прирученная обезьяна убивала своего хозяина.

Когда-то в Хасторе я заплатил большую сумму, чтобы посмотреть на белую обезьяну. А сейчас я отдал бы в десять раз больше, лишь бы не видеть ее. Обезьяна яростно рвалась ко мне. Сначала я опасался, но потом понял, что крепкая дверь, сработанная древними мастерами, не уступит даже огромной силе этого свирепого существа. Значит, понял я, обезьяна не сможет проникнуть сюда через дверь. Поэтому я решил обойти башню и обдумать сложившуюся ситуацию. Выглянув из всех четырех окон башни, я обнаружил, что три окна выходят на крышу здания, находящуюся в ста пятидесяти футах подо мной, а четвертое — на улицу. Я внимательно осмотрел стены, изыскивая возможность спуститься.

К тому времени, когда я закончил осмотр, обезьяна, видимо, поняла, что силой дверь не взять. Я надеялся, что она полностью оставит мысль пообедать мною и уйдет. Но мои надежды не сбылись. Обезьяна уселась на лестнице в ожидании. Я не знал, насколько упорны эти существа, но все же рассчитывал, что настанет когда-нибудь момент, когда обезьяне надоест сидеть под дверью. Однако время шло, а обезьяна терпеливо оставалась на месте. Значит, это чудовище решило держать меня в осаде, пока голод не вынудит меня попытаться вырваться.

Я долго смотрел на холмы за городом, смотрел на запад, где находилась цель моего путешествия — Джахар. Солнце уже клонилось к западу. Скоро тьма сменит свет, и что тогда? Может, чудовище покинет свой пост, чтобы поискать пищу в другом месте? Но нельзя было уповать на это, ведь обезьяна могла просто спуститься вниз и ждать меня там, зная, что другого пути у меня нет.

Я не стремился сразиться со своим зловещим стражем, так как прекрасно понимал, что в этом городе наверняка обитает целое стадо этих зверей. Звук выстрела привлечет сюда других обезьян, и тогда мои шансы на спасение исчезнут. В глубине души я прекрасно знал, что рано или поздно мне все-таки придется сразиться с обезьяной.

Солнце уже почти село, и длинные тени зданий протянулись по дну мертвого моря. И тут я увидел, что к городу направляется отряд зеленых воинов верхом на своих свирепых тоттах. Их было около двадцати, и ехали они совершенно бесшумно, так как ноги тоттов утопали в желтом мягком мхе, устилавшем пустыню. Они как привидения, двигались в сумерках, лишний раз доказывая мне, что судьба привела меня туда, где опасность подстерегает со всех сторон. Вдобавок ко всему над пустыней пронесся рев бенса — страшного барсумского льва.

Зеленые воины не могли видеть меня, и я спокойно наблюдал, как они подъехали к городу. Вот они уже на улице прямо подо мной. И тут я заметил фигурку маленького человека, сидевшего впереди одного из воинов. Темнота сгущалась, кавалькада свернула на одну из улиц, ведущую в центр города. Но я успел разглядеть, что маленькая фигурка — это красная женщина. Разумеется, она была пленницей, и я содрогнулся при мысли о том, какая судьба ожидает ее. Может, и моя Саном Тора теперь в таком же положении. Может... но нет, как она могла оказаться тут, в руках воинов свирепой и злобной орды зеленых?

Нет, это не она. Это невозможно. И все-таки пленницей была красная женщина. Саном Тора или другая, из Гелиума или Джахара — это не имело значения. Мое сердце наполнилось жалостью к ней. Я забыл о своем собственном бедственном положении и готов был броситься вслед за всадниками и вырвать девушку из рук

жестоких дикарей. Но, увы, что мог предпринять для ее спасения я, которому еще самому необходимо выбраться из западни.

Такие мысли будоражили меня, пробуждали мою гордость, и я решил: если не погибну, спасаясь сам, то сделаю все, чтобы спасти девушку. Во мне все теплилась мысль, что эта девушка — Саноме Тора, ради которой я готов пожертвовать всем, даже жизнью.

Стало совсем темно. Я приложил ухо к двери. Внизу было тихо, и я решил, что обезьяна покинула свой пост. Может, она просто спустилась пониже и там ждет меня? Ну, что же, значит, битвы не избежать. Я вытащил пистолет и начал отодвигать засов. И тут я услышал шум — обезьяна была совсем близко.

Я замер. Что же делать? Если я открою дверь, по всей вероятности, меня ждет гибель. И какая польза от моей гибели этой несчастной пленнице? Ведь у меня есть еще один выход — не самый простой, наверняка очень опасный, но все же выход — я могу попытаться спуститься по стене башни. Шанс на спасение в этом случае даже больше, чем если я открою дверь.

Я подошел к окну и посмотрел на город. Была крошечная тьма, и я ничего не увидел. Откуда-то из темноты доносился рев тототов. Вероятно, там устроились лагерь зеленые воины. Снова над холмами пронесся рык бенса, вышедшего на охоту. Я сел на подоконник, свесил ноги наружу, перевернулся на живот и соскользнул вниз. Держась обеими руками, я нащупал носком углубление в стене. Надо мною раскинулась черно-голубая бездна, усеянная звездами, подо мною лежала черная пропасть. Я взглянул вниз. Казалось, что меня отделяют от земли всего футов сто пятьдесят. И все же, если я сделаю неверное движение, если у меня сорвется рука или нога, меня ждет неминуемая смерть.

При свете дня все трещины в стене казались глубокими, а сейчас... У меня было ощущение, что я ползу по гладко отполированной скале. Пальцы рук одеревенели. Ноги отчаянно искали хотя бы малейшую опору. Каждое мгновение я прощался с жизнью, но как только я находил хотя бы маленькую трещину, надежда снова возвращалась ко мне.

Распластавшись на стене, я отдыхал, а когда немного приходил в себя, снова начинал спуск. Так, поминутно прощаясь с жизнью, я опускался дюйм за дюймом. Про-

ползая мимо окон, я старался производить как можно меньше шума, чтобы обезьяна не услышала меня.

Еще никогда в жизни я не чувствовал себя таким одиноким, как в эту ночь, когда спускался по каменной стене древнего маяка. Даже надежда покинула меня. Ладони и пальцы мои кровоточили, ногти обломались. Как они держали мое тело, я до сих пор не знаю. Единственное, за что я тогда благодарил судьбу, так это за тьму, окружавшую меня, так что я не мог видеть под собой зияющую бездну. Но зато я не мог понять, сколько мне осталось спускаться, а взглянуть наверх, на чернеющий силуэт башни, я боялся из страха потерять равновесие.

И все же я был гораздо ближе к крыше дома, чем предполагал. И тут я неосторожно царапнул ногами по стене. В мертвой тишине этот звук показался мне раскатом грома. Я понимал, что его может услышать обезьяна в башне, и мог только надеяться, что в ее мозгу этот звук не ассоциируется со мной.

Я продолжил спуск. До меня донесся шум из башни: кто-то огромный и тяжелый спускался по лестнице. В этот момент ноги мои коснулись крыши.

Я вздохнул с облегчением, но это облегчение было очень недолгим. Почти мгновенно я понял, что шум, доносившийся до меня из башни, подняла огромная белая обезьяна. Она выскочила из дверей в десяти шагах от меня.

Она бросилась вперед без единого звука, видимо, не желая делить трапезу со своими сородичами. Я был с ней солидарен в этом и выхватил меч, а не пистолет. Я казался беспомощным жалким карликом по сравнению с этой громадиной, воплощением тупой жестокости.

Только ловкость и быстрота реакции спасли меня от объятий обезьяны. Длинные могучие руки уже протянулись ко мне, но я успел одним ударом обрубить кисть и тут же отпрыгнул в сторону. Обезьяна бросилась ко мне, но она была не слишком проворна, и я вонзил меч в ее тело. Дикий крик ярости и боли вырвался из ее груди. Она снова ринулась на меня, однако потеряла равновесие, попыталась удержаться на крыше, но тщетно. Вскоре снизу донесся глухой удар тяжелого тела о землю.

Сознавая, что крики привлекут сюда других обезьян, я бросился бежать к северному краю крыши, где, как

я заметил днем, к зданию примыкал дом пониже.

Над горизонтом поднялся холодный Хлорус. Прозрачный свет пролился на город, и я увидел крыши внизу. Мне пришлось прыгать с большой высоты, но все же это было безопаснее, ведь в доме я мог столкнуться с другими обезьянами.

Соскользнув с края крыши, я на мгновение повис на руках, а затем отпустил их. Падение было долгим, но я удачно приземлился. Затем я спрыгнул на следующую крышу, затем еще на одну и вскоре был на земле.

Если бы не девушка-пленница, я тотчас же направился бы на запад, в дикую пустыню, несмотря на опасность встречи с бенсом. Но сейчас моя совесть заставляла меня сделать все, чтобы освободить несчастную, попавшую в лапы этих жестоких и безжалостных дикарей.

Держась в тени зданий, я бесшумно продвигался к центральной площади, откуда доносился рев тотов. Она находилась на расстоянии доброго хаада от набережной, и мне пришлось пересечь несколько улиц. Наконец, я добрался до площади, уверенный, что никем не был замечен.

В окнах одного из зданий я заметил свет. Однако я не осмелился пересечь площадь при свете луны и стал пробираться туда, укрываясь в тени домов. Вскоре я добрался до здания, где остановились зеленые. Прямо передо мной было низкое окно, ведущее в комнату, соседнюю с той, откуда доносился разговор воинов. Я внимательно прислушался. В комнате было тихо. Я осторожно протиснулся в окно и очутился в полной темноте.

Проходя на цыпочках к двери, откуда я мог заглянуть в соседнюю комнату, я внезапно замер: моя нога коснулась чего-то теплого и мягкого. Рука моя потянулась к мечу, когда я ощутил движение чьего-то тела в темноте.

IV ТАВИЯ

В жизни каждого человека бывают случаи, когда он вдруг обнаруживает, что его действиями руководят какие-то внешние силы, не подчиняющиеся его сознанию. Иногда это называют рукой провидения, иногда выска-

зывают гипотезы о существовании какого-то загадочного шестого чувства, которое мы находим у себя. Но факт остается фактом: этой ночью я стоял в темной комнате древнего дворца покинутого города и не вонзил свой меч в мягкое тело, шевельнувшееся возле моих ног, хотя в моем положении это был бы самый разумный поступок. Я прижал острие меча к этому мягкому теплому комочку плоти и прошептал одно слово:

— Тихо!

С тех пор я тысячу раз благодарил судьбу, что не подчинился вполне естественному инстинкту, так как в ответ я слышал тихий шепот:

— Не убивай меня, красный человек. Я пленница и принадлежу к твоей расе...— это был шепот девушки.

Я опустил на колени, быстро ощупал ее и обнаружил, что ее руки и ноги стянуты кожаными шнурами. Я быстро разрезал их.

— Ты одна? — спросил я ее, помогая подняться на ноги.

— Да. Они в соседней комнате играют на меня, чтобы решить, кому я буду принадлежать.

В соседней комнате послышался шум.

— Они идут,— с ужасом сказала она.— Нам нужно уходить отсюда.

Я взял ее за руку, подвел к окну, через которое проник в дом, но, к счастью, мы не успели вылезти, так как из главного входа дворца вышел зеленый воин.

— Есть другой выход из этой комнаты? — спросил я.

— Да, напротив окна есть дверь, ведущая в коридор, но зеленые воины заперли ее.

— Скорее всего нам нужно выбираться через дом,— сказал я.— Идем!

Ощупав стену напротив окна, я быстро обнаружил дверь. С большой осторожностью, стараясь не произвести ни малейшего шума, я отодвинул засов и открыл дверь. За дверью был темный коридор, и я повел по нему девушку, крепко держа ее за руку. Мы успешно миновали дверь, за которой слышались возбужденные голоса зеленых людей, и пошли дальше. Черная тьма окружала нас, но вот впереди забрезжил слабый свет. Мы подошли ближе, и я увидел, что свет проникает через открытую на улицу дверь. Я хотел было пройти дальше и спрятаться где-нибудь в дальних комнатах дворца, но мое внимание привлек рев тот.

Я хорошо знал этих животных, используемых в качестве ездовых, а Тарс Таркас научил меня и некоторым особенностям езды на этих свирепых громадинах.

Вполне понятно, что рев тотя натолкнул меня на новую идею: в моей голове созрел новый план бегства.

— Чего мы ждем? — спросила девушка. — Мы не можем бежать через комнату, так как нам придется пройти через двор.

— Напротив, — ответил я. — Я уверен, что именно здесь бежать нам проще всего.

— Но во дворе тотя, а зеленые воины всегда находятся рядом с ними.

— Именно потому, что здесь тотя, я и хочу выйти.

— Как только они почувствуют наш запах, поднимут такой рев, что сюда сбегутся все зеленые воины. Нас сразу схватят.

— Может быть, мое предложение довольно рискованное, но только так мы можем спастись. Разумеется, если ты боишься, мы откажемся от этой затеи.

— Нет, нет! Я не могу приказывать тебе, как поступать. Ты мне помог, и я должна следовать за тобой, но если бы я знала, что ты задумал, мне было бы легче помогать тебе.

— Все очень просто. Мы заберем одного тотя и уедем. Шансов на успех у нас гораздо больше, чем если бы мы прятались во дворце. К тому же мы оставим ворота открытыми, и все тотя разбегутся, так что зеленые воины не смогут преследовать нас.

— План сумасшедший, но смелый. Если нас обнаружат, нам придется драться, а я без оружия. Дай мне свой короткий меч, воин, я хоть немного смогу помочь тебе.

Я отстегнул ножны короткого меча и прицепил их к поясу девушки у левого бедра. Коснувшись ее тела, я не ощутил никакой дрожи. Она была спокойна, уверена в себе. Она не боялась.

Когда в темноте комнаты я обнаружил ее, я был немного разочарован, что это не Саном Тора, но я был преисполнен решимости помочь бежать этой незнакомке, хотя знал, что с ней мне будет намного труднее преодолеть все опасности. И вот теперь, когда моя рука лежала на тугом бедре девушки, мне было приятно почувствовать, что она не такая беспомощная, как я предполагал.

— Надеюсь, что тебе не придется воспользоваться им,— заметил я, пристегнув ножны.

— Если возникнет необходимость, то я сумею сделать все, что надо,— ответила она.

— Прекрасно, теперь приступим к выполнению нашего плана.

Я осторожно выглянул из окна и увидел двор, в котором паслись двадцать огромных тоттов. Однако зеленых воинов поблизости не было. Я разглядел ворота, выходящие на улицу, которые были закрыты на засов.

Самая главная моя задача — это добраться до ворот, пока нас не заметили тотты, и потому я решил пройти в комнату, окна которой выходили прямо туда. Я тронул девушку за руку, мы вернулись в коридор и пошли по нему, заглядывая в комнаты. Вот, наконец, и та, прямо перед окнами которой находились ворота. Я был доволен: все складывалось, как нельзя лучше.

— Оставайся здесь, прошептал я,— если все будет хорошо, я проскачу под этим окном на тоте, и ты прыгнешь в седло позади меня. Если же меня обнаружат и завяжется бой, я крикну: «За Гелиум!» Тогда ты должна спастись и не думать обо мне.

Она положила руку мне на плечо.

— Позволь мне пойти с тобой. Два меча лучше, чем один.

— Нет, мне одному будет проще справиться с тоттами.

— Хорошо,— согласилась она, и я направился к окну. Некоторое время я осматривал двор. Там ничего не изменилось. Затем я выскользнул в окно и стал красться к воротам. Засов открылся легко и бесшумно. Еще секунда — и ворота распахнулись. После этого я переключил все свое внимание на тоттов, поскольку этими полудикими животными управляют с помощью телепатии, что требует большого умения.

Я обучался этому искусству у самого Тарса Таркаса и могу без преувеличения сказать, что достиг в этом деле больших успехов.

Укрывшись возле ворот, я сконцентрировал всю свою волю на том, чтобы воздействовать на мозг одного из тоттов. Я выбрал его по той простой причине, что он был ближе всех ко мне. Я сразу заметил результаты своих усилий. Животное, которое общипывало мох, росший между каменными плитами, подняло голову и посмотре-

лось. Некоторое время тот стоял неподвижно, затем молча двинулся вперед. Вот он заметил меня. Я заставлял его идти вперед, но он с трудом поддавался внушению, видимо, чувствуя, что я не его хозяин. Уже приблизившись ко мне, он вдруг остановился, сердито хрюкнул, видимо, ощутив мой запах. Я сконцентрировал свои усилия. Он стоял, тряс головой и обнажал клыки. Я заметил, что другие тоты обратили внимание на его странное поведение. Они все смотрели в мою сторону, а некоторые даже двинулись вперед. Я понимал, что если они обнаружат меня, то поднимут такой рев, что сюда сбегутся все зеленые воины.

Тот, которого я выбрал, долго стоял в нерешительности: уходить ему или же подчиниться моему приказу. Наконец, он пошел вперед ко мне. Я вывел его за ворота и подвел к окну. Там я быстро вскочил на него, а девушка прямо из окна прыгнула сзади, и мы выехали на широкую улицу, которая вела к холмам.

Я пустил тота бешеным галопом. Оглянувшись, я увидел, что из открытых настежь ворот выбегают тоты. Они прекрасно знали, как им воспользоваться столь неожиданно обретенной свободой.

— Зеленые воины не смогут преследовать нас,— сказал я девушке, показывая кивком головы на тотот.

— Этой ночью наши предки хранят нас,— сказала она.— Будем молиться, чтобы они не оставили нас.

Впервые я мог рассмотреть свою спутницу, так как яркий свет Турии и Хлоруса хорошо освещал все вокруг. Я изумился, ведь до сих пор я был уверен, что рядом со мной девушка: и голос, и телосложение — все говорило об этом. Но теперь я разглядел по-мальчишески коротко стриженную головку, одежду воина.

— А я думал, ты девушка,— невольно вырвалось у меня.

Красивые губы раздвинулись в улыбке, обнажившей белые зубы.

— Я девушка,— слышалось в ответ.

— Но волосы... одежда...

Она весело рассмеялась. Потом, когда я узнал ее получше, я понял, что она всегда много и охотно смеялась, хотя ее смех никогда не был обидным.

— Значит, мой голос выдал меня,— сказала она.— Это плохо.

— Почему?

— Потому что ты предпочел бы иметь товарищем воина, а не девушку, которая будет тебе только помехой.

— Вряд ли,— сказал я, вспомнив, как она взяла у меня меч, намереваясь вступить в бой с зелеными.— Но скажи, кто ты и почему переделалась юношей?

— Я рабыня. Всего лишь рабыня, сбежавшая от своего хозяина. Возможно, ты будешь жалеть о том, что решил оказать помощь рабыне,— печально добавила она.

— Нет, нет,— сказал я.— Мне все равно, кто ты. Тем более, что я всего лишь бедный падвар. И у меня нет денег, чтобы приобрести раба. Может, тебе стоит сожалеть о том, что тебя освободил не богат.

Она рассмеялась.

— Я убежала от самого богатого человека в мире. Я не знаю, есть ли кто-нибудь богаче Тула Акстара, джеддака Джахара.

— Ты принадлежала Тулу Акстару? — воскликнул я.

— Да. Меня украли из города Тьяната, когда я была совсем маленькой. И с тех пор я жила во дворце Тула Акстара. У него было много женщин! Тысячи! Не знаю, что он делал с ними! Впрочем, некоторые жили в его дворце всю жизнь и никогда даже не видели Тула Акстара. А я видела его...— она содрогнулась.— Он ужасен. Я была там очень несчастлива. Я никогда не знала своей матери, а отца плохо помню. Я была совсем маленькой, когда люди Тула Акстара украли меня из моего дома в Тьянате. Во дворце у меня было много друзей среди рабов, воинов и офицеров. Меня научили обращаться с оружием и даже управлять воздушным кораблем. Но затем моя беззаботная жизнь кончилась: Тул Акстар заметил меня. Заметил и приказал привести к нему. Я притворилась больной и не пошла, а ночью украла одежду воина, выкрасила лицо, чтобы походить на мужчину, пробралась в ангар и улетела на одноместном корабле.

Я считала, что они будут преследовать меня, и поэтому полетела в сторону, противоположную Тьянату. Я хотела описать широкую дугу и прилететь в Тьянат с севера. Пролетая над Ксанатором, я заметила заросли манталии и спустилась, чтобы запастись соком этих растений, ведь у меня не было с собой никакой еды. Я выбрала место для посадки среди огромных растений,

а когда приземлилась, оттащила корабль под одно из них, чтобы он не был замечен с воздуха.

Затем я стала собирать сок растений, и тут на меня наткнулись зеленые воины, которые приехали туда с той же целью. Они схватили меня, но мой корабль не тронули. По всей вероятности, они не видели, когда я приземлилась.— Когда они собрали достаточно сока манталии, мы вернулись в Ксанатор. Остальное ты знаешь.

— Значит, это Ксанатор?

— Да.

— А как тебя зовут?

— Тавия. А тебя?

— Тан Хадрон из Хастора.

— Красивое имя.

Она сказала это быстро, не задумываясь, и можно было предположить, что она лицемерит. Однако, когда я узнал ее получше, я понял, что главной чертой ее характера была искренность и честность. Но в этот момент я не думал ни о чем, кроме одного факта в ее рассказе: судя по всему, у нас появился шанс на спасение.

— Мы сможем найти эту рощу манталий и место, где ты спрятала корабль?

— Думаю, сможем.

— А он поднимет нас двоих?

— Хотя это и одноместный корабль, но я думаю, что он поднимет и двоих, впрочем, мы не сможем лететь на большой высоте и с большой скоростью.

Она указала мне примерное направление, и я повернул тота. Мы ехали к югу по дну высохшего моря. Турия быстро неслась по небесам, бросая меняющиеся тени на желтый мох. Холодный Хлорус медленно и величественно плыл по небу. Свет этих двух спутников Барсума был достаточно ярким, и я опасался, что нас увидят из Ксанатора. Однако была надежда на то, что эти изменчивые тени скроют нас, да и преследовать нас было не на чем: тоты ведь разбежались.

Огромное животное быстро несло нас вперед, и вскоре я увидел впереди заросли манталий. Еще немного, и мы въехали в густую тень рощи. Не без труда, но мы нашли кораблик Тавии. Он оказался в приличном состоянии, это очень порадовало меня. К тому же мы ни разу не столкнулись с белыми обезьянами — большими любителями сока манталии.

Я подъехал к кораблю как можно ближе и, оставив Тавию на тоте, соскочил на землю и выкатил машину на открытое пространство. Я осмотрел ее и обнаружил, к своему облегчению, что она в полном порядке.

Затем я помог Тавии сойти на землю, и через мгновение мы уже были на палубе. Мерно заработал двигатель, и корабль взмыл в воздух. Ночь поглотила нас, и мы почувствовали себя в безопасности.

Корабль был столь старой конструкции, что в Гелиуме о ней давно уже забыли. Он не был оборудован новейшими средствами навигации, автопилотом, поэтому мне постоянно нужно было находиться у руля управления. И для двоих корабль был тесноват. Нам пришлось сесть вплотную друг к другу, и теперь невозможно было пошевелиться, чтобы не потревожить другого. Переднее стекло плохо защищало от ветра, но, к счастью, скорость полета была невелика, а то бы мы очень скоро совсем закоченели.

По обоюдному согласию мы взяли курс на юго-запад.

Я рассказал Тавии, что за причина гнала меня во враждебный Джахар. Хорошо зная обычаи двора Тула Акстара, она не исключила возможности, что Саном Тора может оказаться именно там. Что же касается ее спасения, тут Тавия высказала большие сомнения.

Я видел, что у нее нет особого желания возвращаться в Джахар, но она не стала возражать мне, и даже сама указала точный курс полета.

— Возвратиться в Джахар — это очень опасно для тебя?

— Конечно, — ответила она, — но раб всегда должен подчиняться своему господину.

— Я не хозяин, а ты не рабыня. Мы с тобой товарищи по оружию.

— Я очень рада, — сказала она и добавила после паузы, — раз мы товарищи, то позволь мне сказать, что лететь прямо в Джахар неразумно. Этот корабль узнают сразу. Тебя схватят как шпиона, и вместо того, чтобы найти и спасти Саному Тора, тебе придется участвовать в Играх на Большой Арене, где тебя рано или поздно убьют.

— Что же ты предлагаешь?

— На юго-западе от Джахара лежит Тьянат, город, где я родилась. Это единственный город на Барсуме, где я могу ожидать дружеского приема. Тьянат примет меня,

значит, примет и тебя. Там ты сможешь подготовиться к тому, чтобы незаметно проникнуть в Джахар. Ведь Тул Акстар не разрешает никому из чужих являться в Джахар, за исключением, конечно, захваченных рабов. В Тьянате ты получишь одежду джахарца, я обучу тебя их обычаям и манерам. Появление в Джахаре без предварительной подготовки — это смерть.

Я принял ее доводы, и наш корабль изменил курс. Мы направились в Тьянат, который находился на расстоянии шести тысяч хаадов отсюда. Всю ночь мы летели со средней скоростью шестьсот хаадов в цод — совсем маленькая скорость по сравнению с той, к которой я привык.

Когда поднялось солнце, мне в глаза бросилась странная окраска корабля. Он был прозрачно-голубой.

— Почему такой странный цвет? — воскликнул я. Тавия посмотрела на меня.

— Этому есть объяснение, — ответила она, — но тебе этого не понять, пока ты не попадешь в Джахар.

V

В ПОДВАЛАХ

Под нами в прозрачной полутьме барсумской ночи расстилалась пустыня, поросшая желтым мхом. Наш перегруженный корабль медленно пересекал гряды низких холмов, которые были естественной границей владений зеленых. Когда наступило утро, мы с Тавией стали решать, как нам поступить: лететь ли дальше, или переждать день и приземлиться.

— Здесь довольно мало воздушных кораблей, — заметила Тавия. — Если мы будем внимательно следить за пространством, то успеем вовремя скрыться. А на земле мы можем стать добычей зеленых людей. Хотя мы уже за пределами их территории, но они часто совершают набеги на своих соседей.

Поэтому мы решили лететь дальше, внимательно наблюдая за небесами. Монотонность пейзажа и утомительный полет должны были надоесть мне, но, к моему удивлению, время прошло быстро, и это было заслугой остроумной и веселой Тавии. Да, Тавия оказалась очень приятным товарищем в путешествии.

Мы говорили с нею обо всем на свете и, конечно, много рассказывали о себе. И скоро я почувствовал, что знаю Тавию лучше, чем какую-либо другую женщину. Тавия удивительным образом умела расположить к себе собеседника, и я постепенно рассказал ей обо всем: о своих заветных мечтах, желаниях, стремлениях, поделился всеми страхами и сомнениями, смущающими обычно души молодых людей.

А когда я понял, насколько полно обнажил свою душу перед этой хрупкой девушкой-рабыней, я смутился, но искреннее сочувствие девушки постепенно успокоило меня, к тому же она точно так же делилась со мною своими девичьими проблемами.

Две ночи и один день потребовались нам, чтобы преодолеть расстояние между Ксанатором и Тьянатом, и вот утром второго дня мы увидели на горизонте башни города. И тут я пожалел, что Тьянат не находится на другом краю планеты, так как понял, что время, проведенное с Тавией, было самым счастливым в моей жизни.

Но вот путешествие позади. Тьянат перед нами. Если не считать Саномы Тора, то я почти не искал общества женщин. И не потому, что я с недоверием относился к ним, просто я никогда не считал возможным сближаться с женщиной, если не испытывал к ней серьезных чувств. И вот теперь вдруг оказалось, что я могу наслаждаться обществом женщины, которую не люблю.

— Вероятно, это Тьянат,— сказал я, показывая на далекий город.

— Да.

— Должно быть, ты рада, что путешествие кончается,— заметил я.

Она искоса взглянула на меня, нахмурила брови.

— Наверное, я должна бы радоваться,— загадочно ответила она.

— Это же твой дом,— напомнил я.

— У меня нет дома.

— Но у тебя там друзья,— настаивал я.

— У меня нет друзей.

— Ты забыла о Хадроне из Хастора.

— Нет, я не забыла, что ты был добр ко мне, но я помню и то, что я всего лишь эпизод, а ты ищешь Саному Тора. Возможно, завтра мы расстанемся навсегда и никогда больше не увидимся.

Я тоже подумал об этом и должен признаться, что мне это совсем не понравилось.

— У тебя быстро найдутся друзья.

— Надеюсь, но меня увезли отсюда тогда, когда я была совсем маленькой, и я почти ничего не помню о жизни в Тьянате. Тьянат для меня ничего не значит. Я была бы счастлива в любом месте на Барсуме, если бы там у меня был друг.

Мы подлетели к стенам города и вскоре увидели патрульный воздушный корабль. Он стремительно пикировал на нас. Тавия пронзительно вскрикнула, и ее крик разорвал утреннюю тишину. Почти сразу же в городе раздались звуки труб, барабанов — поднялась тревога. Патрульный корабль взмыл вверх, а из города вылетели боевые корабли. Через несколько мгновений мы были окружены.

Я попытался завести переговоры с экипажем ближайшего корабля, но мой голос утонул в общем шуме. Сотни пулеметов были направлены на нас, готовые уничтожить наш корабль при первой же необходимости.

— В Тьянате всегда так встречают гостей?! — спросил я у Тавии.

Она покачала головой.

— Не знаю. Я могла бы объяснить такой прием, если бы мы летели на большом военном корабле... но маленький одноместный кораблик? Послушай! — вдруг воскликнула она. — По цвету и конструкции корабля они поняли, что он из Джахара. Людям Тьяната, наверное, хорошо знаком этот голубой цвет, они боятся его. Тогда непонятно, почему они сразу не открыли огонь.

— Не знаю, почему они сразу не начали стрелять, но я понимаю, почему они не стреляют сейчас. Их корабли настолько тесно сгруппировались, что при перестрелке могут попасть друг в друга.

— Ты не можешь дать им понять, что мы друзья?

Я постарался дружескими жестами привлечь их внимание. Однако ни один из кораблей не приблизился к нам, хотя тревожные звуки труб смолкли, и наступила тишина.

Я закричал изо всех сил:

— Не стреляйте! Мы ваши друзья!

— Друзья не прилетают в Тьянат на голубых кораблях, — ответил мне офицер с ближайшего корабля.

— Подлетите к нам поближе, и мы докажем, что не представляем для вас никакой опасности.

— Мы поверим, что вы наши друзья, если вы будете просто выполнять наши приказы.

— Чего же вы хотите?

— Приземлитесь за пределами города, а затем вместе со своим товарищем идите в город пешком.

— Вы обещаете, что нас примут дружелюбно? — спросил я офицера.

— Вас должны допросить, — ответил он, — и если ваши ответы удовлетворят нас, вам нечего бояться.

— Отлично. Мы сделаем так, как вы сказали. Просигнальте вашим кораблям, чтобы нам освободили путь.

Затем я провел корабль по образовавшемуся в строю кораблей коридору и медленно опустился за пределами города. Мы двинулись к городу, а когда приблизились к воротам, они распахнулись — нас встречал отряд солдат. По всей видимости, они боялись нас. Падвар, командовавший отрядом, остановился в отдалении, нас разделяло приличное расстояние.

— Бросайте оружие, — приказал он, — и идите вперед.

— Но мы не враги. Неужели народ Тьяната не знает, как встречать гостей?

— Делайте, что вам говорят, иначе мы уничтожим вас обоих.

Я не мог сдержать возгласа негодования, когда снимал свое оружие. Тавия тоже бросила на землю меч, который я дал ей. Обезоруженные, мы подошли к воинам. Но даже и тогда падвар не успокоился, а приказал тщательно обыскать нас. Только после всей этой процедуры он повел нас в город.

Когда за нами закрылись ворота, я понял, что мы скорее пленники, чем гости в этом городе. Однако Тавия пыталась убедить меня в том, что, когда жители услышат наш рассказ, они станут радушными и гостеприимными хозяевами.

Воины привели нас к большому зданию, и мы по лестнице поднялись на крышу. Там уже ждал корабль. Старший офицер этого корабля смотрел на нас с нескрываемой ненавистью. Мы поднялись на борт корабля, и тот сразу взмыл в воздух и полетел к центру города. Под нами проплывал Тьянат. Я обнаружил, что этого города не коснулись веяния нового времени. На всем

лежала печать древности. Многие дома были так стары, что нуждались в ремонте, хотя сам город утопал в зелени садов и производил скорее приятное, чем удручающее впечатление. Вскоре мы приземлились на крышу одного из домов вблизи дворца джеда.

Под усиленной охраной нас провели в какое-то помещение, где нам пришлось довольно долго ждать аудиенции чиновника высокого ранга. Он, видимо, уже все знал об обстоятельствах нашего появления в Тьянате.

— Что вам нужно в Тьянате, джахарцы? — спросил он.

— Я не из Джахара, — ответил я. — Посмотри на мою эмблему.

— Ее и заменить несложно.

— Этот воин не менял эмблемы, — сказала Тавия. — Он не из Джахара. Он из Хастора. Это я из Джахара. Чиновник удивленно посмотрел на нее.

— Значит, ты не отрицаешь этого?

— Но я родом из Тьяната.

— Как это?

— Еще в детстве меня украли из вашего города, и всю свою жизнь я была рабыней при дворе Тула Акстара, джедака Джахара. Только недавно мне удалось убежать на том самом корабле, на котором мы прилетели в Тьянат. Возле Ксанатора меня захватили в плен зеленые воины. Этот человек, Хадрон из Хастора, спас меня. Мы вместе прилетели в Тьянат, надеясь на дружеский прием.

— Кто твои родные в Тьянате?

— Не знаю, ведь я была совсем маленькой. Я практически ничего не помню о жизни в Тьянате.

— Как тебя зовут?

— Тавия.

Чиновник, до этого рассеянно слушавший ответы девушки, внезапно насторожился, в глазах его вспыхнули огоньки.

— Ты ничего не знаешь о своей семье и родных? — спросил он.

— Ничего.

Чиновник повернулся к падвару, который привел нас.

— Пусть остаются здесь до моего возвращения.

С этими словами он поднялся и быстро вышел.

— Кажется, твое имя что-то напомнило ему.

— Вряд ли.

— Может, он знает твою семью? Во всяком случае, по его поведению можно предположить, что нами будут заниматься.

— Надеюсь, что да.

— Видимо, все твои беды позади,— сказал я,— и я буду очень рад за тебя.

— А ты, вероятно, получишь здесь помощь и сможешь продолжить поиски Саномы Тора.

Она сказала это очень тихо, почти печально.

Меня вдруг омрачила предстоящая разлука с Тавией. Казалось, что я знаю ее целую вечность, так эти дни, проведенные с нею, сблизили нас.

Я знал, что мне будет не хватать ее острого ума, ее сердечности, ее дружелюбия, но в памяти моей всплыли прекрасные черты Саномы Тора. Я вспомнил о своем долге и постарался отогнать прочь все свои сожаления, так как знал, что любовь — это более сильное чувство, а я любил Саному Тора.

Нам пришлось довольно долго ждать возвращения чиновника. Когда он появился, я впился глазами в его лицо, стараясь отыскать на нем признаки хороших вестей, но лицо его было непроницаемо. А когда я услышал его слова, обращенные к падвару, то вообще ничего не смог понять.

— Заточите женщину в Восточную башню,— сказал он,— а этого человека — в подземную тюрьму.

Это было, как удар грома. Я взглянул на Тавию и увидел, что она смотрит на чиновника широко раскрытыми глазами.

— Значит, мы пленники? — спросила она.— Я, дочь Тьяната, и этот человек, который пришел сюда в надежде на помощь и защиту?

— Вы все узнаете, когда предстанете перед джедом,— рявкнул чиновник.— Я все сказал. Уведите их.

Воины грубо схватили меня. Тавия повернулась ко мне.

— Прощай, Хадрон из Хастора. Это моя вина, что ты оказался здесь. Простишь ли ты меня?

— Не кори себя, Тавия,— сказал я,— разве могла ты предвидеть такой прием?

Нас вывели из комнаты через разные двери, а когда мы обернулись, чтобы в последний раз посмотреть друг

на друга, слезы стояли в глазах Тавии, а мое сердце щемило от боли.

В подвале, куда меня отвели, было сыро, холодно, но не так темно. Через железные решетки двери в мою камеру проникал тусклый свет из коридора, слабо освещаемого древними радиевыми лампами. Но это был все же свет, и я благодарил судьбу. Я, наверное, сошел бы с ума, окажись в заключении в крошечной тьме.

Меня приковали тяжелой цепью к железному кольцу в стене. Затем охранники вышли и закрыли за собой тяжелую дверь с металлической решеткой. Когда шаги охранников затихли вдали, я услышал какие-то звуки. Что это могло быть? Я пристально вглядывался в полумрак.

Когда мои глаза привыкли к слабому свету, я разглядел у стены в своей камере фигуру человека. А когда он двинулся, я услышал звон цепей. Но вот он повернулся лицом ко мне, а я не смог различить его черты.

— Еще один вкусил гостеприимства Тьяната? — спросил приятный мужской голос.

— Значит, здесь таких, как я, много? — спросил я.

— В этой камере был я один. Теперь нас двое. Ты откуда?

— Я из Хастора, из государства, которым правит Тардос Морс, джеддак Гелиума.

— Ты далеко забрался.

— Да. А ты откуда?

— Я из Джахара. Мое имя Нур Ан.

— А меня зовут Хадрон. Почему ты здесь?

— Я пленник, так как я джахарец. А какое преступление ты совершил?

— Они решили, что я из Джахара.

— Почему? На тебе была эмблема Джахара?

— Нет. На мне эмблема Гелиума. Но получилось так, что я прилетел сюда на корабле Джахара.

Он присвистнул.

— Это трудно будет объяснить, — сказал он.

— Я уже понял. Они не поверили ни моим словам, ни словам моего товарища.

— Значит, ты был не один? Где же второй?

— Это девушка. Она родилась в Тьянате, но очень долго пробыла в Джахаре. Может, ее они и освободят, но пока заточили в какой-то башне, а меня бросили в подвал.

— Здесь ты и сгниешь, если только тебе не посчастливится попасть на игры, а может, повезет еще больше — тебя приговорят к Смерти. Охранники утверждают, что это нечто ужасное. Может, они просто пугают меня. Но все же мне не хотелось бы встретиться со Смертью.

— Тогда будем надеяться на Игры,— заметил я.

— В Тьянате живут скучные и глупые люди. Охранники говорили мне, что игры бывают здесь очень редко, раз в несколько лет. Но все же будем надеяться, так как гораздо лучше умереть с мечом в руках, чем гнить здесь или быть приговоренным к Смерти.

— Ты прав, будем рассчитывать на то, что джед Тьяната захочет развлечься в самое ближайшее время.

— Так значит, ты из Хастора,— сказал он после долгого молчания.— Это очень далеко. По всей видимости, действительно важное дело привело тебя сюда.

— Я пробирался в Джахар.

— Возможно, тебе повезло, что ты попал сюда. Хотя я сам из Джахара, я не могу похвастаться тамошним гостеприимством.

— Значит, меня и там не ждал сердечный прием?

— Клянусь предками, нет,— воскликнул он.— Тул Акстар бросил бы тебя в подвалы, даже не спросив твоего имени. А подвалы в Джахаре гораздо страшнее, чем здесь.

— Я не предполагал ставить в известность Тула Акстара о своем появлении.

— Ты шпион?

— Нет. Дочь командира умака, в котором я служу, была похищена джахарцами. И у меня есть основания полагать, что ее похитили по приказу Тула Акстара. Я направлялся туда, чтобы освободить ее.

— Ты говоришь это джахарцу,— заметил он.

— Да, поскольку я понял, что ты не друг Тулу Акстару, джедаку Джахара, к тому же у тебя мало шансов в скором времени оказаться в Джахаре.

— Ты прав. Я действительно не испытываю дружеских чувств к Тулу Акстару. Он настоящее животное, ненавидимое всеми честными людьми. У меня такая же причина ненавидеть Тула Акстара, как и у тебя, так что мы действительно связаны общими узами.

— Как это?

— Всю свою жизнь я просто презирал Тула Акстара.

Но это презрение не перерастало в ненависть, пока он не украл женщину.

— Женщину из твоей семьи?

— Мою невесту, на которой я хотел жениться. Я происхожу из богатого и древнего рода, поэтому Тул Акстар имел основания бояться меня. Он конфисковал мое имущество и приговорил к смерти. Но у меня было много друзей. И один из них, простой воин, помог мне бежать.

Я пробрался в Тянат и рассказал мою историю Хаю Озису, джеду Тяната, и положил свой меч к его ногам. Однако этот старый идиот увидел во мне только джахарского шпиона и приказал бросить меня в подземную тюрьму, где я и нахожусь с тех пор.

— Видимо, Джахар действительно несчастный город, раз им правит такой человек, как Тул Акстар. Я многое слышал о нем, хорошего — ничего.

— В нем и нет ничего хорошего. Это жестокий тиран, погрязший в разврате. И если бы великие города Барсума узнали, о чем мечтает этот тиран, то Джахар был бы давно уничтожен, а сам Тул Акстар убит.

— Что ты имеешь в виду?

— Последние двести лет Тул Акстал вынашивает мечту покорить всю планету. Он делает все, чтобы увеличить численность своей армии. Каждая женщина взята на учет и ведется строгий контроль за рождаемостью. Женщины, производящие на свет младенцев мужского пола, поощряются. В результате произошел буквально взрыв численности населения, но одновременно на страну обрушился голод, так как земли Джахара не способны прокормить стольких людей. В некоторых районах даже наблюдаются случаи каннибализма.

А офицеры Тула Акстара всех мальчиков готовят к будущим войнам — с самого раннего возраста в их мозги вбивается мысль о том, что они станут солдатами. В войне и только в войне они видят выход из того жуткого положения, в котором оказался город. Они грезят войной, так как понимают, что победа — это грабежи, пища, богатство. Уже сейчас Тул Акстар имеет такую громадную армию, что может решить будущее Барсума. Ему мешает только одно обстоятельство, чтобы начать войну.

— Что же это?

— Тул Акстар трус. Создав огромную армию, он не

пускает ее в бой, опасаясь поражения. Поэтому сейчас он заставил ученых Джахара создать новейшее оружие, способное сделать его армию непобедимой. Оружие, какого нет ни у кого. Многие годы лучшие умы Джахара работали над этой проблемой, и вот один выдающийся человек, по имени Фор Так, создал такое оружие, но за это его возненавидели другие ученые. И даже сам Тур Акстар, получивший оружие, отплатил ему черной неблагодарностью. Фор Так подвергался гонениям, унижениям и не выдержал — сбежал из Джахара.

Но это уже было неважно. Тиран получил, что хотел, а на старого ученого ему плевать.

Меня очень заинтересовало новое оружие, и я в тайне надеялся, что Нур Ан, мой товарищ по несчастью, расскажет о нем поподробнее, но расспрашивать его не рискнул. Вопреки моим предположениям, Нур Ан сам рассказал мне об оружии Джахара и средствах защиты от него.

— Это новое оружие, — говорил он, — обезоружит все армии Барсума, сделает их беззащитными. Оно излучает невидимые лучи, которые вызывают смещение молекул металлов и их испарение. Я не ученый и не могу тебе объяснить, как это происходит, но я слышал, что эти лучи меняют заряд протона на противоположный, и тогда все составные части молекул теряют связь друг с другом и разлетаются в стороны. Я также слышал, что Фор Так в процессе исследований обнаружил, что время, вещество и пространство — это три ипостаси одного явления. И молекулы металла, на которые подействовали лучи Фора Така, преобразуются в элементарные составляющие пространства. Но этого я совсем не понимаю.

Так что теперь Тул Акстар имеет огромную армию, мощное оружие, но он колеблется. Он боится начать войну, но армия требует решительных действий. Сейчас он оправдывает свою задержку тем, что необходимо создать надежные средства защиты производства этого оружия. Ведь оно может быть изобретено в любой другой стране, или же эту тайну могут выкрасть шпионы. К его удивлению, помощник Фора Така изобрел вещество, рассеивающее и обезвреживающее эти лучи. Теперь это вещество голубого цвета покрывает все металлические детали воздушных кораблей Джахара.

Однако Тул Акстар вновь отложил начало боевых

действий. Он потребовал, чтобы изготовили огромное количество оружия и такой большой флот, который перевезет это оружие. Он пообещал, что тогда уже точно флот Джахара двинется на завоевание Барсума.

Теперь мне стало ясно, как был уничтожен патрульный корабль в ночь похищения Саномы Тора. А когда Нур Ан позже рассказал мне о нападении экспериментальных воздушных кораблей Тула Акстара на Тьянат, я понял, почему голубой цвет корабля, на котором прилетели мы с Тавией, вызвал такой страх. И тут я вспомнил, что по направлению к Джахару летит флот Гелиума, чтобы рассчитаться за похищение Саномы Тора. Представив, какая разразится трагедия, я совсем расстроился. Ведь мое послание, переданное Джону Картеру, может привести флот Гелиума к гибели. А я в это время сижу в подвале Тьяната, закованный в цепи и не способный что-либо предпринять для его спасения. Если бы я смог выбраться на свободу, я предупредил бы воинов Гелиума и спас бы их от смерти, а кроме того, я смог бы проникнуть в Джахар, но уже не только для спасения Саномы Тора. Я сумел бы добраться до тайны вещества, защищающего от лучей Фора Така.

Свобода! Теперь это не просто желание выйти из заточения, нет, теперь она необходима мне, чтобы выполнить свой долг!

IV

ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ

Я недолго пробыл в подвале. Вскоре пришли воины, сняли с меня цепи и вывели из тюрьмы. Их было всего двое, и я не мог не заметить, что они довольно беспечны. У меня появилась слабая надежда, что меня собираются освободить.

Дворец джеда Тьяната не представлял собой ничего особенного. Более того, он казался мне хижинкой бедняка по сравнению с роскошными дворцами знатных людей Гелиума. По дороге я старался не упустить ни одной детали, которая могла бы пригодиться в случае побега. Во что бы то ни стало я должен вырваться на свободу.

Вскоре мы пришли в большой зал, и я оказался перед

человеком, вся одежда которого была усыпана драгоценностями. Я сразу понял, что стою перед Хаем Озисом, джедом Тьяната. Джед внимательно осмотрел меня с головы до ног. В его взгляде угадывалась подозрительность, которая, как я уже знал, была основной чертой его характера.

— Как твое имя и откуда ты? — спросил он.

— Я Хадрон из Хастора, падвар армии Гелиума.

— Ты из Джахара, — заявил он. — Ты прилетел из Джахара на корабле Джахара с женщиной из Джахара. Ты будешь отрицать это?

Я подробно рассказал Хаю Озису, что привело нас сюда. Должен сказать, он проявил достаточно терпения, слушая мой рассказ, хотя я чувствовал, что его мнение обо мне полностью сложилось, и что бы я ни говорил, оно уже не изменится.

Вожди и придворные, окружавшие джеда, слушали меня, скептически улыбаясь. Я видел, что они не верят ни одному моему слову. Они так боялись Тула Акстара, что этот страх парализовал их и сделал их неспособными мыслить разумно и самостоятельно.

Когда я закончил говорить, Хай Озис приказал вывести меня из зала. Я довольно долго ожидал решения своей судьбы, пока джед совещался со своими приближенными.

Меня снова ввели в зал, и я почувствовал, насколько враждебна обстановка. Я опять стоял перед тронем джеда.

— Законы Тьяната справедливы, — заявил Хай Озис, глядя на меня. — А джед Тьяната милостив. Враги Тьяната будут наказаны по справедливым законам, но милости им не следует ожидать. Ты, кто называет себя Хадроном из Хастора, на самом деле шпион нашего самого злейшего врага, Тула Акстара. И я, Хай Озис, джед Тьяната, приговариваю тебя к Смерти. Я все сказал!

Величественным жестом он приказал охраннику увести меня.

Просить о милости было бессмысленно. Судьба моя была решена. Но к своей чести должен сказать, что, пока я в полной тишине шел к выходу, шаг мой был тверд и уверен, а голова высоко поднята.

По пути в подземелье я спросил одного из двоих охранников о судьбе Тавии, но он либо ничего не знал,

либо не считал возможным сказать мне о ней. Вскоре я уже был снова прикован к стене возле Нура Ана.

— Ну? — спросил он.

— Смерть, — ответил я.

Он положил руку мне на плечо.

— Мне очень жаль, мой друг.

— У человека только одна жизнь, — ответил я. —

И если он отдает ее за доброе дело, ему нечего сожалеть о ней.

— Ты умрешь за женщину.

— Я умру за женщину Гелиума, — уточнил я.

— Может, мы умрем вместе?

— Что ты имеешь в виду?

— Пока тебя не было, мне сообщили, что в ближайшее время мне предстоит встретиться со Смертью.

— Интересно, что же это такое, — заметил я.

— Не знаю, но судя по тому, что я слышал, это нечто ужасное.

— пытки?

— Возможно.

— Ну, что же, они узнают, что воин Гелиума сумеет достойно умереть.

— Надеюсь, что я тоже не выдам им своих мучений и страданий. Но все же мне хотелось бы заранее знать, что ждет нас, чтобы быть к этому готовым.

— Давай не будем думать об этом, — ответил я. — Лучше заняться планом нашего побега.

— Боюсь, что это невозможно.

— Я отвечу, как Джон Картер — я еще жив!

— Слепая вера мужественного человека, — ответил он, — но от этого не менее бессмысленная.

— Ты прав, — ответил я.

Когда воины-охранники вновь появились в камере, чтобы увести нас, мы с Нуром Аном внезапно набросились на них. Не ожидавшие этого, они почти не оказали сопротивления.

И через пять минут мы вышли из камеры, облаченные в одежду воинов Тьяната. Прекрасно понимая, что до некоторого момента нашим лучшим союзником будет наглость, я направился по коридору, совершенно не скрываясь и не прячась.

— Возле главного входа во дворец, сильная охрана, — сказал я Нуру Ану, — не зная правил входа во

дворец и выхода из него, мы станем верными самоубийцами, если попытаемся пройти там.

— Что же ты предлагаешь?

— На первом этаже дворца слишком оживленно. Люди постоянно снуют туда-сюда. Несомненно, на верхних этажах более спокойно. Поэтому мы должны искать убежище именно там, а воспользовавшись балконом, сможем бежать из дворца.

— Прекрасно! Веди меня.

Мы выбрались из подвалов и, поднявшись по винтовой лестнице, оказались на первом этаже дворца, не встретив при этом ни одного человека. Мы смешались с толпой спешащих по своим делам воинов, слуг и рабов и вскоре подошли к широкой лестнице, ведущей наверх. Без колебаний мы с Нуром Аном стали подниматься по ней. Встретившиеся офицеры не обратили на нас никакого внимания, и я окончательно убедился, что наш маскарад удался.

На втором этаже людей было гораздо меньше, а на третьем — коридоры дворца оказались практически пустыми.

Лестница вывела нас прямо на пересечение двух широких коридоров. Здесь мы задержались на мгновение, выбирая, куда же нам идти. В конце одного коридора показался человек. Естественно, мы свернули в противоположный. Это был длинный коридор, видимо, тянувшийся вдоль всего дворца. По обе стороны от него я видел двери: одни закрытые, другие распахнутые настежь. В некоторых помещениях были люди, другие были пусты. Последние мы внимательно осматривали.

Мы прошли уже примерно две трети коридора, когда в двухстах футах перед нами вдруг появился офицер, кажется, падвар охраны. Он остановился, и из той же двери вышла группа воинов. Они выстроились по двое и двинулись в нашу сторону. Офицер шел сзади.

Рисковать мы не стали. Слева от нас была открытая дверь. За дверью никого не оказалось, и я сказала Нуру Ану:

— Идем!

Не спеша, мы вошли в комнату, сразу закрыв дверь за собой. Обернувшись, мы увидели женщину в другом конце комнаты, которая смотрела на нас.

— Что вам здесь нужно, воины? — спросила она.

Да, положение наше было очень неприятным. Я слы-

шал бряцание оружия приближающихся воинов, девушка тоже слышала этот звук. Конечно, наше появление должно было вызвать у нее подозрения. Видимо, это были покои кого-либо из королевской семьи, и войти сюда без разрешения означало немедленную смерть для простого воина.

Рой мыслей пронесся в моей голове, но, скорее всего, я действовал подсознательно, ибо разум не мог помочь мне в этой ситуации.

— Мы пришли за девушкой,— грубо сказал я.— Где она?

— Какая девушка? — удивленно спросила она.

— Пленница, конечно.

— Пленница? — она удивилась еще больше.

— Конечно,— сказал Нур Ан.— Где она?

Я чуть не улыбнулся, так как знал, что Нур Ан понятия не имел, о чем я говорю.

— Здесь нет пленницы,— ответила девушка.— Это покои младшего сына Хая Озиса.

— Значит, этот идиот направил нас по неверному адресу,— сказал я.— Просим извинить за вторжение. Нас послали за Тавией, пленницей во дворце.

Я говорил наугад, не зная вовсе, где и как ее держат.

— Ее здесь нет. А вам лучше поскорее покинуть это помещение, так как если вас застанут здесь, до добра это не доведет.

Нур Ан пристально вглядывался в девушку, а затем шагнул к ней.

— Черт побери,— воскликнул он.— Это же Фао!

Девушка отшатнулась, а в глазах ее застыло удивление. Она узнала Нура Ана.

— Нур Ан!

Нур Ан порывисто схватил ее за руку.

— Все эти годы я думал, что ты мертва. Когда капитан вернулся, он сказал, что ты и многие другие убиты.

— Он солгал. Он продал нас в рабство. А ты, Нур Ан, что ты здесь делаешь в одежде солдата Тьяната?

— Пленник. И этот воин тоже. Нас бросили в подвал дворца, и сегодня мы должны были встретиться со Смертью. Но мы убили двух охранников, которые пришли за нами, и сейчас пытаемся выбраться из дворца.

— Значит, вы не ищете Тавию?

— Мы ищем и ее. Она тоже пленница.

— Возможно, я смогу вам помочь,— задумчиво сказала Фао.— Вдруг нам всем удастся бежать.

— Я без тебя никуда не пойду, Фао,— сказал Нур Ан.

— Наконец-то судьба оказалась милостива ко мне,— сказала девушка.

— Где же Тавия? — спросил я.

— В Восточной башне.

— Можешь ты проводить нас или рассказать, как туда пройти?

— Вам не войти туда, так как вход охраняется, но есть другой путь.

— Какой?

— Я знаю, где ключи.

— Пусть судьба вознаградит и защитит тебя, Фао. Но скажи, где мне найти ключи?

— Я сама проведу тебя туда. Но безопаснее идти вдвоем. Пусть Нур Ан останется здесь. Я спрячу его в безопасном месте. Затем мы пойдем за пленницей и, если удастся, вернемся сюда. Я служу здесь, в покои маленького принца почти никто не входит. Там я спрячу вас на некоторое время, пока не появится возможность убежать отсюда.

— Мы в твоих руках, Фао. Если придется драться, я предпочел бы быть вместе с Хадроном,— сказал Нур Ан.

— Надеюсь, что драться не придется,— ответила девушка. Она открыла дверцу, а за нею оказался не-большой стенной шкаф.

— Сюда, Нур Ан,— сказала она.— Сиди здесь до нашего возвращения. Вряд ли кто-либо заглянет сюда. На моей памяти эта дверца еще никогда не открывалась

— Мне совсем не нравится прятаться,— с гримасой недовольства сказал Нур Ан.— Но за последнее время мне пришлось делать столько всего, что мне не нравится...— и он полез в шкаф.

Они встретились с девушкой глазами, когда она закрывала дверцу, и не отводили друг от друга взгляда несколько мгновений, как замороженные. Я был удивлен происходящим, ведь я помнил, что Нур Ан рассказывал мне о женщине, которую у него украл Тул Акстар. Ладно, все это не мое дело, к тому же сейчас не время размышлять об этом.

— Вот мой план, воин,— сказала Фао, подойдя ко

мне.— Когда вы пришли сюда, вы сказали, что пришли за пленницей Тавией, и я поверила. Сейчас мы пойдем к Е Сено, хранителю ключей, и ты скажешь ему то же самое. Если он поверит, все будет хорошо, так как он пойдет за нею сам, затем передаст тебе.

— А если не поверит?

— Он зверь, которому лучше быть мертвым, чем живым. Так что ты будешь знать, что делать.

— Я понял. Веди меня.

Кабинет Е Сено находился на четвертом этаже, как раз над покоями принца. Возле двери Фао остановилась и прошептала:

— Я войду первой под каким-нибудь незначительным предлогом. Затем войдешь ты, не обращая на меня никакого внимания, чтобы он не понял, что мы пришли вместе.

— Ясно,— сказал я и отошел в сторону, чтобы меня не было видно через дверь.

Я выждал немного и затем вошел в кабинет. Это была мрачная комната без окон. На стенах висели ключи самой разнообразной формы и размеров. За огромным столом сидел ужасно отвратительный человек. Он поднял на меня глаза, явно недовольный, что я прервал его занятие.

— Ну? — спросил он.

— Я пришел за пленницей Тавией. Пленницей из Джахара.

— Кто послал тебя? Зачем она тебе?

— Приказ отдал сам Хай Озис.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— У тебя есть письменный приказ?

— Конечно, нет. В этом нет необходимости. Она не выйдет из дворца. Просто будет переведена в другое помещение.

— Нужен письменный приказ,— рявкнул он.

— Хай Озис будет недоволен, когда узнает, что ты отказался выполнить его приказание.

— Я не отказываюсь. Я не могу выдать пленника без письменного приказа. Предоставь мне его, и ты получишь ключи.

Я видел, что наш план трещит по швам. Нужно было что-то предпринять. Я выхватил меч.

— Вот мой приказ! — крикнул я и бросился на него.

Изрыгая ругательства, он схватил свой меч, но вме-

сто того, чтобы защищаться, он отскочил назад и ударил мечом в большой медный колокол.

Тут же я услышал топот бегущих ног, бряцание оружия в коридоре. Е Сено злобно ухмыльнулся, но вдруг погас свет, и комната погрузилась во мрак. Нежные пальцы коснулись моей руки, и я услышал шепот: «Иди за мной».

Мы успели с Фао проскользнуть в небольшую дверь как раз в тот момент, когда распахнулась дверь в коридор и на фоне светлого проема появились фигуры воинов. Затем дверь за нами закрылась, мы снова очутились в темноте, но мягкие пальцы Фао держали мою руку.

— Тихо! — прошептала она.

Я слышал из-за двери сердитые громкие голоса. Затем чей-то властный голос крикнул:

— Что тут случилось? Почему нет света?

И немного погодя:

— Ну, наконец-то. Где Е Сено? А, вот ты где, жирный шакал. Что за шум?

— Он убежал! — это был голос Е Сено.

— Кто убежал? Почему ты вызвал нас?

— На меня напал воин. Он требовал ключи от камеры, где содержится дочь... — остального я не расслышал.

— Где же он? — спросил офицер.

— Он исчез. И ключи тоже. Ключи исчезли!

Е Сено уже не говорил, он визжал.

— Тогда быстро в камеру, — крикнул офицер, и по топоту ног я понял, что все воины бросились туда.

Девушка возле меня шевельнулась, и я услышал ее тихий смех.

— Они не найдут ключи.

— Почему?

— Потому что я взяла их.

— Нам от этого мало пользы. Они будут тщательно охранять дверь камеры.

Фао снова рассмеялась.

— Нам не нужен ключ. Я взяла его, чтобы сбить их со следа. Они будут охранять дверь, а мы войдем другим путем.

— Я не понимаю.

— Этот коридор находится внутри стен и ведет прямо в камеру. Я это знаю, так как сама сидела в той камере, и Е Сено приходил в камеру этим путем. Е Сено — зверь, и я надеюсь, что он не ходил к Тавии. Ведь

если ты любишь ее, это причинило бы тебе горе.

— Я не люблю ее. Она просто мой друг.

Я произнес эти слова автоматически, но вдруг ощутил, насколько невыносима для меня сама мысль о том, что гнусный Е Сено мог посещать Тавию. Все перевернулось во мне. Если раньше я собирался просто убить Е Сено, то теперь мне хотелось разорвать его на куски, заставить его мучиться перед смертью. Еще никогда в жизни я не испытывал такого звериного чувства.

— В чем дело? — спросила Фао. — Мне кажется, ты дрожишь.

— Да, дрожу.

— Почему?

— От ненависти к Е Сено. Давай поспешим. Ведь теперь, когда ключи исчезли, Тавию могут перевести в другую камеру.

— Хай Озис не узнает о пропаже ключей. Ни Е Сено, ни падвар охраны не сообщат ему, так как это может стоить им жизни. Они будут ждать тебя возле камеры, чтобы убить и забрать ключи.

Она вела меня по узкому темному коридору, держа за руку. Мы шли медленно, так как было совсем темно, а коридор постоянно поворачивал под прямыми углами. Наконец мы остановились.

— Мы пришли, — прошептала она. — Но нужно удостовериться, что в камере нет никого, кроме пленницы.

Я ничего не видел в абсолютной темноте, и для меня оставалось загадкой, как Фао нашла нужную дверцу.

— Все в порядке, — прошептала она, отодвинув в сторону деревянную панель, и я увидел круглую камеру с узкими зарешеченными окнами.

На груди тряпья сидела женщина. Я увидел только ее обнаженное плечо, маленькое ухо и распушенные волосы, но сразу же понял, что это Тавия.

Мы вошли в камеру, и Фао задвинула панель. Услышав звуки наших шагов, Тавия напряглась, посмотрела на нас и, узнав меня, вскочила на ноги. Глаза ее широко раскрылись, с губ готов был сорваться возглас изумления. Но я жестом заставил ее молчать. Подойдя к ней, я заглянул в ее глаза и увидел то, чего еще никогда не видел в глазах женщины. И если бы я сомневался в дружбе Тавии, эти сомнения исчезли бы сразу, меня удивила глубина ее чувств. Если бы таким взглядом на меня смотрела Санорма Тора, я был бы уверен, что это

любовь, но мы с Тавией не говорили о любви, и я знал, что она испытывает ко мне только дружеские чувства. До этого момента я не понимал, какое это чудесное чувство — дружба.

— Хадрон,— прошептала она.

Голос ее был чуть хриплым от сдерживаемого волнения. И тогда я обнял ее хрупкие плечи, привлек к себе и, не понимая, что делаю, поцеловал в лоб. Она мгновенно освободилась от моих рук, а я испугался, что девушка превратно истолкует мой поцелуй. Но ее слова убедили меня в ошибке.

— Я думала, что никогда больше не увижу тебя, Хадрон из Хастора,— сказала она.— Я думала, что тебя убьют. Как ты очутился здесь? И почему ты в одежде воина Тьяната?

Я коротко рассказал ей обо всем, что произошло с тех пор, как нас разлучили, и о том, что мне удалось избежать встречи со Смертью.

Она спросила, что такое Смерть, но я промолчал.

— Это что-то ужасное,— сказала Фао.

— Как это выглядит?

— Не знаю,— ответила девушка,— только это кошмарно. В подвале дворца есть бездонная яма. Оттуда постоянно слышны рев, жуткие вопли. Приговоренного к Смерти спускают в эту яму, но так, чтобы он не погиб при падении, а достиг дна живым. Пытка длится очень долго, судя по крикам несчастных жертв.

— И ты избежал этого! — воскликнула Тавия.— Дни и ночи я молилась, чтобы ты остался жив. Как теперь мы убежим отсюда?

— Я думаю, что с помощью Фао нам это удастся. Нур Ан, о котором я говорил тебе, сейчас прячется в покоях маленького принца. Мы вернемся туда, и Фао спрячет нас там же до тех пор, пока не появится возможность убежать.

— Нам нужно уходить отсюда поскорее,— сказала Фао.

Когда мы подошли к панели, через которую поникли в камеру, я заметил, что она отодвинута, хотя я был уверен, что Фао задвинула ее. Более того, я мог бы поклясться, что из тьмы потайного коридора на нас кто-то смотрит.

Я ринулся в темное отверстие, обнажив меч, но в коридоре никого не было...

VII

СМЕРТЬ

Во главе с Фао мы пошли по коридору к кабинету Е Сено. Когда мы добрались до него, Фао остановилась и прислушалась. Было тихо, как в могиле.

Мы остановились, и Фао, попрощавшись с нами, приоткрыла панель и выскользнула из коридора, а мы с Тавией погрузились в полную тьму.

Долгие часы ожидания в крошечной темноте могли бы показаться бесконечными. Но мы с Тавией удобно устроились, сидя на полу и опираясь на стену, и шепотом разговаривали. Время прошло незаметно, и я даже вздрогнул от неожиданности, увидев, что панель скользнула в сторону и появилась Фао. Она поманила нас, и мы послушно двинулись за ней.

Мы прошли по пустому коридору, спустились по лестнице. Все было спокойно. Мы не встретили ни одного человека. И вот, наконец, Фао открыла перед нами двери покоев принца и пригласила войти.

Но когда мы вошли, сердце мое упало: вдоль стен стояли воины, поджидавшие нас. Я спрятал Тавию за спину и бросился с нею к двери. Но весь коридор уже был наполнен воинами. Обратного пути не было.

Нас обнаружили. И моей первой мыслью была мысль о предательстве Фао, которая заманила нас в западню. Нас затащили в комнату, окружили. И тут я увидел Е Сено. Он стоял, злобно ухмыляясь. Но Тавия заверила меня, что он не причинил ей вреда, и поэтому я сразу же не бросился на него, хотя в противном случае и десяток мечей не остановил бы меня.

— Ну? — сказал Е Сено, — вы хотели одурачить меня, но я не идиот. Я понял ваш план и проследил за вами. Я слышал все. Теперь вы в моих руках, — он показал на маленькую дверь и приказал воину, — давай-те сюда и этого!

Воин открыл дверцу. В шкафу стоял связанный Нур Ан с кляпом во рту.

— Развяжите его, — приказал Е Сено, — он уже никого не сможет предупредить.

Мы все четверо стояли перед Е Сено, и ухмылка на его лице сменилась взглядом, полным ненависти.

— Вы двое были приговорены к Смерти, как это

было положено воинам. Нет более ужасной участи. Но за то, что вы убили двух наших товарищей, вам придется страдать еще больше.

Значит, они нашли убитых охранников. Ну и что же? Что еще более страшное они могли уготовить нам? Мы приговорены к Смерти, а это — самое страшное.

— У вас есть что сказать? — спросил Е Сено.

— Мы еще живем! — сказал я и рассмеялся ему в лицо.

— Очень скоро вы будете молить богов, чтобы они послали вам смерть, — прошипел хранитель ключей. — Но она не придет к вам так скоро, поскольку никто не знает, сколько Смерть убивает свою жертву. Мы не можем добавить вам физических мучений, но мы постараемся усугубить ваши душевные страдания, не сообщив вам, какая судьба ждет ваших сообщниц, — и он кивнул в сторону Фао и Тавии.

Это был верный удар, но я не дал ему возможности насладиться своей болью и снова рассмеялся ему в лицо. Его терпение достигло предела, так как он повернулся к падвару и приказал увести нас.

Когда нас выводили из комнаты, Нур Ан крикнул слова прощания Фао.

— Прощай, Тавия, — крикнул я. — Помни, мы еще живы!

— Мы еще живы, Хадрон из Хастора, — прокричала в ответ Тавия и исчезла из виду. Нас повели по коридору.

Затем мы спустились по лестницам, ведущим в самые глубины подвалов дворца и оказались в огромной подземной комнате. Здесь я увидел Хая Озиса, сидящего на троне в окружении советников, придворных и вождей.

Напротив трона, по центру комнаты, на тяжелой цепи висела железная клетка. Нас втокнули в нее, закрыли дверь на замок. Я не понимал, что это все значит и имеет ли это отношение к предстоящей встрече со Смертью. В это время десять солдат убрали тяжелую плиту из-под клетки. Снизу пахнуло холодным затхлым воздухом, и все мое тело пронизала дрожь. Мне вдруг показалось, что я нахожусь в холодных объятиях Смерти. До моих ушей донеслись отдаленные вопли и вой.

Не было сказано ни единого слова, но по жесту Хая Озиса воины начали медленно опускать клетку в без-

донную пучину. Холодный сырой воздух сомкнулся вокруг нас, а жуткие крики стали слышнее.

Все ниже и ниже опускались мы во тьму. Крики становились все громче, постепенно переходя в какофонию.

Не могу сказать, сколько прошло времени и на какую глубину мы опустились. Нур Ан предположил, что футов на тысячу. Постепенно мы стали различать слабое свечение вокруг. Крики и стоны превратились в неумолкающий рев. Чем глубже мы опускались, тем больше этот рев напоминал нам свист ветра и рокот волн.

Внезапно дно клетки открылось, и мы, не успев ни за что ухватиться, упали в рокочущие волны.

Вынырнув на поверхность, я понял, что могу видеть. Слабый свет проникал откуда-то, рассеивая тьму. Почти сразу же рядом со мной из-под воды появилась голова Нура Ана. Сильный поток понес нас вперед. По всей вероятности, мы попали в одну из подземных рек Барсума. Вдалеке я увидел берег и поплыл туда, Нур Ан последовал за мной. Вода была холодная, но я не беспокоился: у нас еще хватало сил, чтобы добраться до берега.

К тому времени, когда мы доплыли до камней и выбрались на сушу, наши глаза привыкли к слабому свету. Я осмотрелся. Какая огромная пещера! Высоко вверху слабо светился потолок — это мерцали микроскопические радиевые вкрапления в породе. Но противоположного берега реки мне рассмотреть не удалось.

— Так это и есть Смерть, которой нас пугали? — воскликнул Нур Ан.

— Думаю, там, наверху, понятия не имеют, что здесь находится. По реву ветра и рокоту волн они предположили нечто ужасное.

— Вероятно, самые большие мучения жертв заключались в ожидании того, что же будет с ними в этих мрачных глубинах, — предположил Нур Ан, — а оказывается, самое худшее, что ожидает их, это опасность утонуть.

— Или смерть от голода.

Нур Ан кивнул.

— И все же, — сказал он, — мне хотелось бы вернуться, чтобы увидеть их разочарованные рожи. Они же сойдут с ума, когда узнают, что Смерть вовсе не так ужасна, как они думают.

— Какая могучая река,— добавил он, помолчав.— Может, это приток Иссы?

— Или сама Исса.

— Тогда нам предстоит долгое путешествие до озера Корус в долине Дор,— угрюмо заметил Нур Ан.— Вероятно, это прекрасное место, но я пока не хочу туда.

— Это жуткое место,— заметил я.

— Молчи, это святотатство.

— Это было святотатством до тех пор, пока Джон Картер и Тарс Таркас не сорвали завесу тайны с долины Дор и не развенчали миф об Иссе, богине вечной жизни.

И я рассказал Нуру Ану трагическую историю о фальшивых богах Марса, но даже после этого он был настроен весьма скептически, так крепки были путы суеверия.

Мы оба очень устали после долгой борьбы с мощным потоком, кроме того, сказывалось нервное напряжение, поэтому мы решили пока отдохнуть здесь, на каменистом берегу таинственной реки. Постепенно наш разговор перекинулся на тему, которая волновала нас обоих: что же будет с Тавией и Фао.

— Хотел бы я, чтобы их тоже приговорили к Смерти,— сказал я.— Тогда мы были бы сейчас вместе.

— Боюсь, что мы никогда не увидим их больше,— угрюмо сказал Нур Ан.— Как все же жестока ко мне судьба: я нашел Фао лишь для того, чтобы снова потерять ее.

— Действительно странный каприз судьбы. Сначала Тул Акстар украл ее у тебя, затем тоже ее потерял. И вот вы снова встретились в Тьянате.

Он удивленно посмотрел на меня, затем лицо его прояснилось.

— Фао — это не та женщина, о которой я говорил тебе в камере. Фао — моя первая любовь. После того, как я потерял ее, я решил, что никогда не найду счастья с женщиной. Но потом другая женщина вошла в мою жизнь. Уверенный, что Фао погибла, я полностью отдался новой любви; но в глубине души всегда чувствовал, что никто не может заменить Фао.

— Ты однажды уже терял Фао, но нашел снова. Может быть, тебе еще улыбнется судьба.

— Мне бы хотелось, чтобы ты оказался прав. Мы еще живы! — со смехом добавил он.

Почувствовав себя отдохнувшими, мы пошли по бе-

регу реки, не зная, куда она приведет. Может, к озеру Корус, а может, к Омину, подземному морю. Мы шли, пробираясь меж камней, бездумно и бесцельно. Изредка нам встречались растения, странные, совершенно бесцветные — они ведь были лишены солнечного света. Мы видели растения, похожие на деревья, ветки которых обламывались при малейшем прикосновении. Да, это был мир, не похожий на реальный, воображение обыкновенного человека, наверное, не смогло бы его нарисовать.

Выйдя из-за каменной гряды, мы внезапно столкнулись с огромным белым ящером. Челюсти у него были устрашающего вида, а пасть такого размера, что он, пожалуй, мог бы без труда проглотить человека. Увидев нас, ящер зашипел и с угрожающим видом двинулся на нас.

Мы были не вооружены и не могли противостоять такой громадине. Приняв единственно разумное решение в этой, прямо скажем, весьма неприятной ситуации, мы бросились бежать. И без стыда могу сказать: бежали мы быстро.

Обогнув каменную гряду, мы стали взбираться на холм. Я оглянулся, чтобы посмотреть на нашего преследователя. Тот стоял возле камней и водил головой из стороны в сторону, как бы прислушиваясь, и я внезапно понял, что он плохо видит, а может быть, совсем слеп. Но я не хотел полагаться на это ничем не доказанное предположение, поэтому мы взобрались на вершину холма и стали спускаться с другой стороны. Я бросил еще один взгляд в сторону чудовища. Оно все еще стояло, пытаясь определить, где же мы.

Мы благополучно спустились вниз и бросились бежать, чтобы как можно больше увеличить расстояние между собой и ящером. Так мы бежали довольно долго, пока Нур Ан не запнулся обо что-то и не упал. Я остановился, чтобы помочь ему подняться, и вдруг увидел, что это — истлевшие останки воина, а затем заметил рукоять меча, торчащую из песка. Я вытащил его из земли. Прекрасный длинный меч, прикосновение к которому сразу вселило в меня уверенность и оптимизм. Сделанный из великолепной нержавеющей стали, меч был таким же блестящим, как в ту минуту, когда его выпустили руки мастера.

— Посмотри,— сказал Нур Ан.

Я увидел еще один скелет и возле него сразу два меча — короткий и длинный. Нур Ан взял оба. Теперь не было необходимости бежать. На Барсуме нет ничего, что могло бы остановить двух вооруженных воинов. Мы пошли дальше, стараясь разрешить загадку появления здесь этих воинов. По пути нам встречались останки все новых и новых воинов. Многие лежали здесь давно и почти истлели, другие были сравнительно свежими. И вдруг мы увидели белый холм. Сначала в полумраке мы не смогли понять, что это, но подойдя поближе, поняли: холм сложен из черепов и костей.

Это зрелище вселило в нас ужас, и я понял, что это все жертвы громадного ящера. Здесь он подстерегал свою добычу. Но откуда и зачем вооруженные воины попадали сюда? Мы были пленниками Тьяната, но что стало с этими воинами? Вполне возможно, что мы никогда не узнаем этого.

Пока мы продвигались вперед, то повсюду видели останки людей, их одежду, оружие.

Я прибавил к своему вооружению прекрасный короткий меч и кинжал. Нур Ан тоже взял кинжал. Склонившись над ним, я внимательно рассматривал искусный орнамент на рукояти, как вдруг услышал крик Нура Ана:

— Хадрон! Он идет!

Я вскочил на ноги, сжимая в руке меч, и увидел, как со злобным шипением на нас надвигается ящер, широко раскрыв пасть. Вид у него был жуткий. Даже смелого человека мороз пробирал по коже. Наверное, погибшие воины пытались спастись от него бегством, но нас было двое, и мы не желали отступить.

И вот он уже совсем близко. Положение наше было почти безнадежным. Бежать поздно, мы стояли перед ящером: Нур Ан — с длинным мечом в руке, я — с коротким, украшенным орнаментом, который только что рассматривал. Короткий меч — это, конечно, не оружие, с помощью которого можно защититься от этого чудовища.

Еще в Гелиуме я много практиковался в метании меча и достиг в этом значительных успехов. Никогда я не готовился к броску с большей сосредоточенностью, чем сейчас, еще никогда так страстно не молил я богов, чтобы он мне удался. Наконец, я размахнулся и швырнул меч прямо в пасть чудовищу. Но бросок не полу-

чился. В Гелиуме надо мной бы посмеялись, но здесь этот неудачный бросок спас мне жизнь. Меч полетел не по прямой линии, острием вперед, а наклонился под углом в сорок пять градусов. Острие его вонзилось в нижнюю челюсть, меч, повернувшись, застрял в пасти как распорка.

Ящер от неожиданности прекратил шипеть. Он судорожно пытался избавиться от меча, но не сумел. Мы с Нуром Аном бросились на ящера одновременно. Он пытался защититься ударами хвоста и когтей, но мы оказались более ловкими, и через мгновение все было кончено. Ящер лежал на земле в луже крови, и тело его судорожно подергивалось.

От крови ящера исходил тошнотворный запах, и мы с Нуром Адом поспешили покинуть поле битвы, не отпраздновав своей победы. Мы вымыли в реке оружие и продолжили путь дальше.

Идя вдоль реки, мы вскоре обнаружили, что там водится рыба. Обед был бы как раз кстати, чтобы восстановить силы. Ни он, ни я никогда в жизни не ловили рыбу и даже не ели ее. Но из истории Барсума мы знали, что раньше люди ели рыбу. И собравшись ловить ее, мы, естественно, надеялись на свои мечи, как на единственное средство для охоты. Зайдя в воду, мы стали поджидать, когда рыба приблизится к нам, но ни одна из них не подплыла к нам на расстояние удара меча.

— Видимо,— сказал Нур Ан,— рыбы не такие глупые, как кажутся. Они видят нас и спрашивают себя, зачем мы здесь.

— Может, ты и прав, давай попробуем по другому.

— Как именно?

— Выйдем на берег,— ответил я.

После недолгих поисков мы выбрали небольшую нависавшую над водой скалу.

— Мы ляжем здесь так, чтобы нас не было видно, и не будем ни говорить, ни двигаться. Возможно, нам удастся заколоть хоть одну рыбку.

Мысль о большом улове я уже отбросил как нереальную. К нашей радости, этот план удался, и каждый из нас добыл по большой рыбине. Естественно, как и все люди, мы предпочитали жареную или вареную еду. Но мы были воинами и привыкли есть все, поэтому съели рыбу сырой. Нельзя сказать, что она была очень вкусной, но еда прибавила нам сил.

Было непонятно, какое время суток теперь — день или ночь, но я почувствовал, что мы должны немного поспать. Нур Ан улегся на берегу и сразу уснул. Я остался стеречь его сон. Через некоторое время мы поменялись ролями. Набравшись сил после еды и сна, мы вновь отправились в неведомое.

Шли мы очень долго. Вокруг нас были все те же скалы подземной реки и узкая полоска берега. Нас сопровождали свист ветра и плеск воды. Первым перемены заметил Нур Ан. Он показал рукой вперед.

— Дневной свет! — воскликнул я. — Солнце!

— Да, и не что иное.

Далеко впереди мы увидели яркое сияние. На таком расстоянии нельзя было ничего разглядеть, и поэтому мы ускорили шаг, почти побежали к этому долгожданному свету. Неужели каким-то необъяснимым таинственным образом эта река вывела нас на поверхность планеты? И я, и Нур Ан прекрасно знали, что это невозможно, и все же оба предчувствовали, как велико будет наше разочарование, если это не так.

Мы быстро бежали и все больше убеждались в том, что впереди дневной свет, а когда выскочили из-под каменных сводов, то сердца наши наполнились радостью: перед нами лежала долина, окаймленная холмами, залитая жарким солнцем, поросшая густой растительностью, — долина, полная жизни.

— Это еще не поверхность планеты, — сказал Нур Ан, — но ничем не хуже.

— И здесь должен быть выход наверх, — заметил я. — Если его нет, то мы сделаем.

— Ты прав, Хадрон, — крикнул Нур Ан. — Мы сделаем его!

Все берега реки здесь заросли пышной растительностью. Многих растений я никогда не видел раньше, но некоторые были мне знакомы. Для нас, вырвавшихся из мрачных глубин, эта долина представляла собой зрелище чудной красоты. Однако и для жителей Барсума это было необычное зрелище: остаток чудесного мира, каким был Барсум в ту далекую эпоху, когда был молод и представлял собой цветущий сад. Видимо, эта небольшая долина находилась ниже уровня земли, и атмосфера здесь была плотнее. Она, как одеялом, укутывала долину, оберегая ее как от излишней жары днем, так и от пронзительного холода ночью. А кроме того, река обиль-

но снабжала влагой плодородную почву долины.

Мы долго стояли, зачарованные этой изумительной картиной, но затем заметили на ветвях деревьев чудесные фрукты, и чувство восхищения уступило место чувству города. Мы решили добавить к сырой рыбе, которую мы съели на обед, прекрасный десерт, который предлагала нам долина.

Попробовав пробраться сквозь заросли, мы обнаружили, что они все опутаны тонкими, но очень крепкими нитями паутины. Их было очень трудно разорвать, и нам даже пришлось пустить в ход кинжалы.

Так мы прошли несколько метров, и вдруг перед нами возникло новое неожиданное препятствие: большой паук, скорее всего ядовитый. Он быстро двигался к нам, перебираясь от дерева к дереву по нитям паутины.

Паук двигался прямо ко мне, видимо, с самыми зловещими намерениями. Я быстро выхватил меч и, размахнувшись, ударил, но острие меча лишь слегка задело паука. И тут произошло самое неожиданное: он раскрыл свою жуткую пасть и издал вопль, слишком сильный для насекомого такого размера. Этот вопль буквально ударил меня по нервам. Тут же крики раздались отовсюду, и со всех сторон к нам стали приближаться пауки. Видимо, пауки могли передвигаться только по своей паутине. Все двенадцать их ног росли из спины, что делало их еще более жуткими.

Опасаясь яда пауков, мы с Нуром Аном поспешно отступили к пещере, где они не могли причинить нам вреда. Мы стояли и смотрели на фрукты, страстно желая добраться до них.

— Дорога вдоль реки тщательно охраняется, — с улыбкой заметил Нур Ан, — значит, впереди нас ждет нечто неожиданное.

— В данный момент для меня самое желанное — фрукты, — ответил я. — И я попытаюсь получить их.

Я пошел вдоль опушки леса, отыскивая вход в лес, который бы не был опутан нитями паутины, и, наконец, дошел до тропы, наверняка прорубленной человеком. Однако по обеим сторонам тропы свисали нити паутины; если коснуться их — значит подать сигнал тревоги тысячам пауков. Не знаю, были ли они ядовитыми, но даже если и нет, их кровожадные пасти представляли для нас опасность.

— Ты заметил,— сказал Нур Ан,— что этими нитями опутан только вход на тропу? А дальше я их не вижу, хотя они настолько тонкие, что, может быть, я их просто не могу рассмотреть.

— Но я не вижу и пауков. Вероятно, мы сможем войти именно здесь.

— Попробуем,— сказал я, доставая длинный меч.

Я прошел вперед, разрубил несколько нитей и мгновенно отскочил назад, наблюдая, как из гущи листвы появилось множество пауков. Каждый из них бежал по своей нити. Они собрались возле тропы и повисли на нитях, поглядывая на нас злобными глазами и обнажая страшные клыки. Однако никто из пауков не покинул своей нити.

Я наблюдал за ними, и у меня постепенно созрел план.

— Они беспомощны,— сказал я,— когда нити паутины перерезаны. Следовательно, нам нужно перерубить все нити, и они не смогут до нас добраться.

С этими словами я пошел вперед, перерубая мечом оставшиеся нити. Со всех сторон раздались крики пауков. Те из них, которые сорвались с паутины от ударов, лежали без движения на земле лапами вверх. Они казались совершенно беспомощными, хотя злобно кричали и бессильно перебирали конечностями. Я прикончил тех, что были на нашем пути, а остальные, висевшие на перерубленных нитях, не могли достать нас.

Мы с Нуром Аном вошли в лес. Впереди паутины не было. Путь казался свободным. Но прежде, чем идти дальше, я оглянулся на пауков, они уже перестали кричать и медленно уползали по нитям в листву. Видимо, возвращались в свои гнезда. Я решил, что они уже больше не представляют опасности, и мы пошли вперед. Деревья и кусты вдоль тропы были обобраны. На них не было фруктов, хотя чуть дальше от тропы они росли в изобилии, но нас отделял от них барьер из паутины.

— Тропа, видимо,— дело рук человека,— сказал Нур Ан.

— Кто бы и когда не сделал ее, ясно, что ею пользуются и теперь. Прямое доказательство этому — отсутствие фруктов вдоль тропы.

Мы осторожно шли вперед по извилистой тропе, не ведая, в какой момент новая опасность возникнет перед нами и в каком образе — человека или зверя.

Вскоре мы вышли на поляну. Лес кончился. Впереди, примерно в хааде от нас, высилась угрюмая черная башня, сделанная из камня вулканического происхождения. Она была окружена глухой стеной высотой в тридцать футов, в которой была только одна небольшая дверь. За стеной виднелись крыши зданий, над которыми и возвышалась угрюмая башня. Из трубы на ее крыше в безоблачное небо уходила струйка дыма.

Отсюда мы прекрасно видели всю долину, и я еще больше укрепился в мысли, что это кратер какого-то гигантского, давно умершего вулкана. Между нами и стеной, за которой, видимо, находился небольшой город, простирались возделанные поля, изрезанные оросительными каналами. Система орошения была такой, какую использовали древние люди Барсума, когда воды на планете было в изобилии.

Постояв немного, я пошел к городу.

— Ты куда? — спросил Нур Ан.

— Я хочу знать, кто живет в этом угрюмом городе. Здесь есть поля и сады, значит, у них есть и пища. И это единственное, что я хочу попросить у них.

Нур Ан покачал головой.

— Мне не нравится этот город.

Но он пошел за мной. На такого человека, как Нур Ан, всегда можно положиться.

Мы прошли почти две трети расстояния до города, когда увидели, что на стене появились фигуры людей. В руках у них были длинные тонкие шарфы, которыми они размахивали, как бы приветствуя нас. А когда мы подошли поближе, я рассмотрел, что это — девушки. Они облокотились на парапет и с улыбками смотрели на нас.

Я остановился.

— Что это за город? — крикнул я. — Кто джед в этом городе?

— Входите, воины, — ответила одна из девушек. — Мы проведем вас к нашему джеду.

Она была очень красива и улыбалась мягко и нежно, как и ее подруги.

— Ну, а теперь тебе нравится этот город? — тихо спросил я у Нура Ана.

— Я ошибался, — ответил он. — Здесь живут гостеприимные добрые люди. Мы должны войти.

— Входите, — настаивала девушка. — За этими уг-

рюмыми стенами вас ждут пища, вино, любовь.

Пища! Ради этого я вошел бы в гораздо менее приятное место, чем этот город. Пока мы с Нуром Аном шли к маленькой двери в стене, она медленно открылась. Мы увидели площадь, выложенную черными плитами. За нею возвышались дома из черного камня. Улицы города были пусты. За моей спиной щелкнул замок на двери, и у меня возникло предчувствие чего-то плохого. Рука инстинктивно потянулась к рукояти меча.

VIII

ПАУК ИЗ ГАСТЫ

Некоторое время мы стояли в нерешительности, осматриваясь кругом. Затем мы увидели лестницу, ведущую на стену, с которой нас приветствовали девушки. Они уже спускались вниз. Их было шестеро. На их прекрасных лицах сияли радостные улыбки. Эти улыбки заставили нас забыть об угрюмых мрачных стенах во-круг. Чудесные девушки в роскошной одежде, украшенной драгоценными камнями. Да, очень чудесные... но насколько же Тавия прекраснее их! Удивительно, почему я сравниваю их с Тавией, а не с Саномой Тора?

Спустившись вниз, девушки направились к нам.

— Приветствуем вас, воины, — крикнула одна, — в счастливой Гасте. Вы, должно быть, проголодались во время долгого путешествия. Идемте с нами. Вас накормят, но перед этим вас хочет видеть наш джед. Ведь в нашем городе так редко бывают гости.

Когда они вели нас по улицам, я не мог не удивляться тому, что нигде не было никаких признаков жизни. И только когда мы вышли на центральную площадь, я увидел людей — мужчин и женщин. Они шли сгорбившись, опустив головы, и в их облике было столько безза-дежности, что мне стало не по себе, уж слишком сильным был контраст между угрюмостью этих людей и веселой беззаботностью наших прекрасных спутниц. Девушки подвели нас к главному входу здания, над которым возвышалась башня. Видимо, это и был дворец джеда, а башня оказалась той самой, что мы видели из леса. У входа стояли охранники — толстые, с сальными

лицами. Мне они совсем не понравились. Из здания вышел офицер, еще более толстый, чем его солдаты, хотя казалось, что это уже невозможно. Он улыбнулся нам и поклонился.

— Приветствую вас! — воскликнул он. — Пусть мир всегда будет с теми, кто вошел в ворота Гасты.

— Сообщи Грону, великому джеду, — сказала одна из девушек, — что мы привели двух воинов, которые хотят засвидетельствовать ему свое почтение, прежде чем наслаждаться гостеприимством Гасты.

Офицер послал воина и повел нас во дворец. Убранство дворца было роскошным, но совершенно необычным, даже фантастическим. Мебель была сделана из деревьев местных пород, причем был сохранен их естественный цвет, красота оттенков которого подчеркивалась легкой драпировкой. Но самым замечательным элементом в убранстве дворца была ткань, которой были обтянуты стены и потолки. Ткань легкая, почти прозрачная и невесомая. Она создавала впечатление льющегося серебра. Впоследствии мне довелось узнать, что эта ткань была очень крепкой и разорвать ее было невозможно.

На ткани яркими красками были изображены самые фантастические сцены, которые только способно создать воображение. Здесь были пауки с головами прекрасных женщин, женщины с головами пауков, фантастические цветы, танцующие под громадным красным солнцем; ящеры, подобные тому, которого мы встретили под землей. И ни одна из изображенных фигур не была такой, какой ее создала природа. Казалось, что все это плод воображения сумасшедшего художника.

Пока мы ждали в громадной приемной, четыре девушки стали танцевать, чтобы развлечь нас. Я еще никогда не видел такого танца на Барсуме. Движения девушек были такими же странными и фантастическими, как настенные изображения. И все же в их танце, в изгибах тел был какой-то завораживающий ритм, который вселял в нас ощущение довольства и бездумной радости.

Жирный падвар облизывал губы, глядя на танцующих девушек, хотя ему, несомненно, не раз приходилось видеть танец. И все же он был захвачен им даже больше, чем мы. Вполне вероятно, что ему было некого вспомнить, ведь у него не было ни Фао, ни Саномы Тора.

Саном Тора! Прекрасный ее лик на мгновение всплыл в моей памяти, а затем исчез, и как я ни старался вызвать его снова, больше не смог. А вместо ее лица я видел чудесные глаза Тавии, полные слез, ее маленькое ухо и пышную копну волос.

Появился воин и объявил, что джед готов принять нас. Нас сопровождали только девушки. Жирный падвар остался, хотя готов поклясться, что сделал он это не по своему желанию. Покои джеда, где он принял нас, находились на втором этаже. Это была огромная комната, разукрашенная еще более фантастично, чем остальные помещения дворца. Мебель в покоях была причудливых форм — в них не было ни капли гармонии. Но, должен признаться, такая дисгармония вовсе не производила отталкивающего впечатления.

Джед восседал на громадном троне, сделанном из базальта. Это было настоящее произведение искусства. По нему можно было судить о величайшем мастерстве резчиков Гасты. Однако мое внимание ненадолго задержалось на троне. И неудивительно. Сам джед был гораздо более любопытным зрелищем, чем трон. На первый взгляд он больше походил на волосатую обезьяну, чем на человека. Он был огромен, с покатыми сутулыми плечами и длинными руками, покрытыми жесткими черными волосами, хотя я знал, что на Барсуме нет расы волосатых людей. Лицо джеда было широким и плоским, а глаза так широко расставлены, что находились на самом краю лица. Когда мы остановились перед ним, губы его искривились. Вероятно, это была улыбка, но она сделала его лицо еще более страшным.

Как положено по обычаям Барсума, мы положили свои мечи у его ног и назвали свои имена.

— Хадрон из Хастора, Нур Ан из Джахара! — повторил он. — Джед Грон приветствует вас в Гасте. Немногие находят наш прекрасный город. И вот теперь у нас в гостях два столь блистательных воина. До нас редко доходят сведения из внешнего мира. Расскажите нам о своем путешествии и о том, что происходит на поверхности Барсума.

Его тон и манеры были именно такими, какими должны быть у радушного хозяина, приветствующего гостей. Но я не мог отделаться от мысли, что все это — фальшь. Правда, мне ничего не оставалось делать, как играть роль гостя, благодарного за теплый прием. Мы

рассказали о себе, о жизни в тех частях Барсума, о которых знали. Пока говорил Нур Ан, я осмотрелся. В комнате в основном были женщины — молодые и красивые. Мужчины же оказались толстыми, неповоротливыми, с маслянистыми лицами, и в выражении их лиц и глаз я заметил жестокость, мрачную жестокость. Именно такое ощущение возникло у меня, когда я впервые увидел этот угрюмый город, его пустынные улицы, мрачные дома.

Когда мы закончили рассказ, Грон объявил, что в нашу честь он дает обед, и, поднявшись с трона, сам повел процессию в банкетный зал. В центре зала стоял громадный мраморный стол, расписанный изображениями цветов и фруктов, которые мы с Нуром Аном видели в лесу. Перед столом стоял громадный трон для джеда, а по обеим сторонам от него — два трона поменьше, как оказалось, для меня и Нура Ана. Рядом с каждым из нас сели девушки, обязанностью которых, как я понял, было развлекать нас.

Росписи на блюдах, на которых подавали кушанья, были сделаны, по-видимому, тем же самым сумасшедшим художником, который расписывал весь дворец. На столе не было двух одинаковых блюд или кубков, и форма блюд совершенно не соответствовала их предназначению.

Мое вино было налито в узкий соусник треугольной формы, а мясо подано в высокой вазе. Однако я был слишком голоден, чтобы думать о сервировке. Надеюсь, что мне удалось скрыть от всех свое изумление. Стены тоже были затянуты тканью, так восхитившей меня, когда я впервые увидел ее. Я не преминул сказать об этом своей соседке.

— Такой ткани на Барсуме нет нигде, — сказала она. — Ее ткут только здесь.

— Она прекрасна. За нее бы дорого заплатили в других городах.

— Если бы ее продавали, но мы не общаемся с внешним миром.

— Из чего она соткана?

— Когда вы вошли в долину Хор, то увидели прекрасный лес, растущий на берегах реки Сил. Несомненно, вы увидели и фрукты в лесу, и вам захотелось полакомиться. Но войдя в лес, вы встретили огромных пауков, которые бегают по серебряным нитям. Эти нити

очень крепкие, хотя и тоньше женского волоса.

— Да, все так и было.

— Из этой-то паутины и соткана ткань, очень крепкая и долговечная, как камни, из которых построены дворцы Гасты.

— Женщины Гасты ткут ее?

— Рабы. И мужчины, и женщины.

— А откуда вы берете рабов, если не общаетесь с внешним миром?

— Многие прибывают сюда из Тьяната. Это те, что приговорены к Смерти. Другие приходят с другой стороны, но мы не знаем, откуда они. Это молчаливые люди. Обычно они настолько потрясены ужасами, пережитыми в путешествии, что не в состоянии что-либо рассказывать.

— А кто-нибудь из жителей Гасты спускался вниз по реке?

Именно таким путем мы с Нуром Аном надеялись выбраться на свободу. Я затаил надежду, что мы доберемся по реке до долины Дор и затерянного озера Корус, откуда в свое время удалось бежать Джону Картеру и Тарсу Таркасу.

— Некоторые спускались, — ответила она, — но они никогда не возвращались, и мы не знаем, что произошло с ними.

— Вы счастливы здесь? — спросил я.

Она попыталась изобразить улыбку на своих прекрасных губах, но я почувствовал, как по телу ее прошла судорога.

Обед был роскошным, еда восхитительной. Возле джеда постоянно раздавались взрывы смеха, так как, когда он начинал смеяться, все подобострастно подхватывали его смех. В конце обеда в зал вошла группа танцовщиц. При первом взгляде на них я чуть не задохнулся. Все они, кроме одной, были ужасно безобразны. А эта девушка была самой прекрасной, какую я когда-либо видел, но ее глаза были полны такой печали, что мне стало не по себе. Танцевала она божественно. А вокруг нее извивались, метались эти несчастные существа. Судя по всему, они должны были вызывать смех у зрителей, но во мне они пробудили только чувство симпатии. Появление этих калек привело Грона в неопишуемую радость. Он заливался громоподобным смехом и, чтобы было посмешнее, швырял в несчастных блюда с едой.

Я старался не смотреть на них, но взгляд помимо моей воли все время обращался туда. Вскоре я понял, что это уродство приобретенное. Чей-то злой разум постарался сломать кости, вывернуть тела так, чтобы человеку с извращенным вкусом это казалось смешным. Я смотрел на жуткое лицо Грона, искаженное маниакальным смехом, и думал, что именно он и есть творец этого злодеяния.

Когда танцовщицы ушли, рабы внесли три кубка с вином. Два из них были красными, а третий — черный. Черный кубок поставили перед джедом, а красные — передо мной и Нуром Аном. Затем Грон поднялся, и все последовали его примеру.

— Джед Грон пьет за здоровье своих гостей, — объявил он и, подняв кубок, осушил его до дна.

Казалось, что эта церемония завершает обед, и нам с Нуром Аном нужно выпить за здоровье хозяина. Я поднял кубок, который на сей раз был обычной формы, и выпил вино.

— За здоровье великого джеда Грона!

Затем Нур Ан последовал моему примеру. И тут я почувствовал, что внезапная слабость овладела мною. Теряя сознание, я понял, что вино в моем кубке отравлено.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на полу в комнате странной формы. Здесь было единственное окно, забранное решеткой. Но ни одной двери я не заметил. Стены комнаты были задрапированы той самой прозрачной тканью. Рядом со мной лежал Нур Ан, все еще находившийся под действием наркотика.

Снова я осмотрел комнату, потом встал, подошел к окну. Внизу я разглядел городские крыши. Значит, мы заточены в башню, возвышающуюся над дворцом джеда. Но как нас затащили сюда? Разумеется, не через окно, которое находится на высоте двухсот футов над землей. Пока я пытался решить эту проблему, Нур Ан пришел в себя. Сначала он молчал и только наблюдал за мной с улыбкой.

— Ну? — спросил я.

Нур Ан покачал головой.

— Мы еще живы, — сказал он, — но это единственное, что мы можем сейчас сказать.

— Мы во дворце маньяка, — сказал я. — Я в этом не сомневаюсь. Здесь все живут в постоянном страхе перед Гроном.

— Мы видели слишком мало, чтобы делать заключения.

— Я видел достаточно.

— Эти девушки так прекрасны,— сказал он после паузы.— Я не могу поверить, что такая красота и жестокость могут сосуществовать рядом.

— Может, они просто послушные куклы в руках хозяина.

— Мне тоже хочется так думать.

— Прошел день, настала ночь. Никто не приходил к нам, но я кое-что обнаружил. Прикоснувшись к дальней стене, я почувствовал, что она горячая. Видимо, здесь проходил дымоход. Но пока это открытие для меня не имело никакого значения.

В нашей комнате не было света, и так как Хлорус находился на ночном небе на стороне, противоположной нашему окну, у нас было совсем темно. Мы сидели в полной темноте и были погружены в печальные размышления. Затем я услышал шаги. Они приближались, потом затихли возле нашей комнаты. Что-то заскрипело, и под стеной появилась светлая полоска. Она все расширялась, и я понял, что это поднимается стена. Сначала показались ноги в сандалиях, и, наконец, появились два воина. Они вошли в камеру, надели нам наручники и вывели из камеры. В полном молчании мы спустились по винтовой лестнице, прошли подземные этажи дворца и оказались в подвале.

Снова подвал! Я содрогнулся при этой мысли. Лучше быть заточенным в башне, хотя, конечно, разница невелика, но у меня выработалось стойкое отвращение к подвалам. К тому же, возможно, в этом подвале — крошечная тьма, полно крыс и ящериц.

Лестница привела нас в роскошный подземный зал. Здесь собралась та же компания, что была на торжественном обеде в нашу честь. Тут же восседал Грон на троне. На этот раз он не улыбнулся при нашем появлении. Он сидел, наклонившись вперед, и глаза его были устремлены на что-то в дальнем конце зала. Вдруг мертвую тишину, царившую в зале, прорезал пронзительный крик. Но этот крик был не единственным. За ним слышались еще вопли. Так кричит смертельно раненное животное.

Я проследил за взглядом Грона и увидел обнаженную девушку, привязанную к металлической решетке

перед ярко пылающим огнем. Решетка была на колесах, ее можно было придвигать к огню и отодвигать от него. Видимо, когда мы вошли, решетку придвинули, и девушка закричала.

Я оглядел собравшихся. Большинство девушек смотрели вперед, и во взглядах их был ужас. Я не верю, что они наслаждались зрелищем. Все они были беспомощными жертвами извращенного маньяка Грона.

Этот дьявол требовал, чтобы зрители хранили мертвое молчание, и на фоне тишины крики жертвы ласкали слух мучителя. Зрелище было жутким. Я отвел глаза. Один из воинов, которые привели нас, тронул меня за руку и жестом приказал идти за ним.

Он провел нас в другой зал, где тоже шла пытка, еще более ужасная, чем поджаривание на решетке живого человека. У меня нет сил описать этот кошмар. Мне больно даже вспомнить это. Именно здесь, в камере ужасов, джед Гасты создавал уродов из нормальных людей. Потом он заставлял их танцевать для своего удовольствия.

В полном молчании мы покинули это ужасное место, и нас провели в роскошно обставленный зал, где на диванах лежали две прекрасные девушки, те, что встречали нас у ворот города.

— Они объяснят,— сказал он, указывая на девушек.— Не пытайтесь бежать. Здесь только один выход, и мы будем ждать у дверей.

Затем он снял с нас наручники и вместе с товарищем вышел из комнаты.

Одна из девушек была та самая, что сидела рядом со мной на обеде. Мне она показалась более воспитанной и дружелюбной. К ней я и обратился.

— Что все это значит? Почему мы вдруг из гостей превратились в пленников? Зачем нас привели сюда?

Она жестом пригласила меня сесть на диван рядом с ней и слегка отодвинулась, чтобы дать мне место.

— Все, что вы видели,— сказала она,— представляет собой три поворота судьбы, которые могут ожидать вас. Вы понравились Грону, и он предлагает вам сделать выбор самим.

— Я не понимаю.

— Ты видел девушку на решетке?

— Да.

— Хотелось бы тебе оказаться на ее месте?

— Нет.

— Ты видел несчастных, из которых готовят танцоров-калек?

— Да.

— А теперь ты видишь роскошную комнату. И меня. Что ты выбираешь?

— Не могу поверить, что последнее дается без каких-либо условий, которые сделают это предложение гораздо менее привлекательным, чем оно кажется. Иначе не было бы вопроса, что выбирать.

— Ты прав, условия есть.

— Какие же?

— Ты станешь офицером охраны дворца, а значит, должен будешь проводить пытки, подобные тем, что видел сегодня, и вообще выполнять любые капризы своего хозяина.

Я встал.

— Я выбираю огонь.

— Я это знала,— печально сказала она.— И все же надеялась, что ты примешь условия.

— Честный человек не может принять такие условия.

— Я знаю. И если бы ты принял их, я возненавидела бы тебя, как ненавижу всех остальных в этом дворце.

— Ты несчастлива?

— Конечно! Кто, кроме маньяка, может чувствовать себя счастливым в таком жутком месте? В нашем городе шесть сотен человек, и среди них нет никого, кто чувствовал бы себя счастливым. Сто человек образуют двор джеда, остальные — рабы. А впрочем, мы все рабы, все мы зависим от любого каприза сумасшедшего маньяка — нашего хозяина.

— И бежать невозможно?

— Нет.

— Я убегу,— твердо сказал я.

— Как?

— Огонь.

Она содрогнулась.

— Не знаю, почему я так забочусь о тебе. Наверное, потому, что ты понравился мне с первого взгляда. И даже тогда, когда я заманивала тебя в сети этого паука в виде человека, мне очень хотелось предупредить тебя, чтобы ты не входил в город. Но я боялась, боялась смер-

ти. Хотелось бы мне иметь столько мужества, чтобы убежать отсюда при помощи огня.

Я повернулся к Нуру Ану, слушавшему нашу беседу.

— А ты сделал свой выбор?

— Конечно. Для человека чести нет выбора.

— Хорошо,— я обратился к девушке,— ты сообщишь Грону о нашем решении?

— Подожди. Попроси немного времени на обдумывание. Я знаю, что это ничего не изменит, но... О, во мне все же теплится огонек надежды, который ничто не может потушить.

— Ты права,— сказал я.— Надежда есть всегда. Скажи ему, что почти убедила нас выбрать жизнь, полную роскоши и развлечений, и что тебе потребуется еще немного времени, чтобы полностью убедить нас. Тем временем мы подумаем, нельзя ли попробовать убежать отсюда.

— Хорошо,— ответила она.

IX

ФОР ТАК ИЗ ДЖАМЫ

Вернувшись в нашу камеру в башне, мы с Нуром Аном обсудили всевозможные планы бегства, даже самые безумные. На нас почему-то не надели наручники, и могу заверить, что мы тщательно обследовали каждый дюйм нашей камеры, особенно стену, которая поднималась, но ничего утешительного осмотр нам не дал. Казалось, что единственный путь бегства — это окно. Но на нем были толстые решетки, к тому же оно находилось на высоте двухсот футов от земли. Так что бежать через него было невозможно.

Тем не менее мы постарались отогнуть прутья решетки, но нам это не удалось. Значит, для нас остался один путь — огонь.

От нечего делать я принялся расшатывать один из прутьев решетки окна. Нур Ан присоединился ко мне. Работали мы в тишине и без помех, так как сюда никто не заходил. Только раз в день стена приподнималась на несколько футов, и в камеру просовывали миски с едой.

Мы не видели того, кто приносил нам еду, и ни с кем

не общались после того, как охранники водили нас в подземелье ужасов. Никогда не забуду, с каким нетерпением мы ожидали ночи, когда мы сможем вынуть прут решетки и обследовать стены башни. Мне казалось, что по стене можно будет спуститься вниз. Для выполнения этого плана я решил разрезать на полосы драпировочную ткань и сделать из нее веревку.

Приближалась ночь, и я все больше верил в успех своего плана. Итак, основное препятствие мы устранили. И уже в сумерках я рассказал свой план Нуру Ану. Тот пришел в восторг и предложил сразу же заняться изготовлением веревки. Однако при попытке сорвать ткань со стены мы встретили первое препятствие. Ткань наверху была закреплена мощными гвоздями, и, хотя она казалась тонкой и легкой, разорвать ее было невозможно. Мы буквально выбились из сил, но, в конце концов, были вынуждены признать свое поражение.

Спустилась ночь. Теперь можно было без опаски вынуть прут и обследовать стену возле окна. Надежда еще теплилась в наших сердцах, когда я высунулся из окна.

Подо мной лежал угрюмый темный город. Лишь кое-где виднелись слабые огоньки, причем большинство из них светилось в окнах дворца. Я ощупал рукой стену башни, и сердце мое опустилось. Гладкий, почти отполированный камень — никаких возможностей найти опору и зацепиться. Думаю, что даже кошка не смогла бы спуститься по стене.

— Безнадежно, — сказал я, влезая обратно в камеру. — Стена гладкая, как женская грудь.

— А что наверху? — спросил Нур Ан.

Снова я высунулся из окна и стал смотреть наверх. Наша камера оказалась на самом верхнем этаже башни. Страстное желание вырваться на свободу толкало меня вперед.

— Держи мои ноги, Нур Ан. Держи крепче!

С трудом я выпрямился и встал на окно. Нур Ан крепко держал меня за колени. Я смог достать до крыши пальцами. Снова опустившись, я прошептал Нуру Ану.

— Я попытаюсь выбраться на крышу.

— Зачем?

Я рассмеялся.

— Не знаю, но мой внутренний голос советует мне сделать это.

— Если ты упадешь, то избежешь смерти от огня. И я последую за тобой. Вперед, друг мой. Пусть тебе повезет.

Снова я встал на подоконник и нащупал край крыши. Медленно я стал подтягиваться вверх. Подо мною лежала черная пропасть, где таилась смерть. Я решился на это предприятие только потому, что был уверен в своей силе. Бесконечно долго висел я над пропастью, держась только кончиками пальцев за крышу. Наконец мне удалось закинуть локоть, и вот, задыхаясь от напряжения, я втащил тело на базальтовые плиты крыши и лег там в изнеможении.

Немного отдохнув, я встал. Как безумная, Турия выписывала свой танец на безоблачном небе Барсума. Хлорус, холодный спутник, плыл в величественном уединении. А подо мною лежала долина Хор как какая-то зачарованная страна из древних легенд. В отдалении хмуро смотрели на долину угрюмые вершины гор, которые охраняли этот сумасшедший мир.

Внезапно горячий воздух ударил мне в лицо, напомнив, что где-то внизу устраивает свои оргии пыток сумасшедший маньяк. Слабый крик донесся до меня из трубы. Я содрогнулся, но теперь зияющее отверстие привлекло мое внимание, и я подошел ближе. Нестерпимо горячие волны воздуха поднимались снизу. Дыма почти не было, настолько полным было сгорание топлива в печи. Однако горячий воздух вырывался из трубы со страшной силой. Казалось, он способен отшвырнуть меня прочь, если я подойду близко.

И тут у меня родился план, безумный план, но он так захватил меня, что я быстро спустился обратно в камеру, чтобы рассказать о нем Нуру Ану.

Не успел я поделиться с товарищем своими мыслями, как в соседнем помещении раздались шаги, и стена начала подниматься. Я решил, что это принесли еду, но стена все поднималась и поднималась. Вскоре мы увидели ноги девушки, стоящей возле входа. Затем она наклонилась и вошла к нам. Я сразу узнал ее — это была та самая девушка, которой Грон вменил в обязанность соблазнить меня, чтобы я поступил к нему на службу. Ее звали Шару.

Нур Ан мгновенно вставил прут на место, и девушка ничего не заметила. Стена оставалась наполовину поднятой, и девушка обратила внимание на взгляд, устремленный туда.

— О, не нужно лелеять напрасных надежд,— сказала она,— улыбнувшись.— Этажом ниже стоят охранники.

— Почему ты здесь, Шару? — спросил я.

— Меня послал Грон. Ему не терпится узнать ваше решение.

Я задумался. Наша единственная надежда была связана с этой девушкой, которая относилась к нам с сочувствием и симпатией.

— Если у нас будет кинжал и игла,— шепотом сказал я,— то мы дадим ответ Грону послезавтра утром.

— И как я объясню ему эту задержку? — спросила она после недолгого раздумья.

— Скажи ему,— ответил Нур Ан,— что мы разговариваем со своими предками, и что от их совета будет зависеть наше решение.

Шару улыбнулась, она вынула кинжал из ножен и положила его на пол, затем достала из сумки, притороченной к поясу, иглу и положила рядом с кинжалом.

— Я скажу Грону, что лучше всего подождать,— сказала она.— Сердце мое надеется, Хадрон из Хастора, что ты решишь остаться со мной, но я буду рада, если не ошибусь в оценке твоего характера. Ты умрешь, мой Хадрон, но ты умрешь как смелый и честный воин. Прощай! Я вижу тебя в последний раз, но пока я не уйду к своим предкам, твой образ всегда будет передо мной.

Она ушла. Стена опустилась, но теперь у нас было то, чего я так страстно хотел иметь: кинжал и игла.

— К чему нам это? — спросил Нур Ан, с интересом глядя на меня.

— Увидишь,— коротко ответил я и сразу принялся за работу: начал быстро срезать ткань со стен и потолка нашей камеры.

План, конечно, был сумасшедший, но все же он казался мне вполне реальным.

Всю ночь и весь следующий день мы с Нуром Аном работали без отдыха. Мы сшили огромный мешок, а также заготовили много длинных веревок. К вечеру работа была окончена.

— Пусть удача не оставит нас,— сказал я.

— Твой план настолько безумен, что достоин родиться в голове Грона,— сказал Нур Ан,— но в нем есть какое-то зерно.

— Ночь уже наступила,— сказал я.— Медлить нель-

зя. Единственное, в чем мы можем быть твердо уверены, так это в том, что мы все-таки избежим смерти от огня и пока живы, будем хранить память о Шару, чья дружба позволила нам попытаться бежать.

— Не дружба, а любовь,— поправил меня Нур Ан.

Затем я снова совершил опасный подъем на крышу, захватив с собой одну из веревок. Оттуда я спустил веревку Нуру Ану, который прицепил к ней наш мешок. Вскоре он и сам уже лежал рядом со мной на крыше. Мешок был легким, как паутинка, и крепким, как хорошо выделанная шкура зитидара. Перед тем, как забраться на крышу, Нур Ан не забыл аккуратно поставить прут на место.

К открытой части нашего мешка было привязано множество веревок с петлями. Через петли мы пропустили длинную веревку и закрепили ее на балконе. Эту веревку можно было обрубить одним ударом.

Мы подняли мешок, и горячий воздух из трубы начал заполнять его. Я распределил петли равномерно по окружности мешка, и мы с Нуром Аном закрепили на петлях свои крючья, которыми воины Барсума пользуются в воздушных боях, захватывая корабли противника.

Наш мешок постепенно стал надуваться, рваться вверх. С кинжалом наготове я ждал момента, когда смогу обрубить веревку, удерживающую шар. Ветерок был слабый, что несколько облегчило нам задачу. При сильном ветре мы не смогли бы удержать шар.

Он уже стал огромный и рвался вверх, стараясь освободиться от веревок. И я решил — пора!

Я дал сигнал Нуру Ану и ударил ножом по веревке. Шар мгновенно взмыл в воздух. Мы крепко держались за веревки, прикрепленные к шару. Мы поднимались с бешеной скоростью. Через несколько мгновений долина Хор уже казалась нам маленькой точкой.

Ветер подхватил нас, и мы от всей души поблагодарили богов, когда увидели, что он несет нас прочь от проклятого города. Ветер нес нас к северо-востоку, но нам было все равно — лишь бы подальше от реки Сил и долины Хор.

С высоты полета мы разглядели застывший вулкан, потоки лавы, нагромождения камней, ни клочка растительности вокруг — все это производило безотрадное впечатление. Теперь мне было понятно, почему долина

Хор почти необитаема. Немногие по своей воле решаются пуститься в путешествие по этим пустынным и унылым краям.

Ветер усиливался, мы летели с большой скоростью, но шар начал терять высоту, так как горячий воздух, наполнявший его, постепенно остывал. Сколько времени продлится наш полет, я не знал, но надеялся, что мы успеем добраться в более гостеприимные места.

К рассвету мы уже летели всего на высоте нескольких сотен футов. Страна в кратере вулкана осталась позади, а под нами теперь расстилались поля с остатками древних оросительных систем. Вскоре мы перелетели через гряду пологих холмов и увидели внизу белые здания.

Как и все города Барсума, этот город был окружен стеной. Однако он существенно отличался по архитектуре от известных мне городов. Обычно города Барсума имеют высокие башни, и лишь в последние годы марсиане стали строить здания с плоскими крышами для посадки воздушных кораблей.

В этом же городе высота самого большого здания не превышала четырех этажей, и у всех домов были плоские крыши. Улицы и площади города были засажены деревьями и цветущими кустами. В общем, этот город производил весьма благоприятное впечатление. Однако в нашей памяти были так свежи воспоминания о прекрасных девушках, заманивших нас в проклятый город Гаста, где мы едва не погибли ужасной смертью. Поэтому видимая красота города совсем не внушала нам доверия. Нам нужно постараться пролететь над этим городом и приземлиться где-нибудь подальше от него.

Но судьба распорядилась иначе. Ветер стих, и мы стали быстро снижаться. На улицах мы увидели людей, которые, заметив нас, испуганно попрятались. Мы сели на плоскую крышу одного из домов. Как только мы освободились от петель, в которых сидели, порыв ветра подхватил наш заметно похудевший шар и сбросил его с крыши. Он так и остался лежать как живое существо, пожертвовавшее собой ради нашего спасения.

На лестнице, ведущей на крышу, появилась голова мужчины. Это был старик, почти обнаженный, с большим черепом, покрытым редкими седыми волосами. Он подошел к нам.

Люди на Барсуме редко доживают до такой старости,

а на протяжении всей тысячи лет жизни почти не терпят внешних изменений. Такие глубокие старики редко встречаются на планете, видимо, ему удалось дожить до своих лет, не погружаясь в бурную общественную жизнь марсиан.

Увидев его, Нур Ан издал удивленный возглас:

— Фор Так!

— Хей-хо! — проскрипел старик высоким фальцетом. — Неужели пришедшие с небес знают имя Фора Така?

— Я Нур Ан! — воскликнул мой друг.

— Хей-хо! — снова заскрипел старик. — Нур Ан... один из придворных Тула Акстара?

— Каким и ты был когда-то.

— Но не теперь... не теперь, — почти прокричал старик. — Тиран выжал меня, как лимон, а затем выбросил прочь, как ненужную кожуру. Хей-хо! Он думал, что я уже пуст, но я молю богов, чтобы они позволили мне доказать ему, что он ошибся. Нур Ан, должен предупредить тебя, что ты теперь в моей власти и не имеешь права сообщить Тулу Акстару, где я нахожусь.

— Не бойся, Фор Так. Я сам пострадал от коварства тирана. Тебе было позволено жить в Джахаре, а меня приговорили к смерти и конфисковали все имущество.

— Хей-хо! Значит, ты тоже ненавидишь его!

— Ненависть не совсем подходящее слово, чтобы передать мое отношение к нему.

— Это хорошо. Когда я увидел, что вы спускаетесь с небес, я подумал, что предки послали вас, чтобы помочь мне. Я рад, что не ошибся. А этот воин тоже из Джахара? — прибавил он, кивнув на меня.

— Нет. Это Хадрон из Хастора, он служит в Гелиуме, но у него есть все основания ненавидеть Тула Акстара.

— Очень хорошо. Значит, нас теперь трое. Здесь меня окружали только рабы и женщины, а теперь, когда рядом со мной будут два воина, молодых и сильных, мой триумф совсем близок!

Пока они разговаривали, я вспомнил то, о чем говорил мне Нур Ан, описывая изобретения Фора Така. Ведь именно его лучи уничтожили патрульный корабль в ночь похищения Саномы Тора. Странно, что судьба привела меня сюда к этому человеку, хранящему тайну, жизненно важную для Гелиума и всего Барсума.

И странно то, что этот путь, по которому вела меня судьба, будет иметь счастливый конец.

Когда Фор Так выслушал часть нашего рассказа, он заявил, что мы оба очень устали и голодны. Он проводил нас в свой дворец, вызвал рабов, приказал вымыть нас, накормить и приготовить постели. Мы были так благодарны ему за столь отеческую заботу, поскольку не отдыхали уже много дней.

Последовавшие за этой неожиданной встречей дни были насыщенными и интересными. Фор Так, у которого осталось только несколько преданных рабов, следовавших за ним в изгнание, был рад нашему обществу и той помощи, которую мы могли оказать ему в исследованиях. Он, будучи уверенным в нашей лояльности, все подробно объяснил.

Он рассказал нам о том, что после долгих скитаний отыскал этот заброшенный замок, о котором не осталось никаких исторических сведений. Главный вход и двор были завалены скелетами воинов-мужчин, в то время как в верхних этажах были обнаружены кости только женщин и детей. Видимо, на город напали враги, и все люди погибли, защищая свой дом.

— Я уверен, — сказал старик, — что это была орда зеленых дикарей, которые после себя никогда не оставляют живых. Все в этом замке было в пыли и запустении, сады заросли сорняками. Я назвал этот город Джама и продолжаю работать над делом всей своей жизни.

— Каким? — спросил я.

— Я разрабатываю планы мести Тулу Акстару. Когда-то я создал разрушительное оружие и защитную краску от него, а теперь я хочу создать нечто новое, что полностью уничтожит флот Джахара, отыщет дворец Тула Акстара, разрушит его и сожжет тирана в развалинах дворца.

Мы совсем немного побыли в Джаме, но быстро поняли, что у Фора Така психическое расстройство от той несправедливости, которую он испытал в Джахаре. Им овладела единственная мысль — месть, жестокая месть тирану. Этому он подчинил все свои знания, весь свой разум, и меня с Нуром Аном он рассматривал как полезное дополнение к своему орудию мести. Он буквально впадал в ярость, когда я говорил о том, что мне нужно отправиться в Джахар спасти Саному Тора.

Я был раздосадован на эту задержку, но Фор Так

был тверд и неумолим. Он не разрешил мне уехать, а преданность его рабов не давала мне возможности нарушить его запрет. Он объяснил своим рабам, что мы его гости, уважаемые гости, но только до тех пор, пока не сделаем попытки уйти без его разрешения. Как только мы предпримем что-либо к бегству, нас должны были убить.

Мы с Нуром Аном долго обсуждали сложившееся положение. Между Джамой и Джахаром лежало четыре тысячи хаадов пустыни. Без воздушного корабля и без тотов я не мог добраться до Джахара, поэтому мы оба решили остаться здесь и сделать все, чтобы помочь Фору Таку побыстрее создать его оружие мести. Если нам удастся верной службой завоевать его доверие, он может поделиться с нами секретом своего нового оружия.

Именно это и удерживало меня здесь. Создав оружие, Фор Так должен будет доставить его в Джахар, а я сумею этим воспользоваться.

Мы пробыли в Джаме десять дней, и все это время Фор Так был крайне раздражителен. Он проводил с нами все часы, свободные от работы в тайной лаборатории.

На десятый день во время ужина Фор Так был взвинчен более обычного. Говоря, как всегда, о своей ненависти к Тулу Акстару, он проявлял признаки маниакальной ярости.

— Но я беспомощен, — почти крикнул он, — потому что нет никого, кому я могу доверить свою тайну, и кто найдет силу и мужество привести мой план в исполнение. Сам я слишком стар и немогущ для такого дела. Другое дело вы... Если бы я мог довериться вам!

— Ты можешь доверять нам, Фор Так, — сказал я. Мой тон, казалось, успокоил его.

— Хей-хо! — воскликнул он. — Иногда мне кажется, что я могу довериться вам.

— У нас общая цель, — сказал я. — Вернее, наши интересы пересекаются в Джахаре. Мы предлагаем сотрудничество. Нам нужно попасть в Джахар. Если ты поможешь нам, мы поможем тебе.

Он долго молчал.

— Хорошо, пусть будет так. Идем.

Он встал и повел нас к тяжелой двери, за которой находилась его секретная лаборатория.

Лаборатория Фора Така занимала целое крыло дворца, но состояла лишь из одного громадного зала высотой футов в пятьдесят. Все оборудование было собрано в одном углу и совершенно терялось в просторах зала. Под потолком висела модель воздушного корабля, выкрашенная в голубой цвет, на скамье лежал небольшой металлический цилиндр.

Фор Так пропустил нас в зал и запер за собой дверь. Щелкнул огромный замок. Он подвел нас к скамье, на которой лежал цилиндр, и осторожно взял его в руки.

— Это,— сказал он,— модель устройства, которое разрушит Джахар. С виду это просто цилиндр, но внутри него помещен механизм такой же точный и чувствительный, как человеческий мозг. В нем происходят такие же процессы, но это чисто механическое устройство, которое можно производить в больших количествах и очень дешево. Прежде чем объяснить принцип его работы, я покажу, на что он способен. Смотрите!

Держа цилиндр в руках, Фор Так открыл дверцу стенного шкафа. Перед ним оказался пульт управления с многочисленными кнопками, рычагами и тумблерами.

— Обратите внимание на модель корабля, подвешенную под потолком,— сказал он и нажал на кнопку.

Кораблик стал перемещаться с большой скоростью. Тогда Фор Так нажал кнопку на цилиндре. Он сразу вылетел из его рук, описал дугу и устремился за летящим кораблем. Цилиндр пристроился к нему в хвост и полетел тем же курсом и с той же скоростью. Фор Так повернул рычаг на пульте, кораблик изменил направление и увеличил скорость. Цилиндр практически мгновенно последовал за кораблем. Затем он коснулся носом дна корабля, отделился от него и плавно приземлился. Фор Так прервал полет кораблика, подбежал к цилиндру и бережно поднял его.

— Вы видели? — спросил Фор Так. — После контакта с кораблем цилиндр отделяется и совершает плавную посадку. Его можно использовать многократно. Во время контакта цилиндр вызывает вибрацию в днище корабля, в результате которой корабль разваливается на куски.

Вы знаете, что каждое вещество во Вселенной имеет резонансную частоту распада. Механизм этого устройства сам настраивается на нужную частоту. Представьте джахарский флот, горделиво плывущий в боевом порядке. С другого корабля или с земли я запускаю столько устройств, сколько кораблей у врага. Торпеды одна за другой поражают корабли, пока не будет уничтожен весь флот без всякого риска для меня и моих союзников.

— Но приближение торпед можно заметить и защититься от них даже огнем орудий.

— Хей-хо! Я подумал и об этом! — прошамкал старик. Он положил цилиндр на место и открыл другой шкаф.

В нем оказалось огромное количество стеклянных сосудов, открытых и закрытых. Мне казалось, что в них находятся краски самых разных цветов. Из некоторых сосудов торчали кисти. А одна из кистей, казалось, висела в воздухе в нескольких дюймах над поверхностью полки, над которой висело несколько этикеток. Да, да, этикетки висели в воздухе. Фор Так протянул руку, взял что-то невидимое, сложив пальцы руки так, будто брал сосуд. Затем он поставил это на стол, и я услышал звук, как будто на стол опустилось нечто стеклянное. Взяв кисть, он окунул ее в невидимый сосуд и сделал несколько мазков по поверхности цилиндра. Часть цилиндра сразу же исчезла. Фор Так продолжал водить кистью, пока цилиндр не исчез полностью. На столе больше ничего не было видно. Фор Так поставил сосуд в шкаф и повернулся к нам. Выражение детской гордости было на его лице.

— Ну, что вы теперь скажете? Разве я не волшебник?

Мне пришлось признать, что он действительно волшебник, и что я поражен увиденным.

— Ты получил ответ на свой вопрос об уязвимости летающей смерти, Нур Ан?

— Я ничего не понимаю, — пробормотал Нур Ан.

— Хей-хо! Разве ты не видел, как я сделал торпеду невидимой?

— Да, она исчезла...

Фор так рассмеялся.

— Она здесь, просто ты ее не видишь. Вот она!

Он взял руку Нура Ана и приложил ее к невидимой торпедой. Я видел, как рука Нура Ана ощупывает что-то над поверхностью стола.

— О, боги! Она здесь!

— Изумительно! — воскликнул я. — Значит, достаточно только нанести слой краски, чтобы сделать ее невидимой! Но хотя я сам был свидетелем этого чуда, все равно не могу поверить в то, что произошло.

— Это не чудо, — ответил он. — Я создал новое вещество на основе тех научных принципов, которые известны мне уже много лет. Вы знаете, что ничто не движется по прямым линиям: свет, электромагнитные волны... Вещество просто рассеивает отраженные от него световые волны, поэтому они не воспринимаются человеком и он не видит предмета, покрытого веществом.

Я был поражен столь простым объяснением. А поскольку я был воином, то сразу оценил огромную силу той армии, которая будет обладать этим веществом. Я должен проникнуть в тайну открытия Фор Така для спасения Гелиума. А если не удастся сделать это, я уничтожу Фор Така, чтобы тайна ушла с ним в могилу и не досталась врагам Гелиума. Но, может, мне удастся уговорить Фор Така перейти на сторону Гелиума? Ведь тогда у него будет гораздо больше возможностей отомстить Тулу Акстару.

— Фор Так, — торжественным голосом сказал я. — Ты являешься хранителем двух очень ценных изобретений, которые, попав в честные руки, обеспечат вечный мир на Барсуме.

— Хей-хо! — воскликнул он. — Я не хочу мира! Я хочу войну! Войну!

— Отлично, — согласился я, понимая, что мое предложение не может быть воспринято этим безумным мозгом, лелеющим только одно — войну и месть. — Пусть будет война. Но какое государство на Барсуме сможет лучше воспользоваться твоими изобретениями, чем могучий Гелиум? Если ты хочешь воевать, вступи в союз с Гелиумом.

— Мне не нужен Гелиум! Мне не нужен союз! Я сделаю все сам. Со своей невидимой летающей смертью я могу уничтожить целые города, государства, народы! Я начну с Джахара. Тул Акстар будет первым, кто ощутит мое могущество. А после того, как Тул Акстар погибнет под руинами Джахара, я уничтожу Тьянат. Гелиум будет следующим. Гордый и могущественный Гелиум будет трепетать передо мною. Я буду джеддаком

джеддаков, правителем мира! — голос его перешел в пронзительный крик, он весь дрожал от ярости, охватившей его.

Он должен быть уничтожен. Я обязан это сделать не только ради спасения Гелиума, но и ради спасения всего Барсума. Конечно, я понимаю, что теперь не время. Может быть, наступит момент, когда в минуту просветления Фор Так откроет мне тайну летающей смерти и вещества, делающего предметы невидимыми. Эта надежда спасла Фора Така от немедленной смерти. Мне нужно было играть двойную игру и быть начеку, а при малейшем подозрении со стороны Фора Така меня ждала смерть.

Я долго ворочался в постели в эту ночь, обдумывая разные планы действий. Я знал, что должен вывести секреты Фора Така. Но как?

Я знал, что старик все хранит в своей памяти, не доверяя ничего бумаге. Самый лучший способ выудить у него что-нибудь — это войти к нему в доверие. С этого и нужно начать.

Затем мои мысли переключились на Саному Тора, и я, к своему стыду, должен был признать, что она не занимает никакого места в моих планах на будущее. Однако, подумав, я решил, что я сумею спасти ее, если мне удастся получить сведения от Фора Така. Эта мысль успокоила меня, и я заснул.

Время уже близилось к обеду, когда у меня появилась возможность поговорить с Фором Таким.

— Фор Так,— сказаал я.— Ты ведь ничего не знаешь о количестве воздушных кораблей Джахара и месте их расположения. Нур Ан и я сможем слетать туда и получить для тебя необходимую информацию. Только при этом условии твои планы могут увенчаться успехом.

— Но как вы попадете туда?

— А ты не позволишь нам взять воздушный корабль?

— У меня нет ни одного. Я ничего не знаю о них, мне они не интересны.

Сказать, что я был поражен этим заявлением, это значит не сказать ничего, так как не было на Барсуме человека, который бы не занимался конструированием и усовершенствованием кораблей. Видимо, воспаленный мозг этого маньяка, одержимого мстостью, уже не мог всесторонне оценивать ситуацию.

— Но как же без воздушных кораблей ты намереваешься доставить свои торпеды к Джахару? Как ты собираешься уничтожить его флот?

— Теперь, когда Нур Ан и ты здесь, я прикажу рабам работать под вашим руководством, и они будут изготовлять по десять торпед в день. Когда работа будет закончена, я запущу их, и они сами найдут флот Джахара и дворец Тула Акстара. Пусть пройдет год, но они найдут его и отомстят за меня.

— Если ничто не собьет их с курса,— заметил я.— Но какое удовлетворение получишь ты, если не станешь свидетелем своей мести?

— Хей-хо! Я думал об этом. Но человек не может иметь все.

— Это-то ты можешь иметь.

— Как?

— Погрузив свои торпеды на борт воздушного корабля и отправившись в Джахар.

— Нет, я поступлю так, как решил,— упрямо ответил он.— Какое ты имеешь право вмешиваться в мои дела?

— Я просто хочу помочь тебе,— миролюбиво ответил я.

— Кроме того, есть и другое обстоятельство, требующее принятия плана Хадрона,— заметил Нур Ан.

— Вы оба против меня,— сказал Фор Так.

— Вовсе нет, мы просто хотим помочь тебе сделать все, как можно лучше.

— Хорошо, выкладывай свои соображения.

— В твои планы, как я понял, входит разрушение Тьяната и Гелиума после Джахара. Что касается Гелиума, то до него так далеко, что ты не сможешь надеяться на выполнение своего плана. Кроме того, ты не знаешь, совпадет ли частота вибрации торпед с частотой вибрации кораблей Тьяната. Ты ведь настраиваешь торпеды на голубое покрытие кораблей Джахара. Значит, тебе нужно обязательно оказаться поближе к Тьянату, а потом и Гелиуму, чтобы наблюдать за происходящим.

— Это верно,— задумчиво сказал Фор Так.— Вы разрушили все мои планы. Что мне делать? У меня нет ни одного воздушного корабля. Я не умею их строить.

— Мы можем сделать его,— заявил я.

Поначалу Фор Так возражал против моего предложения, но мы с Нуром Аном все-таки убедили его в не-

обходимости построить корабль и приступили к работе.

Рядом с лабораторией Фора Така находилась прекрасная оборудованная мастерская. Полдюжины рабов помогали нам с Нуром Аном. Мы трудились целую неделю и сделали самый замечательный корабль из тех, на которых мне приходилось летать когда-либо. Это был цилиндр, заостренный с двух концов, весьма похожий на модель летающей смерти. Внутри него мы поместили цилиндр поменьше, а между стенками установили баки с веществом, увеличивающим подъемную силу. В корпусе были проделаны отверстия для наблюдения, которые закрывались изнутри.

В цилиндре сверху и снизу находились люки. На носу и корме корабля мы установили два орудия, которые могли поразить цель лучами Фора Така. Корабль был также снабжен перископом, обеспечивающим наблюдение за воздушным пространством и землей. Вся поверхность корабля была покрыта голубой краской, защищающей его от оружия Джахара, кроме того, веществом, обеспечивающим невидимость. Значит, пока люки для наблюдения были закрыты, мой корабль был полностью невидим, за исключением глаза перископа.

Наконец, работа была закончена. Мы имели прекрасного вооруженный корабль, невидимый для противника. Единственное, что удручало меня, — это двигатель старой конструкции, так как моих знаний было недостаточно, чтобы создать новый мотор.

Когда работа близилась к завершению, я заметил, что Фор Так стал более раздражительным. Он ко всему придирался, а однажды приказал прекратить работу, правда, ненадолго.

И вот корабль был готов к полету. Мы погрузили на него запасы пищи и воды. В последнюю минуту я установил компас автоматического наведения, за что впоследствии был очень благодарен себе. Когда же я сообщил Фору Таку, что мы хотим немедленно вылететь, он запретил, не объяснив причины. Но я уже потерял всякое терпение и сказал старику, что мы полетим, хочет он этого или нет.

Он не впал в ярость, как я ожидал, а рассмеялся. И смех этот был страшнее, чем гнев.

— Вы думаете, что я идиот, — прошипел он. — Вы думаете, что я позволю вам улететь и передать все мои тайны Тулу Акстару? Вы ошибаетесь.

— И ты тоже, — ответил я. — Ты ошибаешься, думая, что мы хотим предать тебя, и зря запрещаешь нам немедленно приступить к выполнению нашего плана.

— Хей-хо! — воскликнул он. — Мне не нужно запрещать вам лететь в Джахар, потому что вы никогда не прилетите туда. Я тоже не сидел, сложа руки, пока вы делали этот корабль. Я сконструировал летающую смерть в натуральную величину. Она настроена на ваш корабль. Если вы улетите без моего разрешения, вас ждет гибель. Что вы скажете на это?

— Я скажу, что ты старый дурак. У тебя есть возможность иметь помощниками двух честных воинов, а ты хочешь превратить нас в своих врагов.

— Врагов, которые ничем не смогут навредить мне. Ваши жизни в моих руках. Вы скрываете от меня свои намерения, но недостаточно хорошо. Я прочел ваши мысли и знаю: вы считаете меня сумасшедшим. А кроме того, я узнал, что вы сделаете все, чтобы предотвратить гибель Гелиума. Не сомневаюсь, что вы поможете мне уничтожить Джахар, Тьянат... Но моя настоящая цель — Гелиум, самое могущественное государство Барсума. Гелиум объявит меня джеддаком джеддаков, когда я уничтожу флот и поставлю его на колени.

— Значит, весь наш труд впустую? — спросил я. — Мы не можем лететь на корабле, который построили?

— Можете, но при одном условии.

— Что за условие?

— Ты полетишь в Джахар один. Нур Ан останется в качестве заложника. Если ты обманешь меня, он умрет.

Уговаривать его было бы бесполезно. Ничто не смогло бы изменить его решения. Я пытался убедить Фор Така, что один я имею меньше шансов на успех, но он был тверд — я должен был лететь один и только один.

ХІ

«ПУСТЬ ОГОНЬ БУДЕТ ГОРЯЧИМ!»

И вот я поднялся, наконец, в звездное небо Барсума, а белый замок Фор Така остался внизу, похожий на жемчужину, омываемую мягким светом Турии. Я был один. Нур Ан остался заложником сумасшедшего учено-

го, поэтому я должен был со временем вернуться в Джаму. Нур Ан не взял с меня обещания, он знал, что я и так вернусь.

В двухстах пятидесяти хаадах к востоку лежал Джахар... и там была Саном Тора. В ста пятидесяти хаадах на юго-восток находился Тьянат... и Тавия. Я повернул свой корабль на восток и полетел туда, где находилась женщина, которую я любил. Я летел к Джахару.

Но мне никак не удавалось совладать со своими мыслями. Несмотря на то, что я пытался сконцентрироваться на цели своего путешествия, я все время вспоминал тюремную камеру, темно-каштановые волосы, обнаженное плечо, к которому я один раз прильнул. Я пытался отогнать эти воспоминания, но они вновь возвращались ко мне, заставляя думать о том, что же произошло с Тавией за время моего отсутствия.

Я включил автопилот и настроил его на Джахар, так как узнал от Фор Така его точные координаты. Теперь мне не нужно было следить за приборами. После этого я занялся кораблем: установил поудобнее орудия.

Фор Так вооружил меня тремя типами лучей: одни из них разрушали металл, другие — дерево, а третьи — человеческую плоть. У меня было еще кое-что, что я позаимствовал у старика без его разрешения: сосуд с веществом, которое могло оказаться весьма ценным для меня. Я ощупал сумку, чтобы убедиться, что сосуд при мне.

Внутри корабля было очень тесно и неудобно. Я ведь привык к открытым палубам кораблей Гелиума. Я решил выспаться, пока автопилот сам приведет корабль в Джахар, а сигнал разбудит меня при приближении к цели. Но сон не шел ко мне. Я думал о Саноме Тора. Я пытался представить себе холодную величавую красавицу, но ее образ все время растворялся в живой красоте Тавии, ее глазах, светящихся радостью жизни, теплых и ласковых.

Преодолев уже значительное расстояние, я решительно поднялся, подошел к приборам и перестроил автопилот на координаты Тьяната. Выбор сделан, я почувствовал облегчение от того, что лечу на помощь другу. Как друг Тавия значила для меня гораздо больше, нежели Саном Тора, которая была ко мне безучастна...

Оставив попытки уснуть, я стоял у пульта управления и смотрел на проплывающие подо мной долины.

Уже на рассвете впереди показался Тьянат. Я задраил все люки, и корабль стал совсем невидимкой. Медленно я описал круг над дворцом Хая Озиса. На плоской крыше стояли сонные охранники, а возле главного ангара — всего один.

Я завис над Восточной башней, где, вероятно, еще спала Тавия. Как бы она удивилась, узнав, что я здесь, совсем рядом. Опустившись ниже, я подлетел к камере, где когда-то была Тавия, затем открыл смотровое отверстие и заглянул в окно ее комнаты. Там никого не было. Девушку, очевидно, перевели в другое помещение. Я был разочарован. Мои планы освобождения Тавии внезапно провалились, теперь передо мной стояла гораздо более сложная задача: определить, где она. Для этого надо попасть во дворец. Как только я покину невидимый корабль, то окажусь в смертельной опасности. В своей одежде, сделанной руками рабов Фора Така, я вызову подозрения у каждого, кто увидит меня.

Но мне нужно попасть во дворец, а для этого необходимо поменять одежду. Я закупорился в своем корабле и стал размышлять, медленно обшаривая перископом все вокруг.

Мой взгляд задержался на главном ангаре: там был вход во дворец, охранявшийся единственным часовым. Я медленно подвел корабль туда и посадил на крышу. Понимая, что как только я выйду из корабля, то стану видимым, я продолжил наблюдение за часовым через перископ. Наконец он повернулся ко мне спиной. Я быстро выскочил из корабля и распластался на крыше. Если он обернется, то сразу увидит меня и поднимет тревогу. Моя единственная надежда на то, что я заставлю его замолчать, прежде чем он поймет, что происходит.

Джон Картер всегда учил меня действовать стремительно. Ждать и размышлять означало бы потерять надежду на успех. И я не стал размышлять. Я быстро вскочил и бросился с крыши на часового. В руках у меня был кинжал.

Думаю, что бедняга даже не успел ничего понять. Я затащил его в ангар, снял с него одежду и переоделся. Чисто автоматически я осмотрел корабли в ангаре. Все они, за исключением одного патрульного корабля, имели эмблему джеда Тьяната. Здесь был один боевой корабль, два прогулочных и два патрульных корабля. Да, флот

Тьяната не шел ни в какое сравнение с флотом Гелиума.

Недалеко от того места, где я стоял, была лестница, ведущая вниз, во дворец. Понимая, что меня может спасти только внезапность и бесцеремонность, я пошел по лестнице и за первым же поворотом обнаружил, что мне придется пройти через комнату охраны.

Я не рискнул задерживаться и пошел вперед. Может, мне удастся пройти, не возбудив у них подозрения. Когда я вошел в комнату, то увидел, что все спят. Только из соседней комнаты доносились голоса и смех. Я, конечно, не стал совать туда свой нос, а быстро прошел через комнату и снова оказался на лестнице.

Конечно, мне ужасно повезло, что никто не проснулся, так как любой из них сразу бы признал во мне чужака. В самом дворце мне будет легче затеряться среди многочисленных посетителей.

Мой план заключался в том, чтобы проникнуть в башню и попасть в камеру Тавии, так как меня не покидала мысль, что я просто не заметил ее.

Возможно, мне следовало дожждаться ночи, но теперь было поздно об этом рассуждать, я должен идти вперед. Я спустился по лестнице, свернул в коридор и оказался перед знакомой дверью, ведущей в комнату хранителя ключей Е Сено.

«Прекрасно,— подумал я.— Судьба привела меня именно в то место, куда мне надо».

Я быстро открыл дверь и вошел в кабинет, закрыв дверь за собой. Е Сено сидел за столом и даже не поднял головы. Он мнил себя важной персоной и никогда не поднимал сразу головы в сторону посетителя. На этот раз он ошибся. Я быстро запер дверь за собой и, пройдя через кабинет, запер вторую дверь.

Е Сено поднял, наконец, голову. Сначала он не узнал меня.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Мне нужен ты,— ответил я.

Он смотрел на меня со все возрастающим удивлением. Но вот глаза его расширились, и он вскочил со стула.

— Ты? — крикнул он.— Не может быть! Ты же мертв!

— Я вернулся из могилы, Е Сено, чтобы посчитаться с тобой.

— Что тебе нужно? Отойди! Ты арестован!

— Где Тавия?

— Откуда я знаю?

— Ты хранитель ключей, Е Сено. Кто же лучше тебя знает, где содержатся пленники?

— Ну и что? Я не имею права говорить.

— Тебе придется сказать, Е Сено, или ты умрешь, — предупредил я его.

Он вышел из-за стола, постоял немного, а затем без всякого предупреждения выхватил меч и бросился на меня. Я успел отскочить и избежать удара, а когда он ударил второй раз, мой меч уже был наготове. Е Сено оказался не простым противником. Он был умен и знал, что дерется за свою жизнь. Я удивлялся, почему он не зовет на помощь, но потом понял, что в соседней комнате никого нет, как при первом моем визите сюда. Мы дрались молча, только звон металла разносился по комнате.

Я слишком торопился прикончить его и прижал к стене, думая, что он никуда теперь не денется, но не обратил внимания, что его рука потянулась за вазой. Уклоняясь от тяжелой вазы, я успел разглядеть, что Е Сено пытается скрыться в люке, открывшемся в стене. Чтобы пробраться туда, ему пришлось опустить меч. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы мое оружие пронзило сердце Е Сено. Я вытер кровь с меча о волосы поверженного противника. Я был рад, что прикончил этого грязного развратника и отомстил за поруганную честь моего друга Нура Ана.

Однако сейчас было не время для размышлений. Я услышал шаги на лестнице, схватил труп и поволок его к потайной двери, которая скрывала вход в коридор, идущий в Восточную башню. Знакомый коридор, приведший меня в прошлый раз к Тавии.

Я втащил туда тело хранителя ключей, закрыл за собой дверь и пошел в темноте в камеру. Меня не оставляла надежда, что я найду там Тавию. Когда я приблизился к знакомой двери, сердце мое отчаянно билось — совершенно незнакомое и необъяснимое ощущение. Я был уверен, что нахожусь в прекрасной физической форме, а если так, то что, кроме неожиданной опасности, может заставить биться сердце отважного воина? Должен сказать, что этот вопрос меня очень занимал.

Я уже был готов нажать пружину, как вдруг услышал в камере голоса. Мужской и женский. Но слов я не мог разобрать. Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул

в щелочку. То, что я увидел, заставило вскипеть кровь в моих жилах. Молодой воин в богатой одежде тащил Тавию к двери, а она отчаянно отбивалась.

— Не будь душой,— хрипел воин.— Хай Озис отдал тебя мне. Тебя ждет жизнь лучшая, чем жизнь рабыни, на которую ты обречена.

— Я предпочитаю смерть или тюрьму,— ответила Тавия.

В стороне стояла Фао, не в силах помочь Тавии. Глаза ее были полны сочувствия к бедняжке. Судя по одежде, воин занимал высокое положение, но меня не остановило это. Одним прыжком я оказался в центре камеры и грубо схватил воина за плечо, швырнув его с силой, он упал на пол. Тавия и Фао удивленно вскрикнули, узнав меня.

Когда воин с трудом поднялся, я уже держал свой меч наготове. Но он не торопился доставать свой меч.

— Дурак! Идиот! Тупица! — завизжал он.— Ты понимаешь, что делаешь? Ты знаешь, кто я?

— Сейчас будешь тем, кем был я. Защищайся!

— Нет! — крикнул он.— На тебе одежда воина охраны. Ты не можешь обнажить меч против сына джеддака. Прочь! Я принц Хай Альт!

— Лучше бы ты оказался самим Хаем Озисом,— ответил я,— но за неимением лучшего, я убью его выродка. Защищайся, трус, если ты не хочешь умереть, как баран.

Он отступил, на лице его застыл ужас, глаза осматривали все вокруг. Вдруг он заметил дверь, через которую я вошел, и нырнул туда. Щелкнул замок. Я бросился за ним, но было поздно. Дверь закрылась, и я не смог найти механизма, открывающего ее.

— Быстрее, Фао! — крикнул я.— Ты знаешь секрет двери. Открой ее, ведь нельзя, чтобы этот щенок поднял тревогу. Тогда мы пропали...

Фао подбежала к стене, повернула какой-то рычажок. Я с нетерпением ждал, но дверь не открылась. Фао, как безумная, вертела и вертела его, но все было напрасно. Наконец она с убитым видом повернулась ко мне.

— Он запер замок с той стороны. Он хитрый и не забыл об этом.

— Нам нужно уходить,— сказал я и попытался от-

крыть дверь, вставив меч в щель. Дверь не поддавалась. Удар меча оставил на двери лишь царапину.

— Все бесполезно,— сказал я.

Тавия подошла к нам, молча глядя на меня. В красных глазах ее были слезы, и я заметил, что губы ее дрожат.

— Хадрон! — выдохнула она. — Ты вернулся из страны предков. Зачем ты пришел? На этот раз они убьют тебя.

— Ты знаешь, почему я пришел.

— Скажи мне,— тихо промолвила она.

— Из-за друга, Тавия. Из-за лучшего друга, какого может иметь мужчина.

Сначала удивление появилось на ее лице, затем мягкая улыбка тронула губы.

— Для меня дружба Хадрона из Хастора — большой дар, который преподнесла мне судьба.

Мне было приятно слышать ее слова, но я не понял ее улыбки.

У меня не было времени разгадывать загадки. Самое главное теперь — выбраться остюда. И тут я вспомнил о сосуде в моей сумке. Я быстро осмотрел комнату. В углу на полу была устроена постель. Я подбежал к ней и выбрал три куска ткани. Содержимое сосуда обеспечило бы нам свободу, если бы у нас было хоть немного времени. Я достал сосуд, но тут же услышал топот ног по лестнице и бряцание оружия. Поздно! Они уже возле двери.

Я спрятал сосуд и стал ждать. Сначала я решил сразиться с воинами, но потом понял, что это бессмысленно. Моя смерть ничему не поможет, а если я останусь жив, то сумею воспользоваться содержимым сосуда позже.

Дверь в комнату распахнулась, вошел падвар охраны, а за его спиной я увидел в коридоре целый отряд из пятидесяти воинов.

— Взять его,— приказал он.

— Я и не сопротивляюсь,— сказал я. — Заходи и бери.

— Ты признаешь, что напал на принца Хая Альта?

— Да.

— Женщины — твои сообщницы?

— Я не знаю их. Я следил за Хаем Альтом, так как давно хотел убить его.

— Почему ты хочешь убить его? Что ты имеешь против принца?

— Ничего. Я профессиональный убийца. Меня наняли.

— Кто?

Я рассмеялся ему в лицо. Кто же задает такие вопросы профессиональному убийце? Члены этого братства следуют твердым принципам своей профессиональной этики. И никто не может заставить их назвать имя человека, нанявшего его.

Я поймал недоуменный взгляд Табии. Меня вывели из камеры и повели вниз. Падвар все время задавал мне вопросы, стараясь выяснить, кто я такой. Я был рад, что меня пока никто не узнал. Может, мне так и удастся остаться инкогнито? Впрочем, для меня не было никакого выбора — покушение на жизнь принца наказывается смертной казнью. Но мне бы не хотелось, чтобы меня узнали, иначе сразу догадаются, почему я оказался в комнате девушек.

Я снова оказался в подвале — в той же камере, где был вместе с Нуром Аном. У меня возникло ощущение, что я пришел домой. Снова меня приковали к стене, а воспользоваться сосудом теперь не имело смысла. На этот раз я недолго просидел в подвале. Пришли воины, сняли с меня цепи и повели в тронный зал, где сидел на троне Хай Озис, окруженный свитой.

Хай Альт тоже был здесь и, увидев меня, задрожал от ярости. Меня подвели к трону. Джед обратился к сыну.

— Это он?

— Да, это он, — ответил принц. — Он напал на меня из-за угла и ударил бы в спину, если бы я не перехитрил его.

— Он обнажил свой меч против тебя? Против принца? — спросил Хай Озис.

— Да. И он убил бы меня, как убил Е Сено, чье тело я обнаружил в потайном коридоре возле его кабинета.

Значит, они все-таки нашли убитого мною Е Сено. Прекрасно, значит, они не просто убьют меня, а заставят мучиться перед смертью. В это время в тронный зал торопливо вошел офицер. Тяжело дыша, он остановился перед троном. Затем он повернулся и оглядел меня с головы до ног. После этого он обратился к джеддаку.

— Хай Озис, джед Тьяната, — сказал он. — Я пришел сказать, что тело убитого воина найдено в ангаре.

Он раздет и его оружие исчезло. А возле него брошена чужая одежда. И я, Хай Озис, узнал одежду и оружие убитого воина. Они у этого человека...— он указал на меня.

Хай Озис стал пристально рассматривать меня. Странное выражение в его глазах мне не понравилось. Он внимательно пригляделся и, конечно, узнал меня. Злобное ругательство прокатилось по всему залу.

— О Боги! — вскричал он.— Посмотрите на него! Неужели вы не узнаете его? Это же джахарский шпион, который называет себя Хадроном из Хастора. Он был приговорен к Смерти. Своими собственными глазами я видел, как его спустили в преисподнюю, а он вернулся в мой дворец! Убивает моих людей, угрожает смертью моему сыну!

Хай Озис поднялся с трона и воздел руки к небу, как бы призывая гнев богов на меня.

— Но теперь мы узнаем, кто послал его сюда. Он пришел не по собственной воле, за ним стоит злобный враг, пожелавший истребить всю семью джеда Тьяната. Уведите его! Поджарьте его на огне, но очень медленно, чтобы он не умер до того, как назовет имя пославшего его. Пусть пламя будет жарким, но не позволяйте ему умереть!

ХII

НЕВИДИМЫЙ ПОКРОВ

Когда Хай Озис во второй раз приговорил меня к Смерти, я понял, что, если хочу спасти свою жизнь, нужно делать что-то сейчас, иначе воины схватят меня и уведут в зал пыток, где я ничего не сумею предпринять.

Воины, приведшие меня из подвала в тронный зал, стояли в нескольких шагах позади меня. Помост с тронном возвышался над полом фута на три. Между мною и Хаем Озисом не было никого, а сам он, произнося приговор, встал с трона и подошел к самому краю помоста.

То, что я сделал, не заняло столько времени, как рассказ об этой хитрости. Когда последние слова сорва-

лись с губ джеда, я уже обдумал все свои действия. Я прыгнул, как кошка, на Хай Озиса, джеда Тьяната. Это случилось так неожиданно для него, что он и не попытался защититься.

Одной рукой я схватил его за горло, а другой выхватил кинжал из его ножен. После этого я громко крикнул:

— Все назад, иначе Хай Озис умрет!

Воины подались вперед, но когда мои слова дошли до их сознания, они в ужасе остановились.

— Ты умрешь, Хай Озис, если не сделаешь то, что я прикажу,— сказал я.

— Что? — лицо его было черным от ужаса.

— За тронем есть потайная комната?

— Да.

— Идем туда. Прикажи своим людям отойти в сторону.

— И там ты убьешь меня? — спросил он, дрожа всем телом.

— Я убью тебя сейчас, если ты не подчинишься моему приказу. Меня привела сюда гораздо более важная цель. Когда я сказал падвару, что я наемный убийца, я солгал. Делай, что я говорю, и обещаю, что не убью тебя. Прикажи своим людям оставить нас одних в комнате всего минут на пятнадцать.

Он колебался.

— Торопись. У меня нет времени,— и я приставил кинжал к его горлу.

— Нет! — завопил он, брызгая слюной.— Я все сделаю! Прочь! Все прочь! Я иду в комнату за тронем с этим воином и приказываю вам под страхом смерти не входить туда пятнадцать минут!

Я крепко держал Хая Озиса за одежду. Кинжал был приставлен к его горлу. Так мы и прошли в комнату. На пороге я остановился:

— Помните! Пятнадцать минут и не меньше!

Войдя в комнату, я запер дверь, затем вторую, а потом толкнул Озиса в угол:

— Ложись на живот и закрой лицо!

— Ты же обещал не убивать меня!

— Я не убью тебя, если твои придворные не ворвутся сюда раньше назначенного времени и если ты не будешь мешать мне своими глупыми вопросами. Я хочу просто, чтобы ты ничего не видел.

Кряхтя, он улегся на пол. Я связал его руки за спиной, завязал глаза и оставил его.

Затем я быстро осмотрел комнату и сразу увидел то, что мне было нужно: тонкие шелковые шторы на окне. Я сорвал их и свернул в комок. Шелк оказался таким тонким, что комочек получился маленьким. Затем я достал сосуд и вылил половину его содержимого на шелк. После этого я развернул ткань и накинуд на себя. У меня оставалось всего несколько минут до того, как сюда ворвутся воины, а мне еще нужно было проверить результат своей работы. Я подошел к лежащему Хаю Озису, сорвал повязку с его глаз и быстро отступил в сторону. Тот поднял глаза, удивленно осмотрелся и сказал сам себе:

— Он исчез!

Некоторое время он осматривался вокруг, а потом радость появилась на его лице.

— Эй! — громко закричал он. — Охрана! Он сбежал!

Я перевел дух — если Хай Озис не увидел меня, значит, я стал невидимым. Я не рискнул вернуться в тронный зал и вышел через другую дверь во внутренний коридор. Позади уже слышался грохот: воины взламывали двери. Выходя, я оглянулся на Хая Озиса. Тот в ужасе смотрел на дверь, которая открылась сама собой. Сначала я не понял причины его удивления, а затем улыбнулся. Хай Озис наверняка подумал, что это дело рук привидений.

Однако он, видимо, что-то заподозрил, так как сразу же крикнул своим людям:

— Не входить, пока не пройдет срок! Это приказываю я, Хай Озис, джед.

Я закрыл за собой дверь, продолжая посмеиваться над ним, а потом по коридору направился к лестнице, ведущей в ангар, где я оставил свой корабль.

Еще не привыкнув к своему состоянию, я замирал, встречая воинов и рабов в коридорах. Но убедившись в том, что я совсем невидим, стал действовать спокойнее и увереннее.

Коридор был полон людей. Девушка-рабыня чуть-чуть не натолкнулась на меня, и я едва успел отскочить в сторону. Она явно что-то слышала, так как остановилась и удивленно огляделась. Несколько раз ее взгляд останавливался на мне, но, в конце концов, она повернулась и пошла дальше. После этого я спокойно проследо-

вал дальше по коридору, стараясь ни с кем не сталкиваться. Вскоре мне удалось найти лестницу, ведущую наверх, а немного погодя я уже был в комнате охраны дворца у выхода в ангар.

Воины, свободные от службы, занимались своими делами: кто чистил оружие, кто рассказывал веселые истории, кто играл в шахматы. Здесь было шумно. Отовсюду слышался громкий смех. Как одинаковы воины всех стран! Таких я мог увидеть и в охране дворца в Гелиуме.

Пройдя между ними, я вышел на крышу и хотел подойти к ангару. Два воина, стоящие возле лестницы, мешали мне пройти. Между ними была узкая щель; я боялся, что задену их и они обнаружат меня. Я остановился, выжидая, и подслушал их разговор.

— Я говорю, что его ударили сзади,— сказал один из них.— Он не видел, кто убил его.

Я понял, что они говорят об убитом мною часовом.

— А откуда появился убийца?

— Падвар уверен, что это кто-то из охраны. Он скоро начнет допрашивать всех.

— Только не я,— сказал охранник,— ведь он был моим лучшим другом.

— И не я.

— У него было много женщин, может быть...— и тут внизу на лестнице послышались шаги. Их разговор прекратился. Мое положение становилось весьма опасным. Лестница была узкой, и тот, кто шел снизу, обязательно коснется меня. Значит, мне нужно сейчас же выйти на крышу.

Воин, который шел снизу, уже поднялся и обратился к часовым.

— Убийца найден,— сказал он.— Им оказался шпион из Джахара, который называет себя Хадроном из Хастора. Его вместе с другим шпионом, Нуром Аном, приговорили к Смерти. Каким-то чудом он спасся и снова вернулся во дворец. Кроме часового он убил Е Сено, хранителя ключей, но был схвачен после нападения на Хая Альта. Однако он снова бежал и находится где-то во дворце. Падвар приказал, чтобы вы удвоили бдительность. Большая награда обещана тому, кто схватит Хадрона из Хастора живым или мертвым.

— Он не появится здесь днем.

Я улыбнулся и прошел в ангар. Мне все-таки удалось

проскользнуть незамеченным. Передо мной была пустая крыша. На ней ничего не было, но я-то был уверен, что мой корабль здесь. Я внимательно все оглядел, стараясь заметить перископ, но ничего не увидел. Мне нужно хорошенько поискать. И я пошел вперед, расставив руки.

Я прошел всю крышу из конца в конец, но корабля не нашел. Это мне не понравилось: ведь я точно знал, что оставил корабль здесь. Может, его сдвинул ветер? Я снова и снова обошел крышу, но безрезультатно. Дюйм за дюймом я методично обыскал всю крышу. Корабль исчез... Но куда? Возможно, корабль где-нибудь рядом, а я просто не вижу его. Ветер дул с юго-запада. Если корабль отнесло в том направлении, можно попытаться найти перископ. Но сколько я ни вглядывался, ничего не смог разглядеть.

Должен признаться, что на мгновение я пал духом. Кажется, удача совсем отвернулась от меня. Каждый раз, когда я решаю, что все идет хорошо, судьба вновь испытывает меня. Но я недолго предавался унынию. Расправив плечи и гордо глядя вперед, я шел навстречу будущему, уготованному мне судьбой.

Некоторое время я анализировал свое положение. Я знал, что должен освободить Тавию, но понимал, что без корабля мне этого не сделать. Значит, я должен добыть корабль, а все корабли — рядом со мной, в ангаре джеда. Ночью ангар, конечно, заперт и строго охраняется. Нужно действовать немедленно.

Обычно у джедаков в распоряжении самые быстроходные корабли, так что я надеялся, что мне удастся избежать преследования. Я выбрал момент, когда часовой отвернулся, и осторожно спустился с крыши.

Затем я юркнул в ангар, сел в корабль, который мог поднять четверых и, судя по конструкции, обладал приличной скоростью. Я осторожно запустил двигатель и приподнял корабль над полом.

Прямо перед открытыми дверьми ангара стояли часовые. Когда корабль вылетел из ангара, они закричали и смело бросились к нему в надежде схватить похитителя. Но тут они обнаружили, что за рулем управления никого нет.

— О Боже! — воскликнул один из них. — На корабле никого нет!

Второй воин тоже остановился в недоумении, а я рез-

ко взмыл вверх. Но воины не растерялись. Вскоре я услышал звуки сирены, удары колокола, а когда оглянулся, то увидел, что в погоню за мной вылетел корабль.

Это был двухместный корабль, гораздо более быстрый, чем мой. А кроме того, я заметил, что из разных точек в городе в воздух поднимаются патрульные корабли. Все они устремились за мной. Мое положение казалось безнадежным. Они окружили меня со всех сторон. Я лихорадочно искал какой-нибудь выход. Но что делать? Скорость моего корабля невелика, а преследователей очень много. В любом случае они не дадут мне скрыться и перехватят меня. И тут я увидел то, что заставило мое сердце лихорадочно биться: маленький круглый глаз перископа — вот оно, мое спасение.

Патрульный корабль уже устремился ко мне, когда я, тщательно рассчитав расстояние, приблизился к своему кораблю. Я нащупал люк, открыл его и быстро проскользнул внутрь «Джамы» — так Фор Так назвал свой корабль. Закрыв люк, я встал к пульту управления и моментально поднялся вверх. Затем я остановил корабль и завис в воздухе, наблюдая за противником.

Я видел, как они поднялись на палубу похищенного мною корабля и обнаружили, что там никого нет. Они метались по кораблю, не находя объяснения случившемуся.

Вскоре в воздухе стало так тесно от подлетевших кораблей, что мне пришлось убраться. Я решил, что дождусь ночи и попытаюсь освободить Тавию и Фао, а до этого мне необходимо как-то предупредить их. Через полчаса солнце начнет заходить.

Воин одного из патрульных кораблей отвел угнанный мною корабль в ангар. Несколько кораблей сопровождали его, другие оставались на своих местах, а затем вернулись на места стоянок. В небе остался один патрульный корабль, который кружил над городом. И вдруг я заметил, что молодой офицер, стоящий на палубе патрульного корабля, заметил глаз перископа. Он что-то крикнул, указывая на него рукой, и тут же его корабль изменил курс и полетел в моем направлении. Эта встреча не предвещала ничего хорошего. Я моментально отвернул перископ и изменил курс полета. Теперь они не могли видеть меня, а тем более — преследовать.

Отлетев немного, я снова повернул перископ в их сторону и к своему удивлению обнаружил, что патруль

летит за мной. Я снова изменил курс, но корабль не отставал. Более того, ствол орудия уже был направлен на меня.

Что же случилось? Видимо, произошло что-то, в результате чего я стал видимым для посторонних глаз. Исправить что-либо я уже не мог, но если они выстрелят в меня, я погиб.

Я быстро остановил корабль и бросился к орудию на корме... Через несколько секунд я увидел в прицеле вражеский корабль. Легкое нажатие на кнопку и... результат был потрясающим.

Мне было больно смотреть, как исчезли металлические части корабля противника, они испарились. Храбрые воины и деревянные детали корабля полетели вниз. Это было ужасно.

Я истинный сын Барсума и давно познал радость битвы. С младенческих лет, с самого рождения я видел цель своей жизни — борьба и победа. Меня все время готовили к войне. Но это была не война. Это было просто убийство. Я не испытал радости от такой победы и все более проникался мыслью, что это оружие уничтожения должно быть запрещено раз и навсегда на всем Барсуме. Война невидимых кораблей, вооруженных таким оружием, будет ужасна, она противоестественно. Целые нации, государства могут быть уничтожены одним единственным кораблем, имеющим на борту такое оружие. Безумные грезы Фора Така вполне могли воплотиться в реальность, и сумасшедший маньяк мог стать властелином мира.

Однако в настоящий момент мне было не до философских раздумий. Передо мной стояла определенная цель, и я был готов стереть с лица планеты весь Тьянат, если это потребуется. Снова взвыли сирены, зазвонили колокола. Снова вокруг меня собрались патрульные корабли. Я понял, что мне нужно улететь отсюда до наступления ночи, так как не смогу использовать против них это смертоносное оружие без крайней необходимости.

Я повернулся к пульту управления и заметил открытое смотровое окно. Теперь мне стало понятно, почему патрульный корабль преследовал меня. Воины видели что-то круглое, перемещающееся в воздухе. И хотя они не могли понять, что это такое, но пустились в погоню.

Я быстро закрыл его, убедился, что остальные также закрыты, и решил, что теперь я могу не улетать отсюда, так как я опять абсолютно невидим, за исключением маленького глаза перископа. К этому моменту здесь опять собрались все патрульные корабли.

Вероятно, воины были поражены тем, что случилось, и не могли найти этому никакого разумного объяснения. Корабли кружили над городом, ожидая приказаний. К вечеру они выстроились в несколько линий и стали прочесывать небо, описывая круги и выдерживая между собой минимальное расстояние, чтобы ничто не могло ускользнуть от них. К тому же на крышах всех зданий города были выставлены часовые, глядевшие в небо. Тысячи глаз смотрели наверх. Я понял, что теперь-то они непременно обнаружат меня, поэтому спустился в дворцовый сад и укрылся в листве деревьев. Отсюда можно было более или менее спокойно наблюдать за поисками. Вскоре настала ночь, и я потихоньку выбрался из своего укрытия.

Поднявшись над садом, я осмотрелся с помощью перископа. Высоко в небе я увидел огни патрульного корабля, а под собой — тысячи освещенных окон дворца. Впереди появился темный силуэт Восточной башни. Я осторожно подлетел к окну камеры, где томились девушки.

Я, разумеется, не включал огней и, открыв верхний люк, остановился в двух футах от окна их комнаты. Прежде чем выбраться из люка, я накинул на себя шелковую ткань и стал невидимкой.

В комнате девушек не было света. Я приложил ухо и прислушался. Ни звука. Сердце мое упало. Неужели ее перевели отсюда? Неужели ее все-таки забрал Хай Альт? Я содрогнулся при этой мысли и обругал себя за то, что упустил его в прошлый раз.

Я знал, что в ночное небо устремлены тысячи глаз и тысячи ушей прислушиваются к малейшим звукам. Поэтому я постарался как можно меньше шуметь. Я прижался к окну и прошептал ее имя. Ответа не последовало.

— Тавия! — снова прошептал я, на этот раз громче. Мне показалось, что мой голос прозвучал так громко, что меня могли услышать у подножия башни.

В глубине комнаты послышался какой-то звук. Кто-то тихо ахнул. Затем я понял, что к окну кто-то прибли-

жается. В комнате было так темно, я ничего не мог разглядеть. Но вот я услышал знакомый голос:

— Хадрон, где ты?

Она узнала меня. Я почему-то вздрогнул, услышав ее.

— Я за окном, Тавия.

Она подошла ближе.

— Где ты? Я не вижу тебя...

Я совсем забыл о том, что стал невидимкой.

— Не бойся. Ты не можешь видеть меня, но потом я все объясню тебе. Фао с тобой?

— Да.

— И больше никого?

— Никого.

— Я хочу забрать вас отсюда. Отойдите в сторону от окна, чтобы не пострадать. Когда я скажу, вы переберетесь на мой корабль.

— Корабль? А где он?

— Он здесь. Его тоже не видно. Не спрашивайте ни о чем, выполняйте пока мои приказы и доверьтесь мне.

— Конечно, Хадрон,— прошептала она.

Необъяснимая радость охватила все мое существо, но я не мог понять, что же происходит со мной, да и времени не было на раздумья.

— Отойди в сторону, Тавия, и отведи Фао.

Я увидел смутную тень возле окна, которая затем исчезла. Я подошел к носовому оружию, направил его на окно. Легкое нажатие на кнопку... Я не видел, что произошло, но знал, что решетки больше не существует.

Я протянул руку к окну и убедился, что так оно и есть.

— Тавия, Фао, быстрее сюда!

Стоя одной ногой на палубе корабля, а другой на подоконнике, я подтянул корабль поближе и держал в руках покрывало, чтобы девушки могли незамеченными выбраться из окна.

Это было довольно трудно. К сожалению, у меня ничего не оказалось под рукой, чтобы закрепить корабль, поэтому пришлось полагаться лишь на свои силы. Я помог Тавии подняться на подоконник.

— Но здесь же нет корабля,— испуганно прошептала она.

— Он здесь. Доверься мне, Тавия! — я обнял де-

вушку одной рукой и почувствовал, как от этого объятия затрепетало все ее хрупкое тело.

— Не бойся,— сказал я и осторожно опустил ее в люк «Джамы».

Затем я также помог Фао и бережно переправил ее на борт корабля. Соприкоснувшись с их телами, я вдруг ощутил странное волнение. Интересно, будь сейчас на их месте Саном Тора, я испытал бы то же самое? Пожалуй, что так бы оно и было.

Когда обе девушки были на корабле, я спустился и закрыл за собой люк. Пробираясь к пульта управления, я коснулся рукой женского бедра, и дрожь пронзила мое тело, хотя не знал, Тавия то была или Фао. Обе девушки лежали на полу в изнеможении после пережитых испытаний.

Теперь, если нам удастся выскользнуть из кольца патрульных кораблей, у меня будет достаточно времени для ответов на их вопросы.

ХIII

ЖЕНЩИНЫ ТУЛА АКСТАРА

На медленной скорости мы отошли от башни. Я не рискнул набирать высоту, так как боялся столкнуться с каким-нибудь патрульным кораблем. Я полетел над самой крышей дворца, пока не оказался над широкой улицей, ведущей к северо-востоку. Сейчас можно было опасаться лишь того, что меня услышат часовые на крышах. Однако в небе было столько кораблей, что шум их двигателей заглушал все звуки. Наконец, мы подлетели к городским воротам. Я набрал высоту, мы перелетели высокую стену и вырвались на свободу. Огни города и патрульных кораблей постепенно растаяли в ночи.

Пока мы были в городе, девушки молчали, но когда опасность миновала, Тавия засыпала меня вопросами. Что касается Фао, то ее первый вопрос был о судьбе Нура Ана. Вдох облегчения вырвался из ее груди, когда она узнала, что Нур Ан жив и в безопасности. Обе девушки с замиранием сердца выслушали мой рассказ о чудесном избавлении от Смерти. Потом я поведал им о сумасшедшем Форе Таке, его изобретениях и о «Джа-

ме». Когда же я удовлетворил их любопытство, мы обсудили планы на будущее.

— Я думаю, что теперь должен лететь в Джахар,— сказал я.

— Да,— тихо ответила Тавия.— Это твой долг. Ты должен спасти Саному Тора.

— Если бы я мог оставить вас в каком-нибудь безопасном месте, то с легким сердцем отправился бы выполнять свою миссию. Я не знаю другого такого места, кроме Джамы, но сейчас я не хочу возвращаться в замок старого сумасброда, пока не выполнил его поручения. Я не знаю, как он поступит, узнав правду. К тому же я вовсе не уверен, что в его замке вы будете в полной безопасности. Он доверяет только своим рабам. Ему может взбрести в голову, что вы кем-то подсланы.

— Обо мне не думай,— сказала Тавия,— я не останусь нигде. Раб должен быть со своим господином.

— Не говори так, Тавия. Ты не рабыня.

— Я рабыня. Я обязательно буду чьей-нибудь рабыней. Лучше твоей.

Я был тронут ее преданностью, но мне вовсе не хотелось видеть ее рядом в качестве рабыни.

— Я дарю тебе свободу, Тавия,— сказал я.

Она улыбнулась.

— Я не воспользуюсь твоим даром. Все решено, я остаюсь с тобой. Ты научишь управлять меня «Джамой», и тогда я смогу быть полезной тебе.

Я очень скоро обучил девушек управлять кораблем, и теперь они могли заменить меня у пульта управления. Я также обучил их стрельбе из страшного оружия, установленного на борту нашего корабля.

Задолго до того, как показался город, мы увидели одноместный корабль, покрашенный в голубой цвет. Вскоре появились и другие корабли. Видимо, это были разведчики. Они медленно кружили на большой высоте, ожидая появления вражеского флота. Мы пролетели под ними и вскоре увидели вторую линию кораблей. Это были небольшие корабли, способные поднять до пятнадцати воинов. Приблизившись к одному из них, я увидел, что он вооружен четырьмя излучателями. Я пригляделся и понял, что эти корабли плотным кольцом окружают Джахар.

Наконец, мы добрались до третьей линии обороны: это были огромные боевые корабли, хорошо вооружен-

ные. На каждом из них можно было разместить до тысячи воинов. Хотя в Гелиуме были корабли и большего размера, мне стало ясно, что флот Джахара представляет собой огромную силу, даже если не учитывать ужасное оружие, которое установлено на всех кораблях.

Итак, Тул Акстар не терял времени даром, а тщательно подготовился к завоеванию Барсума. Я был уверен, что перед нами лишь незначительная часть армии Тула Акстара.

Все это наполнило мои мысли тревогой. Если флот Гелиума появится здесь, он будет уничтожен. Никакая сила не спасет его. Единственное, на что я надеялся, так это на благоразумие военачальника Гелиума. Обнаружив разрушительную силу смертоносных лучей, они поймут, что вступать в бой бессмысленно, и повернут назад, чтобы спасти остальные корабли.

Далеко впереди на горизонте появились башни Джахара, и когда мы подлетели к городской стене, я увидел огромное скопление больших кораблей. Судя по конструкции, это были транспортные корабли, каждый из которых мог поднять до десяти тысяч воинов. Именно на них миллионы голодных джахарских воинов полетят грабить и уничтожать весь Барсум.

Я смотрел на эту армаду и думал, что мне нужно все бросить и мчаться в Гелиум, чтобы предупредить все цивилизованные народы о нависшей угрозе. Чувства долга и чести боролись во мне. Что же делать? Много раз я рисковал жизнью, чтобы добраться до Джахара ради единственной цели. И вот теперь долг зовет меня обратно. И все-таки спасение мира и цивилизации — цель более важная. Но чисто человеческие чувства взяли верх, и я решил, что сначала должен спасти женщину, которую люблю, а уж затем заняться спасением Барсума.

Мы перелетели через стену и направились ко дворцу джеддака. План мой был хорошо продуман, так как мы не раз обсуждали его с Тавией, которая выросла во дворце. Я должен был подлететь к узкой башне, где не было возможности посадить корабль, но там я смог бы легко проникнуть во дворец, в ту его часть, которая отведена женщинам.

Никем не замеченные, под покровом вещества, сделавшего корабль невидимым, мы оказались возле башни.

— Скоро стемнеет,— сказал я Тавии.— Сейчас вы улетите, а возвратитесь, когда совсем будет темно.

Тавия объяснила мне, что женскую половину запирают после захода солнца, поэтому я должен был попасть во дворец до наступления ночи. Тавия предупредила меня, что двери, ведущие на женскую половину, запираются изнутри, чтобы обезопасить женщин от вторжения случайных посетителей или разгулявшихся воинов.

Закутавшись в шелк, пропитанный веществом из заветного сосуда, я открыл люк и перебрался на подоконник одного из узких окон.

— Желаю удачи,— прошептала Тавия.— Надеюсь, ты вернешься с Саномой Тора. Я буду молиться за тебя.

Я распрощался с девушками и скрылся в окне. Я сразу попал на узкую лестницу, которой, видимо, пользовались очень редко, так как на пыльных ступеньках не было видно ни одного следа. Спустившись по ней, я оказался в комнате, которая когда-то служила караульным помещением, а теперь стала складом ненужных вещей. С первого взгляда мне стало ясно, что здесь хранятся прекрасные изделия древних мастеров Джахара, но у меня не было времени полюбоваться ими. Я миновал ее и, следуя наставлениям Тавии, спустился еще по двум винтовым лестницам и оказался в коридоре, убранном дорогими драпировками, по которому можно было попасть на женскую половину дворца Тула Акстара. Коридор был длинный, по обеим сторонам его были огромные окна, сквозь которые я разглядел верхушки деревьев.

Вдоль всего коридора мне повстречалось множество дверей, одни из них были заперты, другие открыты настежь. Так как в этот коридор вход был всем запрещен, кроме рабов и самого Тула Акстара, я был пока в относительной безопасности.

Пока я осматривался, чтобы решить, с чего же мне начать, из одной комнаты вышли несколько женщин и направились прямо на меня. Красивые, роскошно одетые, они легкомысленно пересмеивались и обсуждали в весьма нелестных выражениях старого Тула Акстара. Никто из них не сказал о нем доброго слова.

Они прошли мимо меня и скрылись в большой комнате в конце коридора. Почти сразу же из всех комнат стали выходить женщины. Все они собрались в том большом зале, куда зашли красавицы, встретившиеся мне первыми. Значит, именно там мне и нужно искать

Саному Тора. Я присоединился к одной из них и тоже вошел в громадный роскошно украшенный зал. На небольшом возвышении у дальней стены я заметил трон джеддака.

В центре зала был бассейн. Вдоль стен стояли скамьи, на которых в беспорядке лежали шелковые покрывала, дорогие меха, подушки. Видимо, здесь Тула Акстара окружали только женщины. Здесь они купались и танцевали для него, здесь устраивались роскошные трапезы, сопровождающиеся музыкой и развлечениями.

Я быстро осмотрелся и убедился, что Саномы Тора здесь нет, и встал поближе к дверям. Отсюда мне хорошо были видны все женщины, входящие в зал.

В первый раз мне довелось увидеть стольких женщин в одном зале. От скуки я попробовал пересчитать их, но сбился, досчитав до ста пятидесяти, и отбросил эту безнадежную затею.

Они расположились на скамьях вдоль стен. Отовсюду слышались женская болтовня и мелодичный смех. Здесь были собраны женщины всех рас и возрастов. Объединяло их одно — все они были очень красивыми. Тайные агенты Тула Акстара облетели весь Барсум, чтобы подобрать такой букет красавиц.

Внезапно за троном открылась дверца, и в зал вошел отряд воинов. Сначала я очень удивился, так как со слов Тавии знал, что сюда запрещен вход мужчинам, но потом понял, что эти воины — женщины, одетые в мужскую одежду. Воины заняли свои места по обеим сторонам трона. Снова открылась дверь и вошел придворный — тоже женщина, переодетая в мужскую одежду.

— Вознесите хвалу! — крикнула она. — Вознесите хвалу! Джеддак идет!

Все вскочили, и через минуту в зал вошел джеддак Тул Акстар в сопровождении женщин, переодетых в мужскую одежду. Тул Акстар опустил свое грузное тело на трон и знаком руки разрешил всем сесть. Затем он тихо что-то сказал женщине, объявившей о его появлении. Она выступила вперед.

— Великий джеддак хочет оказать вам честь, посмотрев на вас, — сказала она. — От имени джеддака приказываю вам пройти перед тронном.

Тут же первая женщина слева встала, подошла к трону, несколько раз медленно повернулась перед джеддаком, чтобы тот смог рассмотреть ее, и прошла к две-

рям, возле которых стоял я. Одна за другой женщины следовали за нею. Вся эта процедура казалась мне абсолютно бессмысленной. Я не мог понять ее... Мимо меня прошла уже добрая сотня женщин, когда мое внимание привлекла одна из них. Я сразу же узнал Саному Тора. Она немного изменилась. Я не мог понять, как я не узнал ее сразу. Я нашел ее! После всех этих долгих месяцев я нашел ее — женщину, которую любил. Но почему мое сердце не трепещет?

Она вышла из тронного зала, и я последовал за ней. Я прошел вдоль коридора, вошел в одну из комнат, куда мне едва удалось проскочить, так как она сразу же закрыла за собой дверь.

Мы оказались одни в маленькой комнатке, Саному Тора и я. В одном углу я увидел постель, а между окнами стоял туалетный столик. Но это не были покои джеддары. Скорее, это была каморка рабыни. Саному Тора прошла по комнате и уселась на стул перед туалетным столиком. В этот момент она сидела ко мне спиной, и я скинул с себя невидимую ткань.

— Саному Тора, — тихо сказал я.

Она резко повернулась.

— Хадрон из Хастора? Ты снишься мне.

— Нет, не снюсь, Саному Тора. Я действительно Хадрон из Хастора.

— Почему ты здесь? Как ты здесь оказался? Это невозможно. Ни один мужчина не может появиться здесь.

— Но я здесь, Саному Тора. Я пришел за тобой... если ты пожелаешь вернуться в Гелиум.

— О Боже! Если бы я могла надеяться!

— Можешь. Я здесь, чтобы вернуть тебя.

— Я не могу поверить в это. Как ты проник сюда? Хадрон, отсюда невозможно выбраться незамеченным.

Я набросил на себя покрывало.

— Ты где, Хадрон? Что случилось? — вскрикнула Саному Тора.

— Вот так я и вошел, — объяснил я ей, сбрасывая покрывало. — Таким же образом мы уйдем с тобой.

— Что же это за чудо? — спросила она.

Я в нескольких словах объяснил ей все, что произошло после ее похищения.

— Как здесь обращались с тобой, Саному Тора?

— Неплохо. Меня до сих пор никто не замечал.

Сегодня я впервые увидела Тула Акстара. Я только что пришла из зала, где он осматривал женщин.

— Да, я знаю. Я тоже был там.

— Когда ты заберешь меня отсюда?

— Как можно скорее.

— Боюсь, что уже поздно.

— Почему?

— Когда я проходила мимо Тула Акстара, он задержал меня, и я слышала, как он спросил, кто я и где расположена моя комната. Женщины объяснили мне, что это значит, и я боюсь. Ведь тут я всего лишь рабыня.

О, как же изменилась надменная Саномы Тора! Где та гордая красавица, которая отвергла меня? Неужели это та самая Саномы Тора, которая собиралась стать джеддарой? И вот теперь я вижу, как дрожат ее губы, в глазах затаился страх, а плечи печально опущены.

Сердце мое наполнилось жалостью к ней, и я, к своему удивлению, обнаружил, что в нем не нашлось места для других чувств. Когда я в последний раз видел Саному Тору, я готов был отдать жизнь, чтобы хоть раз заключить ее в свои объятия. Неужели испытания, выпавшие на мою долю, так изменили меня? Неужели рабыня Саномы Тора менее желанна для меня, чем Саномы Тора — дочь богача Тора Хатана? Нет, нет, не может быть. Просто сейчас на меня свалился груз огромной ответственности за спасение Барсума от безумного маньяка Тула Акстара. Сейчас не время для любви. Нет, сейчас все мои мысли были заняты совсем другим, но я любил Саному Тору. Да, да, любил!

Нужно было спешить. Я быстро осмотрел комнатку и понял, что смогу вытащить Саному Тору через окно так же, как и Фао с Тавией. Я объяснил свой план бедняжке и велел ей подготовиться, чтобы она не испугалась, когда мы будем перебираться на борт «Джамы».

— А пока, Саномы Тора, до свидания. Ты услышишь мой голос, но ничего и никого не увидишь. Тогда открой окно и встань на подоконник. Я возьму тебя на руки, доверься мне и не бойся ничего.

— До свидания, Хадрон, я так благодарна тебе. Когда мы вернемся в Гелиум, ты можешь потребовать от меня, чего захочешь, и я с радостью исполню все, что ты пожелаешь.

Я приложил палец к губам и повернулся к двери. Но тут Саномы Тора остановила меня.

— Тихо! Кто-то идет!

Я поспешно набросил на себя покрывало и отступил в сторону. Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась женщина в роскошной одежде мужчины — придворного. Она вошла в комнату и отступила в сторону. Дверь осталась открытой.

— Тул Акстар, джеддак Джахара,— объявила она.

В комнату вошел джеддак в сопровождении женщин, переодетых в воинов. На лице его можно было прочесть и силу, и робость, и надменную самоуверенность, и нерешительность. Он смотрел на Саному Тора, стоя в окружении женщин охраны. Это были сильные и крупные женщины. Видимо, он специально подбирал себе телохранительниц.

Несколько минут Тул Акстар осматривал Саному Тора, а затем подошел к ней с таким видом, что мне это не понравилось. А когда он положил руку на ее плечо, мне захотелось сбросить покрывало и выхватить меч.

— О, я не ошибся,— сказал он.— Ты прелестна. Сколько времени ты здесь?

Она вздрогнула, но не ответила.

— Ты из Гелиума?

Ответа не было.

— Корабли Гелиума уже летят сюда,— рассмеялся он.— Разведчики сообщили, что они скоро будут здесь. Я устрою им теплый прием.— Он обратился к женщинам-воинам.— Оставьте нас. Никто не должен входить сюда, пока я не позову. А здесь, кажется, у меня будет много дел...— и он с улыбкой обнял Саному Тора за плечи.

Женщины поклонились и вышли, а руки джеддака скользнули по обнаженным плечам девушки.

— Идем,— сказал он.— Хотя ты из Гелиума, но я не воюю с тобой. Ты сумела победить меня и завоевать любовь джеддака.

Тул Акстар притянул ее к себе. Кровь моя вскипела. Не думая о последствиях, я сбросил с себя покрывало...

Скинув покрывало, я выхватил меч, и Тул Акстар услышал это. Он повернулся ко мне. Кровь отхлынула от его лица. Он побледнел, как смерть, но крик замер в его груди, когда острое меча коснулось его горла.

— Тихо! — прошипел я.

— Кто ты?

— Тише!

Тут же я решил, что делать дальше. Я заставил джеддака повернуться спиной ко мне, обезоружил его, затем связал и сунул кляп в рот.

— Где мне спрятать его? — спросил я.

— Здесь есть небольшой шкаф в стене, — ответила она, показывая на маленькую дверь. Я открыл ее и втащил Тула Акстара в шкаф. Должен сказать, что обращался я с ним весьма бесцеремонно. Затем я закрыл дверь и повернулся к бледной и дрожащей Саноме Тора.

— Я боюсь, — пролепетала она. — Они вернутся и убьют меня.

— Женщины не вернутся, пока Тул Акстар не позовет их. Они ведь уверены, что их повелитель забавляется с тобой. Ты же слышала его приказ.

Девушка кивнула.

— Вот его кинжал, — сказал я. — Если случится что-либо, ты сможешь продержаться некоторое время, угрожая убить Тула Акстара.

Но Саноме Тора продолжала дрожать всем телом, и я боялся, что такое испытание ей не под силу. О, если бы на ее месте была Тавия! Уж она бы сумела сделать все, что нужно!

— Я скоро вернусь, — сказал я и поднял с пола покрывало. — Пусть окно будет открыто, будь готова к моему появлению.

Я накинул на себя покрывало. Девушка продолжала дрожать, а кинжал вот-вот мог выпасть из ее рук, но мне ничего не оставалось делать, как поторопиться на «Джаму» и поскорее вернуться сюда. Я пробрался в башню без всяких приключений. Надо мной сверкали яркие звезды в барсумском ночном небе, а над самой крышей дворца сияла самая яркая из них — Джасум — Земля.

«Джама», конечно, была невидима, но я столь доверял Тавии, что знал: протяни руку — и нащупаешь борт корабля. Действительно, корабль был уже на месте. Трижды я осторожно стукнул в борт. Таков был условный сигнал. Люк приподнялся, и через мгновение я уже был внутри.

— Где Саноме Тора? — спросила Тавия.

— Никаких вопросов, — ответил я. — Нужно спешить.

Она молча заняла место рядом со мной у руля управления. Ее нежное плечо коснулось моей руки. Я осторожно подвел «Джаму» к окну дворца. Через глаз перископа я увидел фигуру Саномы Тора.

— Держи корабль в таком положении, Тавия, — сказал я, поднял крышку люка и окликнул Саному Тора.

От звука моего голоса она так вздрогнула, что чуть не выронила кинжал из рук, хотя знала, что я прилечу, и ждала меня.

— Выключи свет, — прошептал я ей.

Я видел, как она неверной походкой подошла к лампе, и вскоре комната погрузилась в темноту. Я поднял люк и встал на подоконник. Свое покрывало я засунул за пояс, чтобы можно было мгновенно воспользоваться им в случае необходимости. Затем я протянул руки к Саноме Тора. Она так ослабла от ужаса, что не смогла бы без моей помощи подняться даже на подоконник. Тогда я взял ее на руки и с помощью Фао опустил в люк корабля. Потом я спрыгнул в комнату, выволок из шкафа Тула Акстара, развязал ему руки и вытащил кляп.

— Делай так, как я велю, Тул Акстар, — сказал я, — иначе мой кинжал найдет путь к твоему сердцу. Он жаждет твоей крови, и я с большим трудом сдерживаю его. Однако если ты будешь слушать меня, я постараюсь спасти твою жизнь. Я хочу использовать тебя, и от того, насколько ты будешь мне полезен, зависит твоя жизнь.

Я заставил его подняться, подвел к окну, поднял на подоконник. Увидев, что ему нужно шагнуть в бездну, он затрясся от страха, и мне стоило немалых усилий, чтобы заставить его перейти на корабль.

Затем я тоже спустился в люк и закрыл его. Тавия повернулась ко мне, ожидая приказаний.

— Держи корабль на месте, Тавия, — сказал я.

Я подошел к столику, достал бумагу и позвал Фао.

— Ты из Джахара, — сказал я. — Ты можешь писать на языке этой страны?

— Конечно.

— Тогда пиши, я буду диктовать.

Она приготовилась, а я продиктовал:

«Если хотя бы один корабль Гелиума будет уничтожен, Тул Акстар умрет. Подпись: Хадрон из Хастора, падвар Гелиума».

Тувия и Фао посмотрели сначала на меня, затем на пленника. Они застыли в изумлении.

— Тул Акстар! — выдохнула Тавия. — Хадрон из Хастора, ты сегодня спас Гелиум и весь Барсум!

Я не мог не отметить ее цепкий разум. Она сразу оценила те возможности, которые дал нам этот пленник на борту.

Я взял записку, написанную Фао, вернулся в ка-морку Саномы Тора и положил ее на туалетный столик. Через несколько минут я был уже на корабле, и он быстро поднялся над крышами Джахара.

Утро застало нас уже за пределами воздушного заграждения. Огни на кораблях Джахара обезопасили наш полет, и мы, к счастью, избежали столкновений с ними. На максимальной скорости мы полетели навстречу флоту Гелиума. Саномы Тора понемногу оправилась от потрясения. Меня очень удивила забота Тавии о ней. Она возилась с ней, как с младшей сестрой. Однако по мере того, как Саномы Тора приходила в себя, к ней возвращалась ее былая надменность. Она не выказала ни малейшей благодарности Тавии за ее участие. Да, теперь я вновь увидел настоящую Саному Тора, для которой существовала только она сама, а весь остальной мир был создан только для того, чтобы служить и угождать ей. Мне очень хотелось, чтобы у нее вырвалось хоть одно доброе словечко для Тавии, но увы...

Набрав высоту, на которой обычно летают боевые корабли, я поручил автопилоту следить за полетом, а Фао — за появлением флота Гелиума. Мы с Тавией должны были немного отдохнуть. Тул Акстар лежал молча у самого борта, возможно, он задремал. Я же настолько устал, что сразу уснул. Разбудила меня какая-то тяжесть, навалившаяся на меня. Я попытался сбросить ее, но с удивлением обнаружил, что мои руки кто-то связал во сне. Чье-то колено уперлось мне в грудь, прижав меня к полу. Рука стиснула горло. И тут

я увидел Тула Акстара. Это он напал на меня. В руке у него был кинжал.

— Тихо! — прошептал он. — Если хочешь жить — ни звука! — затем он крепко связал мои ноги и сунул кляп в рот. После этого он подобрался к спящей Тавии и тоже крепко связал ее. Возле руля управления лежала связанная Фао, Саном Тора же скорчилась возле стенки. Видимо, ужасная ситуация парализовала ее. Почему же она не предупредила меня, ведь ее никто не связал? Почему же не пришла мне на помощь, как это сделала бы Тавия?

Что же произошло? Я был уверен, что весьма надежно связал Тула Акстара, и он не мог бы освободиться без посторонней помощи. И все же я в чем-то ошибся. Я выругал себя за небрежность, которая сорвала все планы, а теперь может привести к гибели весь флот Гелиума.

Связав нас, Тул Акстар подошел к рулю управления, не обращая никакого внимания на Саному Тора. Видимо, он был уверен, что она совершенно безвредна для него. Развернув корабль в обратном направлении, он подошел ко мне.

— Я должен был бы убить тебя, Хадрон из Хастора, но я дал слово джеддака, что не сделаю этого.

«Интересно, кому же он дал это слово? » — подумал я, но тут же меня захватили мысли о нашем спасении.

— Благодарю бога за великодушие Тула Акстара, — продолжал он. — Ведь за то, что ты совершил, ты заслуживаешь страшного наказания, но я освобожу тебя! Я высажу тебя в провинции У-Гор!

В его голосе звучало такое злорадство, что я понял: ничего хорошего меня там не ждет. Я никогда не слышал об У-Горе и предположил, что это, вероятно, так далеко, что оттуда почти невозможно добраться до Джахара, тем более до Гелиума. Я был убежден в том, что Тул Акстар не высадит меня там, где я буду представлять хоть малейшую угрозу для него.

«Джама» летела в течение многих часов. Тул Акстар и не подумал даже вытащить у меня кляп. Он все время стоял у руля управления, а Саном Тора безучастно сидела на полу, прислонившись спиной к борту корабля. Она ни разу не взглянула на меня. Какие мысли бродят в этой прекрасной головке? Может, она решает, как освободить нас? Или же, охваченная ужасом, уже ни на

что не способна? Ведь она знает, что в Джахаре ее снова ждет рабство. Я терялся в догадках, никак не понимая ее.

Не знаю, сколько времени продолжался наш полет. Солнце уже высоко стояло, когда Тул Акстар совершил посадку. Заглушив двигатель, Тул Акстар подошел ко мне.

— Вот мы и в У-Горе, — сказал он. — Здесь я подарю вам свободу, но сначала ты должен отдать мне ту странную штуку, с помощью которой ты проник в мой дворец.

Мое покрывало! Откуда он узнал о нем?.. Но нет, не может быть. Неужели!? Нет, моя душа протестовала против подозрения, закравшегося в мою душу. Покрывало же, скатанное в маленький комочек, лежало в сумке, прикрепленной к поясу. Тул Акстар вытащил у меня изо рта кляп.

— Когда вернешься во дворец, — сказал я, — поищи под окном комнаты Саномы Тора. Должен сказать, что покрывало неплохо служило мне.

— Зачем же ты оставил его?

— Я уронил, а искать не было времени. Кто-то постучался в дверь, — солгал я, но Тул Акстар проглотил эту ложь.

Он открыл люк и бесцеремонно вытолкнул меня из корабля. К счастью, корабль висел так низко над землей, что я почти выкатился на нее. Затем он высадил Тавию, спустился сам и перерезал веревки на руках Тавии.

— Другая останется у меня, — заявил он. По всей видимости, он имел в виду Фао. — Она сильная и злая и будет у меня телохранительницей.

К счастью, Тул Акстар не узнал Тавию, свою бывшую рабыню. Он забрался на корабль и снова заговорил с нами из люка.

— Я выброшу вам оружие, когда немного поднимусь, чтобы вы не применили его против меня. Вы можете благодарить будущую джеддару Джахара за милость, которую я оказал вам.

«Джама» медленно поплыла вверх. Тавия освободилась от своих пут и теперь развязывала мои веревки. Но я был так ошарашен, что не мог прийти в себя. Саномы Тора, женщина, которую я любил, предала меня! Только теперь я понял, каким глупцом оказался. Тул Акстар купил себе свободу обещанием сделать ее джеддарой.

Какой же ценой эта гордячка удовлетворит свои

амбиции! Я был уверен, что если она проживет даже тысячу лет, то не сможет без стыда смотреть на себя в зеркало, она будет страдать. Эта мысль не принесла мне радости. Все-таки я любил ее и не желал ей зла.

Я уселся на землю, и вдруг мягкая рука обняла меня за плечи, и нежный шепот вывел меня из забытья.

— Бедный Хадрон!

В этом прикосновении, в этом голосе было столько неподдельного участия, что он как чудесный бальзам облегчил боль в моем израненном сердце.

Никто, кроме Тавии, не мог сказать так. Я повернулся к ней, взял ее маленькие ладони в свои руки и прижал их к губам.

— Любимый друг, как я рад, что это не ты предала меня.

Не знаю, почему я сказал это. Слова сами вырвались из моих уст. И только теперь я понял, что если бы меня предала Тавия, ничто не смогло бы утешить мою боль. Я порывисто сжал ее в объятиях.

— Тавия! Обещай, что никогда не покинешь меня. Я не смогу жить без тебя!

Она обвила своими нежными руками мою шею и приникла ко мне.

— Никогда, до самой смерти я не расстанусь с тобой,— прошептала она.

А когда она оторвалась от меня, я увидел, что она плачет. Я знал, что никогда не смогу полюбить другую женщину, кроме Саномы Тора, но какие чувства я питаю к Тавии?

— Мы никогда больше не расстанемся,— сказал я.— Если нам посчастливится вернуться в Гелиум, то дом моего отца будет твоим домом, а моя мать — твоей матерью.

Она вытерла глаза и посмотрела на меня так, что я даже смутился. А затем она вдруг загадочно улыбнулась. Ее лицо отражало самые тонкие движения души, что делало ее в моих глазах совсем не похожей на других девушек. Я думаю, что именно это и привлекало меня в ней. В ее характере я заметил таинственные глубины, что мне порою было трудно понять ее истинное настроение. Когда мне казалось, что она счастлива, она плакала, в другой раз, когда любая женщина рыдала бы и билась в истерике, она держала себя в руках, не теряя самообладания.

Я считал Тавию самой чудесной девушкой из всех, кого я знал, и чем ближе я узнавал ее, тем больше проникался симпатией к ней. Она не обладала столь совершенной красотой, как Саном Тора, но всегда была живой и искренней. Вся душа ее отражалась в прекрасных глазах и улыбке...

Тул Акстар, верный своему слову, сбросил нам оружие, а потом мы услышали, как потихоньку затихает вдали рокот двигателя. Мы остались одни в пустынной и, без сомнения, враждебной стране.

— У-Гор, — сказал я, — никогда не слышал об этих краях. А ты?

— Слышала, конечно, это отдаленная провинция Джахара, некогда процветавшая и богатая. Но безумный Тул Акстар вывез отсюда всех взрослых мужчин, провинция обеднела, начался голод, породивший канныбализм. Справедливости ради замечу, что сначала они съели посланника Тула Акстара, который следил за выполнением его приказов. Тул Акстар послал армию, чтобы подавить бунт, но здесь было так много жителей, что они победили и съели воинов. К этому времени все фермы пришли в запустение, а люди уже привыкли к ужасной трапезе. И сотни лет они едят друг друга. Здесь осталось совсем немного жителей, которые собрались в банды и рыщут по равнинам в поисках тех, кого можно съесть.

Я содрогнулся. Мне стало ясно, что отсюда надо бежать как можно скорее. Я поинтересовался, где находится У-Гор. Оказалось, что он расположен в тысяче хаадов к юго-западу от Ксанатора.

Да, отсюда до Гелиума не добраться. Такое путешествие, если оно когда-нибудь завершится, продлится годы. Самый ближайший дружественный город — Гатол — находился к северу отсюда, примерно в семи тысячах хаадов. Возможность добраться до Гатола тоже была небольшой, но это — наша единственная надежда. И мы пустились в почти безнадежное путешествие в город, где родилась моя мать.

Мы шли по долине, пересеченной грядами низких холмов. Высокие горы виднелись на горизонте. Нигде мы не встретили ни пасущихся животных, ни возделанных полей — действительно безрадостная голодная страна. Здесь не было ни насекомых, ни птиц, ни рептилий. Страна нищеты и голода.

Мы не пали духом, а наоборот, всячески старались подбодрить друг друга. И я сотни раз благодарил судьбу, что моим спутником была Тавия, а не кто-нибудь другой. Что бы я делал сейчас, окажись на ее месте Саном Тора? Сомневаюсь, что она прошла бы хоть сотню хаадов, а Тавия шла рядом легкой походкой, которая была ей свойственна всегда. Она совершенно не выказывала никаких признаков усталости, хотя редкий мужчина смог бы выдержать столь тяжкое путешествие.

— Мы прекрасно подходим друг другу, Тавия,— заметил я.

— Я знаю это. И очень давно.

Мы шли до самой ночи, и ни одно живое существо не встретилось нам. Вдруг Тавия оглянулась назад, как будто что-то толкнуло ее. Она схватила меня за руку.

— Идут! — просто сказала она.

Я оглянулся и увидел сзади несколько темных фигур. Пока было трудно определить, люди ли это. Но было видно, что они заметили нас и идут следом.

— Что будем делать? — спросила Тавия. — Остановимся и будем сражаться? Или попытаемся скрыться под покровом темноты?

— Ни то, ни другое. Мы просто исчезнем.

— Как?

— Ты забыла об изобретении Фора Така, о его чудесном покрывале?

— Великолепно! — воскликнула Тавия. — С его помощью мы спокойно доберемся до Гатола.

Я открыл сумку и хотел достать покрывало. Оно исчезло! Исчез и сосуд с остатками вещества. Я растерянно посмотрел на Тавию.

— Ты потерял его?

— Нет! Кто-то украл покрывало.

Она подошла ко мне и ласково положила руку мне на плечо. Я знал, что она думает о том же самом, что и я. А я понял, что никто не смог бы этого сделать, кроме Саномы Тора.

Я опустил голову.

— И я пожертвовал твоей жизнью, Тавия, чтобы спасти такую, как она...

— Не суди ее слишком поспешно. Мы не знаем, какие искушения были ей предложены или чем угрожал Тул Акстар. Видимо, она не так сильна, как мы.

— Не будем говорить о ней, Тавия. Ужасное ощущение, когда любовь перерождается в ненависть.

Она по-дружески сжала мою руку.

— Время лечит все. Когда-нибудь ты найдешь женщину, достойную тебя, если она существует.

Я взглянул на нее.

— Если она существует,— пробормотал я, но она прервала мои размышления.

— Мы будем драться или попробуем скрыться, Тан Хадрон?

— Я предпочел бы бой, но я должен подумать и о тебе.

— Тогда будем драться, но ты, Хадрон, не должен умереть.

Меня поразила ее тон, и мне стало неловко, что я забыл о своем долге перед нею.

— Прости,— сказал я.— Я не должен погибнуть, пока ты жива.

— Вот это лучше. Как мы будем драться? Где мне встать, слева или справа?

— Встань позади. Пока моя рука способна держать меч, у тебя не будет лучшей защиты.

— Когда мы встретились с тобой впервые, ты сказал, что мы будем товарищами по оружию. Значит, мы будем драться вместе, плечом к плечу. Я помню твои слова, Тан Хадрон.

Я улыбнулся, восхищенный ее мужеством, хотя, конечно, предпочел бы сражаться один.

— Хорошо,— сказал я,— встань справа. Тогда ты будешь между двух мечей.

Трое преследователей уже приблизились. Я увидел перед собой трех голых дикарей со спутанными волосами, грязными телами и жестокими лицами. Глаза их горели, изо ртов торчали желтоватые клыки. Скорее это были дикие звери, а не люди.

Они были вооружены мечами, которые несли в руках, так как у них не было ножен. Они остановились, жадно взирая на нас голодными глазами. Выпирающие ребра и впалые животы ясно говорили о том, что еда редко бывает в их желудках.

Сегодня эти трое надеялись улечься спать сытыми. Они пошептались между собой, а затем разделились и окружили нас. Значит, они решили напасть на нас одновременно.

— Мы нападём первыми,— прошептал я Тавии.— Как только они займут места, я дам сигнал и брошусь на того, что передо мной. Не отставай от меня и постарайся, чтобы тебя не отрезали.

— Плечом к плечу до самого конца,— ответила она.

XV

БИТВА ПРИ ДЖАХАРЕ

Оглянувшись, я заметил, что двое нападавших отстоят гораздо дальше, чем стоящий передо мной людоед. Прекрасно сознавая, что неожиданность — половина успеха, я дал сигнал.

Мы оба бросились вперед на ничего не ожидавшего голого дикаря. Он оказался тупым существом, так как даже не двинулся с места, отвесив челюсть. Если бы он был поумнее, то бросился бы назад, давая своим товарищам возможность напасть на нас с тыла.

Наши мечи скрестились, и тут я услышал сзади глухое рычание, походившее больше на рычание зверя, чем на голос человека. Я мельком взглянул на Тавию. Она решительно бросилась вперед и вонзила меч в дикаря в тот момент, когда он сделал выпад в мою сторону. И мы сразу же развернулись, чтобы встретить двоих, заходивших сзади. Должен сказать, что я почувствовал себя спокойнее и увереннее, когда понял, что они за существа.

Впрочем, я поначалу был несколько скован, стараясь не упустить из виду Тавию, но вскоре понял, что меч — в руках настоящего воина. Он, как молния, сверкал, отбивая мощные удары или нанося их. И дикарь почувствовал, что ему так просто не справиться с девушкой. От этой маленькой, но сильной руки, сжимающей рукоять меча, теперь зависела его жизнь. Тут-то я и обрушился на противника.

Бойцы они были неважные, но нельзя сказать, что совсем плохие. Причем техника защиты у них была намного лучше отработана, чем техника нападения. По всей видимости, они привыкли нападать на свои жертвы большими группами, поэтому от них требовалась только хорошая защита, а смертельный удар наносил кто-нибудь, подкравшись сзади.

Противник Тавии сначала не понял, что перед ним женщина, но вскоре он заметил под мужской одеждой очертания женской фигуры. Возможно, именно это преисполнило его чувством превосходства и самоуверенности. Так это было или иначе, но он заметно поубавил мощь своего натиска, и меч Тавии пронзил его сердце за мгновение до того, как я прикончил своего противника.

Не могу сказать, что мы возгордились своей победой. Отчасти нам стало жаль этих несчастных диких людей, доведенных до столь жалкого состояния жестоким тираном Тулом Акстаром... Однако решался вопрос жизни и смерти, и мы предпочли, чтобы погибли они.

Из предосторожности я осмотрелся вокруг и сразу увидел еще трех дикарей, стоящих в отдалении на вершине холма.

— Это еще не все, Тавия,— сказал я.— Смотри!

— Может, они не захотят разделить судьбу своих товарищей,— ответила Тавия.— Они не решаются подойти к нам.

— Они могут спастись, если останутся на том же расстоянии от нас, что и сейчас. Идем. Если они последуют за нами, тогда мы познакомимся с ними поближе.

Мы направились к северу и, отойдя немного, оглянулись. Эти трое уже спускались с холма, направляясь к убитым дикарям. Мы увидели, что это женщины, и у них не было оружия. Сообразив, что мы уходим и не собираемся нападать на них, они с громким криком бросились к трупам.

— Посмотри, даже эти деградировавшие существа сохранили человеческие эмоции. Они оплакивают своих мужей.

— Да,— ответил я.— Мне очень жаль этих несчастных.

Опасаясь, что они, обезумев от горя, попробуют отомстить за убитых нами мужей, мы решили проследить за ними. Но лучше бы нам не видеть того, что там произошло. Когда женщины подбежали к трупам, они набросились на них, но не для того, чтобы оплакать. Они принялись рвать их зубами и руками.

Ужасное зрелище заставило нас поскорее покинуть место разыгравшейся трагедии, но еще долго до нас доносилось довольное урчание и громкое чавканье.

Судя по всему, в этой пустынной стране можно было не опасаться нападения диких зверей, ну, а дикари,

конечно, охотились днем. Ведь куда удобнее преследовать жертву, когда хорошо видишь ее.

Я предложил Тавии немного отдохнуть и продолжить путь ночью. Ближе к утру мы попробуем найти какое-нибудь убежище, где сможем провести день до наступления темноты. Я был уверен, что так мы сохраним силы и обезопасим себя от нападения дикарей. Тавия согласилась со мной, и мы немного передохнули. Потом мы вновь поднялись и опять пошли на север. За ночь мы преодолели довольно большое расстояние, хотя горы, видневшиеся на горизонте, остались такими же далекими, как и раньше.

Мы искали убежище на день. Должен сказать, что мы не очень-то страдали из-за отсутствия пищи и воды. За многие столетия на Барсуме вода почти иссякла, и люди приспособились долгое время обходиться без нее, кроме того, барсумцы умеют управлять своим разумом, чтобы не сосредотачиваться на мыслях о еде, о воде, если нет ни того, ни другого. Это очень помогло нам перенести все тяготы в этой пустынной стране.

После долгих поисков мы нашли довольно сносную расщелину, где вполне могли бы переждать день. Но вдруг я почувствовал на себе чей-то взгляд из-за камней. Затем он исчез.

— Здесь нельзя оставаться, — сказала Тавия. — Нам нужно идти и искать другое убежище.

Отойдя немного от расщелины и оглянувшись назад, я заметил дикаря. Когда же мы пошли дальше, дикарь двинулся за нами. Я изредка видел его между камней. Он выслеживал нас, как охотник выслеживает дичь. Если бы он просто хотел убить нас, я не чувствовал бы к нему такого презрения, но он хотел убить и съесть нас; это было омерзительно.

Час за часом он преследовал нас, но боялся напасть, так как нас было двое. Поэтому он, вероятно, выжидал, когда мы ляжем спать. Затем он перестал скрываться от нас и поднялся на пологий холм. Я видел его силуэт на фоне светящегося неба. Вдруг он закинул голову назад, и из груди его вырвался вой, такой жуткий, что волосы зашевелились у меня на голове. Это был вой дикого зверя, призывающего стаю. Я почувствовал, как Тавия вздрогнула и прижалась ко мне. Я обнял ее за плечи, и мы снова пустились в путь.

Еще дважды это существо издавало страшный вой,

и вот впереди и справа от нас кто-то отозвался на его призыв.

Снова нам пришлось сразиться, на этот раз против двоих. Когда они были убиты, у меня возникло ощущение безнадежности, от которого я не мог избавиться.

На вершине высокого холма я остановился. Я предложил Тавии остановиться и немного отдохнуть в зарослях кустарника. Отсюда хорошо был бы виден приближающийся противник.

— Поспи,— сказал я,— а потом, когда настанет ночь, мы пойдем дальше.

Она выглядела усталой, и это беспокоило. Хотя она, вероятно, гораздо больше страдала от постоянного нервного напряжения, чем от физической усталости. Я и сам порядком вымотался. Но я воин, а как же тяжело должно быть хрупкой девушке! Она легла, прижалась ко мне и уснула, а я бодрствовал, оберегая ее сон.

Отсюда хорошо просматривалось довольно большое пространство. Вскоре между камнями я заметил дикарей, которые выслеживали друг друга. Я насчитал их несколько пар. Вот один из дикарей прыгнул из укрытия на спину своему врагу и вонзил в него кинжал. Тот упал, его убийца сразу же набросился на него и впился зубами в шею. К счастью, мне не удалось досмотреть до конца эту жуткую сцену. Ночь окутала равнину.

Тавия проспала очень долго, а проснувшись, стала укорять меня, что я не разбудил ее, и уговорила меня тоже отдохнуть.

Я согласился, но проспал совсем немного — нельзя было терять время. И вот мы снова пошли по направлению к Гатолу. Мы шли всю ночь по провинции У-Гор, в любой момент ожидая нападения жутких людоедов. А когда наступило утро, то увидели совсем близко перед собой горы.

— Может, это северная граница провинции? — предположил я.

— Думаю, что да.

— Она совсем близко. Давай дойдем до нее. Мне не терпится выбраться отсюда.

— И мне тоже. Страшно вспоминать, что нам довелось увидеть здесь.

Мы пересекли небольшую долину и уже приближались к горам, когда слышали позади дикие вопли. Обернувшись, я увидел дикаря, идущего за нами. Он

понял, что его заметили, но не стал прятаться, а продолжал идти, время от времени издавая дикие крики. С разных сторон мы слышали ответный вой его товарищей. Мы поспешили вперед, стали взбираться на гору, а когда оглянулись, то увидели, что по нашему следу идут дикари. Их было много, очень много.

— Может, мы успеем укрыться в горах? — спросил я.

Тавия покачала головой.

— Вряд ли, по крайней мере, мы дадим им хороший бой, Хадрон, — ответила она.

Я видел, что она была уже в отчаянии, но вот Тавия взглянула на меня, и улыбка озарила ее лицо.

— Мы еще живы, да, Хадрон из Хастора?

— Да, мы еще живы, и наши мечи с нами! — ответил я.

Дикари приблизились и вскоре окружили нас, вылезая из расщелин справа и слева. Свободной оставалась лишь дорога к самой высокой вершине этого горного хребта.

Склон этой горы был очень крутым, однако выбора у нас не было, хотя дикари и не очень спешили. Видимо, они сообразили, что загнали нас в ловушку, из которой нам не уйти. Подъем на гору, конечно, тоже был рискованным. Мы карабкались наверх, а я искал место, где бы можно было занять оборону, и не находил. В конце концов, мы оказались на вершине — небольшой площадке, футов сто в ширину. Пока наши противники были еще внизу, я осмотрел площадку. Спуститься с нее было невозможно — склоны горы круто обрывались вниз. Ситуация казалась безнадежной, хотя мне не хотелось признавать поражения.

Я подошел к краю и столкнул один из камней на приближающегося каннибала. Тот с воем покатился вниз, сбив по дороге еще нескольких. Тавия последовала моему примеру, и мы устроили настоящую бойню, но дикари были так голодны и их было так много, что нам не удавалось сдерживать их. Они напомнили мне насекомых, которые упрямо лезут вверх, к своим жертвам, чтобы обрушиться на них лавиной и сожрать.

Теперь они испускали вопли, не напоминающие призыв к охоте и погоне, а просто леденящие душу и вселяющие ужас.

— Это их боевой клич, — сказала Тавия.

К нам со всех сторон карабкались дикари. Мы вынули мечи из ножен. Это будет наш последний бой. Дрожа всем телом, Тавия прижалась ко мне.

— Не дай им схватить меня,— сказала она,— а смерти я не боюсь.

Я понял, что она имеет в виду, и обнял ее.

— Я не могу сделать этого, Тавия, не могу.

— Ты должен,— твердо ответила она.— Ведь ты же мой друг и не позволишь этим зверям взять меня живой.

Я был потрясен, но понимал, что она права. Я достал свой кинжал.

— Прощай, Хадрон... мой Хадрон!

Она обнажила грудь, приготовившись принять удар кинжала, лицо ее было обращено ко мне. Боже, какое прекрасное лицо... и ни тени страха.

Я не мог удержаться и приник губами к ее полураскрытому рту. Закрыв глаза, она со стоном прижалась ко мне.

— О Боже! — выдохнула она, отстранившись от меня.— Они уже близко! Бей, Хадрон, бей сильнее!

Дикари уже ухватились руками за камни на вершине. Я замахнулся, чтобы нанести удар кинжалом. И тут, к моему удивлению, моя рука ударилась обо что-то. Я посмотрел наверх — ничего. Я поднял руку, чтобы проверить, не показалось ли мне?

И снова я нащупал что-то твердое. Пальцы мои скользнули по гладкой поверхности. Но этого не может быть! И все же это была «Джама»! Я не стал терять времени, ведь каннибалы были совсем рядом. Их вой стоял в моих ушах. Пальцами я нащупал кольцо на борту «Джамы» и поднял Тавию над головой.

— Это «Джама», быстро забирайся!

Реакция девушки была мгновенной, как у хорошо натренированного воина. Она не стала задавать лишние вопросы, а быстро забралась на корабль, легла на живот и протянула мне руку, чтобы помочь.

Дикари взобрались на вершину и стояли в изумлении, наблюдая, как мы каким-то невероятным образом оказались висящими в воздухе над их головами. Но их смятение было недолгим. Они полезли друг на друга, чтобы достать нас и стащить вниз.

Двое уже почти взобрались наверх, но я сумел сбросить их, пока Тавия пробиралась вниз к рулю управления.

Еще одно зверское лицо появилось в люке корабля, и дикарь сумел забраться в него. Он стоял, озираясь и боясь упасть. Я бросился на него, тот отступил на шаг и тут же сорвался. С диким воем он полетел вниз. «Джама» уже набирала высоту.

Мы были спасены. Но как «Джама» оказалась здесь? Может, Тул Акстар на борту? У меня похолодело сердце. Что же тогда будет с Тавией? С мечом в руке я пошел по кораблю, но в кабине была одна Тавия. Мы с ней пытались найти хоть какое-то объяснение случившемуся, но ничего более или менее правдоподобного нам не удалось придумать.

— Во всяком случае, она оказалась в нужном месте и в нужное время, чтобы спасти нас, — сказала Тавия. — Этим мы можем вполне удовлетвориться.

— Да, конечно, и теперь сразу же возьмем курс на Гелиум.

Корабль стремительно взмыл в воздух, и вскоре я заметил впереди воздушный корабль, а еще немного погодя, я понял, что это целый флот, держащий курс на восток. Подлетев ближе, я увидел, что все корабли окрашены в голубой цвет — это была армада Тула Акстара.

С востока же им навстречу летел другой флот — флот Гелиума. Я включил двигатель на полную мощность и устремился к нему. На одном из кораблей я заметил вымпелы Владыки Барсума, корабль которого возглавлял флот, устремившийся к неминуемой гибели.

Корабли Джахара летели им навстречу, а я полетел наперерез, приготовив орудия к бою. Я старался подлететь как можно ближе, так как мои орудия все же имели ограниченную дальность стрельбы.

На кораблях Гелиума приготовились к началу боя, но войны не открывали огонь. Джон Картер не хотел начинать войну первым. Право первого выстрела он предоставил врагу. Если бы я успел вовремя, то дальноточные орудия Гелиума могли бы открыть огонь с дальней дистанции и уничтожить корабли Джахара, не подпуская их на расстояние выстрела из их страшного оружия. Но судьба распорядилась иначе, и теперь я надеялся только на то, что мне удастся долететь до кораблей Джахара раньше, чем они начнут громить флот Гелиума.

Тавия стояла за рулем управления. Мы приближа-

лись к голубому кораблю Джахара. Я стоял у носового орудия. Еще немного — и можно открывать огонь. И вдруг передовой огромный корабль Гелиума потерял скорость, все его деревянные части полетели вниз, а за ними тысячи воинов, чтобы встретить ужасную смерть в пустыне. Почти сразу же корабли Гелиума остановились. Увидев ужасную катастрофу, их командиры поняли, что им угрожает какая-то неведомая сила.

Корабли же Тула Акстара, воодушевленные первым успехом, ринулись в атаку. Корабль, уничтоживший первого противника, шел во главе. Теперь он оказался совсем близко от «Джамы».

Сообразив, что защитное покрытие делает корабль неуязвимым для разрушительных лучей, уничтожающих металл, я переключил орудие на другую частоту и выстрелил. Мгновенно тысячи людей на палубе обратились в пар, остались только их одежда и оружие.

Тавия подвела «Джаму» к опустевшему кораблю. Я вскочил на его палубу и поднял на мачте флаг: «Сдаемся в плен!» Можете себе представить удивление воинов Джахара при виде этого сигнала. Они ведь не могли видеть, что произошло перед этим.

Вернувшись на «Джаму», я принял к перископу. В последней линии кораблей я увидел большой корабль с вымпелом джеджа. Значит, Тул Акстар был здесь, правда, в безопасной позиции. Мне во что бы то ни стало нужно подойти к нему ближе, но я не мог терять времени, весь флот Джахара шел в атаку.

Корабли Гелиума открыли огонь, и снаряды стали взрываться на передовых кораблях Джахара. Воины Тула Акстара тоже открыли огонь, правда, особой меткостью они не отличались. Они еще не применили излучатели, но я знал, что если хотя бы один из кораблей Джахара ворвется в строй кораблей Гелиума, он в считанные минуты уничтожит десятки кораблей. Но пока преимущество в этой смертельной дуэли было на стороне Гелиума.

Огромный боевой корабль Тула Акстара тем временем произвел маневр, и я сразу догадался какой. Я знал, что в армии Тула Акстара есть отважные воины, но только не он сам. Я увидел, что его корабль разворачивается по направлению к Джахару.

Несмотря на трусливого джеджа, покинувшего свой флот, джахарцы продолжали бой. И если бы у них были

более умелые командиры, они непременно победили бы, так как численное преимущество в боевых кораблях было на их стороне.

Корабли Гелиума все больше сближались с кораблями Джахара. Сам того не ведая, Владыка Барсума играл на руку врагам. Будь во флоте Гелиума двадцать кораблей с защитным покрытием, он бы выиграл битву. И тут в моей голове возник план, который мог прийти на ум только Тану Хадрону и выполнен только им...

Снаряды рвались вокруг нас. «Джаму» швыряло из стороны в сторону, как утлое суденышко. Больше я не мог рисковать жизнью Тавии. Странно, как меняются люди в считанные мгновения. Совсем недавно я был готов отдать все, даже свою жизнь ради спасения Гелиума, а теперь я не мог пожертвовать и волоском с милой головки Тавии.

Я подвел «Джаму» к одному из кораблей Гелиума, стоящему вне зоны обстрела. Там я передал управление Тавии, а сам вылез из люка и поднял руки над головой, дав понять, что я сдаюсь, ведь меня, несомненно, примут за джахарца. Затем я перешел на борт корабля Гелиума.

Прежде, чем я успел представиться, меня узнал офицер из того же умака, где я служил. Он подбежал ко мне, обнял:

— Хадрон! — закричал. — Неужели ты воскрес из мертвых? О, нет, нет, ты слишком живой, реальный, чтобы быть пришельцем из другого мира!

— Я-то жив, — сказал я, — но если я немедленно не переговорю с командиром, в живых останутся немногие.

— Я здесь, — раздался голос позади меня.

Я обернулся и увидел старого одвара, большого друга моего отца. Он сразу узнал меня, но для приветствий у нас не было времени.

— Предупреди весь флот Гелиума, что корабли Джахара вооружены разрушительными лучами и могут мгновенно уничтожить любой корабль. Но они действуют только на близком расстоянии. Держитесь от них на расстоянии хаада, и все будет в порядке. А сейчас дайте мне трех воинов и перенесите огонь в южном направлении. Я раздобуду двадцать кораблей, покрытых защитным слоем от дезинтегрирующих лучей.

Одвар давно знал меня, поэтому сразу согласился на мои предложения. Сопровождать меня вызвались три падвара. Я поднял Тавию на борт этого боевого корабля

и поручил ее заботам старого одвара, хотя она отчаянно сопротивлялась, отказываясь расстаться со мной.

— Мы с тобой столько пережили, Тан Хадрон,— взмолилась она.— Позволь мне остаться с тобой до конца.

Она приникла ко мне, глядя на меня глазами, полными слез.

— Я не могу больше рисковать тобой, Тавия.

— Ты думаешь, там будет опасно?

— Разумеется, ведь это война, но не беспокойся. Я обещаю тебе вернуться.

— Неужели ты считаешь, что я буду мешать тебе? Неужели кто-нибудь будет тебе лучшим помощником, чем я?

— Конечно, нет. Я думаю только о твоей безопасности.

— Клянусь, если ты погибнешь, я тоже не буду жить. Если ты не доверяешь мне мужскую ношу, я поступлю так, как должна поступать женщина.

Я колебался.

— О, Хадрон, не оставляй меня здесь.

— Ну, хорошо. Идем со мной. Лучше будешь ты, чем кто-либо другой.

И Тавия заменила одного из падваров, который был очень огорчен моим решением.

Прежде чем забраться в «Джаму», я обратился к старому падвару.

— Если все пройдет, как задумано,— сказал я,— часть кораблей Джахара медленно приблизится к вам с флагами, объявляющими о сдаче в плен. Все команды на этих кораблях будут уничтожены, так что подготовьте людей для высадки на эти корабли.

Воины корабля, на который я попал, были заинтригованы моим судном, которого совсем не было видно, за исключением открытого люка и глаза перископа. Все они столпились вдоль борта, а когда я закрыл люк, раздались возгласы изумления.

Я направил Тавию к носовому орудью, а одного из падваров усадил за пульт управления. Мы двинулись к кораблям Джахара. Мы оказались между двумя большими кораблями, которые приближались к флоту Гелиума. Они вели огонь из всех орудий, но для смертоносного оружия расстояние еще было велико.

Какими огромными и грозными были эти корабли и,

вместе с тем, какими беспомощными перед маленькой невидимой «Джамой» с ее маломощными излучателями. Ведь сейчас она представляла для них гораздо большую угрозу, чем весь могучий флот Гелиума. Но они не подозревали о страшной опасности, нависшей над ними.

Мы осторожно продвигались между кораблями, и я нажал на кнопку излучателя. Одновременно со мной Тавия направила другой излучатель на второй корабль. Мы были совсем рядом, и я заметил изумленные лица воинов, наблюдавших, как их товарищи мгновенно исчезают, а оружие с грохотом падает на палубу. Но удивление их было недолгим, так как в следующий миг исчезли и они сами.

Я приказал падвару приблизиться к одному из кораблей, перебрался на палубу, поднял флаг и закрепил рулевое управление так, чтобы корабль направился в сторону флота Гелиума. Затем я проделал то же самое со вторым кораблем.

Удар был нанесен так быстро, что никто из воинов Джахара так и не понял, в чем дело. Все они с изумлением смотрели, как два неповрежденных корабля, в которые не попал ни один снаряд, решили сдаться в плен. Но один из командиров заподозрил что-то неладное и устремился в погоню. Мы направили «Джаму» к следующей жертве, но я заметил преследователей. Увидев, чем это грозит, я решил остановить преследование любой ценой. Когда корабль оказался рядом, я нажал на кнопку носового орудия.

Корабль шел на полной скорости, и «Джама» уже не смогла догнать его. Я опасался, что этот корабль без единого человека на борту протаранит один из плененных кораблей, которые направлялись к флагманскому кораблю Гелиума. Однако он прошел буквально в дюйме от него и оказался в самой гуще кораблей Гелиума. Его встретили ураганным огнем, и через мгновение только летящие вниз обломки напоминали о нем.

Оглядевшись вокруг, я увидел, что корабли Гелиума своим огнем успели нанести большой урон вражеским кораблям: многие из них могли только беспомощно болтаться в воздухе. Однако с севера подходили все новые и новые корабли. И не было им счета. Только теперь я понял, что лишь чудо может принести победу Гелиуму.

Следуя моим указаниям, корабли Гелиума выдержи-

вали необходимое расстояние от кораблей Джахара и вели огонь по ближним его кораблям. Мы снова взялись за дело, возложенное на нас богом войны. Один за другим корабли Джахара теряли свои команды и отправлялись в сторону флота Гелиума, неся на себе флаги поражения. Большое количество кораблей было уничтожено дальнебойной артиллерией воинами Гелиума.

За это время нам удалось обезвредить несколько дюжин маленьких кораблей-разведчиков и легких крейсеров. И теперь они металась между кораблями Джахара, угрожая столкновением. Ужас вселился в сердца воинов Тула Акстара. Они уже поняли, что против них применили новое, более страшное оружие. Гибель приходила невидимо откуда, и было непонятно, от кого и как им обороняться.

К этому времени мы уже глубоко проникли в стройные некогда линии кораблей Джахара и уже не видели корабли Гелиума. Только гром орудий напоминал о том, что где-то там они ведут бой.

Я решил повернуть обратно, чтобы сохранить корабли, которые я захватил в плен. Мы заняли выгодную позицию и уничтожили команды трех кораблей, пытавшихся остановить свои же корабли, которые сдавались в плен.

Прошло еще немного времени, и захваченные корабли Джахара с воинами Гелиума на борту устремились вперед на врага. И тут дух воинов Джахара был сломлен. Они решили, что их товарищи добровольно сдались Гелиуму. К тому же джеддак давно покинул их. Двадцать самых больших боевых кораблей Джахара, подняв на мачтах флаги Гелиума, врезались в ряды джахарцев и стали кромсать их из мощных орудий. Десятки кораблей Тула Акстара просигналили о сдаче в плен, остальные повернули и обратились в бегство. Лишь немногие из них взяли курс на Джахар. Теперь все понимали, что город обречен.

Джон Картер не стал преследовать беглецов. Он собрал корабли, захваченные у врага, и окружил ими флот Гелиума, чтобы обезопасить себя от внешнего нападения. Затем весь флот Гелиума медленно двинулся в Джахар.

Сразу после боя Владыка Барсума вызвал меня, и мы с Тавией ступили на борт флагманского корабля. Джон Картер сам вышел встретить нас.

— Я знал,— сказал он,— что сын Хада Уртура рано или поздно проявит себя. Гелиум никогда не сможет расплатиться с тобой за то, что ты сделал сегодня. Полагаю, что ты был в Джахаре. Скажи, мы можем взять город без больших потерь?

— Нет,— ответил я и объяснил, какие огромные силы собраны Тулом Акстаром и как они прекрасно вооружены.— Но выход есть,— добавил я.

— Какой?

— Пошли один из захваченных кораблей с обещанием пощадить Тула Акстара, и он сдастся. Он трус. Он бежал еще в самом начале битвы.

— А он заслуживает пощады? Да и получится ли что-нибудь из этой затеи?

— Возможно. Я буду сопровождать этот корабль на невидимой «Джаме». Я знаю, как проникнуть во дворец. Однажды мне удалось похитить Тула Акстара, думаю, что и теперь удастся. Если джеддак будет у нас в руках, то мы сможем диктовать его военачальникам любые условия.

Пока мы ждали, когда подготовят корабль Джахара, Джон Картер рассказал мне о причине задержки нападения на Джахар. Оказывается, слуга Тора Хатана, которому я поручил передать сведения Джону Картеру, был убит по дороге во дворец. Никто не заподозрил Тула Акстара в похищении, и корабли Гелиума бороздили небо Барсума в поисках Саномы Тора. Совершенно случайно раб Тора Хатана Кал Таван узнал, что корабли и не вылетали в Джахар, тогда он и передал мой разговор со слугой Джону Картеру.

— За его службу,— сказал Джон Картер,— я вернул ему свободу, а так как он из знатного рода, принял его к себе на службу. Теперь он офицер на моем корабле в чине двара.

Офицер доложил Владыке Барсума о готовности крейсера и получил от него необходимые наставления.

Мы с Тавией вернулись на «Джаму». Я решил справиться со своей задачей, не привлекая лишних людей, так как, похитив Тула Акстара, Фао и Саному Тора, я должен буду разместить их на «Джаме», а кораблик был слишком маленьким. Падвары, участвовавшие со мной в бою, с неохотой покинули «Джаму» и направились на корабль, который я должен был сопровождать в Джахар.

Снова мы остались с Тавией одни.

— Вероятно, это наше последнее путешествие на «Джаме», — сказал я.

— Я буду рада этому, наверное.

— Ты устала?

— Да, я осознала это, когда оказалась под защитой огромного флота Гелиума. Я устала от постоянного ощущения опасности.

— Мне не нужно было брать тебя сейчас. Но еще есть время вернуться.

Она улыбнулась.

— Ты же знаешь, что бесполезно говорить об этом.

Я знал. Знал, что она не покинет меня. Некоторое время мы летели молча. Взглянув на Тавию, я заметил в ее глазах беспокойство и глубокую печаль. Но вот она снова заговорила, и голос ее стал совсем другим.

— Я думаю, что на этот раз Саному Тора с радостью полетит с тобой.

— Не знаю, мне это безразлично. Мой долг — вернуть ее отцу.

Она кивнула.

— Я понимаю, понимаю, ведь ее отец так богат.

Я не понял, о чем она говорит, к тому же меня вовсе не интересовали больше ни Саному Тора, ни ее отец, но я не стал продолжать разговор. Я знал только, что мне необходимо вернуть Саному Тора в Гелиум.

На горизонте уже виднелся Джахар, когда нас встретили вражеские корабли. Один из крейсеров приблизился к кораблю, поднявшему флаг примирения. Два командира обменялись несколькими фразами, и корабли вместе полетели ко дворцу джедака. Я последовал за ними.

Вот и дворец. Мы обогнули почти все здание, пока, наконец, отыскали нужное мне окно. Перископ позволил мне заглянуть в роскошные апартаменты джедака. Я остановил корабль у окна и стал внимательно осматривать комнату.

Я обнаружил в комнате двух женщин, которых сразу же узнал. Одна была Фао, а другая, в одежде джеддары,— Саномы Тора. Женщина, которую я любил, добилась своего, но это не причинило мне ни малейшей боли. Я осмотрел внимательно всю комнату и, увидев, что в ней больше никого нет, открыл люк и спрыгнул на пол.

При виде меня Саномы Тора вскочила с дивана и отшатнулась в ужасе. Я боялся, что она начнет кричать, но Фао мгновенно зажала ей рот рукой. Секундой позже я был уже рядом.

— Флот Джахара потерпел сокрушительное поражение от флота Гелиума,— сказал я Саноме Тора.— Теперь тебе придется вернуться в свою страну.

Она так дрожала, что не могла вымолвить ни слова. Я еще никогда не видел человека, охваченного таким ужасом.

— Я рада, что ты пришел, Хадрон,— сказала Фао.— Ты ведь меня тоже заберешь?

— Конечно, «Джама» у вашего окна. Идемте, я доставлю вас на флагманский корабль.

Внезапно в коридоре послышался шум. Он все приближался.

Сейчас он меня не интересовал, так как нужно было переправить женщин на корабль, а уж потом можно заняться Тулом Акстаром.

В это мгновение дверь распахнулась, и в комнату ворвался сам Тул Акстар. Он был бледен и тяжело дышал. Увидев меня, он остановился. Я решил, что он хочет бежать, но джеддак приоткрыл дверь, выглянул в коридор и снова закрыл ее. Весь дрожа, он обратился ко мне.

— Они идут,— срывающимся от страха голосом прошептал он,— они разорвут меня на куски!

— Кто идет?

— Народ. Люди ворвались во дворец и ищут меня. Разве ты не слышишь?

Так вот что это за шум! Голодные люди Джахара хотят посчитаться с тем, кто довел их до такого состояния.

— «Джама» возле окна. Если ты хочешь стать моим пленником, я доставлю тебя к Владыке Барсума.

— Он убьет меня,— зарыдал Тул Акстар.

— И поделом.

Он посмотрел на меня, и вдруг в глазах его что-то промелькнуло. Лицо его сразу просветлело.

— Хорошо,— сказал он.— Только позволь мне взять с собой одну вещицу. Она в соседнем кабинете.

— Быстрее,— ответил я.

Он быстро прошел в соседний кабинет. Я ждал и слушал звон оружия в коридоре. Значит, стража на некоторое время задержит голодных людей. Но это наверняка ненадолго. Я терял терпение.

— Быстрой, Тул Акстар,— крикнул я.

Но ответа не было.

Снова я позвал его, но безрезультатно. Тогда я прошел в кабинет и осмотрел его. Там было пусто. Я поспешно обшарил его, но тут даже не было места, где бы он мог спрятаться.

Я посмотрел на Саному Тора. Та была так перепугана, что не могла говорить, только дрожащей рукой показывала на окно. Я посмотрел туда, но ничего не увидел.

— Что ты хочешь сказать, Саном Тора? — спросил я.

— Сбежал,— с трудом вымолвила она.— Сбежал.

— Кто?

— Тул Акстар.

— Как? Что ты имеешь в виду?

— Люк «Джамы»... Я видела, как он открылся и закрылся.

— Но это невозможно. Мы же все время были здесь...

И тут я догадался.

— Покрывало-невидимка? — прошептал я.

Она кивнула.

Одним прыжком я вскочил на подоконник, попытался нащупать корпус «Джамы». Корабля не было. Тул Акстар забрал его. И с ним исчезла Тавия. Я повернулся к Саноме Тора.

— Черт бы тебя побрал! — закричал я.— Твое самодовольство, твоё тщеславие, твоё предательство погубило девушку, которая в тысячу раз лучше тебя... ты недостойна даже ступить по земле, по которой она прошла.

Мне вдруг захотелось сжать своими руками её горло, чтобы увидеть, как смертельный ужас исказит это прекрасное холодное лицо, но я отвернулся от неё.

Я был воином Барсума и не мог поднять руки на женщину, даже на такую, как Саном Тора.

Снизу доносились звон металла и крики людей. Я знал, что если толпа ворвется сюда, мы пропали. Единственная наша надежда — башня на женской половине дворца.

— Идем,— коротко бросил я.

Мы вышли в коридор, откуда был виден зал с бассейном, где Тул Акстар разглядывал женщин. Он был заполнен перепуганными женщинами, которые прекрасно знали, что их ждет, когда сюда ворвутся толпы разгневанных людей. Сердце мое замерло, но я ничего не мог сделать для них. Мне очень повезет, если удастся спасти этих двух...

Мы поднялись по винтовой лестнице, прошли кладовую. Я тщательно запер за собой все двери. Затем мы поднялись наверх. И тут я вскрикнул от радости. Над нами в воздухе завис крейсер с флагом перемирия. Я не боялся привлечь внимание воинов, так как все они стояли на защите дворца. Я замахал руками и громко окликнул воинов с крейсера. С палубы донеслись ответные крики, и тут же корабль опустился до уровня крыши. Нам помогли забраться на борт корабля.

Офицер подошел ко мне.

— Наша миссия, кажется, не совсем удачна. Дворец осажден взбунтовавшейся толпой. Все военачальники и богачи расхватили корабли и сбежали. Нам не с кем заключать мир, никто не знает, что стало с Тулом Акстаром.

— Я знаю,— ответил я и рассказал все, что произошло в покоях джеддары.

— Нужно найти его,— сказал офицер.— Найти, арестовать и доставить к Владыке Барсума.

— Но как? — спросил я.— «Джама» может быть совсем рядом, а мы не увидим ее. Я, конечно, буду искать Тула Акстара и обязательно найду, но сейчас бесполезно искать «Джаму». Вернемся на флагманский корабль.

Не знаю, понял ли Джон Картер всю глубину моей печали, но думаю, что понял, так как сразу же предложил мне все, что мне потребуется, для поисков Тавии.

Я поблагодарил его и взял лишь скоростной воздушный корабль. Я уже решил, что весь остаток жизни проведу в нем, посвятив ее поискам Тула Акстара и Та-

вии. Скорее всего, тщетным поискам, так как Барсум велик, и Тул Акстар может укрыться, где угодно. Он будет жить где-нибудь в укромном уголке, а Тавия станет его рабыней. При мысли об этом сердце мое сжалось от горя.

Мне подвели к борту флагманского корабля четырехместный корабль, а принц Гелиума из своих личных запасов приказал погрузить на него запасы воды, пищи и вина.

Саному Тора и Фао немедленно препроводили в каюту, так как палуба военного корабля — не место для женщин. Я уже собирался уходить, когда ко мне подошел воин и сказал, что Саном Тора хочет видеть меня.

— Но я не хочу видеть ее,— ответил я.

— Вторая девушка тоже хочет, чтобы ты пришел.

Это совсем другое дело. Я почти забыл о Фао, но если она хочет видеть меня, то, разумеется, я спущусь к ним в каюту. Когда я вошел, Саном Тора бросилась передо мной на колени.

— Сжалась, Хадрон из Хастора,— взмолилась она.— Я совершила много дурного, но это все из-за моего тщеславия. Сердце мое еще не зачерствело. Не улетай. Возвращайся в Гелиум, и я посвящу всю свою жизнь тебе. Тор Хатан, мой отец, богат. Муж его дочери будет жить в роскоши.

Я очень боялся, что губы мои сами произнесут то, что я говорил мысленно. Что за жалкая душонка! Даже сейчас ей не о чем сказать, как о богатстве и власти. Она думала, что изменилась, но я-то знал, что Саном Тора никогда не изменится.

— Прости меня, Тан Хадрон! — плакала она.— Возвращайся ко мне. Я люблю тебя, теперь я знаю, что всегда любила только тебя!

— Твоя любовь проснулась слишком поздно, Саном Тора,— ответил я.

— Ты любишь другую?

— Да.

— Какую-нибудь джеддару из тех стран, где ты побывал?

— Рабыню.

Глаза ее удивленно расширились. Она не могла понять, что кто-то может предпочесть ей, дочери Тора Хатана, какую-то рабыню.

— Но это невозможно!

— И тем не менее, это так. Маленькая рабыня более желанна сердцу Тана Хадрона, чем Саномы Тора, дочь Тора Хатана.

С этими словами я повернулся к Фао.

— Прощай, мой друг,— сказал я.— Мы больше никогда не увидимся, но ты найдешь добрый дом в Хасторе. Я говорил о тебе с Джоном Картером, он позаботится о твоей отправке в Хастор к моей матери.

Она положила руку мне на плечо.

— Позволь мне лететь с тобой, Хадрон из Хастора. Может, когда-нибудь мы попадем в Джаму.

Я сразу понял, о ком она думает, и страшно укорил себя, что позабыл о своем друге Нуре Ане.

— Ты полетишь со мной, Фао,— сказал я.— И первое, что я сделаю, это освобожу Нура Ана.

Не взглянув на Саному Тора, я вывел Фао из каюты, переговорил с Джоном Картером и вскоре уже летел вместе с девушкой в Джаму.

Теперь мы не были невидимыми, поэтому приходилось внимательно следить за горизонтом, чтобы не подвергнуться неожиданному нападению. Правда, я не боялся их, так как был уверен, что мой корабль намного превосходит в скорости все корабли Джахара.

Я включил автопилот. Постепенно опустилась ночь. Было тихо, только слышался свист воздуха, рассекаемого нашим стремительно несущимся кораблем. Теперь мне предоставилась возможность поговорить с Фао. Первым делом я поинтересовался, как «Джама» вновь попала в провинцию У-Гор.

— О, это произошло случайно,— сказала Фао.— Мы летели в Джахар и по пути встретили джахарские корабли. Один из кораблей взял нас на борт — воины сразу узнали своего джеддака. Тул Акстар был так возбужден, что совсем забыл о «Джаме». И когда мы оставили ее, она постепенно отошла от корабля и потерялась. Тул Акстар велел прочесать весь район, но безрезультатно. Поэтому он отдал приказ вернуться в Джахар.

Теперь внезапное появление «Джамы» в провинции У-Гор перестало казаться мне чудом. В это время года на планете господствуют северо-западные ветры. Они-то и пригнали «Джаму» туда. Корабль совершенно случайно оказался в нужном месте и в нужный момент.

Фао рассказала мне также, почему Тул Акстар похи-

тил Саному Тора из Гелиума. Оказывается, его шпионы в Гелиуме сообщили, что лучший способ заманить флот Гелиума в западню — это похитить женщину из благо-родной семьи. Он приказал подобрать самую красивую женщину, а затем осуществил свой план.

— Но почему же тогда похитители не оставили никаких следов, по которым можно было бы определить, что они из Джахара?

— Тогда Тул Акстар считал, что он еще не готов к войне, — объяснила Фао, — но он был уверен, что Джон Картер со временем узнает об этом.

— Значит, все вышло именно так, как он планиро-вал, — сказал я. — За исключением конца.

Вскоре мы погрузились в свои мысли. Фао, несомнен-но, была полна надежд. У меня же, увы, надежд почти не было. Единственное, что меня немного утешало, так это то, что освобожу Нура Ана и соединю два любящих сердца. После этого я доставлю их туда, куда они поже-лают, а сам вернусь в Джахар и начну свои безнадежные поиски.

— Я слышала, что ты говорил Саноме Тора, — ска-зала Фао. — И я рада.

— Я много чего говорил. Чему же ты рада?

— Ты сказал, что любишь Тавию.

— Это я не говорил.

— Нет, говорил, — настаивала она. — Ты сказал, что любишь маленькую рабыню. Я видела любовь в твоих глазах.

— Ничего ты не видела. Просто ты сама любишь и думаешь, что все вокруг влюблены.

Она рассмеялась.

— Ты любишь ее, а она любит тебя.

— Мы просто друзья, хорошие друзья. Более того, я знаю, что она не любит меня.

— Откуда?

— Давай не будем говорить об этом, — сказал я.

И мы замолчали, но мысли мои все были об этом. Мне казалось, что когда я заявил Саноме Тора о ма-ленькой рабыне, я просто хотел ранить ее самолюбие. А теперь я пытался проанализировать свои чувства. После долгих размышлений я пришел к выводу, что не люблю Тавию. Не люблю вообще никого. Я не способен любить, Саноме Тора убила во мне любовь. И Тавия, наверное, не любит меня. Ведь она никогда ничем не

проявила свою любовь. Нет, конечно же, мы были с ней только товарищами по оружию и больше ничего. Она сама так говорила.

Было уже темно, когда я увидел впереди ярко освещенную белую жемчужину — замок Фора Така. Я надеялся тайно проникнуть туда, так как знал, что Фор Так не выставляет часовых. Место ведь было столь уединенное и давно забытое всеми. Было уже поздно, но окна светились.

Я осторожно посадил корабль на вершину того здания, куда мы высаживались с Нуром Аном. Отсюда наверняка можно было пробраться во дворец.

— Сиди здесь и будь наготове, Фао,— прошептал я.— Мы можем прийти в любой момент.

Она кивнула, а я соскользнул на крышу и нырнул в люк, ведущий внутрь. Стоя на лестнице, я нащупал оружие — все на месте. Теперь я снова был в одежде воина Гелиума, кроме того у меня был короткий меч, кинжал, а на боку висел тяжелый радиевый пистолет. Я приготовил его, прежде чем начать спуск.

Спустившись на первый этаж, я услышал голоса. Они доносились из лаборатории Фора Така. Дверь в нее была плотно закрыта. Говорили два человека. Тонкий высокий голос Фора Така я узнал сразу. Другой голос принадлежал не Нуру Ану. Но все же он был мне знаком!

— ...Богатство, о каком ты и мечтать не можешь,— услышал я.

— Мне не нужно богатства,— прохрипел Фор Так.— Хей-хо! И так все богатство мира будет моим!

— Тебе нужна помощь. Я помогу тебе. Я дам тебе все корабли своего огромного флота.

Теперь я узнал этот голос! «Моего огромного флота!» Но это невозможно...

Я попробовал приоткрыть дверь. К моему удивлению, она легко поддалась: прямо перед собой я увидел Тула Акстара, а в пятидесяти футах от него стоял Фор Так, державший в руках излучатель, направленный на Тула Акстара.

Где Тавия? Где Нур Ан? Возможно, Тул Акстар один знает, где Тавия, а Фор Так сейчас убьет его. Я вбежал в лабораторию. Тул Акстар и Фор Так удивленно посмотрели на меня.

— Хей-хо! — вскричал старик.— Значит, ты вер-

нулся! Предатель! Но ты вернулся, чтобы умереть!

— Подожди! — я поднял руку. — Дай мне сказать.

— Тихо! — крикнул Фор Так. — Ты увидишь смерть Тула Акстара. Мне не хотелось бы убивать его без свидетелей, пусть кто-нибудь увидит его мучения. Сначала я отомщу ему, а потом тебе.

— Подожди же! — крикнул я, видя, что Фор Так нажимает на кнопку. Сейчас Тул Акстар уйдет в небытие, и я никогда не узнаю, где Тавия.

Я выхватил пистолет. Фор Так сделал какое-то движение и исчез. Растворился в воздухе, как будто кто-то выстрелил в него из излучателя. Но я знал, что произошло: он накинул на себя покрывало. Я выстрелил туда, где он только что стоял.

Позади меня неожиданно открылась дверь, и я рухнул в зияющую пустоту. Сначала я катился по наклонной плоскости, затем мое падение замедлилось, и я оказался в тускло освещенной комнате, расположенной в подвале дворца. Падая, я не выпустил из рук пистолет и теперь, поднимаясь на ноги, сунул его на место. Ну, что же, по крайней мере, не без оружия.

Я обнаружил, что свет проникает в камеру из круглого вентиляционного отверстия в потолке. Кроме этого отверстия да ствола шахты, по которой я скатился сюда, из камеры не было никаких других выходов. Вентиляционное отверстие было всего в два фута диаметром, и дотянуться до него не было никакой возможности. Вентиляционная труба тянулась через весь замок и выходила на крышу, поэтому-то сюда и попадал дневной свет.

Долго я бродил по камере. Наконец глаза мои привыкли к слабому свету, и я увидел замшелые плиты пола, разбросанные везде человеческие кости, обглоданные добела крысами. Все это вселило в меня ужас, последняя надежда покинула меня. Я кружил по камере, стены которой были выложены из каменных плит, скрепленных раствором... Стоп... раствором!

Ведь я могу разобрать стену, поставить плиты одну на другую и добраться до вентиляционной шахты. А там уж посмотрим! Я начал работать кинжалом. Первая плита вывалилась очень быстро. И тут я увидел слабый свет из отверстия. Значит, я могу отсюда выбраться в коридор! Нужно только побыстрее вытащить несколько плит.

Можете себе представить, как я работал! И вот настал момент, когда я сумел выбраться наружу. Передо мной оказалась винтовая лестница. Не зная, куда она ведет, я без колебаний стал подниматься по ней. Сейчас главное — найти лабораторию Фора Така, пока тот не убил Тула Акстара.

Все двери, ведущие с лестницы на разные этажи, были заперты. Мне пришлось выбраться на крышу. Я пошел вдоль края крыши, пытаясь найти место, откуда можно проникнуть внутрь. И тут я увидел, как из окна высунулась нога, затем рука, плечо... и голова. Рука что-то повернула в воздухе... и я увидел лежащую девушку. Она была видна несколько мгновений — человек соскользнул с подоконника и исчез из виду. Снова я видел только каменные плиты двора.

Но я понял, что это было. Я видел Тула Акстара, поднявшего люк «Джамы», и Тавию, лежащую на полу каюты перед люком. Я видел, как люк открылся и закрылся.

Все это пронеслось у меня в голове в одно мгновение. И я тут же отреагировал. Когда люк закрылся, я прыгнул вниз.

XVII

Я НАХОЖУ ПРИНЦЕССУ

Разумеется, нельзя думать, что я полностью предвидел последствия своего поступка, когда прыгнул вниз, на плиты двора. Я действовал импульсивно, но бывают моменты, когда разум не может оценить ситуацию, и тогда срабатывает шестое чувство.

По расположению люка я смог догадаться, где находится корпус корабля. Это был бы опасный прыжок, даже если бы я видел «Джаму». А прыжок в неизвестность был опасен вдвойне. И тем не менее, я прыгнул, так как это была единственная возможность спасти Тавию. Я знал, что это смертельный прыжок, но мне стало ясно, что я скорее умру, чем потеряю Тавию.

Но я не упал. Я прыгнул прямо на корабль, и он даже пошатнулся. Тул Акстар, конечно, заметил это, но вряд ли понял, что произошло. Он завел двигатель, и «Джа-

ма» резко взмыла вверх. Я приник к корпусу корабля. Мне было трудно удержаться, так как на нем не было привычной палубы и поручней. Я уцепился за излучатель.

Когда Тул Акстар набрал достаточную высоту, он выровнял корабль и развил полную скорость. Теперь ветер свистел у меня в ушах, стараясь сорвать меня в бездну. К счастью, сил у меня было достаточно. Думаю, что немногие сумели бы выдержать такое испытание. Но как беспомощен я был!

Если бы Тул Акстар знал, что я здесь, он открыл бы люк и сбросил меня, как слепого котенка. Ведь я не мог даже оторвать руки, чтобы достать пистолет. Однако Тул Акстар этого не знал или надеялся, что я буду снесен ветром.

Я пролежал так довольно долго и наконец понял, что настает момент, когда я не могу более удержаться и погибну. Нужно было что-то предпринять, так как только я один мог спасти Тавию. Значит, я не должен умереть.

Собрав все силы, я дюйм за дюймом подтягивался, пытаюсь дотянуться до перископа. Если я доберусь до него, то мне будет гораздо легче держаться. Я с трудом ухватился за него рукой, привязал себя к перископу и высвободил одну руку. Но все же, пока корабль не остановился, мне ничего не сделать.

Что происходит внутри корабля? Ведь Тавия оказалась по власти этого негодяя. Одна эта мысль сводила меня с ума. «Джаму» нужно остановить во что бы то ни стало... Свободной рукой я дотянулся до глаза перископа и закрыл его.

Вскоре случилось то, чего я ждал и на что надеялся. «Джама» снизила скорость и остановилась. Теперь я лежал на переднем люке. Я тихонько сполз с него в надежде, что Тул Акстар откроет именно его. Я ждал, но джеддак сразу свел на нет все мои планы. Он открыл смотровые отверстия.

Я был разочарован, но надежды не терял. Тихонько подергав ручку люка, я убедился, что он заперт изнутри. Затем я пробрался к заднему люку. Это было рискованно: ведь если корабль снова наберет полную скорость, я погиб. «Джама» уже пришла в движение, когда я потянул за ручку люка. Люк открылся! Я тут же прыгнул внутрь корабля.

Тул Акстар, обернувшись на звук, сразу узнал меня. Думаю, что никогда больше не увижу такого смещения изумления, страха и ненависти, которое исказило его лицо. Я успел осмотреться. На полу лежала Тавия. Лежала неподвижно, как мертвая. Тул Акстар протянул руку к пистолету. Я выхватил свой, но на секунду раньше, чем он. Безо всякого сожаления я выстрелил, и Тул Акстар, джеддак и тиран Джахара, замертво упал на пол «Джамы».

Я бросился к Тавии, перевернул ее на спину. Она была связана и без сознания. Но жива! Я чуть не заплакал от радости, когда понял это. Мои пальцы судорожно развязывали тугие веревки. Не прошло и минуты, как она была свободна, и я прижал ее к себе.

Я знаю, что слезы мои упали на запрокинутое лицо девушки, когда я прижался губами к ее губам. Но я не стыдился своих слез. Вскоре она шевельнулась, пришла в себя и заплакала. Все тело ее дрожало. Она ведь была все-таки хрупкой девушкой, которой пришлось слишком много перенести. Но я уверен, что она не выказала своей слабости Тулу Акстару. Она заплакала только теперь, когда поняла, что самое страшное позади.

Наши сердца бились в унисон. Она изо всех сил прижалась к моей груди, и я как будто прозрел. Как я мог думать, что то чувство, которое я испытывал к Саноме Тора,— любовь? Как мог я считать свою любовь к Тавии только дружбой? Я сжал ее в своих объятиях.

— Моя принцесса,— прошептал я.

А когда мужчина Барсума говорит эти два слова женщине, значит, он хочет, чтобы она стала его женой.

— Нет, нет,— простонала Тавия.— Я твоя рабыня. Такая, как я, не может стать женой Тана Хадрона.

Даже сейчас она думала только обо мне, о моем счастье и благополучии. Как не похожа на нее Саному Тора! Я рисковал своей жизнью, чтобы добыть кусок грязи, а мне досталось бесценное сокровище.

Я заглянул в ее глаза, в эти прекрасные бездонные глаза, светившиеся чистой любовью ко мне. Любовью и пониманием.

— Я люблю тебя, Тавия,— сказал я.— Скажи, что мне сделать, чтобы завоевать право назвать тебя своей принцессой?

— Несмотря на то, что я рабыня?

— Пусть ты будешь тысячу раз рабыней.
Она вздохнула и прижалась ко мне.
— Мой повелитель,— прошептала она.

* * *

Вот и вся история обо мне, Тане Хадроне из Хастора. Однако вас, кто облетел со мной почти все южное полушарие Барсума, наверняка интересуется еще кое-кто. Когда мы с Тавией развернулись и полетели в Джаму, я приоткрыл нижний люк и вытолкнул из корабля тело Тула Акстара. Прибыв в замок, мы нашли Нура Ана, встретившегося с Фао. О том, что в Джаме появлялся Тул Акстар, Нур Ан даже не подозревал. Он обыскал весь дворец, но тщетно. Более того, он не нашел и Фор Така. Созвав всех рабов, он стал прочесывать замок. Однако никаких следов Фор Така не обнаружил.

И тут я понял, что смогу разрешить загадку исчезновения старого ученого.

— Идем со мной,— сказал я Нуру Ану.— Я найду тебе Фор Така.

Я привел его в лабораторию.

— Здесь искать бесполезно,— сказал он.— Ты же видишь, что лаборатория пуста. Мы сегодня уже много раз побывали здесь.

— Подожди, не торопись.

Пожав плечами, он пошел за мной к столу, где лежал излучатель. Возле стола я обо что-то споткнулся. Я наклонился и нащупал тело старика, а затем стащил с него покрывало. Перед нами на полу лежал Фор Так с пулевым отверстием в груди.

— О Боже! — воскликнул Нур Ан.— Кто это сделал?

— Я,— и рассказал Нуру Ану, что здесь произошло. Нур Ан торопливо оглянулся.

— Прикрой тело,— шепнул он.— Рабы не должны ничего знать. Иначе они убьют нас. Идем отсюда.

Я накинул ткань на труп Фор Така.

— Мне здесь еще кое-что нужно сделать.

— Что?

— Помоги мне собрать все излучатели в одну кучу.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь спасти мир, Нур Ан.

Он помог мне собрать посреди лаборатории огром-

ную кучу различных излучателей. Я подошел к тому, который был смонтирован на столе, настроил его и прицелился в это скопление смерти и ужаса. Затем я нажал на кнопку, и все эти адские изобретения сумасшедшего ученого испарились, за исключением единственного излучателя. Испарилась и модель летающей смерти, а с нею — секрет ее изготовления.

Нур Ан боялся, что рабы заподозрят нас, поэтому поторопил меня. Мы сели на корабль, подаренный мне Джоном Картером, взяли «Джаму» на буксир и полетели в Гелиум.

По пути мы догнали флот Гелиума, возвращавшийся домой, и его воины устроили нам овацию. Они выстроились вдоль бортов своих кораблей и приветствовали нас. И тут произошло самое невероятное событие.

Причиной его стал двар Кал Таван, бывший раб во дворце Тора Хатана. Увидев Тавию, он широко раскрыл глаза от удивления.

— Тебя зовут Тавия? — спросил он.

— Да, а тебя Таван? Наши имена похожи.

— Мне не нужно спрашивать, откуда ты родом. Я и так знаю, что ты из Тьяната.

— Откуда ты знаешь?

— Ты моя дочь. Это имя дала тебе мать, моя жена. Ты очень похожа на нее. Я узнал бы тебя всюду.

Он бережно обнял ее и поцеловал в лоб. У обоих на глазах показались слезы.

Затем Кал Таван обернулся ко мне.

— Мне сказали, что отважный воин Тан Хадрон выбрал себе в жены рабыню, но это не так. Твоя принцесса — истинная принцесса. Она внучка джеда. Она была бы дочерью джеда, если бы я остался в Тьянате.

Пути господни неисповедимы! К каким странным и неожиданным развязкам они ведут! В начале своего пути я устремился за Саномой Тора. Она же пошла по другому пути, в надежде выйти замуж за джедака. В итоге — нашла только презрение. А я в конце своего пути нашел принцессу.

ЛАНА ИЗ ГАТОЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди достопримечательностей местечка Ланикай — пляж, почтовое отделение и бакалейная лавка. Этот район расположен на продуваемом всеми ветрами берегу острова Оаху довольно далеко от Марса. Сквозь прозрачно голубую, удивительной красоты воду виднеются многочисленные коралловые рифы. Когда под порывами ветра шелестят верхушки кокосовых пальм, кажется, будто это переговариваются между собой призраки королей и вождей, чьи племена рыбачили в этих водах задолго до того, как здесь появились корабли путешественников, завоевателей и миссионеров.

Мысли о прошлом, какие-то туманные образы давно минувших лет проносились в моем сознании, когда как-то раз ночью, мучаясь от одолевавшей меня бессонницы, я сидел, глядя на белые барашки волн, которые вздымало море под ярким лунным светом. Перед моим мысленным взором представляли величественные короли древних Гавай и их могучие вожди, одетые в шлемы и украшенные перьями накидки. Вот появился великий завоеватель Камехамеха, силой превосходящий их всех. Он идет гигантскими шагами, переступая через тростниковые поля и хижины. Краем своей накидки он случайно задел за шпиль церкви, и тот рухнул на землю. Он сделал шаг по мягкой низинной земле, и, когда поднял ногу, вода тут же затопила его след, и на этом месте образовалось озеро.

Меня, признаться, чрезвычайно занимала фигура Камехамеха, я давно восхищался этим героем, хотя и не чаял когда-либо столкнуться с ним воочию, ибо он умер несколько столетий тому назад, а останки его были

захоронены в священном, тайном месте, о нахождении которого не знала ни одна живая душа. Тем не менее, увидев его сейчас, я несколько не удивился. Если меня что и поразило в данный момент, так это именно отсутствие у меня удивления. Свои ощущения я отчетливо помню и поныне. Помнится также, мне очень хотелось, чтобы великан заметил меня и, не дай Бог, не раздавил своей огромной ступней.

Пока я предавался своим размышлениям, Камеха-меха, подойдя совсем близко, остановился прямо передо мной. Он глянул на меня сверху вниз и произнес:

— Ну и ну! Такая дивная ночь, а ты спишь! Я удивлен.

Я недоуменно поморгал глазами и снова посмотрел на него. Передо мной, действительно, стоял воин в довольно странном облачении, но это был не король Камеха-меха. Ночью, даже самой лунной, зрение нередко подводит человека. Я еще несколько раз моргнул глазами, но видение не исчезало. Наконец, я узнал этого воина.

— Джон Картер! — воскликнул я, вскочив на ноги и простирая к нему руку для приветствия.

— Давай-ка вспомним, — отозвался он, — где мы с тобой встречались последний раз.

— По-моему, в верховьях Малого Колорадо в Аризоне, если мне не изменяет память, — ответил я. — Как, однако же, давно это было! Я уж и не ожидал увидеть тебя снова.

— Да я и не собирался возвращаться.

— Что же заставило тебя сделать это? Не иначе, как нечто очень важное?

— Положим, космического значения это не имеет, — сказал он, — но для меня это, действительно, довольно важно. Дело в том, что я хотел увидаться с тобой.

— Весьма польщен, — признался я.

— Понимаешь, ты — последний представитель моего рода на Земле, с которым я знаком лично. У меня частенько возникает желание навестить тебя, но осуществить его я могу очень редко — сейчас как раз представился подходящий случай. После того, как ты умрешь, а это произойдет уже скоро, у меня вообще никого не останется на Земле — значит, не будет и повода еще раз возвращаться туда, где проходила моя прошлая жизнь.

— Но здесь останутся мои дети,— напомнил я ему.— Они тоже твоя кровная родня.

— Знаю,— откликнулся он.— Но они могут испугаться при виде меня. Земному человеку я должен казаться кем-то вроде призрака.

— Только не моим детям,— заверил его я.— Они знают тебя не хуже, чем я сам. Заглядывай к ним время от времени, когда меня не станет.

Он кивнул в ответ.

— Может быть,— пообещал он как-то неопределенно.

— А сейчас,— предложил я,— Расскажи немножко о себе, о Марсе, о Дее Торис из Карториса и Тувии и о Таре из Гелиума. Давай Расскажи! Кажется, Гахан из Гатола женился на Таре из Гелиума?

— Да,— подтвердил старый вояка,— именно Гахан, джед свободного города Гатола, стал ее мужем. У них родилась дочь — прелестнейшее создание, превосходящая красотой даже собственную мать и бабушку, которые, как тебе известно, были далеко не уродинами. Из-за таких красавиц нередко вспыхивают войны между народами. Может, тебе интересно будет послушать историю Ланы из Гатола?

Я, конечно, не стал отказывать себе в удовольствии и теперь хочу предложить эту историю, услышанную мной под шум кокосовых пальм на берегу Оаху, вашему вниманию, читатель.

Эдгар Райс Берроуз

КНИГА I

ДРЕВНИЕ ПОКОЙНИКИ

I

Сколь бы общительным ни был человек по своему характеру, порой ему страстно хочется побыть в одиночестве. Я сам человек компанейский. Мне нравится проводить время в кругу своей семьи, своих друзей или своих воинов. Может быть, именно из-за этой страсти к общению меня порой с неудержимой силой тянет к одиночеству. В уединении мне лучше всего удастся разрешать самые сложные проблемы как военной, так и мирной жизни. Как и всякому человеку, мне свойственно ошибаться, и именно в минуты одиночества появляется хорошая возможность обдумать все сделанное, проанализировать свои промахи, дабы застраховаться от повторения тех же ошибок в дальнейшем.

Как только я чувствую, что странная тяга к уединению начинает овладевать мной, я обычно беру аэроплан и отправляюсь на дно мертвого моря или в какой-нибудь другой безлюдный уголок этой умирающей планеты — туда, где действительно можно обрести полное одиночество. На Марсе немало обширных территорий, по которым никогда не ступала нога человека, и еще множество таких, по которым в течение тысячелетий кочуют лишь гигантские представители зеленой расы.

Иной раз мои уединения продолжаются целыми неделями. Благодаря этим отлучкам, я, пожалуй, знаю географию и топографию Марса лучше любого другого обитателя этой планеты. Куда только ни заводили меня мои путешествия! Тем не менее во многих частях Барсума я до сих пор еще не успел побывать. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание то обстоятельство, что, хотя площадь Марса составляет чуть больше четверти площади Земли, территория суши на этой планете почти на восемь миллионов квадратных

миль обширнее, чем на Земле. Дело в том, что на Барсуме нет крупных водных массивов — самый большой океан находится под поверхностью планеты. Так что, думаю, вы со мной согласитесь: пятьдесят шесть миллионов квадратных миль — это слишком обширная территория, чтобы изучить ее досконально.

В тот раз, о котором я собираюсь сейчас рассказать, я полетел на северо-запад от Гелиума, расположенного в тридцати градусах к югу от экватора, который я пересек примерно в шести тысячах миль восточнее Эксума, Барсумского Гринвича. К северу и западу от меня растянулись обширные, почти совершенно не исследованные территории. Я решил, что лучшего места, где бы можно было обрести одиночество, которого так жаждала моя душа, просто не отыскать.

Я взял курс на Хорц — давно не обитаемый город, памятник древней Барсумской культуры. Мой аэроплан летел со скоростью семьдесят пять миль в час на высоте от пятисот до тысячи футов. К северо-востоку от Торкваса я заметил небольшую группу зеленых людей, и мне пришлось уклоняться от огня, который они открыли, завидев мою машину. Вступать с ними в бой у меня не было ни малейшего желания, так как это не входило в планы моего путешествия. Затем я пролетел над двумя тоненькими ниточками каналов, окаймляющих сельскохозяйственные земли Марса. По этим артериям на поля поступает драгоценная влага с тающих ледников на полюсах. После этого на протяжении всех пяти тысяч миль между Гелиумом и Хорцем мне не попало больше никаких признаков человеческой жизни.

Я внимательно смотрел вниз, и открывающаяся моему взору картина умирающего мира навевала на меня тоску. Подо мной на много сотен миль во все стороны тянулись пустынные места, поросшие какой-то мшистой растительностью. А ведь когда-то здесь вздымали свои воды могучие океаны молодой и полной жизненных сил планеты Марс! Я невольно задумался о том, что некогда эти воды бороздили мощные эскадры и купеческие корабли многих богатых и могущественных государств. Теперь же от этой былой жизни не осталось и следа: повсюду царили запустение и мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая ревом хищников и воплями их жертв.

Ночью я позволил себе безмятежно заснуть, зная, что

автопилот поведет аэроплан нужным курсом на Хоц, удерживая машину на установленной высоте в тысячу футов — но не над уровнем моря, а над уровнем местности, над которой пролегал мой путь. С помощью этого удивительного маленького приспособления можно добраться до любой точки на Барсуме и на любой высоте. Скажем, если задать автопилоту высоту в тысячу футов, как это сделал сейчас я, то корабль будет держаться на такой высоте от любого объекта, сколь бы он ни был высок сам по себе. Опасности столкновения практически не существует. Летчику, аэроплан которого оснащен автопилотом, нет необходимости постоянно бодрствовать — в любой момент он может позволить себе расслабиться и отдохнуть. Таким образом я мог находиться в полете, не переутомляясь и ничего не опасаясь, сутки напролет.

Где-то к полудню третьего дня своего путешествия я, наконец, увидел башни древнего Хорца. Старейшая часть города лежит на краю обширного плато, новые же районы, возраст которых, впрочем, тоже измеряется тысячелетиями, располагаются террасами, уходя вниз и обозначая веки убывания некогда огромного моря, на берегах которого в свое время и стоял этот богатый и могущественный город. Почти все сооружения, украшавшие блистательный Хорц, теперь исчезли или превратились в руины, — сохранились лишь самые роскошные, лучшие постройки на краю плато — немые, но вместе с тем весьма красноречивые напоминания об утраченном величии, памятники культуры расы белокожих, светловолосых людей, навсегда исчезнувших с поверхности планеты.

Эти древние заброшенные города на Марсе неизменно вызвали у меня самый живой интерес. Об их обитателях известно очень мало. Кое-что об их культуре, нравах и обычаях можно почерпнуть из орнаментов, украшающих фасады большинства их общественных сооружений, и из нескольких фресок, сохранившихся вопреки сокрушительной силе времени и вандализму орд зеленых людей, опустошивших эти места и уничтоживших множество памятников былой цивилизации. Отчасти их спасла и крайне малая влажность, характерная для здешних мест, но в еще большей степени — безукоризненное совершенство исполнения. Эти великолепные сооружения строились не на года и даже не на столетия,

а, как минимум, в расчете на вечность. Секреты древних зодчих, их искусство с течением времени оказались утрачены и забыты, но созданные ими шедевры надолго пережили своих создателей и сохранятся еще много веков, невольно выделяясь на поверхности этой мертвой, холодной планеты, где и насладиться-то их красотой, в сущности, некому. Сознать это грустно и при-
скорбно.

Но вот, наконец, я и над Хорцем. Давненько я соби-
рался сюда. Меня невольно тянуло в этот город, который
является, если не ошибаюсь, самым древним и прекрас-
нейшим из мертвых городов на Барсуме. Он возник
благодаря близости к воде и из-за недостатка воды же
оказался обречен на гибель. Меня всегда занимал во-
прос, способны ли земляне, обладающие несметными
водными ресурсами, по достоинству оценить свои богат-
ства. Любопытно, понимают ли, например, жители Нью-
Йорка, к каким последствиям привело бы создание кем-
нибудь из их врагов воздушной базы в радиусе достижи-
мости первого города Нового Света, позволяющее
разбомбить и, в конечном счете, полностью уничтожить
дамбу Кротон и Кэтскиллскую систему водоснабжения?
Железные дороги и шоссе немедленно оказались бы
запружены беженцами, миллионы людей бы погибли,
и на долгие годы, а может быть, и навсегда Нью-Йорк
прекратил бы свое существование.

Не спеша облетая заброшенный город, я неожиданно
заметил на площади прямо подо мной каких-то людей.
Стало быть, Хорц не совсем необитаемое место! Мое
любопытство распалилось, и я решил снизиться. То, что
я увидел, развеяло все мои надежды на грядущее уеди-
нение: с полдюжины свирепых зеленых воинов окружи-
ли одинокого краснокожего человека. В том, какие у них
намерения, сомневаться не приходилось.

Я не искал приключений на свою голову, но тут сама
судьба подбрасывала мне их, поскольку ни один поря-
дочный человек не бросит несчастного, оказавшегося
в подобной ситуации. Неподалеку я приглядел местечко,
куда мог бы посадить свою машину, и, моля о том, чтобы
зеленые, всецело увлеченные предвкушением предстоя-
щей расправы над неприятелем, не обратили внимания
на мое приближение, не теряя времени пошел на по-
садку.

К счастью, мне удалось приземлиться незамеченным. Площадку, на которую я посадил свой аэроплан, закрывала мощная башня. Я успел разглядеть, что участники схватки пустили в дело уже длинные мечи, и, выхватив свое оружие, поспешил к месту неравного поединка. То, что краснокожему воину до сих пор удавалось отбивать натиск превосходящих сил противника, несомненно, свидетельствовало о его незаурядных бойцовских качествах и искусном владении мечом. Я надеялся на то, что ему удастся продержаться еще немного, пока я не подоспею на подмогу. Тогда его шансы на победу многократно возрастут, ибо на его стороне окажется лучший воин, равного которому не отыщется на всем Барсуме, воин, обогривший свой меч кровью тысяч врагов.

Мой путь к месту схватки преграждала стена высотой, примерно, футов в двадцать. Вне всякого сомнения, через нее должен был быть какой-нибудь проход, но я его не обнаружил, а на долгие поиски не оставалось времени. Пока я тут прохлаждаюсь, краснокожего могут уже убить.

Из-за противоположной стороны стены, преграждавшей мне дорогу, до меня доносилось бряцание оружия, проклятия и вскрики. Я даже довольно отчетливо слышал тяжелое дыхание дерущихся. Я расслышал, как зеленые потребовали, чтобы их противник немедленно сдался, но он только язвительно рассмеялся в ответ. Про себя я не мог не отметить, что перед лицом смерти он держится просто молодцом.

Хорошо зная нравы зеленых людей, я не сомневался, что они едва ли станут убивать своего противника на месте, а, скорее, попытаются захватить в плен, чтобы затем подвергнуть зверским пыткам. Дабы избавить храбреца от подобной участи, мне следовало действовать решительно и быстро, не теряя больше ни секунды.

Оставался только один способ, которым я мог запросто воспользоваться, благодаря слабой гравитации на Марсе, а также благодаря своей собственной силе и ловкости. Я намеревался вспрыгнуть на стену, сориентироваться в ситуации, поглядев, как обстоят дела, и с обнаженным мечом в руке вклинуться в ряды сражающихся на стороне краснокожего воина.

При необходимости я могу поднапрячься и взять почти невозможную высоту. Двадцать футов — сущие пустяки для такого человека, как я, но на сей раз я неправильно рассчитал силы. Разбежавшись с расстояния в несколько ярдов, я легко взмыл в воздух. Однако вместо того, чтобы приземлиться на стену, как собирался, я перелетел через нее, взяв выше, примерно, футов на десять.

Приземлившись, я очутился в самой гуще поединка. Впрочем, войны были настолько поглощены своей схваткой, что как будто бы и не заметили меня. Это было очень кстати, поскольку, в противном случае, один из зеленых мог без особого труда пронзить меня своим мечом сразу после приземления.

Краснокожего между тем обложили со всех сторон. По всей видимости, зеленые отказались от мысли захватить противника в плен, решив прикончить его на месте. Одному из них удалось застать воина врасплох, и он уже намеревался рубануть его мечом, когда я внезапно приземлился рядом. Мне очень повезло, что я оказался прямо позади этого типа. Мой меч угодил ему в левое плечо и пронзил врага до самого сердца. Он еще не успел испустить последний вздох, как я, выпрямившись и крепко став на ноги, уже извлек оружие из его тела.

Мое неожиданное появление обескуражило противника, и на какое-то время зеленые утратили бдительность. Я немедленно воспользовался этим и, пробравшись вплотную к краснокожему воину, приготовился вместе с ним отразить новые атаки неприятеля. В доказательство своей решимости стоять до конца я высоко поднял меч, на лезвии которого еще не успела засохнуть кровь только что убитого мной зеленого воина.

Краснокожий бросил на меня быстрый взгляд. Времени на объяснения и разговоры у нас не было — зеленые успели опомниться и снова ринулись в атаку. Один из них замахнулся на меня мечом, но промазал. Но это, скажу я вам, был удар! Если бы меч не просвистел в половине дюйма от меня, то моя голова валялась бы уже на земле. Да, зеленому воину не повезло, зато меня удача не подвела. Я рубанул наотмашь со всего размаху. Я и на Земле славился недюжинной силой, а на Марсе она возрастала еще больше. Мой меч, изготовленный из отменной стали, и острый, словно бритва, прошел через тело противника, разрубив его пополам.

— Отличная работа! — воскликнул краснокожий, снова бросив на меня быстрый взгляд.

Краем глаза я время от времени ухитрялся поглядывать на своего нового товарища и не мог не заметить, что оружием он владеет отменно. Сражаться в компании с таким воином было одно удовольствие. Теперь количество наших противников сократилось до трех. Они отступили на несколько шагов, опустив мечи и взяв короткую передышку, чтобы перевести дух. Что касается меня, то я ни в какой передышке необходимости не испытывал, однако беглого взгляда на моего товарища оказалось достаточно, чтобы убедиться, насколько он устал. Поэтому я, по примеру противника, опустил свой меч и встал в выжидательную позу.

Теперь, наконец-то, у меня появилась возможность как следует рассмотреть воина, на подмогу которому я бросился в нарушение всех своих прежних планов. Каково же было мое удивление! Мой товарищ оказался никаким не краснокожим, а самым настоящим белым человеком. Его кожа, как и моя, была покрыта густым загаром — это и ввело меня в заблуждение. Зато теперь я отчетливо видел, что в воине нет ничего от краснокожего марсианина. Напротив, все в нем — и доспехи, и оружие, и внешний вид — разительно отличались от того, к чему я привык на Марсе.

Во-первых, на нем был головной убор, носить который на Барсуме не принято. Он состоял из кожаной ленты, опоясывающей голову незнакомца прямо над бровями, и двух других таких же лент, которые, идя одна от левого уха к правому, а другая — от лба к затылку, скрещивались на самой макушке воина. Поверхность лент украшали орнаменты, драгоценные камни и металлы. В центре кожаной ленты, обрамляющей лоб незнакомца, была укреплена плоская золотая пластина в форме острия копья, поднятого кверху. Она также была богато украшена, и на поверхности ее красными и черными камнями была выполнена какая-то странная эмблема.

Под этим головным убором скрывалась копна белокурых волос, а надо вам заметить, что встретить на Марсе блондина практически невозможно. Сначала я пришел было к заключению, что передо мной — выходец из далеких краев, лежащих возле Южного полюса планеты. Живущие там люди — совершенно лысые и

носят огромные парики. Однако от своей догадки мне пришлось отказаться тут же, как только я понял, что волосы у незнакомца свои.

Я заметил также, что мой новый товарищ весьма привлекателен. Пожалуй, его можно было бы назвать красивым, если бы с этим словом не были связаны представления о женской изнеженности и утонченности. Ничего подобного не было ни в чертах, ни в манерах незнакомца — ни в том, как мужественно он сражался с превосходящими его количеством врагами, ни в том, какими отборными ругательствами он осыпал своих противников. Во время схватки нет времени на разговоры, но, когда твой меч рассекает череп противника надвое или пронзает его в самое сердце, с твоих уст невольно срывается крепкое слово.

Времени для того, чтобы поближе познакомиться с моим новым товарищем, у меня не было, так как оставшиеся трое наших врагов, переведя дух, снова ринулись в бой. Вероятно, в тот день я сражался, как обычно, — не хуже и не лучше, но мне всякий раз кажется, что именно сегодня я дерусь, как никогда прежде. В поединках я обычно полагаюсь не столько на собственные бойцовские качества, сколько на свое оружие. Самый надежный и верный мой товарищ и помощник — мой меч. В бою с ним происходят чудеса, он как будто испытывает вдохновение, и, скорее, не я направляю его, а он меня. Ни одному человеку не под силу так быстро соображать и ориентироваться в ситуации, как это делает мой клинок. Он всегда наносит удар в нужное время и в нужное место, как будто заранее угадывая намерения противника. Молниеносные движения моего меча как бы окружают меня стальной защитной сетью, и мало кому удастся прорвать ее. Он вселяет изумление в глаза врага, сомнение в его сознание и страх в его сердце. Думаю, своими боевыми успехами я в значительной мере обязан психологическому воздействию, которое оказывает на противника мое оружие.

Пораженные нашими меткими ударами, двое нападающих почти одновременно испустили дух. Третий, не долго думая, пустился в бегство.

— Нельзя позволить ему уйти! — закричал мой брат по оружию, бросаясь в погоню и громко призывая на помощь.

Странно, почему он не делал этого тогда, когда,

сражаясь в одиночку против шестерых, действительно глядел смерти в лицо? И на чью именно помощь он рассчитывал в этом вымершем, безлюдном городе? Почему он стал призывать подмогу лишь тогда, когда последний из врагов пустился наутек? Эти вопросы повергали меня в недоумение, но, ввязавшись в столь странное приключение, я решил участвовать в нем до конца, а потому тоже поспешил вдогонку за беглецом.

Тот пересек внутренний двор, в котором происходила наша схватка, и скрылся в проходе под аркой, ведущей на широкую улицу. Я мчался за ними по пятам, почти догоняя и своего нового товарища, и зеленого воина. Выскочив на улицу, я увидел, что последний забирается на одну из шести лошадей, поджидавших своих седоков неподалеку. В то же время я заметил, что из близлежащего здания выскакивают воины — по меньшей мере, человек сто. Это были светловолосые, белокожие люди, одетые точно так же, как и мой новый знакомый, увлеченный сейчас преследованием зеленого воина. Вооруженные луками и стрелами, они обрушили настоящий град выстрелов на убегающего противника. Однако никаких шансов догнать его у них уже не было, к тому же вскоре зеленый оказался вне пределов досягаемости их стрел.

Страсть ко всякого рода приключениям настолько сильна во мне, что я часто уступаю ей, идя наперекор требованиям здравого смысла. Все происходившее здесь не имело ко мне ни малейшего отношения. Я и так невесть чего ради ввязался в эту историю и сделал больше, чем можно было ожидать от постороннего человека. Тем не менее я вскочил на одну из лошадей и пустился в погоню за зеленым воином.

III

На Марсе существует две породы лошадей. Одни из них — небольшие, довольно послушные, используемые краснокожими марсианами для верховой езды и, в меньшей мере, для перевозки грузов в земледельческих хозяйствах рядом с великими ирригационными каналами. Другие — огромные, свирепые и почти неуправляемые животные, единственное применение которых — военная конница зеленых обитателей планеты.

Это, действительно, мощные животные, один лишь вид которых производит весьма внушительное впечатление. С каждой стороны у них по четыре ноги. Во время движения их гладкий хвост, узкий у основания и расширяющийся к концу, стоит стоймя. Их огромные пасти вечно разинуты, что придает покоящимся на мощных шеях мордам злое выражение. Туши этих лошадей, темные и лоснящиеся, совершенно лишены шерсти. Брюхо у них белого цвета, а ноги — желтые. Марсианских коней не подковывают, так как на копытах они имеют особые наросты, делающие подковы ненужными.

Мне не приходилось сталкиваться с животными, обладающими более скверным нравом, нежели та лошадь, на которой я пустился в погоню за зеленым воином. Впрочем, насколько мне известно, все представители этой породы таковы. Они постоянно дерутся друг с другом, и горе всаднику, потерявшему управление такой лошастью! При этом, как ни парадоксально, ездят на них без поводьев и узды, управляя животными исключительно при помощи телепатических средств. К счастью, я научился этому искусству еще много лет тому назад, когда находился в плену у Лоркаса Птомела, джеда тарков, племени зеленых марсиан.

Лошадь, на которую я вскочил, оказалась сущим дьяволом: она изо всех сил сопротивлялась мне, — возможно, по запаху почуяв чужака. Отчаявшись скинуть меня наземь, она повернула морду и принаравливалась, как бы цапнуть меня своими мощными челюстями.

Надо упомянуть, что существует один верный способ привести этих злобных животных в чувство, когда они становятся совсем неуправляемыми. Сейчас я решил прибегнуть к нему, несмотря на то, что в свое время заслужил похвалы суровых тарков за то, что обращаюсь с лошадьми с завидным терпением и добротой. Но сейчас на подобные ухищрения у меня совершенно не оставалось времени: мой противник во всю прыть мчался вдоль широкой улицы, ведущей к древней набережной Хорца, за которой начиналось обширное днище высохшего моря. Пришлось применить к скакуну более жесткие и эффективные меры воздействия: палашом я несколько раз ударил лошадь по морде, пока, наконец, она не утихомирилась и, подчиняясь моим телепатическим командам, не бросилась в погоню в нужном направлении.

Тут и выяснилось, что моя лошадь необычайно про-

ворна — более быстрых скакунов мне не приходилось встречать ни на Земле, ни на Марсе. Во всяком случае, стоило ей погнаться за конем моего противника, как мы тут же нагнали беглеца.

Правда, произошло это уже на самом краю плато, на котором был построен древний город. Поняв, очевидно, что уйти не удастся, он остановил лошадь и, развернувшись, приготовился к бою. В эти роковые минуты я неожиданно выяснил еще и то, что моя лошадь, несмотря на свой строптивый нрав, еще и весьмамышленное существо. Без всяких приказов с моей стороны она постоянно маневрировала, предоставляя мне максимально выгодную позицию в этом ожесточенном поединке. Когда я, в конце концов, чуть было не выбил своего противника из седла, мой скакун, словно бешеный, неожиданно бросившись на лошадь зеленого, вцепился ей в шею своими мощными челюстями, одновременно пытаясь заставить ее припасть к земле.

Моя победа была полной. Смиловитившись над поверженным и истекающим кровью врагом, я оставил его лежать на земле в ожидании своей последней минуты, которая вот-вот должна была наступить, а сам поскакал назад, к своим новым друзьям, надеясь услышать из их уст похвалы и слова благодарности.

Они ждали меня всем отрядом на месте, которое, по всей вероятности, являлось в древнем Хорце рыночной площадью. Вид у них был мрачный и угрюмый — ни тебе оваций в честь победителя, ни улыбок. Стоило мне спешиться, как они толпой окружили меня.

— Зеленому воину удалось уйти? — спросил один из них.

Судя по всему, он был у них за вожака.

— Нет, — ответил я. — Зеленый воин мертв.

При моих словах вздох величайшего облегчения вырвался у них из груди. Мне оставалось только недоумевать, отчего они придают такое большое значение гибели одного-единственного зеленого воина.

Тут мои новые товарищи принялись наперебой благодарить меня, хотя их лица по-прежнему оставались мрачными и печальными. Внезапно я осознал, что эти люди настроены по отношению ко мне отнюдь не дружелюбно. Я понял это интуитивно, но, к сожалению, слишком поздно. Они так плотно окружили меня со всех сторон, что я буквально рукой не мог шевельнуть. Затем

так же внезапно по команде своего вожака они обезоружили меня.

— Что все это значит? — возмутился я. — Я по доброй воле пришел на помощь одному из ваших людей. Не сделай я этого, его бы уже не было в живых. Хорошо же вы отблагодарили меня! Немедленно верните оружие и отпустите меня!

— Мне очень жаль, — произнес их предводитель, — но это невозможно. Нам придется поступить по-другому. Пан Дан Чи, которого ты спас от смерти, тоже просил отпустить тебя, но это не в обычаях Хорца. Единственное, что я в силах сделать для тебя, — отвести тебя к Хо Ран Киму, великому джеддаку Хорца. Мы все готовы ходатайствовать за тебя, но, боюсь, из этого не будет никакого проку. В конечном итоге, ты все равно будешь казнен. Безопасность Хорца гораздо важнее жизни любого человека, даже такого смельчака, как ты.

— Но я ничем не угрожаю безопасности вашего города, — возразил я. — Какие дурные намерения могут быть у меня в отношении Хорца, мертвого города, покинутого людьми и не представляющего ровно никакого интереса для Империи Гелиум, на службе джеддаку которой, Тардосу Морсу, я нахожусь?

— Извини, приятель, — воскликнул Пан Дан Чи, пробравшись поближе ко мне сквозь толпу окружавших меня воинов. — Когда ты вскочил на лошадь и бросился в погоню за беглецом, я крикнул, чтобы ты не вздумал возвращаться назад. Но, видно, ты не расслышал моего предупреждения. Что касается меня, то я готов отдать за тебя жизнь, если понадобится, и сделаю это, не сомневайся. Я пытался договориться с командиром отряда Лан Сон Вэном, чтобы он отпустил тебя, но мои усилия оказались тщетными. Конечно, я попробую заступиться за тебя и перед нашим джеддаком Хо Ран Кимом, только, боюсь, надежды на успех нет никакой.

— Пошли! — скомандовал Лан Сон Вэн. — Мы и так уже потеряли уйму времени. Отведем нашего пленника к джеддаку. Как, кстати, тебя зовут? — обратился он ко мне.

— Я — Джон Картер, принц Гелиума и Бог войны Барсума, — ответил я.

— Звучит красиво, — заметил он, — только мне не доводилось слышать ни про какой Гелиум.

— Если со мной здесь что-нибудь случится и в Гели-

уме станет известно об этом,— отозвался я,— то ты узнаешь, что такое Гелиум.

Меня повели по улицам пустого города мимо величественных зданий. Даже покинутый жителями. Хорц производил грандиозное впечатление и был воистину прекрасен. Нигде больше на Марсе мне не приходилось видеть таких замечательных архитектурных памятников, как здесь. Говорят, что наивысшего расцвета культуры обитатели этих мест достигли миллион лет назад. Даже не верится, что созданное ими могло сохраниться в течение столь длительного времени. Однако я давно успел привыкнуть к тому, что на Марсе то и дело сталкиваешься с вещами, которые никак не укладываются в ограниченном сознании землянина.

Наконец, мы остановились перед маленькими воротами в огромной крепостной стене. Кроме них никакого другого хода поблизости видно не было. С балкона, находившегося футов в пятидесяти над воротами, на нас глянул часовой.

— Кто идет? — окликнул он нас, хотя, без сомнения, отлично видел, кто идет, и наверняка узнал Лан Сон Вэна.

— Командир I-го утана гвардии джеддака Лан Сон Вэн, и его воины ведут пленника,— отозвался Лан Сон Вэн.

Ответ, кажется, поверг часового в замешательство.

— У меня приказ,— сказал он,— никаких чужаков внутрь не пускать, а убивать их на месте.

— Позови командира гвардии,— потребовал Лан Сон Вэн.

Через минуту на балконе рядом с часовым появился офицер.

— Это еще что такое? — недовольным голосом спросил он.— Никакие пленники не должны переступить порог крепости Хорца. Разве ты забыл наши законы?

— Это особый случай,— произнес Лан Сон Вэн.— Я должен доставить этого человека к Хо Ран Киму. Открывай ворота!

— Я сделаю это только по личному приказанию Хо Ран Кима,— ответил командир гвардии.

— Тогда скорее ступай за разрешением,— сказал Лан Сон Вэн.— Передай джеддаку, что я убедительно прошу принять меня вместе с этим пленным. Повторяю еще раз: случай здесь особый. Этот человек не имеет

ничего общего с теми пленными, которые попадались в наши руки в последнее время.

Офицер вернулся в крепость. Прошло минут пятнадцать, и, наконец, ворота, перед которыми мы стояли в напряженном ожидании, распахнулись. Командир гвардии жестом пригласил нас внутрь.

— Джеддак ждет вас,— сказал он Лан Сон Вэну.

Крепость оказалась настоящим укрепленным городом внутри древнего Хорца. Она была совершенно неприступна, и только нападением с воздуха можно было нанести ей урон. Мы шли по оживленным улицам мимо домов, магазинов, садов. Счастливые, беззаботные люди в удивлении останавливались, заметив меня, шествующего в сопровождении конвоя к симпатичному зданию, видневшемуся вдалеке. Там находился дворец джеддака Хо Ран Кима. По обеим сторонам от входа во дворец застыли часовые. Другой охраны я не заметил, да и эти двое были поставлены здесь, скорее, для соблюдения заведенного порядка, чем для защиты правителя. В крепости никто не нуждался в защите и охране. Высокие, неприступные стены и без того гарантировали безопасность всем ее обитателям.

Несколько минут мы дожидались, пока доложат о нашем прибытии, а затем нас провели по длинному коридору в средних размеров комнату, в которой за столом сидел какой-то человек. Это и был Хо Ран Ким, джеддак Хорца.

Подходя к столу, я почувствовал на себе пристальный взгляд его голубых глаз. Несмотря на стальной отблеск, этот взгляд казался довольно доброжелательным. Изучив меня, Хо Ран Ким посмотрел на Лан Сон Вэна.

— Все это довольно странно,— наконец, произнес джеддак спокойным, даже несколько монотонным голосом, обращаясь к командиру отряда.— Тебе, должно быть, известно, что из-за подобных пустяков погибло немало наших?

— Так точно, мой джеддак,— ответил тот,— но здесь совсем необычный случай.

— Изволь объяснить,— сказал джеддак.

— Позвольте я объясню,— вмешался в разговор Пан Дан Чи,— поскольку во всем виноват именно я. Это я уговорил Лан Сон Вэна привести пленника в крепость, и у меня были на то весьма веские причины.

Джеддак кивнул головой в знак согласия.
— Рассказывай,— сказал он.

IV

Мне было совершенно невдомек, почему они делают такую проблему из того, что какой-то пленный оказался в их крепости. О каких пустяках, приведших к гибели его людей, напоминал Лан Сон Вэну джеддак, я тоже не понял. В Гелиуме воин, поймавший пленного, удостаивался, по меньшей мере, похвалы. А уж за поимку такой важной птицы, как я, простой солдат вправе был ожидать высокой награды и повышения по службе.

— Мой джеддак,— начал Пан Дан Чи.— Когда внезапно я оказался окружен шестью зелеными воинами, этот человек, утверждающий, что он Джон Картер, Бог войны Барсума, по собственной инициативе бросился мне на помощь. Я понятия не имею, откуда он взялся. Могу сказать только одно: я в одиночку сражался с шестью врагами, не имея ни малейших шансов на победу, как вдруг он присоединился ко мне. А оружием этот человек владеет мастерски — другого такого воина не отыщешь во всем Хорце. Никто и ничто не заставляло его бросаться мне на подмогу, в любой момент он мог покинуть поле боя, но он остался, и благодаря этому я сейчас жив и стою здесь. Вдвоем мы разбили противника. Последний, шестой воин зеленых попытался удрать, но нашел смерть на старой набережной. Опять же замечу, что он сбежал бы, если бы Джон Картер не кинулся за ним в погоню. Ему ничего не стоило тут же исчезнуть, но он не сделал этого. Джон Картер сражался на стороне солдат Хорца и сражался мужественно. Он доверился нам. Неужели мы отплатим ему за это черной неблагодарностью?

Пан Дан Чи замолчал, а Хо Ран Ким вновь устремил на меня взгляд своих голубых глаз.

— Джон Картер,— обратился он ко мне.— То, что ты сделал, вызывает уважение и признательность у каждого жителя Хорца. Твой поступок заслуживает благодарности самого джеддака, однако...— он заколебался.— Может быть, если я поведаю тебе кое о чем из нашей истории, ты поймешь, почему я должен казнить тебя.

Джеддак замолчал, видимо, задумавшись о чем-то.

Я тем временем попытался оценить свое положение. Хо Ран Ким столь небрежно, как о чем-то само собой разумеющемся, упомянул о моей грядущей казни, что я невольно разволновался. Джеддак был так дружески расположен по отношению ко мне, что, казалось, эту угрозу не стоит воспринимать всерьез. Однако в его голубых глазах читалась такая решимость, что не оставалось никаких сомнений: он не шутит.

— Не сомневаюсь,— произнес я,— что знакомство с историей Хорца может оказаться весьма интересным и поучительным, но в данный момент меня куда больше интересует, почему за помощь, оказанную мной воину Хорца, я должен поплатиться собственной жизнью.

— Именно это я и собираюсь объяснить,— сказал джеддак.

— Вам будет нелегко сделать это, Ваше величество,— иронически произнес я.

Не обратив на мою реплику никакого внимания, он продолжал:

— Насколько нам известно, жители Хорца являются единственными уцелевшими потомками ороваров — народа, игравшего когда-то главенствующую роль на Барсуме. Миллион лет тому назад корабли наших предков бороздили просторы пяти великих океанов планеты. Город Хорц был не только столицей великой империи, но и центром науки и культуры, созданных расой людей, подобных которым не знает мировая история. Наша империя простиралась от одного полюса до другого. Конечно, на Барсуме обитали и другие народы, но они были малочисленны и не играли сколь-нибудь значительной роли в жизни Марса. Мы относились к ним, как к низшим существам. Оровары владели всем Барсумом, территория которого была поделена между множеством могущественных джеддаков. Люди жили в довольствии и изобилии, чувствуя себя по-настоящему счастливыми. Не было войн из-за национальной розни и вражды. В течение тысячелетий на планете царил мир.

Наши предки достигли наивысшей точки расцвета цивилизации, когда неожиданно над ними нависла тень надвигающейся катастрофы — моря начали высыхать, а атмосфера становилась все более и более разреженной. Произошло то, что давно предсказали ученые,— мир одряхлел и начал угасать.

Вода уходила все дальше и дальше, и города тянулись вслед за нею, стремясь догнать то, что вернуть было невозможно. Так длилось в течение долгих лет. Проливы и бухты, каналы и озера сначала измельчали и, наконец, высохли. Процветающие порты превратились в покинутые, вымершие города. Разразился голод. Начались войны. Толпы расплодившихся диких зеленых людей, промысляющих грабежом, заволокли земли, еще вчера бывшие плодородными угодьями.

Атмосфера разрядилась настолько, что стало трудно дышать. Ученые трудились над созданием специальной установки, обеспечивающей нормальную жизнедеятельность в новых условиях, но, прежде чем она была закончена и запущена в действие, почти все обитатели Барсума умерли. Уцелели только самые крепкие — зеленые люди, краснокожие люди да несколько ороваров. Сама же жизнь окончательно превратилась в непрерывную борьбу за существование.

Зеленые люди принялись охотиться на нас, как мы и свое время охотились на животных. Они ни на минуту не оставляли нас в покое и не щадили никого. Нас было мало — их много. Хорц стал нашим последним убежищем. Единственная возможность выжить заключается для нас в том, чтобы никто не знал о нашем существовании. Мы вынуждены скрываться, и именно по этой причине на протяжении вот уже многих лет убиваем всякого, кому удастся проникнуть в Хорц и увидеть ороваров. Никто не должен выйти отсюда живым — иначе врагам станет известно о нашем существовании, и они ни за что не оставят нас в покое.

Теперь, надеюсь, ты понимаешь, что как бы это ни было прискорбно и горько, но мы просто вынуждены убить тебя.

— Я могу понять, — ответил я, — когда уничтожают врагов, но не вижу никаких причин для того, чтобы убивать друзей. Хотя, конечно, последнее слово остается за вами. Вам решать мою судьбу.

— Она уже решена, мой друг, — отозвался джедак. — Ты должен умереть.

— Одну минутку, мой джедак! — воскликнул Пан Дан Чи. — Прежде чем вы произнесете свое окончательное решение, прошу вас взвесить и другую возможность. Если этот человек останется в стенах Хорца, он не сможет ничего рассказать о нас нашим врагам. Даруйте

ему жизнь при условии, что он никогда больше не покинет крепости.

Остальные воины, услышав предложение моего нового товарища, одобрительно закивали головами. Хо Ран Ким заметил это. Он прокашлялся, а затем произнес:

— Пожалуй, здесь есть над чем поразмыслить. Свое окончательное решение я объявлю завтра. Я делаю это только из большой любви к тебе, Пан Дан Чи. Ввиду того, что чужак оказался в нашей крепости лишь благодаря твоим настойчивым просьбам, тебе придется разделить с ним его судьбу, какой бы она ни была.

Пан Дан Чи был поражен этим заявлением правителя и не смог скрыть своего удивления, однако принял удар достойно, как подобает мужчине.

— Я почту за большую честь разделить участь Джона Картера, Бога войны Барсума, какова бы эта участь ни оказалась,— гордо заявил он.

— Отлично сказано, Пан Дан Чи! — воскликнул джеддак.— Я все больше и больше восхищаюсь тобой, но сердце мое наполняется скорбью и печалью, когда я думаю о том, что завтра мне придется казнить тебя. Боюсь, что другого выхода нет.

Пан Дан Чи почтительно склонился перед правителем.

— Весьма признателен Вашему величеству за заботу,— сказал он.— Воспоминание о ней скрасит мои последние часы.

Джеддак устремил взгляд на Лан Сон Вэна, и мне показалось, что они смотрят друг на друга в течение целой минуты. Ставлю десять против одного, что Хо Ран Кима начинали все больше и больше терзать сомнения. Он определенно не хотел убивать Пан Дан Чи — ему явно было жаль этого доблестного воина. По всей вероятности, Лан Сон Вэн думал о том же. Вид у него, во всяком случае, был довольно удрученный.

— Лан Сон Вэн,— обратился, наконец, к нему Хо Ран Ким.— Отведи этих двух людей в подземелье. Там они останутся на ночь. Проследи за тем, чтобы их хорошо накормили и обеспечили им все возможные удобства, поскольку оба они — мои дорогие гости.

— В подземелье, Ваше величество! — не сдержавшись, воскликнул Лан Сон Вэн.— На моей памяти им никогда не пользовались. Сомневаюсь даже, найду ли я вход в него!

— Это верно,— задумчиво произнес Хо Ран Ким.— Даже если тебе и удастся отыскать вход, боюсь, там может оказаться слишком грязно и неудобно. Пожалуй, в самом деле будет милосерднее казнить Джона Картера и Пан Дан Чи прямо сейчас, не откладывая до завтра.

— Погодите, Ваше величество,— вмешался Пан Дан Чи.— Я знаю, где находится вход в подземелье. Я там бывал и могу заверить, что никаких особенных неудобств нам испытывать не придется. Пойдем, Лан Сон Вэн! Я укажу тебе путь к подземелью Хорца!

V

Мне повезло, что Пан Дан Чи соображал и действовал столь решительно и быстро. Хо Ран Ким не успел еще ничего возразить на его доводы, как мы уже покинули помещение, в котором происходила аудиенция, и направились в сторону подземелий Хорца. Скажу по правде, я очень радовался тому, что моя встреча с этим доброжелательным и тактичным тираном, наконец-то, завершилась. У меня не было никакой уверенности в том, что, промедлив мы еще минуту-другую, и он, исходя из соображений гуманности и милосердия, не велит отрубить нам головы немедленно.

Вход в подземелье Хорца оказался в маленьком здании без окон, находящимся с внутренней стороны крепостной стены. Массивная дверь, ведущая в нашу темницу, закрипела на проржавленных петлях, когда двое сопровождавших нас воинов стали открывать ее.

— Там, внутри, ужасно темно,— сказал Пан Дан Чи.— Без огня мы переломаем себе шеи.

Лан Сон Вэн, который оказался отличным парнем, послал одного из своих солдат за факелами. Когда тот вернулся, мы с Пан Дан Чи вошли в мрачную пещеру.

Мы успели сделать всего несколько шагов вниз по вырубленной в покато́й скале лестнице, как раздался окрик Лан Сон Вэна.

— Погодите! А где ключи от этой двери?

— Хранителем ключей был один из великих джеддаков, живший несколько тысячелетий тому назад,— ответил Пан Дан Чи.— Ему, наверное, известно, где находятся ключи, а я не знаю.

— Как же тогда я запроу вас в подземелье? — разволновался Лан Сон Вэн.

— Джеддак ведь не приказывал запирасть нас здесь, — ответил Пан Дан Чи. — Он велел отвести нас в подземелье и оставить там на ночь. Я отчетливо помню каждое его слово.

Лан Сон Вэн заколебался, явно не зная, как выйти из этого затруднительного положения. Наконец, он принял решение.

— Ладно, — сказал он. — Сделаем так: я отведу вас обратно к джеддаку и объясню, что ключей от подземелья нет. Пускай он сам решает, как поступить дальше.

— Можно подумать, ты не знаешь, что он решит в этом случае, — произнес Пан Дан Чи.

— Что? — не понял Лан Сон Вэн.

— Он прикажет казнить нас немедленно. Слушай, Лан Сон Вэн, зачем тебе это? Оставь у двери охрану, и, если мы попытаемся сбежать, пусть они убьют нас.

С минуту Лан Сон Вэн обдумывал предложение моего товарища и, наконец, кивнул головой в знак согласия.

— Это дельная мысль, — подтвердил он.

Оставив у двери стражу и распорядившись о смене караула, Лан Сон Вэн пожелал нам спокойной ночи и удалился вместе со своими воинами.

Признаюсь, прежде мне не приходилось сталкиваться со столь учтивыми и милыми марсианами, какими оказались эти оровары. Общение с ними представляло собой сущее удовольствие. Оровары являли собой полную противоположность своим давним заклятым врагам — зеленым людям, которым совершенно неведомы были такие понятия, как вежливость, уважительность и милосердие. Эти хладнокровные и крайне жестокие существа, скорее, напоминали животных. Не ведая ни сострадания, ни любви, они руководствовались в своих поступках одной лишь ненавистью.

Тем не менее, надо честно признаться: подземелье оказалось не самым приятным местом. Ступени лестницы, по которой мы спускались вниз, покрывала вековая пыль. Прямо от подножия лестницы тянулся длинный и довольно широкий коридор. По обеим сторонам его, насколько позволял нам разглядеть свет факелов, располагались двери. В прежние времена, подумалось мне, могущественные джеддаки, вероятно, заточали в эти

темницы своих врагов. Я поделился своей догадкой с Пан Дан Чи.

— Может быть, — уклончиво промолвил он. — Хотя на моей памяти джедаки ни разу не использовали подземелье.

— Неужели у них не было врагов? — удивился я.

— Разумеется, были, — ответил он. — Но держать человека в этой темной яме считается чрезмерной жестокостью, поэтому джедаки просто сразу же казнили своих недругов.

— Зачем тогда построили эти темницы? — не унимался я.

— О, их соорудили давным-давно, когда строили сам город — то ли миллион лет тому назад, то ли еще больше.

Я заглянул в одну из темниц. На полу валялись куски человеческого скелета. Заржавленные цепи, которыми, видимо, был прикован несчастный, лежали тут же, среди костей. В следующей келье я обнаружил три скелета и два изысканно украшенных, обитых железом сундука. Когда Пан Дан Чи открыл крышку одного из них, я едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от удивления и восторга. Сундук оказался доверху заполнен драгоценными камнями в изумительных обрамлениях. Эти образцы забытого искусства, созданные мастерами, жившими миллион лет тому назад, невольно приковывали к себе взор. Никогда мне не приходилось видеть ничего подобного — я был просто потрясен. Остается только сожалеть, что прелестные женщины и мужественные мужчины, носившие эти украшения, преданы полному забвению на Барсуме. Что это были за люди? Как они жили? Этого теперь не помнит никто.

От размышлений о прошлом меня оторвал звук шаркающих ног, раздавшийся сзади. Я резко повернулся, а моя рука по привычке потянулась к рукоятке меча. Я совсем забыл, что безоружен. Прямо на меня уставилась огромная крыса, готовая в любой момент броситься в атаку.

Эти марсианские крысы — довольно свирепые и крайне омерзительные существа. У них — множество лапок, при этом сами они совершенно гладкие и напоминают шкурой новорожденных мышей. Лично я, сталкиваясь с этими тварями, всегда испытываю чувство глубокого отвращения. Столь же неприятны их малюсенькие,

полузакрытые, глубоко посаженные глазки. Жестокий нрав марсианских крыс выдают их мощные, выдающиеся на несколько дюймов вперед челюсти с пятью острыми, лопатообразными зубами в каждой. Эти существа приближаются по размерам к эрдельтерьеру, но крыса, с которой я столкнулся на сей раз, была не меньше маленькой пумы и, по всей видимости, раз в десять свирепее ее.

Крыса бросилась на меня, норовя вцепиться клыками в мою шею. В ответ я нанес мощный удар, опрокинувший ее набок. Однако уже в следующее мгновение эта гадина опомнилась и снова кинулась на меня. Тут, к счастью, подоспел Пан Дан Чи. Поскольку мой товарищ, в отличие от меня, был вооружен, то, недолго думая, он выхватил свой короткий меч и набросился на крысу.

Завязалась настоящая схватка. Мне еще не доводилось видывать более свирепого и неустрашимого животного, чем эта крыса, сцепившаяся с Пан Дан Чи не на жизнь, а на смерть. Даже после того, как он отрубил ей несколько лап и ухо и выбил почти все клыки, она не успокоилась. Уже почти изрубленная на куски, крыса все еще пыталась сопротивляться и из последних сил кидалась в атаку. Мне ничего не оставалось делать, как, стоя в стороне, наблюдать за ходом поединка. А это, признаюсь, не по мне. Наконец, схватка завершилась. Крыса испустила дух. Пан Дан Чи не смог сдержать довольной улыбки.

Он огляделся по сторонам, отыскивая, обо что можно было бы вытереть окровавленный меч.

— Может, в другом сундуке что-нибудь найдется, — решил я внести свою лепту в уже закончившийся поединок и, подойдя поближе, откинул крышку.

То, что я увидел, изумило меня до глубины души: в этом объемном сундуке оказалось тело человека, облаченного в роскошные одежды, украшенные драгоценными камнями. Шлем его буквально весь был усыпан бриллиантами — с подобным не часто сталкиваешься на Марсе. Изящной отделкой отличались также ножны его меча и кинжала.

Он был, по-видимому, очень недурен собою при жизни, этот мужчина. Даже мертвый, он выглядел необыкновенно привлекательно. Тело сохранилось так хорошо, что он и сейчас вполне мог бы сойти за живого,

если б не покрывающий его с головы до пят густой слой пыли. Когда я сдул ее, мужчина стал казаться совсем как живой.

— Вы что, хороните здесь своих покойников? — поинтересовался я у Пан Дан Чи.

В ответ тот отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Этот парень, может, пролежал здесь миллион лет.

— Чепуха! — воскликнул я. — В таком случае он бы давным-давно превратился в горстку праха.

— Вовсе не обязательно, — возразил мой товарищ. — Наши предки умели много такого, о чем мы теперь и понятия не имеем. В том числе они в совершенстве владели искусством бальзамирования. Существует древняя легенда о самом знаменитом мастере этого дела — Ли Ум Ло. Она рассказывает, будто он столь совершенно обрабатывал покойников, что они сами переставали ощущать себя умершими, и, случалось, поднимались и начинали расхаживать прямо во время похоронной церемонии. Погубило Ли Ум Ло то, что однажды подобное произошло с мертвой женой великого джеддака. Почувствовав себя снова живой, она встала из гроба и направилась прямо к своему супругу и его новой избраннице. На следующий день мастеру по приказу правителя отрубили голову.

— Забавная история, — отозвался я, посмеиваясь. — Надеюсь, однако, что этот тип не оживет, поскольку я собираюсь забрать у него оружие. Едва ли он мог предполагать, что через миллион лет его меч и кинжал перейдут к Богу войны Барсума.

Пан Дан Чи помог мне приподнять труп и снять с него доспехи. Нас обоих поразило, что тело до сих пор сохранило гибкость и нормальную температуру.

— Неужели мы с тобой заблуждаемся? — удивился я. Может, он вовсе не мертв?

Пан Дан Чи в недоумении пожал плечами. Кажется, ему тоже стало немного не по себе.

— Знания и умения древних — выше понимания современного человека, — уклончиво заметил он.

— Это мало что проясняет, — сказал я. — Как ты думаешь, может оказаться, что этот парень живой?

— Его лицо было покрыто пылью, — произнес Пан Дан Чи. — К тому же в подземелье в течение тысяче-

тий не ступала нога ни одного человека. Даже если он и не мертв, ему надлежит быть мертвым.

С этим заявлением я не мог не согласиться и снова принялся за дело. Сняв с покойника меч и кинжал, я стал внимательно разглядывать их. Острые лезвия блестели так, словно оружие только что изготовили. Наконец-то, я снова почувствовал себя полноценным человеком — до такой степени меч стал неотъемлемой частью меня самого.

Когда мы вновь вышли в коридор, я заметил мелькнувший вдали свет. В следующее мгновение уже опять не было ничего, кроме густой тьмы.

— Ты видел? — спросил я у Пан Дан Чи.

— Видел, — подтвердил тот дрогнувшим голосом. — Там не может быть никакого света, поскольку в подземелье, кроме нас, нет ни души.

Мы застыли, напряженно всматриваясь в ту сторону, где мелькнул огонь, но ничего больше так и не увидели. Вдруг издалека по темному коридору до нас донесся глухой смех.

VI

Пан Дан Чи недоумевающе глянул на меня.

— Как ты думаешь? — спросил он. — Что бы это могло значить?

— Мне показалось, что эти звуки очень похожи на человеческий смех, — ответил я.

Пан Дан Чи кивнул головой.

— Да, — согласился он. — Но откуда может доноситься смех, если здесь некому смеяться?

Кажется, мой спутник растерялся окончательно.

— Я вижу только одно объяснение, — произнес я. — Вероятно, кто-то находится в подземелье вместе с нами.

— Это абсолютно исключено, — отозвался Пан Дан Чи.

— Давай проверим, — предложил я.

Обнажив мечи, мы двинулись вперед. Приходилось все время быть начеку: поди знай, что за существа там хохочут и чего от них ожидать. К тому же в любой момент на нас могли наброситься крысы, которых тут, должно быть, видимо-невидимо.

Сначала коридор тянулся прямой линией, но затем начал петлять и разветвляться в разные стороны. Мы старались держаться главного направления. Правда, больше ничего подозрительного мы не увидели и не услышали. Ни единый посторонний звук не нарушал тишину подземелья — только мерно, в такт нашим шагам, бряцало оружие, поскрипывали наши сандалии да тихонько шуршали кожаные ремни.

— Дальше искать не имеет смысла, — заявил, наконец, Пан Дан Чи. — Пошли назад.

Но у меня не было ни малейшего желания возвращаться обратно. Там ждала почти неминуемая смерть. Я резонно рассудил, что свет и смех, смутившие нас, свидетельствуют о присутствии в подземелье каких-то людей или хотя бы одного человека. Раз жителям Хорца о них ничего не известно, стало быть, существует еще один вход с внешней стороны крепостной стены, через который, возможно, мне удастся спастись. По этой причине я и не хотел поворачивать назад. Я предложил своему спутнику отдохнуть и заодно обсудить план наших дальнейших действий.

— Давай отдохнем, — сказал Пан Дан Чи. — Только обсуждать нам нечего. Наше будущее — в руках Хо Ран Кима, ему решать нашу судьбу.

Мы зашли в одну из келий, в которой не оказалось никаких зловещих напоминаний о бывших трагедиях, и, укрепив один из факелов в стенной нише, присели на холодный каменный пол.

— Может, ты действительно готов вверить свою судьбу всецело в руки Хо Ран Кима, — начал я, обращаясь к своему спутнику, — но у меня другие планы.

— Какие же? — поинтересовался он.

— Меня вовсе не прельщает перспектива быть казнённым завтра поутру, — заявил я. — Я попытаюсь отыскать другой выход из подземелья.

Пан Дан Чи печально покачал головой.

— Извини, приятель, — сказал он, — но нам придется вернуться, какая бы участь ни ожидала нас.

— Почему ты так решил?

— Так велит мне чувство долга. Тебе отлично известно, что я не вправе позволить чужаку покинуть стены Хорца.

— Значит, придется решать наш спор в поединке, Пан Дан Чи, — ответил я. — Что касается меня, то я не

испытываю ни малейшего желания убивать человека, вместе с которым сражался против врагов и которым искренне восхищаюсь.

— Поверь, Джон Картер, я чувствую к тебе не меньшую симпатию,— заметил Пан Дан Чи.— Мне бы очень не хотелось тебя убивать. Но ты должен меня понять: если ты откажешься пойти со мной по доброй воле, мне придется тебя убить.

Я попытался разубедить своего спутника, доказывая, что его позиция, по меньшей мере, неразумна, но он оставался непреклонен. Мы успели за это короткое время подружиться друг с другом, и меня корбило от мысли, что мне придется убить Пан Дан Чи, хотя я и понимал, что это, по-видимому, неизбежно. Конечно, он отлично владел оружием, но в бою с таким искусным воином, как я, не имел никаких шансов на победу. Не сочтите мои слова за похвальбу — я и сам терпеть не могу хвастунов. Я только констатирую очевидный факт: воин я, действительно, отменный, и равных мне нет.

— Ладно,— прекратил я наш затянувшийся спор.— В конце концов, нам совсем не к чему убивать друг друга немедленно. Давай еще немного насладимся компанией друг друга.

Пан Дан Чи улыбнулся.

— Меня твоё предложение вполне устраивает,— согласился он.

— Как насчет игры в жетан? — поинтересовался я.— Она поможет нам приятно скоротать время.

— Но у нас нет ни доски, ни фигур. Как же мы будем играть? — удивился он.

Я открыл кожаную сумочку, с которой ходят все марсиане, и достал оттуда маленькую складную доску для игры в жетан и все нужные фигуры — подарок Деи Торис, моей несравненной подруги. Пан Дан Чи глаз не мог от них оторвать — это, действительно, был шедевр в своем роде. Над созданием фигурок трудились величайшие художники Гелиума.

Каждая фигурка напоминала кого-нибудь из известных на Марсе воинов, легко узнаваемых в изящных, вырезанных из дерева миниатюрах. Среди прочих можно было увидеть и Тару из Гелиума, и другую принцессу — Лану из Гатола.

Я чрезвычайно горжусь своими фигурками. Поскольку они совсем крошечные, я постоянно ношу с собой

маленькую лупу, дабы дать возможность другим тоже насладиться их красотой. Сейчас я предложил лупу Пан Дан Чи, и он принялся внимательно разглядывать мои сокровища через увеличительное стекло.

— Восхитительно,— произнес он, наконец.— Никогда не видывал ничего более прекрасного.

Одну из фигурок мой спутник изучал особенно тщательно и так долго крутил ее под лупой, словно ни за что не хотел расставаться с ней.

— Каким воображением должен был обладать художник, чтобы создать такую красоту! — воскликнул Пан Дан Чи.— В реальной жизни Барсума никогда не встречалось подобных красавиц!

— У каждой из этих фигурок был свой реальный прототип,— возразил я.

— У остальных, возможно, и был,— не поверил он,— только не у этой. Столь прекрасной и совершенной женщины природа еще не производила на свет.

— Ну-ка, покажи, о ком это ты говоришь,— поинтересовался я.

Он протянул фигурку мне.

— Ах, эта,— промолвил я, бросив на нее беглый взгляд.— Это Лана из Гатола, дочь моей дочери Тары из Гелиума. Так что можешь не сомневаться: подобная женщина существовала в действительности, и художнику, вырезавшему эту фигурку, удалось добиться почти полного сходства между копией и оригиналом. Разумеется, деревяшка не в силах передать все человеческое обаяние девушки, но черты ее внешнего облика схвачены довольно точно.

Пан Дан Чи забрал у меня фигурку и опять принялся разглядывать ее через лупу, поворачивая то одной стороной, то другой. Наконец, он положил ее в ящичек.

— Ну, что, сыграем? — повторил я свое предложение.

Он отрицательно покачал головой.

— Играть фигурой богини просто кощунственно,— произнес он.

Я сложил фигурки обратно в ящичек, служивший одновременно и игровой доской, и убрал его в сумку. Пан Дан Чи молча сидел рядом, погруженный в свои мысли. Помещение освещалось светом единственного факела.

Факелы, которые используют в Хорце, буквально

поразили меня. Это, без преувеличения весьма хитрым изобретение. Они представляют собой светильник цилиндрической формы, внутри которого помещается сердечник, вспыхивающий ярким светом при соприкосновении с воздухом. Достаточно слегка поворачивать вдоль оси основание факела, как сердечник выдвигается наружу и загорается. Интенсивность освещения можно регулировать, так как она зависит от того, насколько выдвинута сердцевина факела. Пан Дан Чи рассказывал мне, что это изобретение насчитывает не одну сотню лет, но расход горючего материала за все это время оказался столь ничтожен, что факелы, как можно предположить, будут служить чуть ли не вечно. Секрет изготовления сердечников давно утрачен — как ни бились ученые, им так и не удалось определить, из какого состава они сделаны.

Пан Дан Чи сидел еще довольно долго, не произнося ни слова и продолжая о чем-то напряженно размышлять. Наконец, он поднялся. Вид у него был грустный и озабоченный.

— Пошли, — сказал он. — Давай скорее покончим с этим, — и он взялся за рукоятку меча.

— Послушай, зачем нам драться? — снова принялся убеждать его я. — Мы ведь друзья. Клянусь честью, если я выберусь отсюда, то ни одна душа не узнает от меня тайны Хорца. Ты только не мешай мне. Я вовсе не хочу тебя убивать. А еще лучше было бы, если бы ты пошел вместе со мной. Поверь мне, в мире есть на что посмотреть и кроме Хорца, и тебя ждет еще немало разнообразных приключений.

— Не соблазняй меня, — попросил он. — Мне и без того хочется уйти. Впервые в жизни мне захотелось покинуть Хорц, но я не вправе этого сделать. Пошли, Джон Картер, пора начинать. Раз ты не хочешь по доброй воле возвратиться вместе со мной обратно, значит, один из нас должен умереть.

— Если сделать так, как предлагаешь ты, мы погибнем оба, — напомнил я ему. — Это же глупо, Пан Дан Чи.

— К бою! — упрямо произнес он.

Мне ничего не оставалось делать, как обнажить свой меч. Видит Бог, у меня не было никакого желания участвовать в этом поединке, но иного выхода я не видел.

Вопреки моим ожиданиям Пан Дан Чи не ринулся тотчас же в атаку, да и защищался он довольно вяло. В любой момент я мог нанести ему смертельный удар. Я просто не узнавал в нем человека, который несколько часов назад с необычайной искусностью и ловкостью сражался против шестерых врагов из стана зеленых. Наконец, я понял, что он предлагает мне свободу ценой собственной жизни. Такая сделка была мне не по душе.

В конце концов, я отступил на несколько шагов назад и опустил свой меч.

— Я не палач, Пан Дан Чи,— сказал я ему.— Если драться, так давай драться по-настоящему.

В ответ он отрицательно покачал головой.

— Я не могу убить тебя,— откровенно признался он.

— Почему? — спросил я.

— Потому что я дурак,— ответил он.— В твоих жилах течет та же самая кровь, что и в ее. Я не в силах пролить ни капли этой крови. Я не могу принести ей несчастье.

— Ничего не понимаю! — удивился я.— О чем ты говоришь? Кого имеешь в виду?

— Я имею в виду Лану из Гатола,— объяснил Пан Дан Чи,— самую красивую в мире женщину, которую я ни разу не видел, но ради которой с радостью пожертвую собственной жизнью.

Мне, разумеется, было известно, что о рыцарстве марсианских воинов слагаются легенды, но с такой самоотверженностью и благородством я сталкиваюсь впервые.

— Отлично,— произнес я.— Поскольку у меня тоже нет ни малейшего желания убивать тебя, будем считать этот глупый поединок законченным.

С этими словами я вложил свой меч в ножны. Пан Дан Чи сделал то же самое.

— Что теперь будем делать? — задумчиво спросил он.— Я не могу позволить тебе уйти, а с другой стороны, не могу и помешать. По отношению к своей стране я поступаю как гнусный предатель. Мне ничего не остается, как убить себя.

Между тем в моей голове созрел один план. Я мог бы вернуться с Пан Дан Чи назад и возле самого входа

в подземелье обезоружить и связать своего спутника, а затем исчезнуть или хотя бы попытаться отыскать другой выход. В этом случае, когда Пан Дан Чи будет обнаружен, никто не сможет заподозрить его в измене, и его доброе имя окажется спасено.

— Не торопись сводить счеты с жизнью,— сказал я ему.— Я пойду вместе с тобой назад, к входу, но предупреждаю, что, как только у меня появится малейшая возможность удрать, я не премину воспользоваться ею.

— Спасибо тебе за откровенность,— отозвался Пан Дан Чи.— Ты поступаешь благородно. По крайней мере, ты даешь мне шанс умереть, как подобает порядочному человеку.

— Неужели тебе так не терпится умереть? — поинтересовался я.

— Конечно, нет,— признался он.— Я хочу жить. Если я останусь в живых, то когда-нибудь, может быть, попаду в Гатол.

— Почему бы тебе в таком случае не отправиться вместе со мной? — недоуменно спросил я.— Вдвоем мы скорее отыщем выход из подземелья. Мой аэроплан находится недалеко от крепости, а путь из Хорца в Гатол не такой уж дальний.

Он только головой покачал в ответ.

— Искушение велико,— произнес он,— но пока что я попытаюсь сделать лишь одно — избежать встречи с Хо Ран Кимом до полудня завтрашнего дня.

— Почему именно до завтрашнего полудня? — любопытствовал я.

— Таков древний закон ороваров,— пояснил мой товарищ,— согласно которому человек, приговоренный к смертной казни, может быть казнен не позже полудня того дня, на который назначена экзекуция. Хо Ран Ким объявил, что мы будем обезглавлены завтра. Если до указанного времени этого не произойдет, то нас ничто не обязывает возвращаться к нему. Тогда мы свободны.

В подавленном состоянии мы двинулись в ту сторону, где нас ждала верная гибель. Что касается меня, то я не испытывал ни малейшего желания спешить навстречу собственной смерти. Делал я это исключительно ради Пан Дан Чи. Я успел очень полюбить его, и было за что: он оказался не только мужественным воином, но и в высшей степени благородным человеком.

Мы двигались вперед довольно долго. Наконец, мне

стало ясно, что, если бы мы пошли в верном направлении, то давным-давно оказались бы у входа. Я поделился своими соображениями с Пан Дан Чи. Он согласился, что я, должно быть, прав, и, повернув назад, мы двинулись по другому коридору. Так продолжалось довольно долго, но, вдоволь попетляв по подземному лабиринту и совершенно выбившись из сил, мы так и не обнаружили обратного пути.

— Кажется, мы заблудились,— сказал Пан Дан Чи без особой печали в голосе.

— Нисколько не сомневаюсь в этом,— с улыбкой подтвердил я.

Если мы действительно основательно заблудились, то до завтрашнего полудня, нам ни за что не удастся найти выход. Тогда Пан Дан Чи, не скованный больше никакими обязательствами, сможет идти, куда пожелает, а в том, куда он захочет отправиться, я уже не сомневался.

Мне одинаково не по душе ни сводить мужчину с женщиной, ни чинить им препятствия на пути друг к другу. Я привык в таких случаях полагаться на судьбу: пускай все идет, как идет. Если Пан Дан Чи с первого взгляда влюбился в Лану из Гатола и собирается во что бы то ни стало попасть в Гатол, дабы покорить сердце девушки, пусть попробует. По-моему, препятствием здесь могло послужить либо его низкое происхождение, либо личная непорядочность. Но ни того, ни другого и в помине не было. Раса, к которой принадлежал Пан Дан Чи, являлась старейшей и культурнейшей на Барсуме, а в благородстве и честности своего спутника я не раз имел возможность убедиться сам.

Правда, особой уверенности в успехе его затеи у меня тоже не было. Несмотря на молодость Ланы из Гатола, ее любви уже помогали представители самых известных родов на Барсуме. Как почти все марсианские женщины знатного происхождения, она имела право сделать свой выбор сама. Разумеется, нередко, случалось и так, что какой-нибудь особенно пылкий поклонник попросту похищал свою избранницу. Это приводило к тому, что девушка либо принимала его любовь, либо пронзала кинжалом его грудь. Одно я знал наверняка: Лана никогда не выйдет замуж за нелюбимого человека. Если я за кого и переживал во всей этой истории, то, скорее уж, за Пан Дан Чи, а не за Лану из Гатола.

После небольшого отдыха мы с Пан Дан Чи возобновили поиски. Все безрезультатно. Видно, мы окончательно запутались в этом подземном лабиринте.

— Сейчас, должно быть, уже раннее утро,— произнес Пан Дан Чи.

— Да,— подтвердил я, сверяясь со своим хронометром.— Точнее, уже почти полдень.

— Надо торопиться! — воскликнул Пан Дан Чи.

Неожиданно позади нас опять раздался глухой смех. Мгновенно обернувшись, мы заметили свет вдалеке. Он тут же исчез.

— Зачем нам спешить? — отозвался я.— Все, что могли, мы сделали. Меня, например, несколько не мучают угрызения совести. В конце концов, мы не виноваты, что нам не удалось найти обратную дорогу в крепость, к собственной смерти.

Пан Дан Чи ничего не оставалось делать, как согласиться со мной.

— Как бы мы ни торопились, у нас нет почти никаких шансов найти выход,— подытожил я.

Разумеется, именно на это я и рассчитывал все время, однако то, что я сейчас сказал своему другу, не только выдавало мое тайное желание, но и вполне соответствовало истине.

— Мы уже второй раз слышим этот странный смех и видим свет,— заметил Пан Дан Чи.— Надо бы выяснить, что это такое. Вдруг таинственный незнакомец поможет нам отыскать вход в подземелье.

— Ничего не имею против,— отозвался я.— Сомневаюсь только, что, даже если наши поиски увенчаются успехом, мы встретим друга и помощника.

— Все это выглядит загадочно,— продолжал размышлять вслух Пан Дан Чи.— Я, как и другие жители Хорца, всегда был уверен в том, что подземелья под городом необитаемы. Давным-давно, столетия тому назад, несколько смельчаков спустились сюда, чтобы все хорошенько обследовать. Ни один из них не вернулся обратно. В Хорце решили, что они заблудились и умерли от голода. Как знать, может, эти парни тоже слышали смех и видели свет?!

— Может быть,— поддакнул я в ответ.

Мы с Пан Дан Чи так долго пробыли в подземелье Хорца без пищи и воды, что слегка обессилели и потеряли счет времени. Должно быть, прошло больше двух дней. Самый крепкий человек, проводя такой срок без глотка воды, окажется совершенно истощенным, а нас, на удивление, силы еще не совсем покинули. Еще пару раз мы видели свет вдали и слышали смех. О, этот смех! Он до сих пор звучит у меня в ушах. Я попытался заставить себя думать, что это был человеческий смех. Мне совсем не хотелось сходить с ума.

— Давай найдем этого типа и утолим жажду его кровью,— предложил Пан Дан Чи.

Я категорически отверг эту идею.

— Нет, Пан Дан Чи,— заявил я.— Мы ведь люди, а не животные.

— Пожалуй, ты прав,— согласился он.— Наверное, я начинаю терять самообладание.

— Давай-ка лучше пораскинем мозгами,— сказал я.— Этот насмешник всегда знает, где мы находимся, потому что видит свет нашего факела. Что, если погасить его и, крадучись, двинуться вперед? Его, наверняка, станет разбирать любопытство, куда мы подевались, и он отправится на разведку. Мы будем внимательно прислушиваться и услышим звук его шагов.

Я тщательно продумал ход наших дальнейших действий, и Пан Дан Чи признал, что план недурен. Подозреваю, что мой спутник так и не оставил надежды напиться крови этого типа, когда мы, наконец, его поймем. Да и сам я, признаюсь, был уже близок к тому, чтобы удовлетворить мучительную жажду таким образом. Господи! Если вам, читатель, никогда не приходилось страдать от голода и жажды, не спешите судить других слишком строго.

Итак, мы погасили свой факел. На самом деле, их у нас имелось два, но зажигать оба и прежде не было никакой необходимости. Теперь, в крошечной тьме, мы крадущейся походкой, стараясь не производить ни малейшего шума, двинулись в ту сторону, где последний раз промелькнул свет. Мечи мы на всякий случай держали наготове. На нас уже трижды набрасывались огромные крысы, наводняющие это древнее подземелье, но

тогда у нас было преимущество — при свете факела мы видели своих врагов и могли дать им отпор. Представляю, каково бы нам пришлось, если бы какое-нибудь из этих омерзительных существ напало на нас сейчас!

Нас окружала непроглядная тьма, и тишина не нарушалась ни единым звуком. Свое оружие мы поддерживали рукой, стараясь не задеть им случайно за что-нибудь. Высоко поднимая обутые в сандалии ноги, мы осторожно ступали по каменному полу, ни разу не шаркнув. В общем, ни звука, выдающего наше присутствие в этом мрачном подземелье, не должно было донестись до таинственного насмешника. Мы едва дышали.

Неожиданно прямо перед нами мелькнул свет. Мы замерли, внимательно прислушиваясь. Тут я увидел какую-то движущуюся фигуру. Может, это была фигура человека, а может, и нет — ручаться не стану. Я легонько тронул Пан Дан Чи за руку, призывая идти вперед. Мы двинулись навстречу незнакомцу, еще более усилив меры предосторожности. Мы буквально затаили дыхание, дабы не спугнуть его.

Между тем свет усиливался. Я уже ясно различал голову и плечи, высунувшиеся из дверного проема с одной стороны коридора. Кем бы ни оказалось это загадочное существо, но фигура у него была самая что ни на есть человеческая. По-видимому, его весьма обескуражило наше неожиданное исчезновение. Наверное, он ломал себе голову над тем, куда мы подевались. Вот он скрылся в дверном проеме, однако свет из кельи, в которой исчезло это *существо*, продолжал литься в коридор.

Мы подкрались поближе. Нас подстегивало не только любопытство, но также голод и жажда. Если *существо* окажется человеком, оно не может обходиться без пищи и воды. А коли у него есть вода и пища, то они будут и у нас!

Мы бесшумно приблизились к дверному проему, держа в руках обнаженные мечи и готовые в любой момент ринуться в бой. Нельзя только допустить, чтобы *существо* догадалось, что мы рядом — иначе оно тут же скроется. Этого не должно произойти. Мы обязательно должны увидеть *его* собственными глазами. Мы должны схватить *его* и заставить дать нам воды — пищи и воды!

Я оказался у двери первым. Сделав шаг в келью, я едва успел бросить взгляд на странную фигуру внутри ее, как все тут же погрузилось во тьму, и в подземелье

Хорца опять раздался уже знакомый нам глухой смех, от которого кровь стыла в жилах.

В правой руке я крепко сжимал длинный меч, который позаимствовал у найденного мною в сундуке ороварского покойника. В левой я держал факел. Когда свет в келье погас, я, почти сразу же опомнившись, воспользовался своим факелом.

Моим глазам предстало довольно просторное помещение, заставленное множеством сундуков. Помимо них, здесь находилось убогое ложе, скамья, стол, книжные шкафы, набитые книгами, старинная марсианская печь, сосуд с водой и, в довершение ко всему, некий человек, подобных которому мне еще не приходилось видывать.

Я бросился к незнакомцу и нацелил меч ему прямо в сердце, так как опасался, что он попытается улизнуть. Мужчина сжался от страха и стал громко причитать, умоляя о пощаде.

— Нам нужна вода, — произнес я. — Вода и пища. Если ты дашь нам поссть и попить и не причинишь никакого вреда, твоя жизнь будет в полной безопасности.

— Берите, пожалуйста, — не раздумывая, согласился он. — Вон там вода и пища, только скажите мне, кто вы такие и как оказались в подземелье древнего Хорца, этого мертвого города, безлюдного уже в течение нескольких столетий. Я давно поджидал, чтобы кто-нибудь пришел сюда, и вот вы появились. Что ж, добро пожаловать! Уверен, мы станем хорошими друзьями. Вы останетесь здесь со мной навеки, как и все остальные. Наконец-то я перестану чувствовать себя одиноким в этом безлюдном подземелье.

Тут незнакомец разразился истерическим хохотом.

У меня не оставалось ни малейших сомнений в том, что перед нами — сумасшедший. Об этом свидетельствовал не только его вид, но и все действия. Порой его бессвязную болтовню вовсе невозможно было разобрать, к тому же то и дело речь его прерывалась бессмысленным и неуместным смехом — тем самым глухим смехом, который мы с Пан Дан Чи слышали уже много раз.

Внешний вид мужчины производил отталкивающее впечатление. За исключением пояса, на котором крепились меч и кинжал, на нем ничего не было — и его голое, нескладное тело поражало мертвенной бледно-

стью кожи. Во всяком случае, по цвету он вполне мог сойти за покойника. Нижняя губа его отвисала, обнажая несколько пожелтевших кривых зубов. Выпученные круглые глаза с огромными белками невольно наводили на мысль, что у бедняги не все дома. Носа у него не было вообще — видимо, он лишился этой части своего тщедушного тела в результате какой-то болезни.

Пока Пан Дан Чи жадно пил воду, я не спускал с незнакомца глаз. Потом, когда пришел мой черед утолить жажду, за ним приглядывал Пан Дан Чи. За все это время обитатель подземелья ни на секунду не закрыл рта, продолжая нести какую-то бессмыслицу. Он мог просто прицепиться к какому-нибудь слову и сотни раз повторять его на разные лады, делая вид, будто ведет серьезную беседу. То восклицая, то взвизгивая, то переходя на вопросительные интонации, он при этом постоянно жестикулировал, словно заправский оратор. Изредка он изрекал что-нибудь членораздельное.

Наконец, он произнес:

— Похоже, соображаете вы туго, но, может, хоть кое-что до вас дойдет. Кстати, насчет еды: вы предпочитаете сырых крыс или вам их приготовить?

— Крыс! — воскликнул Пан Дан Чи. — Не хочешь ли ты сказать, что питаешься крысами?

— О, это отменное лакомство! — подтвердило существо, причмокнув губами.

— А ничего другого у тебя нет? — не успокаивался Пан Дан Чи.

— Кое-что осталось еще от Ро Тан Бима, — призналось *существо*, но это уж слишком большая роскошь даже для такого гурмана, как я.

Пан Дан Чи выразительно посмотрел на меня.

— Что касается меня, то я вовсе не голоден, — нашел я выход из положения. — Пойдем! Попробуем все-таки выбраться отсюда. По какому коридору можно выйти в город? — спросил я, обращаясь к старику.

— Вам надо прежде всего отдохнуть, — отозвался тот. — Потом я вам покажу выход. А сейчас ложитесь и отдыхайте.

Мне не раз приходилось слышать, что с душевнобольными лучше не спорить. Раз уже я хотел добиться расположения этого существа, то, без сомнения, следовало потакать ему во всем. Тем более, что мы оба — и Пан Дан Чи, и я — действительно, смертельно устали.

Поэтому мы, не долго думая, улеглись на так называемую кровать, а старик, пододвинув скамейку, устроился подле нас. Он продолжал тихонько бормотать.

— Вы очень устали,— несколько раз повторил он, поглядывая своими безумными глазами то на меня, то на моего товарища.

Я чувствовал, что вот-вот засну. Пан Дан Чи, как я успел заметить, уже смежил веки.

— Сейчас вы уснете,— шептал старик.— Вы будете спать, и спать, и спать, может быть, в течение целых столетий, как и остальные. Проснетесь вы только тогда, когда я разбужу вас или когда умру, а этого не произойдет — я бессмертен. Вы обобрали Хор Кай Лана, утащив его пояс и оружие,— при этих словах старик уставился на меня.— Хор Кай Лан очень рассердится, когда, проснувшись, обнаружит, что у него украли оружие. Но Хор Кай Лан никогда не проснется. Он спит уже столько столетий, что даже я сбился со счета. Правда, у меня где-то записано, но какос это имеет значение? Какая разница, кто будет пользоваться оружием Хор Кай Лана? Его мечи уже никому не пригодятся. Может быть, когда Ро Тан Бим кончится, мне придется употребить Хор Кай Лана. Не знаю... Может быть, мне придется употребить вас. Поди знай...

Голос старика звучал убаюкивающе, словно колыбельная песенка. Я почувствовал, как меня со всех сторон обволакивает приятная дремота. Глянув на Пан Дан Чи, я обнаружил, что он уже крепко спит. В эту самую минуту до меня дошел, наконец, зловещий смысл слов *существа*. С помощью гипноза он хотел заживо похоронить нас! Я попытался освободиться от гипнотических чар. Для этого мне пришлось напрячь всю силу воли. Сколько раз мне ни случалось сталкиваться с марсианами, всегда мой разум оказывался сильнее.

Осознание ужаса происходящего придало мне силы: стоило только представить, что нам предстоит пролежать здесь в течение многих веков, собирая пыль подземелья Хорца, как сразу становилось не по себе. А от перспективы быть съеденным этим маньяком с гнилыми зубами у меня просто волосы встали дыбом!

Я напрягался изо всех сил, стараясь освободиться от опутывавших меня гипнотических чар. Вот еще усилие, и еще одно... Мое тело ослабело и не хотело подчиняться голосу рассудка. От напряжения и отчаяния меня даже

пот прошиб. Я чувствовал, что весь дрожу с головы до ног. Неужели ничего не получится?

Старик, очевидно, понял, что я отчаянно сопротивляюсь, и удвоил свои старания, пытаясь удержать меня в состоянии гипнотического дурмана. Я почти физически ощущал, как его вкрадчивый голос и пристальный взгляд опутывает меня со всех сторон. *Существо* тоже покрылось испариной — таких усилий стоил ему поединок со мной. Неужели он одолеет?

IX

Наконец, я почувствовал, что побеждаю! Я знал, что побеждаю! По всей вероятности, *существо* тоже поняло это, так как вытащило из ножен свой кинжал. Коли ему не удалось погрузить меня в летаргический сон, то он решил убить меня по-настоящему. Я попытался освободиться от последних, уже слабых пут, которыми сковал меня старик с помощью внушения. Надо было потопрапливаться, пока этот маньяк не вонзил в меня кинжал. Мне совсем не хотелось умирать, да и Пан Дан Чи было жалко, ибо он не в состоянии был оказывать никакого сопротивления, так как давно погрузился в глубокий сон.

Рука, сжимающая кинжал, занеслась надо мной. Ужасные глаза безумца свирепо уставились на меня, сверкая адским огнем. И вот тогда, в самый последний момент, я, наконец, победил! Я почувствовал, что совершенно свободен и мои члены снова слушаются меня. Оттолкнув руку с кинжалом, я вскочил на ноги, обнажив добрый длинный меч Хор Кай Лана.

Существо съежилось от страха и завопило во все горло. Это был вопль, взывающий о помощи, но подмоги ждать было неоткуда. Тогда маньяк схватился за свой меч. У меня, первоклассного бойца, не было ни малейшего желания осквернять себя участием в поединке с подобной мразью. Но тут мне вспомнилось, как старик похвалялся, что Пан Дан Чи и я будем спать до тех пор, пока он не разбудит нас или не умрет сам. Только это и заставило меня действовать — я ощущал себя не дуэлянтом, а палачом и освободителем.

Я рубанул со всего размаху, и поганая головенка старика покатилась по каменному полу подземелья Хор-

да. Я поглядел на Пан Дан Чи. Кажется, мой товарищ начал просыпаться. Перевернувшись набок, он потянулся, затем открыл глаза, сел и вопросительно посмотрел на меня. Тут его взгляд остановился на обезглавленном теле и валяющейся на полу голове старика.

— Что произошло? — спросил он.

Только я собрался ему ответить, как все подземелье заполнилось звуками голосов. Они раздавались и в помещении, где мы находились, и в соседних кельях.

Мы быстро огляделись по сторонам. Крышки многих сундуков откидывались, а из тех ящиков, на которых сверху стояли другие, доносились глухие стоны. Откуда ни возьмись появилось множество людей — вооруженные воины в изысканных доспехах, женщины, потирающие спросонья глаза и озирающиеся по сторонам в недоумении.

Из коридора, как ночные бабочки на свет, в нашу келью стекались все новые и новые люди.

— Что все это значит? — громко спросил один из них, высокий здоровяк, облаченный в роскошные одежды. — Как мы оказались здесь? Кто вы такие?

Он огляделся по сторонам, очевидно, совершенно обескураженный стараясь отыскать в толпе хоть одно знакомое лицо.

— Попробую вас просветить, — начал я. — Мы находимся в подземелье Хорца. Я провел здесь лишь несколько часов, но если эта тварь, — я указал на мертвое тело безумца, лежащее на полу, — не врет, то многие из вас были здесь в течение долгих столетий. Вас удерживала гипнотическая сила этого маньяка. С его смертью вы снова обрели жизнь и свободу.

Великан бросил взгляд на отрубленную голову старика.

— Лум Тар О! — воскликнул он. — Он посылал за мной, просил срочно прийти и встретиться с ним по какому-то важному делу. А ты его убил! Тебе придется ответить за это — завтра. Сейчас я должен вернуться к своим гостям.

Лицо и тело человека покрывал густой слой пыли. По этому признаку я понял, что он, должно быть, пробыл в подземелье довольно долго, и внезапно моя догадка подтвердилась весьма драматическим образом.

Проснувшиеся мужчины и женщины выбирались из сундуков, в которые были упрятаны. Некоторым сделать

это оказалось совсем нелегко, потому что сверху на крышках их ящиков покоились другие сундуки. Пустые гробы с грохотом и шумом падали на пол. Отовсюду слышалось бормотание. Люди в недоумении озирались по сторонам, пытаясь понять, где находятся.

Из одного ящика выбрался покрытый слоем вековой пыли дворянин. Внезапно он и великан, с которым я только что разговаривал, узнали друг друга.

— Что с тобой случилось? — обратился к нему последний. — Ты весь покрыт пылью. Как ты очутился здесь? Пошли! Мне нужно скорее возвращаться к своим гостям!

Его собеседник в изумлении покачал головой.

— К гостям, говоришь, Кам Хан Тор! — воскликнул он. — Ты что, думаешь, гости будут двадцать лет дожидаться твоего возвращения?

— Двадцать лет? Не понимаю, о чем ты говоришь!

— Я был в числе твоих гостей ровно двадцать лет тому назад. Ты исчез в самый разгар пира и не вернулся.

— Двадцать лет тому назад! Ты что, спятил?! — не поверил Кам Хан Тор.

Он удивленно поглядел на меня, потом на отрубленную голову старика. Кажется, до него начинало потихоньку доходить, что он попал в какую-то загадочную историю. От меня не укрылась эта перемена в его состоянии.

Тем временем приятель великана ощупал свое лицо и обнаружил, что оно сплошь покрыто пылью.

— Послушай, да и ты весь в пыли, — сказал он, приглядываясь к Кам Хан Тору.

Кам Хан Тор бросил взгляд на свою одежду и доспехи, затем отер лицо и посмотрел на ладонь.

— Двадцать лет! — повторил он и опять глянул на голову Лум Тар О. — Ах, ты, мерзавец! — не выдержав, выругался он. — Я был твоим другом, а ты совершил такую подлость.

Великан повернулся ко мне.

— Прости меня, дружище. Я сам не понимал, что говорил. Кем бы ты ни был, позволь заверить тебя, что всегда можешь на меня положиться.

Я кивнул в ответ.

— Двадцать лет! — продолжал переживать Кам Хан Тор, словно все еще не веря в случившееся. — Мой корабль! Он должен был покинуть порт Хорца на следу-

ющий день после пира. Это самый большой корабль из всех, что когда-либо строились. Теперь он безнадежно устарел, а я его так и не увидел. Скажи, как он плавает? Это, действительно, стоящая посудина!?

— Я видел, как твой корабль отплывал по Троксеусу, — откликнулся его знакомый. — Это, правда, отличное судно, но оно так и не вернулось из своего первого плавания. Никто о нем больше ничего не слышал. Скорее всего, корабль затонул вместе со всей командой.

Кам Хан Тор печально покачал головой, а затем выпрямился и расправил плечи.

— Я построю новый корабль, — произнес он решительно. — Это будет еще более мощное судно, которое станет бороздить воды всех морей и океанов Барсума.

Теперь, наконец, и я начал понимать, что происходит. Конечно, догадки у меня были и раньше, но я просто не мог в них поверить. Слишком уж невероятным и поразительным казалось все это. Я стоял и разговаривал с людьми, жившими сотни и тысячи лет тому назад, когда Троксеус и четыре других великих океана древнего Марса еще не высохли, когда огромные торговые корабли сновали по их водам, когда процветали ремесла, искусство и торговля — все то, чем славились представители расы белых, светловолосых людей, исчезнувшей с планеты много столетий тому назад.

Я подошел поближе к Кам Хан Тору и положил руку ему на плечо. Мужчины и женщины, освободившиеся от колдовских чар Лум Тар О, столпились вокруг нас и жадно прислушивались к разговору.

— Мне не хочется огорчать вас, Кам Хан Тор, — промолвил я, — но вы не сможете больше строить корабли. Вообще ни одно судно не поплывет больше по водам Троксеуса.

— Что такое ты говоришь? — удивился он. — Кто может помешать Кам Хан Тору, брату джедака, строить корабли и плавать по Троксеусу?

— Троксеуса больше не существует, — сказал я.

— Троксеуса не существует?! Ха-ха! Да ты, приятель, верно, лишился рассудка!

— Вы провели в подземелье Хорца долгие столетия, — пояснил я. — За это время все пять великих океанов Барсума высохли. Их больше нет. Нет больше торговли. Раса, к которой вы принадлежали, практически исчезла с лица планеты.

— Парень, ты спятил! — отшатнувшись от меня, как от прокаженного, закричал он.

— Известно ли вам, как выбраться из этого подземелья? — спросил я, прекращая бессмысленную дискуссию. — Чтобы выйти в город, но только не через... — Я собирался сказать о крепости, но вовремя вспомнил, что никакой крепости не существовало в ту пору, когда эти люди оказались погребены здесь заживо, и остановился.

— Ты хочешь сказать, не через мой дворец? — переспросил Кам Хан Тор.

— Вот именно, — подтвердил я. — Не через дворец, а прямо к набережной. Там ты увидишь собственными глазами, что Троксеуса больше не существует.

— Ну, конечно, я знаю все ходы и выходы в этом подземелье, — заявил он, — ведь оно строилось по моему проекту.

— Тогда пошли! — сказал я.

Его знакомый продолжал неподвижно стоять, устремив взгляд на отрубленную голову Лум Тар О.

— Если этот человек говорит правду, — обратился он к Кам Хан Тору, — то Лум Тар О прожил несколько столетий. Как же это ему удалось? Как, черт побери, мы все выжили?

— Жизнедеятельность вашего организма была приостановлена, а сами вы погружены в летаргический сон, — пояснил я. — А вот что касается Лум Тар О, то это и для меня самая загадка.

— Может, никакой загадки тут и нет, — заметил мужчина. — Я хорошо знал Лум Тар О. Это был хилый и трусливый малый. Он люто ненавидел всех сильных и смелых людей и мечтал о том, чтобы как-нибудь им напакостить. Его единственным другом был Ли Ум Ло, самый искусный мастер бальзамирования из всех, когда-либо существовавших на свете. Когда Лум Тар О умер, Ли Ум Ло забальзамировал его тело. Очевидно, он сделал это столь мастерски, что Лум Тар О, став трупом, так и не ощутил собственной смерти и продолжал жить дальше. Вот и объяснение того, почему это создание сохранилось в продолжение несметного количества лет, будучи уже не человеком, не живым существом, а живым трупом, зловещий ум которого продолжал функционировать.

Когда воин заканчивал свой рассказ, у входа в келью

началась какая-то суматоха. В помещение ворвался огромный и почти совершенно голый человек. По всему было видно, что он очень рассержен.

— Что здесь творится? — закричал он. — Как я оказался здесь? Кто утащил мою портупею и оружие?

В этот самый момент я узнал его. Разумеется, передо мной стоял Хор Кай Лан, у которого я позаимствовал пояс, кинжал и мечи. Воин, яростно расталкивал всех, пробираясь сквозь толпу. Тут его взгляд остановился на мне. Он сразу узнал свои вещи.

— Ах, ты ворюга! — рывкнул он. — Немедленно верни мне мое оружие, негодяй!

— Извини, приятель, — невозмутимо ответил я, — но пока ты не достанешь мне другое, я вынужден буду пользоваться твоим.

— Мерзавец! — уже почти вопил он. — Да известно ли тебе, с кем ты разговариваешь?! Знаешь ли ты, что перед тобой стоит Хор Кай Лан, брат самого джедака?!

Кам Хан Тор в изумлении посмотрел на крикуна.

— Ты умер пятьсот лет тому назад, Хор Кай Лан, — воскликнул он, — так же, как и твой брат. Мой брат стал джедаком в 27М382И4 году.

— Вы все мертвы уже много столетий, — вмешался Пан Дан Чи. — Даже этим летоисчислением в Хорце давным-давно никто не пользуется.

При этих словах моего приятеля Хор Кай Лан буквально взорвался от негодования.

— Ты еще кто такой? Тебя нужно арестовать — и немедленно. Я сажаю тебя под арест. Эй, стража!

Кам Хан Тору с большим трудом удалось немного уговорить его. В конце концов, этот буян согласился присоединиться к нам и отправиться на набережную, чтобы собственными глазами увидеть, существует Троксеус или нет. Там-то и выяснится, говорю ли я им правду. Я прекрасно понимал, что никому из оживших «покойников» не хотелось верить в мои слова, в то, что мир столь разительно изменился за время, проведенное ими в подземелье.

Ведомые Кам Хан Тором, мы уже двинулись в путь по лабиринту, как вдруг я заметил, что крышка еще одного сундука начала медленно подниматься. Из образовавшейся щели на меня уставились чьи-то глаза, а в

следующий момент раздался пронзительный девичий крик:

— Джон Картер, Принц Гелиума! Клянусь прародителями, что это именно он!

Х

Даже если бы мой прародитель в самом деле внезапно предстал перед моими глазами, я был бы, пожалуй, менее удивлен, чем сейчас, услышав свое имя из одного из сундуков в подземелье Хорца.

Я кинулся в ту сторону, откуда донесся возглас. Через мгновенье крышка сундука была откинута, и из него выскочила девушка. Право слово, встреча с прародителем поразила бы меня куда меньше, ибо передо мной стояла Лана из Гатола собственной персоной!

— Лана! — воскликнул я, все еще не веря своим глазам. — Что ты здесь делаешь?

— Тот же самый вопрос я могла бы задать и тебе, мой достопочтенный родственник, — отрезала она, демонстрируя полное отсутствие уважения к моему преклонному возрасту. Господи, как она все-таки похожа на меня характером! Это сказывалось во всем ее поведении.

Тут к нам подошел Пан Дан Чи и буквально застыл на месте, разинув рот и в изумлении вытаращив глаза, когда увидел девушку.

— Лана из Гатола! — прошептал он благоговейно, будто произнося имя богини.

Присутствующие в недоумении наблюдали за этой сценой.

— Это еще кто такой? — спросила у меня Лана из Гатола.

— Это мой друг, Пан Дан Чи, — пояснил я.

Пан Дан Чи между тем отстегнул свой меч и положил его перед ногами Ланы — жест, распространенный на Барсуме и довольно сложно объяснимый с точки зрения земного этикета. Это не совсем признание в любви и даже не свадебное предложение. В сущности, это нечто гораздо более значительное и священное. Такой жест означает, что воин обязуется до конца своих дней беззаветно служить тому, к чьим ногам он возложил свое оружие. Этим избранником может быть как мужчи-

на, так и женщина. В обоих случаях жест воина является пожизненной клятвой верности. Если клятва эта дается женщине, то вполне возможно, что у воина на уме и более далеко идущие планы. Во всяком случае, я не сомневался, что у Пан Дан Чи таковые имелись.

— Как, однако ж, проворен твой приятель,— с улыбкой заметила Лана из Гатола.— Просто удивительно.

Тем не менее, наклонившись, она подняла меч и протянула его обратно Пан Дан Чи *рукояткой вперед!* Это означало, что она польщена и принимает его предложение. Если бы девушка хотела просто проигнорировать принесенную ей клятву, она бы вовсе не притронулась к оружию, оставив его лежать на прежнем месте. Наконец, протяни она меч обратно клинком вперед, это означало бы презрительный отказ. Подобный жест знаменует собой смертельное оскорбление. Я порадовался тому, что Лана из Гатола вернула Пан Дан Чи меч рукояткой вперед, а не клинком, ибо в последнем случае я как ближайший из родственников девушки мужского пола, должен был бы немедленно сразиться с Пан Дан Чи. А мне уже приходилось говорить вам, читатель, что этот парень был мне симпатичен, и никакого желания убивать его я не испытывал.

— Ладно,— вмешался Кам Хан Тор, который, видимо, решил, что сцена выяснения отношений чересчур затянулась.— Все это весьма любопытно и трогательно, но, быть может, мы отложим личные дела и отправимся на набережную, как собирались?

Пан Дан Чи, удовлетворенно вскинув голову, взялся за рукоятку своего меча. Чтобы предупредить возможные безрассудные действия моего приятеля в дальнейшем (а его мысли сейчас явно были поглощены только Ланой), я подтвердил, что Кам Хан Тор совершенно прав, заметив, что наши личные дела могут и подождать, а сейчас надлежит поскорее отправиться к океану, судьба которого так беспокоит всех обитателей подземелья. Как ни был возбужден Пан Дан Чи, он вынужден был со мной согласиться, и мы двинулись вперед по лабиринту к выходу на набережную древнего Хорца.

Лана из Гатола шла рядом со мною.

— Может, теперь ты, наконец, расскажешь мне,— обратился я к ней,— как тебя угораздило попасть в подземелье?

— С тех пор, как ты посетил королевство Окар на

далеком севере, — начала она, — прошло много лет. Талу, мятежный принц, которого ты посадил на трон Окара, почти сразу вслед за этим прибыл в Гелиум. После этого, насколько мне известно, никаких отношений между Окаром и остальными государствами Барсума не было.

— Какое все это имеет отношение к тому, что ты оказалась в подземелье Хорца? — нетерпеливо оборвал ее я.

— погоди! — сказала девушка. — Я как раз подхожу к этому. Как ты помнишь, считалось, будто территория возле Северного полюса заселена очень слабо и обитают там в основном чернородые представители желтой расы.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Вот и нет, — возразила Лана из Гатола. — Оказалось, что довольно значительные земли на некотором расстоянии от Окара занимают представители красной расы. Меня до сих пор поражает, что когда ты там был, даже сами жители Окара ничего не знали о своих соседях.

Недавно при дворе моего отца, Гахана из Гатола, появился странный краснокожий человек. Он был и похож на нас, и непохож. Прибыл он на каком-то древнем корабле, устаревшем во всех отношениях — отец сказал, что этой колымаге, должно быть, несколько сотен лет. Его сопровождала сотня воинов. Таких доспехов и оружия, какие были у них, нам видывать раньше не приходилось. Нежданные гости производили впечатление довольно воинственных и жестоких людей, но поскольку они прибыли с миром, то и приняли их по-доброму.

Вождя воинов звали Хин Абтол, и он сразу показался мне напыщенным хвастунишкой. К тому же этот тип был совершенно невоспитан и груб, как последний простолудин. Однако, так как он был нашим гостем, ему были оказаны все надлежащие почести и уважение. Сам он именовал себя джеддаком джеддаков Севера, на что мой отец заметил, что, кажется, этот титул принадлежит Талу.

— Принадлежал, — возразил Хин Абтол, — но я завоевал его страну и превратил принца в своего вассала. Теперь я являюсь джеддаком джеддаков Севера. В наших землях очень холодно и угрюмо. Надо перебираться южнее. Я как раз собираюсь подыскать подходящие

территории, на которых мои люди, поселившись, могли бы благоденствовать и ни в чем не знать нужды.

Мой отец заметил ему, что все пахотные земли уже заселены, что они на протяжении многих веков принадлежат людям других наций.

Хин Абтол в ответ лишь надменно пожал плечами.

— Когда я найду то, что хочу, — сказал он, — я завоюю эти земли и покорю их обитателей. Я, Хин Абтол, возьму все, что пожелаю, на Барсуме. К тому же мне известно, что эти народы, в отличие от нас, крепких и воинственных панаров, слабы и не способны оказать сопротивление. Наша же раса — раса настоящих бойцов, а кроме того на службе у меня состоит бесчисленное количество наемных воинов. Стоит мне только захотеть, и я покорю весь Барсум!

Подобные речи, естественно, вызвали у моего отца отвращение, однако он сдержал себя, помня о законах гостеприимства. Что касается Хин Абтола, то он, вероятно, решил, будто отец до смерти испугался его слов. Люди такого склада часто принимают вежливость за проявление слабости. Как-то раз он заявил моему отцу буквально следующее:

— Тебе крупно повезло, что Хин Абтол — твой друг. Я, быть может, вскоре завоюю все государства на Барсуме, но тебя, так и быть, оставлю на троне. Возможно, я обложу твою страну небольшой данью, но, в общем, тебе ничего не грозит. В случае чего, Хин Абтол защитит тебя.

Просто диву даюсь, как отец снес подобную наглость. Я, например, узнав об этом бесстыдном заявлении, пришла в совершенное негодование. Дюжину раз я оскорбляла этого типа, но он до такой степени туп и самовлюблен, что даже не заметил этого или не понял. Наконец, он сообщил отцу, что тому выпала высокая честь, так как он, Хин Абтол, собирается взять его дочь, то бишь меня, Лану из Гатола, себе в жены. Это была последняя капля, переполнившая чашу моего терпения.

— Я не могу обсуждать с вами этот вопрос, — ответил ему мой отец. — Дочь Гахана из Гатола сама выберет себе спутника жизни.

Хин Абтол рассмеялся в ответ.

— Хин Абтол, — нагло заявил он, — сам выбирает себе жен, так что обсуждать здесь, в самом деле, нечего.

Я, по мере возможности, старалась держаться от

этого типа подальше, поскольку не только общение с ним, но и весь его вид вызывали у меня омерзение. В конце концов, я решила отправиться в Гелиум и навесить тебя и Дею Торис. Отец посоветовал мне воспользоваться небольшим быстроходным кораблём, взяв с собой двадцать пять самых верных людей из моей личной охраны.

Едва лишь Хин Абтол узнал о моем предстоящем отъезде, как тоже стал поспешно собираться в дорогу — ему будто бы пора возвращаться на родину.

— Но я обязательно приеду за тобой, — заверил он меня и добавил многозначительно, — надеюсь, мы поладим. В противном случае, я не завидую Гатолу. Он наживет себе сильного и опасного врага в лице панара Хин Абтола, джеддака джеддаков Севера.

Он покинул наш двор за день до моего отъезда, но это не заставило меня отказаться от своих планов, тем более, что я уже довольно давно собиралась предпринять путешествие в Гелиум.

Не успел наш аэроплан взлететь и взять курс на Гелиум, как из-за леса неожиданно поднялся и направился нам навстречу какой-то корабль. Он медленно приближался, и вскоре я узнала его. Это был корабль Хин Абтола, панара, так называемого джеддака джеддаков Севера.

Когда панары подлетели совсем близко, они окликнули нас. Командир их корабля сообщил, будто у них испортился запас и они сбились с пути. Он попросил разрешения встать борт о борт с нашим аэропланом, чтобы справиться по нашим картам о направлении дальнейшего следования. Может быть, добавил он, вы можете починить наш компас.

В подобных обстоятельствах ничего не оставалось делать, как удовлетворить эту просьбу, ибо какой порядочный человек не окажет помощи попавшему в беду? Поскольку мне совсем не хотелось снова встречаться с Хин Абтолом, я спустилась в свою каюту.

Наши корабли сблизились, а в следующее мгновение я услышала яростные крики и проклятия. По звукам, доносившимся с верхней палубы, я догадалась, что там завязалась ожесточенная битва.

Я тут же помчалась наверх. Увидев, что там происходит, я не смогла сдержать негодования. Почти сотня воинов перелезла с развалюхи Хин Абтола на борт

нашего корабля. Они действовали с такой жестокостью, что даже кровожадные и беспощадные зеленые люди не могут идти ни в какое сравнение с ними. Эти звери нарушали все общепринятые в цивилизованном мире правила ведения войны. Силы панаров вчетверо превосходили наши, и шансов на победу мы не имели никаких. Однако, должна заметить, что воины Гатола сражались отчаянно и доблестно. Немало вражеских солдат полегло в этой схватке. Думаю, Хин Абтол потерял, по крайней мере, половину своих головорезов, прежде чем им удалось уничтожить моих храбрецов.

Вслед за этим панары побросали за борт убитых, а также и раненых — они не щадили никого. Из моей охраны не уцелел ни один человек.

Наконец, на борту моего корабля с важным видом появился Хин Абтол собственной персоной.

— Я ведь предупреждал тебя, — нахально заявил он, — что Хин Абтол сам выбирает себе жен. Напрасно ты не поверила моим словам, тебе же было бы лучше.

— Лучше было бы для тебя, — ответила я, не в силах сдержать охватившую меня ярость, — если бы ты никогда ничего не знал о Лане из Гатола. Можешь не сомневаться: моя смерть не останется неотомщенной.

— Я вовсе не собираюсь тебя убивать, — сказал он.

— Я лучше убью себя сама, — отрезала я, — чем соглашусь стать женой такого мерзавца, как ты.

Мой ответ так разозлил его, что он принялся наносить мне удары.

— Ты еще и труслив, как поганая крыса, — сказала я. — Смелости у тебя хватает лишь на то, чтобы ударить беззащитную женщину.

Кажется, эти слова немного отрезвили его. Прекратив побои, он приказал мне спуститься вниз. Уже находясь в своей каюте, я почувствовала, что корабль снова лег на курс. Выглянув в иллюминатор, я поняла, что он держит путь на север — в холодные и неприветливые земли панаров.

XI

Ранним утром следующего дня в мою каюту вошел воин.

— Хин Абтол приказал, чтобы вы немедленно поднялись наверх, — сказал он.

— Что ему от меня нужно? — спросила я.

— Наш штурман никак не может разобраться в этом корабле и приборах, — ответил парень. — Он хочет задать вам несколько вопросов.

Я начала быстро соображать, как поступить. Окажись я возле приборов и рычагов управления, которые я знала столь же хорошо, как знают лицо любимого человека, мне, возможно, удалось бы расстроить все планы Хин Абтола. Рассудив так, я без пререканий последовала за воином.

Когда я вошла в штурманскую, Хин Абтол вместе с тремя своими офицерами находился там. Вид у него был мрачный.

— Мы сбились с курса, — объявил он мне, — и ночью потеряли из виду свой корабль. Тебе придется объяснить моим офицерам, как пользоваться этими дурацкими приборами, а то они совсем растерялись.

С этими словами он, мрачно насупившись, вышел вон.

Я внимательно поглядела по сторонам. Корабля панаров действительно нигде не было видно. В моей голове уже созрел план действий. Если бы другой корабль находился в зоне видимости, из моей задумки, скорее всего, ничего бы не получилось. Вообще-то особого выбора у меня не было. Я твердо знала, что если этот аэроплан, на котором меня держат в качестве пленницы, когда-нибудь долетит до Панары, то мне придется наложить на себя руки, дабы избежать участи гораздо худшей, нежели смерть. Если корабль приземлится в этих незнакомых местах, я, конечно, тоже могу погибнуть, но все-таки немало шансов и спастись.

— Что неисправно? — поинтересовалась я у одного из офицеров.

— Да все, — уныло отозвался он. — Вот это что за штуковина?

— Это компас, — пояснила я. — Но что же вы с ним сделали? Он весь разломан!

— Хин Абтол никак не мог понять, для чего предназначен этот прибор. Это разозлило его, и он попытался его разобрать, чтобы поглядеть, что находится внутри.

— В этом ваш хозяин преуспел, — съязвила я. — Теперь тебе или кому-то из вас придется собрать его снова.

— Но мы не умеем,— понутив голову, ответил он.— Может быть, вы знаете, как это сделать?

— Разумеется, нет.

— Что же делать?

— Тут есть еще один, более простой компас,— сказала я.— Будете ориентироваться по нему. Но прежде всего дайте-ка мне посмотреть, что еще вы успели здесь натворить.

Я сделала вид, что тщательнейшим образом изучаю остальные приборы и рычаги, а сама тем временем незаметно открыла клапаны, зная, что в таком состоянии корабль недолго продержится в воздухе. При этом я постараюсь, чтобы панары, даже если и разгадают мою уловку, исправить ничего не смогли.

— Ну, вот, кажется, теперь все в порядке,— объявила, наконец я.— Держите курс на север по этому компасу, а к тому больше не прикасайтесь.

Мне очень хотелось прибавить еще, что скоро им не понадобится вообще никакой компас, но я удержалась и отправилась назад, в свою каюту.

Я знала, что вот-вот корабль выйдет из строя, и с нетерпением поджидала этот момент. Через иллюминатор я видела, что мы стремительно теряем высоту. Вскоре в моей каюте появился еще один воин, сказавший, что меня опять вызывают наверх, в штурманскую.

Там, как и в прошлый раз, я столкнулась с Хин Абтолом.

— Мы падаем,— мрачно сообщил он мне, едва я вошла.

Это было настолько очевидно, что он мог бы и не утруждать себя пояснениями.

— Я уже успела обратить на это внимание,— иронически ухмыльнувшись, отозвалась я.

— Ну, так сделай же что-нибудь! — заорал он.— Ты ведь, наверняка, хорошо знаешь этот корабль!

— Мне казалось, что человек, который собрался покорить весь Барсум, должен бы уметь управлять кораблем и без помощи женщины,— ехидно произнесла я.

Он аж весь вспыхнул от злости и выхватил свой меч.

— Тебе придется сказать нам, в чем дело,— прорычал он,— не то я изрублю тебя на части.

— Ты по обыкновению ведешь себя как истинный

джентльмен,— спокойно ответила я.— Впрочем, я объясню, в чем дело, и без твоих угроз.

— Ну, так что же случилось? — с беспокойством спросил он.

Я огляделась, сделав вид, будто проверяю состояние приборов.

— Пока твои придурки крутились здесь, их как-то угораздило открыть клапаны. Единственное, что можно попробовать сделать сейчас — закрыть их снова. Корабль перестанет терять высоту, но и подняться больше уже не сможет.

— Где эти паршивые клапаны? — заскрежетал зубами Хин Абтол.

Я показала ему.

Они бросились закрывать клапаны, но я так крепко заклинила их, что ничего исправить было невозможно. Сопя и кряхтя, они провозились несколько минут, так ничего и не сделав. Корабль между тем продолжал опускаться все ниже и ниже.

Хин Абтол места себе не находил от бешенства. То же самое происходило и с его офицерами, бессмысленно метавшимися по штурманской. Представляю, каково было им — проведшим большую часть своей жизни в теплых домах возле Северного полюса, не имеющим никаких, даже самых мизерных знаний ни об остальном мире, ни о других людях, ни о животных, оказавшимся под угрозой навсегда остаться здесь, за тысячи миль от родной страны... Я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Тут я увидела вдали башни города. Хин Абтол тоже заметил их.

— Какой-то город,— сказал он.— Нам повезло. Хин Абтолу всегда везет. Там, наверняка, найдутся механики, которые смогут починить этот корабль. Мы летим туда.

Как бы не так, подумала я про себя. Окажись ты тут миллион лет назад, ты бы нашел механиков. Починить аэроплан они бы едва ли сумели, поскольку в те времена подобных машин еще не изобрели, но вместо этого тебе бы построили вполне надежную посудину, на которой можно было бы проплыть по всем пяти океанам древнего Барсума. Вслух, однако, я ничего этого не сказала. Пускай Хин Абтол сам выпутывается, как умеет.

Видно, джеддак джеддаков Севера и в географии не

слишком силен. Мне тоже никогда прежде не доводилось бывать в Хорце, но я сразу поняла, что силуэты башен, возникшие вдалеке, могут означать только Хорц, давно вымерший город. Я предвкушала, какое разочарование испытывает Хин Абтол, когда узнает, что сделал такой большой и бессмысленный крюк.

— Ты мстительная маленькая мошенница,— заметил я, обращаясь к Лане.

— Может, ты и прав,— с неожиданной покорностью согласилась девушка.— Но разве в данном случае ты будешь меня порицать?

Разумеется, я тут же заверил ее в обратном.

— Продолжай,— попросил я,— рассказывай, что было с вами дальше.

— Этим проклятым подземельям никогда не будет конца! — в сердцах воскликнул шедший впереди нас Кам Хан Тор.

— Вы же должны знать дорогу,— заметил Пан Дан Чи.— Не вы ли только что заявили, что этот лабиринт сооружен по вашему собственному проекту?

— Да ты просто наглец,— огрызнулся в ответ Кам Хан Тор.— Тебя следует наказать.

— Ты сам был покойником миллион лет,— съязвил Пан Дан Чи.— Так что лежи спокойно.

Кам Хан Тор схватился за меч. Он очень разозлился, и я, в общем-то, понимал его состояние, однако у нас не было лишнего времени, чтобы развлекаться созерцанием очередного поединка.

— Угломонитесь! — урезонил я спорщиков.— У нас есть дела поважнее, чем выяснение отношений друг с другом. Пан Дан Чи немного погорячился. Сейчас он принесет вам свои извинения.

Пан Дан Чи бросил на меня удивленный и явно неодобрительный взгляд, но тем не менее вложил свой меч обратно в ножны.

— Я готов исполнить все, что прикажет мне Джон Картер, Принц Гелиума, Бог войны Барсума,— покорно произнес он.— Кам Хан Тор, я приношу вам свои извинения.

Кам Хан Тор снисходительно принял их, а я попросил Лану из Гатола продолжить рассказ о своих приключениях.

— Наш корабль вполне благополучно приземлился возле Хорца, что было даже удивительно с такими

тупицами у пульта управления,— начала она.— Хин Абтол долго раздумывал, взять ли ему с собой на вылазку в город всех воинов или оставить несколько человек охраны на борту. В конце концов, он рассудил, что на всякий случай им лучше держаться всем вместе — поди знай, может у городских ворот их встретят враждебно. Судя по его словам, он всерьез полагал, будто двадцать пять панаров в состоянии захватить любой город на Барсуме.

— Я подожду на корабле,— заявила я.— Мне совершенно ни к чему идти с вами в город.

— Ну, да,— усмехнулся Хин Абтол,— а когда мы вернемся, то обнаружим, что тебя и след давно простыл. Ты, конечно, хитрая бестия, да только я намного хитрей. Тебе придется пойти вместе с нами.

Итак, мне пришлось топтать с этой компанией в Хорц. Дорога оказалась долгой и утомительной. Когда мы, наконец, приблизились, Хин Абтол с удивлением обратил внимание на то, что не заметно никаких признаков жизни — ни дымков над крышами, ни движения на улице, протянувшейся вдоль долины, к которой был обращен город и по которой мы сейчас шли.

Мы не успели добраться до этой улицы, как до Хин Абтола, наконец, дошло, что город пуст и необитаем. Хотя, как вскоре выяснилось, и не совсем.

Когда мы двинулись по главной улице, из одного здания, расположенного на ней, неожиданно выскочила дюжина зеленых воинов и набросилась на панаров. Будь там ты, Джон Картер, и пара твоих бойцов, получилась бы славная сеча! Ты-то знаешь, как расправляться с зелеными. Но панары оказались совершенными неумехами, несмотря на то, что все преимущества были на их стороне. Начнем хотя бы с того, что они превосходили неприятеля численностью, однако дикость и свирепость натиска зеленых громил совершенно ошеломила и парализовала их.

Мне не пришлось долго наблюдать за ходом битвы, да и удовольствие это было сомнительное. Соперники, увлеченные схваткой, не обращали на меня ни малейшего внимания. Мне это было только на руку, и, естественно, при первой же возможности я попыталась улизнуть. Последнее, что я успела увидеть, как Хин Абтол во всю прыть удирает с поля боя по направлению к долине, а остатки его воинства еле поспевают вслед за ним. Надо

отдать должное панарам: хоть драться они и не умеют, зато бегают превосходно.

ХП

— Я знала, что зеленые воины обязательно вернутся к своим лошадям, и потому первым делом поспешила спрятаться,— продолжала свой рассказ Лана из Гатола.— Заметив поблизости какой-то ход, я, не раздумывая, шмыгнула в него. Он вел вниз, в подземелье под городом. Заходить далеко я не собиралась: мне нужно было только, чтобы зеленые, если они вдруг пустятся на поиски, не обнаружили меня. А в том, что такая мысль у них появится, я почти не сомневалась: они никогда не упускают случая захватить в плен краснокожую женщину, чтобы затем замучить ее или сделать рабыней.

Не успела я сделать несколько шагов по длинному коридору, как заметила далеко впереди тусклый свет. Поскольку мне не хотелось оказаться обложенной врагами и спереди, и сзади, я решила выяснить, в чем дело и кто еще находится в подземелье. Я осторожно двинулась по коридору в том направлении, откуда лился свет, и тут же поняла, что неизвестный с факелом уходит все дальше и дальше в глубь подземелья. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. В конце концов, я оказалась возле мрачного помещения, почти сплошь заставленного какими-то сундуками.

Когда я увидела человека, разгуливающего с факелом по подземелью, у меня даже дух перехватило — настолько это было отвратительное существо.

— Это был Лум Тар О,— заметил я.— Я его убил.

— Да, наверное,— согласилась Лана из Гатола.— Несколько минут я наблюдала за ним, недоумевая, что это за странный тип. Помещение освещалось факелом, который незнакомец держал в руке. Внезапно что-то как будто насторожило его. Некоторое время он напряженно прислушивался, а затем выскользнул из комнаты, двигаясь бесшумно, словно тень или призрак.

— Видимо, именно тогда он в первый раз услышал наши с Пан Дан Чи шаги,— предположил я.

— Вероятно,— произнесла девушка.— Как бы там ни было, я осталась в помещении одна. Поверни я назад,

как тут же окажусь в руках зеленых воинов. Последуй за этим чудовищем в глубь подземелья — и, наверняка, попаду в какую-нибудь скверную историю. Мне оставалось одно — где-нибудь спрятаться понадежнее и отсидеться до тех пор, пока можно будет, не опасаясь, выйти из подземелья тем самым путем, каким я в него попала.

Сундуки выглядели очень соблазнительно. Лучшее укрытие трудно было найти. По чистой случайности, первый же, крышку которого я открыла, оказался совершенно пустым. Я забралась в него и опустила крышку. Остальное тебе известно.

— Кажется, мы, наконец-то, выходим из подземелья,— облегченно промолвил я, заметив дневной свет в конце коридора.

— Через несколько минут,— довольно произнес в ответ Кам Хан Тор,— мы будем любоваться водной гладью Троксеуса.

Я только покачал головой.

— Боюсь, вас ждет глубокое разочарование,— сказал я в ответ.

— Что за дурацкие шутки вы и наш приятель играете со мной? — опять вспылил Кам Хан Тор.— Только вчера я своими глазами видел корабли, стоявшие на якоре возле набережной. Неужели я похож на такого идиота, чтобы поверить, будто океан, который еще вчера был на месте, который находится здесь испокон веков, сегодня бесследно исчез? Океаны не исчезают за одну ночь, приятель!

Его соотечественники, доблестные воины и прелестные женщины, услышав это заявление, откликнулись на него сдержанными возгласами одобрения. Они никак не могли заставить себя поверить в то, во что верить им никак не хотелось и что они воспринимали почти как личное оскорбление.

Я нисколько не обижался на их недоверчивость. Попробуйте поставить себя на место этих людей, дорогой читатель. Положим, вы живете в Сан-Франциско. В один прекрасный вечер вы отправляетесь спать, а наутро, когда вы открываете глаза, какой-то совершенно незнакомый вам и невесть откуда взявшийся человек сообщает, к примеру, что Тихий океан весь высох и вы можете отправиться в Гонолулу или на Филиппины пешком. Уверен, вы тоже не поверите этому человеку.

Когда мы, наконец, вышли на широкую улицу, веду-

щую к тому месту, где когда-то плескались воды океана у подножья древнего Хорца, вся эта компания изысканно разодетых женщин и мужчин в неопишемом изумлении принялась озираться по сторонам, оглядывая развалины того, что некогда было величественным городом.

— Где же все люди? Куда они подевались? — недоуменно воскликнул один из них. — Почему улица джедаков пуста? Виданное ли это дело?!

— А поглядите на дворец джедака! — подхватил второй. — Возле него нет охраны!

— Ни души! — вздохнула какая-то женщина, чуть не плача.

Приумолкнув и ускорив шаги, они двинулись по набережной дальше. Внезапно вся процессия остановилась снова, разинув от изумления рты — перед ними расстиралось высохшее дно исчезнувшего океана. Как описать их состояние: ведь эти люди пребывали в полной уверенности, что не далее, как вчера, на этом самом месте плескались воды великого Троксеуса. Где теперь океан?

Воцарилось тягостное молчание. Люди были настолько поражены, что не могли поверить собственным глазам. Мое сердце переполнялось состраданием к несчастным жителям древнего Хорца. Но чем я мог им помочь? Чем утешить?

— Океан исчез, — наконец, придя в себя, еле слышно прошептал Кам Хан Тор.

Женщина всхлинула. Один из воинов выхватил кинжал и вонзил себе прямо в сердце.

— И все люди исчезли, — продолжал свой мартиролог Кам Хан Тор. — Весь наш мир исчез.

Они продолжали стоять, как вкопанные, на одном месте, озирая мертвый, пустой город, который, по их глубокому убеждению, еще вчера бурлил жизнью, был полон молодости и энергии.

И вот тут-то начали твориться удивительные вещи. Прямо у меня на глазах Кам Хан Тор начал съеживаться и, в конце концов, рассыпался, превратившись в прах. Он в буквальном смысле слова растаял в воздухе вместе со всем, что было на нем надето. Лишь его оружие зазвенело, как похоронный колокол, упав на мостовую рядом с маленькой горсткой праха, в которую превратился Кам Хан Тор, брат могущественного джедака.

Лана из Гатола прижалась ко мне и схватила меня за руку.

— Какой ужас! — испугавшись не на шутку, прошептала она. — Погляди! Погляди на остальных!

Я оглянулся. Обитатели древнего Хорца один за другим превращались в прах, из которого только что восстали.

— В течение долгих веков, пока эти люди лежали в подземелье Хорца, — сказал Пан Дан Чи, — они медленно разлагались. Только благодаря колдовской силе Лум Тар О удавалось поддерживать в них видимость жизни. Как только воздействие его чар прекратилось, разрушение пошло стремительными темпами.

— Пожалуй, это разумное объяснение, — согласился я. — Оно и к лучшему, что так все случилось, поскольку эти люди никогда бы не смогли быть счастливы на нынешнем Барсуме — в умирающем мире, столь разительно непохожем на их величественный мир, находившийся на вершине своего расцвета, с его пятью океанами, огромными городами, довольными, процветающими людьми, которые, если нас не обманывают истории, в конце концов, смели с лица планеты всех поджигателей войны и установили мир повсеместно, от одного полюса до другого.

— Да, ты прав, — поддакнула Лана из Гатола. — Им уже не видать счастья. Ты обратил внимание, какая у них всех привлекательная внешность? Цвет кожи у них, как и у тебя, Джон Картер, белый. Судя по светлым волосам, все они вполне могли бы сойти за землян.

— На Земле, действительно, много блондинов, — подтвердил я. — Может быть, через несколько столетий, когда между представителями всех рас, обитающих на Земле, станут заключаться браки, у нас появится и раса красных людей, как на Барсуме. Кто знает?

Пан Дан Чи стоял рядом, бросая полные обожания взгляды на Лану из Гатола. Он настолько явно демонстрировал обуревавшие его чувства, что это выходило за рамки всех приличий. Я заметил, что Лане, которой, как и всякой женщине, льстило восторженное внимание поклонника, это стало слегка надоедать.

— Пошли, — вмешался я. — Что толку стоять здесь? Мой аэроплан находится неподалеку. Втроем мы вполне благополучно на нем долетим. Ты ведь полетишь с нами, Пан Дан Чи? Могу заверить тебя, что ты будешь радушно принят в Гелиуме и получишь какой-нибудь чин в армии джеджака.

Пан Дан Чи отрицательно покачал головой.

— Я должен возвратиться в крепость, — произнес он.

— К Хо Ран Киму на верную смерть, — напомнил я.

— Да, к Хо Ран Киму на верную смерть, — упрямо повторил он.

— Не дури, Пан Дан Чи, — принялся уговаривать я его. — Ты выполнил свой долг и упрекнуть себя тебе не в чем. Убить меня ты не можешь, так же, как не можешь убить и Лану из Гатола. Мы улетим, сохранив тайну забытых обитателей Хорца. Уверяю тебя, как бы ты ни поступил сейчас, никто из нас никогда не воспользуется тем, что мы случайно узнали и не причинит вашим людям никакого вреда. Зачем же тебе возвращаться? Какой резон в этой бессмысленной жертве? Разве тебе так не терпится умереть? Полетим лучше вместе с нами.

Пан Дан Чи глянул в глаза Ланы из Гатола.

— Ты тоже хочешь, чтобы я полетел вместе с вами? — спросил он.

— Если по возвращении тебя ждет смерть, — ответила она, — тогда я хочу, чтобы ты полетел с нами.

Губы Пан Дан Чи скривились в улыбке, но, очевидно, и в этом уклончивом ответе он разглядел слабый луч надежды. Во всяком случае, не споря больше, он сказал, обратившись ко мне:

— Спасибо тебе, Джон Картер. Я полечу вместе с вами. Можете располагать мною и моим мечом всегда.

ХІІІ

Я без труда отыскал дорогу к площадке, на которой приземлился и оставил свой аэроплан. Приближаясь к ней, мы обнаружили на улице множество мертвецов, распростертых в самых невообразимых позах. Некоторые из них были зверски разрублены от самой макушки до поясницы.

— Дело рук зеленых, — заметил я.

— Это люди Хин Абтола, — сказала Лана из Гатола.

По пути к площадке мы насчитали семнадцать трупов. Вот, наконец, мы у цели. Однако, к моему ужасу и удивлению, аэроплана на месте не оказалось. Зато там, где я его оставил, валялось еще пятеро убитых панаров.

— Аэроплан исчез,— мрачно констатировал я.

— Хин Абтол,— произнесла Лана из Гатола.— Этот трус бросил своих воинов и удрал на твоём аэроплане. Он прихватил с собой только двоих.

— Что он, дурак что ли, чтобы оставаться,— сказал я.— С ним бы расправились, как и с остальными.

— Джон Картер в подобной ситуации, наверняка, вел бы себя, как дурак,— заявила девушка.

Возможно, Лана из Гатола была права. Дело попросту в том, что участие в поединках доставляет мне неопишное наслаждение. Наверное, это ненормально, но ничего поделать с собой я не могу. Сколько себя помню, я постоянно сражался с кем-нибудь, и это стало как бы моей профессией. Во время Гражданской войны я дрался в рядах армии конфедератов. До этого принимал участие в других войнах. Не стану утомлять вас, читатель, подробным изложением своей биографии. Вполне достаточно сказать, что воевал я всегда. Я не знаю, сколько мне лет. Детства своего не помню. Чувствовал я себя всегда лет на тридцать, и сейчас так же ощущаю свой возраст. Мне неизвестно, ни откуда я, ни то, был ли я, подобно остальным людям, произведен на свет женщиной. Просто, насколько мне известно, я существовал всегда. Может быть, в моем теле материализовался дух какого-нибудь давно умершего воина? Кто знает... Но это могло бы объяснить мою способность перемещаться в холодной, темной вселенной с Земли на Марс, например. Я не знаю ответов на все эти вопросы, хотя порой они начинают всерьёз мучить меня.

От размышлений меня отвлек голос Пан Дан Чи.

— Ну, и что теперь будем делать?

— Предстоит долгая прогулка,— отозвался я.— Отсюда до ближайшего дружественного города Гатола не меньше четырех тысяч хаадов.

Четыре тысячи хаадов — это в земном пересчете равно полутора тысячам миль, так что насчет долгой прогулки я не соврал.

— И весь путь пролегает по этой пустыне, в которой нет никаких средств к существованию? — поинтересовался Пан Дан Чи.

— Отчего же,— успокаивающим тоном ответил я.— Попадутся и горы. Будут маленькие, но глубокие овраги, в которых довольно влажно и растут разные съедобные травы. Мы сможем ими подкрепиться. Не исключено,

что по дороге мы наткнемся на зеленых людей и всяких хищных зверей. Ты что, боишься, Пан Дан Чи?

— Да, боюсь,— признался он, не лукавя.— Только не за себя, а за Лану из Гатола. Она женщина, а подобные приключения не для женщин. Вдруг она не выдержит всех испытаний?

Лана из Гатола, внимательно прислушивавшаяся к нашему разговору, расхохоталась.

— Ты не знаешь женщин Гелиума,— сказала она,— тем более тех, в чьих жилах течет кровь Деи Торис и Джона Картера. Надеюсь, у тебя будет возможность восполнить этот пробел в своем образовании еще до того, как мы доберемся до Гатола.

Она наклонилась и сняла пояс и оружие с убитого панара. Выпрямившись, она надела их на себя. Этот красноречивый жест производил еще большее впечатление, чем ее слова.

— Ну, вот, теперь у нас три надежных воина, вооруженных мечами,— сказал, смеясь, Пан Дан Чи.

Но мы знали, что он смеется не над Ланой из Гатола, а от восхищения ею.

Итак, втроем мы двинулись в дальний путь к Гатолу — Лана из Гатола и я, люди одной крови, но из разных миров, и Пан Дан Чи, в жилах которого текла совсем другая кровь и который принадлежал к расе, давно исчезнувшей с лица этой планеты. Возможно, мы не очень-то смотрелись вместе, но я убежден, что никогда между тремя столь разными людьми не существовало большего взаимопонимания и гармонии, чем между нами, по крайней мере, сейчас, в начале нашего путешествия.

За пять дней пути нам не повстречалось ни одного живого существа. Мы подкрепляли силы только соком деревьев, которые росли здесь почти совершенно без воды. Эти деревья, которые называются манталия, обильно покрывают дно мертвого океана, не давая людям и животным погибнуть от истощения и жажды. В день из манталии можно получить от восьми до десяти кварт сока.

Не будь меня, мои спутники тоже погибли бы от голода и жажды, поскольку ни один из них понятия не имел, какой чудодейственной силой обладает сок манталии. Скорее всего, они просто прошли бы мимо этих деревьев.

В середине дня мы делали небольшой привал, а ночью спали по очереди, сменяя друг друга на дежурстве. Лана из Гатола настояла на том, чтобы ей наравне с мужчинами доверили исполнять эту обязанность.

На шестую ночь первой по жребию должна была заступать на вахту Лана. Зная, что следующая очередь моя, я, не мешкая, отправился спать. Пан Дан Чи сидел и болтал с девушкой.

Сквозь дремоту я услышал, как он спросил:

— Можно я буду называть тебя своей принцессой?

Такой вопрос равнозначен на Земле предложению руки и сердца. Как ни хотелось мне поскорее отключиться и заснуть, я все же услышал ответ Ланы.

— Тебе еще не приходилось сражаться за меня,— произнесла она.— Ни один мужчина в Гелиуме не может назвать женщину своей, пока не доказал своих прав на нее с оружием в руках.

— Но у меня не было такой возможности,— ответил Пан Дан Чи.

— Значит, жди, пока она представится,— оборвала она.— А сейчас — спокойной ночи.

Мне подумалось, что Лана слишком резко обошлась со своим поклонником. Пан Дан Чи — в самом деле отличный парень, и я не сомневаюсь, что при случае он еще не раз докажет это. По крайней мере, он совсем не заслужил, чтобы с ним обходились, как с каким-то подонком. Но с женщинами спорить бесполезно — у них своя логика. Лично мне эти женские уловки кажутся очень сомнительными, однако же с их помощью удалось покорить сердце не одного мужчины. Значит, в них есть свои неоспоримые преимущества.

Пан Дан Чи удрученно отступил на несколько шагов и улегся по другую сторону от Ланы. Он всегда ложился так, чтобы девушка оказывалась между нами — под защитой двух мужчин.

Через некоторое время меня разбудил громкий крик и свирепое рычание. Мгновенно вскочив на ноги, я увидел Лану из Гатола распростертой на земле. Огромное животное навалилось на нее сверху. В этот самый момент подоспевший к месту схватки Пан Дан Чи бросился прямо на могучего хищника.

Все произошло так быстро, что я не успел даже толком разглядеть. Я заметил лишь то, что Пан Дан Чи пытается стащить зверюгу с тела Ланы, одновременно

нанося животному удары кинжалом в бок. Зверь свирепо рычал, пытаясь разделаться с Пан Дан Чи и в то же время не упустить свою жертву — Лану.

Сжимая в руке свой короткий меч, я бросился к месту поединка, однако борьба происходила столь бурно, что мне никак не удавалось изловчиться и нанести удар без опасения угодить ненароком либо в Лану, либо в Пан Дан Чи. Зрелище, должно быть, со стороны открывалось захватывающим! Мы вчетвером, чуть не сплетаясь телами, катаемся по земле, зверь рычит во всю глотку, а Пан Дан Чи изрыгает в ответ отборные ругательства, да с таким воодушевлением, будто произносит слова признания в любви к Лане.

Наконец, мне удалось всадить меч хищнику прямо в сердце. Издав последний вопль и дернувшись в конвульсии, зверь завалился набок и испустил дух.

Я хотел было поднять Лану из Гатола с земли, но она проворно вскочила на ноги без посторонней помощи.

— Где Пан Дан Чи? — взволнованно закричала она. — Где он? С ним все в порядке? Он не ранен?

— Успокойся, со мной все в порядке, — отозвался Пан Дан Чи. — Как ты сама? Он тебя не очень помял?

— Совсем не помял и не поранил. Вы так насели на него, что у него не осталось времени, чтобы заняться мною.

— Благодарение прародителям! — воскликнул с жаром Пан Дан Чи. Неожиданно он резко повернулся к девушке. — Ну, вот, — сказал он, и голос его дрогнул от волнения, — вот мне и довелось сражаться за тебя. Каков же теперь будет твой ответ?

Лана из Гатола лишь пожала плечами.

— Ты ведь дрался не с человеком, — возразила она, — а с какой-то жалкой зверушкой.

Честное слово, никогда я не понимал этих женщин!

КНИГА II

ЧЕРНЫЕ ПИРАТЫ БАРСУМА

I

В своей прошлой жизни на Земле я больше времени проводил в седле, чем на ногах. С тех пор, как я оказался здесь, на планете Барсум, мало что изменилось. Основную часть времени я опять-таки провожу либо на лошади, либо на борту быстрых кораблей воздушного флота Гелиума. Вполне естественно, что я без особой радости пустился в пешую прогулку длиной в полторы тысячи миль. Но делать нечего — иного выхода у нас не было. Если предстоит нечто такое, чего тебе очень не хочется, лучше всего поступить следующим образом: выработать план, как лучше всего выполнить неприятное дело, запастись терпением и постараться ни при каких остоятельствах не унывать. Тогда и само дело продвигается как будто быстрее.

Гатол расположен к юго-западу от Хорца, однако, не имея ни компаса, ни карт, я, как выяснилось позднее, взял слишком далеко на запад. Не ошибись я в определении нашего маршрута, и нам бы удалось избежать многих малоприятных ситуаций. Хотя, если исходить из опыта моей прошлой жизни, то мы все равно попали бы в какие-нибудь другие и едва ли менее опасные приключения.

По моим подсчетам, мы прошли уже около двух с половиной тысяч хаадов из четырех тысяч, которые нам предстояло преодолеть, и судьба покамест благоприятствовала нам. Во всяком случае, никаких особенных несчастий с нами, слава Богу, не произошло. Пару раз на нас нападали хищные звери, но мы умудрились прикончить их раньше, чем они нас. Попадались и другие, менее кровожадные животные, но, к счастью, мы не встретили никаких людей — а это, вне всякого сомнения, самые опасные существа на Барсуме. Находясь за

пределами родной земли или дружественных стран, в каждом человеке невольно видишь врага, готового уничтожить тебя в любой момент. Таковы суровые правила борьбы за существование. Наверное, это нормально для мира, вконец одряхлевшего и движущегося к неминуемой гибели, для мира, природные ресурсы которого настолько истощены, что даже воздуха и воды едва хватает для того, чтобы поддержать существование населяющих планету людей.

Обширное пространство днища бывшего океана оказалось почти ровным, и лишь изредка кое-где нам попадались по пути небольшие возвышенности и овраги. Там, на более влажной почве, произрастали кое-какие корни и клубни, которыми мы подкрепляли силы. Но это случалось нечасто. Главной нашей пищей по-прежнему оставался сок мантаний.

Мы старались не потерять счет времени в течение этого долгого путешествия. На тридцать седьмой день мы столкнулись действительно с серьезным препятствием. Около четвертого зода, что примерно соответствует часу дня по земному времени, мы заметили на некотором расстоянии слева от нас караван зеленых марсиан.

Любой житель планеты Барсум знает, что не может быть ничего хуже, чем попасть в руки этих жестоких чудовищ. Поэтому мы поспешили вперед, надеясь скрыться раньше, чем неприятель обнаружит наше присутствие. Попадавшаяся по дороге растительность служила нам хорошим прикрытием, но, так как она была весьма скудной, значительную часть пути нам пришлось проделывать ползком — этому искусству маскировки я научился у апачей Аризоны, владеющих им в совершенстве. Двигаясь во главе нашего небольшого отряда, я неожиданно наткнулся на скелет человека. Он уже почти совсем рассыпался — неоспоримое доказательство того, что он пролежал здесь много лет. Кажется, я уже упоминал о том, что из-за малой влажности воздуха процесс разложения протекает на Марсе очень медленно. Через пятьдесят ярдов я обнаружил еще один скелет, а затем увидел их целое множество. Зрелище, поверьте, отвратительное и страшное, и я ломал голову над тем, что оно нам предвещает. Сначала я, было, подумал, не произошла ли на этом месте какая-то битва, однако вскоре мое внимание привлекло странное обстоятельство, опровергавшее эту догадку напрочь: часть скелетов сохрани-

лась очень хорошо, другие — рассыпались почти в прах. Вывод отсюда следовал один: эти люди умерли в разное время.

Наконец, мы отделились от каравана зеленых на вполне приличное расстояние. Оставалось лишь найти надежное укрытие — и мы в относительной безопасности. В этот момент я вдруг обнаружил, что стою у самого края зияющей пропасти.

За исключением Великого Каньона в Колорадо, я в жизни не видывал ничего подобного. Подо мной, на многие мили вперед, простиралось ущелье, шириной, примерно, миль в десять и глубиной в две мили.

У обрыва оказалось множество камней и обломков скал, за которыми мы и спрятались. Повсюду вокруг нас валялись человеческие скелеты. Их, правда, и раньше попадалось, как я говорил, немало, но такого количества в одном месте еще не было. Тягостные мысли невольно сами лезли в голову. Возможно, это зрелище должно было послужить нам предупреждением об опасности, но поскольку останки людей не могли причинить нам никакого вреда, мы сосредоточили все внимание на караване зеленых — сейчас это был гораздо более реальный и опасный противник. Зеленые неожиданно изменили направление своего следования и теперь двигались прямо в нашу сторону. Оставалась лишь слабая надежда на то, что через какое-то время они снова куда-нибудь свернут и минуют нас. С этой мыслью мы залегли в своем укрытии, не спуская с неприятеля глаз.

Когда я впервые чудесным образом оказался на Марсе, меня захватил в плен отряд зеленых людей. В течение долгого времени мне пришлось жить бок о бок с ними, так что я довольно хорошо знал нрав и обычаи представителей этой расы. Внимательно приглядываясь к каравану, я пришел к выводу, что отряд направляется, скорее всего, к своему тайному инкубатору.

Каждая взрослая марсианская женщина производит в течение одного года примерно тринадцать яиц, и те из них, которые достигают определенного веса и величины, упрятываются в специальные подвалы, низкая температура воздуха в которых позволяет сохранять их на протяжении длительного времени. Ежегодно эти яйца тщательно обследует совет из двадцати вождей, и все они, за исключением сотни наиболее качественных, уничтожаются, заменяясь новыми. По истечении пяти-

летнего срока, примерно, пятьсот самых лучших яиц из нескольких тысяч, прошедшие самый придирчивый контроль, помещаются в воздухо непроницаемые инкубаторы, где под воздействием солнечных лучей из них в течение следующих пяти лет выводятся младенцы.

К этому сроку в инкубатор и прибывает специальный отряд, забирающий новорожденных. Около одного процента яиц обычно остается в инкубаторе после ухода оттуда взрослых. Никому не известно, какая судьба уготована тем младенцам, которые не успели появиться на свет в назначенный срок. Они никому не нужны на этой планете, и само их позднее рождение идет вразрез с устоявшейся на протяжении веков системой, которая позволяет марсианам с точностью почти до часа предугадывать появление очередной партии новорожденных.

Такие инкубаторы сооружаются, как правило, в отдаленных и безлюдных местностях, чтобы исключить или хотя бы значительно уменьшить вероятность обнаружения этих тайников другими племенами. Упаси Боже, если неприятель наткнется на хранилище яиц — это значит, что в течение пяти лет у какого-то народа не будет потомства.

Со стороны караван зеленых марсиан представлял собой одновременно и величественное, и дикое зрелище. В его состав входило, по меньшей мере, двести пятьдесят огромных трехколесных колесниц, влекомых мощными мастодонтами — эти животные известны на Марсе под именем зитидаров, и одному такому зитидару вполне по силам тянуть доверху нагруженный железнодорожный состав.

На колесницах, невольно поражавших воображение своими размерами и пышной отделкой и нагруженных металлическими украшениями, драгоценными камнями и шелком, восседали марсианские женщины. На спине каждого зитидара на ярких пополах находилось по молодому вознице.

Во главе каравана, выстроившись в несколько рядов по пять человек в каждом, двигалось около двухсот воинов, такое же количество вооруженных марсиан замыкало шествие. Примерно двадцать пять — тридцать солдат прикрывало движение колесниц с обеих сторон.

Лошадей воинов невозможно описать словами, на Земле нет животных, подобных им. Эти «скакуны» достигают десяти футов в ширину, имеют четыре пары ног

и широкий плоский хвост, расширяющийся к концу. Когда лошади скачут, этот хвост стоит у них торчком, что производит на непривыкшего к подобному зрелищу человека глубокое впечатление. Наконец, завершает картину массивная шея и огромная пасть животного, которая заставляет подозревать, что эти существа, должно быть, совсем не так безобидны.

Марсианские лошади совершенно лишены шерсти. Их лоснящаяся шкура отличается ровным, темным окрасом. На брюхе, напротив, цвет белый, а к копытам переходит в ярко-желтый. Имея от природы мягкие подушечки на копытах, они не нуждаются в подковах. Как и зитидарами, ими управляют не при помощи поводьев, а исключительно телепатическими средствами.

Пока мы наблюдали за этой величественной процессией, она опять изменила направление движения. У меня из груди невольно вырвался вздох облегчения, когда я увидел, что зеленые минуют место, где мы нашли себе укрытие. Очевидно, они решили двигаться параллельно обрыву.

Радость моя, однако, оказалась недолгой, так как, когда караван уже почти развернулся, один из боковых охранников заметил нас и поднял тревогу.

II

Воин тут же повернул свою лошадь в нашу сторону и, крикнув что-то своим товарищам, галопом пустился к нам. Мы разом вскочили на ноги, обнажив мечи и приготовившись умереть, предварительно заставив неприятеля дорого заплатить за наши жизни.

Я весь напрягся в ожидании схватки, но тут до меня донесся крик Ланы из Гатола:

— Поглядите! Вон тропинка, которая ведет в ущелье!

Я оглянулся. В самом деле, неподалеку вниз по утесу тянулась узенькая извилистая тропа. Если нам удастся добежать до нее и спуститься в ущелье, мы спасены, потому что огромным лошадям и зитидарам зеленых людей этот спуск просто не одолеть. Можно было предположить, что противник ничего не подозревал о существовании обрыва, ибо, как я уже говорил, зеленые люди предпочитают сооружать свои инкубаторы в пустынных

и неизведанных местах за тысячи миль от собственного дома.

Втроем мы, Лана, Пан Дан Чи и я, ринулись к тропе. Обернувшись, я увидел, что наш преследователь уже совсем рядом, и, по всей вероятности, добежать до спасительного спуска мы не успеем. Я велел Пан Дан Чи поспешить и позаботиться о Лане. Оба они остановились и вопросительно уставились на меня.

— Это приказ,— предупредил я их возможные возражения.

Они неохотно повиновались и двинулись к тропе, а я вскоре оказался лицом к лицу с вражеским воином.

Зеленый прищпорил свою лошадь и спешил. По всей видимости, он не собирался убивать меня на месте, а хотел захватить в плен. Мне, однако, совсем не улыбалась такая перспектива — плен и долгая, мучительная смерть под пытками, до которых зеленые очень охочи. Лучше уж погибнуть сейчас, на поле боя.

Приближаясь ко мне, воин извлек из ножен свой длинный меч. Я сделал то же самое. Если бы на подмогу моему противнику не спешило еще шестеро парней на мощных лошадях, я бы особенно не беспокоился: с мечом в руках я без труда справлюсь с любым зеленым воином, какого только носила эта планета. Даже их гигантский рост и недюжинная сила меня не смущали. Может, сам я выгляжу не столь внушительно, но слабаком меня еще никто не называл. У землян вообще мускулы развиты значительно лучше, чем у обитателей Марса, поскольку на Земле при каждом движении приходится преодолевать силу притяжения. На Барсуме, напротив, гравитация очень слабая.

Мой противник чувствовал себя несколько самоуверенно и спокойно, столкнувшись с таким тщедушным существом, каким, вероятно, ему показался я, что даже не предпринял элементарных мер предосторожности для своей защиты и, очертя голову, ринулся в атаку.

По тому, как он держал меч, я сразу догадался, что он хочет ударить меня по голове, чтобы я потерял сознание, а он тем временем мог без особых усилий взять меня в плен. Мне, однако, удалось уклониться от его удара, мгновенно отскочив вправо. В тот же миг я нацелил свой клинок в самое сердце врагу. Мой удар, наверняка, оказался бы для него смертельным, но в последний момент зеленый отреагировал. Тем не менее, я тяжело

ранил его. Он буквально взвыл от боли и ярости и снова бросился на меня.

Теперь он стал более осторожен и внимателен, но это не могло повлиять на исход поединка: зеленый был обречен, поскольку дерзнул померяться силами с лучшим бойцом обеих планет, равных которому не сыщешь ни на Земле, ни на Барсуме.

Остальные шестеро воинов подъехали уже совсем близко. Демонстрировать искусство владения мечом было некогда. Сделав отвлекающий маневр, я пронзил противника в сердце и, не теряя времени, повернулся и бросился бежать вдоль края обрыва. Мои преследователи, вызвавшие на поимку краснокожего человека, за которого меня, вероятно, приняли издали, вошли в азарт. Держась вплотную друг к другу, они, как я ожидал, пустились вслед за мной. Мягкие копыта их тяжело-весных лошадей бесшумно ступали по покрытой мшистой растительностью почве, бывшей когда-то дном великого океана. С копьями наготове воины надвигались на меня, намереваясь, очевидно, сначала вдоволь натешиться, а потом, в зависимости от обстоятельств, либо прикончить меня, либо захватить в плен. Я чувствовал себя в ловушке, однако сдаваться по-прежнему не собирался.

Внезапно остановившись, я круто развернулся и бросился бежать прямо на них. Они, наверное, решили, что я попросту спятил со страха. Откуда им было знать, что у меня на уме. Я же хотел отвлечь их внимание, чтобы, не дай Бог, они не заметили тропу, ведущую вниз, в ущелье. Оказавшись совсем близко возле своих преследователей, я неожиданно подпрыгнул высоко в воздух и легко перемахнул через головы опешивших от моего трюка зеленых воинов. Моя сила и ловкость вкупе со слабой гравитацией Барсума вновь сослужили мне добрую службу в минуту смертельной опасности.

Приземлившись, я стремительно помчался к тропе. Пока воины остановили своих могучих лошадей и развернулись, чтобы возобновить погоню, было уже поздно. Вообще-то я классный бегун и без труда обгоню любого скакуна. Беда только в том, что иногда я слишком увлекаюсь и забываю, что на карту поставлена жизнь других людей. Подобное случается со мной и во время поединков.

Наконец, я добрался до тропы и поспешил вниз, где

меня с нетерпением поджидали Лана из Гатола и Пан Дан Чи.

Все вместе мы двинулись дальше. Подняв глаза, я вдруг заметил, что зеленые воины наблюдают за нами с края обрыва. Не зная, что именно они собираются предпринять, я на всякий случай потянул Лану в укрытие за выступ скалы. Пан Дан Чи последовал за нами. Не успели мы спрятаться, как вокруг нас начали разрываться пули.

Ружья, которыми вооружены зеленые марсиане, изготовлены из дерева и светлого металла — очено легкого и прочного, высоко ценимого на Марсе и совершенно неизвестного у нас, на Земле. Стволы ружей сделаны из сплава алюминия и стали, которую на Барсуме научились закалять таким образом, что она приобретает огромную прочность. Несмотря на незначительный вес и маленький калибр, эти ружья, благодаря чрезвычайно длинному стволу, способны поражать противника с большого расстояния, а разрывные пули из радия¹, которыми пользуются зеленые марсиане, смертоносны.

Эти пули срабатывают тотчас, попадая в цель, поскольку при столкновении разрушается светонепроницаемый слой, что приводит к мгновенному взрыву твердого стеклянного цилиндра, начиненного мельчайшими частицами радия.

Я считал, что для нас сейчас гораздо безопаснее отсидеться в укрытии, чем пытаться бежать дальше по тропе, хотя и сомневался, что зеленые воины пустятся за нами в погоню. В таком случае им пришлось бы спешиться и оставить своих лошадей наверху, ибо этим крупным животным ни за что не пройти по узкой тропинке. Насколько же мне было известно, зеленые не

¹ Описывая используемую марсианами смесь, я употребляю слово «радий», так как в свете недавних открытий, сделанных на Земле, становится совершенно ясно, что основу состава, начинающего их пули, составляет именно этот элемент.

В рукописи капитана Картера он упоминается под тем названием, которым пользовались в Гелиуме. Воспроизвести это слово, записанное иероглифами, очень сложно, да и ни к чему.

Стоит этому составу попасть под воздействием солнечных лучей, как мгновенно раздается взрыв гигантской силы. При ночном сражении этого, естественно, не происходит, зато утром следующего дня, едва лишь солнце появится из-за горизонта, место вчерашней битвы наполняется грохотом разрывающихся пуль. Впрочем, надо заметить, что после захода солнца марсиане, как правило, используют обычные пули.

очень любят ходить пешком, предпочитая по возможности передвигаться верхом.

Через несколько минут я предпринял осторожную вылазку, дабы выяснить обстановку. По-видимому, воины махнули на нас рукой — их, во всяком случае, нигде не было заметно. Мы без промедления продолжили спуск в ущелье, радуясь благополучному исходу нашего столкновения с этими безжалостными и жестокими существами.

III

Спускаться по крутой тропе, петляющей по поверхности скалы, было нелегко и довольно опасно. Неожиданно мы остановились, так как опять наткнулись на человеческий скелет. Вскоре мы обнаружили еще три скелета. Среди этих останков людей попадались и совсем давние, и относительно свежие, насколько можно было судить их по виду.

— Как ты думаешь, откуда здесь столько скелетов и трупов? — поинтересовался Пан Дан Чи.

— Я просто теряюсь в догадках, — ответил я, несколько не кривя душой. — Меня удручает их количество. Не может же быть, что все это — незадачливые путешественники, пытавшиеся спуститься в ущелье. Ты обратил внимание на то, что все они лежат на выступах — видно, зацепились при падении. В таком случае, у подножия скалы их должно оказаться еще больше.

— А от чего тогда погибли те, наверху? — явно не удовлетворившись моими объяснениями, спросила Лана из Гатола.

— Может, в ущелье началась какая-нибудь страшная эпидемия, — предположил Пан Дан Чи, — и эти бедняги пытались спастись бегством, еще не ведая, что обречены?

— Не знаю, как объяснить все это, — сказал я. — Возле большинства скелетов мы видели остатки одежды и портупей, но оружия не было нигде. Пожалуй, можно согласиться с предположением Пан Дан Чи о том, что эти бедняги пытались спастись. Только вот от эпидемии или от чего-то еще, неизвестно. И, может статься, мы этого никогда не узнаем.

Отсюда, с головокружительной высоты, открывался великолепный вид на лежащее внизу ущелье. Ровный ландшафт его украшали луга, поросшие густой высокой травой — свидетельство того, что почва в ущелье достаточно влажная, и даже небольшие леса. В целом, картина для этой умирающей планеты была столь же редкая, сколь и восхитительная.

Вдоль каналов на Барсуме можно встретить разнообразную растительность. В городах, где существует ирригационная система, вы увидите поросшие сочной травой газоны и парки, но с такой красотой и изобилием, как здесь, мне на Марсе довелось столкнуться только однажды — на Южном полюсе, в Долине Дор, возле погибшего моря Коруса. Но это ущелье изобиловало не только разнообразной растительностью — здесь были реки и, по крайней мере, одно озеро, которое я заметил издалека. Из состояния мечтательного созерцания меня вывел торжествующий вопль Ланы, которая первой обнаружила расположенный в глубине ущелья город. Его белоснежные стены и точеные силуэты башен привели девушку в сущий восторг.

— Какой очаровательный город! — воскликнула она. — Прямо, как в сказке. Интересно, что за люди в нем живут?

— Поди знай... Может, такие, которые с большим удовольствием перережут нам глотки, — мрачно предположил я.

— Мы, оровары, не такие, — заметил Пан Дан Чи. — К убийству мы относимся с отвращением. Я просто диву даюсь, почему остальные народы, обитающие на Марсе, так люто ненавидят друг друга.

— Не думаю, что на убийство их толкает ненависть, — откликнулся я. — Убийство вообще стало привычным делом. С тех пор, как высохли океаны, выжить становится все труднее и труднее. В течение этого времени люди настолько привыкли, борясь за свое собственное существование, уничтожать всех чужаков, что эта привычка стала их второй натурой.

— А мне все-таки очень хотелось бы побывать в этом городе, — мечтательно произнесла Лана из Гатола.

— Боюсь, нам не удастся удовлетворить твоё любопытство, — охладил я ее пыл.

Мы еще немного постояли на краю скалы, любуясь роскошным видом. На равнине мы заметили несколько

табунов маленьких лошадей, которых краснокожие марсиане используют для верховой езды, а также употребляют в пищу. Эти два вида лошадей внешне отличаются друг от друга, но на таком расстоянии невозможно было определить, что это за порода. Животные вовсю резвились на зеленом лугу. У нас, в течение долгого времени не евших нормальной пищи, от этого зрелища аппетит разыгрался не на шутку.

— Чего мы встали,— первой нарушила молчание Лана из Гатола.— Пойдемте вниз. Никаких людей там не видно. Да и делать крюк, чтобы зайти в город, нам вовсе не обязательно. Мне хочется поближе рассмотреть красоты этой долины.

— А я бы с превеликим удовольствием съел чего-нибудь мясного,— признался я.

— И я тоже,— поддержал меня Пан Дан Чи.

— Здравый смысл подсказывает мне, что мы совершаем величайшую глупость,— предостерег я.— Однако, если бы я всегда следовал голосу рассудка, моя жизнь была бы безумно скучной.

— В любом случае,— снова вмешалась Лана,— еще неизвестно, где опаснее — внизу, в долине, или наверху, у края обрыва. Мы только что навались там на кучу неприятностей, и, возможно, зеленые воины до сих пор околачиваются поблизости, поджидая нас.

Предположение Ланы показалось мне весьма сомнительным, хотя я и знал, что иногда зеленые марсиане могут охотиться за краснокожими целыми сутками. Так или иначе наш спор завершился тем, что мы спустились в долину.

К счастью, город находится так далеко, что нас не должны были оттуда заметить. Зная марсианские нравы, мы не собирались подходить ближе. Но не только соображения безопасности удерживали нас от этого. Природа в долине была столь обильна, прекрасна и привлекательна, что хотелось побыть на ее лоне, насладиться ее спокойной, умиротворяющей сердце красотой. Вид города и его шумы только нарушили бы все очарование.

Неподалеку от нас журчала маленькая речушка, а прямо за ней начинался лес. По лугу, сочная трава которого была основательно обгрызана стадами животных, мы направились к реке, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться удивительной красоты цветами, попадавшимися нам по пути.

Чуть ниже по течению реки, на том берегу, пасся табун лошадей. Нам повезло: это оказалась та самая порода, которую на Марсе употребляют в пищу, и я уже предвкушал, какой шикарный обед нас ожидает впереди. Пан Дан Чи предложил переправиться через реку и, под покровом леса подобравшись к животным поближе, внезапно напасть на них.

Река буквально кишела рыбой и, не удержавшись, я во время переправы загарпунил несколько штук своим длинным копьём.

— По крайней мере, хоть рыбой-то на обед мы обеспечены,— сказал я,— а если Пан Дан Чи улыбнется удача, то будет и жаркое.

— А я заметила на деревьях в лесу плоды и орехи,— прибавала Лана из Гатола.— Ну и пикник мы закатим!

— Пожелай мне удачи! — сказал Пан Дан Чи, отправляясь лесом в сторону, где пасся табун.

С этими словами он исчез за деревьями.

Мы с Ланой, заинтересованные в исходе его охоты и по чисто гастрономическим соображениям, и из любопытства, замерли в ожидании. Некоторое время Пан Дан Чи не было видно. Но вдруг он внезапно выскочил из леса и бросил что-то в ближайшее животное. Лошадь возвопила от боли и ужаса, пошатываясь, сделала несколько шагов и рухнула наземь, а остальное стадо пустилось наутек.

— Чем он ее убил? — полюбопытствовала Лана.

— Понятия не имею,— ответил я.— Все произошло так быстро, что я не успел разглядеть. Копья у него, помнится, не было, а если бы он ударил лошадь мечом, я бы заметил.

— Мне показалось, что это было что-то наподобие маленькой палочки,— сказала Лана.

Пан Дан Чи между тем принялся разделять тушу и вскоре вернулся к нам, неся столько мяса, что его, без сомнения, хватило бы, чтобы накормить до отвала дюжину самых прожорливых едоков.

— Чем ты убил лошадь? — спросила девушка.

— Кинжалом,— ответил Пан Дан Чи.

— Здорово! — не удержался я от похвалы.— Где ты этому научился?

— Метание кинжала — очень популярный вид спорта в Хорце. Все наши воины владеют этим искусством в совершенстве, а что касается меня, то я в тече-

ние последних трех лет неизменно получал на состязаниях главный приз джедака. И, хоть мне ни разу прежде не доводилось охотиться таким образом, я почти не сомневался в успехе. Для нас все-таки это вид спорта, а не способ убивать кого бы то ни было. Правда, если в Хорце случаются дуэли, что бывает крайне редко, соперники обычно выбирают в качестве оружия именно кинжалы — разумеется, при условии, что оба владеют ими одинаково.

Пока мы с Пан Дан Чи разводили огонь и готовили рыбу и мясо, Лана успела собрать плоды и орехи. Так что, как мы и надеялись, ужин у нас получился отменный. Ублаженные обильной трапезой, мы, едва только начало темнеть, улеглись спать на мягкой зеленой лужайке.

IV

Проснулись мы довольно поздно, так как очень устали за предыдущий день. Я наловил немного рыбы, а мясо, орехи и плоды у нас оставались с вечера. Подкрепившись, мы двинулись в путь по тропинке, ведущей из ущелья.

— Боюсь, нам предстоит крутой подъем, — заметил Пан Дан Чи.

— Как жаль! — посетовала Лана из Гатола. — Мне совсем не хочется уходить из этого очаровательного местечка.

Я во время их разговора внимательно наблюдал за тем, что происходило в другом конце долины.

— Может, тебе и не придется покидать столь полюбившиеся места, дорогая, — обнадежил я девушку, мрачно ухмыльнувшись. — Гляньте-ка в ту сторону!

Они оба, как по команде, повернули головы и увидели, наконец, то, что насторожило меня. Примерно две сотни всадников галопом мчались по направлению к нам. Я успел разглядеть издали, что цвет кожи у них совершенно черный, и подумал, не знаменитые ли это Черные Пираты Барсума, с которыми мне пришлось впервые столкнуться много лет тому назад на Южном полюсе. Сами себя эти люди называли Первенцами.

Подскакав поближе, они плотной стеной окружили нас со всех сторон, держа копья наготове.

— Кто вы такие? — спросил их вожак. — Что вы делаете в Долине Первенцев?

— Мы спустились сюда, спасаясь от преследования отряда зеленых воинов, — объяснил я. — А сейчас как раз собираемся уходить. Мы пришли с мирными намерениями, мы не хотим воевать с вами, хотя, в случае чего, сможем постоять за себя.

— Вам придется отправиться вместе с нами в Камтол, — заявил вожак.

— В город? — уточнил я.

Он кивнул в ответ.

Я схватился за меч.

— Остановись, безумец! — крикнул он. — Нас две сотни, а вас только трое. Если вы подчинитесь и пойдете с нами, то с вами, быть может, ничего плохого и не произойдет. Если же не захотите выполнить приказ, то будете убиты на месте.

В его словах, безусловно, был какой-то резон.

Я пожал плечами, раздумывая.

— Мне-то все равно, — произнес я. — Лане из Гатола не терпелось посмотреть город, а я так непрочь и сразиться с вами. Пан Дан Чи, как вы с Ланой решите?

— Я хочу посмотреть город, — подтвердила Лана. — Однако, если вы надумаете принять бой, то и я буду драться вместе с вами. К тому же, — добавила она, — неизвестно, какой прием нас там ожидает.

— Вам придется бросить оружие, — распорядился вожак.

Этого делать мне совсем не хотелось, и я заколебался.

— Если вы не подчинитесь, то будете убиты, — повторил свою угрозу вожак отряда. — Поторапливайтесь! Я не собираюсь торчать здесь целый день.

Спротивляться не имело никакого смысла, да и глупо было бы погибнуть из-за собственного упрямства, имея хоть какую-то надежду на то, что в Камтоле, возможно, нас примут как гостей и не причинят вреда. Нас усадили на лошадей за спины трех всадников, и весь отряд двинулся обратно к белоснежному городу-красавцу.

Дорога обошлась без приключений, а я воспользовался возможностью повнимательнее изучить воинов, взявших нас в плен. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений в том, что мы имеем дело с представителя-

ми той же самой расы, к которой принадлежал и Кодар, Датор Первенцев Барсума (так звучит его полный титул). Судьба повернулась так странно, что он сначала был моим заклятым врагом, а потом стал закадычным другом. Люди этой расы отличаются исключительно приятной внешностью, недюжинной силой и смекалкой. Черты лица у них столь изящны, что сам Адонис мог бы им позавидовать. Может, это прозвучит странно из уст человека, являющегося выходцем из Вирджинии (а я именно из этого штата), но мне сдается, что черная кожа Первенцев, напоминающая хорошо отполированное эбеновое дерево, придает им еще большее очарование. Одежда и вооружение воинов были точь-в-точь такими же, как и у Черных Пиратов, с которыми мне довелось познакомиться у Золотых скал, близ Долины Дор.

Как бы симпатичны ни казались мне эти люди, я, тем не менее, отдавал себе отчет в том, насколько они жестоки и беспощадны. Наши жизни оказались под серьезной угрозой, и у меня не было ни малейшей уверенности в том, что нам удастся когда-нибудь выбраться из их города живыми и здоровыми.

Камтол не обманул наших ожиданий. При ближайшем знакомстве город оказался еще более красивым, чем при взгляде на него издали. Белая городская стена разукрашена роскошным орнаментом, столь же изящно расписаны и фасады большинства зданий. Высокие башни вздымают к небу свои стройные силуэты над широкими улицами, которые, когда мы въехали в город, были буквально заполнены народом. Кроме черных, мы заметили и много краснокожих людей, которых, как легко можно было догадаться, использовали здесь в качестве прислуги. Они, по всей видимости, находились на положении рабов. Не та ли же самая участь уготована и нам?

Не сказал бы, будто меня приводила в восторг мысль о том, что мне, Джону Картеру, Принцу Гелиума, Богу войны Барсума, придется стать уборщиком мусора или подметать улицы, еще больше беспокоила меня судьба Ланы из Гатола.

В сопровождении охраны нас доставили в большое здание, где развели по разным помещениям. Я оказался в просторной комнате. Меня усадили в кресло, за которым находился странный аппарат, оснащенный множеством каких-то шкал. Во все стороны от него тянулись тоненькие провода с металлическими ободками на кон-

цах. Их тут же присоединили ко мне, закрепив на лодыжках, на запястьях рук, на шее и, наконец, на голове. Сначала я решил, что это — некоторое подобие электрического стула и настал мой последний час. Однако, пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что моя скромная персона явно не заслуживала таких хлопот. При желании меня могли бы умертвить гораздо более простым способом. Одного удара меча вполне достаточно, чтобы лишить меня жизни — зачем же так усложнять простую процедуру?

Тут появился офицер, которому, по-видимому, поручили заняться мной.

— Сейчас тебя подвергнут допросу, — сообщил он. — Ты должен правдиво отвечать на все вопросы.

Затем он подал знак помощнику, который включил удививший меня аппарат.

Итак, меня, стало быть, пока не собирались убивать, а только допрашивать. Я, правда, не имел ни малейшего представления, о чем. Как только машина заработала, я ощутил покалывание во всем теле. Мне начали задавать вопросы.

Всего в комнате находилось шесть человек. Иногда они спрашивали меня по очереди, иногда — все разом.

Порой, толком не расслышав вопроса, я отвечал невпопад. Их это страшно злило. Они то говорили спокойным, ровным тоном, то ни с того ни с сего принимались кричать, всячески оскорбляя меня. Наконец, мне предоставили коротенькую передышку. В помещение вошел слуга, неся на подносе весьма соблазнительную еду. Только я вознамерился отведать предложенное мне угощение, как его тут же убрали, а мои мучители громко расхохотались. Они принялись колоть меня острыми инструментами, пока не показалась кровь. Тогда они перевязали раны, смазав их какой-то болеутоляющей мазью. Затем мне опять предложили подкрепиться, но, наученный горьким опытом, я не сделал ни движения, чтобы взять еду. Они настаивали и, в конце концов, к моему удивлению, позволили мне покушать.

К этому времени я уже не сомневался, что мы оказались в руках племени маньяков-садистов. То, что произошло дальше, только укрепило мою уверенность. Мои мучители вышли из комнаты, где происходил допрос. Чего ждать? К чему готовиться? Эти вопросы не давали мне покоя. Прямо передо мной находилась еще одна

дверь. Внезапно она распахнулась, и в комнату со страшным ревом ворвалось ужасное животное.

«Ну, вот и конец», — подумалось мне. Хищник неутомимо приближался. Вдруг, так же неожиданно, как и появился, он улегся на пол в нескольких шагах от меня. Только тут я разглядел, что он посажен на цепь — слишком короткую, чтобы достать меня. Я почувствовал дыхание смерти — какая, однако, изощренная пытка! Тем не менее, если цель моих мучителей состояла в этом, то, надо сказать, что они не преуспели — смерти я не боялся.

Вскоре зверя увели из комнаты, и дверь закрылась. Наконец, появился один из допрашивавших меня людей. За ним потянулись и остальные. Теперь все они дружелюбно улыбались.

— Ну, вот и все, — произнес офицер. — Допрос окончен.

V

От меня отстегнули провода и в сопровождении охраны отвели в подземелье, какое имеется в любом марсианском городе — древнем и современном. В этих зигзагообразных коридорах и подвалах обычно хранят различные продукты и содержат пленников. А еще здесь водятся в неимоверном количестве омерзительные крысы.

Меня посадили на цепь в огромном подвале, где уже находился другой заключенный — краснокожий марсианин. Вскоре сюда же привели Лану из Гатола и Пан Дан Чи. Их тоже приковали цепью к стене рядом со мной.

— Я вижу, допрос вы пережили, — заметил я.

— Интересно, что они хотели узнать с помощью подобных методов, — недоуменно спросила Лана. — В жизни не сталкивалась с большей тупостью и идиотизмом.

— Скорее всего, нас просто хотели попугать, — предположил Пан Дан Чи.

— Сколько же они собираются держать нас в этой темнице? — волновалась девушка.

— Я здесь нахожусь уже целый год, — вмешался в наш разговор краснокожий сосед. Несколько раз меня выпускали, и я работал вместе с другими рабами, при-

надлежащими джедаку, но, пока меня кто-нибудь не купит, я должен оставаться здесь.

— Что значит — купит? — не понял Пан Дан Чи.— О чем вы говорите?

— Все пленники по закону являются собственностью джедака,— пояснил краснокожий.— Но если его дворяне или офицеры пожелают, они могут нас купить. Что касается меня, то джедак, кажется, просто набивает цену, поскольку, я знаю, многие знатные люди не прочь были приобрести меня.

Он на минуту примолк, а затем продолжил:

— Простите мне мое любопытство, но двое из вас совсем не похожи на обитателей Барсума, и я просто теряюсь в догадках, откуда же вы прибыли. Вот женщина — это типичная марсианка. Что же касается мужчин... Извините, но людей с такой белой кожей и темными или, наоборот, желтыми, как у вас, волосами, я что-то на Барсуме не видывал.

— Приходилось ли вам когда-нибудь слышать об ороvaraх? — прервал его я.

— Конечно,— ответил он.— Но эта раса исчезла с поверхности нашей планеты много веков тому назад.

— Тем не менее, Пан Дан Чи, который стоит возле вас,— самый настоящий ороvar. Небольшая группа этих людей выжила и обитает в мертвом городе.

— Ну, а вы сами? — спросил он.— С такими темными волосами вы никак не можете быть ороvarом.

— Правильно,— подтвердил я,— я из другого мира — из Джасума.

— О! — воскликнул он изумленно.— А вы случайно не Джон Картер?

— Он самый,— сказал я.— А вы кто?

— Меня зовут Яд-хан,— ответил он.— Я из Амхора.

— Из Амхора? — переспросил я.— Я знаком с одной девушкой из Амхора. Ее зовут Янай.

— Что вам о ней известно? — разволновался он.

— Вы с ней тоже знакомы?

— Это моя сестра,— сообщил он,— но она давно умерла. Пока я отсутствовал, находясь в длительном путешествии, Ял Хад, Принц Амхора, нанял убийцу Гантума Гура, чтобы тот расправился с моим отцом, дерзнувшем отказать Ял Хаду, потребовавшему Янаю себе в жены. Вернувшись домой, я узнал, что Янай спаслась бегством. Позже до меня дошли слухи о ее

смерти. Мне и самому пришлось покинуть родной город, не то люди Ял Хада добрались бы и до меня. Я долго странствовал по свету и, в конце концов, попал в плен к Первенцам. Однако, прошу вас, расскажите, что вам известно про Янай!

— Мне доподлинно известно, что ваша сестра жива,— ответил я.— Она вышла замуж за одного из моих наиболее доверенных офицеров и находится в Гелиуме в полной безопасности.

Яд-хан, узнав, что его сестра, которую он столько времени считал погибшей, жива и здорова, был вне себя от радости.

— Теперь,— сказал он,— только бы удалось убежать отсюда! Я должен возвратиться в Амхор, чтобы отомстить за отца. Тогда можно и умирать спокойно.

— Ваш отец отомщен,— заверил его я.— Ял Хад мертв.

— Жаль, что этот негодяй погиб не от моей руки,— посетовал Яд-хан.

— Вы пробыли в плену не меньше года,— сказал я,— и, наверняка, хорошо изучили нравы Первенцев и местные порядки. Как вы думаете, какая участь уготована нам?

— Есть несколько возможностей,— начал он.— Вас могут обратить в рабство. В таком случае хорошего обращения не ждите. Зато вы останетесь в живых, по меньшей мере, на несколько лет. Вас могут приберечь исключительно для игрищ, которые проводятся у них регулярно на огромном стадионе. Вам придется на потеху Первенцам сражаться с их воинами или дикими животными. Наконец, вас могут казнить в течение ближайших нескольких дней. Все зависит от того, что взбредет в голову Доксусу, джедаку Первенцев, а тут ничего предугадать нельзя, потому что он, по-моему, не совсем нормален.

— Судя по идиотскому допросу, которому нас подвергли,— вставила, не удержавшись, свое слово Лана из Гатола,— они здесь все сумасшедшие.

— Не спешите с выводами,— посоветовал Яд-хан.— Стоит вам узнать о цели допроса, как вы поймете, что ничего идиотского в нем нет. Вы, надеюсь, обратили внимание на останки людей при входе в долину?

— Да, только какое отношение они имеют к допросу?

— Их в свое время подвергли такому же допросу, именно поэтому они и мертвы.

— Ничего не понимаю,— сказал я.— Объясните, пожалуйста, какая между всем этим связь.

— Аппарат, при помощи которого вас допрашивали — не простая игрушка. Эта машина фиксирует множество ваших рефлексов. Она также автоматически зафиксировала ваш индивидуальный нервный код, который, как известно, у каждого человека свой, неповторимый.

Главный аппарат, которого вы не видели и не увидите никогда, способен генерировать коротковолновые колебания и настраиваться на любой нервный код. Стоит это сделать — и человек получает настолько сильный удар, что оказывается полностью парализованным и умирает вслед за этим почти мгновенно.

— Стоит ли прилагать такие усилия, чтобы умертвить несколько рабов? — удивился Пан Дан Чи.

— Дело не только в этом,— ответил Яд-хан.— Разумеется, одна из целей заключается именно в том, чтобы не позволить пленным убежать и рассказать об этом райском уголке на умирающей планете. Вы же сами отлично понимаете, сколько сразу нашлось бы охотников захватить эти места. Смертоносные волны аппарата настигают беглецов и на спуске в долину, и даже на выходе из нее, наверху. Существует еще одна цель — аппарат обеспечивает Доксусу всевластие и всемогущество. Машина зафиксировала нервный код не только каждого пленника, но и каждого взрослого Первенца, жителя этой долины. С этого самого момента его жизнь находится всецело в руках Джеддака. Если вы попытаетесь самовольно покинуть долину — будете тут же уничтожены. Если вас заподозрят в измене или ином преступлении против джеддака — смерть неминуема. Человек может, ни о чем не подозревая, спокойно сидеть у себя дома — эта штукавина достанет его и там. Доксус — единственный взрослый в Камтоле, чей нервный код не занесен в память аппарата. Только ему и еще одному человеку по имени Мир-ло известно, где находится главный аппарат и как им пользоваться. Говорят, это очень хрупкая штука и испортить ее ничего не стоит. Верно, по этой причине аппарат и нельзя перемещать с одного места на другое.

— Почему аппарат нельзя перемещать? — не поняла Лана из Гатола.

— Изобретатель аппарата давно мертв,— ответил Яд-хан.— Ходят слухи, будто он возненавидел Доксуса, когда узнал, для каких целей тот использует его гениальное изобретение. Сам джеддак страшно боялся изобретателя, и поговаривают, что он подослал к нему наемных убийц. Место умершего занял Мир-ло, но у того никогда не достанет ума сконструировать что-либо подобное.

VI

Ночью, когда Лана заснула, Яд-хан, Пан Дан Чи и я, чтобы не тревожить девушку, продолжили разговор шепотом.

— Скверно,— произнес Яд-хан, глядя на спящую Лану из Гатола,— очень скверно, что она так хороша собою.

— Что вы имеете в виду? — разволновался Пан Дан Чи.

— Вы спросили меня сегодня о том, какая судьба вас может ожидать, и я перечислил некоторые возможные варианты. Но это варианты для вас, мужчин. Что же касается девушки...

Он еще раз печально посмотрел на Лану и с сожалением покачал головой. Продолжать дальше было незачем — мы и так все поняли.

На следующий день в подвал пришли несколько Первенцев, по виду довольно знатных господ, и принялись изучать нас с такой тщательностью, как изучают скотину, намереваясь ее приобрести. Среди этой компании был один из офицеров джеддака, в обязанности которого входила продажа пленных в рабство. Другая его обязанность, естественно, заключалась в том, чтобы получить максимально высокую цену за свой товар.

Одному из пришедших в подвал покупателей сразу же приглянулась Лана. Он долго торговался с офицером насчет цены, но, в конце концов, кажется, они договорились.

Мы с Пан Дан Чи были просто убиты горем, когда Лану из Гатола увели прочь, так как знали, что едва ли когда-нибудь увидимся с нею. Хотя отцом Ланы является джед Гатола, в венах девушки течет и кровь выход-

цев из Гелиума. А уж женщины Гелиума как никто другой знают, что надо делать в подобных ситуациях. Как, однако, несправедлива бывает к людям судьба!

— Ужасно! — воскликнул в отчаянии Пан Дан Чи.— Оказаться безоружным и прикованным к стене в тот самый момент, когда необходимо действовать.

Бедняга чуть не рыдал от осознания собственного бессилия.

— Понимаю твои чувства,— сказал я.— Но мы еще пока живы, а значит, и кое-какие шансы спасти Лану у нас остаются.

— Только бы вырваться отсюда,— проскрежетал он зубами в ответ.— Тогда уж им придется заплатить за все!

На меня тоже нашлись покупатели, даже целых двое. Они долго торговались, и, в конце концов, я достал датору по имени Ксаксак. С меня сняли цепи. Офицер джеддака в качестве прощального напутствия строго предупредил меня, чтобы я был хорошим и послушным рабом.

Ксаксака сопровождало двое воинов, которые, едва мы вышли из подземелья, стали по бокам от меня и бдительно следили за каждым моим движением. По пути ко дворцу Ксаксака, находившемуся рядом с резиденцией джеддака, я то и дело ощущал на себе любопытные взгляды прохожих. Мне это было не в новинку: моя белая кожа и серые глаза неизменно привлекают внимание обитателей Барсума. Конечно, от загара моя кожа приобрела бронзовый оттенок, но все равно она заметно отличалась от кожи представителей марсианской красной расы.

Прежде чем отправить меня в помещение для рабов, Ксаксак задал мне несколько вопросов.

— Как тебя зовут, раб? — поинтересовался он.

— Дотар Соджат,— ответил я.

Это имя мне дали зеленые марсиане, захватившие меня в плен, когда я впервые попал на эту планету. Они составили его из имен первых двух своих соплеменников, убитых мною в поединках. Звучало оно весьма почетно. Человека, имеющего только одно имя, не особенно уважают. Хорошо, однако, что они вовремя остановились: если бы мое имя составили из имен всех убитых мною марсианских воинов, то, чтобы произнести его вслух, потребовалось бы не меньше часа.

— Как-как? Датор? — переспросил Ксаксак. — Уж не хочешь ли сказать, что ты принц?

— Я сказал не Датор, а Дотар, — повторил он.

Свое настоящее имя я объявлять не собирался, подозревая, что оно хорошо известно среди Первенцев. У них были веские причины люто ненавидеть Джона Картера за то, что он сделал с ними в Долине Дор.

— Откуда ты родом? — продолжал расспрашивать мой новый хозяин.

— У меня нет родины, — ответил я. — Я — пантан.

Опять же о пантанах я упомянул намеренно. У этих солдат удачи действительно нет постоянного места жительства. Они странствуют из города в город, из страны в страну, предлагая свои услуги и свой меч всякому, кто готов нанять их за приличную плату. Это единственная категория людей на Марсе, которые могут беспрепятственно проникать почти в любой город на планете.

— Ах, пантан, — протянул он задумчиво. — Ты, должно быть, недурно владеешь мечом?

— Я встречал воинов, не уступающих мне в этом искусстве, — скромно отозвался я.

— Если окажется, что ты кое-что умеешь, я, пожалуй, выставлю тебя на Малые Игры, — сказал он. — Но я заплатил за тебя кучу денег и вовсе не хочу, чтобы тебя убили.

— Вам не стоит беспокоиться об этом, — произнес я.

— Слишком уж ты самоуверен, — заметил он. — Ладно, поглядим, на что ты способен. Отведите его в сад, — приказал он своим воинам, указывая на меня.

Сам Ксаксак последовал за нами на небольшую площадку, посыпанную песком.

— Дай ему свой меч, — велел он одному из воинов. А потом обратился к другому: — Сразись с ним, Птанг, только не убивай его.

Наконец, он повернулся ко мне.

— Ты понял, раб, этот поединок не на смерть. Мне просто хочется посмотреть, что ты умеешь. Кровь пролить может любой из вас, но убивать друг друга не смейте.

Птанг, как и другие Черные Пираты, с которыми мне доводилось сталкиваться, мечом владел отменно и вообще оказался первоклассным бойцом — хладнокровным, спокойным, метким. Он приблизился ко мне с надменной улыбкой на устах.

— Едва ли честно, мой принц,— обратился он к Ксаксаку,— заставляя биться этого парня с лучшим воином Камтола.

— Но это единственная возможность выяснить, что представляет собой он сам,— ответил Ксаксак.— Если он выдержит поединок с тобой, значит, можно выпустить его на Малые Игры. Было бы неплохо, если бы он выиграл там приз и вернул мне деньги, которые я заплатил за него.

— Ладно, поглядим,— согласился Птанг, скрещивая свой меч с моим.

Не успел он еще сообразить, что к чему, как я нанес ему легкий удар в плечо. Птанг очень удивился такой прыти, и улыбка мгновенно исчезла с его лица.

— Случайность,— сказал он.— Больше это не повторится.

В ответ я ткнул его острием меча в другое плечо. Он расвирипел не на шутку, и в этом заключалась его роковая ошибка. Гнев — неплохой помощник в атаке, но в защите он только помеха. Я имел возможность лично убедиться в этом сотни раз, и когда мне не терпится поскорее разделаться со своим противником, я прежде всего стараюсь его разозлить.

— Давай, давай, Птанг! — подзадоривал Ксаксак.— Покажи этому рабу, какой ты боец!

Птанг снова двинулся на меня. Глаза его налились кровью, и в них светилось одно, самое заветное желание — взять реванш, нанеся мне серию ответных ударов. Думаю, сейчас он с удовольствием бы прикончил меня.

— Эй, Птанг! — крикнул Ксаксак, видимо, заметивший, в каком состоянии находится его воин.— Смотри, не убей его.

Я, не выдержав, захохотал и нанес еще один удар противнику. Кровь брызнула из груди воина.

— Неужели в Камтоле нет ни одного человека, умеющего обращаться с мечом? — насмешливо спросил я.

Ксаксак и остальные воины молча проглотили пилюлю. Я заметил, что они наблюдают за происходящим с угрюмыми лицами. Что касается Птанга, то он был совершенно вне себя. Он так свирепо размахивал мечом, как будто намеревался снести мне голову. Разумеется, это ему не удалось. Зато я пронзил своему сопернику левую руку.

— Может, лучше прекратим? — предложил я Ксаксаку. — А то ваш человек совсем истечет кровью.

Ксаксак ничего не ответил, но мне эта игра уже порядком надоела, и, сделав неожиданный выпад, я выбил меч из рук Птанга. Оружие, пролетев над площадкой, упало неподалеку.

— Ну, что, хватит? — снова спросил я.

Ксаксак кивнул.

— Да, — сказал он. — Достаточно.

Птанга после нашего поединка словно подменили. Куда подевались его надменность и высокомерие? Он удивленно и удрученно глядел на меня, даже не пытаясь найти свой меч. Мне стало жаль парня, и я невольно почувствовал себя виноватым.

— Тебе нечего стыдиться, Птанг, — утешил я его. — Ты, действительно, отличный боец, а то, что я сделал с тобой, я могу проделать с любым другим воином из Катола.

— Я верю, — отозвался он. — Хотя ты и раб, но я горжусь, что скрестил свой меч с твоим. В мире не найдется человека, более искусно владеющего оружием, чем ты.

— Я тоже несколько не сомневаюсь в этом, — произнес Ксаксак. — Теперь, кажется, я знаю, каким образом ты заработаешь мне кучу денег, Дотар Соджат.

VII

Ксаксак обходился со мной так, как состоятельный владелец лошадей на Земле обращался бы с потенциальным победителем кубка Дэربي из своей конюшни. Меня поселили в той части дворца, где жили воины его личной охраны, и обходились, как с равным. Хозяин наказал Птангу следить за тем, чтобы я постоянно упражнялся в боевом искусстве, а также, думаю, за тем, чтобы я не сбежал. Меня же больше всего интересовала судьба Ланы из Гатола и Пан Дан Чи, о местонахождении и участии которых я не имел ни малейшего представления.

Между Птангом и мной установились приятельские отношения. Восхищенный моей ловкостью, он не упускал случая поделиться своими восторгами с остальными воинами. Поначалу те принялись, было, потешаться

над ним, упрекая в том, что его победил какой-то презренный раб, но я предложил, чтобы насмешники, коли они столь самоуверенны, сами померялись силами со мной.

— Я не могу сделать этого без разрешения Ксаксака,— ответил Птанг,— поскольку, если с тобой что-то случится, отвечать придется мне.

— Не беспокойся, со мной ничего не случится,— успокоил его я.— Тебе это известно лучше, чем кому-либо другому.

На его лице появилась кислая улыбка.

— Пожалуй, ты прав,— согласился он.— Но я все равно должен спросить разрешения у Ксаксака.

Именно это он и сделал, когда увиделся с хозяином.

Чтобы укрепить дружеские отношения с Птангом, я принялся обучать его некоторым изощренным приемам, которыми сам овладел в ходе тысяч дуэлей и битв, как на Марсе, так и на Земле. Само собой разумеется, я не собирался посвящать его во все известные мне тайны воинского мастерства, так же, впрочем, как не мог передать ему силу и ловкость, которую обеспечивали мне на Марсе натренированные мускулы землянина.

Во время очередной тренировки, на которой присутствовал Ксаксак, Птанг спросил у него, нельзя ли мне сразиться с кем-нибудь из насмешников.

Ксаксак отрицательно покачал головой.

— Боюсь, как бы Дотара Соджата не ранили,— пояснил он свой отказ.

— Ручаюсь, что этого не произойдет,— заверил я.

— Ладно,— сказал он.— А вдруг ты убьешь кого-нибудь из моих воинов?

— Обещаю, что не сделаю этого. Мне просто хочется проучить их и доказать, что им никогда не продержаться столько, сколько удалось продержаться Птангу.

— Что ж, зрелище обещает быть захватывающим,— поддался, наконец, на мои уговоры хозяин.— Кто там над тобой насмеялся, Птанг?

Птанг назвал имена пяти воинов, которые особенно язвительно подшучивали над его поражением, и Ксаксак немедленно послал за ними.

— Слышал,— начал он, когда воины явились,— что вы порицаете Птанга за поражение в поединке с этим рабом. Вероятно, вы думаете, что, окажись вы на его

месте, то добились бы большего? Что ж, я хочу дать вам возможность доказать это на деле.

Они наперебой принялись уверять его, что ни за что не уступили бы мне победу.

— Вот и отлично,— сказал Ксаксак,— сейчас посмотрим. Только запомните: никто не должен быть убит и по первому моему слову вы прекращаете поединок. Это приказ.

Они пообещали, что убивать меня не станут. Наконец, первый смельчак с важным видом приблизился ко мне. Началась наша дуэль. На расправу со всеми пятью мне понадобилось буквально несколько минут: одного за другим я обезоруживал их, предварительно нанося удары в правое плечо.

Все воины восприняли свое поражение с достоинством и без озлобления, все, кроме одного — человека по имени Бан-тор, особенно усердствовавшего в издевательствах над Птангом.

— Он надул меня,— принялся жаловаться Бан-тор.— Разрешите мне сразиться еще раз, мой датор, и я убью негодяя.

Этот тип был так зол на меня, что даже голос у него дрожал.

— Ну, нет,— отрезал Ксаксак.— Он ранил и обезоружил тебя, доказав тем самым, что владеет мечом лучше, чем ты. Если ему удалось сделать это при помощи какой-то хитрости, стало быть, и тебе бы не помешало быть посмекалистей. Выучись, а уж потом будешь пытаться убить Дотара Соджата.

Покидая сад вместе с четверьмя остальными воинами, Бан-тор продолжал ворчать и жаловаться, и я понял, что, хотя все Первенцы — мои враги, именно этот тип стал отныне самым опасным и активным недругом. Правда, я не придавал этому особого значения: понимая, какую ценность представляет моя персона для Ксаксака, едва ли кто-то решится причинить мне вред. Да и каким образом этот парень мог бы отомстить мне?

— Бан-тор всегда недолюбливал меня,— сообщил Птанг, когда мы снова остались с ним вдвоем.— Он ненавидит меня за то, что я вечно побеждал его в поединках. Ко всему прочему, он обожает делать всякие гадости. Не будь он родственником жены Ксаксака, датор давно бы прогнал его со двора.

Коли уж я сравнил себя с потенциальным победите-

лем кубка Дэрби, то, продолжая эту аналогию, Малые Игры можно назвать малыми скачками. Эти игры проводятся примерно раз в неделю на городском стадионе. Богатая знать выставляет своих воинов и рабов друг против друга, и последние состязаются в борьбе, боксе, различных силовых упражнениях и, конечно, сражаются на мечях. Страсти подогреваются большими ставками — каждому хочется выиграть, и денег в азарте не жалеют. Поединки редко заканчиваются смертельным исходом. Предварительно спорщики точно договариваются не только о том, на кого и сколько поставить, но и на что поставить, то есть каким результатом закончить сражение. Обычно бой продолжается до первой крови или до того момента, пока один из противников не обезоружит другого. Однако, случается и по-другому: по крайней мере, один поединок завершается гибелью одного из соперников.

Население Камтола составляет около двухсот тысяч человек, из которых примерно пять тысяч — рабы. Поскольку мне была предоставлена относительная свобода, я имел возможность немного побродить по городу, хотя и всегда в сопровождении Птанга. Многое показалось мне странным и необычным, но более всего поразило меня малое число детей. Не удержавшись, я спросил у Птанга, в чем причина.

— В Долине Первенцев может существовать, благоденствуя, лишь около двухсот тысяч человек, — пояснил он. — Поэтому производится тщательный отбор новорожденных. В живых оставляют только самых лучших и здоровых, остальных — умерщвляют.

В результате подобных строгих мер среди Первенцев сейчас около шестидесяти пяти тысяч воинов и, примерно, в два раза больше женщин и детей. Все они отличаются отменным здоровьем. У нас существует две партии. Одна из них настаивает на том, чтобы количество женщин было существенно уменьшено и за счет этого увеличено число воинов. Другая, напротив, придерживается мнения, что, поскольку для нас нет серьезной угрозы со стороны врагов, шестидесяти пяти тысяч солдат вполне достаточно.

Тебе может показаться странным, что значительная часть наших женщин принадлежит именно к первой партии, несмотря на то, что она призывает отправлять в инкубаторы большее количество яиц, уничтожая тех

женщин, которые уже произвели потомство, плюс еще столько взрослых представительниц слабого пола, сколько мальчиков появится на свет в инкубаторах. Вероятно, в соответствии со своей глупой женской логикой, каждая из них считает себя самой очаровательной и полагает, что уничтожат не ее, а кого-нибудь другого. Доксусу удастся пока сдерживать натиск и тех, и других, он предпочитает сохранять статус кво, но какой-нибудь джеддак в будущем, вполне возможно, рассудит иначе. Да и сам Доксус, между нами говоря, человек очень непостоянный и вполне может хоть завтра переменить свое мнение.

После знаменательного поединка с пятью хвастунами слава о моем боевом мастерстве и отваге распространилась среди всех шестидесяти пяти тысяч воинов Камтола, причем подавляющее большинство их стало относиться ко мне с уважением. Как я дерусь, своими глазами видело около дюжины человек. Сами они не испытывали особой охоты сразиться со мной, но были не прочь, если бы я принял участие в поединке с кем-нибудь другим. Многие воины всерьез надеялись на то, что смогут одолеть меня, и готовы были к схватке. Надо отдать должное Первенцам, это, действительно, была нация бойцов, очень дорожащих своим мастерством и мужеством.

Однажды, когда я, как обычно, упражнялся в саду, там появился Ксаксак с другим даторм по имени Настор. Птанг, завидев их идущими рука об руку, аж присвистнул от удивления.

— Никогда раньше Настор не бывал у нас, — сказал он мне тихо. — Ксаксаку с него никакой пользы, да и потом они ненавидят друг друга. погоди! — неожиданно воскликнул он. — Кажется, я начинаю догадываться, зачем он пришел. Знаешь, если они захотят посмотреть наш поединок, позволь мне выиграть, обезоружив тебя. Потом я тебе все объясню.

— Хорошо, — согласился я. — Сделаем, как ты говоришь, если с этого будет какая-то польза.

— Не мне, — сказал Птанг, — а даторму Ксаксаку.

Когда они подошли поближе, я расслышал слова Настора:

— Так вот он, твой великий воин! Держу пари, что я знаю человека, который может одолеть его.

— Мне известно, что у тебя отличные воины, —

отозвался Ксаксак.— Но, думаю, парень сможет постоять за себя. На сколько будем заключать пари?

— Ты видел моих воинов в деле,— произнес Настор,— а я никогда не видел твоего парня в бою. Пускай покажет, на что он способен, тогда и поговорим.

— Отлично,— согласился Ксаксак.— Это справедливое требование.

Он повернулся к нам:

— Продемонстрируй-ка перед даторм Настором свое мастерство, Дотар Соджат, но только, чур, не убивать друг друга.

Птанг и я, выхватив мечи, приготовились к поединку.

— Не забудь, о чем я тебя просил,— еще раз напомнил мне Птанг.

Я не только помнил его просьбу, но, кажется, даже начал догадываться, чем она была вызвана. В общем, я показал очень средний бой, почти не нападая на соперника и лишь сдерживая его атаки, пока, наконец, не позволил, как и было условлено, обезоружить себя.

— Что ж, он действительно отлично владеет мечом,— произнес Настор, явно кривя душой, но не догадываясь, что нам известно об этом.— Однако, я готов держать пари на любую сумму, что мой человек убьет его.

— Ты хочешь, чтобы поединок продолжался до гибели одного из участников? — переспросил Ксаксак.— Мне совсем не хочется, чтобы этот парень, который еще ни разу не участвовал в Играх, сразу шел на смертный бой.

— Ставлю двойную ставку против одинарной твоей,— разгорячился Настор.— Такой вариант тебя устраивает?

— Ладно,— согласился Ксаксак.— На какую сумму предлагаешь пари?

— Ставлю тысячу танпи против твоих пятисот,— ответил Настор.

Танпи — это денежная единица, равная примерно одному американскому доллару.

— Этого мне не хватит даже на то, чтобы прокормить сорока моей жены,— усмехнулся Ксаксак.

Поясню, что сорок — это маленькое существо на шести лапках, любимец многих марсианских женщин. Иными словами, Ксаксак дал понять, что не намерен

тратить силы и время ради такой ничтожной суммы. Я прекрасно видел, что хозяин старается вывести Настора из себя и подтолкнуть к опрометчивым поступкам. По всей вероятности, Ксаксак догадался, что мы с Птангом разыграли перед ним и его гостем маленький спектакль.

Настор мрачно нахмурился.

— Не хотел грабить тебя,— сказал он,— но если тебе доставляет удовольствие швырять деньги на ветер, пускай будет по-твоему. Назови свою сумму.

— Ради интереса,— предложил Ксаксак,— ставлю пятьдесят тысяч танпи против ста тысяч твоих.

С минуту Настор колебался, но, вспомнив, с какой легкостью Птанг обезоружил меня, все-таки попался в расставленные нами сети.

— Решено! — произнес он.— Мне жаль вас обоих: и твоего воина, и тебя.

И, повернувшись, он вышел из сада, не произнеся больше ни слова.

Ксаксак поглядел ему вслед с ехидной ухмылкой и, когда тот скрылся из вида, обратился к нам:

— Надеюсь, это был просто спектакль,— сказал он.— Не хотите же вы, чтобы я лишился пятьдесят тысяч танпи!

— Не беспокойтесь, мой принц,— ответил Птанг.

— Я не буду беспокоиться, пусть побеспокоится Дотар Соджат,— сказал Ксаксак.

— В подобных затеях всегда есть известный риск,— заметил я.— Но, думаю, эта сделка не оставит вас в накладе.

— Ну, вот и отлично,— заключил Ксаксак.

VIII

По словам Птанга, интереса к поединку, подобного тому, что возник у жителей города, едва стало известно о заключенном между Ксаксаком и Настором пари, еще не бывало.

— За Настора будет выступать не простой воин,— поведал мне Птанг городские новости.— Он уговорил принять участие в поединке датора — лучшего бойца Камтола по имени Нолат. Первый раз слышу, чтобы принц сражался с рабом. Говорят, Нолат задолжал На-

стору огромную сумму денег, и последний будто бы обещал простить долг в том случае, если Нолат выиграет. А твой соперник абсолютно уверен в победе. Он даже заложил собственный дворец, чтобы на вырученные деньги сделать ставку на самого себя.

— Это совсем не такой глупый поступок, — пошутил я. — Ведь если он проиграет бой, дворец ему уже не понадобится.

Птанг весело рассмеялся.

— Надеюсь, что так и произойдет, — ответил он. — Только и тебе не следует быть излишне самоуверенным. Не забывай, что Нолат считается лучшим бойцом среди Первенцев, а последние слывут за самых искусных воинов на всем Барсуме.

По мере приближения дня нашего поединка с Нолатом Ксаксак и Птанг нервничали все больше и больше. То же происходило и с воинами Ксаксака, которые, казалось, были лично заинтересованы в моей победе. Все, за исключением Бан-тора. А ведь они как будто бы должны были испытывать неприязнь ко мне после того, как я разоружил их, победив в схватке.

Бан-тор, как я узнал, тоже поставил против меня и повсюду похвалялся этим, утверждая, что Нолату я не соперник и что тот разделается со мной в два счета.

Я, как и подобает рабу, спал в маленькой комнатухе на старых шкурах. Она примыкала к комнате, занимаемой Птангом, и имела с ней один общий выход. Наши апартаменты находились на втором этаже дворца и выходили окнами в сад.

Ночью перед состязанием меня разбудил какой-то подозрительный шум в комнате. Открыв глаза, я увидел вылезающего через окно человека. В руках у него был меч. Поскольку ни одна из двух лун Марса в ту ночь не светила, было слишком темно для того, чтобы опознать ночного гостя. Тем не менее, фигура и повадки его показались мне знакомыми.

Утром я рассказал о странном ночном посещении Птангу. Ни один из нас, естественно, не мог заподозрить, что это был вор, так как воровать у меня нечего.

— Может, это наемный убийца, который хотел сорвать поединок? — предположил Птанг.

— Сомневаюсь, — ответил я. — Он мог запросто убить меня, но не сделал этого. Я ведь проснулся только тогда, когда он уже вылезал из окна.

— У тебя ничего не пропало? — на всякий случай осведомился Птанг.

— Ты же отлично знаешь, что у меня нечего воровать, кроме одежды и оружия,— ответил я.— А они сейчас на мне.

Наконец, Птанг высказал догадку, что мой ночной посетитель, вероятно, просто заблудился. Он, наверное, полагал, что в этой комнате ночуют рабыни, а когда обнаружил свою ошибку, поспешил ретироваться. На этом мы и остановились, поскольку других объяснений не нашли.

Около четвертого зода мы направились на стадион. Шествие было пышное и представляло собой любопытное зрелище. В нашей процессии участвовал Ксаксак с женой, ее рабынями, а также своими офицерами и воинами. Мы все ехали на ярко украшенных лошадях под развевающимися знаменами, а впереди, во главе шествия, двигались верхом трубачи, оповещая о нашем приближении всю округу. Настор появился в сопровождении такой же пышной свиты. Под приветственные крики публики участники состязаний выстроились на арене стадиона. На мою долю аплодисментов досталось меньше, чем на долю моего соперника, да это и понятно: я был рабом и чужестранцем, а он — принцем, человеком одной крови со зрителями.

Наконец, начались соревнования. Как и на всех Играх, тут были поединки по борьбе, боксу, несколько дуэлей до первой крови. Но все с нетерпением ждали нашей схватки на смерть. Люди повсюду одинаковы. На Земле они охотно ходят на матчи боксеров, получая великое удовольствие при виде крови или когда один из спортсменов посылает другого в нокаут. Следя за поединком борцов, они так и ждут, чтобы кого-нибудь выбросили с арены и изувечили. Аварии со смертельным исходом на автомобильных гонках приводят публику в полное неистовство. Почему вид чужой крови и мучений оказывает на нас такое возбуждающее воздействие? Убежден, что, если бы в упомянутых видах спорта не было элемента опасности и риска, они бы имели значительно меньше ярых поклонников.

Наконец, настал и мой черед выходить на арену. Впервые мне пришлось выступать перед столь изысканной публикой. Знатные люди Камтола буквально заполнили трибуны. Присутствовал сам Доксус, джеддак

Первенцев, вместе со своей джеддарой. Я успел обратить внимание на яркие наряды зрителей, блистающие драгоценными камнями и металлами. Над трибунами развеались знамена и вымпелы.

По установленному церемониалу, Нолата подвели сначала к ложе джеддака, чтобы он представился правителю, затем к ложе Ксаксака, которому он почтительно поклонился и, в последнюю очередь, к ложе Настора — человека, за которого он согласился выступить в этом смертельном поединке.

Поскольку я являлся рабом, то джеддаку меня представлять не стали, зато провели к Настору, дабы тот собственными глазами убедился в том, что я — тот самый боец, против которого он держал пари. Разумеется, вся процедура носила, скорее, формальный характер, однако таковы были правила Игр.

Когда вначале нас всех выводили на арену, я успел бросить лишь беглый взгляд на окружение Настора. Теперь появилась возможность рассмотреть его свиту получше. И что я увидел! Рядом с датором сидела Лана из Гатола собственной персоной! Ну, теперь я буду не я, если не прикончу бойца, выступающего за Настора!

Лана из Гатола попыталась заговорить со мной, но я кивком головы предупредил ее порыв. Я боялся, как бы она не назвала меня по имени, а это здесь, среди Первенцев, было бы для меня равнозначно смертному приговору. До сих пор поражаюсь, почему ни один из них не узнал меня: белая кожа и серые глаза делают мою внешность весьма примечательной, и, если кто-нибудь из них был в Долине Дор тогда, когда там оказался я, они должны были бы меня запомнить. Позднее я узнал ответ на свой вопрос.

— Зачем ты сделал это, раб? — спросил Настор.

— Что именно?

— Зачем ты кивнул головой? — переспросил он.

— Это, наверное, от нервов, — ответил я.

— Что ж, тебе есть от чего нервничать, — с отвратительной усмешкой заметил Настор. — Ведь ты уже почти покойник.

Меня отвели в дальний угол арены. Рядом со мной находился Птанг, выполнявший, как я предполагаю, обязанности секунданта. В течение нескольких минут мы вдвоем дожидались, пока к нам соизволит подойти Нолат со своим секундантом, тоже знатным датором.

Видимо, задержка была явно рассчитана на то, чтобы лишний раз заставить меня понервничать. Наконец, мой соперник появился. Я заметил еще одного, пятого человека на арене. Наверное, это был судья, все нехитрые обязанности которого заключались лишь в том, чтобы подать сигнал к началу поединка.

Нолат оказался крупным, сильным мужчиной. Казалось, он рожден, чтобы быть воином. Его наружность можно было бы даже назвать приятной, если бы не высокомерно-снисходительная улыбка, не сходявшая с его лица. Птанг предупредил меня, что перед началом поединка мы оба должны поприветствовать друг друга, и я, заняв позицию, приветственно поднял меч. Нолат лишь хмыкнул мне в ответ.

— Не теряй времени, раб! — сказал он. — Ты и так уже почти покойник.

— Вы совершили промах, Нолат, — произнес я, когда начался бой.

— О чем ты говоришь, раб? — не понял он и сделал неожиданный выпад.

— Было бы лучше, если бы вы поприветствовали меня, — пояснил я, парируя его удар. — Теперь будет сложнее — разве что придется приостановить схватку, чтобы дать вам возможность наверстать упущенное.

— Дерзкая тварь! — злобно зарычал он, в ожесточении кидаясь на меня.

Вместо ответа я нанес ему глубокую рану в левую щеку.

— Вот видите, я же говорил, что вы напрасно пренебрегли приветствием, — усмехнулся я.

Все это вместе взятое окончательно разъярило Нолату, и он, свирепо раздувая ноздри, двинулся на меня с явным намерением прикончить немедленно. Я полоснул его острием клинка по другой щеке, а в следующее мгновение нанес два скользящих удара в грудь, так что на левой стороне ее появился кровавый крест. Этот сложный маневр требовал особого мастерства и ловкости.

Публика наблюдала за происходящим на арене в гробовом молчании, лишь из ложи Ксаксака раздавались возгласы одобрения. Нолат, обливаясь кровью, начал медленно оседать.

Вдруг над стадионом пронесся истошный крик:

— Смерть!

Другие голоса с трибун поддерживали этот призыв. Они желали смерти, и, поскольку было совершенно очевидно, что Нолат убить меня не в состоянии, я понял: они требуют, чтобы я прикончил своего соперника. Вместо этого, однако, я разоружил его, выбив меч так, что он отлетел в дальний угол арены. Судья стремглав бросился за ним — по крайней мере, нашлось и для него хоть какое-то занятие.

Я повернулся к секунданту Нолату:

— Я предлагаю ему жизнь,— сказал я громким голосом, чтобы мои слова слышали все зрители.

Отклик публики не заставил себя ждать. Перекрывая другие, единичные голоса, на трибунах почти хором вопили:

— Смерть!

— Он предлагает тебе жизнь, Нолат,— произнес секундант.

— Но деньги должны быть уплачены, как если бы я убил его,— добавил я.

— Это равнозначно смерти,— отозвался Нолат.— Я буду сражаться дальше.

Надо отдать ему должное: он оказался мужественным человеком. Именно поэтому я и не хотел его убивать.

К этому времени судья принес моему сопернику его меч, и мы продолжили прерванный поединок. Нолат больше не насмеялся и не отпускал ядовитых шуток в мой адрес. Надменное выражение исчезло с его лица. Он, словно загнанная в угол крыса, из последних сил боролся за свою жизнь. Сказать по правде, Нолат действительно оказался хорошим бойцом, но сомневаюсь, чтобы он был лучшим среди Первенцев. Мне доводилось видеть многих из них в сражении, и я готов назвать, по меньшей мере, дюжину имен тех, кто владеет мечом куда искуснее, чем он.

В любой момент я мог нанести Нолату последний, смертельный удар, однако что-то удерживало меня от этого. Мне казалось излишним убивать такого ловкого и отважного воина, и я ограничился тем, что, нанеся противнику несколько не очень сильных ударов, снова обезоружил его.

Я проделал это еще трижды и, пока судья бегал за мечом Нолату, подходил к ложе джедака и салютовал правителю своим оружием.

— Что ты здесь маячишь, раб? — спросил у меня офицер охраны джеддака.

— Я пришел просить джеддака даровать жизнь Нолату, — ответил я. — Он отличный воин и храбрый человек. Добить его сейчас — равносильно убийству, а я не убийца.

— Меня удивляет твоя просьба, — произнес Доксус. — Поединок условлено вести до смертельного исхода, и он должен продолжаться до тех пор, пока один из вас не погибнет.

— Я чужак в вашей стране, — не унимался я, — но в тех местах, откуда я пришел, действует правило: если один из соперников обнаружит какое-нибудь нарушение или обман, поединок прекращается, а его объявляют победителем.

— Не хочешь ли ты сказать, что обнаружил со стороны датора Настора или датора Нолата какую-то нечестность? — возмутился Доксус.

— Я хочу сказать о том, что сегодня ночью, пока я спал, неизвестный человек, проникнув в комнату через окно, подменил мне оружие, вложив в ножны более короткий меч. Едва начался поединок, как я тут же заметил, что мой меч на несколько дюймов короче, чем у Нолат. Это не мое оружие, и Ксаксак с Птангом могут подтвердить правоту моих слов.

Доксус тут же призвал Ксаксака и Птанга и предложил им осмотреть мой меч. Ксаксак сказал, что он может подтвердить только одно: этот меч из его арсенала, а какой именно был у меня, ему неизвестно. Зато Птанг отлично знал мое оружие, и Доксус обратился к нему.

— Это тот самый меч, который был выдан рабу Дотару Соджату? — спросил он.

— Нет, — твердо ответил Птанг.

— Но ты узнал это оружие?

— Да.

— Кому оно принадлежит?

— Это меч воина по имени Бан-тор, — произнес Птанг.

IX

Доксусу не оставалось ничего другого, как присудить победу мне и распорядиться, чтобы деньги были выпла-

чены, как если бы я убил Нолат. Настору это не очень пришлось по вкусу, тем более что Доксус заставил его отдать Ксаксаку сто тысяч танпи в своем присутствии. Затем послали за Бан-тором.

Доксус был вне себя от ярости. Первенцы как народ военный очень дорожат своей честью, а то, что произошло, запятнало их репутацию.

— Это тот самый человек, который проник нынешней ночью к тебе в комнату? — спросил джеддак, указывая на Бан-тора.

— Было темно, и я видел того типа только со спины, — ответил я. — Он показался мне знакомым, но утверждать с уверенностью, что это тот самый человек, не берусь.

— Ты делал какие-нибудь ставки в этих Играх? — обратился джеддак к Бан-тору.

— Совсем маленькие, мой джеддак, — с поникшей головой отозвался тот.

— На кого?

— На Нолат.

Доксус повернулся к одному из своих офицеров.

— Найдите всех, с кем Бан-тор держал пари.

Рабу было приказано обойти стадион, громко выкликая тех, кто держал пари с Бан-тором. Вскоре перед ложей Доксуса собралось с полсотни человек. Сам Бан-тор выглядел уничтоженным, поскольку от каждого из пятидесяти джеддак узнавал о том, что Бан-тор заключил пари на очень крупные суммы.

— Видимо, делая ставки, ты был уверен в том, что исход поединка предрешен? — закончив опрос воинов, снова обратился к Бан-тору джеддак.

— Я надеялся, что Нолат победит, — ответил тот. — Он ведь лучший боец в Камтоле.

— Ты был уверен, что он победит, зная, что у его соперника короткий меч. Ты совершил подлый поступок, опозорив тем самым всех Первенцев. В наказание ты сам будешь драться с Дотаром Соджатом.

Он повернулся ко мне.

— Ты вправе убить его, — произнес он. — Но прежде, чем вы начнете поединок, я хочу убедиться своими глазами в том, что теперь твой меч такой же длины, как и его. Хотя было бы вполне справедливо заставить его сражаться тем коротким мечом, который он подсунул тебе.

— Убивать его я не стану,— ответил я,— но я оставлю на нем метину, которую ему придется носить до конца дней и которая будет напоминать всем, что перед ними — негодяй и обманщик.

Отправляясь на место поединка перед ложей джеддака, я услышал, как на трибунах заключаются пари на мою победу. Предлагались ставки сто против одного и, как я узнал позже, даже тысяча против одного, что случается крайне редко.

Мы встали друг против друга, готовясь начать бой, и тут раздался громкий вопль Настора:

— Я не буду заключать пари, но, если Бан-тор прикончит раба, я заплачу ему пятьдесят тысяч танпи.

Похоже, знатный датор не на шутку разгневался на меня.

Бан-тор оказался серьезным соперником. Мало того, что он недурно владел мечом,— сейчас он дрался за свою жизнь и еще за пятьдесят тысяч танпи. В его действиях не было поспешности и лихого натиска — он вел бой осторожно, в основном, обороняясь и выжидая, когда одно мое неверное движение позволит ему нанести решающий удар. Однако неверное движение сделал не я, а он сам. Ложным выпадом Бан-тор попытался лишить меня равновесия.

Я никогда не теряю равновесия. Мой меч, просвистев в воздухе, оставил на самом лбу противника глубокую крестообразную отметину — Х. Затем я выбил меч из его руки.

Даже не удостоив поверженного противника взглядом, я двинулся к ложе джеддака.

— Я удовлетворен,— произнес я.— Носить всю жизнь подобную отметину на лбу,— это, по-моему, достаточное наказание. Что касается меня, я бы предпочел лучше умереть.

Доксус кивком головы подтвердил свое согласие и велел трубачам объявить, что Игры закончены. Затем он снова обратился ко мне:

— Из какой ты страны? — спросил он.

— У меня нет родины,— ответил я.— Я пантан, мой меч служит тому, кто больше заплатит.

— Я покупаю тебя и, следовательно, твой меч тоже,— заявил джеддак.— Сколько ты заплатил за этого раба, Ксаксак?

— Сто танпи,— ответил мой хозяин.

— Это ты продешевил,— сказал Доксус.— Я тебе дам за него пятьдесят танпи.

Вот что значит быть джеддаком!

— Мне доставит огромное удовольствие преподнести его вам в подарок, мой джеддак,— сказал Ксаксак, почтительно склоняя голову.

Его щедрость была вполне объяснима: только что он заработал на мне сто тысяч танпи и прекрасно понимал, что в дальнейшем едва ли найдутся охотники заключать пари против меня.

Смена хозяев порадовала меня — благодаря ей я попаду во дворец джеддака. Для осуществления того дерзкого плана побега, который уже начал вызревать у меня в голове, мне было необходимо оказаться во дворце Доксуса, если, конечно, мои предположения были верны.

Итак, Джон Картер, Принц Гелиума, Бог войны Барсума, попал во дворец Доксуса, джеддака Первенцев, в качестве раба, но раба, успевшего сделать себе имя. Воины гвардии джеддака относились ко мне вполне уважительно. Мне выделили отдельную комнату и поставили следить за мной одного из доверенных низших офицеров Доксуса, точно так же, как Птанга во дворце Ксаксака.

Признаюсь, мне было не совсем понятно, зачем Доксус купил меня. Ему-то должно быть хорошо известно, что денег на мне он не заработает, ибо кто же согласится держать пари или выставлять бойцов против человека, который лучших воинов Камтола отдал, как новичков?!

Все разъяснилось на следующий день. Доксус вызвал меня к себе. Когда меня привели, он находился совершенно один в маленькой комнате. Сопровождавшего меня воина он тут же отправил обратно.

— Спускаясь в долину,— начал он издалека,— ты, наверняка, видел много человеческих трупов и скелетов?

— Да,— подтвердил я, еще не понимая, к чему он клонит.

— Эти люди погибли, потому что попытались сбежать,— пояснил он.— У тебя тоже ничего не получится, если ты вдруг надумаешь. Я предупреждаю тебя, чтобы ты не делал бессмысленных попыток. Может, ты надеешься убить меня и исчезнуть в суматохе? Не выйдет! Ты никогда не сможешь покинуть Долину Первенцев.

Зато, если пожелаешь, сможешь жить здесь в достатке и благополучии. От тебя требуется только одно — научить меня тем секретам бойцовского искусства, при помощи которых тебе удалось победить всех лучших воинов среди Первенцев. Имей в виду: наши занятия будут происходить втайне от всех. Ты должен пообещать, что никогда и никому не скажешь о них ни слова — даже под угрозой или под пыткой. Иначе тебя ждет смерть, страшная, мучительная смерть. Что ты скажешь на это?

— Я могу пообещать вести себя предельно осторожно и благоразумно, — ответил я. — Но гарантировать, что в результате наших занятий вы будете владеть мечом лучше всех остальных Первенцев, не могу. Это зависит от тех способностей, которыми наделила вас природа и от многого другого. Тем не менее, я готов обучить вас тому, что умею сам.

— Говоришь ты, однако, совсем не как бедный пантан, — заметил Доксус. — Твои речи — это речи человека, привыкшего общаться с джеддаками на равных.

— Вы хотите научиться искусству владения мечом, — уклончиво ответил я, — а мне приходится еще больше учиться искусству быть рабом.

Джеддак только что-то проворчал в ответ на мою реплику и, встав из-за стола, жестом велел мне следовать за ним. Через маленькую дверцу, находившуюся в стене позади стола, за которым сидел Доксус, мы попали на лестницу и спустились в подземелье под дворцом. В конце концов, мы оказались в большой, залитой искусственным светом комнате, заполненной различной величины металлическими ящиками. Здесь стояла также постель, несколько скамеек и стол, по которому были разбросаны разные бумаги, пишущие и рисовальные принадлежности.

— Это тайное помещение, — пояснил Доксус. — Кроме меня, в него имеет доступ только один человек. Здесь нам никто не помешает. Этот другой человек, про которого я говорил, — мой самый верный слуга. Он может внезапно войти, но его я не опасюсь: он не выдаст нашу маленькую тайну. Давай не будем терять времени и приступим к занятиям немедленно. Мне не терпится дождаться того дня, когда я скрещу меч кое с кем из этих напыщенных эгоистов-дворян, считающих себя за великих бойцов. Вот уж они будут удивлены!

Разумеется, я не имел ни малейшего намерения раскрывать перед Доксусом все известные мне приемы. Впрочем, как бы далеко мы не зашли в наших занятиях, ему все равно никогда не сравняться со мной — у него ведь нет моей силы и ловкости.

В тот самый момент, когда я обучал джедака, как обезоружить противника, одна из дверей в комнату распахнулась и на пороге появился какой-то человек. За короткое время, пока дверь была открыта, я успел заметить находящуюся в соседнем помещении какую-то удивительную машину. Ее поверхность покрывали всякие кнопки и рычаги — в общем, она очень напоминала тот самый аппарат, при помощи которого меня допрашивали в первый день моего пребывания в городе.

При виде меня на физиономии вошедшего отразилось глубокое изумление. Я, чужак и раб, стоял перед джедаком. Первенцев с обнаженным мечом в руке! Незнакомец мгновенно выхватил свой пистолет и направил его на меня. К счастью, Доксус вовремя вмешался, а то бы не миновать трагедии.

— Все в порядке, Мир-ло,— успокоил он.— Я тут учусь некоторым приемам владения мечом у этого раба. Его зовут Дотар Соджат, теперь ты будешь встречать его здесь ежедневно. А кстати, что ты сам делаешь здесь сейчас? Что-нибудь случилось?

— Один раб сбежал сегодняшней ночью,— ответил Мир-ло.

— Надеюсь, ты его настиг?

— Только что. Он уже успел добраться до середины откоса.

— Отлично! — похвалил Доксус.— Продолжим, Дотар Соджат.

Моя голова была настолько занята тем, что я только что увидел и услышал, что мне стоило больших усилий снова сосредоточиться на наших занятиях. Доксус, воспользовавшись моей рассеянностью, сумел слегка кольнуть меня мечом. Это привело его в полный восторг.

— Восхитительно! — воскликнул он.— За единственное занятие я добился таких успехов, что даже смог нанести тебе удар. Помнится, Нолату не удалось сделать этого ни разу. Пожалуй, на сегодня хватит.

Я разрешаю тебе свободно ходить по городу. Только не вздумай выходить за ворота.

Он подошел к столу и принялся что-то писать, затем вручил мне написанное.

— Возьми,— сказал он.— С этой бумагой ты можешь гулять где пожелаешь и в любое время возвращаться во дворец.

Я прочитал:

«Дотару Соджату, рабу, дарована свобода перемещения по дворцу и городу.

*Доксус.
Джеддак».*

Возвращаясь к себе, я решил, что буду позволять Доксусу каждый день легонько задевать меня мечом. Глядишь, добьюсь от него еще каких-нибудь милостей.

Ман-лат, офицер, приглядывающий за мной, находился один в своей комнате.

— С сегодняшнего дня хлопот у тебя убавится,— сообщил я ему.

— Что ты имеешь в виду? — не понял он.

Я показал ему пропуск.

— Должно быть, ты чем-то приглянулся Доксусу,— произнес Ман-лат.— Мне не припоминается, чтобы прежде он предоставлял какому-нибудь рабу такую свободу. Гляди только, не пытайся сбежать!

— Мне известно, чем это грозит. Я видел человеческие останки на спуске в долину.

— Мы называем их детишками Мир-ло,— сказал Ман-лат.— Он очень гордится своей работой.

— Кто такой Мир-ло? — спросил я, прикидываясь, будто ничего не знаю.

— Человек, которого ты, вероятнее всего, никогда не увидишь,— ответил Ман-лат.

— Он живет во дворце? — спросил я.

— Где он живет, известно только джеддаку. Говорят, у него во дворце есть потайная комната, но я ничего не знаю об этом. Могу сказать лишь, что после Доксуса он — самый могущественный человек в Камтоле, в его руках сосредоточена власть над жизнью и смертью всех обитателей Долины Первенцев. Он способен уничтожить любого из нас, пока мы тут сидим и разговариваем, и мы никогда не узнаем, кто нас убил.

Теперь более, чем прежде, я был убежден, что в ком-

нате под дворцом находится именно та штукавина, которая меня так заинтересовала. Итак, я знаю местонахождение таинственного аппарата. Но как использовать то, что мне известно?

В тот же день я воспользовался предоставленной мне свободой передвижения и отправился в город. До сих пор я бывал с Птангом только в одной его части. Стражники у дворцовых ворот, увидев мой пропуск, удивились не меньше, чем Ман-лат. Конечно, с пропуском или без него я по-прежнему оставался для них врагом и рабом — человеком, к которому надлежит относиться с подозрением и пренебрежением. Правда, отношение ко мне отчасти смягчалось тем, что я победил на поединках отборных воинов Камтола. Вы, думаю, и представить себе не можете, как высоко повсюду на Марсе ценят хороших бойцов, искусно владеющих мечом! У себя на родине им поклоняются, как Хуану Бельмонте в Испании или Джеку Дэмпси в Америке.

Не успел я отойти и двух шагов от дворца, как, случайно глянув вверх, увидел несколько аэропланов, спускающихся на город. Первенцы, с которыми я сталкивался с Долине Дор, все были летчиками, но здесь я увидел аэропланы впервые, и это меня удивило.

Кажется, будто марсианские аэропланы легче воздуха (а может, так оно и есть на самом деле?). Эта легкость достигается благодаря использованию замечательного открытия — лучей отторжения, которые как бы пытаются оттолкнуть машину от поверхности планеты. Их аэропланы могут совершать вертикальную посадку на площадке, не намного превышающей размеры самого корабля. Вот и сейчас аэропланы, за которыми я наблюдал, снижались, чуть не касаясь крыльями стен дворца.

Аэропланы! Мое сердце учащенно забилося, едва я заметил их. Аэропланы! Вот самый надежный способ выбраться из Долины Первенцев. Конечно, необходимо продумать все до мелочей, и риск огромный, но, если все пойдет как следует с другой частью моего плана, то я найду выход — и аэроплан, разумеется, тоже.

Я направился напрямик в ту сторону, в которой скрылись аэропланы. Вскоре мои поиски увенчались успехом. Я вышел к огромному строению высотой, примерно, в три этажа, на крыше которого стояло несколько машин. На Барсуме практически везде ангары сооружают на крышах домов, дабы не занимать под них лишней

площади в тесных, сжатых со всех сторон крепостными стенами городах. Так что я нисколько не был удивлен своим открытием.

Я приблизился к входу в здание, намереваясь изучить и ангар, и особенно сами аэропланы, если, конечно, удастся проникнуть внутрь. Но едва я сделал шаг через порог, как дорогу мне преградил воин с обнаженным мечом в руке.

— Куда это ты собрался, раб? — спросил он.

Я показал ему свой пропуск.

С тем же удивлением, что и все остальные, кому я показывал свою бумагу, он несколько раз пробежал глазами написанное.

— Здесь говорится о свободе передвижения по городу и по дворцу, — наконец, сказал он, — но ничего не сказано об ангарах.

— Но ангараы ведь расположены на территории города, разве не так? — настаивал я.

Он покачал головой.

— Конечно, на территории города. Но я все равно не могу тебя пропустить. Я вызову офицера.

Так он и сделал, и вскоре появился офицер.

— Ага! — воскликнул он, едва увидев меня. — Ты — тот самый раб, который мог убить Нолат, но сохранил ему жизнь! Что тебе здесь нужно?

Вместо ответа я протянул свой пропуск. Он внимательно прочитал его несколько раз.

— Это невозможно, — наконец, произнес он. — Впрочем, твой меч тоже творит чудеса. Я до сих пор не могу поверить в то, что тебе удалось победить Нолат, который слыл лучшим бойцом в Камтоле. Рядом с тобой он выглядел, как одноногая дряхлая старуха. Ну, ладно, зачем ты хочешь попасть в ангар?

— Я хочу научиться летать, — простодушно ответил я.

Офицер шлепнул себя по бокам и расхохотался.

— Ты, парень, либо сам круглый дурак, либо нас, Первенцев, считаешь такими, если думаешь, что мы станем учить летать какого-то раба!

— Но хоть посмотреть-то на аэропланы можно? — настаивал я. — Никакого вреда от этого не будет. Меня всегда очень интересовали аэропланы.

С минуту он еще колебался, а потом сказал:

— Нолат — мой лучший друг. Ты мог убить его, но

не сделал этого. Только в благодарность за твой поступок я разрешаю тебе войти внутрь.

— Спасибо,— поблагодарил я его.

На первом этаже здания располагались мастерские, в которых строили и чинили аэропланы. Второй был заполнен самими машинами — в основном, маленькими, быстрыми аэропланами, которыми так славятся Черные Пираты Барсума. На крыше находилось четыре больших корабля, а рядом примостились маленькие аэропланы, которым, очевидно, не нашлось места на нижних этажах.

Здание занимало территорию в несколько акров, и в нем, судя по всему, могло уместиться множество машин. Вот, наконец, и я увидел их собственными глазами — совсем как и тогда, несколько лет тому назад, когда, подобно разъяренным москитам, они кружились над Золотыми Скалами. Как они оказались здесь? Я считал, что Первенцы обитают только в Долине Дор, хотя большинство барсумцев до сих пор верят, будто они прилетают с Турии, ближайшей луны. Я убедился в том, что эта теория — чистейшей воды выдумка, когда на моих глазах Кодар, один из Черных Пиратов, едва не умер от недостатка кислорода. Спасаясь от тернов во время их битвы с Черными Пиратами, мы с Тувией летели на слишком большой высоте. Там-то все и произошло. Сами рассудите, если человек не может жить без кислорода, каким образом ему удастся летать туда и обратно между Турией и Барсумом в открытом аэроплане?

Офицер, пустивший меня в ангар, приставил ко мне воина, который неотступно следовал за мной, опасаясь, видимо, чтобы я не попытался что-нибудь испортить. Воспользовавшись случаем, я поинтересовался у него, почему до сегодняшнего дня ни разу не видел аэропланов в воздухе.

— Мы совершаем полеты в основном в ночное время,— ответил парень,— чтобы наши враги не заметили ни откуда мы взлетаем, ни где приземляемся. На тех аэропланах, что ты видел несколько минут назад, прилетели наши гости из Долины Дор. Скорее всего, их прилет означает, что не за горами большая война. Наконец-то! Давненько мы не совершали рейдов на чужие города. Славное предстоит дельце! Вот уж мы отведем душу вместе с ребятами из Долины Дор!

Итак, Черные Пираты из Долины Дор здесь, в Камтоле! Теперь-то меня наверняка опознает кто-нибудь из них.

Выйдя из здания ангара, я повернулся и тщательно осмотрел его еще раз, стараясь запомнить все до мелочей. Затем я обошел вокруг всего сооружения — оно занимало целую площадь, по всем сторонам от него тянулись улицы. Как почти у всех зданий на Марсе, его фасад был обильно украшен. Ангар находился в относительно бедной части города, хотя и неподалеку от дворца. Его окружали маленькие, скромного вида дома, в которых, вероятно, жили работающие в ангаре мастера и механики. Рядом располагалось несколько небольших магазинчиков. Неторопливой походкой двигаясь мимо них, я разглядывал выставленные на витринах изделия и вдруг заметил нечто такое, что сразу заставило меня остановиться. Вещица, которую я приглядел, могла пригодиться в реализации моего плана побега из Долины Первенцев, из которых еще никому и никогда сбежать не удавалось. Иногда это даже неплохо — обдумывать нечто совершенно беспрецедентное.

Я зашел в магазин и поинтересовался, сколько стоит облюбованная мной вещица. Оказалось, всего три типи. Это около тридцати центов Соединенных Штатов Америки. Однако у меня не было никаких денег Первенцев, даже такой мизерной суммы.

Деньги, находящиеся в обращении на Марсе, не слишком отличаются от земных — только монеты у них овальной формы, и их всего три: пи, равная примерно одному американскому центу, типи, равная десяти центам, и танпи, равная одному доллару. Первые изготавливаются из бронзы, вторые — из серебра и, наконец, третьи — из золота. Бумажные деньги запускаются в оборот частными лицами — вроде того, как на Земле выписывают чеки, и два раза в год они должны быть оплачены монетами. Если человек выдает бумажных денег на большую сумму, чем он в состоянии оплатить, государство покрывает его долг и полностью удовлетворяет всех его кредиторов, но сам должник обязан отработать погашенную сумму либо в сельском хозяйстве, либо на шахтах, которые находятся во владении государства.

У меня были при себе деньги Гелиума на сумму примерно в пятьдесят танпи, и я спросил у хозяина, не согласится ли он продать мне вещицу за иностранную

валюту, хоть бы и подороже. Он с радостью изъявил желание удовлетворить мою просьбу, при условии, чтобы считать одну золотую монету за серебряную, то есть доллар — за тридцать центов. Меня это вполне устраивало, и через несколько минут я покинул магазин, унося в сумке драгоценное приобретение.

Возле самого дворца я заметил перед собой белокожего человека, тащившего тяжелую ношу на спине. Насколько мне было известно, кроме меня самого, в Камтоле находился еще только один белый человек — Пан Дан Чи. Я прибавил шаг.

Да, я не ошибся: это действительно, оказался оровар из древнего Хорца. Когда я, наконец, догнал его и окликнул по имени, он настолько удивился, что чуть не бросил свою ношу.

— Джон Картер! — воскликнул он.

— Тихо! — предупредил я. — Если Первенцы пронохают, что Джон Картер находится в Камтоле, страшно даже подумать, что они с ним сделают! Расскажи-ка лучше о себе. Что с тобой приключилось после того, как мы виделись в последний раз?

— Меня купил датор Настор, слывающий за самого жестокого хозяина во всем Камтоле. К тому же он ужасный скупердяй. Он и меня купил только потому, что уступили по дешевке. Так же, почти задаром, Настор приобрел и Яд-хана. Работать на него приходится день и ночь, а еды дают совсем мало — да еще такую дрянь! После того, как хозяин проиграл сто тысяч танпи Ксаксаку, у нас вообще никакой жизни не стало. Поверишь ли, он терзает нас, словно маньяк!

Тут, кажется, Пан Дан Чи осенило.

— Ах, ты, мой прародитель! — неожиданно воскликнул он. — Это, значит, ты победил Нолату? Это из-за тебя скряга Настор потерял свои денежки! До меня только сейчас дошло. Говорили, что поединок выиграл какой-то раб по имени Дотар Соджат, но до сих пор мне это имя ни о чем не говорило. Да и сейчас я не сразу сообразил.

— Видел ли ты Лану из Гатола? — осведомился я. — На Играх она находилась в ложе Настора. Я предполагаю, что он купил ее.

— Да, — подтвердил Пан Дан Чи, — но я с ней не виделся. Слышал только то, что болтали между собой рабы. Меня очень беспокоили эти слухи.

— Что же такое ты слышал? — разволновался я. — Мне сразу подумалось, что Лане грозит опасность, когда я увидел ее в ложе Настора. Слишком уж она красива — отсюда и все беды.

— Поначалу Лана была в полной безопасности, — стал рассказывать Пан Дан Чи, — поскольку ее приобрела главная жена Настора. Все у Ланы шло хорошо, пока Настор не разглядел ее как следует на Играх. Он сразу потерял покой и попытался выкупить девушку у своей супруги. Однако Ван-тия, так зовут жену Настора, наотрез отказалась. Тот рассвирепел и заявил, что заполучит Лану любым путем. После этого Ван-тия заперла девушку в комнате на вершине башни, находящейся в ее части дворца, и поставила у единственной двери воинов из своей личной охраны. Вон эта башня, — уточнил Пан Дан Чи, указывая на нее рукой. — Может быть, Лана из Гатола смотрит сейчас на нас сверху.

Я посмотрел в ту сторону, куда указал Пан Дан Чи. Башня поднималась над дворцом Настора, стоявшим на центральной площади города прямо напротив дворца джедака. Я заметил и еще кое-что — окна в комнате Ланы были открыты.

— Ты думаешь, с Ланой вот-вот может случиться что-нибудь дурное? — спросил я.

— Увы, — задумчиво произнес он. — Я уверен в этом. Во дворце поговаривают, что Настор собирается ворваться со своими воинами на половину Ван-тии и попытаться взять башню штурмом.

— В таком случае, нам нельзя терять времени, Пан Дан Чи. Надо начинать действовать сегодня же ночью.

— Что могут сделать два раба? — спросил он с безысходностью в голосе. — Даже если и удастся вывести Лану из башни, нам никогда не выбраться из Долины Первенцев. Разве ты забыл о скелетах, Джон Картер?

— Доверься мне, — успокоил его я. — И не смей называть меня Джоном Картером. Ты можешь покинуть дворец Настора после наступления темноты?

— Думаю, что да. Охрана поставлена слабо, ведь что такое убийцы и воры, в Камтоле практически не знают, а секретная машина джедака делает побег из Долины Первенцев неосуществимым. Я совершенно уверен, что мне удастся выйти из дворца. Вообще-то с тех пор, как Нестор купил меня, он почти каждую ночь посылает меня с поручениями.

— Вот и хорошо! — сказал я. — Теперь слушай меня внимательно: выйди из дворца и укройся где-нибудь неподалеку, примерно, в двадцать пять ксатов после восьмого зода (по земному времени, читатель, это как раз полночь). Если Яд-хан захочется бежать, прихвати его с собой. Если мой план удастся, здесь, на площади, в это время приземлится аэроплан. Бегите к нему и забирайтесь на борт. За штурвалом будет Черный Пират, но пусть это вас не останавливает. Если вы с Яд-ханом сможете раздобыть какое-нибудь оружие, это будет очень кстати — возможно, предстоит схватка. Если аэроплан не прилетит, значит, мой план сорвался — тогда возвращайтесь обратно во дворец. Если я не появлюсь, можете считать, что я мертв или почти мертв.

— А Лана? — не сдержался он. — Что будет с ней?

— Мой план как раз и направлен на то, чтобы первым делом спасти Лану из Гатола, — заверил я Пан Дан Чи. — Если это не удастся, не удастся вообще ничего. Я ни за что не брошу девушку здесь.

— Мне бы хотелось, чтобы ты поделился со мной, каким образом ты собираешься совершить невозможное, — попросил Пан Дан Чи. — Поверь, я спрашиваю об этом не из праздного любопытства. Я буду чувствовать себя гораздо увереннее, если ты хоть отчасти посветишь меня в свои планы.

— Конечно, — согласился я. — Первым делом...

— С какой это стати два раба слоняются тут без дела? — оборвал меня грубый голос, раздавшийся сзади.

Обернувшись, я увидел дородного воина. Вместо ответа я протянул ему свой пропуск, подписанный джеддаком.

Даже прочитав бумагу, воин продолжал недоверчиво разглядывать нас. Вернув мне пропуск, он сказал:

— Ладно, с тобой все в порядке, а что за тип этот второй? У него тоже есть разрешение джеддака?

— Во всем виноват я, — пустился я в объяснения. — Я был знаком с этим человеком еще до того, как мы оба попали в плен. Встретившись с ним на улице, я остановил его, чтобы поинтересоваться, как он живет. Не сомневаюсь, что сам джеддак, узнай он о моем поступке, не осудил бы меня за то, что я остановился поболтать с приятелем. Джеддак очень добр ко мне.

Я всячески старался произвести впечатление на воина, подчеркивая, насколько благоволит ко мне Доксус.

Мне показалось, что моя уловка произвела должное впечатление.

— Хорошо,— смилостивился, в конце концов, воин.— А теперь валите отсюда. Великая Площадь совсем не место для свиданий презренных рабов.

Пан Дан Чи, подобрав свою ношу, поспешно удался. Я тоже собрался уходить, но воин неожиданно задержал меня.

— Я видел, как ты победил на Играх Нолата и Бантора,— сказал он.— Только что мы говорили об этом с нашими друзьями из Долины Дор. Они припомнили, что в их местах однажды тоже появился человек, который необыкновенно искусно владел мечом. Его звали Джон Картер, и у него была белая кожа и серые глаза! Твое имя, случайно, не Джон Картер?

— Меня зовут Дотар Соджат,— стараясь сохранять спокойствие, ответил я.

— Наши друзья из Долины Дор дорого бы дали, чтобы схватить этого Джона Картера,— произнес он.

Не сказав больше ни слова, воин соорудил омерзительную гримасу и, повернувшись, оставил меня в покое.

XII

После того, что произошло на площади, медлить действительно было нельзя. Цена моей жизни падала теперь с каждой минутой. Коли уж один человек в Камтоле заподозрил, не Джон ли я Картер, Принц Гелиума, кто поручится, что я доживу хотя бы до завтрашнего утра?

Я ждал, что меня арестуют при входе во дворец. Однако обошлось. Я благополучно добрался до своей комнаты. Неожиданно появился Ман-лат, и при виде его я решил, что сбываются мои самые мрачные предчувствия, ибо никогда прежде он не заглядывал ко мне. Приготовившись лучше принять смерть в бою, чем позволить арестовать и обезоружить себя, я не спускал правой руки с рукоятки меча. Стоило Ман-лату сделать хоть одно подозрительное движение — и я прикончил бы его на месте. Даже в этом случае оставались кое-какие шансы на то, что мне удастся успешно осуществить задуманный побег.

Однако Ман-лат, напротив, находился в дружелюбном, веселом расположении духа.

— Какая жалость, что ты всего лишь раб,— посетовал он.— Нынче во дворце намечается большое торжество. Доксус дает мир в честь гостей из Долины Дор. Будет вдоволь всякой еды, выпивки и разных увеселений. Как знать, возможно, Доксус позовет тебя на поединок с одним из наших лучших воинов — конечно, не на смерть, а до первой крови. Там будут выступать с танцами девушки-рабыни. Местная знать явится во всем блеске. Джеддак велел Настору привести свою новую рабыню, о красоте которой после последних Игр не затихают разговоры в городе. Да, жалко, что ты не принадлежишь к расе Первенцев, а то смог бы насладиться нынешним праздником сполна.

— Не переживай, я своего не упущу,— многозначительно отозвался я.

— Как это? — не понял он.

— Ты ведь сам только что сказал, что меня, скорее всего, тоже позовут на праздник.

— Да, но только в качестве одного из выступающих. Ты не сможешь ни есть, ни пить вместе с нами, и девушек-рабынь тоже не увидишь. Право, мне чертовски жаль, что ты не нашей расы. Такой человек, как ты, составил бы честь Первенцам.

— Я нисколько не чувствую себя ущемленным из-за того, что я не Первепец,— отрезал я довольно грубо, поскольку был уже по горло сыт их надменностью и непомерным тщеславием.

Ман-лат поглядел на меня с откровенным изумлением.

— Ты слишком самонадеян, раб,— сурово произнес он.— Известно ли тебе, что Первенцы Барсума, которых прочие низшие существа иногда именуют Черными Пиратами Барсума, являются представителями старейшей расы на этой планете? Мы ведем свою родословную без всяких перерывов прямо от Древа Жизни, которое произрастало в Долине Дор двадцать три миллиона лет тому назад!

На протяжении столетий плоды этого дерева проходили последовательные ступени эволюции — от этапа собственно древесного существования до соединения древесной и животной жизни. На первых порах плоды этого дерева обладали только энергией самостоятельного мус-

кульного действия и через плодоножки сохраняли связь с родительским древом. Позднее в плодах развился мозг, и, оставаясь висеть на ветвях Древа Жизни, они были в состоянии самостоятельно мыслить и двигаться.

В ходе дальнейшего развития между ними проявились некоторые различия. Возник здравый смысл и способность сопоставлять. Так, на Барсуме появился разум.

Шли века. Различные формы жизни возникали на Древе, и все они оставались связаны с его стволом. В свое время появились плоды, представляющие собой крошечных древесных человечков — таких, изображения которых в многократно увеличенных размерах можно увидеть в Долине Дор. Однако эти человечки все еще висели на суках и ветках Древа, прикрепленные к ним плодоножками, росшими прямо на макушках голов этих маленьких существ.

Почки, из которых появлялись человечки, напоминали по размерам большой орех с диаметром примерно в один софад (софад равен 11,17 земным дюймам), разделенный внутренними стенками на четыре части. Из одной части появлялся на свет древесный человечек, из другой — червеобразная шестнадцатиножка, из третьей — предок белых обезьян и, наконец, из четвертой — первобытный человек Барсума.

Когда почки лопались, древесный человечек оставался висеть на Древе Жизни, удерживаемый своей длинной ножкой, а остальные части почки падали на землю. От судорожных попыток освободиться, предпринимаемых находящимися внутри них существами, эти доли почек раскатывались в разные стороны.

По прошествии некоторого времени весь Барсум оказался наводнен этими существами, заключенными, словно в темницы, в свои доли почек. Так они и жили в этой крепкой скорлупе, не видя белого света, перекатываясь по земле с места на место, падая в реки, озера и моря.

Несметное количество этих существ так и погибло, не выйдя на свет из своих темниц и не ступив на поверхность планеты, пока, наконец, первобытному черному человеку не удалось выбраться из тюрьмы, в которую заключила его природа. Движимый любопытством, он тут же разломал скорлупу остальных почек — и заселение Барсума разными тварями пошло полным ходом.

Черным людям единственным удалось сохранить чистоту своей расы — в них нет ни капли крови никаких

иных существ. Все другие формы жизни на нашей планете ведут происхождение от червеобразных шестнадцатиножек, первых белых обезьян и тех черных людей, которые предали свою расу.

Надеюсь, Ман-лат отдавал себе отчет в том, что эту легенду я давным-давно слышал. Однако прерывать его монолог я не решился, хотя мне очень хотелось, чтобы он поскорее оставил меня в покое. До наступления темноты я все равно не мог предпринимать никаких шагов, но мне не терпелось остаться в одиночестве, чтобы еще раз тщательно, до мелочей продумать план действий, предстоящих мне нынешней ночью.

В конце концов, Ман-лат удалился. Стемнело. Однако время решительных действий еще не наступило — следовало выждать еще пару часов. Именно к этому времени я велел быть готовым Пан Дан Чи. Думаю, он до сих пор терялся в догадках, почему должен сесть в аэроплан, пилотируемый Черным Пиратом.

Время тянулось ужасно медленно. Через открытое окно с первого этажа дворца в мою комнату доносились шум и крики, свидетельствующие о происходящем там буйном веселье. Судя по всему, пир у джеддака был в полном разгаре. Условленный час приближался. И надо же было судьбе-злодейке в этот самый момент нанести мне удар! Вошел воин и приказал мне отправляться в зал, где происходило пиршество.

Можно было бы прикончить посланца джеддака на месте и отправляться по своим делам, но меня внезапно обуял какой-то дерзкий дух. Мне захотелось еще раз увидеть всю эту публику собственными глазами, еще раз доказать им, что равного мне во владении мечом нет на этой планете, и заставить их осознать еще до того, как мы с друзьями исчезнем из этого города, что я во всех отношениях — и силой, и ловкостью, и умом — превосхожу самых великих представителей их расы, расы Первенцев. Наверное, благоразумным мой поступок назвать нельзя, и, тем не менее, я последовал за воином на пиршество. Жребий был брошен, отступать поздно.

Когда я вошел в огромное помещение, в котором джеддак устраивал прием в честь гостей, никто из присутствующих не обратил на меня ни малейшего внимания. За четырьмя большими столами, составленными в форме прямоугольника, было полным-полно мужчин и женщин, пышно разряженных, усыпанных украшения-

ми. Оживленный разговор то и дело прерывался громким смехом. Вино лилось рекой. Рабы проворно сновали вдоль столов, поднося новые яства и напитки. Некоторые из гостей были уже заметно навеселе. Доксус старался держать себя в рамках приличия. Впрочем, обняв одной рукой свою супругу, он в то же время осыпал жаркими поцелуями чужую жену, сидевшую по другую сторону от него.

Сопровождавший меня воин приблизился к джеддаку и что-то шепнул ему на ухо. Доксус ударил в гонг, призывая к тишине.

Когда все замолкли, он обратился к присутствующим со следующей речью:

— Долгое время Первенцы из Долины Дор гордились мастерством своих бойцов, непревзойденно владеющих мечом. После нескольких поединков я вынужден был признать, что ваши воины в этом боевом искусстве, действительно, немного опережают наших. Но теперь у меня во дворце находится раб, обычный раб, которому под силу победить любого вашего воина. Сейчас он присутствует здесь и готов продемонстрировать свои чудесные способности в поединке с одним из моих офицеров — конечно, не на смерть, а до первой крови. Может быть, и среди наших гостей найдутся смельчаки, готовые померяться с ним силой?

После этих слов со своего места поднялся один воин.

— Мы воспринимаем вашу речь, о, джеддак, как вызов,— произнес он.— Из присутствующих в этом зале посланцев Долины Дор лучше всех владеет мечом датор Зитхад, но, если он не пожелает выйти на поединок с рабом, я готов сам защищать честь Дора. С момента нашего прибытия в Камтол мы только и слышим об этом рабе и о том, как он одержал победу за победой над лучшими вашими воинами. Я буду рад пустить этому хваленому рабу кровь.

Затем встал Зитхад.

— Мне ни разу не доводилось замарать свой меч кровью презренного раба,— заявил он, высокомерно оглядывая зал.— Но мне доставит счастье смыть пятно позора с доброго имени наших братьев, воинов Камтола. Где этот негодяй?

Зитхад! Мне, конечно же, был хорошо знаком этот человек. И сталкивались мы с ним вовсе не как друзья. Зитхад, без сомнения, тоже должен был хорошо по-

мнить, кто я такой, и имел все основания питать ко мне лютую ненависть.

Когда мы сошлись с ним в центре площадки, с четырех сторон обставленной столами, готовясь к поединку, Зитхад впервые увидел меня вблизи и в замешательстве отступил. Я заметил, что он уже открыл рот, собираясь что-то сказать. Надо было скорее брать инициативу в свои руки.

— Ага! Ты боишься сразиться с рабом! — насмешливо закричал я. — Давай, не трусь, начинай! Гости жаждали, чтобы ты пустил мне кровь, зачем же разочаровывать таких знатных господ?!

И я легко коснулся его острием своего меча.

— Сволочь! — выругался он, кидаясь в атаку.

Зитхад несколько превосходил Нолату мастерством, но до меня ему все равно было далеко. Я потешался над ним, заставляя метаться взад-вперед по площадке и ни на секунду не теряя бдительности. Но кровь так до сих пор и не пролилась. Зитхада распирало от злобы и от страха. Да, я ясно видел, что он до смерти боится меня. Публика наблюдала за нашим поединком в полном молчании.

Неожиданно мой противник остановился и закричал:

— Дураки! Вы что, не знаете, кто этот раб? Его зовут...

Но я не дал Зитхаду договорить и молниеносным ударом пронзил его в самое сердце.

Что тут началось! Ад кромешный. Все разом загалдели, и воины схватились за мечи, но я больше не собирался здесь задерживаться: я и так достаточно на них нагляделся! Держа в руке обнаженный меч, с которого еще стекала кровь Зитхада, я рванулся прямо к центру одного из столов, преграждавших мне путь к выходу. Женщины, увидев, что я мчусь на них, принялись истошно вопить. Одним ударом я отшвырнул стол вместе с едоками и, выскочив в дверь, устремился в сад.

Разумеется, они тут же пустились вслед за мной, но я спрятался в кустах, а потом осторожно пробрался в дальний конец сада, к своему окну. Оно находилось на высоте каких-нибудь пятнадцати футов от земли, и мне не составило особого труда преодолеть это ничтожное препятствие. Через секунду я вышел из комнаты и спустился по лестнице на нижний этаж.

Мне приходилось двигаться в кромешной тьме, но

я изучил здесь каждый дюйм и уверенно шел к цели. На всякий случай я заранее настраивал себя на то, что может произойти что-нибудь из ряда вон выходящее, поэтому события сегодняшней ночи не застали меня врасплох. Войдя в комнату, в которой Доксус впервые допрашивал меня, я открыл дверь позади стола и по лестнице спустился вниз, в потайное подземное помещение.

Никому из них и в голову не пришло бы искать меня там. Я надеялся без особых затруднений исполнить задуманное, поскольку и Мир-ло должен был, по моим расчетам, находиться на пиршестве.

Но когда я, открыв дверь, вошел в комнату, навстречу мне поднялся Мир-ло.

— Что тебе нужно здесь, раб? — спросил он, смерив меня подозрительным взглядом.

ХШ

Дело принимало скверный оборот. Рушился весь мой тщательно продуманный план, все шло наперекосяк. Сначала это приглашение на пир, потом — Зитхад, а теперь вот еще и Мир-ло. Остался крайний выход. Мне не хотелось прибегать к нему, но выбора не было.

— Защищайся! — крикнул я.

Я не убийца и не в состоянии поднять меч на безоружного человека. Но Мир-ло, видно, решил не утруждать себя соблюдением кодекса поведения порядочного человека. Он тут же потянулся за своим пистолетом. Роковая ошибка! Одним прыжком я преодолел разделявшее нас расстояние и вонзил меч ему в сердце. Он и пикнуть не успел.

Не трата времени даже на то, чтобы обтереть кровь с клинка, я рванулся в маленькую комнату. Здесь должна была находиться та самая хитроумная машина, с помощью которой джеддак держал в страхе и повиновении двести тысяч своих подданных, с помощью которой склон, ведущий в долину, оказался завален человеческими трупами и скелетами.

Оглянувшись вокруг, я увидел увесистую железяку. Схватив ее в руку, я с воодушевлением принялся изо всех силы дубасить по загадочной машине. В считанные

минуты она превратилась в грудю искореженных останков. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять — ее уже не исправить.

Исполнив первую часть задуманного, я быстро возвратился в ту комнату, где лежало бездыханное тело Мир-ло. Сняв с трупа одежду, я надел ее на себя, а заодно прихватил и оружие. Затем я извлек из кармана ту самую вещицу, которую предусмотрительно купил накануне в лавке. Это была баночка черного крема. Местные модницы скрывают с его помощью изъяны своей глянцевиной кожи.

Через каких-нибудь десять минут я был чернее любого Черного Пирата. В одеждах Мир-ло я вполне мог сойти за знатного воина. Выдавали меня лишь серые глаза, но едва ли кто будет их разглядывать, да к тому же ночью! Теперь я склонен был видеть в том, что Мир-ло оказался в своей комнате, а не на пиру, подарок судьбы. В его одеяниях я мог запросто пройти по дворцу и выйти в город. Хотя, кто знает, можно ли так запросто по ночам входить и выходить из дворца самого джеддака. Может быть, существует какой-нибудь пароль, но мне он, к сожалению, неизвестен.

Мне удалось миновать дворец, ни с кем не встретившись по пути. Приближаясь к воротам, я начал слегка пошатываться из стороны в сторону. Мне хотелось, чтобы меня приняли за подвыпившего гостя, покидающего шумный пир. Когда я проходил мимо стоящих в карауле воинов, у меня аж дыхание сперло. Однако они лишь почтительно поприветствовали меня, и я, благополучно миновав пост, оказался на одной из улиц Камтола.

Согласно моему плану, теперь я должен был взобраться по фасаду здания, в котором располагался ангар. Сделать это, как я предварительно прикинул, будет не очень сложно, благодаря обильным украшениям по всей стене. Однако не исключено, что на крыше я столкнусь с охраной — в таком случае не избежать боя. Поразмыслив, я решил изменить первоначальную задумку, хотя, честно говоря, риска и в этом случае было не меньше.

Я направился прямо к входу в ангар. На страже стоял один-единственный воин. Не обращая на него никакого внимания, я уверенно шагнул внутрь. Воин, видимо, сомневался, остановить меня или пропустить, но, в конце концов, отдал мне честь, и я двинулся по

лестнице наверх. Наверное, на этого парня произвели сильное впечатление знаки отличия на мундире Мир-ло.

Теперь главное препятствие на моем пути представляла собой охрана на крыше. В том, что хотя бы несколько воинов должны нести там вахту, я не сомневался. Убедить их в том, что человек, пусть и в мундире, свидетельствующем о занимаемом им высоком положении, имеет право в одиночку совершать полеты по ночам, будет нелегко. Каково же было мое удивление, когда, поднявшись на крышу, я не обнаружил там ни души. Поразительная беспечность со стороны Первенцев! Вздых облегчения невольно вырвался у меня из груди.

Мне понадобилось не больше минуты для того, чтобы отыскать аэроплан, облюбованный мной для побега накануне, когда я был здесь, и еще столько же для того, чтобы забраться в кабину и запустить мотор. К счастью, он включился сразу и заработал бесперебойно и почти бесшумно.

Ночь выдалась темная, безлунная, и за это я тоже был благодарен судьбе. Крутой спиралью аэроплан взмыл в воздух. Оказавшись над городом, я направил свою машину к башне замка Настора, в которой томилась Лана из Гатола.

Я был абсолютно уверен, что доберусь до своей цели незамеченным: аэроплан, корпус которого был окрашен в темный цвет, просто невозможно заметить снизу, с улицы, в такую темную ночь. Кажется, мне удастся реализовать свой план с потрясающим успехом, несмотря даже на неблагоприятные происшествия, которые несколько испортили мне настроение вначале.

Медленно подлетая к распахнутым окнам комнаты Ланы, я услышал пронзительные женские крики и разъяренный мужской голос. Через минуту нос моего аэроплана коснулся стены под самым окном. Закрепив шнур за носовую часть машины, я крепко сжал другой его конец в руке и одним прыжком ворвался в комнату, сжимая в руке меч Мир-ло.

Прямо напротив меня мужчина, вцепившись обеими руками в Лану, тащил ее на кровать. Отчаянно сопротивляясь, девушка осыпала его проклятиями.

— Немедленно оставь ее в покое! — крикнул я.

Мужчина отпустил свою жертву и резко обернулся. Передо мной стоял Настор.

— Ты еще кто такой? — рявкнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Я Джон Картер, Принц Гелиума, — ответил я. — А нахожусь я здесь для того, чтобы прикончить тебя.

Он схватился за меч, и началась схватка.

— Может быть, ты помнишь Дотара Соджата, раба, из-за которого тебе пришлось раскошелиться, — вставил я, отражая его удары. — Теперь поглядим, сколько стоит твоя жизнь.

Обезумев от ужаса, он принялся громко звать охрану, и вскоре на лестнице, действительно, послышался топот бегущих ног. Надо было поскорее кончать с Настором. Однако, вопреки моим ожиданиям, он совсем не так плохо владел мечом, хотя по своей врожденной трусости так и норовил увильнуть от настоящей схватки. Наш поединок больше походил на бессмысленную беготню по комнате.

Шаги стражников слышались уже совсем близко. Тут Лана, опомнившись, рванулась к двери и закрыла ее на крепкий засов. Она успела сделать это как раз вовремя, потому что в следующее мгновение в дверь начали колотить изо всех сил. Тут еще я, как назло, споткнулся о шкуру, видимо, свалившуюся с кровати во время борьбы между Ланой и Настором, и упал на спину. Настор, естественно, попытался воспользоваться моей оплошностью и стремглав бросился ко мне, намереваясь немедленно прикончить. Я наставил свой меч на него, приготовившись защищаться, однако все преимущества были на его стороне. В общем, в тот момент я находился буквально на волосок от смерти.

Меня спасла Лана, быстро нашедшая выход из почти безнадежной ситуации. Она прыгнула на Настора сзади и вцепилась ему в ноги. От неожиданности он сильно наклонился вперед, споткнулся и упал прямо на острие моего меча. Клинок пронзил негодая насквозь — со спины лезвие торчало фута на два. Мне стоило немалых усилий извлечь свое оружие из бездыханного тела Настора.

— Пошли, Лана! — сказал я девушке. — Нам надо поторапливаться.

— Куда? — удивилась она. — В коридоре полным-полно воинов Настора.

— А окно на что? — надоумил ее я. — Надо спешить.

Направляясь к окну, я заметил, как край шнура,

который я выпустил из рук во время схватки, медленно исчезает за подоконником. Аэроплан отнесло в сторону, а мы с Ланой оказались в ловушке.

Я высунулся из окна. На расстоянии двадцати пяти футов от меня и в нескольких футах ниже уровня окна парила моя машина, в которой одной теперь заключалась последняя надежда на спасение и на свободу — для Ланы из Гатола, для Пан Дан Чи, для Яд-хана и для меня самого.

Я постарался не падать духом. Еще не все потеряно, решил я, и, забравшись на подоконник, еще раз на глаз прикинул отделяющее меня от аэроплана расстояние. Была не была, терять все равно нечего, подумалось мне, — и я прыгнул. Как вы можете догадаться, читатель, прыжок мой оказался удачен — не то я не рассказывал бы вам сейчас о своих приключениях. Буквально через несколько секунд аэроплан вновь был около окна, и Лана забралась в кабину.

— Пан Дан Чи! — тут же воскликнула она. — Что станет с ним? Было бы просто бесчеловечно бросать его на произвол судьбы!

Если бы Пан Дан Чи стало известно, что первым делом Лана из Гатола вспомнила именно о нем, он бы почувствовал себя счастливейшим человеком на Барсуме. Но, хорошо зная характер девушки, я ничуть не сомневался, что при первой же возможности она за что-нибудь обругает или обидит парня. У женщин свои странности.

Мы медленно спускались на площадь.

— Куда это мы направляемся? — изумилась Лана. — Ты не боишься, что нас там схватят?

— Мы направляемся за Пан Дан Чи, судьба которого тебя так беспокоила только что, — ответил я.

Когда я приземлился совсем рядом с дворцом Настора, две фигуры, выскользнув из тени, бросились к аэроплану. Это были Пан Дан Чи и Яд-хан.

Едва они забрались на борт, как я тут же поднял аэроплан в воздух и взял курс на Гатол. Я чувствовал на себе пристальный взгляд Пан Дан Чи. Наконец, не в силах дальше сдерживаться, он напрямик спросил:

— Кто ты такой? Где Джон Картер?

— В данный момент я — Мир-ло, изобретатель, — ответил я, — некоторое время назад был рабом Дотаром Соджатом, а вообще-то постоянно я — Джон Картер.

— Здорово! — радостно воскликнул он.— Мы все снова вместе и все живы. Только вот надолго ли? Помнишь те скелеты на склоне?

— Не переживай,— успокоил я своего товарища.— Адской машины, способной уничтожать людей на расстоянии, больше не существует.

Удовлетворенный моим ответом, Пан Дан Чи обратился к девушке:

— Лана из Гатола,— промолвил он, явно робея,— нам вместе с тобой пришлось многое пережить, и еще неизвестно, какие испытания ждут нас впереди. Я снова хочу положить к твоим ногам свое сердце.

Это еще одна традиционная словесная формула любовного признания на Барсуме.

— Можешь подобрать его,— отрезала Лана из Гатола.— Я страшно устала и хочу спать.

КНИГА III ПОБЕГ ИЗ ПАНКОРА

I

На борту аэроплана, угнанного мною из ангара города Камтола для побега из Долины Первенцев, нас находилось четверо: Лана из Гатола, Пан Дан Чи из Хорца, Яд-хан, брат Янайиз Амхора, и я, Джон Картер, Принц Гелиума, Бог войны Барсума.

Стояла одна из тех дивных звездных ночей на Марсе, от которых буквально дух захватывает. Усыпавшие темный бархат небесного свода звезды блистали так ярко, что жителям Земли даже трудно представить подобное великолепие.

Едва мы поднялись над расположенной в ущелье равниной, как увидели обе луны Марса. Земля и Венера, будто сливающиеся в брачном союзе, являли зрелище поразительной красоты. Клурос, дальняя луна, величаво и неторопливо совершала свой путь по небосводу на расстоянии четырнадцати тысяч миль от Барсума. Ее подруга, Турия, до которой от Барсума всего четыре тысячи миль, напротив, скользила легко и подвижно, словно юная девушка. Ближняя луна проделывает свой путь от горизонта до горизонта меньше, чем за каких-нибудь четыре часа, щедро заливая Марс своим матовым светом. Благодаря этому свету создается впечатление непрерывного движения на планете, как будто вся ее поверхность усыпана мириадами ползающих существ. Как бы я ни старался передать вам, дорогой читатель, всю неизъяснимую прелесть картины звездной ночи на Марсе, полную загадочности и очарования, у меня все равно это не получится — от природы я не рассказчик, а воин. Остается уповать только на то, что, может быть, когда-нибудь и вам выпадет случай побывать на Барсуме. Тогда вы увидите все собственными глазами и без труда поймете мое восторженное состояние.

Как только аэроплан поднялся над ущельем, я сразу же взял курс на Гатол и включил максимальную скорость. Не исключено, что за нами могут пуститься в погоню. Правда, хорошо зная возможности нашей машины, я не сомневался в том, что Первенцем ни за что не удастся догнать нас — разве только нам крупно не повезет и произойдет что-нибудь непредвиденное.

Гатол, по мнению многих, является старейшим из городов Марса, донныне обитаемых людьми. Он также один из немногих, сохранивших свою свободу и независимость, несмотря даже на то, что на его территории находятся древнейшие алмазные копи Барсума, которые, в отличие от остальных известных на планете, и по сей день остаются столь же неистощимы, как когда-то прежде. Можно себе представить, как возбуждают эти копи аппетиты завоевателей, охотников до чужого добра!

Город был заложен в глубокой древности на одном из островов, разбросанных по самому великому из пяти океанов Барсума Троксеусу. После того, как океан высох, Гатол пополз вниз по склону горы, вершина которой и была когда-то островом. Застройки и поныне тянутся от вершины горы до самого ее подножия, а внутри горы находятся многочисленные шахты.

С четырех сторон Гатол окружен огромным соляным болотом, которое надежно защищает его от нападения. Склоны горы, неровные и часто отвесные, делают город, в свою очередь, почти неприступным для вражеских воздушных кораблей, которые, идя на посадку в таких условиях, многим рискуют.

Строго говоря, Гатол — это не просто город, а настоящее маленькое государство. Его территория простирается примерно на сто сорок тысяч квадратных миль. Большая часть земли отведена под пастбища, по которым бродят тучные стада зитидаров и других животных.

Отец Лапы, Гахан, является джедом Гатола — верховным правителем этой небольшой страны. Наконец-то, девушка после множества бедствий и приключений, выпавших на ее долю, возвращается домой, к родителям. До Гатола уже рукой подать, а это значит, что вскоре Лана обнимет любимых мать и отца, а я, немного отдохнув, продолжу свой путь и отправлюсь в Гелиум, к своей несравненной Дее Торис, которая, небось, уже давно числит меня в покойниках.

Яд-хан сидел около меня за приборной доской, Лана, как и обещала, сладко спала, а Пан Дан Чи одолевала хандра. Мне кажется, для влюбленных это естественное состояние. Но мне все равно было очень жаль парня, и я даже, чтобы хоть немного утешить его, собирался поведать ему о том, что первые слова, сказанные Ланой после побега из башни насторовского дворца, были именно о нем. Наверное, Пан Дан Чи испытал бы ни с чем не сравнимое удовольствие, узнав, как девушка беспокоилась о его судьбе. Однако я сдержался и промолчал. Пускай человек, добивающийся любви Ланы из Гатола, завоевывает ее сердце сам, без посторонней помощи. Если он впадает в отчаяние сейчас, когда оба они живы и Лана свободна, значит, он попросту не достоин ее руки. Что за прок от такого меланхолика! Исходя из этих соображений, я предоставил Пан Дан Чи сполна предаться страданиям, в которые вверг его последний резкий отпор со стороны Ланы из Гатола.

К Гатолу мы подлетели перед самым рассветом. Ни одной луны на небе уже не было, и поэтому предрассветный час казался темнее самой ночи. Город тоже оказался полностью погруженным во тьму — я, во всяком случае, нигде не заметил ни единого огонька. Мне это показалось довольно странным. Уж не стряслось ли какое несчастье, подумал я. По ночам города на Марсе, как правило, освещаются. Затемнение устраивают только во время войны, когда над городом нависает угроза нападения со стороны врага.

Лана встала со своего места и присела рядом со мной.

— Это выглядит весьма зловеще, — произнесла она, указывая рукой на затемненный город.

— Мне тоже так кажется, — признался я, — и потому я намерен подождать до рассвета. Прежде, чем садиться, неплохо бы узнать, что там, внизу, происходит.

— Погляди-ка туда, — сказала Лана, указав направо, в сторону горного массива. — Что это там за огни?

— Может, это лагерь пастухов? — предположил я не слишком уверенно.

— Что-то их многовато, — усомнилась она.

— Это могут быть огни лагеря воинов, — вступил в наш разговор Яд-хан.

— Вон приближается аэроплан, — воскликнул Пан Дан Чи. — Они нас заметили.

Расстояние между нашими двумя кораблями быстро сокращалось.

— Это, по-видимому, патрульный аэроплан,— произнес я, на всякий случай разворачивая машину в обратном направлении.

Признаюсь, мне не очень нравятся такие вещи: я не собираюсь подпускать к своему аэроплану корабль, пока не разгляжу его опознавательные знаки.

— Кто вы такие? — раздался грозный окрик с преследующего нас корабля.

— А вы кто? — ответил я вопросом на вопрос.

— Немедленно остановите машину! — приказали в ответ.

Но я не собирался подчиняться неизвестно кому и, продолжая двигаться в противоположную сторону, прибавил газу. Так как мой аэроплан превосходил по скоростным характеристикам корабль преследователей, догнать нас они не имели ни малейших шансов.

Тогда они открыли огонь, однако промазали. Яд-хан подсел к орудию.

— Собьем их? — спросил он.

— Нет,— твердо ответил я.— Может быть, это аэроплан Гатола. Направь-ка на них прожектор, Пан Дан Чи. Надо разглядеть их опознавательные знаки.

Пан Дан Чи никогда прежде не доводилось летать на аэропланах, и он понятия не имел о том, что такое прожектор. Маленькая кучка потомков расы ороваров, почти исчезнувшей с поверхности Барсума, знать не знала этих новшеств, каждому из которых, впрочем, уже не одна тысяча лет. На помощь пришла Лана из Гатола, и вскоре наш прожектор, направленный ее рукою, ярко осветил носовую часть преследовавшей нас машины.

— Странно,— сообщила Лана,— я не вижу никаких опознавательных знаков. Одно могу сказать точно: это не аэроплан Гатола!

Преследователи опять попытались нас обстрелять — и снова не попали. Я разрешил Яд-хану открыть ответный огонь. Он тоже промахнулся, но противника наша стрельба, по-видимому, привела в ярость, и они принялись палить непрерывно. Мне пришлось вести машину зигзагами. Тем не менее их пулям несколько раз удалось достичь цели. Наш же стрелок оказался порядочным мазилой.

— Последи за приборами,— велел я Лане, и направился к орудию сам.

Тщательно прицелившись, я опять обратился к девушке:

— Держи прямо.

Я стрелял разрывными снарядами, взрывающимися при столкновении с целью, и с первого раза угодил прямо в фюзеляж вражеского аэроплана. Раздался мощный взрыв, снесший почти всю носовую часть, и, объятая пламенем и дымом, машина резко пошла к земле. На фоне темного неба она напоминала падающий метеорит. Соляное болото навсегда поглотило наших незадачливых преследователей вместе с остатками их корабля.

— Ну, вот и все,— облегченно вздохнула Лана из Гатола.

— Боюсь, ты рано радуешься,— умерил я ее восторги.— Наша машина стремительно теряет высоту. Наверное, они здорово покорежили наш аэроплан своими снарядами. Хорошо еще, что сами мы не ранены.

Снова взяв управление кораблем на себя, я постарался сделать все возможное, чтобы увести аэроплан подальше от огней вражеского лагеря (а в том, что там враги, я более не сомневался). Наконец, мы приземлились.

II

Не могу удержаться от похвалы: наш аэроплан оказался действительно отличной машиной — надежный и быстрый, как все корабли Черных Пиратов Барсума. Несмотря на повреждения, полученные при обстреле, нам удалось еще довольно долго протянуть на нем, пока, наконец, уже на рассвете, мы не совершили посадку на изрядном расстоянии от лагеря неприятеля. Мы сели неподалеку от небольшого леса, и я почел за благо временно укрыться в нем,— по крайней мере, до тех пор, пока мы не разведем, что именно происходит в Гатоле.

— Вот повезло! — саркастически воскликнула Лана.— Я-то уж думала, что теперь, когда мы, наконец, добрались до дома, нам больше ничего не грозит. А тут...

— Что будем делать? — деловито осведомился Пан Дан Чи.

— Наша судьба — в руках наших предков,— фаталистически заметил Яд-хан.

— А мы заберем ее в собственные руки,— возразил ему я.— Думаю, у меня больше прав распоряжаться

своей судьбой, чем у моих предков, которые умерли много лет тому назад. Помимо того, я кровно заинтересован в том, чтобы все сложилось благополучно.

— Пожалуй, это достаточно веские основания, чтобы согласиться с тобой,— засмеялась Лана.— Что касается меня, я не против того, чтобы вручить собственную судьбу в руки одного из своих здравствующих предков, если ты, конечно, не возражаешь, Джон Картер. Именно поэтому позволь все-таки спросить: что ты намерен предпринять?

— Прежде всего, найти, чем бы подкрепиться,— отозвался я.— Чертовски проголодался. Затем попытаюсь выяснить, что это за лагерь, огни которого мы заметили нынешней ночью. Не исключено, что там могут оказаться друзья, а не враги.

— Очень сомнительно,— скептически заметила Лана из Гатола.— Но, если ты прав и это лагерь друзей, следовательно, Гатол захвачен врагами.

— Скоро мы это узнаем. А сейчас вы вдвоем оставайтесь здесь, пока я схожу в лес и посмотрю, не растет ли там что-нибудь съедобное. Не забывайте хорошенько поглядывать по сторонам — всякое может случиться!

Я тщательно обследовал лесок, надеясь отыскать в нем корни или растения, пригодные в пищу, или животворные деревья манталии, молокообразный сок которых не раз спасал меня от истощения и жажды. К моему огорчению, не нашлось ни одного, ни другого, ни третьего. Исходив лес вдоль и поперек, я так и не обнаружил ничего, чем бы мог подкрепить свои угасающие силы голодный человек.

По ту сторону леса я заметил низкие холмы, и это несколько обнадежило меня. Я решил продолжить поиски, так как по опыту знал, что на маленьких равнинах возле холмов, где почва отличается большей влажностью, обычно произрастает что-нибудь съедобное. Предчувствуя разочарование своих товарищей, я не хотел возвращаться к ним с пустыми руками, да и сам давно не прочь был перекусить.

Я прошел уже половину пути от леса до холмов, как внезапно услышал за своей спиной звуки, происхождение которых определил безошибочно: это было бряцание оружия и поскрипывание кожаных портупей. Резко обернувшись, я увидел около двух десятков краснокожих воинов, приближающихся ко мне на лошадях, мяг-

кие копыта которых, ступая по покрытой растительностью земле, не производили ни малейшего шума.

Не спуская глаз с краснокожих, я схватился за свой меч, на всякий случай приготовившись к бою. Они остановились в нескольких ярдах от меня.

— Вы из Гатола? — спросил я.

— Да, — отозвался один из них.

— Тогда я ваш друг, — сказал я.

Воин расхохотался.

— Черные Пираты Барсума никогда не были нашими друзьями, — заявил он.

А я-то совсем забыл, что мое лицо и тело покрывает густой слой черного крема, с помощью которого, загримировавшись, мне удалось совершить дерзкий побег из Долины Первенцев.

— Никакой я не Черный Пират!

— Ах, нет! — развеселился краснокожий пущеге прежнего. — Тогда, может быть, ты — белая обзьяна?

На эту реплику отряд отозвался громовым хохотом.

— Ладно, — успокоившись, приказал воин. — Засунь свой меч обратно в ножны и топай сюда. Мы отведем тебя к Ган Хору, пускай он и решает, что делать с тобой дальше. Только имей в виду, что Ган Хор не очень-то жалуется Черных Пиратов.

— Не будь дураком, — сказал я. — Я действительно никакой не Черный Пират. Это просто маскировка.

— Ну, хорошо, — произнес краснокожий воин, решив, видимо, еще раз блеснуть своим остроумием. — Пускай будет по-твоему. Надо же, как повезло, что мы встретились! Я-то, представь себе, настоящий Черный Пират, замаскированный под краснокожего!

Эта сомнительного качества шутка вызвала у его товарищей новый взрыв почти истерического веселья. Наконец, всласть потешившись, они уgomонились. Воин вновь обратился ко мне:

— Иди сюда, хватит болтать глупости! Или ты хочешь, чтобы мы схватили тебя и повели силой?

— Попробуйте взять меня! — ответил я. — Посмотрим, что у вас из этого получится!

Это была моя ошибка. Конечно, не следовало лезть на рожон, но очень уж меня разозлили идиотские шутки этих тупиц.

Пустив лошадей галопом, они в два счета окружили меня. Покручивая в руках лассо, с помощью которых на

Марсе отлавливают диких лошадей, краснокожие опять загладели. Внезапно, как по команде, дюжина веревок засвистела в воздухе. Зрелище, скажу вам честно, было захватывающее — жаль, что я не имел возможности насладиться им сполна. В момент я оказался скован их арканами от шеи до пят, так что не мог и пошевелиться. Они тут же еще ту же затянули петли, сделав меня совершенно беспомощным и беззащитным. Всадники поскакали прочь, волоча меня за собой, и мне ничего не оставалось, как повиноваться. От резкого рывка я повалился наземь, но краснокожих это не остановило — они продолжали скакать, а мое тело волочилось вслед за ними.

Об этой быстрой скачки я беспомощно перекатывался с боку на бок — хорошо еще, что почва здесь оказалась покрыта мягкой мшистой растительностью, а то недолго бы и кости переломать. Между тем всадники все прибавляли и прибавляли ходу, пока, наконец, лошади не припустили на всем скаку. Для уважающего себя воина оказаться в таком положении — страшное унижение, и я думал не столько об ушибах, сколько об уроне для моей чести, хотя к концу бешеной скачки мое тело вполне могло превратиться в кровавое месиво.

Так меня волокли по земле с полмили, пока всадники не решили, наконец, остановиться. Если мне удалось выйти из этой переделки живым, то исключительно благодаря мягкой земле да покрывавшей ее растительности. Судьба в очередной раз продемонстрировала свою благосклонность ко мне.

В сопровождении нескольких офицеров вожак отряда подъехал ко мне. Когда он приблизился, его глаза чуть не вылезли из орбит от изумления.

— Клянусь прародителями! — закричал он. — Этот тип, действительно, никакой не Черный Пират! Вся краска стерлась!

Я, насколько это было возможно, тоже попытался разглядеть себя. Пока меня волокли по земле, черная мазь наполовину стерлась, и теперь моя кожа представляла собой странное сочетание черных и белых полос. К тому же я весь был обильно перемазан кровью.

Воин спешил и, разоружив меня и сняв опутывавшие мое тело путы, опять принялся рассматривать меня.

— Это не Черный Пират, но и не краснокожий

человек, — наконец, заключил он, адресуясь к своим товарищам. — У него белая кожа и серые глаза. Клянусь прародителями, я вообще сомневаюсь — человек ли это! Ты можешь встать? — спросил он у меня.

Я поднялся, стараясь не обращать внимания на страшную боль во всех членах. Не особенно твердо, но я все-таки мог держаться на ногах.

— Я могу стоять, — сказал я воину, гордо подняв голову. — А если тебе не терпится выяснить, человек я или нет, отдай мне мой меч и обнажи свой!

С этими словами я с размаху ударил его в лицо. Он пошатнулся и рухнул навзничь. Меня тот момент обуревала такая злоба, что я и не подумал о последствиях своей выходки. А ведь эти типы запросто могли тут же убить меня. Между тем, воин поднимался на ноги, отряхиваясь и остервенело ругаясь, под стать заправскому испанскому пирату.

— Отдайте ему меч! — крикнул он своим товарищам. — Я собирался доставить его к Ган Хору живым, но, видно, придется как следует проучить этого наглеца и прикончить его на месте.

— Лучше привести его живым, Кор-ан, — посоветовал один из воинов. — Может, этот тип — вражеский лазутчик. Если ты убьешь его раньше, чем Ган Хор успеет его допросить, тебе не миновать неприятностей.

— Он поплатится жизнью за оскорбление, которое мне нанес. Я не привык спускать такие вещи с рук, — не унимался Кор-ан. — Где его меч?

Один из воинов протянул мне мой длинный меч. Взяв его, я сразу ощутил себя увереннее.

— Будем биться на смерть? — спросил я у Кор-ана.

— На смерть! — разъяренно подтвердил он.

— Я не стану убивать тебя, Кор-ан, — сказал я, — а ты меня убить не сумеешь. Зато я преподам тебе урок, который, надеюсь, ты запомнишь на всю жизнь.

Я произнес это спокойным, но достаточно громким голосом, чтобы слышали остальные воины.

Один из них рассмеялся.

— Ты не знаешь, парень, с кем имеешь дело, — сказал он. — Кор-ан — один из лучших бойцов в Гатоле. Готов держать пари, что он управится с тобой минут за пять.

— За одну, — мрачно поправил его Кор-ан, двигаясь на меня.

Разубеждать их раньше времени мне не хотелось. Так и не успев прикинуть хотя бы приблизительно, сколько же на моем теле кровоточащих ран и царапин, я принял бой. Мой противник был вне себя, но действовал довольно неуклюже. Уже на первой секунде поединка я царапнул его в правый бок, а затем нанес глубокую рану в бедро. Его это нисколько не отрезвило, а лишь разъярило еще больше. Пришлось разукрасить его поосновательнее. Мне ничего не стоило прикончить Кор-ана в любой момент, а ему так и не удалось нанести мне ни единой царапины.

— Минута уже прошла, Кор-ан,— язвительно напомнил я ему.

Он, тяжело дыша, ничего не ответил, но по глазам его я понял, что он не на шутку струхнул. Остальные воины в глубоком молчании жадно следили за каждым нашим движением.

Наконец, резанув его клинком от лба до пят, я отступил на несколько шагов и опустил меч.

— Ну, что, достаточно, Кор-ан? — спросил я. — Или ты действительно хочешь, чтобы я убил тебя?

— Я выбрал поединок на смерть,— мужественно отозвался он,— и ты вправе убить меня. Я знаю, что ты можешь это сделать. С того самого момента, как мы скрестили мечи, я понял, что тебе не составит труда прикончить меня, когда тебе заблагорассудится.

— У меня нет ни малейшего желания убивать такого храбреца, как ты,— без тени иронии заметил я.

— Кончай этот бой, Кор-ан,— посоветовал кто-то из наблюдавших за нами воинов.— Судьба столкнула тебя с человеком, равного которому в искусстве владения мечом ни одному из нас еще не доводилось встречать.

— Нет,— стоял на своем Кор-ан.— Я навеки опозорю себя, если соглашусь на это. Поединок может завершиться только смертью одного из нас. Продолжим! — обратился он ко мне, снова поднимая свой меч вверх.

Я бросил оружие на землю.

— Ну, вот, у тебя есть отличная возможность убить меня,— сказал я.

Он в замешательстве попятился.

— Это же будет самое настоящее убийство,— возразил он.— Я не убийца.

— Я тоже не убийца,— ответил я.— Но стану им, если ты заставишь меня продолжать поединок. Неважно,

что у тебя в руках меч. Против меня ты все равно будешь так же безоружен, как я в данный момент против тебя.

— Этот парень правильно говорит,— поддакнул один из воинов Гатола.— Спрячь свой меч, Кор-ан. Ты храбро дрался, и никто не посмеет упрекнуть тебя в трусости.

Кор-ан вопросительно посмотрел на остальных. Они наперебой стали убеждать его отступить. В конце концов, он согласился и, спрятав оружие, забрался на свою лошадь.

— Садись сзади,— крикнул он мне.

Я повиновался, и мы галопом помчались вперед.

III

Примерно, через полчаса, миновав по пути еще одну рощицу, мы подъехали к нескольким грубым хижинам, построенным воинами-пастухами Гатола. Сейчас в этом поселении расположился отряд, в который входили и захватившие меня в плен солдаты. Пастухи в Гатоле одновременно являются и воинами, приписанными к различным регулярным воинским формированиям. Отряд, в который попал я, насчитывал около сотни человек под командованием двара и двух его помощников, падваров, или лейтенантов. Как правило, утан, то есть отряд, находится на дежурстве в течение месяца, который на Марсе равен, примерно, семидесяти земным суткам, а затем сменяется и возвращается в город.

Когда Кор-ан привел меня к Ган Хору, тот сидел в укрытии, увлеченный игрой в жетан с одним из своих помощников. С явной неохотой оторвавшись от своего занятия, он в течение целой минуты разглядывал нас обоих с ног до головы.

— Именем прародителей! — воскликнул он, наконец.— Что это вы такое затеяли? Никак, играете с белыми обезьянами? А это что за тип? — он указал на меня.— Он не красный, не черный.

— Это пленный,— ответил Кор-ан и честно, без утайки, рассказал обо всем, что произошло с того самого момента, как его отряд обнаружил меня.

Ган Хор нахмурился.

— Ладно, Кор-ан, с тобой мы потом разберемся. За

самоуправство придется ответить,— грозно предупредил он воина и повернулся ко мне.

— Я отец Тары из Гелиума,— представился я,— жены вашего джеда.

Ган Хор мгновенно вскочил, а Кор-ан пошатнулся, как от увесистой оплеухи,— я даже испугался, что он опять рухнет навзничь.

— Джон Картер! — обрадованно воскликнул Ган Хор.— Белая кожа, серые глаза, непревзойденное мастерство владения мечом, о чем только что нам поведал Кор-ан! Мне никогда не доводилось видеть Джона Картера, но именно таким себе я его и представлял.

Он снова обратился к Кор-ану.

— А ты, болван, посмел тащить заарканенным по земле целых полмили самого Принца Гелиума, Бога войны Барсума! Знаешь ли ты, какое наказание ждет тебя за это? Смерть! — от возмущения Ган Хор то и дело срывался на крик.

— Ни в коем случае! — вмешался я.— Мы с Кор-аном уже разобрались между собой. Ни о каком наказании не может идти и речи.

Жизнь воинов-пастухов Гатола мало чем отличается от жизни кочевников, постоянно переходящих с места на место в поисках новых пастбищ и источников воды. На территории, занимаемой Гатолом, нет никаких водоемов, за исключением соляного болота, но кое-где можно отыскать заброшенные колодцы, вода в которых ушла далеко вниз, но еще сохранилась. Обычно в таких местах воины-пастухи и разбивают свои лагеря, подобные этому, возле небольшой рощи, в который я сегодня попал.

Ган Хор любезно принес мне воды, и, смывая с себя черную мазь, кровь и грязь, я попутно рассказал ему о том, что неподалеку от того места, где Кор-ан захватил меня в плен, осталась Лана из Гатола с двумя товарищами. Он тут же вызвал одного из своих падваров и велел ему взять самых быстрых лошадей и с отрядом воинов отправиться на поиски.

— Ну, а теперь,— приведя себя в порядок, обратился к нему я,— расскажи, наконец, что произошло в Гатоле. Тот факт, что на рассвете мы были атакованы каким-то аэропланом, вкупе с огнями лагеря, окружающего город, заставляет меня предположить, что Гатол окружен врагами.

— Вы не ошиблись,— ответил Ган Хор.— Гатол окружен войсками Хин Абтола, который именует себя джеддаком джеддаков Севера. Некоторое время тому назад он впервые появился у нас на каком-то допотопном корабле, и, поскольку прибыл с миром, то и принят был как дорогой гость Гахана. Говорят, он оказался самовлюбленным хвастуном и невыносимым грубияном. Все закончилось тем, что он потребовал от Гахана отдать ему в жены Лану и при этом еще довольно похвалялся, что уже имеет семерых жен.

Гахан, разумеется, ответил ему, что его дочь, Лана из Гатола, сама выберет себе спутника жизни. Когда девушка, как и следовало ожидать, наотрез отказала невежде, он пригрозил, что вернется и возьмет ее силой. После этого он покинул наш город, а на следующий день и принцесса отправилась в Гелиум на небольшом корабле в сопровождении двадцати пяти воинов ее личной охраны. До Гелиума она не добралась, и с тех пор о ней нет ни слуху ни духу. Я тоже ничего не знал о ее судьбе, пока вы не сообщили мне, что принцесса жива-здорова и возвратилась в Гатол.

Однако вскоре мы вновь услышали о Хин Абтоле. Он вернулся с огромным воздушным флотом, состоящим, в основном, из очень старых и давно уже не используемых кораблей. Некоторые из них имеют такой вид, будто построены несколько столетий тому назад. Итак, Хин Абтол вернулся и потребовал немедленной капитуляции города.

На кораблях Хин Абтола находилось полным-полно воинов, тысячи из которых поднялись с их бортов с помощью эквилибро-моторчиков и напали на город. В течение целого дня сражения шли на улицах города и на крышах домов, но нам удалось перебить неприятельских солдат, а оставшихся в живых взять в плен. Тогда, поняв, что взять город штурмом не удастся, Хин Абтол осадил его.

Почти все его корабли, за исключением нескольких, улетели прочь. Есть подозрения, что они отправились на север, за подкреплением. Мы с отрядом находились на дежурстве, когда началось вторжение, и теперь не можем вернуться в город. Однако и здесь мы не теряем времени даром и не даем покоя воинам Хин Абтола, разбившим лагерь на равнине.

— Значит, они используют эквилибро-моторы,—

произнес я.— Интересно, откуда они их достали. Когда я был в Окаре, там ничего и не слыхивали о подобных вещах.

Эквилибро-мотор — это весьма оригинальное устройство, при помощи которого человек может подниматься в воздух и перелетать довольно значительные расстояния. Он состоит из широкого пояса, чем-то напоминающего спасительные пояса, используемые на земных кораблях. Специальное приспособление, основанное на использовании излучения отторжения, позволяет нейтрализовать силу гравитации и таким образом удерживать человека в состоянии равновесия. Сзади на поясе укреплен небольшой радиумный мотор, рычаги управления которым находятся спереди. Такое устройство чрезвычайно удобно для проникновения вражеских воинов в город, особенно в ночное время.

Я слушал рассказ Ган Хора с чувством глубокого беспокойства. Гатол никогда не был особенно сильным в военном отношении государством — длительная, непрерывная осада могла окончательно ослабить его, если, конечно, вовремя не подоспеет помощь извне. Город не в состоянии долгое время существовать без продуктов, которые в него привозят с равнины, занимающей обширную территорию. На дальнем северо-западе гатолских земель находится один из знаменитейших каналов Барсума — именно оттуда город получает зерно, овощи и фрукты. Пасущиеся на обширных лугах стада обеспечивают жителей Гатола мясом. Окружив город, враги отрезали его от всех основных поставщиков продуктов. Конечно, на экстренный случай Гахан сосредоточил в городе кое-какие запасы продовольствия, но они далеко не бесконечны.

Обсуждая сложившуюся ситуацию с Ган Хором, я сказал, что единственный выход заключается в срочной помощи извне. Я немедленно отправляюсь в Гелиум и возвращаюсь обратно с мощным военно-воздушным флотом, с достаточным количеством орудий и воинов, чтобы навсегда стереть Хин Абтола со всеми его панарами с лица Барсума. Дело за малым — чтобы добраться до Гелиума, мне нужен аэроплан. Где его взять?

— Насколько мне известно,— ответил Ган Хор,— ваш аэроплан находится здесь, в руках людей Хин Абтола. Один из моих воинов, как только увидел его, сразу же заметил и ваши опознавательные знаки, и са-

му машину. Мы еще недоумевали, каким образом она оказалась у врагов. Вообще-то Хин Абтол использует корабли самых различных государств, даже не удосужившись убрать с них прежние опознавательные знаки.

— На мой аэроплан он случайно наткнулся на площади мертвого города Хорца, — объяснил я. — Когда на него напал небольшой отряд зеленых, он удрал на нем с парой своих воинов, бросив остальных на верную гибель.

В этот момент возвратился падвар, отправленный на поиски Ланы, Пан Дан Чи и Яд-хана. Вид у него был разочарованный.

— Их там не оказалось, — сообщил он. — Мы обыскали все — и никаких следов. Только на том месте, где они должны были находиться, мы обнаружили следы крови.

IV

Итак, Лана из Гатола опять исчезла! Никто из нас почти не сомневался в том, что ее похитили воины Хин Абтола. Я попросил Ган Хора дать мне лошадь, чтобы съездить на то место, где я растался со своими спутниками, и самому тщательнейшим образом обследовать его. Ган Хор не только любезно удовлетворил мою просьбу, но и вызвался лично сопровождать меня с отрядом воинов.

Осмотр места не принес ничего утешительного и мало что добавил к той скудной информации, которую сообщил падвар. По всей вероятности, здесь произошла схватка. Вытоптанная растительность, покрытая бурыми пятнами запекшейся крови, красноречиво свидетельствовала об этом. Однако больше мне не удалось обнаружить никаких следов. Мшистая поросль, покрывающая территорию, бывшую когда-то дном великого океана, столь мягка и эластична, что я так и не смог определить, в каком направлении увезли Лану. Следы лошадей, если они и были здесь, уже исчезли.

— На каком расстоянии отсюда находится линия расположения врага? — спросил я Ган Хора.

— Около девяти хаадов, — ответил он.

По земным меркам это составляет неполных три мили.

— Нам придется возвратиться назад, в лагерь,— поразмыслив, решил я.— Наши силы слишком малы, чтобы пытаться предпринять что-либо немедленно. Я начну действовать сам, когда стемнеет.

— Мы могли бы совершить небольшой рейд на один из лагерей Хин Абтола ночью,— предложил Ган Хор.

— Я справлюсь в одиночку,— ответил я.— У меня есть кое-какие соображения.

— Это небезопасно,— возразил Ган Хор.— У меня имеется сотня воинов, с которыми мы не раз совершали подобные вылазки. Почтем за честь, если вы присоединитесь к нам.

— Я собираюсь всего лишь на разведку, Ган Хор,— успокоил его я.— Мне будет сподручнее одному.

Итак, мы возвратились назад, в лагерь, где я с помощью одного из воинов Ган Хора начал снова гримироваться. На лицо и тело я нанес красную мазь, которую всегда держу при себе на случай, если понадобится изменить внешность и выглядеть настоящим краснокожим.

Когда стемнело, я сел на лошадь и в сопровождении Ган Хора и двух его воинов, вызвавшихся показать мне дорогу к стану врага, двинулся в путь. По счастью, ночь выдалась безлунная, и под покровом густой темноты нам удалось подобраться совсем близко к передовой линии неприятеля. Здесь я спешился и распрощался со своими новыми друзьями.

— Удачи! — пожелал мне Ган Хор.— Она вам сейчас очень нужна.

Одним из сопровождавших нас воинов оказался уже знакомый мне Кор-ан.

— Возьмите меня с собой, Принц,— попросил он.— Я хочу искупить свою вину перед вами.

— Если бы я только мог взять кого-нибудь с собою,— ответил я,— я взял бы тебя, Кор-ан. А искупать тебе нечего. Если же ты, действительно, хочешь сделать что-нибудь для меня, пообещай, что ты всегда будешь защищать Тару из Гелиума и Лану из Гатола.

— Я клянусь на своем мече,— ответил воин, преданно глядя мне в глаза.

Расставшись с провожатыми, я, соблюдая предельную осторожность, двинулся в сторону лагеря панаров.

Снова, как и много раз прежде, я воспользовался тактикой краснокожих воинов, но не марсианских, а

земных — апачей, обитающих на юго-западе Америки: ползком, плотно прижавшись к земле всем телом, я продвигался к неприятельскому лагерю. Я уже ясно различал фигуры людей, а когда подполз поближе, услышал их голоса и грубый смех, а также проклятия и ругательства, которыми так любят уснащать свою речь бывалые воины. Ветер доносил до меня запах лошадиного пота и кожи, смешивающийся с едким дымом костров.

Неподалеку от меня расхаживал взад-вперед часовой, охраняющий лагерь. Сейчас он двигался в ту сторону, где затаился я. Я буквально вжался в землю, сравнившись с нею. Мне было слышно, как воин лениво позевывает. Наконец, часовой оказался совсем рядом — так что, промедли я еще мгновение, и он наступил бы прямо на меня. В этот миг я внезапно вскочил, возникнув перед ним будто из-под земли. Он был настолько ошеломлен, что от неожиданности онемел. Я не собирался ждать, пока он опомнится и поднимет тревогу. Вцепившись часовому в горло, я трижды вонзил кинжал ему в сердце. Мне не очень-то по душе убивать врага подобным образом — я предпочитаю честный, открытый бой. Но в данной ситуации другого выхода не было. Меня успокаивало осознание того, что я делаю это не ради себя, а ради Ланы из Гатола, ради Тары из Гелиума и ради Деи Торис, моей возлюбленной принцессы.

Безжизненное тело часового осело на землю. Хотя наша схватка происходила совершенно бесшумно, что-то насторожило сидевших у ближайшего костра воинов. Один из них, поднявшись, начал вглядываться в темноту...

— Что это там? — спросил он у своих товарищей, указывая в мою сторону.

— Часовой, — ответил ему другой воин. — Вон он разгуливает.

Я медленно зашагал вперед, удаляясь от убитого. Мне вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь из панаров обнаружил труп часового.

— Готов поклясться на мече: только что там было два человека, — не унимался первый.

— Брось, тебе вечно что-то кажется, — оборвал его второй.

Я продолжал спокойно расхаживать взад-вперед, ожидая, пока они успокоятся и переменят тему разговора. Когда они, наконец, отвернулись от меня, я быстро

нагнулся и, сняв с убитого часового мундир и оружие, переоблачился. Теперь я внешне ничем не отличался от остальных солдат армии Хин Абтола.

Улучив удобный момент, я оставил свой пост и про- ник в лагерь, держась подальше от группы воинов, чье внимание я так некстати привлек. Правда, я почти столкнулся с другой кучкой солдат, но они не удостоили меня и взглядом. Повсюду от костра к костру сновало немало панаров, так что мои передвижения никого не заинтересовали и не вызвали подозрений.

Мне пришлось пройти не меньше хаада, пока, наконец, я не почувствовал себя в полной безопасности и не решил смешаться с воинами панаров. Я заметил сидящего в одиночестве подле одного из костров солдата и по- дошел к нему.

— Каор! — обратился я к нему, — используя универ- сальное на Барсуме приветствие.

— Каор! — отозвался он. — Присаживайся. Я здесь новичок, у меня нет ни одного знакомого в этом даре.

Дар — это отряд в тысячу воинов, равный полку в земной армии.

— Я только сегодня прибыл сюда, — продолжал он, — со свежими силами из Панкора. Приятно сменить обстановку и снова увидеть мир, после того, как тебя на пятьдесят лет заморозили в Панкоре.

Меня немного удивило выражение «заморозили», но я решил, что с помощью этой метафоры воин хочет указать на продолжительность своей вынужденной от- сидки на одном месте.

— Ты не покидал Панкор целых пятьдесят лет! — воскликнул я, прикидывая, что, вероятно, Панкор — это название какого-нибудь арктического города, откуда он прибыл.

Судя по его реакции, догадка моя оказалась верной.

— А ты? — поинтересовался он. — На сколько лет тебя заморозили?

— Мне не доводилось бывать в Панкоре, — признал- ся я. — Я пантан и только что поступил на службу в ар- мию Хин Абтола.

Я решил, что для меня же будет лучше и безопаснее отрекомендоваться подобным образом. Начни я говорить о Панкоре, в котором, действительно, ни разу не был, — и любая неточность может возбудить у собеседника подозрения.

— Послушай,— удивленно посмотрел на меня мой собеседник,— а ты не псих?

— Почему? — не понял я.

— Потому что только псих может по доброй воле отдать себя во власть Хин Абтола. Ну, да чего теперь говорить — дело сделано. Как только завершится эта война, тебя тоже отправят в Панкор и заморозят. В этом состоянии ты останешься до тех пор, пока не понадобится Хин Абтолу для очередной кампании. Впрочем, может быть, тебе повезет больше, и тебя убьют еще здесь. Кстати, как тебя зовут?

— Дотар Соджат,— ответил я, вновь используя имя, давным-давно данное мне племенем тарков, зеленых марсиан.

— А меня зовут Эм-тар. Я родом из Кобола.

— Ты, вроде, сказал, что из Панкора.

— Родился-то я в Коболе,— объяснил он.— А ты сам откуда?

— У нас, пантанов, нет родины,— уклончиво ответил я.

— Но ведь где-то ты все же родился,— продолжал настаивать он.

— Чем меньше об этом вспоминаешь и говоришь, тем лучше,— произнес я, хитро подмигивая своему собеседнику.

Он рассмеялся.

— Извини за любопытство,— сказал он.

Когда разыскивают людей, совершивших какое-нибудь политическое преступление, обычно обещают солидное вознаграждение за любую информацию об их местонахождении. Точно так же, если человек по нужде изменит свое имя, он ни за что не проговорится, откуда он родом. Своим ответом я как бы намекнул Эм-тару, что скрываюсь от рук правосудия.

— Как ты думаешь, чем закончится эта война? — попробовал я продолжить наш разговор.

— Если Хин Абтол уморит их голодом, то, может, и победит,— ответил Эм-тар.— Но, как я понял из разговоров, взять город штурмом ему не удастся никогда. Воины Гатола — храбрые и самоотверженные воины, чего никак нельзя сказать о солдатах, сражающихся на стороне Хин Абтола. Те защищают свой Гатол, свою родину и своего джеда, которых обожают всем сердцем. А кто в нашей армии испытывает чувство любви или

преданности к Хин Абтолу? Я что-то таких не встречал. Слышал, будто жена Гахана — дочь Бога войны Барсу-ма. Поговаривают, что, если он узнает о том, что тут происходит и явится сюда со своим флотом и армией, то мы можем уже сейчас начинать рыть себе могилы.

— Много пленных удалось нам захватить? — продолжал я расспросы, подбираясь к тому, что волновало меня более всего.

— Да нет, не много. Трех взяли сегодня утром: одна из них оказалась дочерью Гахана, и с ней было еще двое каких-то мужчин.

— Вот как, — произнес я. — Хотел бы я знать, как поступит Хин Абтол с дочерью Гахана.

— Этого уж я не знаю, — ответил Эм-тар, — но болтают, будто он уже отправил ее в Панкор. Знаешь ведь, в армии вечно ходит столько разных слухов... Обычно добрая половина из них оказывается выдумкой.

— У Хин Абтола, наверное, куча аэропланов, — предположил я.

— В основном, это старые колымаги, — отозвался воин. — К тому же не хватает людей, способных управлять ими.

— Кстати, я летчик, — вставил я.

— Лучше бы ты помалкивал об этом, я то определяю тебя на какую-нибудь развалину, которая того и гляди развалится в воздухе, — посоветовал Эм-тар.

— А где здесь летное поле?

— В той стороне, примерно, на расстоянии хаада отсюда, — он указал в том направлении, в котором я шел до тех пор, пока не остановился, чтобы поболтать с ним.

— Что ж, пока, Эм-тар, — поднимаясь от костра, попрощался я.

— Куда ты собрался?

— Записываться в воздушный флот Хин Абтола из Панкора, — ответил я.

V

Прощавшись с Эм-таром, я направился в сторону летного поля. Вскоре я увидел аэропланы, расставленные повсюду без всякого намека на военный порядок. Не знаю, о чем это свидетельствовало — об отсутствии дис-

циплины или о неопытности летчиков. Скорее всего, и о том и о другом одновременно. Странное впечатление производило это нагромождение давно отживших свой век машин, многим из которых самое место было не на аэродроме, а в каком-нибудь музее! Впервые я сталкивался с таким отрядом боевой авиации.

Несколько воинов сидели возле костра, неподалеку. Решив, что это, должно быть, и есть летчики флота панаров, я направился прямо к ним.

— Где находится командующий? — спросил я.

— Там, — отозвался один из них, указывая на самый большой корабль. — Ты хочешь его видеть?

— Да.

— Боюсь, что он может быть пьян.

— Он, действительно, пьян в стельку, — подтвердил другой.

— Как его зовут? — поинтересовался я.

— Одвар Фор Сан, — ответили мне воины.

Одвар — это звание, соответствующее на Земле генералу или бригадному генералу. Под его командой находится десять тысяч воинов в армии или целый воздушный флот.

— Спасибо за предупреждение, — поблагодарил я. — Я все же попробую переговорить с ним.

— Не советую. Если тебе не приходилось сталкиваться с этим типом прежде, имей в виду: это ужасная гадина.

Тем не менее я направился к большому аэроплану. Вблизи он производил куда менее внушительное впечатление: корпус его был сильно побит и помят. Этой колымаге, подумал я, вероятно, лет пятьдесят, не меньше.

По самому центру корабля на землю был опущен трап, возле которого застыл воин с обнаженным мечом в руке.

— Что тебе нужно? — грубо окликнул он меня.

— У меня послание для одвара Фор Сана, — ответил я.

— От кого?

— Это не твое дело, — умерил я его любопытство. — Передай одвару, что его срочно хочет видеть Дотар Соджат по важному делу.

Солдат с деланной почтительностью отдал мне честь.

— Я не подозревал, что среди нас находится джед-

вар,— сказал он.— Почему вы мне сразу не сказали?

Джедвар — это высшее звание в армии и флоте на Барсуме, следующее за джедом или джедаком, или Богом войны — этот последний титул джедаки пяти империй придумали специально для меня. Представляю, что стало бы с часовым, узнай он, что мое истинное звание еще выше того, которое его так поразило!

Я усмехнулся и сказал:

— Никогда не знаешь, с кем в действительности имеешь дело.

— Если у вас и вправду какое-то послание для нашей старой крысы, я вызову дежурного по кораблю. Надеюсь, это что-то важное?

— Чрезвычайно важное,— заверил его я.

Я не кривил душой, ибо для меня это было делом первостепенной важности. Часовой вызвал дежурного и попросил его передать одвару, что прибыл Дотар Соджат с важным посланием для него.

Минут пять мне пришлось ждать, пока, наконец, меня не пригласили на борт корабля и не провели в одну из кают. В ней за столом, на котором стояла большая кружка и несколько тяжелых, металлических кубков, сидел тучный, неряшливого вида мужчина. Он хмуро глянул на меня затуманенными глазами.

— Чего еще хочет этот сукин сын? — спросил он.

Интересно, кого он имеет в виду,— старшего офицера, меня или, быть может, самого Хин Абтола? Если он полагает, будто я принес послание от Хин Абтола, что ж, тем лучше.

— Я пришел к вам как опытный летчик,— начал я, на ходу продумывая тактику своего поведения.

— Он послал тебя посреди ночи, чтобы ты отрекомендовал мне как опытный летчик?! — чуть не заорал он.

— У вас ведь немного опытных летчиков,— спокойно продолжил я.— Я — пантан, имеющий опыт полетов на кораблях всех типов. Я служил в воздушных силах Гелиума. Мне казалось, вы будете довольны, если я попаду к вам, пока меня не перехватил кто-нибудь другой. Я умею водить корабли, знаком со всеми используемыми на них приборами. Но если я вам не нужен, то я, конечно, сам найду, куда пристроиться.

Фор Сан был совершенно одурманен горячительными напитками, не то из моей авантюры ничего бы не

вышло, да, наверное, и я сам не рискнул бы действовать подобным образом. Он сделал вид, будто всесторонне обдумывает мои слова, а сам тем временем налил себе еще изрядную порцию спиртного и тут же опорожнил кубок двумя-тремя жадными глотками. Затем, наполнив другой кубок, он придвинул его ко мне, расплескав при этом половину содержимого на стол.

— Выпей,— предложил он.

— Не сейчас,— отказался я.— Я никогда не пью во время дежурства.

— Но ты же не на дежурстве.

— Я все время на дежурстве. Всякое может случиться. В любой момент надо быть готовым к полету.

С помощью следующего кубка он размышлял над этими словами еще несколько минут. Справившись с очередной порцией, он опять наполнил другой кубок и придвинул его ко мне.

— Пей!

Теперь передо мной стояло уже два наполненных кубка. Было совершенно ясно: Фор Сан не заметил, что к первому я даже не притронулся.

— Каким кораблем я буду командовать? — спросил я.

Пользуясь моментом, я старался побыстрее продвигаться по службе. Фор Сан не обратил никакого внимания на мой вопрос, поскольку был всецело поглощен другим занятием, требовавшим от него полной сосредоточенности — он разливал очередную порцию в кубок, но, как ни старался, большая часть напитка оказалась на столе, откуда, не особенно церемонясь, он начал ее жадно лакать.

— Командиром какого корабля вы меня назначите? — настойчиво повторил я свой вопрос.

Оторвавшись от приятного занятия, он недоуменно посмотрел на меня. С большим трудом ему удалось придать себе вид, хотя бы относительно соответствующий его званию.

— Ты будешь командовать «Дусаром», двар,— наконец заплетающимся языком объявил он и тут же принялся наполнять очередной кубок, который затем передал мне.

— Пей, двар,— снова предложил он.

Мое назначение состоялось, но следовало исполнить и необходимые формальности. Среди груды бумаг, кото-

рыми в беспорядке был завален стол, мне все-таки удалось найти официальный бланк, и я написал на нем следующее:

«Двару Дотару Соджату

Приказываю вам немедленно принять на себя командование кораблем «Дусар».

Одвар Фор Сан».

Отыскав тряпку и приведя в порядок часть стола перед Фор Саном, я положил приказ и протянул командиру ручку.

— Вы забыли подписать это, одвар,— напомнил я.

Я боялся, что он вот-вот рухнет в беспамятстве и очень торопился поскорее довести дело до конца.

— Что подписать? — спросил он, протягивая руку к кружке.

Я отодвинул сосуд с драгоценной влагой подальше, взял его за руку и, вложив между пальцев ручку, указал на бумагу.

— Подпишите здесь.

— Подпишите здесь,— тупо повторил он вслед за мной и с трудом вывел свою подпись.

По-видимому, эта операция лишила его последних сил, потому что сразу же вслед за этим он повалился на стол и зычно захрапел. Я успел как раз вовремя.

Довольный успешным завершением своей миссии, я вышел из кабины и взглянул на небо. Обе луны вышли из-за облаков и заливали планету своим нежным, матовым светом. Клурос находился над самым горизонтом, Турия — чуть выше. К тому времени, когда Клурос войдет в зенит, Турия уже пройдет свой путь по орбите вокруг Барсума и скроется — так быстро она скользит по небесному своду.

Ко мне подошел бортовой дежурный.

— Где стоит «Дусар»? — спросил я.

Он рукой указал на корабль.

— Пятый или шестой отсюда.

Когда я спустился по трапу вниз, часовой с любопытством поинтересовался:

— Старая крыса вдрызг пьяна, как всегда?

— Он абсолютно трезв,— соврал я, не моргнув и глазом.

— В таком случае надо бы послать за доктором,— удивленно произнес он.— Должно быть, он заболел.

Я медленно зашагал вдоль аэропланов. Около пятой машины я остановился.

— Это и есть «Дусар»? — спросил я у стоящего возле трапа часового.

— Ты что, читать разучился? — дерзко ответил он вопросом на вопрос.

Приглядевшись, я увидел на носовой части корабля надпись, свидетельствовавшую о том, что я не ошибся. Это, действительно был «Дусар».

— А ты читать умеешь?

Я сунул приказ часовому под нос.

Он внимательно прочитал бумагу и, подтянувшись, отдал честь.

— Простите, но по вашему виду не скажешь, — угрюмо промолвил он.

В этом парень был совершенно прав. У меня был мундир рядового воина, того самого часового, которого я убил на полянке.

Я осмотрел аэроплан. С земли он выглядел не слишком многообещающе — старая неуклюжая громадина. По трапу я забрался на борт. Членов же экипажа что-то не видно. Я обнаружил только вахтенного дежурного, который, свернувшись клубком, крепко спал, лежа прямо на палубе.

Пришлось нарушить его сон.

— Вставай, быстро! — скомандовал я.

Открыв один глаз, он долго непонимающе глядел на меня, потом вскочил на ноги.

— Кто ты такой? — закричал он. — Что ты здесь делаешь? С какой стати ты пихаешься и не даешь мне спать?!

— Слишком много вопросов за раз, мой мальчик, — ответил я. — Отвечу тебе на первый, но это будет и ответ на все остальные.

Я протянул ему приказ.

Он взял его, все еще продолжая негодовать и бурчать что-то себе под нос.

— Не смей называть меня «мой мальчик», ты...

Внезапно он осекся — видно, до него начал доходить смысл написанного. Отдав честь, он возвратил мне бумагу. Несмотря на подобострастное выражение, которое он пытался придать своей заспанной физиономии, я заметил в его глазах язвительную усмешку.

— Чему ты ухмыляешься? — спросил я.

— Я подумал, что вам досталось, кажется, самое спокойное местечко во всем воздушном флоте Хин Абтола.

— Что ты имеешь в виду?

— Вам ничего не придется делать,— ответил он.— «Дусар» в неисправности — на нем нельзя летать.

Вот как! Очевидно, одвар Фор Сан был совсем не так пьян, как мне показалось.

VI

На борту «Дусара» я обнаружил ужасную грязь и беспорядок, но какое все это имеет значение, если корабль не может летать?!

— Из скольких офицеров и солдат состоит команда корабля? — осведомился я.

Парень снова ухмыльнулся и ткнул себя пальцем в грудь.

— Из одного,— ответил он.— Впрочем, теперь уже из двух, коли вы здесь.

Я спросил у своего единственного подчиненного, как его зовут.

— Фо-нар,— ответил он.

— Ну, что, Фо-нар,— сказал я.— Давай осмотрим наш корабль. Что у него неисправно? Почему он не летает?

— Вся загвоздка в моторе,— пояснил тот.— Он больше не заводится.

— Надо для начала осмотреть весь корабль,— решил я,— а уж потом поглядим, что можно сделать с мотором.

— Вместе с Фо-наром мы начали обход. Открывшаяся моим глазам картина производила тягостное впечатление. Повсюду — все та же грязь и беспорядок.

— Как давно «Дусар» вышел из строя? — поинтересовался я.

— Около месяца.

— Надеюсь, не ты учинил здесь за месяц такой погром?

— Нет,— несколько удивленно ответил Фо-нар.— Тут все было так же и когда корабль летал.

— Кто же им командовал? Кто бы он ни был, его

следовало бы немедленно разжаловать за то, что он довел корабль до такого состояния!

— Его нельзя разжаловать, сэр,— произнес Фо-нар.

— Это еще почему?

— Потому что во время нашего последнего полета он напился и вывалился за борт,— усмехнувшись, сказал Фо-нар.

Я проверил орудия. Их оказалось восемь штук: четыре в носовой части и столько же в хвостовой. Все они находились во вполне приличном состоянии, и боеприпасов имелось в достатке. Бомбовый отсек тоже был полон.

Корабль был рассчитан на солидный экипаж и долгие рейсы — здесь имелись каюты для двадцати пяти солдат и трех офицеров, а также камбуз и большие запасы провизии. Если бы не моя сегодняшняя встреча с Фор Саном, я бы начал ломать себе голову над тем, как могло случиться, что все это — орудия, боеприпасы, провизия и разное оборудование — оказалось брошено на борту корабля, вышедшего из строя. Можно было предположить, что «Дусар» построен лет десять назад. Но к такому выводу я пришел лишь после тщательного осмотра корабля. Выглядел он на все сто.

Фо-нара я отпустил, разрешив ему спать дальше, если пожелает, а сам отправился в каюту двара и тоже прилег. В предыдущую ночь мне не удалось отдохнуть, и я чувствовал себя смертельно уставшим. Когда я открыл глаза, было уже совсем светло. Поднявшись, я обнаружил Фо-нара на камбузе, где он готовил себе завтрак. Я велел ему приготовить что-нибудь поесть и для меня. После завтрака я отправился разбираться с мотором.

При виде того безобразного состояния, до которого довел корабль его предыдущий командир, я снова испытал сильное раздражение. Мне нравятся барсумские корабли. Я так долго прослужил в воздушных силах Гелиума, что сроднился с этими машинами — они стали близки и дороги мне, словно хорошие знакомые. Одни из них я проектировал сам, конструкцию других усовершенствовал, разрабатывал новые моторы, оснащение, вооружение. Целый ряд приборов, созданных мною, используется на аэропланах разных государств Барсума. Скажу без хвастовства: если есть что-то, чего я не знаю о марсианских кораблях, значит, этого не знает никто.

В царящем повсюду на корабле хаосе мне все-таки удалось найти нужные инструменты, и я практически полностью разобрал мотор, тщательно проверяя каждую его деталь. Пока я занимался мотором, Фо-нару было велено привести корабль в порядок. Я приказал ему начать уборку с моей каюты, а затем навести порядок на камбузе. Конечно, для того, чтобы привести «Дусар» в нормальное состояние, потребовалось бы не меньше месяца, но надо же когда-то начинать.

Провозившись с мотором каких-нибудь полчаса, я уже понял, в чем причина его неисправности. Виновата во всем была всего-навсего грязь! Трубы оказались засорены — в результате чудесное концентрированное топливо, используемое на марсианских кораблях, просто не поступало в мотор.

Меня буквально ужаснуло такое проявление тупости и некомпетентности, хотя особенно удивлен я не был. Чего можно ожидать от пьяных командиров! Я впервые сталкивался с подобным на Барсуме. В воздушных силах Гелиума ни один офицер, находящийся на дежурстве или даже просто на борту корабля, не позволит себе ни капли спиртного. А уж до бесчувственного состояния они не напиваются ни в какое время.

Если офицер хоть раз позволит себе появиться на борту корабля в нетрезвом виде, команда станет следить за тем, чтобы больше это никогда не повторялось. Членам экипажа хорошо известно, что их жизни находятся в руках командира, и они не намерены доверять их пьяному — такого офицера попросту вышвырнут за борт. Этот обычай так прочно укоренился в воздушном флоте Барсума, что воины, решившие взять дисциплину на корабле в собственные руки, хотя бы и путем расправы с нерадивым начальником, никогда не подвергались за это наказаниям. У меня даже промелькнуло подозрение, нет ли какой-нибудь связи между этим неписаным законом, действующим в воздушных силах Барсума, и прискорбным случаем, происшедшим с последним командиром «Дусара».

На приведение мотора в порядок у меня ушел практически весь день — я тщательно прочистил каждую его деталь и только затем собрал агрегат заново. Когда я запустил его, до моих ушей донесся мягкий, еле слышный гул машины — для меня он звучал, как сладчайшая музыка. Теперь у меня есть корабль, и этот корабль будет летать!

Один человек вполне в состоянии управлять таким аэропланом, но сражаться на нем в одиночку он не сможет. Откуда же взять людей? Набирать себе в экипаж первых встречных я не хотел. Мне нужны надежные, хорошие воины, которые стали бы охотно драться против Хин Абтола.

Обдумывая эту проблему, я вернулся к себе в каюту, где намеревался прежде всего привести себя в порядок. Там все было так вылизано, что она аж светилась от чистоты. Фо-нар, надо отдать ему должное, потрудился на совесть. Он же, видимо, притащил откуда-то мундир и оружие двара — скорее всего, они остались от прежнего командира и теперь перешли ко мне по наследству.

Помывшись и переодевшись, я вышел на верхнюю палубу, чувствуя себя совершенно другим человеком. Фо-нар при моем появлении взял на караул и отдал честь.

— Фо-нар,— обратился я к воину,— ты не панар?

— Должен признаться, что нет,— неожиданно резко ответил он.— Родом я из Яхара, но у меня больше нет родины. Я — пантан.

— Ты жил в Яхаре в период правления Тул Акстара? — продолжал я расспрашивать его.

— Да,— подтвердил Фо-нар,— из-за него-то мне и пришлось покинуть родину. Дело в том, что я пытался убить его, но был схвачен. Мне едва удалось спасти жизнь, но возвращаться обратно я не могу до тех пор, пока этот человек жив.

— Теперь ты можешь вернуться,— сообщил я.— Тул Акстар мертв.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Я знаком с человеком, который убил его.

— Вот ведь судьба! — горестно воскликнул Фо-нар.— Теперь, когда появилась возможность вернуться на родину, я не могу этого сделать.

— Почему же?

— По той же самой причине, сэр, по которой и вы, уроженцем каких бы мест ни были, никогда не вернетесь на родину — разве только вы панар, но я что-то в этом сильно сомневаюсь.

— Нет, я действительно не из Панары,— признался я.— Но почему ты решил, что мне никогда не удастся возвратиться на родину?

— Потому что, попав в руки Хин Абтола, человек

уже не сможет вырваться. Он оказывается в ловушке. Освободить его может только смерть.

VII

— Да брось ты, Фо-нар,— отмахнулся я от грозных предупреждений своего собеседника.— Это просто смешно. Что может помешать любому из нас сбежать хоть сейчас же?

— Того, кто сбежит сейчас, немедленно схватят и прикончат местные жители, а когда эта война закончится, нас всех тут же отправят назад, в Панару. Корабли Хин Абтола не будут делать посадки нигде, пока не достигнут Панары, а оттуда уж не сбежишь. Хин Абтол никогда не останавливается в дружественных городах, чтобы не давать своим воинам возможности исчезнуть. Да таких городов-то и нет! Откуда у него взяться друзьям? Он нападает на каждый город, который, как считает, в состоянии захватить, разграбляет его и улетает прочь, забрав добычу и пленных — столько, сколько способны вместить его корабли. В плен он берет главным образом мужчин. Говорят, их у него уже целый миллион. Аппетиты Хин Абтола растут с каждым днем. Теперь он собирается покорить Гелиум, а затем завоевать весь Барсум. Меня, например, он взял в плен, когда на пути из Панары в Гатол разгромил и опустошил Раксар, где я служил наемником в армии тамошнего джеда.

— А хотел бы ты вернуться в Яхар? — снова подзадорил его я.

— Конечно,— откликнулся он, и голос его стал грустным.— Там осталась моя жена. Не знаю, правда, жива ли она. Я ведь не был на родине уже двадцать лет.

— Значит, ты готов изменить Хин Абтолу?

— Да хоть сейчас,— подтвердил он.— С какой стати я должен быть предан этому типу?

— Послушай меня, Фо-нар,— сказал я.— Я, как и все жители Барсума, могу читать мысли другого человека, когда он по беспечности перестает следить за выражением своего лица. Пару раз ты, сам того не сознавая, предоставил мне возможность узнать, о чем думаешь. Таким образом, мне удалось кое-что выяснить о тебе. Во-первых, тебе не терпится узнать, кто я такой: откуда взялся и можно ли мне доверять. Во-вторых, ты презира-

ешь панаров. Наконец, мне удалось обнаружить, что в Яхаре ты был не простым воином на службе тамошнего джеддака, а дваром — впервые увидев меня в облачении двара, ты как раз вспомнил об этом.

Фо-нар только улыбнулся мне в ответ.

— Надо признать, — произнес он, — что вы весьма преуспели. Впредь буду держаться осторожнее. Либо вам удастся читать чужие мысли лучше, чем мне, либо вы никогда не теряете бдительности, поскольку я ни разу не смог уловить даже намека на то, чем занята ваша голова.

— Не переживай, — утешил я парня. — Мои мысли еще никому не удавалось прочитать.

Вообще-то это в самом деле весьма странно и совершенно необъяснимо. Способность читать чужие мысли развита у марсиан до такой степени, что ее в пору назвать подлинным искусством. Тем не менее — я не сохранил в этом Фо-нару — в мои мысли не удавалось заглянуть ни одному человеку. Возможно, причина кроется в том, что я обладаю сознанием землянина, а телепатия на нашей планете находится пока в зачаточном состоянии.

— Вам можно только позавидовать, — произнес Фо-нар, — но, пожалуйста, продолжайте и расскажите, что вы собираетесь делать.

— Ладно, — согласился я. — Первым делом я, как и обещал, исправил мотор «Дусара». Теперь корабль снова может летать.

— Здорово! — не сдержался Фо-нар. — Я же сразу понял, что вы никакой не панар. Эти панары — самые тупые существа на всем белом свете. Им никогда бы не удалось починить мотор. Они умеют только ломать и разрушать! Но, извините, я опять перебил вас.

— Теперь нам нужна команда. Скажи, можем мы найти человек пятнадцать — двадцать пять, на которых можно положиться, которые умеют хорошо сражаться и которые готовы пойти за мной драться за свою свободу против Хин Абтола?

— Я найду таких людей, — заверил Фо-нар.

— Вот и займись этим немедленно, — велел я. — С этой минуты ты назначен первым падваром на «Дусаре».

— Кажется, я начинаю снова возвращаться к жизни, — сказал Фо-нар, радостно засмеявшись. — Я сейчас

же приступлю к выполнению вашего задания. Только предупреждаю, что не умею творить чудеса — на то, чтобы набрать команду, потребуется некоторое время.

— Удачи тебе, падвар! — напутствовал я его.

Остаток дня тянулся медленно. Устроившись в каюте, я занялся разборкой бумаг. На кораблях Барсума, как и на Земле, ведется бортовой журнал — его-то я и изучал в течение нескольких часов. Выяснилось, что «Дусар» был захвачен панарами четыре года назад во время научной экспедиции в Арктику, которую совершал этот корабль. Новые хозяева «Дусара» даже бортовой журнал стали вести неряшливо. Случалось, что неделями в него не заносилось ни единой записи, а те, что я обнаружил, были сделаны непрофессионально и небрежно. Панары и раньше не вызывали у меня особой симпатии. Теперь же, чем больше я узнавал их, тем больше испытывал к ним презрение. Они действительно совершенно бездарны, тупы и ограничены. Природа как будто отдохнула, создавая их. Подумать только, что существо, которое правит ими, вознамерилось покорить весь мир!

К исходу седьмого зода возвратился Фо-нар.

— Все сложилось еще удачнее, чем я предполагал, — доложил он. — Каждый, к кому я обратился, поручился еще за троих — четверых, так что набрать двадцать пять человек удалось довольно быстро. Кажется, я подыскал и кандидата на место второго падвара. Этот парень был падваром в армии Гелиума и летал на многих кораблях.

— Как его зовут? — заинтересовался я. — У меня много знакомых в Гелиуме.

— Тан Хадрон из Хастора, — ответил Фо-нар.

Тан Хадрон из Хастора! Как же мне не помнить его, он ведь был одним из лучших офицеров моей армии. Какими судьбами, интересно знать, оказался он во флоте Хин Абтола? Вслух же я произнес:

— Тан Хадрон из Хастора? Кажется, мне приходилось слышать это имя. Вполне возможно, что я его знаю.

Я сказал так не потому, что не доверял Фо-нару — мне не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что я — Джон Картер, Принц Гелиума. Если это станет известно и я, не дай Бог, попаду в плен, Хин Абтол, наверняка, потребует за мою голову неимоверный выкуп у Тардос Морса, джеддака Гелиума, дедушки моей несравненной супруги Деи Торис.

Сразу же после восьмого зода на корабль стали собираться воины. Я строго наказал Фо-нару немедленно отправлять их по каютам, так как опасался, что непривычное оживление на борту «Дусара» привлечет внимание. Тан Хандрона я велел тотчас же, как только он появится, прислать ко мне в каюту.

Через некоторое время в дверь моей каюты постучали. Я отозвался, и на пороге появился Тан Хадрон. Меня он не узнал: видимо, красная кожа и форма панарского офицера ввели его в заблуждение.

— Я Тан Хадрон из Хастора, — сказал он. — Падвар Фо-нар приказал мне немедленно доложить вам о своем прибытии.

— Ты не панар? — спросил я.

Он напрягся.

— Я житель Гелиума, а родом из города Хастора, — гордо ответил он.

— Где находится этот Хастор? — на всякий случай спросил я.

Подобное невежество, кажется, слегка удивило моего собеседника.

— Он расположен к югу от Великого Гелиума, сэр, примерно в пятистах хаадах. Извините меня, — прибавил он, — но от подвара Фо-нара я узнал, будто у вас много знакомых в Гелиуме, из чего заключил, что вам приходилось бывать в нашей империи. Он даже дал мне понять, что вы служили в наших воздушных силах.

Это был скрытый вопрос, на который я решил пока не отвечать.

— Фо-нар рекомендовал тебя на место второго падвара на «Дусаре», — сказал я. — Если ты будешь верно служить мне и выполнять все мои распоряжения, то в награду за это получишь свободу.

Я прекрасно видел, что теперь, после беседы со мной, у него возникли некоторые сомнения в успехе всего дела, и по лицу его несколько раз пробежала скептическая улыбка. Действительно, как можно полагаться на человека, который ничего не слышал о Хасторе? Тем не менее, коснувшись рукоятки своего меча, как предписывал барсумский этикет, он поклялся верно и преданно служить мне.

— Я свободен, сэр? — спросил он.

— Да, — ответил я. — На некоторое время. Когда вся

команда соберется на борту, я намерен построить всех на нижней палубе. Тебе тоже надо быть там.

Отдав честь, он повернулся и направился к выходу.

— Кстати,— окликнул я его,— как поживает Тавия?

Мой вопрос заставил его немедленно обернуться. При этом он слегка пошатнулся, словно его ударили, и уставился на меня широко раскрытыми от удивления глазами.

— Откуда вам известно о Тавии, сэр? — недоумевающе спросил он.

Тавия была его женой.

— Слышал, что она очаровательная девушка. Никак не могу понять, почему ты до сих пор не с ней в Хасторе!

Он подошел поближе и пристально посмотрел на меня. По правде сказать, освещение в каюте было слабое, не то он, наверное, узнал бы меня раньше. Когда, наконец, он понял, кто перед ним, у него от изумления даже челюсть отвисла. Опомнившись, он немедленно выхватил из ножен свой меч и положил его к моим ногам.

— Джон Картер! — воскликнул он.

— Потихе, Хадрон,— предупредил его я.— Никому, кроме тебя, не известно мое настоящее имя, и ни одна душа не должна его знать.

— Здорово вы разыграли меня, сэр,— сказал он, заливаясь смехом.

— Мне так давно не доводилось смеяться,— извинился я,— что ты, надеюсь, не будешь на меня в обиде. А теперь расскажи-ка лучше о себе и о том, как тебя угораздило оказаться тут.

— Почти половина флота Гелиума отправилась на поиски Ланы из Гатола и вас,— ответил он.— Слухи о вашем местонахождении доходили изо всех частей Барсума. Как и многие другие офицеры, я вылетел на разведку на одноместном аэроплане. Но удача отвернулась от меня, и поэтому я сейчас нахожусь здесь. Один из кораблей Хин Абтола подбил мой аэроплан, а когда мне пришлось совершить посадку, панары захватили меня в плен.

— С нами произошла такая же неприятность. Аэроплан, в котором находилась Лана из Гатола и я со своими товарищами, был атакован одним из кораблей Хин Абтола,— сообщил я.— Нам пришлось приземлиться. Пока я искал еду в лесу неподалеку, моих спутников,

в том числе и Лану, захватили в плен. Вероятно, их схватили воины Хин Абтола, так как мы сели неподалеку от их лагеря. Нам надо попытаться выяснить, где сейчас находится Лана, и тогда будем решать, что делать дальше. Может, кто-нибудь из твоих воинов знает или слышал о ее судьбе. Попробуй выяснить все, что возможно.

Отдав честь, он покинул мою каюту. После разговора с ним у меня даже на душе стало легче. Приятно иметь такого верного и храброго человека, как Тан Хадрон из Хастора, в качестве своего помощника.

VIII

Не успел Тан Хадрон уйти из моей каюты, как в ней появился Фо-нар. Он доложил, что почти все воины, кроме одного, собрались на борту, и он пока велел им заниматься наведением порядка. Я заметил, что мой помощник как будто встревожен, и поинтересовался, в чем дело.

— Меня беспокоит этот воин, который до сих пор не явился на корабль, — признался Фо-нар. — Человек, который ручался за него, тоже волнуется. Он сказал, что познакомился с ним недавно, и только на борту «Дусара» узнал от нескольких солдат, которые, по их собственным словам, хорошо знают этого типа, что он — отпетый мерзавец.

— Ну, что ж, здесь уже ничего не поделаешь, — ответил я. — Впредь будь осмотрительней. Если этот тип начнет болтать и нас в чем-нибудь заподозрит, то нам тем более придется поспешить. Надеюсь, ты уже распределил обязанности между членами команды?

— Этим сейчас занимается Тан Хадрон, — сообщил Фо-нар. — Мне кажется, в лице этого человека мы обрели отличного офицера.

— Я придерживаюсь того же мнения, — согласился я. — Проинструктируй четырех воинов, чтобы они были готовы в любой момент, как только возникнет необходимость, обрубить канаты.

На земле, во время стоянки большие марсианские корабли канатами привязываются к сваям — по одной с обеих сторон носовой и хвостовой части. Хотя, как

правило, корабль возвращается после полета на стоянку на прежнее место, сваи перед стартом вырывают из земли и забирают на борт. В случае вынужденного внезапного отлета, который, быть может, придется принять нам, канаты просто перерубают.

Фо-нар отправился выполнять мои указания, но минут через пять, взволнованный, снова влетел в мою каюту.

— Кажется, началось, сэр! Боюсь, мы не зря опасались,— запыхавшимся голосом произнес он.— К нам идет одвар Фор Сан, а с ним вместе этот пропавший солдат. Он уже, наверное, разболтал Фор Сану все, что ему было известно.

— Когда Фор Сан поднимется на борт, проводи его тотчас же вниз, в мою каюту, и проследи, чтобы все члены команды заняли свои места,— распорядился я.— Особенно проверь, чтобы четверо воинов с топорами были наготове возле канатов. Тан Хадрону передай, чтобы он находился возле мотора и был готов запустить его в любую минуту. А около двери моей каюты поставь часового. Он должен будет передать команду на взлет, как только я два раза хлопну в ладоши,— это будет условный сигнал.

Через пару минут Фо-нар опять вернулся.

— Он не хочет спускаться вниз,— сообщил он, имея в виду Фор Сана.— Он совсем разбушевался, носится по верхней палубе, как обезумевшая лошадь, и требует, чтобы к нему привели человека, приказавшего набирать команду на «Дусар».

— Тан Хадрон готов? — уточнил я.

— Да,— подтвердил Фо-нар.

— Пускай заводит, как только я поднимусь на верхнюю палубу. А четверо пусть ждут сигнала возле канатов.

Выждав немного после ухода Фо-нара, я сам отправился наверх. Фор Сан носился по палубе взад-вперед в ужасном гневе. Я успел заметить, что он уже успел приобщиться к своим любимым напиткам.

Я подошел к нему и отдал честь.

— Вызывали меня, сэр?

— Кто ты такой? — заорал он.

— Двар, командир «Дусара», сэр,— ответил я.

— Кто-о?! — взвопил он в изумлении.— Кто назначил тебя на этот корабль? Откуда ты вообще взялся?

— Вы же сами и назначили меня, сэр,— спокойно ответил я.

— Я?! — заревел он.— Да я тебя вижу в первый раз в жизни. Ты арестован. Арестовать его!

Он повернулся к стоящему рядом с ним воину — это, видимо, и был пропавший член нашей команды,— и принялся беседовать с ним.

— Минутку,— сказал я,— поглядите вот сюда. Это приказ, подписанный собственноручно вами, в котором сказано, что я назначаюсь командиром «Дусара».

Я поднял бумагу так, чтобы ему было видно, что на ней написано,— благо, было довольно светло, так как обе луны Марса уже взошли на небосвод.

Приказ произвел на него некоторое впечатление, во всяком случае, вид у него стал удивленный и удрученный. Но притих он ненадолго. Придя в себя после первого потрясения, он снова принялся шуметь.

— Это фальшивка! В любом случае эта бумага не дает тебе права набирать команду на корабль!

Было, однако, заметно, что решительности у командующего заметно поубавилось.

— Что проку в корабле, на котором нет экипажа? — не сдавался я.

— Зачем тебе экипаж на корабле, который не летает, идиот?! — снова разъярился он.— Ты, видно, считаешь себя большим умником. Подсунул мне этот приказ, а я подписал. Как бы не так! Я тоже не лыком шит. Мне отлично известно, что «Дусар» не может летать.

— Из-за чего же тогда столько шума, сэр? — спросил я.

— Из-за того, что ты что-то замышляешь, скотина! Не знаю, что именно ты задумал, но я докопаюсь до истины! Виданое ли дело — собирать ночью, тайком, команду! Я отменяю этот приказ, а тебя самого отправляю под арест.

Я надеялся выпроводить его с корабля по-хорошему, поскольку до отлета надо было еще выяснить местонахождение Ланы из Гатола. Мне сообщили, будто она находится на борту корабля, направляющегося в Панкор, но это были неточные сведения. К тому же следовало узнать, с ней ли Хин Абтол.

— Отлично, Фор Сан,— произнес я.— Теперь позволь мне кое-что тебе сказать. Я командую этим кораблем и буду командовать им дальше. Даю тебе вместе

с твоей крысой, — я указал пальцем на предателя, — три секунды, чтобы вы убрались отсюда прочь. Через три секунды «Дусар» поднимется в воздух.

И я дважды хлопнул в ладоши.

Фор Сан расхохотался.

— Я же сказал, что корабль не летает, кретин! А теперь пошли. Если сам не пойдешь, тебя поведут силой, — и он показал рукой за борт.

Я увидел довольно большой отряд воинов, направляющийся в нашу сторону. В этот самый момент «Дусар» оторвался от земли.

Фор Сан не спускал с меня глаз.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Хочу немножко покатать тебя, Фор Сан, — ответил я, указывая рукой вниз, на удаляющуюся от нас землю.

Он метнулся к перилам. Его воины следили за ним снизу с недоумевающими физиономиями.

— Эй, вы! — заорал Фор Сан, обращаясь к ним. — Персдайте, чтобы немедленно организовали преследование на «Окаре» за этим кораблем и во что бы то ни стало остановили его.

«Окар» был его флагманским кораблем,

— Может, лучше спустишься ко мне в каюту и выпьешь? — предложил я, помня, что от прежнего хозяина там сохранились кое-какие запасы спиртного. — Ты пойдешь вместе с ним, — приказал я предавшему нас воину. — Напитки найдете в одном из ящиков.

Сам я отправился на капитанский мостик. По пути я послал одного из своих солдат за Фо-наром. Тан Хадруну я приказал сделать несколько кругов над летным полем, и, отдав распоряжения Фо-нару, отправил его вниз.

— Нельзя позволить им подняться в воздух, — сказал я Тан Хадруну. — Наш корабль не из быстроходных, а если нас догонят, считай, все пропало!

Выполняя мой приказ, Тан Хадрон на малой высоте двинулся к первому стоявшему на летном поле кораблю. Это и был «Окар», уже совсем готовый к взлету. Я дал сигнал Фо-нару — и в следующее мгновение раздался страшный взрыв. Наша первая бомба угодила точно в цель. «Окар» уже никогда не сможет подняться в воздух. Медленно пролетая над машинами, мы сбрасывали на них бомбы, и вскоре от воздушного флота панаров

остались бы одни воспоминания. Однако враги быстро опомнились. Мы не успели долететь еще и до середины поля, как нас принялись вовсю обстреливать из наземных орудий, а корабли, до которых мы еще не добрались, стали один за другим подниматься в воздух.

— Пора отсюда уходить, — сказал я Тан Хадрону.

Он включил полную скорость, и «Дусар», быстро набрав высоту, зигзагами начал удаляться от летного поля.

Орудия на нашем корабле тоже не простаивали и весьма успешно обстреливали наземную батарею. Несмотря на обрушвшийся на нас шквал огня, «Дусар» нисколько не пострадал. До сих пор все складывалось очень удачно. Судьба была настроена по отношению к нам явно благожелательно. Жаль только, что нам не удалось уничтожить побольше вражеских кораблей. Сейчас несколько машин, поднявшись в воздух, кажется, собирались пуститься за нами в погоню. Один из кораблей уже увязался вслед за нами, но пока что мы находились на расстоянии, не позволявшем обстреливать друг друга.

Велев Тан Хадрону держать курс на север, я вызвал Фо-нара, которому приказал собрать команду на палубе. Мне хотелось увидеть, наконец, весь экипаж в сборе и объяснить, какие цели преследует наш полет. Время для этого выдалось сейчас самое подходящее, поскольку неприятельских кораблей в опасной близости от нас видно не было. А они могли появиться в любую минуту.

Воины мои тем временем собрались на палубе. С первого взгляда на них можно было догадаться, что это люди бывалые, участвовавшие не в одной компании. Расхаживая по палубе, я то и дело ловил на себе их оценивающие взгляды. Моя персона, кажется, весьма занимала их — так что интерес друг к другу у нас был обоюдный. Ребята это были отпетые. Дай им волю — и они бы тут же организовали, чтобы я «выпал» за борт, а потом передрались бы между собой, решая, куда дальше держать путь. После подобного выяснения отношений уцелело бы с полдюжины самых крепких воинов, которые взяли бы курс на ближайший город. Дальнейшее тоже нетрудно предугадать. Если бы им удалось долететь до него, не угробив корабль и самих себя, то там они быстренько продали бы «Дусар» и закатали бы на вырученные деньги дикую оргию.

Я поговорил с каждым, попросив представиться и рассказать о прежней службе. Из двадцати трех человек одиннадцать оказались пантанами и двенадцать — наемными убийцами. По их боевым биографиям можно было изучать географию Барсума — кажется, не было такого уголка на планете, где бы не приходилось драться моим головорезам. Семеро пантанов были либо родом из Гелиума, либо служили там в воздушном флоте. Эти люди должны быть привычны к военной дисциплине и порядку, подумалось мне. Наемные убийцы оказались из разных городов, разбросанных по всему Барсуму. Мне и без всяких расспросов было ясно, что каждый из них чем-то навлек на себя гнев своих сотоварищей по кровавому ремеслу и вынужден был, спасая собственную шкуру, покинуть родные места. Судя по всему, это были настоящие бандиты.

— Наш корабль держит путь в Панкор,— сказал я.— Мы ищем дочь джеда Гатола, которую похитил Хин Абтол. Может, прежде чем удастся найти девушку, нам предстоят жаркие схватки. Если операция пройдет успешно и мы останемся в живых, «Дусар» полетит в Гелиум. Там я передам корабль в ваши руки, и вы вольны делать все, что вам заблагорассудится.

— Я не собираюсь лететь в Панкор,— тут же заявил один из наемных убийц.— Я провел там двадцать пять лет и сыт по горло. Возвращаться туда я не намерен.

Это была дерзкая выходка, нарушающая всякую субординацию и напоминающая настоящий мятеж. В армии, где хорошо поставлена дисциплина, справиться с ослушником не составило бы труда. Здесь же представителем высшей власти был я сам, и мне приходилось действовать иначе, чем командиру корабля, ощущающему за своей спиной сильного правителя. Поэтому без долгих разговоров я шагнул к бунтовщику и изо всей силы ударил его по физиономии — так же, как в свое время Кор-ана. Воин рухнул на палубу.

— Куда нам лететь, решать буду я,— объявил я.— Неповиновения на корабле я не потерплю.

Тем временем парень очухался. Он поднялся на ноги и схватился за меч. Мне не оставалось ничего, как принять его вызов.

— Наказанием тебе будет смерть,— заявил я, обнажая свой меч.— Так что советую пока не поздно спрятать оружие.

— Я упрячу его в твоё брюхо, паскуда! — закричал он, делая резкий выпад в мою сторону.

Легко парировав этот удар, я тут же ранил противника в правое плечо. Я понимал, что мне придется прикончить мятежника, поскольку от исхода нашего поединка зависит мой авторитет, дисциплина на корабле, а в конечном счете, и судьба Ланы из Гатола. Однако для начала я решил преподать ему показательный урок, дабы остальные не подумали, что я убил его случайно, но убедились в том, что тягаться со мной не стоит, ибо это чревато немедленной гибелью.

Итак, я принялся забавляться с ним, словно кошка с мышкой. Остальные члены команды, поначалу было заворчавшие, теперь приумолкли, а вскоре стали посмеиваться над своим товарищем.

— Кажется, ты собирался воткнуть свой меч ему в брюхо? — язвительно спросил кто-то у мятежника.

— Что же ты его не убиваешь, Ган-хо? — поддержал насмешника другой. — Я-то считал тебя таким искусным воином!

— Одно могу тебе сказать, парень, — вмешался третий. — Ты не полетишь ни в Панкор, ни куда-либо еще. Прощай, Ган-хо, ты уже покойник.

Легко, почти играючи, я обезоружил Ган-хо, выбив из его рук меч так, что тот пролетел через всю палубу и, звякнув, упал где-то в дальнем ее конце. Делал я это в расчете на публику — пускай все видят, что мне ничего не стоит прикончить соперника в любой момент. Обезоруженный, Ган-хо несколько секунд оторопело стоял, не двигаясь с места, потом кинул на меня безумный взгляд и, взревев, как раненый зверь, бросился к поручням. Через мгновение он исчез за бортом корабля. Слава Богу, что мне не пришлось брать грех на душу и убивать его, хотя для этого у меня имелось вполне достаточно веских причин.

Повернувшись к команде, я обвел своих воинов испытующим взглядом.

— Ну, что, кто-нибудь еще не желает лететь в Панкор? — спросил я и замер в ожидании ответа.

Несколько человек глупо оскалились, кто-то зашаркал ногами, однако вслух никто не осмелился произнести ни слова.

— Я собрал вас здесь для того, чтобы сообщить, куда мы направляемся и зачем, — продолжил я свою прерван-

ную речь.— Кроме того, довожу до вашего сведения, что Фо-нар является первым падваром на этом корабле, а Тан Хадрон — вторым. Что касается меня, то я ваш двар. Всем нам троим вы обязаны подчиняться беспрекословно. А теперь возвращайтесь на свои места.

IX

Вскоре после того, как члены экипажа разошлись, на палубе появился Фор Сан со своим спутником. Оба они были изрядно пьяны. Заметив меня, Фор Сан шатающейся походкой направился в мою сторону. Не доходя несколько шагов, он остановился и пальцем поманил меня. Даже на расстоянии от него сильно пахло спиртным.

— Именем Хин Абтола, джеддака джеддаков Севера,— произнес он заплетающимся языком,— приказываю тебе передать командование кораблем мне. Иначе тебе придется отвечать за последствия поднятого тобой мятежа по всей строгости.

Несколько воинов, оказавшихся поблизости, с интересом наблюдали за происходящим.

— Вам бы лучше спуститься вниз,— ответил я,— а то, неронен час, вывалитесь за борт.

Фор Сан тем временем углядел, что на палубе, кроме меня, находятся еще несколько человек, и обратился к ним.

— Я одвар Фор Сан,— объявил он, подбоченясь,— командующий воздушным флотом Хин Абтола. Приказываю незамедлительно заковать этого мерзавца в кандалы и развернуть корабль назад.

— По-моему, Фор Сан,— прервал его я,— ты заходишь слишком далеко. Если ты будешь продолжать в том же духе и подбивать членов моей команды к бунту, мне придется принять соответствующие меры. Так что иди-ка лучше вниз.

— Ты еще смеешь приказывать мне на корабле флота, командующим которым я являюсь!? — рассвирепел он.— Или ты забыл, каналья, что перед тобой стоит сам Фор Сан...

— Командующий флотом джеддака джеддаков Севера,— закончил я тираду вместо него.— Эй,— крикнул я воинам, стоявшим поблизости,— проводите-ка эту па-

рочку алкоголиков вниз, а если будут себя плохо вести, свяжите их, да покрепче.

Сопротивляющегося и изрыгающего яростные проклятия Фор Сана уволокли вниз. Его спутник, кажется, понял, что лучше не лезть на рожон, и безропотно повиновался.

Увязавшийся было за нами аэроплан панаров поотстал, но не успели мы облегченно вздохнуть, как невесть откуда появилось еще два. Они быстро догоняли нас.

— Мне это не нравится,— заметил я, обращаясь к Тан Хадрону, стоявшему рядом.

— Давайте покажем им кое-что,— предложил он.

— Что, например?

— Помните маневр, который вы придумали, когда мы последний раз отбивали атаку вражеского флота, напавшего на Гелиум? Вы тогда сбили флагманский корабль и еще два аэроплана впридачу.

— Хорошо,— согласился я,— давай попробуем.

Вызвав Фо-нара, я обстоятельно проинструктировал его, что нужно делать. Во время нашего разговора, то затихая, то возобновляясь с новой силой, раздавались какие-то пронзительный крики. Однако я был настолько поглощен другими делами, что не обратил на них особого внимания. Тут Фо-нар доложил, что все готово, и я велел Тан Хадрону начинать.

«Дусар» на полной скорости шел вперед, против сильного ветра, и вдруг, развернувшись на сто восемьдесят градусов, устремился навстречу преследовавшим его кораблям. Едва мы приблизились на расстояние, позволявшее их орудиям достать огнем наш корабль, как они начали остервенело палить из всех стволов. Мы ответили тем же. Хотя мы активно вели огонь из всех носовых орудий, серьезного урона противнику нам нанести не удалось.

Мы шли в направлении главного корабля панаров. На его палубе уже началась паника. Вероятно, там решили, что мы собираемся пойти на таран. Наконец, нашему стрелку удалось вывести из строя носовое орудие противника, что было несомненной удачей. Расстояние между нашими кораблями сокращалось с каждой секундой. Тан Хадрон, действуя согласно нашей договоренности, прибавил высоты, и мы оказались прямо над панарами. На палубе их корабля раздался оглушительный взрыв, и в следующий момент он уже пылал, как

спичка. Тан Хадрон тут же развернул «Дусар», да так резко, что мы, находившиеся на палубе, чуть не попадали за борт — хорошо еще, что успели ухватиться за поручни. Не давая врагам времени опомниться, наш пилот повел машину к следующему неприятельскому кораблю. От взрыва сброшенной на него бомбы он перевернулся в воздухе и, потеряв управление, стал стремительно падать вниз с высоты четыре тысячи футов.

Теперь поблизости оставался лишь один уцелевший корабль противника. Но стоило нам двинуться к нему, как он резко развернулся и пустился в бегство под улюлюканье и победные вопли моих воинов. Избавившись таким образом от преследования, мы снова взяли курс на север.

Первый подбитый нами корабль панаров, ярко пылая, все еще держался на лету, и я приказал Тан Хадрону приблизиться к нему, чтобы узнать, остался ли в живых кто-нибудь из членов экипажа. Сильно накренившись вперед, машина буквально висела в воздухе. Большая часть ее была объята пламенем. Огонь не захватил лишь носовую часть, и уцелевшие воины сгруппировались здесь, мертвой хваткой вцепившись в поручни.

Мой стрелок решил, что я намереваюсь прикончить их, и, прицелившись, уже собирался открыть огонь, но я успел вовремя остановить его.

— Сможете еще немного продержаться? — крикнул я панарам.

— Попробуем, — ответили мне с горящего корабля.

— Мы сбавим скорость, зайдем снизу и подберем вас.

Примерно минут через пятнадцать мы приняли на борт пятерых уцелевших воинов противника. Среди них оказался даже падвар.

Всех их чрезвычайно поразило то, что я не воспользовался их беспомощным положением и не прикончил сразу или, на худой конец, не оставил догорать в воздухе вместе с подбитой машиной. Падвар, абсолютно убежденный, что мы сняли их с объятых пламенем корабля неспроста, а с какой-то тайной целью, поинтересовался, каким именно способом я намерен их умертвить.

— Я вовсе не собираюсь вас убивать, — ответил я, — если только вы сами не вынудите меня к этому.

Мои воины были удивлены не меньше самих пленных. Я услышал, как кто-то сказал:

— Двар служил во флоте Гелиума. Говорят, они в Гелиуме не убивают военнопленных.

Это правда, но их не убивают и в других странах на Барсуме, предпочитая использовать в качестве рабов. Лишь в редких случаях, когда нет никакой возможности переправить пленников, их, действительно, убивают. Но это крайняя мера.

— Что же все-таки вы собираетесь с нами делать? — никак не успокаивался падвар.

— Как только представится удобный случай, мы совершим посадку, и вы можете уходить на все четыре стороны. У вас есть также другая возможность — присоединиться к нам и лететь вместе с нами. Только напоминаю еще раз: мы находимся в состоянии войны с Хин Абтолом.

Без долгих раздумий все пятеро изъявили готовность разделить нашу участь. Я отправил их с Фо-наром, велел тому хорошенько присматривать за новобранцами и объяснить им их обязанности на корабле. Члены моей команды, собравшись в центре палубы, наперебой обсуждали случившееся. Их прямо распирало от гордости.

— Мы уничтожили два корабля и заставили обратиться в бегство третий, а сами не получили ни единой царапины, — похвастался один из воинов.

— Двар поступил великодушно, подобрав этих пятерых. У него благородная натура, — добавил второй. — Когда он сцепился с Ган-хо, то был, безусловно, прав. С таким мужиком можно идти, куда угодно.

Прослушав еще несколько похвал в собственный адрес, я почувствовал, как во мне крепнет уверенность в благополучном исходе всего дела. Настроения членов команды явно склонились в мою пользу, и это была, пожалуй, самая верная и надежная гарантия успеха.

Некоторое время спустя, проходя по палубе, я столкнулся с тем самым воином, которому велел отвести вниз Фор Сана и его наушника. Окликнув парня, я поинтересовался у него, что поделывают наши пленники.

— Мне неловко докладывать об этом, сэр, — ответил он, — но случилось несчастье. Они свалились за борт.

— Интересно, как это они умудрились упасть за борт, если находились внизу? — язвительно осведомился я, сразу же догадавшись, что произошло на самом деле.

— Они вывалились через бомбовый люк, сэр, — невозмутимо, без тени улыбки ответил он.

Естественно, я немного сомневался в надежности Гор-дона, того самого падвара панаров, которого мы в числе прочих подобрали с горящего корабля. Меня смущал не только его высокий чин. Он был единственным панаром на борту «Дусара» и единственным человеком, у которого могли иметься причины сохранять верность Хин Абтолу. Я крепко-накрепко наказал Фо-нару глаз с этого типа не спускать, хотя и не думал, что он, даже при большом желании, сможет как-то напакостить нам.

По мере приближения к Северному полюсу возникла необходимость раздать членам экипажа теплые меховые накидки, которых в избытке было запасено на «Дусаре»: белые накидки для рядовых воинов и полосатые, черно-желтого цвета, для троих офицеров. Были также выданы шкуры, чтобы укрываться на ночь.

В эту ночь мне не спалось. Мучимый бессознательным предчувствием надвигающейся беды, я, так и не сомкнув глаз, поднялся около девятого зода (слегка за полночь по земному времени) и вышел на палубу. Фо-нар стоял за штурвалом. Среди членов команды не было больше ни одного человека, известного мне достаточно хорошо, чтобы я мог доверить ему этот важный пост.

В центре палубы я заметил несколько воинов, которые, плотно сбившись в кучу, о чем-то тихонько шептались друг с другом. Они не были заняты на вахте, и делать здесь в такое время им было решительно нечего, поэтому я направился к ним, намереваясь отправить их вниз, по каютам. Но тут мое внимание привлекло кое-что посерьезнее: в дальней части кормы три воина затеяли шумную потасовку. Такое злостное нарушение дисциплины требовало немедленного разбирательства и, возможно, срочного сбора всей команды. Видя, что у драчунов дело зашло слишком далеко, я ускорил шаг. Я успел в самый раз, чтобы остановить их, потому что двое уже собирались вышвырнуть своего противника за борт.

Схватив этих двоих за шиворот, я принялся оттаскивать их от третьего воина. Мне стоило немалых усилий заставить их оставить свою жертву в покое и повернуться ко мне.

Они, конечно, сразу же узнали меня и теперь в нерешительности переминались с ноги на ногу, будто не решаясь заговорить.

— Панар чуть не вывалился за борт, — нагло соврал, наконец, один из них.

Вы, конечно, догадались, читатель, что третьим был падвар с горящего корабля, Гор-дон. Он тоже открыл рот, собираясь, видно, что-то сказать, но я прервал объяснение.

— Спускайся вниз, в мою каюту, — велел ему я. — С тобой я поговорю позже.

Тот воин, который намеревался выбросить Гор-дона за борт, грязно выругался ему вслед.

— погоди, гнида, ты еще свое получишь, — выкрикнул он.

— Что все это значит? — грозно спросил я, оставшись с этими двумя, в которых сразу узнал наемных убийц.

— Это значит, что мы не намерены терпеть панаров на борту корабля, — дерзко отозвался один из них.

— Идите в свои каюты, — отрезал я, не собираясь вступать с ними в дискуссию. — Я еще до вас доберусь!

Мое единственное желание в тот момент заключалось в том, чтобы немедленно заковать обоих в кандалы.

Однако они и не собирались подчиняться. Один из них с угрожающим видом двинулся на меня. В подобных случаях остается только один выход — опередить противника. Резко повернувшись, я нанес ему удар в подбородок, и, когда он упал, выхватил свой меч.

— Я успею прикончить вас обоих еще до того, как вы достанете свое оружие, — произнес я спокойным голосом, но они поняли, что я не шучу и действительно сделаю это. Заставив их встать спиной ко мне возле бортовых поручней, я обыскал негодяев и отобрал у них оружие.

— А теперь убирайтесь вниз, — приказал я.

Воины, шушукавшиеся на палубе, внимательно наблюдали за нами издали. Когда, разобравшись с драчунами, я направился к ним, они быстро спустились вниз, не дожидаясь моего окрика, а может, опасаясь расспросов. Я тут же рассказал о случившемся Фо-нару и предупредил, чтобы он держался настороже и был готов к любым неожиданностям.

— Я пойду сейчас к себе в каюту и побеседую с этим

панаром,— сказал я.— Подозреваю, что дело тут серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Едва ли ни с того ни с сего у этих типов возникло желание вышвырнуть человека за борт. Надо переговорить с остальными членами команды. Прежде всего придется разбудить Тан Хадрона, чтобы он немедленно заковал этих двух негодяев в кандалы. Постараюсь вернуться на палубу как можно скорее. Ситуация такова, что нам придется нести вахту всем троим. Поди знай, каких еще выходок можно ожидать! Мне сдается, остальные воины выходили на палубу явно не для того, чтобы подышать свежим воздухом.

Спустившись вниз, я разбудил Тан Хадрона, поведал ему о происшествии на верхней палубе и приказал тотчас же взять несколько человек и заковать убийц в кандалы. После этого я направился в свою каюту. Едва я появился на пороге, как поджидавший меня Гордон вскочил со скамейки и отдал мне честь.

— Благодарю вас, сэр,— произнес он.— Вы спасли мне жизнь.

— Тебя, действительно, собирались выбросить за борт только за то, что ты — панар? — приступил я к допросу.

— Нет, сэр, вовсе не за это,— ответил он.— Эти люди собираются захватить корабль, потому что боятся лететь в Панкор. Они пытались склонить меня на свою сторону и заставить примкнуть к мятежу, так как ни один из них не умеет управлять кораблем, а я умею. Мне известно, что они намерены убить вас и обоих падваров. Я наотрез отказался участвовать в этой грязной затее и попытался убедить в ее бессмысленности остальных. Испугавшись, что я расскажу вам об их намерениях, что я действительно хотел сделать, они решили избавиться от меня, сбросив за борт. Вы спасли мою жизнь дважды: первый раз, когда подобрали с горящего корабля, и второй раз сегодня. Можете всецело располагать мною, сэр. Я сделаю все, чтобы защитить вас от мятежников. Предупреждаю, они настроены очень решительно, и большинству из них нечего терять. Насчет захвата корабля и изменения курса у них уже все решено, а вот убивать вас или нет, бунтовщики никак не могут между собой договориться. Некоторые из них категорически против этого.

— Мне казалось, что после нашей блестящей победы

команда успокоилась и готова подчиняться мне беспрекословно,— поделился я своими мыслями с Гор-доном.— Ума не приложу, что толкнуло их к бунту!

— Страх перед Хин Абтолом, который усиливается по мере того, как наш корабль приближается к Панкору,— пояснил Гор-дон.— Они приходят в ужас от одной мысли, что их опять могут заморозить на долгие годы.

— Похоже, этот Панкор действительно пренеприятнейшее место,— заметил я.

— Для них, да,— подтвердил мой собеседник.

Гор-дон был при полном вооружении, и я, чувствуя в нем верного союзника, предложил подняться на палубу вместе со мной. По крайней мере, нас будет не трое, а четверо, хотя, честно говоря, я надеялся на то, что не все члены команды присоединятся к мятежникам. Тан Хадрон из Хастора и я за себя постоять сумеем. Что касается Фо-нара и Гор-дона, то какие они бойцы, я не знал.

— Пошли! — сказал я панару.

Но стоило мне открыть дверь своей каюты, как на меня тут же набросилась целая дюжина воинов. Они, очевидно, поджидали, когда я появлюсь, и напали так стремительно, что я не успел даже пальцем пошевелить, чтобы защититься. Обезоружив и меня, и Гор-дона, бунтовщики связали нам руки за спиной. Про себя я не мог не отметить, сколь четко, быстро и слаженно они действуют. Чувствовалось, что план операции продуман главарями основательно, во всех деталях. Это вызвало у меня невольное восхищение, хотя я, конечно, не подал и виду. Любой, кому удастся так легко и бесшумно взять Джона Картера, безусловно, заслуживает похвалы.

Я обратил внимание на то, что мятежники обходятся со мной весьма уважительно. Правда, среди окруживших меня воинов были, в основном, одни пантаны.

Нас повели наверх, на палубу. Там я обнаружил, что Фо-нар и Тан Хадрон тоже захвачены в плен.

Столпившись возле нас четверых, бунтовщики принялись обсуждать нашу дальнейшую судьбу.

— За борт всех четверых — и весь разговор,— предложил кто-то из числа наемных убийц.

— Не будь дураком,— возразил один из пантанов.— Мы же не умеем управлять кораблем, так что хотя бы без одного из них нам никак не обойтись.

— Ладно, одного оставим, но остальных сию же секунду — за борт! Двара первым!

— Нет! — решительно вступился за меня еще один пантан.— Он великий воин и отличный командир. С ним мы победили панаров. Я буду защищать двара!

— И я! И я! — хором поддержало моего заступника еще несколько человек.

— Что же вы собираетесь тогда с ним делать? — вмешался еще один наемный убийца.— Может, оставим их всех на корабле? Вы хотите, чтобы в первом же городе, где мы совершим остановку, они сообщили о нас властям и нам отрубили бы головы?

— Нужно оставить двоих, чтобы они вели корабль,— вступил в перепалку воин, до сих пор не проронивший ни слова.— А двух других просто высадить, раз большинство против того, чтобы их прикончить.

Некоторые из числа наемных убийц продолжали рьяно настаивать на расправе с нами, однако они остались в меньшинстве. В конце концов, решение было принято, и Тан Хадрону было приказано немедленно посадить «Дусар» на землю. Здесь меня и Гордона вытолкали с корабля, хотя и возвратили нам оружие, несмотря на шумные протесты наемных убийц.

Стоя посреди бескрайних арктических льдов и снегов, поживаясь от пронизывающего ветра и глядя, как «Дусар» поднимается в воздух и берет курс на юг, я невольно подумал о том, что, пожалуй, было бы милосерднее, если бы мятежники сразу убили нас.

XI

К северу от нас возвышалась гряда скалистых гор. Их склоны, покрытые снегом и льдом, напоминали хребты умерших чудовищ. Студеный арктический ветер дочиста вылизал их гранитные вершины, упирающиеся прямо в низкое, бесцветное небо. К югу, насколько мог охватить взгляд, тянулась безжизненная, занесенная снегом пустыня. В этом царстве холода, кроме снега и льда, ничего больше не было. Со всех сторон нас окружала смерть. Кажется, не стоило уже и бороться за свое существование.

Но моя натура не может мириться с бездействием.

Мне часто приходится глядеть смерти в лицо, и я не боюсь встречи с нею, но, пока во мне теплится хоть искра жизни, я буду бороться. Никакого определенного плана действий у меня еще не было, но внутреннее чутье подсказало мне, что надо двигаться в южном направлении.

— Думаю, нам лучше идти, чем стоять на одном месте,— сказал я Гор-дону, поворачивая на юг.

— Куда вы направились? — недоуменно спросил он.— Там нас ждет верная смерть.

— Знаю,— откликнулся я.— Смерть ждет нас повсюду, куда бы мы ни пошли.

Панар неожиданно улыбнулся. Я ума не мог приложить, что именно так его развеселило.

— Прямо за этими горами,— сказал он, указывая рукой на север,— находится Панкор. Я частенько охотился с этой стороны перевала и знаю эти места. Через пару часов мы будем в Панкоре.

Я безразлично пожал плечами. Особой радости сообщенное Гор-доном известие у меня не вызвало.

— Мне все равно, что замерзнуть где-нибудь в этой пустыне, что быть убитым в Панкоре,— заявил я.

И я снова двинулся в путь, правда, на сей раз в южном направлении.

— Вы можете идти в Панкор, ничего не опасаясь,— ответил мой спутник,— только вам придется сделать вид, будто вы — мой раб. Конечно, сэр, это не очень приятно, но другого выхода, кажется, нет.

— Понимаю,— сказал я.— И благодарю вас.

— Мы скажем, что я захватил вас в плен,— предложил Гор-дон.— А потом команда моего корабля взбунтовалась, и нас высадили в безлюдной снежной пустыне.

— Мне нравится эта история. В ней, по крайней мере, есть немалая доля истины,— одобрил я.— Но, скажи мне, смогу ли я когда-нибудь выбраться из Панкора?

— Если мне удастся получить другой корабль, то попробуем,— пообещал он.— Я имею право взять с собой на борт корабля раба и, конечно, возьму вас. В остальном нам придется довериться судьбе. Могу лишь заверить вас, что не так-то просто вырваться из лап Хин Абтола, и до сих пор, насколько мне известно, это почти никому не удавалось.

— Ты очень великодушен,— заметил я, обрадован-

ный тем, что впереди забрезжил хотя бы слабый луч надежды.

— Я обязан вам жизнью, сэр, и никогда не забуду этого, — ответил он.

Странная все-таки штука наша жизнь! Мог ли я всего лишь несколько часов назад предположить, что моя безопасность и сама жизнь окажутся в руках одного из офицеров Хин Абтола? Если правду говорят, что человеку воздается за его добрые дела, то, значит, сейчас судьба отблагодарила меня за спасение этих пятерых бедняг с горящего корабля.

Хотя вокруг не было видно никакого пути, Гордон уверенно двинулся вперед, к пролежавшему меж гор ущелью. Человек, не знающий, где оно находится, ни за что бы не отыскал вход в него, даже пройдя совсем рядом, в какой-нибудь сотне ярдов: так надежно он был замаскирован снежными заносами и глыбами льда. Испещрявшие ущелье расщелины превращали его в настоящий лабиринт, в котором недолго и потеряться. Между тем, по словам Гордона, другого пути через горы не существовало, и, если бы враги панаров захотели проникнуть в город, то они бы, наверняка, заблудились в ущелье и погибли от холода, так и не добравшись до цели.

Продвигаться по ущелью оказалось нелегко: под снегом то тут, то там скрывались обломки скал и льдин — мы на каждом шагу спотыкались и часто падали.

Пробредя так около получаса, мы вдруг заметили, что на очередном повороте дорогу нам преградило одно из наиболее страшных существ, обитающих на Марсе. Это было огромное, покрытое белой, под цвет снега, шерстью животное на шести лапах. С помощью четырех из них, коротких и мощных, оно легко передвигалось по снегу и льду. Пара длинных передних лап, выдающихся далеко вперед, заканчивалась тоже белыми, но совершенно безволосыми кистями, которыми это чудовище хватало и удерживало своих жертв.

Мордой и пастью, если уж проводить какие-то земные аналогии, это существо напоминало гиппопотама, только с обеих сторон из верхней челюсти у него торчало по мощному клыку.

Особенно любопытны огромные овальные глаза этого животного. Начинаясь на макушке, они спускаются по

обеим сторонам к самому основанию острых рогов, которые прикрывают нижнюю часть глаз, служа им надежной защитой. Каждый глаз состоит из нескольких тысяч зрачков.

Меня больше всего поразили именно глаза этого существа, охотящегося среди сверкающих снегов и льдов. Однажды мне довелось повнимательнее рассмотреть глаза животных, убитых мною и Туван Дином, когда нам пришлось пробираться через зловонные пещеры. Каждый зрачок их огромных глаз прикрывался отдельным веком, так что при желании эти звери могли закрыть несколько зрачков, оставив остальные открытыми. Мне невольно подумалось тогда, насколько разумно поступила природа, наделив подобным органом зрения с замысловатым устройством существа, обреченные проводить большую часть своей жизни в темном подземелье.

В намерениях преградившего нам путь животного сомневаться не приходилось — оно явно примеривалось к нам как к своей потенциальной добыче. Мы с Гордоном, не мешкая, выхватили заряженные разрывными пулями пистолеты и открыли огонь. И я, и мой спутник были меткими стрелками: доносившиеся из могучего тела чудовища разрывы и вырванные куски мяса и обломки костей убедительно доказывали это. Одна из моих пуль угодила зверю прямо в его тысячеглазое око. Животное пошатнулось и замерло, однако через секунду как ни в чем не бывало снова ринулось в атаку. Оно находилось всего в нескольких дюймах от нас и, несмотря на то, что мы всадили в него такое количество пуль, которое доконало бы и слона, было по-прежнему преисполнено желания расправиться с нами. Ума не приложу, как эта зверюга могла до сих пор оставаться в живых! Но она жила, двигалась, изредка издавая свирепое рычание. Наконец, чудовищу удалось дотянуться до Гордона, и, вцепившись в него передними лапами, оно потащило моего спутника к своей громадной оскаленной пасти.

Жизнь Гордона повисла на волоске. От пуль, как я уже успел убедиться, толку было мало, — мы и так выпустили в животное почти целую обойму. Может, когда-нибудь они и доконают его, но сейчас судьба моего товарища решалась в считанные секунды. Я достал свой длинный меч, крепко сжал рукоятку обеими руками и,

размахнувшись, со всей силы ударил острым, как лезвие бритвы, клинком по массивной шее животного. Оно уже готово было сомкнуть челюсти на бедняге Гор-доне. К счастью, я опередил его намерения. Голова арктического чудовища, срезанная моим ударом, покатилась по снегу, оставляя кровавый след. Однако зверь оказался настолько живуч, что, уже и обезглавленный, продолжал цепко держать жертву в своих лапах. Гор-дону удалось освободиться от этих жутких объятий, лишь когда я отрубил обе лапы.

— Ты был в двух шагах от смерти,— заметил я, обращаясь к Гор-дону, понемногу начинающему приходить в себя после пережитого ужаса.

— Вы снова спасли мне жизнь,— ответил он.— Я ваш вечный должник. Как мне отблагодарить вас?

— Помогите мне отыскать Лану из Гатола, если она находится в Панкоре,— сказал я.

— Если девушка находится в Панкоре, я помогу вам не только найти ее, но и вызволить отсюда,— пообещал он.— Хотя я и являюсь офицером воздушного флота Хин Абтола, у меня нет ни капли преданности и уважения к этому человеку. Он — настоящий тиран, которого ненавидят все обитатели Панары. Остается лишь удивляться, что за сто с лишним лет его правления не нашлось еще смельчака, который бы с помощью кинжала или яда избавил, наконец, панаров от этого злодея.

Разговаривая, мы продолжали свой многотрудный путь по ущелью и, в конце концов, оказались на занесенной снегом равнине, на которой поднимался один из изумительных и полной суровой красоты упрятанных под стекло городов, которые разбросаны по всей территории Северного полюса на Барсуме.

— Панкор,— сказал Гор-дон.— Вот мы и прибыли.

Повернувшись, он принялся придирчиво разглядывать меня и неожиданно расхохотался.

— В чем дело? — не понял я.

— На вас знаки отличия и мундир двара, находящегося на службе в армии Хин Абтола,— объяснил он.— Может показаться подозрительным, что вы, двар, являетесь пленником и рабом падвара.

— Да, это будет довольно сложно объяснить,— согласился я и, сорвав все знаки отличия, бросил их в сторону.

Нам повезло. Командир караула, стоявшего на стра-

же у городских ворот, оказался хорошим знакомым Гордона. Он с интересом выслушал историю, сочиненную моим спутником, и пропустил нас в город, не только не обратив на меня никакого внимания, но едва удостоив взглядом. Это тоже было мне на руку.

Облик Панкора напомнил мне Кадабру, столицу Окара, разве что размерами город панаров был поменьше. Хотя вся местность вокруг города на много сотен миль вокруг была завалена снегом, на хрустальном куполе, покрывавшем Панкор, я не заметил ни единой снежинки. Да и воздух здесь, под куполом, был напоен весенним теплом и ароматом, чем разительно отличался от ледяного, колючего воздуха снаружи. Уличные газоны обильно покрывала та самая мшистая растительность, которая застилает дно каждого высохшего океана планеты. На ее фоне темно-красными пятнами выделялись лужайки барсумской травы. Вдоль улиц бесшумно скользили легкие наземные корабли, которые я впервые увидел много лет тому назад в Марентине и Кадабре.

Широкие шины этих уникальных в своем роде машин изготовлены из материала, напоминающего резину. Механизм действия наземного транспорта основан на использовании все того же отторгающего излучения, о котором мне уже приходилось упоминать. Это поистине грандиозное открытие марсиан, позволившее, например, мощным воздушным кораблям представителей красной расы выйти в космическое пространство.

Поймав такси (здесь они называются машинами коммунального пользования), мы поехали к Гордону домой. Я, как и подобает рабу, сел впереди, рядом с шофером. В семье Гордона по случаю его неожиданного возвращения тотчас начался радостный переполох. Мать, отец и сестра поочередно заключали его в свои объятия и осыпали поцелуями, а затем принялись расспрашивать обо всем. Меня тем временем отвели в помещение для рабов. Вскоре, однако, Гордон прислал за мной. Едва слуга, проводивший меня к хозяину, вышел, Гордон с жаром сообщил мне, что рассказал своим домашним о том, как я несколько раз спас его жизнь, и теперь все домочадцы преисполнены желания лично засвидетельствовать мне свою признательность.

Действительно, и родители Гордона, и его сестра благодарили меня искренне, от всего сердца. Чувствовалось, что им очень хочется ублажить человека, изба-

вившего их любимого сына и брата от верной смерти.

— Вы будете служить в личной охране моего сына,— сказал отец Гор-дона.— Здесь, в нашем доме, никто не станет относиться к вам как к рабу. Гор-дон говорил, будто у себя на родине вы были знатной особой.

На самом деле, я ни слова не сказал Гор-дону о том, какое положение занимал у себя на родине. Он либо сам догадался об этом, либо решил прибавить эту деталь для пущего эффекта придуманной им истории. Интересно, что он еще рассказал? Мне вовсе не хотелось, чтобы посторонние люди знали о моем намерении найти Лану из Гатола. Чем меньше народу посвящено в эту историю, тем лучше. Когда мы с Гор-доном снова остались вдвоем, я напрямик спросил его об этом. Он тут же начал уверять меня, что не сказал ничего лишнего.

— Я полностью доверяю как родителям, так и сестре,— ответил он,— но не в моих правилах распускать язык.

Наконец-то, подумал я, хоть один порядочный панар, а то уж я готов был считать, что все они таковы, как их джеддак Хин Абтол.

Гор-дон снабдил меня одеждой и соответствующими знаками отличия, по которым было видно, что я раб в его доме. В таком виде можно безопасно выходить в город. Мне не терпелось сделать это, потому что я надеялся услышать хоть что-нибудь о Лане из Гатола и о ее судьбе. Гор-дон сказал мне, что центральным местом, где передаются и обсуждаются все городские слухи, является базарная площадь, на которой продают и покупают рабов.

— На базарной площади известно обо всем, что случилось или должно случиться,— так поговаривают у нас,— заметил он.

Вскоре я и сам убедился, что поговорка эта соответствует действительности.

В качестве телохранителя Гор-дона я имел право носить оружие — это подтверждал и специальный значок на моей одежде. От этого известия настроение мое заметно улучшилось. Без оружия я чувствую себя не в своей тарелке. Наверное, такое же ощущение испытывал бы житель Земли, появившись он на людной улице без штанов.

На следующий день после нашего прибытия в Панкор я в одиночку отправился на базарную площадь.

Разговорившись с несколькими рабами, я так ничего и не узнал о судьбе Ланы из Гатола, зато почерпнул немало другой, полезной для себя информации. Мы как раз беседовали с одним из моих новых знакомых, когда заметили идущего по базарной площади офицера. Время от времени он замедлял шаг, дотрагивался до какого-нибудь раба, и тот немедленно опускался перед ним на колени.

— Если он дотронется до тебя, не задавай никаких вопросов, а делай то же, что и остальные, — предупредил меня мой собеседник, которому я успел поведать о том, что я новичок в Панкоре.

Проходя мимо нас, офицер прикоснулся к моему плечу, и я, по примеру остальных пятнадцати или двадцати рабов, покорно опустился на колени. Офицер повел всех отобранных невольников по длинной улице мимо каких-то бедных лавок к городской стене. Здесь, возле самых ворот, оказался сарай, заполненный меховыми шкурами. Каждому из нас выдали по теплой накидке, а вслед за этим, по приказу офицера, маленькие ворота были открыты, и мы вышли из города на пронзительный арктический холод. Тут перед моим взором предстало такое зрелище, какого я ни разу прежде не видывал за всю свою долгую и богатую приключениями жизнь. При воспоминании о нем я до сих пор покрываюсь мурашками. На крюках бесчисленными рядами висели замороженные человеческие трупы. Их было так много, что казалось невозможным хотя бы приблизительно прикинуть их количество. Подвешенные за ноги, вниз головой, они покачивались в такт порывам пронзительного северного ветра.

Каждый труп находился внутри ледяной глыбы, и сквозь этот прозрачный саван с ужасом, с мольбой и с укором на вас смотрели глаза несчастных. На некоторых лицах застыла нелепая гримаса, казавшаяся здесь, в этой обители смерти, зловещей усмешкой судьбы.

Офицер срезал с крюков примерно двадцать тел. При мысли о том, для каких целей они предназначены, меня охватило отвращение. Глядя на бесконечные ряды человеческих трупов, я невольно вспомнил мясные лавки

в северных городах на Земле, перед которыми для привлечения любителей полакомиться дичью вывешивают таким же образом замороженные туши быков, медведей и оленей.

Каждое такое заключенное в ледяной панцирь человеческое тело поднимали и уносили двое рабов. Но поскольку офицер отобрал нечетное количество невольников, я остался без пары. Еле-еле сдерживая омерзение, я неподвижно стоял в сторонке, ожидая приказаний.

Офицер, заметив, что я отлыниваю от работы, накинулся на меня.

— Эй, что ты стоишь, как истукан! — закричал он. — Нечего глазеть по сторонам. Бери одного из них и тащи к воротам.

Я нагнулся и, легко взвалив тяжеленную ледяную глыбу себе на плечи, в одиночку понес ее к городским воротам. Офицер, очевидно, никак не ожидавший, что я с таким проворством справлюсь с задачей, которую и двое-то рабов выполняли с трудом, застыл, провожая меня изумленным взглядом. На самом деле, я не совершил ничего сверхъестественного. Моя незаурядная сила вкупе со слабой гравитацией Марса позволила мне довольно легко справиться с этой ношей.

Неся на спине свой страшный груз, я не переставал размышлять о том, для чего он предназначен. Я невольно вспомнил обильную трапезу в доме Гордона — и содрогнулся! Представление о цивилизованных людях никак не вязалось с подобным извращением. Неужели и в семье Гордонов поедают человеческие трупы? Они такие милые, славные люди, а сестра его — просто писаная красавица. Способна ли она на это? Меня даже передернуло от подобного предположения.

Мы отнесли трупы в большое помещение, находившееся прямо напротив ворот в городской стене, через которые мы проходили. В огромной комнате, в которой мы оказались, рядами, в несколько ярусов стояли оцинкованные столы, на которые нам и было велено положить свою ношу. Обстановка очень напоминала морг.

Вскоре в комнате появилось несколько здоровых человек с большими ножами в руках. Это, видимо, мясники, решил я. Присоединив шланги к кранам, они принялись поливать принесенные нами тела теплой водой, попутно отковыривая ножом кусочки льда. Мне никогда не доводилось видеть, как разделяют челове-

ческое тело. Любопытство взяло верх над отвращением, и я решил понаблюдать, что будет дальше.

Наконец, первый труп был совершенно очищен от сковывавшего его льда. Я ожидал, что теперь-то мясник и приступит к своему делу. Какое же удивление постигло меня, когда ничего подобного не произошло. Вместо того, чтобы расчленять мертвое тело, мясник, напротив, продолжал поливать его теплой водой, время от времени массируя. После этих странных манипуляций он достал шприц и впрыснул что-то в руку мертвеца. Тут-то и началось самое кошмарное!

Покойник качнул головой и открыл глаза. От неожиданности я совершенно обезумел и онемел.

— Чего рот разинул, раб! — прикрикнул на меня офицер. — Вставай рядом! После разморозки они иногда буянят — будь наготове, чтобы схватить его.

Первый мертвец тем временем сел на столе и принялся озиаться по сторонам, словно недоумевая, куда это он попал. Остальные тоже начали проявлять первые признаки жизни. Вскоре все они уже сидели или стояли, в некотором смущении переглядываясь друг с другом. То ли они никак не могли взять в толк, где очутились, то ли им просто было неловко находиться совершенно нагишом среди одетых людей. Вскоре всем им выдали одежду, которую носят в Панкоре рабы, и через некоторое время прибывший отряд воинов увел оживших покойников прочь. Нас, рабов, тоже отпустили. Только теперь до меня дошел, наконец, жуткий смысл слов, сказанных мне одним из воинов Хин Абтола — «заморозили». Тогда-то я подумал, что это всего-навсего метафора и речь идет о каком-нибудь захоластном северном городишке, окруженном со всех сторон снегом и льдом.

Когда я выходил из мертвецкой, меня подозвал офицер.

— Ты чей, раб?

— Я раб и телохранитель падвара Гор-дона, — ответил я.

— Ты, как я погляжу, силач, — заметил он. — Откуда ты родом?

— Из Вирджинии.

— Никогда не слышал о таком месте. Где оно находится?

— На юге Мэриленда.

— Хм... Ну, да ладно. Давай-ка проверим, какой ты

силач. Можешь без посторонней помощи приподнять край этого стола?

— Не знаю.

— Ну, так попробуй,— приказал он.

Я поднял стол и застыл, держа его высоко над головой на вытянутых руках.

— Невероятно! — воскликнул офицер.

Воины тоже уставились на меня, разинув от изумления рты.

— Как тебя зовут? — поинтересовался офицер.

— Дотар Соджат.

— Хорошо,— сказал он.— Ступай.

Когда я вернулся в дом Гор-дона, мой новый товарищ начал уже не на шутку волноваться из-за моего длительного отсутствия.

— Где вы были? — озабоченно спросил он.— Мы все беспокоились.

— Размораживал трупы,— смеясь, ответил я.— Пока я не увидел, как они оживают, я уж готов был считать, что вы, панары, питаетесь человеческим мясом. Скажи, кто все это придумал?

— Это часть безумного плана Хин Абтола, который собирается завоевать всю планету и провозгласить себя джеддаком джеддаков и Богом войны Барсума. Он слышал о знаменитом Джоне Картере, который достоин этого звания, и страшно завидует ему. Вообще-то, Хин Абтол уже сотню лет назад начал замораживать людей. Сначала это делалось для того, чтобы в любой момент располагать необходимым количеством рабов, но не тратить на их содержание. У замороженных одно огромное преимущество — они не просят ни пить, ни есть. После того, как наш правитель услышал о Джоне Картере и о несметных богатствах Гелиума и некоторых других империй Барсума, в его головенке возник грандиозный план покорения всех этих государств.

Для реализации этого замысла Хин Абтолу потребовался бы прежде всего воздушный флот. Поскольку в Панкоре никто понятия не имел, как строить аэропланы, пришлось добывать их у других — обманом, а то и заурядным воровством. Соседей из близлежащих территорий заманивали посулами дружбы и гостеприимства, а когда они прилетали, захватывали их корабли. Команду же, за исключением одного или двух человек, замораживали. Оставляли тех, кто обещал научить па-

наров управлять машинами. Дело продвигалось очень медленно; чтобы ускорить создание флота, Хин Абтол отправился в некоторые северные страны, заверяя их правителей в дружбе, а потом угонял у них один-два корабля. Это вполне в его духе. Точно так же он воспользовался гостеприимством Гахана из Гатола, а потом похитил его дочь.

Война, которую он затеял сейчас против Гатола, нужна для того, чтобы офицеры и солдаты набрались опыта ведения боевых действий. Кроме того, Хин Абтол рассчитывает захватить какое-то число кораблей и таким образом пополнить свой флот.

— Сколько же человек находится в Панкоре в замороженном состоянии? — спросил я.

— Ему удалось собрать здесь за последние сто лет целый миллион пленников, — ответил Гордон. — Огромная армия. Теперь Хин Абтолу нужно много кораблей, чтобы перевозить свое войско в любую точку Барсума.

На этой умирающей планете, население которой в течение последнего миллиона лет неуклонно уменьшается, армия, насчитывающая миллион человек, действительно, представляет собой гигантскую силу. Но под предводительством такого тупицы, как Хин Абтол, и под командованием таких бездарных офицеров, какими является большинство канаров, даже и два миллиона воинов, не испытывающих к своему правителю ни чувства преданности, ни симпатии, не являются угрозой для такого мощного и процветающего государства, как Гелиум.

— Боюсь, мечта Хин Абтола никогда не осуществится, — произнес я.

— Я тоже надеюсь на это. Лишь очень немногие канары одобрительно относятся к Хин Абтолу. Большинство вполне довольны своей жизнью и хотят спокойно жить на этой земле и впредь, никого не трогая и не посягая на чужие территории. Кстати, вам удалось выяснить что-нибудь о местонахождении Ланы из Гатола, пока вы были в городе?

— Абсолютно ничего. А тебе?

— Тоже, — ответил он. — Правда, я еще и не пытался узнавать напрямую. Хочу подождать, пока представится возможность поговорить со своими друзьями, которые служат при дворе. Им-то должно быть известно, где девушка и что с ней. Точно я знаю только то, что

Хин Абтол возвратился из-под Гатола и находится в настоящее время во дворце.

Нашу беседу прервал вошедший в комнату слуга. Он доложил о том, что прибыл посланный джеддаком офицер, который хочет поговорить с Гор-доном.

— Зови его сюда,— распорядился мой хозяин.

Через минуту в комнате появился пышно разодетый человек. Я, как и положено хорошо вышколенному слуге и телохранителю, занял место за спинкой стула, на котором сидел Гор-дон.

Хозяин и гость весьма церемонно поприветствовали друг друга. Затем офицер приступил к делу.

— У вас есть раб по имени Дотар Соджат?

— Да,— подтвердил Гор-дон.— Это мой личный телохранитель. Вон он стоит.

Офицер поглядел на меня с нескрываемым интересом.

— Так это, значит, ты и есть тот самый раб, который в одиночку поднял стол в доме воскрешений? — спросил он.

— Да.

Офицер, удовлетворив свое любопытство, снова обратился к Гор-дону:

— Джеддак соизволил оказать вам великую честь и принять этого раба в подарок.

Гор-дон почтительно склонился.

— Мне доставит огромное удовольствие и большую честь преподнести моему джеддаку этого раба Дотара Соджата в качестве подарка,— сказал он.

Улучив момент, когда офицер отвел взгляд в сторону, Гор-дон незаметно подмигнул мне. Он-то хорошо знал, как мне хотелось проникнуть во дворец Хин Абтола. А тут словно сама судьба протянула мне руку помощи.

Продолжая играть роль покорного и исполнительного раба, я покинул дом Гор-дона и в сопровождении офицера отправился во дворец джеддака Панары.

ХIII

Территорию, на которой был расположен дворец Хин Абтола в Панкоре, ограждала высокая стена. Днем и ночью по этой стене ходили стражники. На воротах нес

караул целый утан из сотни воинов, а внутри, у главного входа во дворец, — дежурил еще один утан. Ничего удивительного, что Хин Абтолу, самозванному джеддаку джеддаков Севера, до сих пор удалось избежать смерти от руки какого-нибудь наемного убийцы или смельчака, задумавшего казнить сумасшедшего тирана. Он был поистине недосыгаем в этой крепости.

Сбоку от дворца, на лужайке, я заметил нечто такое, что повергло меня в негодование. Там стоял мой аэроплан! Тот самый, который Хин Абтол украл у меня в мертвом древнем Хорце, а теперь, как я узнал впоследствии, выставил здесь на всеобщее обозрение в доказательство своей необычайной ловкости и мужества. Он бесстыдно похвалялся, будто отобрал эту машину у Бога войны Барсума, победив того в поединке. Тот факт, что это был мой личный аэроплан, придавал делу особый колорит, а сомневаться в этом не приходилось, ибо на носовой части корабля красовались мои знаки. Видимо, аэроплан на буксире привезли в город через ворота — ведь ни один корабль не может пролететь через огромный хрустальный купол Панкора.

Меня оставили в караулке возле самого входа во дворец. Здесь изнывали от безделья несколько воинов. Двое играли в жетан, марсианские шахматы, другие — в жано. Когда офицер, доставивший меня, вошел в помещение, солдаты разом повскакивали со своих мест. Но, едва он ушел, как они тут же возвратились к прерваным играм. Я тоже присел на скамью.

Один из воинов, заметив это, заорал:

— Немедленно встань, раб! — приказал он. — Кто позволил тебе рассиживать в присутствии воинов Панары?!

— Если ты сможешь доказать, что чем-то лучше меня, — невозмутимо ответил я, — то я встану.

Я вовсе не собирался и дальше покорно сносить подобные наглые выходки. Сказать по правде, быть рабом мне порядком осточертело.

Воин вскочил из-за стола.

— Ах, ты, наглец! — крикнул он, багровея от злости. — Ладно, сейчас я тебя преучу.

— Будь поосторожней, Ул-то, — предупредил его один из товарищей. — Мне кажется, это тот самый парень, за которым посылал джеддак.

— Как бы там ни было, а проучить его не мешает, —

огрызнулся Ул-то.— Ты же видишь, эта тварь совсем обнаглела.

Он с угрожающим видом направился ко мне. Я и не думал подниматься. Приблизившись вплотную, воин вцепился в мою одежду и попытался оторвать от скамейки. Не преуспев в этом, он занес руку, намереваясь ударить меня по лицу.

Я ловко уклонился. Однако поведение этого задиры разозлило меня. Я медленно поднялся и, схватив его обеими руками, поднял высоко над головой. Поддержав ожесточенно брыкавшегося Ул-то с минуту в таком положении, я отшвырнул его в угол.

— Это тебе урок,— сказал я.— Чтобы впредь вел себя почтительней.

Некоторые из находившихся в караулке воинов злобно уставились на меня, но большинство весело хохотало над Ул-то, который, поднявшись на ноги, выхватил свой меч и с перекошенным от ярости лицом опять кинулся ко мне. Поскольку оружие у меня отобрать не успели, я тоже обнажил меч. Мы бы, наверное, схватились, если бы пара дружков Ул-то, подоспев вовремя, не удержала его. Тот был похож на разъяренного быка. Он громко ругался, рычал и пытался освободиться, все еще порываясь накинуться на меня. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут в караулку вошел офицер охраны, видимо, привлеченный доносившимся шумом и криками.

Узнав о том, что здесь происходит, он сам чуть не бросился на меня.

— Тебя стоит высечь за оскорбление воина Панары и нападение на него,— заорал он.

— Может, ты и попробуешь это сделать? — дерзко спросил я.

От моих слов его даже в лице перекосило, и он чуть не подскочил на месте — до того разозлился.

— Взять его! — крикнул он страже.— И отдубасте его как следует.

Все находившиеся в караулке солдаты направились ко мне. Я снова выхватил из ножен меч. Позиция для защиты у меня была удобная: за моей спиной находилась стена, и, если бы в тот самый момент не появился офицер, доставивший меня из дома Гор-дона во дворец, то в охране дворца, наверняка, недосчитались бы нескольких человек.

— Что здесь происходит? — недоуменно спросил он.

Офицер охраны пустился в объяснения, из которых получалось, что во всем виноват один я.

— Он лжет,— заявил я,— на меня накинудись без всякого повода с моей стороны.

Мой сопровождающий посмотрел на меня долгим, испытующим взглядом и повернулся к офицеру охраны.

— Не знаю, кто заварил эту бучу,— произнес он,— но, если бы с этим рабом что-нибудь стряслось, тебе бы не сносить головы. Считай, тебе крупно повезло, что все так закончилось.

Он отобрал у меня оружие и велел следовать за ним.

Мы направились не в сам дворец, как я ожидал, а к тому месту, где стоял мой аэроплан. Я заметил, что он не прикреплен канатами к земле — впрочем, поскольку под городским куполом не могло быть ветра, то и необходимости в такой мере предосторожности тоже не было. Мне же очень хотелось, чтобы аэроплан находился на открытом пространстве, а не под этим хрустальным колпаком. Тогда я, найдя Лану из Гатола, запросто мог бы сбежать на нем. Казалось, этот путь к спасению подсказан мне самими небесами.

Офицер вывел меня в центр хорошо ухоженной лужайки под взоры большой толпы, собравшейся возле дворцового здания. Здесь были и мужчины, и женщины. Публика продолжала прибывать. Наконец, зазвучали фанфары, и из дворца появился джеддак в сопровождении придворных и женщин.

В это же время на лужайку вышел и встал позади меня могучего телосложения мужчина. Судя по знакам на его одежде, это был воин личной охраны Хин Абтола.

— Джеддак наслышан о твоей небывалой силе,— сказал сопровождавший меня офицер,— и желает лично убедиться в том, насколько достоверны эти рассказы. Раб-зов,— он указал на стоящего позади меня воина,— считается самым сильным человеком в Панкоре.

— Что значит, считается,— грубо прервал его Раб-зов.— Я и есть самый сильный человек в Панкоре. Сильнее меня нет на всем Барсуме!

— Должно быть, он и вправду силач,— заметил я.— Что он собирается делать со мной?

— Вы будете бороться друг с другом, чтобы позабавить джеддака и придворных,— объяснил офицер.— Раб-зов продемонстрирует, что ему ничего не стоит

повалить тебя на землю и сколько угодно продержать в таком положении. Ты готов, Раб-зов?

Раб-зов утвердительно кивнул в ответ.

Офицер подал знак к началу схватки. Упиваясь собой, Раб-зов степенно двинулся ко мне, бросая быстрые взгляды на публику и как бы проверяя, все ли смотрят на него с должным восхищением. Зрители, действительно, восторженно любовались своим северным богатырем.

— Ну, давай начинай, парень! — сказал мне Раб-зов, усмехаясь. — Покажи, на что ты способен. Я хочу, чтобы джеддаку было интересно.

— Надеюсь, и тебе скучать не придется, — отозвался я.

Он только расхохотался.

— Тебе будет не до шуток, когда я займусь тобою всерьез, — предупредил он.

— Начинай лучше скорее, пустозвон! — крикнул я. — Ты слишком много болтаешь!

Он накренился вперед, намереваясь вцепиться в меня своими медвежьими лапами, но я ловко схватил его за запястья и перебросил через плечо. В этот бросок я постарался вложить побольше силы, и, когда Раб-зов поднялся, его пошатывало. Я терпеливо ждал. Когда он снова приблизился ко мне, я легко поднял его мощное тело над головой и принялся раскручивать в воздухе. Богатырь был абсолютно беспомощен — он только смешно подпрыгивал ногами да изрыгал какие-то проклятия. Когда я решил, что Раб-зов достаточно посрамлен, я бросил его наземь прямо к ногам джеддака. Противник был повержен — моя победа не могла вызвать ни у кого ни малейших сомнений.

— Неужели в Панкоре нет сильных людей? — спросил я вызывающе.

В этот момент, обводя взглядом публику, я заметил Лану из Гатола. Она стояла позади джеддака. Безумный план мгновенно пришел мне в голову.

— Я, пожалуй, выставлю против тебя двоих, — произнес Хин Абтол вполне доброжелательным тоном. Видимо, зрелище доставило ему удовольствие.

— Может, лучше сразиться на мечях? — предложил я. — Я неплохо владею этим оружием.

Разумеется, о мечях я сказал намеренно. Именно сейчас оружие было мне крайне необходимо для выполнения моего дерзкого плана.

— Тебе что, жить надоело, раб? — спросил Хин Абтол. — Знаешь ли ты, что в искусстве владения мечом во всем мире нет равных воинам моей охраны?

— Так пусть же выйдет лучший из них, — сказал я. — Может, мне удастся его чем-нибудь удивить. А может, и не только его...

С этими словами я многозначительно посмотрел на Лану из Гатола и подмигнул ей. Кажется, она только теперь узнала меня. Видимо, ее сбил с толку мой наряд.

— Кому это ты там подмигиваешь? — оглядываясь по сторонам, недовольно поинтересовался Хин Абтол, заметивший поданный мною знак.

— Что-то в глаз попало, — соврал я не задумываясь. Хин Абтол обратился к стоявшему рядом с ним офицеру:

— Кто у нас лучше всех владеет мечом?

— Ул-то, ему нет равных, — уверенно ответил тот.

— Разыщите его немедленно и приведите сюда!

Какая ирония судьбы! Значит, мне предстоит скрестить мечи со своим старым приятелем Ул-то! Вот уж он-то обрадуется, когда узнает об этом! Ненадолго, конечно.

Привели Ул-то. Он буквально просиял от удовольствия, как только узнал, что ему предстоит сразиться со мной.

— Вот теперь, раб, — зловеще произнес он, — я, наконец, преподам тебе обещанный урок.

— Еще раз? — усмехнулся я.

— На сей раз все закончится иначе.

Мы скрестили мечи в церемониальном приветствии перед началом поединка.

— На смерть! — произнес я.

— На смерть! — повторил Ул-то.

В начале поединка я не совершал резких выпадов, предпочитая в основном защищаться и давая возможность противнику всласть намахаться мечом. Незаметно для него самого я заставлял Ул-то занимать те позиции, которые были нужны мне. Я то подпускал его поближе, то заставлял отступать, пятась задом в сторону публики. Чтобы он проникся уважением к моему клинку и моей ловкости, я слегка оцарапал его. Он заливался кровью, и дерзости в нем заметно поубавилось. К этому времени я уже мог манипулировать его поведением на арене, как мне заблагорассудится.

Я оттеснил его в сторону толпы, которая тут же отпрянула назад. Встретившись глазами с Ланой, я кивком головы призвал ее отойти на шаг в сторону. Приблизившись к ней почти вплотную, я прошептал:

— Как только я прикончу этого типа, со всех ног беги к аэроплану и заводи мотор.

Я нанес Ул-то еще несколько легких ранений. Лана следила за ходом нашего поединка, не отводя глаз, словно была настолько увлечена им, что потеряла способность контролировать себя.

— Пора, Лана,— прошептал я одними губами.

Девушка медленно попятилась в сторону аэроплана.

Стараясь, чтобы кто-нибудь из присутствующих, не дай Бог, не обратил внимания на Лану, я принялся проделывать с противником такие изощренные трюки, которые должны были приковать взоры всех зрителей к нашей схватке. Всласть натешившись, я заставил Ул-то отступать, увлекая за собой и меня, в сторону моего аэроплана.

Вдруг я услышал истошный крик Хин Абтола:

— Девушка! Ловите ее! Хватайте ее скорее! Она забралась на борт аэроплана!

Началась суматоха. Пора было завершать наш затянувшийся поединок. Всадив меч Ул-то в сердце, я бегом кинулся к аэроплану. За мной по пятам мчалась дюжина воинов с обнаженными мечами в руках. Когда я на мгновение задержался у борта аэроплана, чтобы еще раз убедиться в том, что он не прикреплен канатами к земле, воин, оказавшийся проворнее остальных, настиг меня. Видит Бог, я не жаждал лишней крови, но этот тип сам нарвался. Мой меч, словно молния, блеснул в воздухе, и голова воина скатилась с плеч.

— Заводи! — крикнул я Лане, забираясь на борт.

Когда корабль взлетел, я принял управление на себя и прибавил скорость.

— Куда мы держим путь, Джон Картер? — спросила Лана.

— В Гатол,— ответил я.

Она выразительно поглядела вверх, на нависавший над нами свод хрустального купола.

— А как..? — начала она, но тут увидела, что я развернул машину под углом в сорок пять градусов и включил максимальную скорость.

Это и был ответ на ее вопрос.

Мой маленький аэроплан, самый легкий и быстрый из всех, на которых мне доводилось летать, двигался на неимоверной скорости. Сжавшись, мы с Ланой наблюдали за приближающимся к нам с каждой секундой сводом купола. Мы ждали и надеялись.

Звук сильного удара едва не оглушил нас. Разбитое стекло разлеталось в разные стороны. А мы на нашем аэроплане вырвались в холодное, чистое небо Арктики.

Выровняв аэроплан, я, не сбрасывая скорости, взял курс на Гатол. меховых накидок у нас не было, и нам следовало гнать изо всех сил, чтобы добраться до более теплых краев раньше, чем мы окоченеем и околеем от холода.

— Что стало с Пан Дан Чи и Яд-ханом? — тем временем поинтересовался я.

— Я не виделась с ними с тех пор, как нас взяли в плен в Гатоле, — ответила Лана. — Бедный Пан Дан Чи! Он так бился, защищая меня, и, кажется, был серьезно ранен. Боюсь, мне никогда больше не придется увидеться с ним!

Я чувствовал, что девушка с трудом сдерживает подступающие слезы. Голос ее дрожал.

Мысль о том, что Пан Дан Чи и Яд-хан, возможно, погибли, глубоко опечалила меня. Зато Лана из Гатола была, наконец, спасена. Впрочем, не преувеличиваю ли я, не выдаю ли желаемое за действительное? От Хин Абтола девушка, и вправду, наконец, спасена, но какая судьба ждет ее в будущем? Сейчас, например, существует вполне реальная угроза замерзнуть, если хоть малейшая неисправность помешает нашему аэроплану в кратчайший срок добраться до более теплых широт. Да мало ли еще опасностей подстерегает нас в полете над пустынными пространствами этой умирающей планеты!

Однако, вопреки всем сомнениям, я, будучи по натуре неисправимым оптимистом, чувствовал, что Лана из Гатола спасена. Кажется, и она в этом не сомневалась. Может быть, ей просто трудно было представить участь более прискорбную, чем та, которая была уготовлена ей в неволе у мерзавца Хин Абтола.

Неожиданно я заметил, что Лана смеется, и любопытствовал, что так развеселило ее.

— Больше всех на Барсуме, — сказала она, — Хин Абтол боялся тебя. Ты был у него в руках, а он даже не знал об этом. Этот болван просто мечтал о том, как бы

уничтожить тебя. Ради этого он не пожалел бы нескольких утанов! Как мне хочется, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь поведал ему, какую возможность разделиться с тобой он упустил, когда позволил тебе, Джону Картеру, Богу войны Барсума, уйти прямо из-под носа!

— Да,— согласился я.— Это было бы забавно. К тому же мы продырявили купол над городом и оставили таким образом память о себе. Боюсь только, что у Хин Абтола не настолько развито чувство юмора, чтобы по достоинству оценить наш поступок.

На полной скорости мы мчались на юг, к теплу, радуясь тому, что почти невероятным образом вырвались из рук тирана Панары и, к счастью, совершенно не ведая о том, что ждет нас впереди.

Лана из Гатола была спасена — но надолго ли? Когда мы снова окажемся в Гатоле или в Гелиуме? Этого не знал никто.

МАРСИАНСКИЕ НЕВИДИМКИ

I

Да, Лана из Гатола была, наконец, в безопасности. Я спас ее из плена из арктического города Панкора, похитив из-под самого носа Хан Абтола, самозванного джеддака джеддаков Севера, и теперь мы мчались на моем быстром аэроплане над умирающей планетой в направлении Гатола. Если бы не пронизывающий до самых костей холод, я бы, наверное, испытывал чувство глубокого удовлетворения собой и тем, что мне удалось сделать.

— Ты сказал, что мы летим в Гатол, — обратилась ко мне Лана, когда Панкор остался далеко позади. — Ничто не доставляет мне такой радости, как мысль о том, что я возвращусь, наконец, к матери и отцу, в свой родной город. Но скажи, как мы сможем посадить корабль в Гатол, если город окружен войсками Хан Абтола?

— Эти панары — толпа бездарных тупиц и недомков, — ответил я. — Большинство воинов насильно взято в армию, и никакого желания сражаться за своего тирана-хозяина они не испытывают. Эти бедняги подчиняются приказам командиров только из чувства страха. Никому из них не хочется снова оказаться в Панкоре и быть замороженным до тех пор, пока Хин Абтолу не понадобятся солдаты для очередной войны.

— Замороженные? — удивилась Лана из Гатола. — Что ты имеешь в виду?

— Неужели тебе ничего не приходилось слышать об этом за все время пребывания в Панкоре? — в свою очередь удивился я.

— Ни слова не слыхала, — заверила меня девушка. — Расскажи, пожалуйста, что это такое.

— Прямо за городской стеной на колючем ветру

и пронизывающем холоде развешаны на крюках, словно туши в мясной лавке, воины, замороженные и закопанные в глыбы льда. В основном, это пленные, которых Хин Абтол захватил во время своих многочисленных набегов в течение почти сотни лет. Их там огромное количество. В замороженном состоянии, когда жизнедеятельность организма как бы приостановлена, они пребывают десятилетиями. Мне приходилось разговаривать с людьми, которые провели в этом холодильнике пятьдесят и более лет.

Я лично оказался в так называемом доме воскрешений, когда с нескольких человек снимали ледяной панцирь и возвращали к нормальной жизни. Кажется, пребывание в замороженном состоянии не причинило им никакого вреда, но сама идея просто отвратительна!

— Зачем Хин Абтол это делает? — недоуменно спросила Лана. — С какой целью надо замораживать тысячи людей?

— Точнее сказать, тысячи тысяч, — поправил я. — Один раб говорил мне, что там заморожено по меньшей мере миллион человек. Хин Абтол грезит о захвате с их помощью всего Барсума.

— Какой абсурд! — воскликнула девушка.

— Пока этот маньяк не столкнется с воздушными силами Гелиума, которые способны дать ему отпор, он может далеко зайти на пути к своей цели. При таком непомерном тщеславии и амбициях от него можно ожидать чего угодно. Благодарю своих прародителей, Лана, что существуют воздушные силы Гелиума. Как только я доставлю тебя в Гатол, я сам тут же отправлюсь в Гелиум и организую экспедицию, которая положит конец бредовым мечтаниям Хин Абтола.

— Прежде чем ты займешься этим, по-моему, неплохо было бы выяснить, что стало с Пан Дан Чи и с Ядханом, — заметила Лана. — Я ведь не видела их с того самого момента, как нас взяли в плен, и о их судьбе нам ничего не известно.

— Их могли тоже отвезти в Панкор и заморозить так же, как остальных, — предположил я.

— О, нет! — вскричала потрясенная Лана. — Это было бы ужасно.

— Ты ведь очень любишь Пан Дан Чи, не так ли? — спросил я.

— Он надежный друг, — поджав губы, лаконично

ответила девушка, видимо, не желая посвящать меня в свои сердечные тайны.

Эта кокетка ни за что не хотела признаться, что любит парня. А может, и не любит? Когда дело касается женщин, нельзя быть уверенным ни в чем. Когда Лана и Пан Дан Чи были вместе, девушка вела себя с ним дерзко и заносчиво, но стоило им расстаться, как она начала проявлять трогательную заботу о его судьбе.

— Не представляю себе, каким образом мы можем узнать что-либо о его судьбе,— сказал я.— Разве что придется расспрашивать самих панаров, а это гиблое дело. Мне бы хотелось узнать не только про Пан Дан Чи и Яд-хана, но и про Тан Хадрона из Хастора.

— Тан Хадрон из Хастора? Это еще кто такой?

— Мой давний знакомый. Последний раз, когда я видел его, он находился на борту «Дусара», корабля, который я похитил у панаров из-под Гатола. Он оказался в плену у взбунтовавшейся команды, захватившей корабль. Среди них было полным-полно наемных убийц. Это отпетые типы. Они собирались прикончить Тан Хадрона, как только он посадит машину в указанном ими пункте. Дело в том, что никто из мятежников не умел управлять кораблем.

— Тан Хадрон из Хастора,— как бы припоминая что-то, повторила Лана.— Его мать была принцессой Гатола, а сам Тан Хадрон, насколько я знаю, является одним из величайших воинов на Барсуме.

— Он замечательный офицер,— подтвердил я.

— Надо предпринять какие-то шаги, чтобы спасти его,— заметила девушка.

— Еще не поздно,— промолвил я.— Я должен успеть в Гелиум вовремя, чтобы привести наш военный флот в Гатол до того, как Хин Абтолу удастся завладеть городом. Затем, если не найдем наших товарищей среди пленников Хин Абтола в Гатоле, отправимся в Панкор. По-моему, это единственный способ спасти Пан Дан Чи, Яд-хана и Тан Хадрона. Другого пути я не вижу.

— Может, лучше сразу отправиться в Гелиум, не залетая в Гатол? — предложила Лана.— Флот Гелиума может быстрее приступить к решительным действиям и начать громить врага. А что под силу нам вдвоем? Разве что снова попадем к панарам в плен? Если ты, Джон Картер, еще раз окажешься в руках Хин Абтола, тебе будет гораздо труднее вырваться, особенно после

того, что ты устроил сегодня в Панкоре.— Она засмеялась.— Не могу забыть, как ты отделал Раб-зова, сильнейшего человека в Панкоре.

— Надеюсь, и Раб-зов это надолго запомнит,— сказал я.

— И Хин Абтол тоже,— добавила девушка.— А дыра, которую ты проделал своим аэропланом в куполе над городом! Держу пари, они хорошенько намерзнутся, пока им удастся залатать ее! Нет, Хин Абтол тебя никогда не забудет!

— Но ему ведь так и не удалось выяснить, кто я такой на самом деле,— напомнил я.— После того, как я смыл с себя краску, я перестал быть краснокожим. Он ни за что не догадается, что среди его пленников был сам Джон Картер.

— Это мало что меняет,— заметила Лана из Гатола.— Если бы ты снова оказался у него в плену, он бы убил тебя.

Мы уже отлетели от Панкора на изрядное расстояние, когда, обдумав предложение Ланы, я пришел к решению, что, действительно, самым разумным для нас было бы отправиться прямо в Гелиум и просить помощи джеддака Тардос Морса. Хотя я и носил титул джеддака джеддаков и Бога войны Барсума, присвоенный мне джеддаками пяти империй, я всегда относился к правителям с большим почтением и ни разу не давал им повода усомниться в этом. Правда, во время войны все джеддаки любезно подчинялись мне и беспрекословно выполняли все мои приказания.

Окончательно решив лететь сначала в Гелиум, а не в Гатол, я взял курс на юго-восток. Нам с Ланой предстояло довольно продолжительное путешествие над половиной территории планеты. На таком хорошем аэроплане, как мой, можно было смело пускаться и в более длительные экспедиции, однако у нас не было ни провизии, ни воды.

Вскоре внизу показались башни и величественные руины древнего Хорца. Они живо напомнили нам обоим о нашем бедном друге Пан Дан Чи. Мне показалось, что Лана глядела на этот мертвый город, добровольно покинутый ради нас ее возлюбленным, глазами, полными слез. Именно здесь девушка сбежала от Хин Абтола, и именно здесь Хин Абтол похитил мой аэроплан — тот самый, на борту которого мы сейчас находимся. Да, что

ни говори, а у каждого из нас отныне с Хорцем связано множество воспоминаний. Так что, когда мы, наконец, миновали этот памятник давно прошедшим временам, я невольно вздохнул с облегчением.

Далеко впереди, прямо по курсу нашего корабля я заметил очертания Дусара. В этом городе должно быть вдоволь и пищи, и воды, вот только никакой уверенности в том, что нас там ждет дружественный прием, я не испытывал. Не так уж много времени прошло с тех пор, как Принц Гелиума Карторис чуть было не погиб там по милости Астока, сына Нутуса, джеддака Дусара. После этого случая между Гелиумом и Дусаром прервались всякие сношения. Однако я знал, что и после Дусара на всем пути до Гелиума не будет ни одного города, в котором мы могли бы рассчитывать на дружественное отношение к себе.

Во избежание возможных неприятностей я решил держаться от Дусара подальше. Сделав крюк, мы оказались над совершенно незнакомой мне страной. Под крылом нашего аэроплана расстилалась гористая местность. На одной из обширных равнин я увидел густой лесок. Это чрезвычайно обрадовало меня — не только потому, что представилась возможность полюбоваться редким для Барсума пейзажем. В лесу должны быть плоды, орехи, а может, и какая-нибудь дичь. Мы же с Ланой зверски проголодались. Во всяком случае, хоть деревья манталии мы там найдем непременно. Их сок отлично утоляет жажду и подкрепляет силы. Взвесив все «за» и «против», я решил совершить посадку. Будь что будет. Здравый смысл подсказывал мне, что мы очень рискуем, и, как показали последующие события, не вняв голосу рассудка, я поступил весьма опрометчиво.

II

Посадив аэроплан возле самого леса, я строго-на-строго наказал Лане ни под каким предлогом не покидать машины и быть готовой запустить мотор по первому моему знаку, а сам отправился в лес на поиски пищи. Я не обманулся в своих ожиданиях. Растительность в лесу оказалась довольно обильной и разнообразной. Признаюсь, таких огромных деревьев, как здесь, мне на

Барсуме видывать еще не доводилось. Я быстро отыскал большие и необычайно вкусные орехи, а вскоре наткнулся и на плоды. Это были покрытые красной кожурой фрукты, известные на Барсуме под названием сомп. По вкусу они чем-то напоминают грейпфрут, только гораздо слаще. Среди марсиан эти плоды почитаются за величайшее лакомство. Их специально выращивают вдоль каналов.

Я принялся спешно собирать орехи и плоды, решив набрать столько, сколько смогу унести с собой. От этого занятия меня оторвал внезапно раздавшийся крик. Лана окликала меня. Ее голос звучал так взволнованно и настойчиво, что я, бросив свою добычу, со всех ног помчался по направлению к аэроплану. Уже на самом краю леса я услышал, как девушка пронзительно завизжала. Несомненно, что-то случилось, с тревогой подумал я. В тот самый момент, когда я, наконец, выскочил из леса, аэроплан, оторвавшись от земли, начал подниматься в воздух. Я мчался так быстро, как только мог. Бегун я отличный, а в условиях малой гравитации на Марсе способен развить и вовсе немыслимую скорость. Стремительным рывком я попытался догнать аэроплан уже в воздухе. Я подпрыгнул вверх футов на тридцать и даже дотянулся рукой до поручня корабля, но не успел за него схватиться. Моя ладонь скользнула по корпусу аэроплана, и я рухнул на землю. Однако и за долю секунды мне удалось кое-что заметить, и увиденное настолько поразило меня, что я почувствовал как волосы у меня на голове встали дыбом. Лана, совершенно одна, ничком лежала на палубе корабля, поднимавшегося в воздух, а за штурвалом и пультом управления не было *никого!*

— Отличная попытка, — раздался голос у меня за спиной. — Прыгать ты, безусловно, умеешь.

Я мгновенно обернулся, потянувшись рукой за мечом. Но рядом со мной никого не было! Бросив взгляд в сторону леса, я и там не обнаружил ни единой живой души. А сзади столь же внезапно зазвучал смех — язвительный, вызывающий смех. Я опять резко обернулся. Никого! Между тем аэроплан, сделав небольшой круг надо мной, исчез за лесом. Как он летел, черт побери, если на месте пилота никого не было?! Какая-то злоежащая сила, казалось, управляла им.

— Ладно, — произнес голос позади меня. — Нам то-

же пора трогаться в путь. Надеюсь, ты сообразил, что находишься у нас в плену?

— Ничего я не сообразил, — резко ответил я. — Если хочешь взять меня в плен, подойти и попробуй — в открытую, как это делают порядочные люди. А может, ты вовсе и не человек?

— Предупреждаю, что сопротивляться не имеет смысла, — продолжал тот же голос. — Нас два десятка, а ты один.

— Кто вы такие? — спросил я, по-прежнему никого не видя вокруг.

— Ах, извини, пожалуйста, — ответил голос. — Мне следовало прежде всего представиться. Я — Пноксус, сын Птантуса, джеддака Инвака. А кого я имел честь захватить в плен?

— Ты пока что не поймел этой чести, — заметил я, готовясь к бою, хотя так и не представляя, с кем.

Этот неведомый откуда доносившийся голос мне совсем не нравился — чересчур он был елейный и вежливый.

— С тобой, видно, по-хорошему не договоришься, — произнес голос, называющий себя Пноксусом. — Мне не хочется применять к тебе малоприятные методы.

Теперь голос звучал уже не так мягко, как раньше, — в нем появились стальные нотки.

— Не знаю, где ты прячешься, — сказал я, — но если ты выйдешь, а еще лучше — все вы, сколько бы вас там ни было, то отведаете моего стального клинка. Играть в прятки я не собираюсь. Ваши дурацкие шутки мне порядком надоели.

— Мне тоже, — рявкнул голос, из которого окончательно исчезла благожелательность и мягкость. В нем теперь, напротив, отчетливо слышались властные, грубые интонации. — Взять его!

Я быстро оглянулся по сторонам, надеясь обнаружить хоть бы намек на тех, к кому была обращена эта команда. Тщетно! Мы были вдвоем — я и этот странный голос.

В тот самый момент я почувствовал, как чьи-то руки хватают меня и валят с ног. Упав наземь лицом вниз, я ощутил, что сзади на меня навалилось с дюжину человек, несколько рук вытаскивают из ножен мой меч, а остальные в это время снимают с меня другое оружие. Те же невидимые руки крепко связали меня и набросили аркан на шею.

Наконец, голос произнес:

— Поднимайся!

Я встал с земли.

— Если ты не будешь сопротивляться,— сообщил голос, именующий себя Пноксусом,— будет проще и тебе, и моим людям. Многие из них очень нетерпеливы и вспыльчивы. Не стоит тебе испытывать их нервы — а то, неровен час, живым до Инвака не доберешься.

— Я бы пошел,— сказал я.— Но куда? Впрочем, могу и подождать, мне спешить некуда.

— Тебя поведут,— отозвался Пноксус.— Не вздумай своевольничать. Ты и так доставил мне достаточно хлопот.

— погоди,— предупредил я,— то ли еще будет, когда я увижу тебя!

— Не стоит мне угрожать. Тебя и так ждут крупные неприятности.

— Что вы сделали с девушкой, которая была вместе со мной?

— Она мне приглянулась,— ответил Пноксус,— и я велел одному из своих людей, который умеет управлять кораблем, доставить ее в Инвак.

Мне трудно объяснить вам, читатель, какое жуткое ощущение испытывает человек, ведомый по лесу людьми, которых он не видит, и разговаривающий с голосом, который не принадлежит какому-либо телу, а существует как бы сам по себе. Но стоило мне узнать, что меня отведут туда же, где находится Лана из Гатола,— и я уже был согласен, больше того — мне не терпелось покорно следовать за этими невидимыми существами.

Я не видел, кто меня ведет, зато мне хорошо была видна завязанная на моей шее веревка, тянущаяся вперед. Она то прогибалась, оседая к земле, то натягивалась, как струна, и тогда я ощущал пинки в спину, поторапливающие меня. Чтобы избавить себя от ненужных неприятностей, я старался не отставать и, едва заметив, что веревка начинает натягиваться, сам ускорил шаг.

Впереди меня время от времени раздавались переругивающиеся между собой голоса:

— Смотри, куда прешь, идиот!

Или:

— Перестань наступать мне на пятки, болван!

Или:

— Это ты налетел на меня, сукин сын?

Судя по этим репликам, мои поводыри то и дело наталкивались друг на друга. Несмотря на всю серьезность моего положения, эта перебранка меня очень забавляла: я невольно представлял, насколько, должно быть, неуклюжи мои враги.

Неожиданно я почувствовал прикосновение чьей-то руки. Рядом как и прежде, никого не было, но я явственно ощутил это прикосновение, после которого руку тут же отдернули. Я, было, решил, что все это мне просто почудилось, однако вскоре прикосновения повторились. У меня возникло ощущение, будто рядом со мной, почти вплотную, идет какой-то человек, с рукой которого время от времени и соприкасается моя рука. Послышавшийся совсем близко голос окончательно убедил меня в том, что свою вынужденную прогулку я совершаю в паре с голосом.

— Здесь опасные места,— предупредил меня он.— Тебе бы лучше взять меня под руку.

Я пошарил в воздухе справа от себя и, действительно, наткнулся на незримую руку. Как и было велено, я ухватился за нее — и тут же ладонь *моей собственной правой руки* до самого запястья исчезла прямо на глазах. Я, конечно, чувствовал ее, и мои пальцы крепко держались за руку спутника. Но я не видел ее — она стала незрима!

Признаюсь, от этого мне стало немножко не по себе. Я не люблю попадать в ситуации, которые невозможно понять и объяснить, а тут определенно пахло каким-то колдовством.

Вскоре мы вышли на открытую площадку. Деревьев здесь не было, а землю покрывали крошечные бугорки. Стоило мне наступить на один такой бугорок, как он тут же осел, а моя нога провалилась на несколько дюймов вглубь. Такое нередко случается с человеком на болотах.

— Я проведу тебя,— произнес голос сбоку от меня.— Иначе ты утонешь. Со мной ничего не бойся. На худой конец, если даже и оступишься, я успею вытащить тебя до того, как ты исчезнешь в этой трясине.

— Благодарю тебя,— сказал я.— Это очень любезно с твоей стороны.

— Не стоит благодарности,— отозвался голос.— Мне жаль тебя. Я всегда с жалостью отношусь к чужа-

кам, которых нелегкая заносит в лес Инвака. У него, между прочим, есть и другое название. По-моему, оно лучше подходит для этого места — Лес исчезнувших людей.

— Неужели, оказаться у вас в плену, действительно так скверно?

— Боюсь, что да, — печально подтвердил голос. — От нас никто не сможет убежать.

Честно говоря, подобные речи мне приходилось слышать не раз, и они не производили на меня особого впечатления. Многих обитателей Барсума отличает какая-то болезненная страсть к хвастовству: каждый уверяет, что именно в их стране — лучшие на планете бойцы, самые красивые города, самая развитая культура, и, разумеется, если ты попадешь в руки его соотечественников, тебя ждет либо смерть, либо пожизненное рабство, поскольку никому никогда не удавалось убежать из их плена.

— Можно тебя спросить? — поинтересовался я.

— Конечно, — ответил голос.

— У тебя в самом деле нет тела? Ты существуешь только как голос?

Вместо ответа незримая рука взяла меня за локоть и сжала его железной хваткой. В этом прикосновении чувствовалась недюжинная сила.

— Ну, как? — осведомился мой спутник. — Похоже это на бестелесный голос?

— Могучий голос, — признал я. — По всей видимости, у тебя есть все то, что и у остальных людей из плоти и крови. Наверное, у тебя и имя имеется?

— А как же! Меня зовут Кандус. А тебя? — учтиво осведомился он.

— Дотар Соджат, — ответил я, уже в который раз за последнее время пользуясь своим псевдонимом.

Мы, наконец, благополучно миновали болото (или что это было, не знаю), и я отпустил руку Кандуса. Моя ладонь сразу же обрела прежний вид, возникнув как бы из пустоты, а Кандус, как и был, остался всего лишь голосом. Конец веревки, за которую меня вели, продолжал висеть в воздухе, нарушая все законы гравитации.

— Дотар Соджат, — повторил между тем Кандус. — Это имя больше подходит представителю зеленой расы.

— Ты знаком с зелеными людьми? — поинтересовался я.

— О, да. Их отряды часто появлялись на дне высохшего океана, прямо за лесом. Впрочем, они старались держаться от нас подальше. Несмотря на их гигантские размеры и силу, все преимущества были на нашей стороне. Мне сдается, что зеленые люди просто боятся нас.

— Их нетрудно понять,— заметил я.— Что толку от меча, если ты не видишь врага?

Кандус расхохотался.

— Тебе, кажется, не терпится пронзить меня своим мечом,— произнес он.

— Совсем нет,— возразил я.— Ты был со мной очень любезен и обходителен, и против тебя я ничего не имею. Зато голос, называвший себя Пноксусом, мне совсем не понравился. Вот с ним я был бы не против скрестить мечи.

— Не надо говорить об этом так громко,— предупредил Кандус.— Ты все-таки не забывай о том, что он сын джеддака. Что бы мы о нем ни думали и как бы в душе к нему ни относились — нам следует держать себя с ним учтиво и почтительно.

Из этих слов легко было заключить, что Пноксус не пользовался особой популярностью и среди своих соотечественников. Я невольно поразился тому, с какой точностью можно составить представление о человеке по одному его голосу. Голос Пноксуса не понравился мне сразу, даже тогда, когда в нем звучали мягкие, ележные нотки (а может, именно поэтому я его и невзлюбил?). Напротив, голос, называющий себя Кандусом, был голосом настоящего мужчины — открытым, без коварства и подвоха. Он мог принадлежать только честному, хорошему человеку.

— Откуда ты родом, Дотар Соджат? — спросил Кандус.

— Из Вирджинии,— ответил я.

— О таком городе я никогда не слышал. В какой стране он находится?

— Он находится в Соединенных Штатах Америки,— сказал я.— Но это название тебе, наверняка, тоже ни о чем не говорит.

— Верно,— признался он.— Должно быть, эта страна находится где-то очень далеко.

— Очень далеко,— подтвердил я.— Примерно за сорок три миллиона миль отсюда.

— Ты говоришь невероятные вещи,— заметил мой собеседник.— В них так же трудно поверить, как и в твои фантастические прыжки, которые, однако, я видел собственными глазами. Со мной ты можешь шутить, если хочется. Но на твоём месте я не стал бы вести себя подобным образом ни с Пноксусом, ни с Птантусом, нашим джеддаком. У них обоих совершенно отсутствует чувство юмора.

— Я вовсе не шучу,— заверил его я.— Тебе, верно, приходилось видеть на ночном небе Джасун?

— Конечно,— ответил он.

— Ну, вот, это и есть та самая планета, с которой я родом. Мы называем ее Землей, а Барсум — Марсом.

— Своим видом и манерами ты производишь впечатление благородного человека,— задумчиво промолвил Кандус.— И я склонен поверить в то, что ты говоришь. Тем не менее, советую тебе выдавать себя за выходца из какого-нибудь дальнего уголка Барсума. Так будет лучше и спокойнее для тебя. А в Инваке тебя обязательно станут расспрашивать об этом. А вот, кстати, уже и городские ворота. Мы пришли.

III

Инвак! Город в Лесу исчезнувших людей! Сначала я разглядел только ворота. Густо растущие деревья и вьющийся виноградник так надежно укрывали городскую стену, что можно было запросто пройти в нескольких ярдах и не заметить ее.

Едва мы приблизились к городским воротам, как раздался грозный оклик часового:

— Кто идет?

Вслед за этим послышался ответ Пноксуса:

— Это Пноксус, принц Инвака, с двадцатью воинами и пленником.

— Пусть один из вас подойдет поближе и назовет пароль,— ответили из-за ворот.

Меня, признаться, поразило, что стража не узнала ни сына джеддака, ни одного из сопровождавших его воинов. Однако приказ часового был беспрекословно выполнен, и, после того, как один из голосов шепотом произнес пароль, стражник распорядился:

— Проходи, Пноксус, со своими двадцатью воинами и пленником.

Ворота распахнулись, и я увидел, что они ведут в залитый ярким светом коридор, по которому движутся какие-то люди. Веревка натянулась, и я, подчиняясь, тоже направился к воротам. Передо мной, сразу же за порогом коридора, один за другим появлялись вооруженные люди. Откуда они брались, непонятно! Эти воины, возникая как будто из воздуха, спокойно продолжали свой путь вперед по освещенному коридору. Стоило мне войти в коридор вслед за ними, справа от меня, с той стороны, с которой шел голос Кандуса, таким же загадочным образом появился вооруженный человек.

Я поглядел на воина, и, вероятно, на моей физиономии отразилось такое глубокое изумление, что он невольно усмехнулся. Я оглянулся назад — позади меня один за другим возникали воины — настоящие люди из плоти и крови, а иные и весьма крепкого сложения. Всю дорогу через лес я проделал в компании голосов, и только теперь воочию увидел их обладателей: десять воинов впереди, девять — сзади и одного рядом, справа от себя.

— Так это ты Кандус? — спросил я у него.

— Ну, да, — подтвердил он.

— Скажи, как вам это удастся, — потрясенный внезапной материализацией своих конвоиров спросил я.

— На самом деле это чрезвычайно просто. Однако я не имею права раскрывать тебе наши секреты, — ответил он. — Скажу лишь, что мы невидимы при дневном свете или, точнее, когда на нас не падает свет специальных ламп, установленных в нашем городе. Скоро ты своими глазами увидишь, что мы охотно пользуемся этой единственной возможностью быть видимыми, как и все о альные люди.

— Почему вас так беспокоит, видят вас другие люди или нет? — разве не достаточно того, что вы сами видите друг друга и всех остальных?

— Вот в том-то как раз и загвоздка, — признался Кандус. — Мы видим остальных людей, а друг для друга так же невидимы, как и для тебя.

Теперь мне стало понятно, почему во время нашего похода воины то и дело переругивались, сталкиваясь друг с другом — они просто не видели своих товарищей.

— Неужели вы и на свет появляетесь невидимками? — продолжал я расспрашивать воина.

— Нет, — ответил он. — От природы мы такие же обыкновенные люди, как и остальные. Но мы научились становиться невидимыми.

Коридор, по которому мы шли, выводил во двор. Как только воины выходили из зоны действия специальных ламп и оказывались на открытом воздухе, они вновь становились незримы. Стоило нам с Кандусом выйти во двор, как я опять остался один. Это была просто какая-то чертовщина!

По территории всего города были разбросаны дворики, подобные тому, на котором мы сейчас оказались. Поскольку остальная часть города находилась под крышей и освещалась специальными лампами, то именно эти дворы обеспечивали непрерывный приток свежего воздуха в город.

На площадке росли ветвистые деревья, а крыша города была сплошь увита виноградником. Таким образом, город, построенный в самом центре Леса исчезнувших людей, оказывался совершенно не виден ни с земли, ни с воздуха, так же, впрочем, как и сами его обитатели.

Наконец, мы остановились в большом дворе, густо засаженном деревьями, к которым были прикреплены цепи с железными кольцами на концах. Одну из колодок невидимые руки проворно защелкнули у меня на ноге, и я, не успев даже толком сообразить, что к чему, оказался прикованным к огромному, с раскидистой кроной дереву.

Неожиданно возле самого моего уха знакомый голос прошептал:

— Я попытаюсь тебе помочь, потому что, скажу прямо, ты мне понравился. Как можно не восхищаться человеком, который способен подпрыгнуть в воздух на тридцать футов! К тому же ты буквально заинтриговал меня своими рассказами о том, что ты инопланетянин и что твоя родина находится на расстоянии сорока трех миллионов миль от Барсума.

Конечно же, это был Кандус. Судьба, вероятно, решила подсластить приготовленную мне горькую пилюлю, послав дружески настроенного по отношению ко мне человека. Правда, неясно было, чем он способен мне помочь. В конце концов, Кандус — не джеддак, а мою участь, скорее всего, будет решать сам Птантус.

Судя по голосам, раздававшимся то тут то там, по двору расхаживали люди. Они выходили с освещенных

улиц или из коридоров и, едва ступив на двор, будто растворялись в воздухе. Несколько раз обладатели голосов останавливались совсем рядом и принимались оживленно обсуждать мою персону. Больше всего их удивляла моя белая кожа и серые глаза. Кто-то упомянул и о моем фантастическом, с их точки зрения, прыжке, о котором, видимо, уже успели порассказать захватившие меня в плен воины.

Один раз, когда возле меня остановилась очередная группа местных зевак, я ощутил изысканный аромат.

— Бедняжка, — произнес нежный женский голос. — Он такой симпатичный!

— Что ты болтаешь, дуреха, — грубо оборвал ее мужской голос. — Он враг, Роджас, и ничего симпатичного в нем нет.

— А по-моему, он очень милый, — не сдавался женский голос. — И откуда тебе известно, что он враг?

— Когда я посадил свой аэроплан около леса, я не был вашим врагом, — вмешался я в их беседу. — Но от такого обращения быстро стал им.

— Вот видишь, — укоризненно произнесла женщина, обращаясь к своему собеседнику, — он не был нашим врагом. А как тебя зовут, бедняжка?

— Меня зовут Дотар Соджат, и никакой я не бедняжка, — рассмеявшись над сердобольной незнакомкой, ответил я.

— Скоро станешь им. Тебе самому себя станет жалко, — злорадно прикрикнул на меня мужчина. — А ты, Роджас, просто набитая дура. Пошли, довольно болтать всякие глупости!

— Если ты дашь мне меч и прекратишь трусливо прятаться под покровом невидимки, мерзкая тварь, то я тебя так отделаю, что ты надолго запомнишь, — разозлился я. — И перестань обзывать женщину. Это не по-мужски.

В ответ я тут же получил сильный удар в пах ногой. Нога хоть и была невидимой, но била крепко.

Окончательно выведенный из себя, я рванулся вперед и, ориентируясь на голоса, ухватил этого типа. Вцепившись ему в одежду, чтобы раньше времени не удрал, я отыскал его физиономию и так врезал наглецу, что он, по моим расчетам, должен был пролететь через весь двор.

— Это, — напутствовал я его в полет, — научит тебя

не драться с человеком, который не видит тебя, и не хамить женщине.

— Разве Мотус тебя ударил? — удивился женский голос. Теперь он звучал возбужденно и рассерженно. — Это же подло, бить пленного! Но, по-моему, ему от тебя тоже досталось. Разве не так?

— Так, — подтвердил я. — А ты бы лучше поискала врача для своего дружка.

— Мотус, ты где? — окликнула девушка.

Ответа не последовало. Наверное, этот Мотус со страху задал деру. Однако вскоре я услышал, как кто-то смачно выругался, а вслед за тем мужской голос спросил:

— Чего ты тут разлегся посреди двора?

Очевидно, кто-то споткнулся о Мотуса.

— Это, вероятно, Мотус, — пояснил я, повернувшись в ту сторону, откуда донесся голос. — Вы бы его лучше унесли отсюда.

— Пускай валяется, пока не подойдет, — отозвался голос. — Мне-то что за забота!

Подруга Мотуса тоже удалилась, бросив своего нокаутированного дружка. Когда она ступила под искусственное освещение одной из улиц и стала зримой, я успел немного рассмотреть ее со спины. Кажется, она была чем-то недовольна. А вообще мне показалось, что девушка вовсе недурна собою — если, конечно, подобные выводы можно делать, мельком увидев человека со спины. Во всяком случае, она обладала красивым голосом и добрым сердцем. Может, эти инваки совсем не такие плохие люди, подумалось мне.

IV

— Ты молодец, что врезал этому Мотусу, — неожиданно произнес кто-то позади меня.

Я даже не стал оборачиваться. Какой смысл, если все равно никого не увидишь! Между тем тот же голос продолжал:

— Думаю, эта поганая инвакская крыса и за неделю не очухается от твоего удара!

На сей раз я решил все-таки обернуться, ибо подобная реплика никак не могла быть произнесена инваком.

Неподалеку от себя я обнаружил посаженного на

цепь другого краснокожего. Не странное ли дело, что здесь, на Барсуме, я отношу самого себя к представителям красной расы! Впрочем, ничего удивительного в этом нет. За исключением цвета моей кожи, и я есть краснокожий до мозга костей — по образу мыслей, по своим чувствам и представлениям о жизни. Я уже давно и забыл о том, что я — выходец из Вирджинии, так прочно укоренилась во мне любовь к этому миру, принявшему меня.

— Ты кто такой и откуда? — спросил я. — Тоже что ли из невидимок?

— Нет, — отозвался он. — Я нахожусь здесь уже давно. Когда тебя привели, я спал под деревом, поэтому ты меня и не заметил. Потом меня разбудили прохожие, которые останавливались возле тебя. Я слышал, как ты сказал девушке, что тебя зовут Дотар Соджат. Довольно странное имя для краснокожего! Меня зовут Птор Фак, я родом из Зоданги.

Птор Фак! Теперь я и сам вспомнил этого человека. Он был одним из трех братьев Птор, которые помогали мне, когда я отправился в Зодангу на поиски Деи Торис. Сначала я колебался, сказать ли ему свое настоящее имя. Зная его как честного и порядочного человека, я уже собрался это сделать, но не успел. Присмотревшись ко мне повнимательней, он сам узнал меня.

— Клянусь ближайшей луной! — воскликнул он. — Эти глаза, эта кожа!

— Тихо! — предупредил его я. — Мне неизвестно, что за люди эти невидимки, и я считаю, что, с моей стороны, благоразумнее оставаться Дотаром Соджатом.

— Если ты не Дотар Соджат, то кто же ты такой? — раздался окрик прямо у меня под боком.

От неожиданности я опешил. С этими невидимками надо держать ухо востро. Прямо напасть какая-то: подкрадутся к тебе и стоят рядом, подслушивая твой разговор, а ты и не догадываешься о их присутствии.

— Я султан Свата, — ответил я, назвав первое пришедшее на ум имя.

— Что такое султан? — допытывался голос.

— Джедак джедаков.

— В какой стране? — не унимался он.

— В Свате.

— Никогда не слышал ни о каком Свате, — с сомнением произнес голос.

— Ну, вот, теперь услышал. Можешь пойти и сказать своему джеддаку, что у него на цепи сидит султан.

Обладатель голоса, по-видимому, ушел, поскольку новых вопросов не последовало. Птор Фак задыхался от смеха.

— С твоим появлением сразу стало веселее, — произнес он, наконец, успокоившись. — Спасибо твоим предкам, что они наделили тебя чувством юмора. Я сейчас смеялся в первый раз за все время своего пребывания здесь.

— Как долго ты здесь находишься?

— Уже несколько месяцев. Я испытывал новый мотор, который мы изобрели в Зоганде, и хотел установить рекорд, облетев вдоль экватора весь Барсум. Надо ж было такому случиться, что над этим местом мой мотор заглох. А ты как сюда попал?

— Мы с Ланой, дочерью Гахана из Гатола, только что вырвались из Панкора и держали путь в Гелиум, чтобы вернуться с боевыми кораблями и преподать Хин Абтолу хороший урок. На нашем аэроплане не было ни воды, ни пищи, поэтому я совершил посадку близ леса, надеясь там раздобыть что-нибудь съестное. Пока я находился в лесу, один из этих невидимок забрался на борт аэроплана и похитил его вместе с девушкой, а еще двадцать набросились на меня и захватили в плен.

— Значит, с тобой была Лана из Гастола? Это скверно! Нас они могут убить, а девушку, наверняка, ожидает иная участь.

— Пноксус заявил, что она ему приглянулась, — огорченно сообщил я.

— Пноксус — большая гадина, сын гадины и внук гадины, — витиевато выразился Птор Фак.

Трудно было более лаконично и выразительно определить Пноксуса.

— Что они с нами могут сделать? — поинтересовался я. — Есть у нас хоть малейшая возможность побега? Конечно, надо вызволить и Лану.

— Пока ты прикован на цепь, убежать тебе точно не удастся. Меня они содержат таким образом все время. Думаю, нас собираются использовать на каких-нибудь Играх. Хотя, кто знает... Погляди-ка! — воскликнул он, снова расхохотавшись.

Я поглядел в ту сторону, куда он указывал, и увидел, как двое мужчин уводят по одной из улиц третьего, еле волочащего ноги.

— Это, вероятно, твой Мотус,— сказал Птор Фак.— Боюсь, как бы у тебя не было из-за него неприятностей,— добавил он, внезапно посерьезнев.

— Какие бы неприятности меня не ожидали, я не жалею, что проучил его,— отозвался я.— Подумать только: ударить человека, воспользовавшись тем, что он тебя не видит. Это же просто подло! Девушку, как и меня, это тоже взбесило. По-моему, у нее доброе и отзывчивое сердце. Роджас — какое приятное имя!

— Это имя знатной особы,— пояснил Птор Фак.

— Ты знаешь ее? — удивился я.

— Нет, но по окончаниям их имен можно судить, принадлежат ли они к знати, а по началу и по окончанию имени — о том, не течет ли в их жилах королевская кровь. Имена знатных мужчин оканчиваются на -ус, а знатных женщин — на -ас. Такие же окончания имеют и имена особ королевской крови, но их имена, кроме того, начинаются с двух согласных, вроде Пноксуса и Птантуса.

— Значит, этот Мотус тоже принадлежит к местной знати,— заключил я.

— Да, поэтому ваша драка и может иметь печальные последствия.

— Скажи мне лучше, как им удастся становиться невидимыми? — спросил я.

— Они придумали какое-то вещество, благодаря которому могут быть невидимы в течение целых суток, и принимают его постоянно в больших таблетках. По-моему, они съедают по таблетке каждое утро, чтобы быть уверенным, что выйдя за пределы города, станут невидимыми. Вещество начинает действовать только через час. Они опасаются, что на город могут внезапно напасть враги и им придется отбивать атаку, не успев стать невидимыми, поэтому ежедневно принимают свои секретные таблетки.

— Каких же врагов они так опасаются? — удивился я.— Кандус говорил мне, что их боятся даже зеленые люди.

— В лесу находится еще один город, населенный людьми этого же племени,— пояснил Птор Фак.— Он называется Онвак, и его жители тоже владеют тайной невидимок. Время от времени они совершают нападения на Инвак или устраивают засады в лесу и захватывают инваков в плен.

— Мне довольно сложно представить себе сражение, в котором противники не видят друг друга.

— Да, пожалуй,— согласился Птор Фак.— Насколько я знаю, особого урона они друг другу не наносят, хотя иногда захватывают пленников. Во время последней атаки инваки взяли в плен двоих, и только, когда привели их в город, обнаружили, что это тоже воины Инвака. Они понятия не имеют о том, сколько своих перебили в ходе этих сражений: размахивают мечами вовсю, а уж кто подвернется под руку, неизвестно.

Птор Фак еще не закончил свой рассказ, как я почувствовал, что чьи-то руки шарят по моим ногам. Вскоре колодка была снята с меня.

— Пошли, раб,— произнес мужской голос.

Некто невидимый взял меня за руку и повел в сторону одной из улиц.

Когда мы оказались под заливающим улицу искусственным светом, я увидел рядом с собой воина и еще нескольких вооруженных людей впереди и сзади, тоже сопровождавших меня. По пути мы миновали еще несколько дворов, и всякий раз, когда мы выходили на дневной свет, мои провожатые тотчас же становились невидимыми. Если бы не рука, цепко державшая меня за локоть, я бы решил, что иду один. Наконец, меня привели в огромную комнату в большом дворце, в которой восседал за столом мрачный мужчина со свирепым выражением на лице. По обе стороны от него и перед ним толпилось множество народа.

Сопровождавшие меня воины велели мне остановиться перед столом. В течение нескольких секунд сидевший за ним человек молча изучал меня. Я тоже успел его разглядеть. Он был одет в изысканную одежду, пояс его украшали драгоценные камни. Рукоятка меча, видневшаяся из-под стола, кажется, была сделана из чистого золота и тоже обильно украшена редкими и очень красивыми барсумскими самоцветами, которые невозможно описать земными словами. На лбу человека красовалась кожаная диадема, на которой драгоценными камнями были выложены барсумские иероглифы, обозначающие слово «джеддак». Итак, передо мной сидел сам Птантус, джеддак Инвака. Одного взгляда на этого человека было достаточно, чтобы понять: невозможно придумать ничего хуже для Ланы из Гатола и меня, чем оказаться в руках подобного типа.

Видимо, стремясь запугать меня, Птантус кидал на меня свирепые, полные ненависти взгляды. Это обычный прием всех тиранов, которые, прежде чем уничтожить свою жертву, пытаются деморализовать ее. Однако на меня усилия Птантуса особого впечатления не произвели. Напротив, мною овладело совершенно мальчишеское желание чем-нибудь досадить ему. Пока я придумывал, как разозлить джеддака, тот неожиданно стукнул кулаком по столу и, поддавшись вперед, закрычал:

— Раб! Слушай меня!

— Вы еще ничего не сказали,— ответил я.— Когда вы произнесете что-нибудь, заслуживающее внимания, я, может, и послушаю вас. Только не стоит орать во всю глотку, у меня со слухом все в порядке.

Птантус рассерженно повернулся к офицеру.

— Даже и не смейте приводить ко мне этого раба до тех пор, пока его не научат, как следует вести себя в присутствии джеддака,— распорядился он.

— Мне известно, как следует вести себя в присутствии джеддака,— вмешался я.— Я общался с величайшими джеддаками Барсума и привык обращаться с ними, как и с другими людьми, так, как они заслуживают. С благородным человеком я всегда обхожусь почтительно, но разве можно питать уважение к невоспитанному грубияну?

Намек был слишком очевиден, и Птантус густо побагровел.

— Твоя наглость переходит все границы,— произнес он.— Насколько мне известно, ты доставил немало хлопот принцу Пноксусу, когда тебя брали в плен, а потом набросился на одного из знатных людей нашего города и тяжело ранил его.

— Может, у этого человека и есть какой-нибудь титул,— сказал я,— но благородным его никак нельзя назвать. Он ударил меня исподтишка, сам оставаясь невидимым, а это все равно, что напасть на слепого.

— Он говорит правду,— неожиданно раздался девичий голос позади меня.

Я повернулся и сразу узнал его обладательницу. Это была Роджас.

— Ты видела, как это произошло, Роджас? — спросил Птантус.

— Да. Мотус оскорбил меня, а этот человек, Дотар Соджат, вступился за меня. Тогда Мотус его ударил.

— Это правда, Мотус? — Птантус повернулся в другую сторону.

Я тоже повернулся и увидел там Мотуса с перебинтованной физиономией. Вид у него был довольно жалкий.

— Я поступил с рабом так, как он заслуживал, — проворчал Мотус. — Слишком много он дерзит.

— В этом я полностью согласен с тобой, — подтвердил Птантус, — и когда придет время, он будет казнен. Однако я вызвал его сюда вовсе не затем, чтобы устраивать судилище. Я, джеддак, принимаю решения сам, мне советчики ни к чему. Послал же я за пленником потому, что офицер сказал мне, будто этот человек может подпрыгивать в воздух на тридцать футов. Если это правда, то, может, стоит пока оставить его в живых для моего увеселения.

При этих словах я не смог сдержать улыбку. Именно моя способность прыгать так высоко спасла мне жизнь много лет назад, когда, едва появившись на Барсуме, я был захвачен в плен племенем зеленых тарков и Тарс Таркас велел мне демонстрировать свое необыкновенное умение перед джеддом Лоркасом Птомелем. Вот и теперь, благодаря этой способности, я получил хотя бы кратковременную отсрочку в исполнении смертного приговора.

— Чему ты там улыбаешься? — грозно спросил Птантус. — Что тебя так позабавило? Давай-ка прыгай, если не врешь, да поскорее.

Я смерил глазами высоту помещения: от пола до потолка было футов пятнадцать, не больше.

— Тут особенно не распрыгаешься, — заметил я. — Места не больше, чем на маленький скачок.

— Ну, так поскачи, — настаивал Птантус.

Я огляделся. Между мной и входной дверью на расстоянии футов двадцати столпились люди. Благодаря моей ловкости и слабой гравитации на Марсе, я мог бы без особого труда перепрыгнуть через них, добраться до выхода и затем, выскочив на крышу, исчезнуть. Так бы я, скорее всего, и поступил, если бы не необходимость вызволить из плена Лану из Гатола.

Мой прыжок присутствующие встретили восторжен-

ными возгласами. Когда я прыгнул назад, от входной двери на прежнее место, в помещении раздались даже жидкие аплодисменты — так поразила невидимок моя ловкость.

— Что ты еще умеешь? — поинтересовался Птантус.

— Если бы у меня был меч и Мотус набрался бы смелости встретиться со мной под светом, в честном поединке, чтобы я его видел так же, как он меня, то я бы хорошенько проучил этого наглеца, — сказал я. — Впрочем, я могу задать ему трепку и кулаками.

Птантус даже расхохотался.

— Может быть, я и удовлетворю это твое желание, когда ты мне порядком надоешь, — ответил он. — Нет никаких сомнений в том, что Мотус в два счета прикончит тебя. На Барсуме, думаю, не найдется человека, владеющего мечом лучше, чем доблестный Мотус.

— Мне бы доставило огромное удовольствие дать ему возможность показать, на что он способен, — отозвался я. — Могу пообещать, что я буду прыгать ничуть не хуже и после того, как прикончу Мотуса. Но если, вам действительно хочется посмотреть на настоящие прыжки, отведите меня и девушку, которую вы захватили в плен, в лес, и мы продемонстрируем вам кое-что стоящее.

Только бы мне удалось вместе с Ланой оказаться за городскими воротами, а уж там я найду способ, как нам исчезнуть, и никто из этих невидимок не сможет догнать нас.

— Отведите его обратно и посадите на цепь, — распорядился Птантус, не соблазнившийся моим предложением. — На сегодня с меня достаточно.

Меня увели и водворили на прежнее место во дворе у дерева.

— Ну, — поинтересовался Птор Фак, как только воины, доставившие меня, по его предположениям, удалились. — Что поведаешь новенького?

Я рассказал ему о своей встрече с джеддаком. Птор Фак, который хорошо знал, сколь искусно я владею мечом, особенно обрадовался обещанию Птантуса устроить мне поединок с Мотусом. Мысленно он, видимо, уже предвкушал, как я отделаю этого негодяя.

Когда совсем стемнело, рядом со мной послышался знакомый голос. Это пришел Кандус.

— Хорошо, что ты сегодня прыгал на потеху Птан-

тусу,— произнес он.— Этот старый дьявол, было, решил, что Пноксус обманул его, рассказывая о твоей небывалой ловкости. Джеддак собирался уличить тебя и немедленно уничтожить, причем весьма неприятным образом. С теми, кого невзлюбит, он не церемонится.

— Надеюсь, мне удалось умирить его хоть ненадолго,— сказал я.

— Конец все равно будет один и тот же,— грустно вздохнул Кандус.— Но, если в моих силах хоть как-то скрасить твой плен, я с радостью сделаю это.

— У меня было бы гораздо спокойнее на душе, если бы ты рассказал, что стало с девушкой, которую захватили в плен вместе со мной.

— Ее поместили вместе с другими женщинами-рабынями. Она находится на другом конце города, за дворцом,— ответил он.

— Как ты думаешь, какая участь ее ожидает? — поинтересовался я.

— Птантус и Пноксус уже переругались из-за нее,— ответил он.— Они вечно ссорятся, потому что терпеть не могут друг друга. Пноксус претендует на девушку, а Птантус ни за что не хочет ему уступить. По крайней мере, до тех пор, пока они делят ее между собой, твоя подруга в безопасности. Мне пора идти,— закончил он, и по звуку его голоса я догадался, что он поднялся.— Если тебе в чем-то понадобится моя помощь, смело рассчитывай на меня.

— Не мог бы ты принести мне кусок проволоки,— попросил я.— Мне очень нужно.

— Для чего тебе проволока? — удивился он.

— Чтобы скоротать время,— ответил я.— Буду делать из нее разные фигурки, это отвлечет меня от мрачных мыслей. Я не привык сидеть на цепи, да и вынужденное безделье очень действует на нервы.

— Разумеется,— согласился он.— Я с удовольствием выполню твою просьбу. Через несколько минут я вернусь с проволокой, а пока — до встречи.

— Тебе повезло,— заметил Птор Фак, прислушавшийся к нашему разговору.— Я провел здесь несколько месяцев, но так ни с кем и не подружился.

— Все это благодаря моим прыжкам,— ответил я.— Они уже не раз сослужили мне хорошую службу.

Вскоре Кандус, действительно, возвратился с обещанной проволокой. Я поблагодарил его, и он тут же удалился.

Наступила ночь. Обе барсумские луны взошли на небосвод. Их мягкое сияние заливало двор. Свет быстро движущейся по ночному бархатному небу Турии заставлял тени шевелиться, перемещаться с места на место, словно это были живые существа.

Наши цепи оказались достаточно длинными, чтобы мы с Птором Факом смогли сесть рядом друг с другом. Я видел, что он буквально сгорает от любопытства, глядя на кусок проволоки в моих руках. Наконец, он не выдержал и прямо спросил:

— Что ты собираешься делать с этой проволокой?

— Ты удивись,— начал я, и тут же замолк, почувствовав, что рядом с нами кто-то находится.— Из кусочков проволоки можно понаделать множество всяких вещей.

VI

Даже если бы мне и пришлось провести остаток своих дней в Инваке, я бы все равно никогда не смог привыкнуть к тому, что в любой момент, когда ты и не подозреваешь об этом, рядом с тобой может оказаться некто невидимый, наблюдающий за тобой и подслушивающий твои разговоры. Вот и сейчас ощущение у меня было не из приятных. Кто-то слышал все, что я сказал Птор Факу, а я вовсе не рассчитывал на посторонние уши.

Внезапно я почувствовал легкое прикосновение к своей руке, а затем ласковый женский голос произнес:

— Это я, Роджас.

— Рад, что ты пришла,— отозвался я.— Прежде всего хочу тебя поблагодарить за то, что сегодня перед Птантусом ты вступилась за меня и рассказала, как на самом деле все было.

— Боюсь, от моего свидетельства не будет большой пользы,— ответила она.— Птантус меня не любит.

— За что же? — поинтересовался я.

— Пноксус хотел взять меня в жены, а я отказала ему, и, хотя Птантус терпеть не может Пноксуса, его гордость была ущемлена. Всю свою злобу он с тех пор вымещает на моей семье.

Она подошла ко мне совсем близко, и, хотя я не мог видеть девушку, я чувствовал ее тепло.

— Дотар Соджат,— неожиданно произнесла она,— как бы я хотела, чтобы ты был инваком и мог навсегда оставаться здесь.

— Очень любезно с твоей стороны, Роджас,— учтиво ответил я.— Однако судьба распорядилась иначе.

Ее рука обняла меня за плечо. Меня снова обволакивал ее нежный, изысканный аромат, а на щеке я чувствовал ее жаркое дыхание.

— А ты бы хотел остаться здесь, Дотар Соджат,— еле слышно вымолвила она,— со мной?

Ситуация становилась довольно щекотливой. Даже Птор Фак выглядел смущенным, хотя вокруг его шеи не обвивались невидимые руки. То, что он смущен, я понял, когда заметил, что мой приятель отдалился от нас на самое большое расстояние, на которое позволяла ему отойти цепь. Роджас он, как, впрочем, и я, видеть не мог, но зато слышал ее слова и, как истинный джентльмен, поспешил отойти в сторону. Возможно, заниматься любовью с девушкой в залитом лунным светом саду и романтично, но если эта девушка невидима, то невольно начинает казаться, что ты предаешься любовным утехам с призраком. А это, скажу я вам, довольно жутковато, хотя сама Роджас призраком себя едва ли ощущала.

— Ты мне так и не ответил, Дотар Соджат,— настойчиво повторила она.

Я никогда не любил ни одной женщины, за исключением моей несравненной Деи Торис, и никогда сам не домогался ничьей любви. Сейчас я оказался в весьма затруднительном положении. Захваченный в плен и подвергнутый унижительному обращению, я должен был ненавидеть инваков. И вот сейчас ко мне прижималась вражеская девушка, и от моего ответа на ее вопрос зависело то, станет ли она преданной мне до конца или, напротив, люто возненавидит меня. Будь я один, будь я сам по себе, все было бы проще. Но я чувствовал свою ответственность за судьбу Ланы из Гатола и потому медлил с ответом, стараясь выиграть время.

— Как бы сильно ни хотелось мне навсегда остаться с тобой, Роджас,— уклончиво ответил я,— это не имеет значения. Меня держат здесь по прихоти джеддака и для его развлечения. Как только я наскучу ему, смерть разлучит нас навеки.

— О, нет, Дотар Соджат,— зашептала она, прижи-

маясь щекой к моему лицу.— Ты не можешь умереть. Я люблю тебя.

— Но, Роджас, послушай,— принялся увещевать я ее.— Как ты можешь любить человека, которого знаешь всего лишь несколько часов и которого видела лишь несколько минут?

— Я поняла, что люблю тебя в тот самый момент, когда увидела впервые,— заявила она.— Ты ошибаешься, если думаешь, что я видела тебя лишь несколько минут. Я почти неотлучно находилась рядом с тобой все это время и наблюдала за каждым твоим движением. Я до мельчайших подробностей изучила твое лицо, мне знакомо каждое его выражение, каждая гримаса. Я видела, как оно озарялось то улыбкой, то добротой и участием, то внезапно вспыхивало от гнева. Будь мы знакомы всю жизнь, я и то не могла бы изучить и узнать тебя лучше. Поцелуй же меня, Дотар Соджат, поцелуй,— молящим шепотом произнесла она.

И тут я сделал то, чего, наверное, буду стыдиться до самой смерти. Я обнял невидимое тело Роджас и крепко поцеловал ее.

Приходилось ли вам, любезный читатель обниматься с призраком и целоваться с ним, да еще сидя на цепи? Должен признаться, что эта процедура оказалась совсем не такой уж неприятной. Однако Роджас так крепко прильнула ко мне и явно не собиралась в ближайшее время прекращать наши объятия, что я невольно почувствовал смущение и сделал робкую попытку освободиться. Поскольку она действия не возымела, пришлось повторить ее более решительно.

— О, если бы это могло длиться вечно,— страстно вымолвила она.

Что касается меня, то, как я уже сказал, обниматься было приятно, однако надо же и о приличиях подумать. Вслух же я произнес:

— Может быть, ты как-нибудь еще заглянешь ко мне, пока меня не казнили, Роджас?

— О, я молю тебя, не говори о смерти! — воскликнула она.

— Ты же сама отлично знаешь, что Птантус рано или поздно уничтожит меня. Единственное спасение — это побег.

— Побег,— с ужасом повторила девушка.

— Боюсь, однако, что убежать мне не удастся,— тут

же прибавил я, стараясь придать своему голосу интонации полной обреченности и безысходности.

— Побег,— снова произнесла Роджас.— Ах, если бы и я могла бежать вместе с тобой!

— А почему бы и нет? — отозвался я.

Разумеется, я зашел слишком далеко, но отступить было уже поздно. К тому же во имя освобождения из неволи Ланы из Гатола все средства казались мне хороши.

— Действительно, почему бы и нет? — задумчиво промолвила Роджас.— Но как?

— Для этого мне нужно стать невидимым,— подсказал я.

Она с минуту сосредоточенно обдумывала мое предложение и, наконец, произнесла:

— Это измена. Если меня схватят, то за такое преступление меня ждет смерть, ужасная смерть.

— Но я ведь ни на чем не настаиваю,— лицемерно произнес я.

У меня уже не оставалось сомнений в том, что, стоит мне попросить Роджас о подобном одолжении, и она выполнит мою просьбу. Я был готов пожертвовать жизнью девушки, жизнью любого человека в Инваке, в том числе и своей собственной, лишь бы спасти Лану из Гатола. В тот момент я был близок к отчаянию, а в таком положении человек способен на все.

— Я чувствую себя здесь такой несчастной,— посетовала Роджас. Она явно уже подыскивала внутренние оправдания своему безумному поступку, который собиралась совершить.— Если все удастся, какая мне разница, что они будут думать обо мне? Ведь им уже никогда не найти нас. Мы оба станем невидимыми и убежим к тебе на родину.

Итак, она уже строила планы на будущее.

— Известно ли тебе, где находится аэроплан, на котором доставили захваченную в плен девушку? — спросил я.

— Да, он приземлился на городской крыше.

— Это значительно упрощает дело,— воскликнул я.— Если мы все станем невидимыми, мы без труда доберемся до него и улетим.

— Что значит — «мы все»? — настороженно спросила Роджас.

— Я хочу взять с собой Птор Фака,— ответил я,—

а также Лану из Гатола, которую захватили в плен вместе со мной.

Роджас мгновенно отдернула от меня свою руку, и голос ее стал ледяным.

— О том, чтобы взять девушку, не может идти и речи,— отрезала она.

— Роджас, послушай, я должен спасти ее,— взмолился я.

Ответа не последовало. Я подождал с минуту и окликнул:

— Роджас!

Ни звука в ответ. Вскоре я увидел, как Роджас появилась под искусственным светом на одной из улиц. Она быстро удалялась с вызывающе поднятой вверх головой. Судя по виду девушки, она была разъярена не на шутку.

VII

После внезапного ухода Роджас меня охватило совершенное отчаяние. Задержись она на несколько минут — и я бы ей все объяснил. Тогда мы могли бы спастись все вчетвером. Должен признаться, что никогда не понимал женщин, но сейчас я чувствовал, что Роджас больше не вернется. От любви до ненависти, как известно, один шаг, а ревность может толкнуть женщину на самую страшную месть.

Тем не менее я не терял надежды на то, что рано или поздно все образуется. Такова уж моя натура. Вместо того, чтобы попусту сетовать на судьбу, я вооружился принесенным мне куском проволоки и занялся замком на железной колодке, закрепленной у меня на ноге. Птор Фак, подобравшись поближе, с любопытством следил за мной. Я уселся лицом к дереву, стараясь, чтобы мои действия не привлекли внимания возможных невидимых соглядатаев. Конечно, при желании они могли подкрасться с любой стороны. Оставалось уповать лишь на то, что, поскольку давно уже наступила ночь, на дворе, кроме нас, никого нет.

Наконец, замок на колодке раскрылся. За несколько секунд я проделал ту же манипуляцию с колодкой Птор Фака. И тут неожиданно совсем рядом раздался чей-то голос.

— Что вы делаете? — спросил он.— Почему вы до сих пор не спите?

— Как можно заснуть, если нас все время кто-то беспокоит,— проворчал я, пряча проволоку под себя.

— Встать! — скомандовал голос.

Разумеется, стоило нам подняться, как колодки тут же свалились с наших ног.

— Так я и предполагал,— произнес голос.

Я увидел, как кусок проволоки, поднятый с земли невидимой рукой, исчез, промелькнув в воздухе.

— Вы, конечно, очень хитры, но едва ли Птантус обрадуется, когда узнает о ваших проделках. Я распоряжусь, чтобы с этого момента стража не спускала с вас глаз,— предупредил невидимка.

— Все идет шиворот-навыворот,— посетовал я, обращаясь к Птор Факу, когда увидел удаляющуюся по улице фигуру воина и решил, что этот тот самый тип, что поймал нас.

— Наши дела совсем безнадежны? — упавшим голосом осведомился Птор Фак.

— Нет,— возразил я самоуверенно.— Пока мы живы, все не так плохо. Надежда умирает последней.

На следующее утро я услышал подле себя знакомый голос Кандуса.

— Ну, как дела? — поинтересовался он.

— Отвратительно,— ответил я.

— Что случилось?

— Я не могу тебе рассказать,— произнес я,— потому что не уверен что рядом никого нет. Не хочу, чтобы меня опять слышали посторонние.

— Кроме нас поблизости нет никого,— заверил меня Кандус.

— Откуда ты знаешь? — удивился я.— Не ты ли говорил, что вы так же незримы друг для друга, как и для остальных?

— Мы научились чувствовать присутствие посторонних,— ответил он.— Но я не могу тебе объяснить, как.

— Это не существенно,— сказал я,— главное, чтобы ты был уверен в том, что мы действительно одни. Буду с тобой совершенно искренен. Мне удалось снять колодки с себя и с Птор Фака. Кто-то следил за нами в это время, и у меня отобрали кусок проволоки, который ты принес.

Я посчитал излишним сообщать Кандусу, что успел разломать эту проволоку надвое и сейчас оставшийся кусок находится у меня в кармане. Даже другу совсем не обязательно рассказывать обо всем.

— Зачем ты это сделал? — спросил Кандус. — Неужели ты надеешься, что тебе удастся бежать? Это же несерьезно!

— Это был только первый шаг, — ответил я. — У меня пока нет никакого определенного плана, но в одном я не сомневаюсь: пока эти колодки на мне, бежать мне точно не удастся.

Кандус расхохотался.

— Пожалуй, в этом есть доля истины, — произнес он и, помолчав минуту, добавил: — девушка, которую взяли в плен вместе с тобой...

— Что с ней случилось? — разволновался я.

— Птантус отдал ее Мотусу, — ответил мой друг. — Все это произошло так неожиданно, и никто не знает причины. Птантус всегда недолго любил этого Мотуса.

Кандус, действительно, мог не знать причины странного поступка джеддака инваков, но я, кажется, догадываюсь о ней. Я сразу понял, что без Роджас тут не обошлось — из ревности совершались и более чудовищные деяния.

— Ты можешь оказать мне еще одну услугу, Кандус? — спросил я.

— С удовольствием, если это в моих силах, — ответил он.

— Не исключено, что моя просьба покажется тебе довольно странной, но, пожалуйста, ни о чем не расспрашивай, — начал я. — Я прошу тебя сходить к Роджас и сообщить ей, что Лана из Гатола, которую Птантус подарил Мотусу, является моей внучкой.

Вас, землян, может удивить, как это Роджас увлеклась дедушкой, стариком, но не забывайте о том, что Марс — это не Земля. Здесь другие представления о возрасте, и я несколько не похож на земных дедушек. Я не знаю, сколько мне лет. Детства своего я не помню. Мне кажется, будто я существовал всегда и всегда был таким, как сейчас. Когда во время гражданской войны в Соединенных Штатах я сражался в армии конфедератов, мне было лет около тридцати. Здесь, на Барсуме, где нормальная продолжительность жизни составляет примерно тысячу лет, разница в возрасте не играет существенной

роли, и разрушительное действие старости почти не заметно. Вы можете запросто влюбиться в очаровательную девушку и однажды совершенно случайно выяснить, что ей не семнадцать лет, как вы, может быть, предполагали, а все семьсот.

— Я, конечно, ничего не понимаю,— признался Кандус,— но я выполняю твою просьбу.

— Хочу попросить тебя еще об одном одолжении,— сказал я.— Птантус почти пообещал, что организует мне поединок с Мотусом и что тот прикончит меня. Нельзя ли добиться того, чтобы этот поединок состоялся сегодня же?

— Он тебя убьет,— предупредил Кандус.

— Давай не будем обсуждать эту тему,— прервал его я.

— Не знаю даже, как сделать то, о чем ты просишь,— произнес Кандус задумчиво.

— Надо распалить его, ввести в азарт,— посоветовал я.— Предложи ему пари. Скажи, что Мотусу ни за что не убить меня, а я смогу прикончить его в любую минуту.

— Но ты же не сможешь сделать этого,— упрямылся Кандус.— Мотус слывет за лучшего бойца на всем Барсуме. Он расправится с тобой, а я потеряю свои деньги.

— Как мне тебя убедить? — сокрушенно воскликнул я.— Я знаю, что могу убить Мотуса в поединке. Если бы у меня было при себе что-нибудь ценное, я бы не колеблясь отдал эту вещь тебе, чтобы ты не боялся проиграть пари.

— У меня есть кое-что,— вмешался в наш разговор Птор Фак.— Я готов поставить ее и свою жизнь в придачу на Дотара Соджата.

Он извлек из кармана богато украшенный драгоценными камнями медальон и протянул его Кандусу.

— Вот,— произнес он,— за эту штуку можно выкупить и самого джеджа. Поставь ее на Дотара Соджата.

Медальон исчез в воздухе, из чего я заключил, что Кандус взял его.

— Я должен пойти на свет и изучить медальон,— слышался голос Кандуса.— Здесь я не могу сделать этого, потому что он сразу становится невидимым в моих руках. Я скоро вернусь.

— Очень любезно с твоей стороны, Птор Фак,— поблагодарил я своего друга.— Этот медальон просто бесценен.

— Один из моих дальних предков был джеддаком,— объяснил Птор Фак,— этот медальон принадлежал ему. Он хранился в нашей семье в течение тысячелетий.

— Не беспокойся, он вернется к тебе назад,— заверил я.

— Я и не сомневаюсь,— отозвался Птор Фак.— Но, будь я даже менее уверен в исходе вашего поединка, я бы все равно поступил так же.

— Ты настоящий друг,— тронутый его словами, промолвил я.— Спасибо тебе.

— Медальон действительно бесценный,— раздался сбоку голос вернувшегося Кандуса.— Я сейчас же отправляюсь к Птантусу и попробую договориться насчет поединка.

— Не забудь, пожалуйста, и о том, что я просил тебя передать Роджас,— напомнил я.

VIII

После ухода Кандуса время потянулось медленно. Ожидание было томительным. Наконец, наступил рассвет. У меня уже почти не оставалось сомнений в том, что затея с поединком, на которую я возлагал столько надежд, провалилась. Я сидел приунывший, размышляя о той участи, которая вскоре постигнет Лану из Гатола. Она, конечно, предпочтет смерть унижительному положению наложницы какого-то негодяя, и предотвратить эту трагедию я не в силах. Мрачные мысли терзали меня, и в этот самый момент я почувствовал ласковое прикосновение знакомой руки.

— Почему ты сразу не сказал мне об этом? — спросил нежный голос.

— Ты сама не дала мне и слова вымолвить,— ответил я.— Ты просто убежала, не позволив ничего объяснить.

— Извини меня,— произнес голос.— Мне искренне жаль, что я причинила столько вреда Лане из Гатола, а теперь и тебя обрекла на верную гибель.

— Что ты имеешь в виду? — удивился я.

— Птантус велел Мотусу сразиться с тобой в поединке и убить тебя.

Я простер руки вперед и, нежно обняв Роджас, расце-

ловал ее. Меня просто распирало от счастья, и я не мог удержаться.

— Отлично! — воскликнул я. — Никто не в состоянии оценить, что ты сделала для меня.

— О чем ты говоришь? — спросила она.

— Благодаря тебе я могу встретиться с Мотусом в честном поединке, — ответил я. — Теперь, как никогда, я уверен в том, что Лана из Гатола будет спасена.

— Глупый, — печально возразила девушка. — Мотус убьет тебя.

— Надеюсь, ты придешь на поединок? — поинтересовался я, не желая ввязываться в бессмысленный спор.

— У меня нет ни малейшего желания смотреть, как тебя будут убивать, — ответила Роджас, крепче прижимаясь ко мне.

— Не стоит беспокоиться, — сказал я. — Уверю тебя: меня никто не убьет. А Мотусу не видать Ланы из Гатола, ни любой другой женщины.

— Если у него есть друзья, передай им, чтобы начинали копать ему могилу, — вставил свое веское слово Птор Фак.

— Вы оба так уверены в победе? — удивилась Роджас.

— У нас принцесса, — отозвался Птор Фак.

Это выражение означает — «у нас нет ни тени сомнений». Оно позаимствовано из игры в жетан, барсумские шахматы, в которой человек, взявший фигуру принцессы, считается победителем.

— Очень хочется верить, что так и будет, — все еще не слишком уверенно произнесла девушка. — По крайней мере, вы обнадежили меня, а если Дотар Соджат что-то говорит, трудно ему не поверить.

— Тебе известно, на какое время назначен поединок? — осведомился я.

— На сегодняшний вечер, — ответила она. — Он состоится в тронном зале дворца в присутствии всей городской знати.

— А что будет после того, как я убью Мотуса? — продолжал расспрашивать я.

— Думаю, Птантус ужасно разозлится, — сказала Роджас. — Он потеряет не только воина, но и все свои деньги, потому что поставил их на Мотуса. Однако мне пора идти, — прибавила она.

Я почувствовал, как она украдкой открывает мою

сумку. Положив в нее что-то и не произнеся при этом ни слова, она поспешно удалилась.

Поскольку Роджас сделала это, соблюдая величайшие меры предосторожности, значит, она не хотела, чтобы кто-либо посторонний узнал и о том, что именно она положила в сумку, и о том, что она вообще сделала это. Несмотря на одолевавшее меня любопытство, я решил выждать, ибо не был уверен, что за мной никто не наблюдает со стороны. Теперь меня ни на мгновение не покидало ощущение, что глаза невидимок неотступно следят за мной, а их уши жадно ловят каждое мое слово. У меня уже нервы стали сдавать от необходимости делать все и говорить с постоянной оглядкой на незримых соглядатаев.

Затянувшееся молчание нарушил Птор Фак.

— Как ты поступишь с ней? — спросил он.

Конечно, я понял, что он имеет в виду, потому что меня и самого мучил тот же самый вопрос.

— Если нам удастся выбраться отсюда, — ответил я, — возьму ее с собой в Гелиум и с помощью Деи Торис попытаюсь убедить в том, что на белом свете полным-полно мужчин, более достойных ее любви и внимания, чем я.

В меня и раньше, бывало, влюблялись разные женщины, и Дея Торис всегда приходила мне на помощь в этих затруднительных ситуациях. Она, в отличие от большинства представительниц слабого пола, не была глупа и ревнива и знала одно: сколько бы женщин ни любило меня, мое сердце навсегда отдано одной-единственной.

— Ты отчаянный парень, — заметил Птор Фак.

— Это ты говоришь потому, что не знаешь Дею Торис, — отозвался я. — Не я отчаянный парень, а она — мудрейшая женщина.

Наш разговор с Птором Факом заставил меня задуматься о Дее Торис, что, признаюсь, случается со мной не часто. Я живо представил ее в нашем мраморном дворце в Гелиуме в окружении блестящих мужчин и женщин, завсегдатаев ее салона. Я чувствовал тепло ее руки, когда мы с ней ступаем в торжественном барсумском танце, столь любимом ею. Я видел ее так отчетливо, как будто она действительно стояла в эту минуту передо мною. Так же ясно я видел Тувию из Птары, и Карториса, и Тару из Гелиума, и Гахана из Гатола —

дорогих и близких мне людей. Всех их соединили между собой узы любви и брака. Господи, сколько всего мне вспомнилось в эти мгновения!

Рука любимой ласково погладила меня по щеке, и родной голос, слегка запинаясь от волнения, произнес:

— Ты должен выжить! Ради меня. В полночь я приду снова. Жди!

И она исчезла.

Конечно, это было всего-навсего видение, игра моего воображения. Сам не могу объяснить, почему эти слова так успокаивающе подействовали на меня. Они вселили в меня уверенность, что к полуночи я буду уже на свободе.

Тут я вспомнил о том, что Роджас что-то положила в мою сумку. Осторожно раскрыв ее, я запустил туда руку. Мои пальцы нащупали несколько крупных шариков. Разумеется, я немедленно догадался, что это и есть те самые таинственные таблетки, с помощью которых человек может стать невидимым для окружающих. Подбравшись поближе к Птору Факу я при помощи оставшегося у меня куска проволоки открыл замок его колодки, а затем незаметно дал ему один из шариков, принесенных Роджас.

Прильнув к самому уху своего товарища, я прошептал:

— Возьми это, и через час ты станешь невидимым. Отправляйся в дальний конец двора и жди меня. Когда я вернусь, я тоже буду невидимым. Я дам знать о себе условным свистом, а ты отзовись.

И я просвистел небольшой фрагмент национального гимна Гелиума — сигнал, которым мы с Деей Торис пользовались довольно часто.

— Понял,— отозвался Птор Фак.

— Что ты понял? — вмешался чей-то голос.

Черт бы побрал этих невидимок! Опять кто-то из них затаился поблизости, и весь мой хитроумный план мог быть разрушен еще до того, как я успею что-либо предпринять. Знать бы, что удалось подслушать этому типу! Что он успел увидеть? Я чувствовал, что меня начинает охватывать нервная дрожь. Тут я ощутил прикосновение чьей-то руки к своей лодыжке. Колодка, разумеется, была не заперта.

— Так что же ты понял? — властным голосом повторил свой вопрос невидимка.

— Я только что рассказывал Птор Факу, как собираюсь разделаться с Мотусом,— нашелся я,— и он ответил, что все понял.

— Ты, стало быть, всерьез полагаешь, что тебе удастся убить Мотуса? — допытывался голос. — Ты, видать, полный кретин. Представляю, каково будет твое удивление! Удивиться ты, наверное, еще успеешь, а потом Мотус прикончит тебя. Вставай и пошли со мной, поединок вот-вот начнется.

Я вздохнул с облегчением. Судя по всему, этот тип не увидел и не услышал ничего существенного.

— Ладно, еще увидимся, Птор Фак,— попрощался я со своим товарищем.

— До свидания, и ни пуха ни пера,— откликнулся Птор Фак.

В сопровождении воина я двинулся по улице по направлению к тронному залу дворца Птантуса, джеджака Инвака.

IX

— Значит, ты считаешь, что в совершенстве владеешь мечом? — язвительно поинтересовался воин, который шел рядом со мной и которого теперь, под искусственным светом специальных ламп я видел вполне отчетливо.

— Да,— подтвердил я.

— Что ж, хвастунишка, скоро ты получишь хороший урок. Сомневаюсь, правда, что он пойдет тебе на пользу, потому что, когда он закончится, ты будешь уже мертв.

— Это звучит очень обнадеживающе,— отозвался я.— Но, коли ты испытываешь такую симпатию к Мотусу, лучше бы ты ободрял его. Ему сегодня очень понадобится поддержка.

— Никакой симпатии к Мотусу я не испытываю,— ответил воин.— Его никто не любит. Он мерзкая крыса, и да простят меня крысы за то, что я сравниваю с ними этого ублюдка. Мне бы очень хотелось, чтобы ты его прикончил, но, к сожалению, это невозможно. Он всегда побеждает. Имей в виду, что этот тип вечно хитрит. Следи за ним повнимательней.

— Ты хочешь сказать, что он способен на бесчестные уловки? — уточнил я.

На это воин ничего не ответил.

— Что ж, спасибо за предупреждение, — сказал я. — Надеюсь, ты останешься на поединок? Может, произойдет нечто такое, что тебя удивит.

— Я останусь непременно, — подтвердил воин. — Ничто на свете не заставит меня пропустить этот бой. Но удивляться мне придется едва ли: я наперед знаю все, что произойдет. Мотус позабавится с тобой минут пять, а потом пронзит насквозь своим мечом. Птантус, конечно, этому не очень обрадуется: он любит длинные зрелища.

— Вот как, любит долгие зрелища? — переспросил я. — Ну, что ж, он получит полное удовольствие. Я об этом позабочусь.

Сейчас я не лгал — это полностью совпадало с моими намерениями. Я успел проглотить одну из таблеток, принесенных Роджас. Действовать она начнет только через час. Конечно, едва ли удастся так растянуть наш поединок, поэтому я старался, как мог, тянуть время. Вот и сейчас, направляясь во дворец, я нарочно то и дело замедлял шаг и дважды останавливался, делая вид, будто застегиваю ремни на сандалиях.

— В чем дело? — не выдержал, наконец, мой сопровождающий. — Почему ты так тащишься? Ты что, струсил?

— Ужасно, — подтвердил я. — Все только и твердят мне о том, с какой легкостью Мотус меня прикончит. А кому же охота спешить навстречу собственной смерти?

— Я не осуждаю тебя, — великодушно заявил воин. — И торопить не стану.

— Похоже, среди вас, инваков, немало приличных людей, — заметил я.

— Конечно, — сказал воин. — А что, собственно, могло заставить тебя думать иначе?

— Пноксус, Мотус и Птантус, — коротко ответил я. Воин усмехнулся.

— Видно, ты проницательный парень, коли так быстро их раскусил. Сам знаешь, в семье не без урода.

— Насколько я успел заметить, их все ненавидят, — продолжал я. — Почему же вы до сих пор от них не избавились? Придется мне положить почин: сегодня вечером я избавлю вас от Мотуса. Хоть одним подонком станет меньше.

— Может быть, ты и в самом деле неплохо владеешь мечом, — задумчиво произнес воин, — но уж больно много ты хвастаешься. Хвастуны, как правило, сильно преувеличивают свои возможности.

— Я вовсе не хвастаюсь, — возразил я, — а только констатирую факты.

Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что разговоры о моем боевом искусстве могут показаться кому-то пустым бахвальством, однако сам себя хвастуном я не ощущаю. Кому-кому, а мне то лучше других известно, что равных мне во владении мечом нет ни на Барсуме, ни на Земле. Если не верите, спросите об этом любого, кому довелось видеть, как я сражаюсь. Разве справедливо называть человека хвастуном за то, что он констатирует очевидное? Предупредить же порой стоит, чтобы не подвергать некоторые горячие головы ненужному риску. Сражаться — моя профессия. Не найдется такого оружия, которым бы я не владел, но меч — это мой конёк. Мне по душе настоящая схватка, и я по пути во дворец уже предвкушал удовольствие, которое доставит мне предстоящий поединок — конечно, в том случае, если Мотус, действительно, такой хороший боец, как о нем говорят. Свои же силы я не переоценивал нисколько. Мне хорошо известно, на что я способен, и эта уверенность в себе не имеет ничего общего с хвастовством.

Наконец, мы вошли в тронный зал дворца джеддака. Это оказалось не то помещение, в котором происходила моя первая встреча с Птантусом. Оно было гораздо просторнее и изобиловало витиеватыми украшениями. В одном конце зала возвышались на пьедестале два трона. Оба они еще были пусты, поскольку джеддак и джеддара пока не появились. Но публика уже заполнила зал — тут было множество знатных мужчин со своими женами. Вдоль стен рядами стояли скамейки, очевидно, принесенные специально ради сегодняшнего зрелища. Они были покрыты яркими материями и подушечками. Однако никто из присутствовавших не смел садиться до появления царственных особ. Таков этикет двора.

Едва я вошел в зал, как всеобщее внимание оказалось прикованным к моей персоне. Десятки глаз с интересом разглядывали меня.

В обычном боевом облачении я, наверное, выглядел почти оборвышем среди этой разодетой в роскошные

наряды и осыпанной драгоценностями публики. Инваки, подобно другим представителям красной расы на Барсуме, — народец довольно симпатичный. Здесь, празднично одетые, они смотрелись весьма изысканно.

Вдоволь наглядевшись, собравшиеся принялись обсуждать меня.

— Он совсем не похож на обитателя Барсума, — заметила какая-то женщина.

— Но, согласитесь, этот пленный очень недурен собой, — промолвил нежный голос, который я тотчас же узнал.

Второй раз в жизни у меня появилась возможность увидеть лицо Роджас. Когда наши взгляды встретились, девушка вздрогнула. Признаюсь, она действительно была очень хороша собой. Пожалуй, красотой с ней не могла сравниться ни одна из женщин, находившихся в этой зале.

— Давайте побеседуем с ним, — предложила Роджас стоявшим рядом с ней женщине и двум мужчинам.

— О, это, должно быть, весьма занятно, — согласилась ее спутница.

Вчетвером они подошли ко мне. Роджас заглянула мне в глаза.

— Как тебя зовут? — спросила она, делая вид, будто мы видимся впервые.

— Дотар Соджат, — ответил я.

— Султан Свата, — поправил один из мужчин. — Хотя неизвестно, ни кто такой султан, ни что за страна этот Сват.

Я едва сдержал улыбку.

— Где находится Сват? — с любопытством спросила женщина.

— В Индии, — ответил я.

— Похоже, этот парень решил нас подурочить, — вспыхнул один из мужчин. — Он попросту выдумывает всякие названия. Такого места нет на Барсуме.

— Я и не утверждал, что оно находится на Барсуме, — возразил я. — До него от Барсума сорок три миллиона миль.

— Если не на Барсуме, так где же тогда? — не унимался мужчина.

— На Джасуме.

— Пошли отсюда, — обратился мужчина к своим спутникам. — Наглости этого раба просто нет предела.

— А по-моему, он очень любопытный,— сказала женщина.

— И мне тоже так кажется,— поддержала ее Роджас.

— Пользуйтесь случаем, наслаждайтесь общением с ним,— съязвил мужчина.— Через несколько минут его не будет в живых.

— Вы сделали свою ставку на это? — поинтересовался я.

— Я не знаю ни одного человека, способного одолеть Мотуса в поединке,— огрызнулся мужчина.— Нашелся только один дурак, Кандус, который поставил на тебя.

— Скверно,— заметил я.— Скверно, что люди упускают такую возможность заработать хорошие деньги.

— Ты думаешь, что победишь Мотуса? — стараясь не выдать охватившее ее волнение, спросила Роджас.

— В этом не может быть никаких сомнений,— ответил я,— ибо побеждаю всегда. А вы производите впечатление очень образованной девушки,— продолжил я.— Будь у меня возможность побеседовать с вами наедине, я бы открыл вам один маленький секрет.

Она сразу поняла, что я хочу сообщить ей что-то, не предназначенное для посторонних ушей. Конечно, я поставил ее в весьма неловкое положение, но иного пути у меня не было. Неожиданно спутница Роджас пришла мне на помощь.

— На твоём месте я бы воспользовалась этим предложением,— сказала она.— Отойдите в сторонку и побеседуйте. Думаю, будет небезынтересно послушать, что он собирается сказать.

Это ободрило Роджас, и мы с ней отошли в сторону.

— Что случилось,— спросила она.

— Лана из Гатола,— напомнил я.— Необходимо ее найти.

У нее перехватило дыхание.

— Я об этом и не подумала,— призналась она.

— Ты можешь передать ей одну из таблеток, чтобы она тоже стала невидимкой? — спросил я.

— Ради тебя, да,— ответила Роджас.— Ради тебя я готова на все.

— Отлично,— одобрил я.— Передай ей, чтобы она выходила во двор рядом с помещением, в котором живут

рабыни. Сразу после полуночи она услышит мой свист. Условный сигнал ей известен. Она должна отозваться и ждать. Сделай это для меня, Роджас!

— Ладно, но как мне объяснить своим друзьям, что заставило меня так поспешно удалиться?

— Скажи, что ты решила поставить на меня, и отправилась за деньгами.

Роджас улыбнулась.

— Великолепная мысль,— произнесла она.

Через минуту девушка, сказав несколько слов своим приятелям, покинула тронный зал.

Х

Время шло, джеддак все не появлялся, и публика изнывала от нетерпения. Мне же эта задержка была только на руку, поскольку я считал минуты до того момента, когда, наконец, стану невидимым.

Казалось, что все складывается как нельзя лучше. Когда Роджас возвратилась в тронный зал и на ходу чуть заметно улыбнулась мне, меня покинули последние сомнения. Если что-то еще беспокоило меня, то только мысль о том, что именно произойдет после того, как я прикончу Мотуса. Было совершенно очевидно, что Птантус страшно разгневан и, как заправский тиран, может приказать тут же казнить меня. Предполагая подобное развитие событий, я подумывал спастись бегством в ближайший двор, и, если к тому времени волшебная таблетка уже начнет действовать, то мне достаточно будет сделать несколько шагов, чтобы на глазах своих преследователей раствориться в воздухе, повергнув их в глубочайшее изумление. Окажись я в одном из двориков — и уже ничто не сможет помешать мне осуществить свой план побега.

Внезапно зазвучали фанфары, и публика тут же сдвинулась к стенам, освобождая центр залы. Вслед за трубачами появились джеддак и джеддара, сопровождаемые толпой пышно разряженных придворных.

Я бросил взгляд на висевшие в зале огромные часы. Они показывали ровно восемь зодов, что равно 22.48 по земному времени. К полуночи Лана из Гатола станет невидимой, если, конечно, Роджас удалось передать ей

таблетку. Вот только удалось ли? О том, что Роджас может обмануть, у меня и мысли не было. Я был уверен в том, что она выполнит обещанное.

Королевская чета, степенно прошествовав через залу, заняла свои места на троне. Знатная публика устроилась на расставленных вдоль стен скамейках.

Откуда-то неожиданно появился Мотус. Мы оказались совершенно одни в центре огромного помещения — Мотус, сопровождавший его офицер, я и мой стражник. Затем появился и пятый человек, на которого, по-видимому, были возложены обязанности судьи нашего поединка. Он подал знак, и мы впятером прошли вперед и остановились перед тронным возвышением.

— Я привел доблестного Мотуса, — начал судья, обращаясь к Птантусу, — и Дотара Соджата, султана Сва-та, которые готовы сразиться на длинных мечах в смертельном поединке.

Джеддак кивнул.

— Начинай поединок, — распорядился он, — и гляди, чтобы все было честно, — добавил он, окинув меня подозрительным взглядом.

— У меня есть основания полагать, — нахально вмешался я, — что Мотус не намерен вести честный поединок. Впрочем, для меня это не имеет никакого значения. Какие бы каверзы он ни приготовил, я все равно убью его.

Судья даже побледнел, опешив от такой неслыханной дерзости.

— Молчи, раб! — зашипел он на меня.

Он вручил мне длинный меч и велел готовиться к бою.

Вместо того, чтобы по заведенному обычаю перед началом поединка скрестить в приветствии мечи, Мотус попытался кольнуть меня клинком в сердце.

— Вот это совсем неумно с твоей стороны, — сказал я, парируя его выпад. — За эту выходку тебе придется заплатить отдельно.

— Молчи, раб, — снова одернул меня судья.

— Сам молчи, болван, — огрызнулся я в ответ. — Уйди лучше с дороги. Я не собираюсь сражаться сразу с двумя.

Между тем я нанес Мотусу удар в правую сторону груди. На его одежде проступила кровь.

Он пустился в ответную атаку. Надо отдать Мотусу

должное: он действительно неплохо владел мечом и вел бой осторожно, не теряя головы.

— Что это у тебя с лицом, Мотус? — желая разозлить противника, ехидно поинтересовался я. — Похоже, тебя здорово отлупили. Но согласись, только отпетый негодяй может ударить слепого человека.

— Молчать! — опять зарычал судья.

Я отражал атаки Мотуса, одним глазом то и дело косясь на часы. С тех пор, как я принял таблетку, прошло добрых полчаса. Пожалуй, можно позволить Мотусу задержаться на этом свете еще на полчасака. К тому времени я уже точно стану невидимым.

Обороняясь, я давал Мотусу возможность продемонстрировать все, что он умеет. Он наседали на меня то с одной стороны, то с другой, но, несмотря на все свои усилия, был неспособен прорваться сквозь надежную защиту. Его меч скользил в нескольких дюймах от меня, так и не достигая цели. Это, как я и ожидал, вывело Мотуса из себя — он начал нервничать и весь покрылся испариной. Я нанес ему ряд метких ударов. Кровь, перемешиваясь с потом, стекала с него ручьями — в общем, мой хваленый соперник, получивший несколько серьезных ран, представлял собой довольно жалкое зрелище.

Публика, как и следовало ожидать, болела за Мотуса — об этом свидетельствовали раздававшиеся в зале выкрики. Мне было известно, что, по меньшей мере, два человека рассчитывают на мою победу. Интересно, сколько еще людей, ненавидящих Мотуса, втайне симпатизируют мне, не решаясь, однако, в открытую поддержать раба.

— Я гляжу, ты изрядно утомился, Мотус, — заметил я. — Может, тебе лучше прикончить меня немедленно, пока ты не рухнул на пол в изнеможении?

— Не сомневайся, наглый раб, я тебя прикончу, — проскрежетал он зубами в ответ, — если только ты не дашь деру и будешь драться дальше.

— Еще не время кончать с тобой, — сказал я, снова взглянув на часы. — Когда пробьет одиннадцать ксатов после восьмого зода, я тебя убью.

— Молчать! — разъяренно крикнул судья.

— Что там болтает этот раб? — зычным голосом поинтересовался Птантус.

— Я сказал, — в тон джедаку ответил я, — что убью

Мотуса ровно в восемь зодов одиннадцать ксатов. Внимательнее следите за часами, Птантус, поскольку в этот самый момент вы лишитесь своих денег, а Мотус — жизни.

— Молчи, презренный! — рассвирепел Птантус.

— А сейчас, Мотус, — переходя на шепот, произнес я, — я покажу, с какой легкостью могу прикончить тебя. Когда наступит назначенный час, я именно это и сделаю.

С этими словами я в одно мгновение выбил у противника меч, так что оружие, отлетев в дальний конец залы, шлепнулось на пол.

Публика затаила дыхание. По правилам поединка я имел сейчас полное право пронзить Мотуса мечом в сердце. Однако я не стал этого делать. Опустив оружие, я повернулся к судье.

— Что ты прохлаждаешься? — прикрикнул я на него. — Лучше сбегай подбери меч Мотуса и принеси его ему, да поживее!

Мотуса била нервная дрожь. Я видел, как у него трясутся колени. Так я и подозревал: этот хваленый воин оказался заурядным трусом.

В зале между тем раздалась жидкие аплодисменты. Птантус, однако, промрачнел пуще прежнего. Похоже, он действительно за что-то возненавидел меня.

Когда Мотус, наконец, получил свой меч назад, он, не мешкая, двинулся на меня в атаку. Я отчетливо видел, что у него на уме. Этот тип намеревался немедленно прикончить меня. Пришлось разоружить его еще раз и снова отдохнуть, пока судья бегал за мечом.

Теперь Мотус стал вести себя еще более осмотрительно. По выражению его лица, я понял, что он задумал какую-то подлость. Судью мне видно не было — он отошел назад, предоставив Мотусу возможность безнаказанно выкидывать любые штучки. Среди зрителей послышался неодобрительный шум. Ни один порядочный и уважающий себя человек не согласится стать соучастником бесчестных трюков. Но задумка моих противников оказалась еще коварней, чем я предполагал.

Когда Мотус сделал очередной выпад, оттесняя меня назад, судья неожиданно оказался прямо за моей спиной. Я натолкнулся на него, а Мотус мог почти беспрепятственно нанести мне в это время удар. Это было очевидная подлость, и Птантус не мог не заметить, что

происходит, однако не подал и виду, что нарушены элементарные правила честного поединка.

Я глянул Мотусу прямо в глаза. В них, естественно, не было и проблеска стыда. В намерениях противника не оставалось ни малейших сомнений. Ему казалось, что он уже у заветной цели и вот-вот со всей силы пронзит меня мечом. Я напрягся всем телом и рванулся в сторону. В следующую секунду меч Мотуса вонзился прямо в тело судьи.

Какой шум тотчас же поднялся в зале! Одобрительные крики перемежались возгласами негодования. Внутреннее чутье подсказывало мне, что одобрение публики адресовано мне, а негодование вызвано бесчестным поведением Мотуса и судьи.

Мотус, извлекая меч из тела судьи, выглядел испуганным и удрученным, но теперь я не собирался давать ему передышки. Пора было заняться этим мерзавцем всерьез, хотя убивать его я решил еще повременить. Полоснув противника мечом по физиономии, я произнес:

— Ну, и видок у тебя, Мотус. Краше в гроб кладут. Но обещаю, что еще не так разукрашу тебя, прежде чем окончательно прикончить.

— Сволочь! — прошипел он, кидаясь на меня и яростно размахивая мечом. Я без труда отражал его атаки и на каждый его промах отвечал своим метким ударом. На его теле, сочившемся кровью, почти не оставалось живого места.

— Тебе осталось жить три ксата, Мотус, — напомнил я. — Подумай, как лучше распорядиться этим временем.

Словно вконец обезумев, он ринулся на меня. Ловко увернувшись, я с точностью хирурга отсек ему ухо. Мне подумалось, что сейчас он грохнется в обморок, но Мотус лишь пошатнулся.

Подождав, пока противник немного придет в себя, я опять занялся им. Мне захотелось вырезать мечом у него на груди свои инициалы, но там уже не осталось свободного места. От макушки до пояса Матус напоминал окровавленный ростбиф.

Весь пол в зале был залит его кровью, и, рванувшись ко мне в очередной раз, он поскользнулся и упал. Несколько секунд Мотус оставался неподвижно лежать на полу, кидая на меня полные ненависти взгляды и, очевидно, ожидая, что я вот-вот прикончу его. Но, вопервых, убивать лежачего, даже если он и такой подлец,

как Мотус, не в моих правилах, во-вторых, время еще не подошло. Поэтому я сказал:

— У тебя осталось еще полтора ксата, Мотус.

Он вскочил на ноги и опять попытался кинуться в атаку, осыпая меня грязными ругательствами. Откуда у него еще силы брались! По-моему, Мотус уже совсем одурел от боли и страха. Я не испытывал ни капли жалости к своему противнику. Он напоминал мне загнанную в угол крысу.

— Пол здесь слишком скользкий,— заметил я.— Давай перейдем поближе к трону. Джеддаку, наверное, будет интересно увидеть вблизи завершение поединка.

Не прерывая схватки, мы переместились к самому тронному возвышению.

Мне редко приходилось так наказывать кого-либо, как сейчас Мотуса, но он вполне заслужил, чтобы его как следует проучили. Сам я ощущал себя одновременно и судьей, вершащим правосудие, и палачом, приводящим в исполнение суровый, но справедливый приговор.

Бормоча что-то себе под нос, Мотус продолжал бессмысленно размахивать клинком. То ли он уже совсем спятил, то ли понял всю тщетность своих выпадов, но он уже и не целился в меня. Птантус свирепо уставился на нас. Публика в ожидании притихла, затаив дыхание. Я заметил, что многие украдкой поглядывают на часы.

— Еще один тал, Мотус,— промолвил я.

Тал равен восьми десятым земной секунды.

И тут Мотус, неожиданно повернувшись, стремглав бросился бежать к выходу из тронной залы. И откуда в этом истекающем кровью мерзавце взялось столько прыти! Зрители разом повскакивали со своих мест и неодобрительно зашумели.

— Трус! — раздались крики в зале.

Наш поединок было условлено вести до гибели одного из участников. Птантус сделал свою ставку на Мотуса, и, если я не убью его, джеддак формально выигрывал пари. Да и упускать этого подлеца живьем мне вовсе не хотелось. Что ж, покажем, что мы умеем! Я высоко поднял руку с мечом и, размахнувшись, со всей силы метнул его в убегающего противника. Пролетев по залу, меч вонзился Мотусу прямо под левое плечо, в то место, где находится сердце. Тело поверженного врага рухнуло на пол. Часы показывали ровно восемь зодов одиннадцать ксатов.

Повернувшись в сторону трона, я отвесил почтительный поклон Птантусу и его супруге. Салютовать оружием, как предусматривал этикет, я не мог, ибо меча у меня не было. Птантус на мое приветствие никак не отреагировал. Он лишь мрачно поглядел на меня и поднялся. Джеддара встала вслед за ним. Вновь зазвучали фанфары, и королевская чета в окружении придворных двинулась к выходу, старательно обходя залитые кровью места.

Едва джеддак и джеддара покинули зал, как ко мне подошел сопровождавший меня воин.

— Пошли! — сказал он, подталкивая меня в плечо. — Все, чего ты добился, — быть возвращенным обратно на цепь к своему дереву.

— Не скажи, — возразил я, — мне удалось достичь большего: я отомстил подлому трусу и чувствую себя вполне удовлетворенным.

С этими словами я направился вместе со своим охранником к выходу из зала.

Между тем публика, провожая нас взглядами, принялась аплодировать. Сначала раздалось несколько робких хлопков, но вскоре их поддержали чуть ли не все присутствующие. В общем, я покидал поле битвы под громогласные овации.

— Такое редко случается, — заметил воин. — Но ты вполне заслужил восторг и похвалы. На Барсуме, думаю, не выдывали поединков, подобных нынешнему. А я-то, болван, считал тебя хвастуном.

И он, не удержавшись, рассмеялся над самим собой.

По пути к месту моего постоянного заключения нам предстояло пройти через несколько открытых дворов. Если я внезапно исчезну на глазах сопровождающего меня воина, он, наверняка, догадается, что мне удалось завладеть их таинственными таблетками, и тут же поднимет тревогу. Начнется невероятная суматоха, которая, если не расстроит мои планы вовсе, то, по крайней мере, существенно осложнит их исполнение. Неизвестно, что они предпримут, узнав, что я стал невидимым и оказался на свободе, но я бы на их месте первым делом выставил охрану возле аэроплана. Очень может быть, что именно так поступят и инваки.

Другое дело, если они не догадаются, что я стал невидимкой. Ну, положим, я сбежал из-под стражи. Сам по себе этот факт не вызовет у них особого беспокойства, ибо инваки ни на минуту не усомнятся в том, что рано или поздно схватят меня. Даже если они додумаются выставить охрану около аэроплана, мне будет гораздо проще обмануть воина, ничего не подозревающего о моем превращении и превращении моих друзей. Пока нас обнаружат, мы успеем не только забраться на борт корабля, но и взлететь.

Поэтому, как только мы приблизились к первому попавшемуся по пути двору, я внезапно бросился бежать от своего охранника со всей прытью, на какую был способен. Ошарашенный воин сначала несколько раз окликнул меня, приказывая остановиться, а когда понял, что его призывы не оказывают никакого действия, пустился вдогонку. У выхода во двор я метнулся за угол. Таким образом, я должен был хоть на время исчезнуть из поля зрения своего преследователя.

Должен признаться, что сердце у меня колотилось так, будто собиралось вот-вот выскочить из груди. Отнюдь не короткая пробежка была тому причиной. Я ведь так и не знал точно, началось уже действие таблетки или нет.

Уже в следующий момент мои страхи и опасения рассеялись: стоило мне выскочить из освещенного коридора, как я тотчас же растаял в воздухе. Хоть я и ждал такого результата, он меня поразил. Моя голова соображала, руки и ноги двигались, и в то же время меня словно и не существовало. Ощущение было новым и удивительным.

Действуя по намеченному плану, я помчался в дальний угол двора и осторожно принялся взбираться на городскую крышу.

Мне было слышно, как воин мечется по двору, окликающая меня. Представляю, как изумило его мое исчезновение! Не догадываясь о том, что я мог стать невидимым, он должен был просто теряться в догадках, куда я подевался. Единственное, что оставалось предположить — не побежал ли я к входу на другую улицу, однако стражник не мог не понимать, что для этого у меня было слишком мало времени.

Оставив беднягу терзаться недоумениями и мало беспокоясь о том, что он предпримет дальше, я напра-

вился по крыше вперед в поисках того двора, где велел дожидаться своего прихода Птор Факу и где надеялся ровно в полночь встретиться с Роджас. Мне нужно было торопиться — до назначенного часа оставались считанные минуты. Полночь наступает на Барсуме в двадцать пять ксатов после восьмого зода.

Сутки на Марсе делятся на десять зодов, ксат состоит из четырех талов, а в каждом зоду их двести. На циферблат марсианских часов нанесены четыре концентрических круга. Между внутренним кругом и следующим внешним обозначены зоды — с первого по десятый, в следующем круге между каждыми двумя зодами отмечены ксаты — от первого до пятидесятого, и, наконец, во внешнем круге расписаны все двести талов. У часов на Марсе трехцветный циферблат и стрелки различной длины: одна указывает зод, другая — ксат, а самая длинная — тал.¹

Двор, в котором должна была произойти моя встреча с друзьями, я нашел без особого труда. Спустившись с крыши на землю, я подал условный сигнал, и Птор Фак тут же отозвался на мой свист. Только по свисту мы и определили местонахождение друг друга: мой товарищ был так же невидим, как и я.

— Ты отлично выглядишь, — пошутил Птор Фак, и мы оба рассмеялись. — Кажется, на расправу с Мотусом тебе потребовалось больше времени, чем ты рассчитывал?

— Мне пришлось умышленно затянуть поединок, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что таблетка уже начала действовать, — объяснил я.

— Что теперь? — поинтересовался Птор Фак.

Я наощупь отыскал его голову и приблизил губы вплотную к его уху:

— После того, как придет Роджас, мы по крыше доберемся до здания, в котором содержат женщин-рабынь, и вызволим из неволи Лану из Гатола. Пока же забирайся на это дерево, нависающее над городской крышей, и жди нас наверху.

— Свистни, когда будете подниматься, — сказал он, забираясь на крышу.

¹ На моем столе лежит изображение циферблата марсианских часов, нарисованное для меня Джоном Картером много лет тому назад. (Прим. автора).

Быть невидимкой, как я все больше убеждался, довольно обременительно и неприятно. Твое тело как будто бы вовсе не существует, есть только голос вне всякой видимой материальной субстанции. Я сейчас был именно таким голосом, стоящим посреди двора, который, возможно, кишел врагами. Правда, я не слышал никаких подозрительных звуков, свидетельствующих о том, что поблизости находятся невидимки, но это еще ни о чем не говорило. Инваки даже оружие умудряются носить таким образом, что при ходьбе не раздается привычного бряцания.

И, поскольку надо было ожидать, что, узнав о моем побеге, инваки немедленно приступят к поискам, я бы ничуть не удивился, если бы обнаружилось, что в этом безмолвном и внешне как будто пустом дворе полным-полно вражеских воинов.

Поджидая прихода Рождас, я старался не двигаться и стоять на одном месте, чтобы случайно не натолкнуться на кого-либо из пересекающих двор невидимок. Мне казалось, что эта мера предосторожности является далеко не излишней, но, разумеется, я не мог уберечься от того, чтобы кто-нибудь из них не натолкнулся на меня. Именно это, в конце концов, и случилось. Я почувствовал на себе прикосновение чьих-то рук, и грубый голос спросил:

— Кто ты такой?

Веселенькая получалась история. Что мне было делать? Можно было, конечно, попробовать выдать себя за инвака, но я так мало знал об этих людях, что рисковал тут же попасть впросак и быть разоблаченным. Неожиданно мне пришла в голову недурная мысль.

— Я — призрак Мотуса, — замогильным голосом отозвался я. — Я брожу в поисках своего убийцы, но, похоже, здесь его нет.

Незнакомец мгновенно отдернул руки и отпрянул от меня. Но тут вмешался другой голос:

— Какой это призрак Мотуса! Что за ерунда! Я узнал его — это голос того самого раба, который прикончил Мотуса. Хватайте его!

Я метнулся в сторону и угодил прямо в объятия того, кто только что велел меня схватить.

— Я его поймал! — завопил голос. — Признавайся, подлый раб, как тебе удалось завладеть секретом и стать невидимым?

Не теряя времени на объяснения с незнакомцем, я пошарил рукой в поисках рукоятки его меча. Выхватив оружие, я произнес:

— Ты ошибся, парень!

И вонзил меч в то место, где, по моим расчетам, у голоса должно было располагаться сердце.

В ответ раздался жуткий вопль, но объятия раскрылись, и я снова оказался на свободе. Не опуская меч, я повернулся и побежал к дереву, по которому Птор Фак забрался на крышу. По пути я задел кого-то плечом, однако успел добраться до дерева без дальнейших осложнений.

Едва я вскарабкался на нижнюю ветку, где можно было спокойно, без риска быть обнаруженным, дожждаться Роджас, как послышался тихий свист. Это пришла Роджас.

— Кто свистел? — тут же раздался вопрос со двора. Ответа не последовало.

Кажется, двор и в самом деле был наводнен инваками.

Сказать честно, Роджас появилась в самое неподходящее время, и я решил пока не давать ей знать о себе. Однако Птор Фак, тоже слышавший свист и, очевидно, решивший, что это я подаю ему условный сигнал, просвистел о ответ. Ничего хуже нельзя было и придумать.

— Ага, они на крыше! — раздался торжествующий крик. — Скорее туда по этому дереву.

Поскольку на единственном дереве, по которому можно было забраться на крышу, сидел я, то меня вот-вот должны были обнаружить. Оставалось одно — не мешкая, лезть на крышу самому, что я и сделал.

Не успел я пройти и дюжины шагов по крыше, как опять с кем-то столкнулся.

— Зоданг? — шепотом спросил я.

Мне не хотелось называть Птор Фака по имени, поэтому я произнес название его родной страны, надеясь, что он сообразит.

— Да, — прозвучал ответ.

— Найди аэроплан и стой рядом с ним, пока я не приду.

В ответ он молча пожал мою руку, давая понять, что в точности выполнит мое приказание.

Между тем макушка дерева, по которому я залез на крышу, раскачивалась из стороны в сторону. Вероятно,

целый отряд преследователей лез на крышу вслед за мной, хотя, как они собирались найти меня, я ума не приложу.

Ситуация была презабавная — по меньшей мере дюжина человек находилась сейчас на крыше и, возможно, еще столько же — во дворе, где, как я знал, ждала меня Роджас; при этом и крыша, и двор казались совершенно пустыми, на них не было видно ни души. Эту иллюзию мог развеять разве лишь какой-нибудь звук. Неожиданно я услышал прямо перед собой мужской голос:

— Наверное, он пошел в ту сторону. Так ближе всего до городской стены. Спрыгни вниз и заберись на крышу рядом со стеной.

— Это пустая трата времени, — отозвался второй. — Ему удалось заполучить секрет и стать невидимым, и нам никогда не удастся его найти.

— По-моему, это вообще был не он, — вмешался третий. — Раб никак не мог стать невидимым. Голос, без сомнения, принадлежал призраку Мотуса.

Голоса между тем отдалялись от меня все дальше и дальше. Похоже, все воины, находившиеся во дворе, отправились искать меня на крыше. Теперь можно, особенно не опасаясь, спуститься во двор. Подойдя к краю крыши, я легко спрыгнул вниз. С минуту я постоял, не двигаясь и всюю напрягая свою интуицию, чтобы попытаться уловить присутствие рядом посторонних. Кандус уверял, что инваки умеют это делать — у меня же не вышло ни черта. Может, рядом со мной никого и не было. Не слишком доверяя этой утешительной догадке, я все же тихонько свистнул. Ответ донесся из другого конца двора. Я ждал. Вскоре условный свист раздался уже ближе, и я ответил. Через мгновение рука Роджас прикоснулась ко мне.

Из опасения привлечь внимание еще каких-нибудь преследователей я не произнес ни слова, а взял девушку за руку, подвел к дереву и помог взобраться на крышу.

— Где мой аэроплан? — шепотом спросил я.

Она взяла меня за руку и повела в направлении, перпендикулярном тому, в котором умчались мои преследователи.

Мы шли с ней бок о бок, боясь потеряться. Вскоре я увидел свой аэроплан, залитый мягким светом дальней луны. На душе у меня сразу полегчало.

— Здание, в котором живут женщины-рабыни, нахо-

дится где-то поблизости, не так ли? — по-прежнему шепотом спросил я у Роджас.

— Совсем рядом,— ответила она, и мне даже показалось, что рукой девушка показала в ту сторону, куда нам предстояло идти. Затем она подвела меня к краю крыши. Внизу находился очередной двор.

ХП

Мы с Роджас, взявшись за руки, стояли на краю крыши, бессмысленно вглядываясь во двор, на котором не было видно ни души, что, разумеется, вовсе не означало, что он действительно был безлюден.

— Ты дала Лане из Гатола таблетку? — уточнил я на всякий случай.

— Да,— подтвердила Роджас.— К этому времени она уже должна стать невидимой.

Девушка сжала мою руку.

— Как ты здорово дрался,— восторженно произнесла она.— Все поняли, что ты мог прикончить Мотуса в любой момент, но я все никак не могла сообразить, отчего ты с ним так долго возишься. Птантус совершенно вне себя от ярости. Он приказал немедленно казнить тебя.

— Роджас,— начал я, осторожно подступая к щекотливой теме.— Ты по-прежнему уверена, что тебе следует отправиться вместе со мной? Все твои друзья и родные останутся здесь, в Инваке, и ты можешь почувствовать себя очень одинокой и несчастной в моей стране.

— Я буду счастлива везде, если рядом будешь ты,— ответила она.— Если ты не возьмешь меня, я покончу с собой.

Вот и поговори с ней. Надо же было мне впутаться в историю, которая может закончиться либо весьма двусмысленно, либо трагически. Я чувствовал себя виноватым перед Роджас и испытывал ужасную неловкость из-за той роли, которую вынужден был играть. Утешало только то, что другого выхода из этой ситуации не было. Вопрос стоял так: либо счастье Роджас, либо жизнь Ланы из Гатола да вдобавок жизнь Птор Фака и моя. Я не сомневался, что поступил разумно, однако это меня все равно не успокаивало.

Повинуясь привычке, я искал глазами Лану из Гатола, которая должна была уже находиться во дворе. Наконец, осознав тщетность своих усилий, я усмехнулся собственной глупости и тихонько посвистел. Ответ не заставил себя ждать, и я быстро спрыгнул с крыши вниз. Нам потребовалось совсем немного времени, чтобы отыскать друг друга, и поскольку никаких посторонних звуков слышно не было, я решил, что мы во дворе одни.

Лана прикоснулась к моей руке.

— Я уж думала, что ты никогда не придешь,— жалобным голосом произнесла она.— Роджас сообщила мне о твоём поединке с инваком. Конечно, я не сомневаюсь в том, что ты владеешь мечом искусней всех прочих, но ведь всякое может случиться! Наконец-то ты здесь. Как странно знать, что ты рядом, и не видеть тебя при этом! Я страшно перепугалась, когда, войдя в этот двор, поняла, что не вижу собственного тела.

— Это чудо, превращающее людей в невидимок, поможет нам вырваться отсюда,— ответил я.— Только чудо и могло нас спасти. Теперь пора наверх, на крышу.

В этом дворе не было дерева, по которому можно было бы забраться на крышу, а расстояние до нее от земли составляло не меньше пятнадцати футов.

— Тебе предстоит небольшое испытание, Лана,— обратился я к девушке.

— Что ты имеешь в виду?

— Я собираюсь забросить тебя на крышу,— пояснил я.— Надеюсь, ты приземлишься удачно.

— Я готова,— ответила она.

Крышу я видел хорошо. Беда заключалась в том, что Лана была невидима. Оставалось надеяться лишь на то, что я все рассчитаю точно.

— Стой прямо и не дергайся,— проинструктировал я девушку,— пока я тебя не отпущу. Всякое может произойти, но я надеюсь, что падать будет не очень больно. Вся крыша поросла виноградником, и ты не должна ушибиться.

— Давай, я готова,— поторапливала меня Лана.

Я взял девушку правой рукой за ноги, чуть выше колен, и велел ей опереться на мое левое плечо. Затем я подбросил ее вверх.

Превратившись в невидимку, Лана из Гатола, однако, не стала невесомой. Услышав глухой звук, свидетельствующий о том, что девушка благополучно призем-

лилась на крышу, я вздохнул с облегчением. Запрыгнуть наверх вслед за нею для меня не представляло никакого труда. Условный свист помог нам троим найти друг друга, и рука об руку мы двинулись по направлению к аэроплану.

Чем ближе приближались мы к моей машине, тем более обуревали меня опасения. Аэроплан, вполне возможно, охранялся вооруженными воинами-невидимками. У нас же был только один меч на всех — тот самый, которым я убил инвака, пытавшегося схватить меня во дворе. Может, какое-нибудь оружие есть у Роджас?

— У тебя есть меч, Роджас? — спросил я.

— Да, — ответила она. — На всякий случай я захватила его с собой.

— А пользоваться мечом ты умеешь?

— Мне никогда не приходилось сражаться, — честно призналась она.

— Тогда отдай его Лане из Гатола, она владеет этим оружием, и довольно сносно.

Футах в ста от аэроплана мы остановились. Момент наступил решающий. Хотя, боясь привлечь внимание стражников, которые, возможно, находились здесь, я и опасался свистеть, другого выхода дать знать Птор Факу о нашем приближении все равно не было. На мой условный сигнал немедленно последовал ответный свист, донесшийся от аэроплана. С минуту я прислушивался, не раздадутся ли голоса или просто подозрительные звуки, свидетельствующие о присутствии врагов, но все было спокойно.

Мы быстро двинулись вперед. Я помог девушкам забраться на борт корабля.

— Где ты, Птор Фак? — окликнул я своего друга. — Ты здесь один?

— Я на палубе, — отозвался он. — По-моему, вокруг больше нет ни души.

— А мне казалось, что здесь должны находиться все воины Инвака, — сказал я, садясь к штурвалу и запуская мотор.

Через минуту наш маленький, вёрткий аэроплан взмыл в небо, и почти тут же снизу донеслись яростные крики и проклятия. Инваки заметили, что на корабле кто-то есть, но слишком поздно. Помешать нам они уже не смогли. Мы были спасены. Нам удалось совершить то, что еще несколько часов назад казалось совершенно

невозможным. О каком побеге можно было мечтать, когда мы с Птор Факом сидели на цепях, прикованные к дереву, а Лана из Гатола томила в неволе совсем в другой части города?!

— Мы стольким обязаны Роджас,— напомнил я.

— Тебе будет совсем несложно отблагодарить меня,— довольно недвусмысленно заметила та,— и, надеюсь, ты сделаешь это не без удовольствия для себя.

Я содрогнулся от одной мысли о том, на что она намекает. Судя по всему, для меня наступали скверные времена. Уж лучше с мечом в руках столкнуться с дюжиной самых свирепых головорезов, чем иметь дело с разъяренной женщиной, сердце которой к тому же разбито несчастной любовью! Мне следовало бы объясниться с Роджас еще до того, как мы прилетим в Гелиум. Я решил подождать, пока мы снова станем видимы друг для друга, и уж тогда начать выяснять отношения.

Может, как раз проще было бы сделать это сейчас, пользуясь положением невидимки, чтобы не пришлось смотреть ей в глаза. Однако я рассудил, что такой поступок с моей стороны был бы трусливым — и малодушным.

— Мы направляемся прямо в Гелиум, Джон Картер? — спросила Лана из Гатола.

— Да,— подтвердил я.

— Интересно, что они подумают, когда увидят приземляющийся аэроплан, на борту которого нет ни единого человека?

— Нам лучше подождать, пока действие таблеток прекратится, и лишь тогда появляться в городе. Не вздумайте больше принимать эти таблетки,— строго предупредил я.

— Кто такой Джон Картер? — разволновалась Роджас.— На борту находится кто-то еще, кого я не знаю?

— Джон Картер — это я,— успокоил ее я.— Дотар Соджат — это мой временный псевдоним.

— Значит, ты не султан Свата? — продолжала допытываться она.

— Нет,— честно признался я.— Я не султан.

— Ты обманул меня!

— Извини, Роджас,— попытался оправдаться я.— Я вовсе не хотел тебя обманывать. Как ты помнишь, тебе я никогда не говорил, будто являюсь султаном

Свата. Так я представился одному из воинов, привязавшихся ко мне.

Если уж так она разозлилась из-за того, что я назвался вымышленным именем и выдал себя за султана, можно представить, как она рассвирепеет, выяснив, что я не люблю ее и что у меня уже есть жена! У меня было такое ощущение, какое, должно быть, испытывает угорь на раскаленной сковородке. Тем не менее я решил взять быка за рога и, воспользовавшись случаем, окончательно объясниться с Роджас.

— Роджас,— начал я,— у меня не было намерений вводить тебя в заблуждение насчет того, кто я и как меня зовут. Однако так случилось, что я обманул тебя в другом, более важном.

— О чем ты говоришь? — удивилась она.

— Я воспользовался твоей дружбой, чтобы освободить Лану из Гатола. Я лгал, уверяя, будто люблю тебя. На самом деле я женат и не питаю к тебе никаких чувств, кроме глубочайшей благодарности за то, что ты сделала для всех нас.

Я примолк, ожидая взрыва. Но взрыва не произошло. Ни истерических криков, ни упреков, ни рыданий... Вместо этого раздался слабый смешок. Я подождал еще. Молчание. Тишина становилась угнетающей. На месте Роджас я бы пронзил обманщика кинжалом или выбросился с горя за борт — не случилось ни того, ни другого. Возможно, ошарашенная моим неожиданным признанием, Роджас помутилась рассудком? Мне хотелось бы хоть одним глазом взглянуть на нее, и в то же время я был рад, что сделать это невозможно. Слава Богу, что и меня в тот момент никто не видел, ибо я чувствовал себя полным идиотом.

Говорить было решительно нечего, и молчание грозило затянуться до бесконечности. Внезапно его нарушила Лана из Гатола.

— Как долго еще мы будем оставаться невидимыми? — поинтересовалась она.

— С того момента, как ты приняла таблетку, ее действие продолжается в течение десяти зодов,— пояснила Роджас.— Сначала стану видимой я, потом либо Джон Картер, либо Птор Фак, которые, видимо, приняли таблетку примерно в одно время. Ты возвратишься в обычное состояние последней.

Голос Роджас звучал совершенно спокойно — ни

нервозности, ни огорчения в нем не слышалось. Я совершенно не понимал поведения этой девицы!

Может быть, она попросту затаилась, выжидая момент, когда представится случай жестоко отомстить мне за коварство? У меня было достаточно времени поразмыслить об этом, пока длился наш перелет в Гелиум.

ХІІІ

Едва рассвело, как я стал свидетелем совершенно ошеломившего меня явления — возле себя я заметил некое подобие тени. Медленно эта тень превращалась в фигуру человека, во крови и плоти. Роджас материализовывалась! Действие таблетки заканчивалось, и Роджас становилась нормальной девушкой, со всеми подобающими ей формами. Она сладко потянулась и принялась озиаться по сторонам, любуясь утренним марсианским пейзажем, который и вправду был изумителен. Тень счастливой улыбки промелькнула на ее губах. Чем-то она напоминала кошку, только что пойманную канарейку и теперь блаженствующую в предвкушении расправы со своей жертвой.

— Каор! — обратился я к ней с традиционным барсумским приветствием, которое можно перевести и как «Доброе утро!», и как «Здравствуй!», и как «Привет!»

Роджас бросила взгляд в мою сторону, но увидеть меня она не могла — я все еще оставался невидимкой.

— Каор! — улыбаясь ответила она. — Ты, должно быть, утомился, Джон Картер. Ты ведь не спал всю ночь.

— Я посплю, когда проснется Лана из Гатола, — ответил я. — Она умеет управлять кораблем не хуже меня.

— Мне никогда не приходилось бывать нигде, кроме Леса Инваков, — заметила Роджас. — Какие здесь, однако, однообразные и тоскливые места!

— Я думаю, в Гелиуме тебе понравится, — ответил я. — Там очень красивые города.

— Не сомневаюсь в этом, — сказала девушка. — Я жду — не дождусь, когда окажусь в Гелиуме вдвоем с тобой, Джон Картер!

Интересно, что Роджас хотела сказать этими слова-

ми? Какая, однако, загадочная особа! Я отказался от попыток понять ее. Вскоре подала голос Лана из Гатола — значит, она уже проснулась. Я попросил ее сменить меня за штурвалом, так как действительно немного устал.

— Нам придется немного покружить возле Гелиума, пока мы все не станем снова нормальными людьми, — предупредил я Лану, отправляясь спать.

Лишь глубокой ночью действие таблеток, наконец, прекратилось, и мы все возвратились в свое естественное состояние. К утру мы были уже близ Гелиума. В воздухе на подходе к городу нас встретил патрульный корабль, который, опознав мою машину, вызвался сопровождать нас на посадку. Офицер и все члены команды не в силах были сдержать радость, увидев меня и Лану из Гатола на борту аэроплана живыми и невредимыми. Патрульный корабль проводил нас до самого ангара на крыше моего дворца, где нас ожидала небывало пышная встреча. Сколько было радостных восклицаний и слез — ведь ни меня, ни Лану никто уже больше не надеялся увидеть в живых!

Первым делом я нежно обнял Дею Торис. Лана из Гатола, Птор Фак и Роджас в это время стояли у меня за спиной. Повернувшись, я представил своей супруге Птор Фака и Роджас.

— Если бы не Роджас, — признался я Дее Торис, — не быть бы нам сейчас здесь.

И я вкратце поведал своей несравненной жене историю наших злоключений в Инваке.

Я внимательно наблюдал, как Дея Торис, взяв Роджас за руки, поцеловала ее в лоб. В ответ девушка, к моему удивлению, обняла мою супругу и прильнула губами к ее губам. Нет, она была просто непостижима!

После торжественного завтрака Дея Торис заинтересовалась, что я намерен предпринять дальше.

— Нужно немедленно встретиться с Тардос Морсом, — ответил я. — Договорюсь с ним об отправке нашего военного флота в Гатол и тут же вылету туда сам, один, на разведку.

— Почему один? — воскликнула Дея Торис. И тут же, опомнившись, прибавила, — впрочем, зачем я спрашиваю? Ты всегда все делаешь в одиночку!

Уладив с Тардос Морсом все проблемы, я вернулся во дворец, чтобы попрощаться с Деей Торис. Проходя

через сад, я заметил одиноко сидящую Роджас.

— Подойди на минутку ко мне, Джон Картер,— окликнула меня она.— Мне нужно тебе кое-что сказать.

«Ну, вот и начинается»,— подумал я. Конечно, рано или поздно это должно было случиться, и уж лучше отделаться поскорее.

— Ты обманул меня, Джон Картер,— произнесла девушка.

— Знаю,— не пускаясь в оправдания, ответил я.

— Знал бы ты, как я рада, что все так получилось,— неожиданно заявила она.— Я ведь тоже тебя обманула. Разумеется, я искренне восхищалась тобой, Джон Картер, но никогда не любила тебя. Мне было известно, что ты прилетел в Инвак на аэроплане, и я подумала, что с твоей помощью смогу бежать из этого ненавистного мне города, где я была ужасно несчастна и одинока. Но вот захочешь ли ты взять меня с собой? В этом я вовсе не была уверена. Ради того, чтобы сбежать из Инвака, я готова была душу продать. Так что разыгрывая из себя влюбленную, я преследовала свои корыстные цели. Мне и в голову не приходило, что ты тоже обманываешь меня, поэтому я чувствовала себя крайне неловко. Ты не можешь представить, какая гора свалилась с моих плеч, когда ты во всем признался. Я слишком восхищаюсь тобой и не могу даже мысли допустить о том, чтобы стать причиной твоего несчастья.

— Зачем же ты делала вид, будто ревнуешь меня к Лане из Гатола? — недоуменно спросил я.

— Чтобы все выглядело естественно,— пояснила Роджас.

— Как я рад, что все разъяснилось,— облегченно вздохнул я.— Ты сняла такой груз у меня с души! Надеюсь, тебе понравится в Гелиуме и ты устроишь здесь свое счастье.

— Мне здесь уже нравится,— подтвердила Роджас.— Я успела подружиться с Деей Торис, и она предложила мне остаться у нее.

— Тогда я совершенно уверен, что у тебя все будет в порядке,— заверил ее я.

— Я тоже не сомневаюсь в этом,— ответила девушка.— Мне уже довелось видеть здесь немало красивых мужчин. Не может же быть, чтобы все они оказались женаты!

Полет в Гатол прошел без приключений. Перед выле-

том из Гелиума я принял одну из оставшихся у меня таблеток и в Гатол прибыл уже невидимкой.

Приближаясь к городу, я обратил внимание на то, что осаждающих его воинов стало значительно больше, да и количество кораблей увеличилось, по крайней мере, на сотню с тех пор, как я был здесь последний раз и похитил «Дусар» с летного поля. Теперь тут находилось немало тяжелых боевых машин и несколько транспортных аэропланов.

Навстречу мне в воздух поднялись патрульные машины. На моем аэроплане не было никаких опознавательных знаков, и на оклики я тоже не отвечал. Панары летели борт о борт со мной, и я отчетливо слышал, как, обнаружив, что на корабле никого нет, они удивленно загалдели.

Кажется, это чудо сильно перепугало их — во всяком случае, ни один из панаров не рискнул перебраться на борт моего аэроплана, и мне беспрепятственно позволили продолжать полет.

Я приземлился на летном поле, поставив свою машину с самого края. Один из патрульных кораблей сел рядом. Тут же невесть откуда появилась целая толпа солдат и офицеров, направившихся к моему аэроплану.

— На этом корабле прилетела сама Смерть, — услышал я чей-то испуганный голос. — Если не хотите погибнуть, лучше не приближайтесь к нему и не пытайтесь забраться на борт.

Воины тут же остановились, а некоторые, недолго раздумывая, обратились в бегство. Я выпрыгнул из аэроплана и принялся прогуливаться по полю, надеясь подслушать кое-какие разговоры и из них почерпнуть необходимые мне сведения. Но повсюду только и было толков, что о загадочном корабле, прилетевшем без пилота и команды. Их инсинуации на сей счет меня нисколько не интересовали. Я двинулся дальше, по направлению к флагманскому кораблю. Мне удалось беспрепятственно подняться на его борт, миновав стражу, выставленную у трапа. Я спокойно разгуливал в стане врага, никем не замечаемый, стараясь случайно не столкнуться с кем-нибудь по пути. Панары, естественно, обнаружить меня не смогли.

Я вошел в каюту командующего флотом. Тот сидел за столом в окружении нескольких офицеров высшего ранга и давал им указания.

— Как только Хин Абтол возвратится из Панкора, — говорил он, — мы немедленно забросим в город несколько тысяч воинов на эквilibро-моторах. Захватив Гатол и сделав его нашим опорным пунктом, мы двинемся дальше, на Гелиум, с армией в миллион воинов.

— Когда ожидается прибытие Хин Абтола? — поинтересовался один из присутствующих.

— Сегодня вечером или завтра утром, — ответил командующий. — Он приведет с собой огромный воздушный флот.

Итак, кое-что о планах противника мне удалось узнать, и я принялся обдумывать, что следует предпринять мне дальше. Покинув флагманский корабль, я вернулся на свой аэроплан, который оказался окружен множеством любопытствующих, разглядывающих его с безопасного расстояния.

Не так-то просто было пробраться сквозь эту плотную толпу, никого не задев и не выдав своего присутствия. Наконец, я поднялся на борт и сел за штурвал.

Когда корабль, по-прежнему без единого человека на борту, взмыл в воздух, панары в панике заметались. Послышались полные ужаса вопли:

— Это Смерть! Смерть сидит за штурвалом аэроплана!

Я сделал над обезумевшей толпой низкий круг.

— Да, это Смерть! — выкрикнул я, стараясь придать своему голосу зловещие интонации. — Я покараю всякого, кто осмелится пойти в атаку на Гатол!

И, свечой взмыв вверх, я развернул свой корабль в сторону Панкора.

Отлетев на достаточное расстояние, с которого меня уже не могли видеть воины, я начал кружить в воздухе, поджидая Хин Абтола с его мощным флотом.

Наконец, я увидел приближающиеся корабли. Их было действительно огромное количество. Если Хин Абтола не остановить, подумал я, он с такими силами захватит и полностью разграбит Гатол.

Я направил свой аэроплан к флагманскому кораблю Хин Абтола. Само по себе мое появление не вызвало у неприятеля тревоги — что может поделать один маленький аэроплан против такого количества кораблей! Однако стоило членам команды заметить, что на борту приближающегося аэроплана нет ни души, как их любопытство перешло все границы. Они столпились на палу-

бе возле перил и вовсю таращили глаза, не переставая дивиться загадочному явлению.

Описывая круги, я подлетал все ближе и ближе. Мне уже был хорошо виден Хин Абтол, стоявший со своими офицерами на мостике и, кажется, не меньше всех остальных удрученный появлением странного аэроплана.

Самозванный джедак джедаков даже перегнулся через перила, чтобы лучше разглядеть диковинное явление. Решив до конца удовлетворить его любопытство, я подлетел совсем близко — так, что крылом своего аэроплана слегка задел за борт его корабля.

Пристально изучив глазами палубу и кабину пилота, Хин Абтол воскликнул:

— Да там никого нет! Аэроплан движется без команды, сам по себе. Проклятие! Им удалось создать корабль с дистанционным управлением!

Развернув свою машину и застопорив ее в этом положении, я легко перепрыгнул на палубу флагманского корабля панаров и, схватив Хин Абтола, перебросил его через перила на борт своего аэроплана. Секундой позже я уже сидел за штурвалом и, одной рукой придерживая пленника, под изумленные крики панаров, перемежающиеся воплями ужаса, направил аэроплан вниз.

Следом за нами увязалось несколько небольших машин противника, но я знал, что им никогда не догнать меня, а стрелять они не решатся из опасения убить Хин Абтола.

Хин Абтол, весь трясущийся и почти парализованный от страха, валялся возле меня. У него зуб на зуб не попадал.

— Что это? — наконец, удалось выговорить ему. — Что ты собираешься делать со мной?

Я не ответил, полагая, что мое молчание вселит в него еще больший ужас. Так и случилось. Вскоре он умоляющим голосом опять обратился ко мне. Но я был нем по-прежнему.

Рано утром следующего дня я увидел приближающийся с юго-востока воздушный флот Гелиума, направленный Тардос Морсом на помощь Гатолу.

Пока мы сближались с кораблями Гелиума, действие таблетки прекратилось, и я предстал во всей своей красе перед изумленным Хин Абтолом.

— Кто ты такой? Откуда ты взялся? — воскликнул он.

— Я тот самый человек, аэроплан которого ты украл в Хорце,— ответил я.— Я тот, кто забрал его у тебя из-под носа в Панкоре вместе с Ланой из Гатола, которую ты пытался сделать своей наложницей. Я — Джон Картер, Принц Гелиума, Бог войны Барсума. Доводилось слышать о таком?

Незадачливый покоритель планеты молчал, в ужасе тараща на меня глаза.

Подлетая к флоту Гелиума, я открыл свои опознавательные знаки Принца Гелиума, и с борта каждого корабля, мимо которого мы пролетали, нас встречали радостными приветствиями.

Конец этой истории таков — воздушный флот Гелиума полностью уничтожил все корабли Хин Абтола, а армия начисто разбила его войско, осаждавшее Гатол.

Когда эта недолгая война завершилась, мы освободили около миллиона человек, замороженных в Панаре, и я возвратился, наконец, в Гелиум, к своей несравненной Дее Торис, надеясь никогда больше не разлучаться с ней.

Со мной возвратились также Пан Дан Чи и Яд-хан, которых мы обнаружили среди других пленников Панары. Что касается Пан Дан Чи и Ланы, то, хотя мне не довелось лично присутствовать при их встрече, Дея Торис заверила меня, что страдания и тревоги, которые пришлось пережить ороварскому парню ради любви к прекрасной девушке из Гатола, были щедро вознаграждены.

**ДЖОН КАРТЕР,
ЖИТЕЛЬ МАРСА**

ЧАСТЬ I

ДЖОН КАРТЕР И МАРСИАНСКИЙ ГИГАНТ

I

ПОХИЩЕНИЕ

Марсианские луны глядели вниз на гигантского марсианского *тхота*, бесшумно скачущего по мягкой мшистой почве. Существо несло вперед огромными прыжками с помощью восьми могучих лап.

Маршрутом движения громадного зверя телепатически управляли двое людей, сидевших в обширном седле, которое крепилось подпругой к широченной спине тхота.

Дея Торис, принцесса Гелиума, имела обыкновение совершать еженедельную инспекционную поездку по сельскохозяйственным и промышленным владениям, принадлежавшим ее деду.

Путь принцессы к крестьянским угодьям пролегал через глухой Лес Гелиума, где росли деревья-великаны, древесиной которых пользовались цивилизованные нации Марса.

На востоке марсианского небосклона только-только занималась заря, и в джунглях еще было темно и сыро от вечерней росы. Мрачная атмосфера леса вселяла в душу Деи Торис чувство благодарности к своему спутнику за то, что он сопровождает ее. Тот сидел в седле впереди. Девушка держалась за его широкие бронзовые плечи, и прикосновение к гладкой коже, под которой ощущались стальные мускулы, придавало ей уверенность. Мужчина держал одну руку на рукоятке огромного длинного меча, инкрустированной драгоценными камнями; его прямая посадка и величественная осанка были полны достоинства, ибо он являлся самым отважным воином Марса.

Джон Картер обернулся, взглянув на прелестное лицо принцессы.

— Боишься, Дея Торис? — спросил он.

— Ни капельки, когда со мной мой повелитель, — ответила Дея Торис с улыбкой.

— А как насчет лесных чудовищ? Арбоков?

— По приказу дедушки их истребили. В прошлый раз мой охранник убил такую древесную рептилию, какой мне никогда не доводилось видеть.

Неожиданно Дея Торис ахнула, безуспешно пытаясь вцепиться в Джона Картера, чтобы удержать равновесие. Могучий тхот тяжело рухнул на поросшую мхом землю. Выбитые из седла всадники перелетели через его голову. В следующее мгновение оба они уже стояли на ногах, но тхот лежал неподвижно.

Картер выхватил из ножен длинный меч и велел Дее Торис укрыться за спиной тхота.

Тишину леса внезапно взорвал страшный рев прямо у них над головами.

— Арбок! — вскричала Дея Торис.

Древесная рептилия бросилась на ненавистных двуногих тварей. Картер занес меч и быстро отпрянул в сторону, отвлекая внимание монстра от Дее Торис, которая спряталась за лежащим тхотом.

Первый удар землянина отхватил лишь кусок кожи у животного, не более того. Взмах чудовищной лапы — и Джон, потеряв равновесие, упал на землю и ощутил на своем горле страшные когти.

— Дея Торис, достань со спины тхота ружье, — хрипло крикнул Картер девушке.

Ответа не последовало.

Напрягши всю свою могучую силу, Джон всадил меч в шею арбока. Существо забилось в конвульсиях. Из раны хлынул поток крови. Человек выкарабкался из-под мертвого тела и вскочил на ноги.

— Дея Торис! Дея Торис!

Картер лихорадочно заметался, осматриваясь по сторонам и ища среди деревьев, обступивших бездыханных тхота и арбока, девушку, но Дее Торис и след простыл. Она исчезла бесследно.

Проникший сквозь листву луч восходящего солнца заиграл на блестящем предмете под ногами у землянина. Картер подобрал большую гильзу от бесшумного ружья.

Подскочив к мертвому тхоту, он осмотрел сбрую. Ружье, из которого он велел стрелять Дее Торис, оказалось на месте, в кожаной кобуре!

Подойдя к голове мертвого тхота, Картер нагнулся. В черепе зверя виднелось крошечное кровавое отверстие. Этот выстрел и нападение арбока являлись частью дьявольского, хорошо продуманного плана, имевшего целью похитить Дею Торис и убить его, Джона Картера!

Но Дея Торис — каким образом она исчезла так внезапно и бесследно?

Помрачнев, Картер пустился бегом назад через лес в сторону Гелиума.

В полдень землянин уже стоял в личной приемной Тардоса Морса, джеддака Гелиума, деда Деи Торис.

Старый джеддак был встревожен. Он сунул в руки Картеру кусок грубого пергамента. На пергаменте крупным отчетливым почерком было начертано некое послание, и по мере того, как Картер читал записку, глаза его загорались гневом. Текст гласил:

«Я, Пью Могел, самый могущественный из владык Марса, решил захватить металлургические заводы Гелиума. Металл позволит мне построить столько кораблей, сколько потребуется для защиты Гелиума и других городов Барсума от захватчиков. Если в течение трех дней вы не эвакуируете всех рабочих из железнорудных шахт и металлургических заводов, то я начну присылать вам отрубленные пальцы принцессы. Торопитесь, так как я могу прислать и ее язык, который слишком много болтает о Джоне Картере. Помните, Пью Могелу нужно подчиняться, ибо он всемогущ».

Тардос Морс сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

— Что это за выскочка, который называет себя самым могущественным правителем на Марсе?

Картер задумчиво разглядывал послание.

— По-видимому, у него здесь шпионы, — сказал он. — Пью Могел знал, что нынче утром мы с Деей Торис должны были отправиться в инспекционную поездку.

— Наверняка это дело рук шпиона, — со стоном согласился Тардос Морс. — Я нашел эту записку, прикрепленной к занавеси в моей личной приемной. Но что же делать? Дея Торис — единственное оставшееся в моей жизни существо, которое я люблю...

Его голос пресекся.

— Весь Гелиум ее любит, Тардос Морс, и все мы

скорее умрем, нежели вернемся к вам с пустыми руками.

Картер подошел к переговорному устройству и нажал на кнопку.

— Вызовите Кантоса Кана и Тарса Таркаса,— скороговоркой приказал он дежурному.— Пусть немедленно придут сюда.

Вскоре в приемной появились двое — огромного роста воин с кожей зеленого цвета и худощавый краснокожий человек.

— Тебе повезло, Джон Картер, я только что вернулся в Гелиум после недельной командировки на равнину.

Тарс Таркас, зеленый тарк, держался за увесистый меч четырьмя могучими руками. Его огромная, гигантская фигура величественно возвышалась над остальными присутствующими.

На плечо Джона Картера положил руку Кантос Кан.

— Я направлялся во дворец, когда получил твой приказ. Весть о похищении нашей принцессы уже успела распространиться по всему Гелиуму. Я сразу решил,— произнес благородный малый,— предложить тебе свой меч и свое сердце.

— Никогда не слышал об этом Пью Могеле,— промолвил Тарс Таркас.— Он зеленый?

Тардос Морс хмыкнул.

— Он, наверное, какой-нибудь жалкий прощелыга или мелкий разбойник с раздутым самомнением.

Картер поднял взгляд от послания-ультиматума.

— Отнюдь, Тардос Морс. Думаю, все куда серьезнее, чем вы себе представляете. Он, безусловно, умен. Судя по быстроте, Дею Торис, скорее всего, увезли на воздушном корабле с бесшумным двигателем или, возможно, на гигантской птице! Только очень могущественный человек, готовый подтвердить свои угрозы действием, стал бы похищать принцессу Гелиума и надеяться на захват огромных металлургических заводов.

Видимо, он располагает большими силами. Однако остается непонятным, намерен ли он вернуть принцессу, если мы выполним его условия, в послании об этом ничего не говорится.

Вдруг зоркие глаза землянина сузились. В смежном помещении промелькнула тень.

Одним прыжком Картер достиг арочного проема. Крадущаяся фигура растворилась в полумраке коридора. Картер ринулся следом.

Видя, что бегство невозможно, незнакомец остановился, припал на одно колено и направил лучевое ружье на приближающуюся фигуру землянина. Картер увидел, как побелел палец на спусковом крючке.

— Картер! — крикнул Кантос Кан. — Ложись!

Картер с быстротой молнии рухнул на пол. Над его головой просвистел длинный нож и вонзился по самой рукоятку в сердце чужака.

— Один из шпионов Пью Могела, — пробормотал Джон Картер, поднимаясь на ноги. — Спасибо, Кантос Кан.

Кантос Кан обыскал тело, но не нашел ничего, что позволило бы установить личность убитого.

Собравшись вновь в приемной, они с суровой решимостью принялись обдумывать план действий.

Когда они склонились над огромной картой Барсума, Картер сказал:

— На сегодня в радиусе многих миль от Гелиума мы имеем дружественные города. Они предупредили бы нас о Пью Могеле, если бы что-нибудь слышали о нем. Очевидно, он обосновался в одном из покинутых городов на дне мертвого моря к востоку либо западу от Гелиума. Это означает, что нам предстоит поиски на площади во много тысяч миль, и мы прочедем каждую милю.

Картер сел за стол и разъяснил свой план.

— Тарс Таркас, ты пойдешь на восток и свяжешься с вождями всех твоих племен. Я отправлюсь на запад вместе с воздушными разведчиками. Кантос Кан останется в Гелиуме в качестве связного. Необходима круглосуточная готовность всей авиации Гелиума. Тот, кто первым обнаружит Дею Торис, сообщит Кантосу Кану о своем местонахождении. Естественно, что связь друг с другом мы сможем держать только через Кантоса Кана. Секретная длина волны будет постоянна — 2000 килогерц.

Тардос Морс обратился к землянину.

— В твоем распоряжении все, чем я располагаю, Джон Картер.

— Мы выступаем немедленно, ваше величество. И если Дея Торис жива и находится на Барсуме, мы ее отыщем, — заверил его Джон Картер.

II

ПОИСКИ

Не прошло и трех часов, как Джон Картер с крыши Королевского Аэродрома отдавал последние распоряжения флотилии из двадцати четырех скоростных одноместных самолетов-разведчиков.

— Тщательно осмотрите всю территорию вашего участка. Если обнаружите что-нибудь, не пытайтесь действовать самостоятельно. Тотчас информируйте Кантоса Кана.

Картер обвел взглядом обращенные к нему суровые лица и понял, что его приказ будет выполнен.

— В путь! — Картер указал большим пальцем через плечо в сторону самолетов.

Летчики разбежались, и вскоре самолеты, набирая скорость, исчезли из виду.

Картер остался на крыше, решив проверить связь с Кантосом Каном.

Он надел на голову наушники и послал сигналы на установленной частоте. Немедленно последовали ответные точки и тире от Кантоса Кана.

— Слышу тебя хорошо. Тарс Таркас только что покинул город. Воздушный флот мобилизован. Он будет наготове, дожидаясь твоего сигнала.

Ночь застала Картера на расстоянии пятисот миль от Гелиума во время воздушной разведки. Он сильно устал. Осмотр нескольких разрушенных городов и каналов оказался безрезультатным. Услышав жужжание сигнала вызова, он встrepенулcя.

— Докладывает Кантос Кан. Тарс Таркас организовал сплошной поиск по местности с востока на юг. Воздушные разведчики, прочесывающие территорию с запада на юг, пока ничего не сообщали. Буду держать тебя в курсе всех поступающих новостей. Жду приказов. Прием.

— Приказов нет. Новостей нет. Отбой.

Усталый Джон Картер переключил управление на автопилот. Бессмысленно продолжать поиски, пока не появятся марсианские луны. Землянин забылся в прерывистом сне.

В полночь прозвучал сигнал вызова. Картер момен-

тально очнулся. Кантос Кан возбужденно докладывал.

— Тарс Таркас обнаружил Дею Торис. Ее держат в покинутом городе на берегу мертвого моря.

Кантос Кан передал точные координаты местонахождения принцессы.

— Тарс Таркас просил тебя принять дополнительные меры секретности и действовать крайне осторожно. Он будет ждать возле главного моста, ведущего в город. Прием. Ответь, Джон Картер.

Джон Картер соединился с Кантосом Каном, приказав тому быть постоянно на связи и держать гелиумский воздушный флот наготове. Затем включил гирокомпас, прибор, который автоматически должен был доставить его к месту назначения.

Спустя несколько часов землянин пролетел над грядой невысоких гор и увидел под собой древний город на берегу Мертвого Моря. Совершив в воздухе круг, он посадил самолет на мосту, где, согласно сообщению, предстояла встреча с Тарсом Таркасом. Внизу зияла пустота, наполненная мраком. Вокруг лежали длинные черные тени.

Картер выбрался из самолета и, держась в тени, направился к высящимся руинам города. Было так тихо, что вылетевшая из башни одиночная летучая мышь произвела впечатление пикирующего самолета.

Но где же Тарс Таркас? Зеленый человек должен был находиться у моста.

У входа в город Картер притаился в черной тени стены и прислушался. В ночной тиши не раздавалось ни звука. Было тихо, как в могиле. По небу пронеслись Фобос и Демос, две быстрые луны Марса.

Картер задержал дыхание, чтобы лучше слышать. Его чуткие уши уловили слабый звук шагов, странных шаркающих шагов, направляющихся в его сторону.

Вдоль стены кто-то передвигался. Землянин напрягся, готовый броситься назад к самолету. Тут он услышал еще шаги и еще, они раздавались со всех сторон. Среди руин кто-то двигался, с шуршанием задевая камни.

Внезапно с вершины стены на Джона Картера обрушилось огромное тяжелое тело. Его шею обожгло горячее зловонное дыхание. Громадные волосатые руки едва не задушили землянина в яростном объятии.

Существо швырнуло Джона Картера на булыжники. Огромные руки сомкнулись на его горле. Картер повер-

нул голову и увидел над собой морду громадной белой обезьяны.

Трое соплеменников этого существа закружили вокруг Картера, норовя связать ему ноги обрывком веревки, тогда как напавшая обезьяна продолжала душить его четырьмя мощными лапами.

Картер изловчился и, прижав колени к груди, ударил душившую его обезьяну ногами в живот. Удар оказался столь мощным, что существо сперва взмыло вверх, а затем рухнуло на землю, где осталось беспомощно лежать, оглашая воздух стонами.

Подобно затравленному бенсу — огромному марсианскому льву о восьми конечностях, Картер вскочил на ноги, выхватил меч и прижался к стене, ожидая нападения.

Это были могучие животные, ростом не менее восьми футов, с длинной белой шерстью, покрывающей все тело. У каждого из них было по четыре передних лапы, длинных, мускулистых, а пальцы заканчивались острыми загнутыми когтями. Обезьяны надвигались на землянина, оскалив клыки и злобно рыча.

Картер низко пригнулся и, когда животные набросились на него, напряг свои земные мускулы и в прыжке взлетел высоко над их головами. Вложив всю свою силу в удар, землянин обрушил тяжелый меч на голову одной из обезьян и раскроил череп пополам.

Коснувшись ногами земли, Джон Картер развернулся и приготовился дать отпор уцелевшим двум зверям, устремившимся на него. Раздался жуткий душераздирающий вопль — на сей раз меч землянина поразил обезьяну в сердце.

Чудовище рухнуло на землю, после чего землянин рывком высвободил свой меч.

Оставшаяся обезьяна развернулась и в страхе бросилась наутек. Пробегая по длинному коридору ближнего здания, она постоянно оглядывалась, и в темноте Джон Картер видел ее горящие глаза. Землянин был готов поклясться, что слышал свое собственное имя, исходящее из пасти убегающей обезьяны вперемежку с сердитым рычанием.

Когда землянин вновь овладел своим мечом, он почувствовал над головой колебание воздуха, за которым последовало некое движение.

Сверху кто-то спускался.

Вдруг Картер почувствовал, что его хватают за пояс. Тут же его рывком подняли вверх на высоту пятидесяти футов. Ловя ртом воздух, Джон ухватился руками за то, что его держало. То, что его держало, было покрыто роговицей, как и кожа арбока. На роговице росли волоски величиной с древесный корень.

Это была гигантская рука!

III

ГИГАНТ ДЖУГ

Джон Картер оказался вплотную с чудовищным лицом.

Косматая голова — от макушки до волосатого подбородка — имела в длину не менее пятнадцати футов.

На Марсе появилось новое чудовище. Судя по соседним зданиям, рост существа достигал ста тридцати футов!

Гигант поднял Картера высоко над головой, потряс его и затем откинул голову назад. Из вислогубого рта прогрохотал гулкий смех, напоминающий обвал в горах.

Он был одет в бесформенную тунику, ниспадавшую свободными складками до бедер, и вместе с тем не мешавшую движениям рук и ног.

Гигант принялся стучать себя по груди свободной рукой.

— Я — Джуг. Я — Джуг, — повторял он, продолжая смеяться и трясти свою беспомощную жертву. — Я могу убить! Я могу убить!

Гигант Джуг тронулся с места и осторожно зашагал по пустынным улицам, время от времени обходя здания, слишком высокие, чтобы через них перешагнуть.

Наконец он остановился перед полуразвалившимся дворцом. Разрушительное действие времени лишь приглушило его красоту. Стены поросли густым слоем мха и ползучими растениями, скрывающими полуобвалившиеся зубцы стен. Не успел Джон Картер опомниться, как гигант Джуг резким движением просунул его сквозь высокое окно дворцовой башни.

Когда Картер почувствовал, что гигант разжимает пальцы, он расслабил все мышцы. Падая вниз, землянин

обхватил голову руками, чтобы не удариться, и вскоре упал на каменный пол. Там он лежал в кромешном мраке, пытаясь отдышаться и прислушиваясь.

Некоторое время Джон Картер не мог уловить ни звука, затем стало слышно тяжелое дыхание Джуга за окном. Вновь воспользовавшись тем, что сила притяжения на Марсе слабее земного, Картер с силой оттолкнулся и запрыгнул на подоконник, на высоту двадцати футов. Припав к узкому окну, он снова оказался лицом к лицу с косматым омерзительным гигантом.

— Я — Джуг. Я — Джуг, — рокотал тот. — Я могу убить! Я могу убить!

Дыхание гиганта обдало Картера горячей волной жженой серы. Через это окно не убежать!

Джон Картер спрыгнул вниз в темницу и принялся медленно обходить помещение, держась рукой за отполированные плиты стен. Выложенный булыжниками пол был усыпан обломками и трухой. А когда Картер задел рукой паутину, то услышал зловещее шипение марсианского паука.

Как долго продолжался обход, определить было трудно. Казалось, прошло несколько часов. Затем внезапно мертвенную тишину пронзил женский крик, донесшийся откуда-то из дворца.

Джон Картер похолодел. А вдруг это голос Деи Торис?

Он в очередной раз прыгнул вверх, ориентируясь на слабый свет, сочившийся из окна. Оказавшись на подоконнике, он крадучись выглянул наружу. Гигант лежал на спине, мерно дыша так, как дышат спящие. При каждом вдохе его могучая грудь поднималась на пять футов.

Воспользовавшись удобным моментом, Джон Картер стал торопливо пробираться вдоль внешнего выступа, терявшегося в тени соседней башни. Только бы добраться до этой тени, не разбудив Джуга!

Джон уже почти достиг цели, как послышалось хриплое рычание Джуга.

Гигант открыл один огромный глаз, протянул вверх руку и, схватив Картера за ногу, швырнул его снова в окно башни.

Землянин устало подполз к стене своей мрачной темницы и привалился к ней спиной. У него из памяти

не выходил женский крик. Его терзала мысль, что Дея Торис может находиться в опасности.

Куда все же запропастился Тарк Таркас? Наверное, Пью Могел схватил и его тоже. Вдруг Джон Картер вскочил на ноги.

Одна из плит за его спиной шевельнулась! Он стал выжидать. Ничего не последовало. Тогда он осторожно приблизился к стене и ударил по плите ногой. Камень слегка подался. Картер стал толкать плиту изо всех своих исполинских сил, продвигая ее дюйм за дюймом, пока не образовался проем, в который можно было протиснуться, что Джон Картер и сделал.

Он продолжал пребывать в абсолютной темноте, но несмотря на это наощупь определил, что находится в проходе между двумя стенами. Возможно, этим путем можно выбраться на волю!

Он из предосторожности задвинул каменную плиту на место, устраняя следы своего побега. Проход, в котором он оказался, был настолько низким, что ему пришлось пробираться на четвереньках. Воздух здесь стоял затхлый, спертый, — видимо, проходом долгое время не пользовались.

Постепенно туннель стал опускаться вниз. От него ответвлялось множество узких ходов. Не было ни света, ни единого звука. Вскоре в воздухе возник слабый едкий запах, становившийся все сильнее и сильнее.

Через некоторое время забрезжил свет. Землянин понял, что он находится в подземных галереях дворца. Тусклый свет происходил от фосфоресценции радия, который используется повсеместно на Марсе в целях освещения.

А затем землянин увидел и источник этого слабого света. Он проникал сквозь щель в стене. Обследовав это место, Джон Картер обнаружил незакрепленную плиту, вынул ее, заполз внутрь и оказался в помещении. То, что он там увидел, привело его в мгновенное замешательство.

В нескольких шагах стоял воин с мечом, направленным прямо в грудь землянину!

Джон Картер отскочил назад с быстротой молнии, выхватил собственный меч и рубанул по мечу воина.

Рука красного человека вдруг отвалилась от туловища, упала на пол и рассыпалась в прах. Древний меч зазвенел о булыжник.

Лишь теперь Картер понял, что воин простоял здесь, привалившись спиной к стене, целую вечность. Смерть настигла его в тот момент, когда он отбивался от противника. Так он чудом и застыл в этой позе на века. Лишившись руки, туловище потеряло равновесие и рухнуло плашмя на пол, обратившись в кучку праха!

В соседнем помещении Джон Картер обнаружил десятка два молодых, красивых женщин, скованных вместе ошейниками из золота. Женщины сидели за столом, где совершали трапезу; стоявшая перед ними еда прекрасно сохранилась. Некогда они были пленницами, рабынями правителей этого давно вымершего города. Сухой неподвижный воздух в совокупности с некими газообразными выделениями из стен и темниц сохранили их красоту на века.

Землянин двинулся дальше по затхлому коридору и, пройдя совсем немного, услышал за собой какое-то шуршание. Нырнув в боковой ход, он оглянулся и увидел горящие глаза, движущиеся за ним по пятам. Картер побежал дальше по проходу, но глаза не отставали.

Вскоре Джон Картер снова услышал шуршание, на сей раз впереди. Там тоже горела пара глаз.

Землянин побежал вперед, держа меч перед собой. Глаза впереди исчезли, а те, что горели за спиной, начали приближаться.

Стало совсем темно, но далеко впереди землянин увидел слабый свет, проникавший в туннель.

Он рванул туда. На свету намного легче дать отпор кому бы то ни было, нежели шарахаться в темноте.

Оказавшись в помещении, Картер лицом к лицу столкнулся с существом, чьи глаза горели впереди него в проходе. Это была гигантская марсианская крыса о трех ногах!

При виде Картера крыса злобно оскалила желтые клыки и медленно попятилась в дальний угол помещения.

Сзади подкралась вторая крыса, и обе твари начали окружать землянина.

Картер взялся за меч и мрачно усмехнулся.

— Теперь я сам, словно загнанная в угол крыса, как гласит пословица, — пробормотал он, замахиваясь мечом на ближнюю тварь.

Крыса увернулась от удара и бросилась на человека.

Но меч землянина был наготове. Напавшая крыса напоролась на поджидавшее ее острие клинка.

От толчка Картера отбросило назад футов на пять, однако он сумел удержать меч в руках. Клинок вонзился прямо в сердце врага.

Когда Картер рывком высвободил меч и обернулся, чтобы схватиться со вторым противником, из его уст вырвался возглас испуга.

Помещение было полно крыс!

Эти твари проникли сюда через другой ход и окружили его кольцом, готовые к атаке.

В течение получаса Картер яростно сражался за свою жизнь в мрачной темнице дворцового подземелья в древнем городе Корвас.

Вокруг него штабелями лежали мертвые крысы, но животные все прибывали, и, в конце концов, они одолели его численным превосходством.

От страшного удара змееподобным хвостом по голове Джон Картер рухнул на пол.

Он был наполовину оглушен, однако продолжал цепко держаться за меч. Затем он почувствовал, что его тащат за руки в темноту соседнего туннеля.

IV

ГОРОД КРЫС

Джон Картер полностью пришел в себя, когда его протащили через лужу с грязной водой. Он услышал, как крысы с жадностью пьют воду, увидел в темноте их горящие зеленые глаза. В нос ему ударил запах свежей земли, и он понял, что находится в крысиной норе глубоко под подземными галереями дворца.

По несколько крыс с обеих сторон тащили его за руки. Ему было очень неудобно, и он спрашивал себя, долго ли продлится это путешествие.

Ждать пришлось немного. Вскоре его притащили в огромную подземную пещеру. Сквозь многочисленные отверстия в потолке сюда проникал наружный свет, лучи которого отражались в нескольких тысячах сверкающих сталактитах из красного песчаника. Со дна пещеры поднимались массивные сталагмиты, огромные осадочные образования причудливой формы.

Посреди этих образований на дне виднелись многочисленные куполообразные хижины, слепленные из грязи. Когда Джона Картера тащили мимо одной из них, находящейся в стадии строительства, он получил возможность разглядеть, как сооружают такое жилище. Каркас был составлен из белых палок разной конфигурации, который облеплялся грязью из подземного ручья. Белые палки были разной длины и разного размера. Одна из крыс-строителей, прервав работу, принялась глотать палку, похожую на кость.

Когда Картера подтащили ближе, он увидел, что это не палка, а берцовая кость человека!

В стенах хижин виднелись не только кости, но и черепа, с которых свисали клочья кожи и волос — отвратительное зрелище. Картер разглядел, что со всех черепов была аккуратно срезана теменная часть.

Землянина выволокли на середину пещеры, где на пустом пространстве возвышался холм из сложенных черепов. На его вершине восседала крыса, значительно превосходящая габаритами всех остальных.

Картера поволокли на вершину, и все это время крыса не спускала с него злобных розовых глаз.

Животные оставили Картера наедине с большой крысой и спустились вниз, на дно пещеры.

Чудовище приняло к человеку, беспрестанно шевеля своими длинными усами. У крысы отсутствовало одно ухо, которого она лишилась в давней битве, на другом же багровели свежие царапины.

Животное долго и пристально разглядывало Картера, любовно поглаживая свой длинный безволосый хвост когтистой лапой.

Судя по всему, то был Король Крыс.

«Повелитель подземного мира», — подумал Картер, стараясь дышать ртом. В пещере стояло жуткое зловоние.

Не отрывая глаз от Картера, крыса протянула лапу, подобрала лежащий рядом череп и положила его перед Картером. Затем повторила свои действия, взяв еще один череп уже с другого края и установив его рядом с первым. Вскоре перед землянином образовалось кольцо из черепов со срезанными теменными частями.

Затем крысиный король забрался в середину круга и, подобрав один череп, бросил его Картеру. Землянин поймал череп и кинул назад королю.

Его королевскому величеству это явно не понравилось. Оно не сделало попытки поймать череп, и тот пролетел мимо и покатился вниз.

Король же принялся подпрыгивать на одном месте, не выходя из круга, одновременно издавая сердитые визги.

Для землянина все это было в диковинку. Стоя там, наверху, он отметил про себя, что крысы выстроились у подножья холма в два кольца, каждое из которых состояло из тысячи особей. Они начали странный танец, двигаясь по кругу против часовой стрелки. Каждое животное держало в пасти хвост предыдущего, образуя непрерывную цепочку.

Не было сомнения, что землянин оказался не только свидетелем, но и причиной невиданного доселе ритуала. Не понимая истинной сути происходящей церемонии, он тем не менее прекрасно сознавал, чем все закончится. Бесчисленные желтые черепа, которыми была завалена пещера, являлись немым, страшным свидетельством ожидавшей его участи.

Но каким образом крысам удалось раздобыть такое огромное количество голов и почему понадобилось дрыгать им черепа? Ведь в городе Корвас, как известно любому марсианскому школьнику, уже тысячу лет никто не жил, а вместе с тем многие черепа и кости были свежеобглоданы. Картер не увидел в городе никаких признаков жизни, кроме огромных белых обезьян, загадочного гиганта и самих крыс.

Но ведь слышал же он сегодня женский крик — как объяснить это? Мысль о том, что это могла быть Дея Торис, привела землянина в сильное волнение, хотя он ни на миг не переставал тревожиться о безопасности принцессы. Что с ней? Где она?

Между тем крысы все не приступали к действию, и эта отсрочка была для него мучительной. Вскоре кольцо из крыс стало сжиматься, а глаза землянина продолжали лихорадочно выискивать путь к спасению.

Крысы медленно кружились, наблюдая за королем, который наконец встал на задние лапы, затопал ими и забил хвостом. Его движения вызвали гулкое эхо.

Все быстрее танцевал король, и все быстрее двигались кольца из крыс, неотвратно приближаясь к холму.

Крысы поближе бросали на землянина плотоядные взгляды. Картер мрачно усмехнулся и крепко сжал ру-

коятку меча. Странно, что крысы не отобрали у него оружие.

Не один десяток крыс погибнет прежде, чем они его одолеют, и первым умрет сам король. Не оставалось никакого сомнения, что Картера собирались принести в жертву с тем, чтобы устроить каннибальский пир.

Вдруг король резко прекратил свои дикие телодвижения, остановившись прямо перед Картером. Тут же замерли и танцоры, наблюдая и выжидая.

Из самого нутра короля слышались странные рычащие звуки, постепенно переросшие в оглушительный вопль. Король крыс перешагнул через круг из черепов и медленно двинулся к Картеру.

Землянин вновь огляделся по сторонам, ища какую-нибудь лазейку к спасению, затем поднял голову вверх. До потолка было по крайней мере пятьдесят футов. Ни одному коренному марсианину и в голову не пришло бы попытаться бежать в этом направлении.

Но Джон Картер был уроженцем планеты Земля, и на Марс он принес с собой всю силу и ловкость тренированного атлета.

На этом, а также на более слабой силе притяжения Марса, землянин и построил моментальный план своих действий.

Напрягшись, выжидал он теперь подходящего момента. Церемония уже подходила к концу. Король оскалил клыки в каком-нибудь футе от горла Картера.

Землянин стиснул покрепче рукоятку меча и выхватил его из ножен. Стремительное движение — и раздался глухой звук удара. Отсеченная голова короля взлетела вверх и покатилась, подпрыгивая, вниз по куче.

Остальные животные оцепенели от неожиданности, но только на мгновение. Через несколько секунд они уже полчищами лезли вверх по холму, намереваясь растерзать землянина.

Джон Картер пригнулся и пружиной взмыл в воздух, преодолев при помощи своих земных мускулов все пятьдесят футов.

Ему удалось ухватиться за сталактит, в который он вцепился изо всех сил. А вскоре он уже двигался по воздуху, цепляясь за свисающий мох, на самый верх пещеры.

Разок он бросил взгляд вниз — там в беспорядке метались визжащие крысы.

Он отметил про себя еще один факт. Судя по всему в эту темницу, являющуюся для крыс подземным городом, вел один-единственный ход — тот самый туннель, по которому его сюда доставили.

Однако теперь землянин был преисполнен решимости отыскать какой-нибудь лаз в потолке пещеры.

Наконец ему удалось обнаружить узкий проем, и, нырнув в тяжелую завесу мха, Картер проник в новую пещеру.

Здесь оказалось несколько туннелей, ведущих в темноту и густо заросших липкой паутиной, сотканной огромным марсианским пауком. Они были скорее всего частью обширной сети подземных туннелей, вырытых давным-давно древними жителями, населявшими некогда город Корвас.

Картер взялся за меч, готовый ко встрече с любым — человеком или животным — кто окажется у него на пути, и вошел в самый большой туннель.

Здесь было достаточно света, чтобы видеть дорогу перед собой, так как при строительстве туннеля его стены покрывались радием, который дает вечное свечение.

Картер замер перед массивной дверью, установленной в конце туннеля. На ней были начертаны незнакомые для землянина иероглифы. Из-за двери доносились приглушенные звуки, походившие на шум работающих моторов.

Распахнув незапертую дверь, он застыл на пороге, изумленно глядя на открывшееся ему зрелище. Он оказался в громадной лаборатории стерильно белого цвета. По трубам, протянутым над полом, перекачивался при помощи громадных моторов кислород, поступавший в стеклянные клетки, которые располагались сплошным рядом вдоль стен. В центре лаборатории стояло несколько операционных столов с направленными на них с высоты прожекторами.

Но внимание землянина привлекло не это, а то, что находилось в стеклянных клетках.

В каждой клетке было по гигантской белой обезьяне, стоявшей в полный рост, и, как видно, без признаков жизни.

Головы у всех были забинтованы. Но если животные мертвы, зачем тогда к клеткам проведены кислородные трубы?

Картер двинулся по помещению, чтобы поближе осмотреть клетки. На полпути к дальней стене он наткнулся на низкий стеклянный купол, прикрывавший огромную шахту, вырытую в полу.

У него перехватило дыхание. Яма была завалена трупами красных воинов с отпиленными теменными частями на голове!

V

КОМНАТА УЖАСОВ

В глубине ямы Джон Картер заметил снующие меж трупов тени.

Это были крысы. Продолжая наблюдение, землянин увидел, что крысы увлакивают тела краснокожих воинов в прилегающие туннели. Туннели эти, видимо, соединялись с главным, ведущим в крысиный подземный город.

Так вот где твари добывали черепа и кости, из которых сооружали свои вонючие подземные жилища!

Картер обвел глазами лабораторию, отмечая про себя операционные столы, футляры с хирургическими инструментами, обезболивающие средства. Все указывало на то, что здесь проводится некий жуткий эксперимент и совершает его сумасшедший ученый.

На полках книжного шкафа за стеклом стояло множество книг. На корешке одного увесистого тома золотыми буквами было выведено: «Пью Могел, его жизнь и замечательные свершения».

Землянин нахмурился. Как все это объяснить? Зачем эта хорошо оборудованная лаборатория здесь, в древнем мертвом городе, где нет никого, кроме обезьян, крыс и того гиганта?

Для чего эти клетки вдоль стен с немymi неподвижными телами обезьян с забинтованными головами? А красные люди в яме — для чего им распилили черепа, для чего вынули мозги?

Откуда взялся гигант, чудовище, существовавшее до этого лишь в фольклоре Барсума?

Одна из книг, стоявших перед Картером, была озаглавлена «Пью Могел». Какое отношение имел Пью Могел ко всему этому, и кто он такой?

И, что важнее всего, где же Дея Торис, принцесса Гелиума?

Картер потянулся за книгой о Пью Могеле. Внезапно в помещении воцарилась тишина. Громкий шум генераторов вдруг прекратился.

— Не трогай эту книгу, Джон Картер, — эхом пронеслось по лаборатории.

Картер схватился за рукоятку меча. Возникла секундная пауза, затем скрытый голос продолжил:

— Сдавайся, Джон Картер, либо твоя принцесса умрет.

Слова, судя по всему, раздавались из громкоговорителя, спрятанного где-то в помещении.

— Через правую дверь, землянин, через дверь направо.

Картер моментально почуял западню. Подойдя к двери, он опасливо открыл ее толчком ноги.

В дальнем конце огромного сводчатого помещения на роскошном троне восседал бесформенный человек безобразной наружности. В массивные плечи была всажена крошечная голова пулевидной формы.

В этом существе все было непропорционально. Его туловище было скособочено, руки разной длины, одна ступня больше другой. Маленькое лицо выражало злобу и хитрость. Из рта у него свешивался толстый язык, подобрав который он показал желтые зубы.

Неуклюжее тело было облачено в великолепный наряд, украшенный платиной и бриллиантами. Когтистой рукой он поглаживал свою плешистую голову.

Как было заметно, на всем его теле не росло ни единого волоска!

Возле ног человека пристроилось огромное косматое животное с двумя парами рук — очередная белая обезьяна. Ее маленькие красные глазки буравили стоявшего на пороге землянина.

Человек на троне лениво поигрывал микрофоном, с помощью которого он и вызвал Картера сюда.

— Наконец-то я заманил тебя в ловушку!

Бусинки его косящих глаз вспыхнули огнем ненависти.

— Тебе не дано тягаться с великим умом Пью Могела!

Пью Могел повернулся в сторону телевизионного

экрана, оснащенного разными кнопками. Его лицо искажилось в ухмылке.

— Ты делаешь честь моему скромному городу, Джон Картер. Я с огромным интересом следил по телевизору за твоим передвижением по дворцовым галереям.

Пью Могел похлопал по аппарату.

— Это маленькое изобретение моего доброго учителя Раса Таваса,— продолжал Пью Могел,— которое он мне подарил, оказало нам неоценимую услугу. Благодаря ему я узнал, что ты затеваешь поиски моей недостойной персоны. К сожалению, из-за тебя я лишился моего верного агента, который выполнял свою благородную миссию.

Однако, к счастью, он успел выполнить свое поручение — установить дополнительный аппарат за зеркалом в личной приемной Джеддака, и я смог видеть и слышать все, что там происходило.

Пью Могел от души рассмеялся, не сводя с Картера маленьких немигающих глаз. Землянин продолжал неподвижно стоять у двери.

Джон Картер не видел ничего в помещении, что указывало бы на ловушку. Как стены, так и пол были выложены отполированными плитами серого цвета. Картер находился в начале длинного прохода, ведущего к трону Пью Могела.

Землянин медленно двинулся в сторону Пью Могела, стискивая рукоятку меча изо всех сил своих стальных мускулов.

На полпути к трону он остановился.

— Где Дея Торис?

Его слова повисли в воздухе.

Пью Могел склонил набок свою головку микроцефала.¹ Картер ждал ответа.

Несмотря на свой человеческий облик, Пью Могел выглядел не совсем по-человечески. В нем было нечто

¹ У микроцефала очень маленький объем мозга, в отличие от своей противоположности — мегацефала. Обычно микроцефалия является признаком идиотизма, однако в случае с Пью Могелом она означала не идиотизм, а исключительную изобретательность, а также безумие, что, вероятно, указывает на то, что, поскольку Пью Могел являлся искусственным творением Раса Таваса, одного из самых прославленных ученых Марса, его микроцефалия была вызвана либо болезнью, либо неспособностью мозга прижиться в чужом черепе. Очевидно, что голова Пью Могела была слишком мала для его тела и мозга.— (Ред.)

неописуемо отталкивающее — весь его вид, тонкие губы, впалые щеки, близко посаженные глаза.

Теперь Картер понял, почему Пью Могел глядит не моргая. У него не было век, и он не мог закрыть глаз.

Пью Могел заговорил ледяным тоном.

— Я чрезвычайно обязан тебе за этот визит. Я имел удовольствие развлекать твою принцессу и твоего лучшего друга, но я едва смел надеяться, что и ты удостоишь меня своим присутствием.

Лицо Картера оставалось бесстрастным. Он медленно повторил:

— Где Дея Торис?

Пью Могел язвительно усмехнулся.

Землянин двинулся к трону.

Белая обезьяна возле ног Пью Могела зарычала, а когда тот заерзал на троне, оцетинилась.

Протянув руку в сторону Джона Картера, Пью Могел снова изобразил кривую улыбку и нараспев произнес:

— Наберись терпения, Джон Картер, и я покажу тебе твою принцессу, но сперва, возможно, тебе будет интересно увидеть человека, который назначил прошлой ночью встречу с тобой у главного моста за пределами города.

Пью Могел взялся согнутым пальцем за рычаг, выступающий из золотого подлокотника трона, и потянул на себя. Слева от трона медленно завращался столб, наполовину выступающий из стены.

Появился огромный зеленый человек, прикованный к столбу. Обе пары его могучих рук были надежно связаны, а для большей безопасности его тело опоясывало несколько стальных цепей, скрепленных массивными висячими замками. Шея и щиколотки были также перехвачены обручами из стали и заперты на замок.

— Тарс Таркас! — воскликнул Картер.

— Каор, Джон Картер, — отозвался Тарс Таркас с хмурой улыбкой на лице. — Как я вижу, наш общий друг одним и тем же способом заманил нас к себе, но ему пришлось вызвать в подмогу гиганта раз в пять больше меня ростом, пока меня заковывали в цепи...

— В твоем последнем сообщении...

Внезапно Картера осенила догадка. Это Пью Могел был автором сообщений, которые он якобы получал от Кантоса Кана и Тарса Таркаса, с тем, чтобы заманить их обоих в ловушку.

— Да, я посылал вам обоим одинаковые сообщения,— проскрипел Пью Могел,— каждое как будто от другого. А нужную длину волны я узнал с помощью микрофона, установленного по моему приказу в приемной джеддака. Ловко придумано, не так ли?

Неожиданно у Пью Могела из левой глазницы выпал глаз и повис, покачиваясь, на щеке. Он не обратил на это внимание, а продолжал говорить, глядя попеременно на Картера и Тарса Таркаса правым глазом.

— Оба вы уже познакомились с Джугом,— заметил Пью Могел.— Сто тридцать футов ростом, сплошные мускулы, произведение науки, творение моего великого мозга.

Я создал его своими собственными руками из живой плоти. Это самый могучий воин-монстр, которого когда-либо видел Барсум.

Я сконструировал его из органов, тканей и костей десяти тысяч красных людей и белых обезьян.

Пью Могел спохватился и быстрым движением вставил левый глаз на место.

Тарс Таркас засмеялся, что бывало с ним нечасто.

— Пью Могел,— сказал он,— да ты же разваливаешься. Утверждаешь, что создал гиганта, а сам, наверное тоже создан кем-то.— Я могу ошибаться, Джон Картер,— продолжал Тарс Таркас,— но сдается мне, что этот выродок, который называет себя королем, выполз из лабораторного сосуда!

Пью Могел побледнел, насколько это вообще было возможно при его мертвенном цвете лица, вскочил на ноги и изо всех сил ударил Тарса Таркаса по лицу.

— Молчать, зеленая гадина! — завопил он.

В ответ на это оскорбление Тарс Таркас лишь улыбнулся, не замечая боли. На лице Джона Картера словно застыла бронзовая маска. Второго удара он бы не стерпел, а, вступаясь за беззащитного товарища, вцепился бы Пью Могелу в горло. Но лучше не торопить события, пока он не узнает, где спрятана Дея Торис.

Пью Могел вновь уселся на трон. Поднявшаяся белая обезьяна примостилась возле ног хозяина.

Затем Пью Могел улыбнулся.

— Весьма сожалею, что потерял самообладание,— протянул он.— Иной раз забываешь, что мой нынешний облик выдает природу моего происхождения. Видите ли, в скором времени я обучу одну из моих обезьян сложной

процедуре пересадки моего чудесного мозга в подходящее прекрасное тело, тогда никто не догадается, что я не такой, как все нормальные люди Барсума.

Джон Картер мрачно улыбнулся, слушая Пью Могела.

— Значит, ты действительно один из искусственно созданных людей Раса Таваса?

VI

ПЬЮ МОГЕЛ

— Да, я создан искусственно,— медленно ответил Пью Могел.— Мой мозг — величайшее достижение из всех творений Гениального Ума.

В течение многих лет я был прилежным учеником Раса Таваса в его лабораториях в Морбусе. Я усвоил все, чему мог научить меня Мастер, из секретов создания живой ткани. Когда же я получил от него все знания, необходимые мне для осуществления своего плана, я покинул Морбус. С сотней искусственных людей я переместился через Великие Тунольские Болота верхом на малагорах, транспортных птицах.

Я увез с собой все сложное оборудование, какое сумел выкрасть из его лаборатории. Остальное я сконструировал здесь, в этом древнем покинутом городе, где мы, в конечном счете, обосновались.

Джон Картер пристально рассматривал Пью Могела.

— Я устал быть рабом,— продолжал тот.— Я хотел власти, и, видит Бог, я властвую. Настанет день, когда я стану повелителем всего Барсума.

У Пью Могела заблестели глаза.

— Затем в городе появились красные люди, беглые каторжники либо ссыльные преступники. С такими лицами их все равно выловили бы в других цивилизованных городах Барсума и казнили, вот я и убедил беглецов позволить мне пересадить их мозг в тела глупых белых обезьян, которыми кишел этот город.

Я обещал им, что впоследствии верну их мозг в тела других красных людей при условии, что они помогут мне в моих свершениях.

Картер вспомнил про обезьян с забинтованными го-

ловами в соседней лаборатории, а также про красных людей со спиленной теменной частью черепа. Он стал кое-что понимать. Затем Картер вспомнил про Джуга.

— А гигант? — поинтересовался Джон Картер. — Откуда взялся он?

С минуту Пью Могел молчал, затем произнес:

— Джуга я сооружал по кусочку в течение нескольких лет из костей, тканей и органов тысячи красных людей и белых обезьян, которые пришли ко мне добровольно или которых я отлавливал.

Даже его мозг является синтезом десятка тысяч мозгов все тех же людей и обезьян. В вены Джугу я влил сыворотку, которая делает ткани способными к самовоспроизводству.

Мой гигант практически бессмертен. Его не возьмет ни пуля, ни пушечный выстрел!

Пью Могел улыбнулся и погладил свой безволосый подбородок.

— Представьте себе, какими могучими воинами будут мои обезьяны, — заворковал он, — с их-то природной силой. Двумя парами рук они смогут держать вдвое больше вооружения, чем обычные люди, а внутри черепа будет функционировать хитрый мозг человека. Вместе с Джугом и армией белых обезьян я смогу выступить в поход и стать властителем всего Барсума, — Пью Могел выдержал паузу и затем добавил, — в случае, если я раздобуду достаточное количество металла для изготовления еще более мощного оружия, чем то, которым уже располагаю.

В великом возбуждении Пью Могел вскочил с трона.

— Я предпочел бы мирное решение конфликта — заполучить металлургические заводы Гелиума в обмен на живую и невредимую принцессу. Но джеддак и Джон Картер вынуждают меня прибегнуть к другим мерам... — И все же я дам вам еще один шанс разрешить все мирным путем, — сказал он.

Пью Могел протянул руку к правому подлокотнику и нажал другой рычаг. В поле зрения вдруг появилась прекрасная женщина.

Это была Дея Торис!

При виде принцессы, прикованной к другому столбу, Картер сильно побледнел и кинулся освобождать ее.

Его земные мускулы легко преодолели бы расстояние в один прыжок, но в середине полета он с размаху ударился о некий невидимый барьер. Наполовину оглушенный, он свалился на пол.

Дея Торис вскрикнула. Тарс Таркас встряхнул цепями. Покачиваясь, землянин медленно поднялся на ноги, попутно проверяя, целы ли кости. Он ткнул мечом перед собой и удостоверился в том, что между ним и тронем возник барьер.

Пью Могел хрипло засмеялся.

— Ты проиграл, Джон Картер. Невидимое стеклянное перекрытие, на которое ты налетел, очередное изобретение великого Раса Таваса, которое я перенял. Стекло небьющееся. Оттуда ты можешь наблюдать за пытками над принцессой, пока она не образумится и не подпишет записку своему деду с требованием сдать Гелиум мне.

Землянин перевел взгляд на принцессу, находившуюся от него в каких-нибудь десяти футах. Дея Торис гордо вскинула голову, что явилось красноречивым ответом Пью Могелу на его требование предать свой народ.

Увидев это, Пью Могел отдал команду обезьяне. Белое животное поднялось и заковыляло к Дее Торис. Схватив ее лапой за волосы, обезьяна потянула голову назад, пока лицо девушки не оказалось в двух дюймах от мерзкой звериной морды.

— Потребуй, чтобы Гелиум сдался,— зашипел Пью Могел,— и ты получишь свободу!

— Никогда! — выпалила принцесса.

Пью Могел отдал обезьяне новую команду.

Животное прикило к губам принцессы своим отвратительным вислогубым ртом. Дея Торис обмякла в его объятиях. Тарс Таркас безуспешно пытался разорвать цепи. Девушка потеряла сознание.

Землянин заколотил кулаками по невидимому барьеру.

— Глупец,— крикнул Пью Могел,— я дал тебе шанс получить назад свою принцессу в обмен на металлургические заводы Гелиума, но ты и джедак решили, что сможете остановить меня и вернуть Дею Торис, не платя назначенной мною цены. За эту ошибку все вы умрете.

Пью Могел вновь потянулся к аппарату и принялся

крутить разные диски. Картер услышал странный жужжащий звук, который становился все громче и громче.

Землянин резко сорвался с места и побежал к двери, через которую вошел сюда.

Но не успел он преодолеть и пятнадцати футов, как перед ним опустился новый барьер. Бегство через дверь оказалось невозможным.

В стене справа от него было окно. Картер бросился к нему, но был остановлен еще одним препятствием из невидимого стекла.

В мгновение ока он с остротой осознал безвыходность ситуации. Он оказался в полной изоляции. Теперь он мог видеть, что стеклянные барьеры выдвинулись из двух противоположных стен. Оба боковых барьера крепились к горизонтальным полозьям на потолке. Эти полозья двигались во встречном направлении, сближая стеклянные барьеры так, что, в конечном итоге, они неизбежно должны были раздавить землянина.

У Джона Картера на пальце красовалось кольцо с драгоценными камнями, в центре которого находился большой алмаз.

Но ведь алмазами можно резать стекло!

Сейчас землянин имел дело с совершенно новым типом стекла, но все же оставалось надеяться, что оно окажется не столь твердым, как алмаз на пальце у Картера.

Сжав руку в кулак, землянин надавил алмазом на барьер и быстро прочертил большой круг на стеклянной плоскости. Затем с размаху высадил очерченный участок и оказался лицом к лицу с Пью Могелом.

Меж тем Дея Торис успела очнуться и теперь наблюдала за действиями Джона Картера с напряженным выражением лица. На губах Тарса Таркаса появилась угрюмая улыбка, когда он увидел, что его товарищу больше не мешают невидимые барьеры.

Пью Могел осел на троне и прокаркал осипшим голосом:

— Взять его, Гор, взять его!

На лбу у него выступили бисеринки пота.

Гор, он же белая обезьяна, выпустила из рук Дею Торис и, обернувшись, увидела приближающегося землянина. Обезьяна свирепо зарычала, обнажая могучие острые клыки, и низко пригнулась, опершись четырьмя увесистыми кулаками об пол. В маленьких налитых

кровью глазам животного полыхала ненависть, ибо Гор ненавидел всех людей, за исключением Пью Могела.

VII

КОШМАР В ВОЗДУХЕ

Когда Гор, великая белая обезьяна с человеческим мозгом, приготовился к бою, он был совершенно уверен в том, что без труда одолеет ничтожного противника — землянина.

Однако, чтобы действовать наверняка, Гор взялся за оружие и бешено набросился на неприятеля, яростно размахивая мечом.

Под натиском животного Картер был вынужден отступить на несколько шагов, искусно отражая при этом мощные удары.

У землянина появился шанс. В воздухе сверкнул неумолимый меч. Сильнейший удар, и оружие Гора отлетело в другой конец помещения.

Но Гор отреагировал с молниеносной скоростью. Обеими парами огромных рук он ухватился за оголенный клинок меча Картера.

Могучим рывком он выхватил оружие из рук землянина и, подняв над головой, переломил крепкую сталь пополам, словно древесную щепку.

Грозно рыча, Гор ринулся в атаку. Картер пригнулся и неожиданно прыгнул через голову обезьяны. И вновь с необычайной скоростью чудовище выбросило вперед руку и схватило человека за щиколотку.

Четырьмя руками Гор сгреб Джона Картера в охапку. Все ближе и ближе придвигались его слюнявая пасть и сверкающие клыки.

Могучим усилием стальных мускулов землянин рывком высвободил руку и нанес сокрушительный удар в морду Гора.

Обезьяну отбросило назад и, выронив Джона Картера, она неуклюже попятилась к огромному окну справа от трона Пью Могела.

Здесь животное остановилось, зашаталось, а землянин прыгнул вверх, однако на сей раз с поджатыми ногами.

В момент столкновения с грудной клеткой обезьяны Картер резко выбросил ноги вперед. Этот могучий толчок, усиленный инерцией прыжка, сделал свое дело.

С жутким воплем Гор вывалился из окна, и его крики прекратились лишь тогда, когда он с глухим стуком ударился о булыжную мостовую.

Дея Торис и Тарс Таркас, прикованные к столбам, были свидетелями короткой схватки и пришли в восхищение от решительных, быстрых действий землянина.

Однако, как только Пью Могел увидел, что Картера обезьяне не одолеть, он испугался и принялся крутить диски, нажимать на кнопки, а затем что-то быстро произнес в маленький микрофон рядом с собой.

И теперь, когда землянин поднялся с пола и медленным шагом двинулся к Пью Могелу, он не заметил черной тени, выросшей в окне за его спиной.

Джон Картер обернулся лишь тогда, когда Дея Торис издала предупреждающий крик.

Но было уже поздно!

Его настигла гигантская ладонь, не менее трех футов шириной, и крепко сжала. Рука оторвала Картера от пола и рывком вытащила из окна.

До слуха Картера донесся горький плач принцессы, перемежающийся злобным глухим смехом Пью Могела.

Картеру не требовалось зрительного подтверждения, он и без того знал, что попал в лапы к синтетическому гиганту Пью Могела. Зловонное дыхание гиганта, бьющее ему в лицо, являлось достаточным тому свидетельством.

Держа Картера в нескольких футах от своего лица, Джуг искажил черты в некоем подобии усмешки, обнажая два огромных ряда испорченных зубов, напоминавших заостренные валуны.

Из глотки Джуга вырывались хриплые клокочущие звуки, пока он, наконец, не справился с речью.

— Я — Джуг. Я — Джуг. Я могу убить! Я могу убить!

Затем он затряс свою жертву так, что у человека застучали зубы.

Вдруг гигант притих и прислушался. Картер напряг слух и уловил приглушенные звуки речи, доносившиеся очевидно из уха Джуга.

Джон Картер тут же сообразил, что это голос Пью Могела, который передает свои распоряжения Джугу на

коротких волнах через приемное устройство, прикрепленное к уху гиганта.

— К арене,— повторил голос.— Привяжи его над ямой!

Яма — что за новая форма дьявольской пытки? Картер попытался хоть немного высвободиться от стальной хватки, грозившей ему смертью.

Увы, руки Картера были намертво прижаты к бокам в тисках гиганта. Все, что он мог сделать, так это постараться дышать поглубже и надеяться, что огромные шаги гиганта скоро приведут их к месту назначения, что бы это ни было.

Гигант шел, перешагивая через высокие древние здания, переступая через широкие площади, и, наконец, прибыл к большому амфитеатру на окраине города.

Этот амфитеатр, как видно, был построен на месте природного кратера. По его внутренней окружности один над другим тянулись высеченные в стене ряды для зрителей, заполненные тысячами белых обезьян.

В центре арены располагалась круглая яма диаметром в пятьдесят футов. Она была наполнена водой, но не до краев. От поверхности воды до верха ямы оставалось футов пятнадцать.

Над серединой ямы висели три клетки с железными решетками. Каждая клетка была подвешена на канате, продетом в шкив, который располагался на опорной конструкции над ямой. Другой конец каната был привязан к краю ямы.

Джуг свесился через верхний ярус коллизея и опустил Картера рядом с ямой. Здесь человека схватили пять огромных обезьян и держали, пока шестая опускала до уровня земли одну из клеток.

Затем обезьяна взялась за шест с крюком на конце, подтянула клетку к краю ямы и отперла дверь большим ключом.

Хранителем ключа была приземистая, грузная обезьяна с бычьей шеей и чрезвычайно злыми близко посаженными глазами.

Животное подошло к Картеру, и, хотя пленника удерживало пять обезьян, оно схватило его грубо за волосы и затолкало в клетку жестокими пинками.

Дверь клетки моментально захлопнулась, замок закрыли на ключ. В следующий миг клетку с Картером

подняли в воздух над ямой, а конец каната привязали к балке.

Через некоторое время вернулся Джуг вместе с Деей Торис и Тарсом Таркасом. Они уже были без цепей.

Каждого из вновь прибывших поместили в отдельную клетку по соседству с Джоном Картером.

— О, Джон Картер, мой повелитель! — воскликнула Дея Торис, увидев рядом с собой землянина. — Слава Богу, ты жив!

Принцесса тихо заплакала от радости.

Джон Картер протянул руку сквозь решетку, дотронулся до плеча девушки и попытался успокоить ее, хотя и знал, как знал это и Тарс Таркас, сидевший с угрюмым видом в соседней клетке, что Пью Могел приговорил их к смерти, хотя, каким образом им суждено было умереть, об этом Джон Картер пока не догадывался.

— Джон Картер, — тихо произнес Тарс Таркас, — ты заметил, что вся эта многотысячная толпа обезьян, собравшаяся здесь на арене, не обращает на нас никакого внимания?

— Да, заметил, — отозвался землянин. — Они глядят в небо в сторону города.

— Смотрите, — прошептала Дея Торис. — Это то же самое существо, на котором меня увезла обезьяна после похищения в Лесу Гелиума, когда она убила нашего тхота!

В небе со стороны города появилась огромная одинокая птица с человеком на спине.

Землянин на мгновение прищурил свои зоркие глаза.

— Эта птица — малагор. Она везет Пью Могела.

Птица со всадником совершила круг над амфитеатром.

— Открыть восточные ворота, — скомандовал Пью Могел. Его голос разнесся над ареной через громкоговоритель, установленный где-то поблизости. Ворота распахнулись, и на арену устремилась лавина малагоров, точь-в-точь как тот, на котором восседал Пью Могел.

Малагоры все прибывали и прибывали, между тем как обезьяны выстраивались колоннами у входа, дожидаясь своей очереди, чтобы оседлать птицу. Как только всадник оказывался на спине, птица взмывала в воздух,

повинуясь телепатической команде, и примыкала к другим, кружащимся высоко в небе.

Вся процедура заняла около двух часов, так много было обезьян и птиц у Пью Могела. Картер заметил за спиной у каждой обезьяны по ружью, а каждая птица была снаряжена ammunition, автоматом и даже небольшой пушкой.

Наконец, все было готово, и Пью Могел спустился вниз к клеткам с тремя пленниками.

— Теперь вы видите могучую армию Пью Могела, — выкрикнул он, — с которой мы покорим сперва Гелиум, а затем весь Барсум.

Он излучал самоуверенность, сидя в высокомерной позе на своем пернатом коне.

— Прежде, чем вас растерзают на части рептилии, скрывающиеся в воде, а уровень воды скоро поднимется, — сказал он, — у вас будет несколько минут поразмыслить над судьбой, которая ожидает Гелиум в течение ближайших двух суток. Я предпочел бы победить мирно, но вы мне помешали. За это вы умрете медленной, мучительной смертью.

Пью Могел повернулся к единственной оставшейся на арене обезьяне, хранителю ключей от клеток.

— Открой шлюз! — коротко приказал он и взмыл ввысь, устремляясь к своим войскам, чтобы повести их на север.

Вместе с необычной летучей армией следовал и Джуг, синтетический гигант, которого везла сотня малагоров, впряженная в особую упряжь. Уносимый в небо гигант оглашал воздух громоподобным, раскатистым смехом.

VIII

ЯМА С РЕПТИЛИЯМИ

Когда исчезла из виду последняя птица из фантастической армии Пью Могела, Джон Картер повернулся к Тарсу Таркасу, находившемуся в соседней клетке. Он заговорил тихим голосом, чтобы не услышала Дея Торис.

— Эти существа представляют для Гелиума серьезную опасность, — сказал он. — Прекрасному воздуш-

ному флоту и пехоте Кантоса Кана придется нелегко, отражая нападение нескольких тысяч обезьян, снабженных человеческими мозгами и современным оружием. Да еще передвигающихся на быстрых пернатых хищниках!

— Кантос Кан и его воздушный флот находятся далеко от Гелиума и не смогут защитить город,— горько промолвил Тарс Таркас.— Я слышал, как Пью Могел хвалился тем, что послал Кантосу Кану подложное послание, якобы от твоего имени, с приказом перебросить всю авиацию Гелиума, а также все корабли разведывательной службы к Большим Тунольским Болотам тебе на подмогу.

— Тунольские Болота! — выдохнул Картер.— Они же в противоположной стороне и в тысяче миль от Гелиума.

Легкий возглас Деи Торис вернули собеседников к их собственной печальной участи.

Обезьяна, стоявшая рядом с ямой, опустила длинный железный рычаг. В воде забурили пузыри, и уровень стал медленно подниматься.

Затем охранник открепил по очереди каждый из трех канатов и опустил клетки в яму так, что потолок клетки оказался чуть ниже края ямы. После чего он вновь закрепил канаты и подошел поглядеть на беспомощных пленников.

— Вода прибывает медленно,— издевательски захихикал он,— так что у меня будет время вздремнуть.

Было неестественно слышать речь, исходящую из пасти животного. Обезьяна едва артикулировала слова, ибо, хотя речь диктовалась человеческим мозгом, горланье животного была неприспособлена для столь тонкой операции, как человеческая речь.

Охранник лег на землю рядом с ямой, потягиваясь всем своим массивным крепким телом.

— Я проснусь от ваших предсмертных криков,— мечтательно произнес он,— когда вода дойдет вам до щиколоток, и рептилии примутся терзать вас через прутья решеток.

С этими словами обезьяна перевалилась набок и тут же захрапела.

Лишь теперь пленники разглядели в поднимающейся воде чудовищные морды нескольких рептилий, не спускающих с них жадных свирепых глаз и щелкающих

зубастыми челюстями. Мерзкие твари дрожали от нетерпения.

— Весьма хитроумно, — заметил Тарс Таркас с невозмутимым выражением лица, в котором сквозило не больше страха, чем на лице землянина. — Когда мы станем погружаться в воду, рептилии пустят в ход когти и примутся рвать нас на куски. А если не успеют довести дело до конца, то мы захлебнемся, когда вода достигнет потолка.

— Какой ужас! — охнула Дея Торис.

Глаза Джона Картера были прикованы к краю ямы. Там, наверху, виднелась ступня спящего стражника.

Призвав остальных к тишине, Картер принялся раскачиваться взад-вперед всем телом, цепко держась руками за решетку. Раскачать бы теперь и саму клетку...

Вода внизу поднялась футов на десять.

Казалось, прошла целая вечность прежде, чем тяжелая клетка двинулась с места. От поверхности воды их отделяло девять футов. В девяти футах от них ждали лакомой трапезы ненасытные гадины!

Клетка раскачивалась уже чуть сильнее в такт ритмичным движениям землянина.

Восемь футов, семь, шесть... У самой поверхности воды выжидательно застыли с десяток рептилий — десять пар маленьких злобных глаз, неотрывно следящих за своей добычей.

Все сильнее раскачивалась клетка.

Пять футов, четыре... Тарс Таркас и Дея Торис уже чувствовали горячее дыхание рептилий!

Три, два фута! Если Джон Картер не успеет и вода поднимется на эти два фута, то клетка ударится о воду и вскоре окончательно.

Однако раскачивающаяся, подобно маятнику, железная темница с каждым разом приближалась к краю ямы, и теперь Джону Картеру предстояло действовать быстро и решительно!

Как только решетка звучно ударилась о цементную стену ямы, Джон Картер выбросил вперед руки с быстротой атакующей змеи.

Его пальцы стальными тисками обхватили щиколотку спящего стражника.

Разбуженная столь неожиданным образом обезьяна

завопила от ужаса. Ее душераздирающие крики разнеслись над ареной, отзываясь эхом по всему кратеру.

Клетка двинулась назад. Пролетая над водой, Картер подтянул свою орущую ношу повыше. Рептилии даже пригнули головы, настолько близко от них прошла клетка.

— Неплохо сработано, Джон Картер,— раздался взволнованный голос Тарса Таркаса, который принял от землянина обезьяну, держа ее двумя парами могучих рук. В тот же миг клетка Картера с плеском остановилась. Она ударилась о поверхность воды.

— Держи его, Тарс Таркас, пока я сниму с шеи мерзавца ключ. Вот он! Теперь порядок.

Вода стала заливать дно клетки. Одна из рептилий просунула чешуйчатую лапу в клетку Деи Торис, пытаясь достать девушку острыми загнутыми когтями.

Размахнувшись что было сил, Тарс Таркас швырнул тушу обезьяны прямо в рептилий, сгрудившихся возле клетки принцессы.

— Скорей, Джон Картер,— крикнула Дея Торис.— Спасайся, пока они дерутся из-за тела обезьяны.

— Да,— подхватил Тарс Таркас,— отопри свою клетку и выбирайся наружу, пока еще есть время.

Картер распахнул дверь темницы, улыбаясь при этом краем рта, и перепрыгнул на крышу клетки Деи Торис.

— Пусть я лучше останусь и погибну с вами,— сказал землянин,— нежели брошу вас именно теперь.

Через несколько секунд дверь в клетку девушки была открыта, но когда Картер просунулся вниз, чтобы поднять принцессу, в ее клетку вползла рептилия.

С быстротой молнии Картер бросился на помощь Дее Торис. Оказавшись в клетке по колено в воде, он вспрыгнул рептилии на спину. Стальная рука петель охватила тварь за шею. Голова рептилии дернулась назад, и в тот же миг грозные челюсти клацнули в каком-нибудь дюйме от девушки.

— Полежай наверх, Дея Торис,— приказал Картер. Когда девушка выбралась из клетки, он подтащил извивающуюся беспомощную рептилию к двери, в которую уже вползали другие покрытые слизью твари. Загородившись телом гадины как щитом землянин стал пробиваться к выходу. Выбравшись наружу, он выпустил из рук рептилию и залез на крышу клетки, где его ждала девушка. Затем он открыл клетку, в которой томился

Тарс Таркас. Когда зеленый человек благополучно вылез наверх, троица вскарабкалась по канатам на опорную конструкцию и оттуда перебралась на землю рядом с ямой.

— Слава Богу! — прошептала девушка, когда они уселись, чтобы перевести дыхание.

Она склонила свою прелестную головку на плечо Картера, и он стал успокаивающе поглаживать ее прекрасные черные волосы.

Тарс Таркас, обходивший арену, неожиданно позвал Джона Картера. Землянин поднялся на ноги.

— Там внутри осталось еще несколько малагоров, — крикнул Тарс Таркас, остановившись возле входа в пещеру, откуда еще недавно выходили птицы Пью Могела.

— Прекрасно! — воскликнул Картер. — У нас появился шанс помочь Гелиуму, если только мы не опоздали.

Спустя несколько мгновений они поймали двух птиц и поднялись над древним городом Корвасом.

На окраине они сверху разглядели свои самолеты, которые стояли на том же месте, где они их оставили в ту ночь, когда их заманили в ловушку.

Но к великому разочарованию, приборные доски оказались разбитыми, так что они были вынуждены продолжить путь верхом на малагорах.

К счастью, малагоры летели быстро, и уже к полудню троица достигла города Тарк, населенного сотней тысяч зеленых воинов, которыми правил Тарс Таркас.

Собрав воинов на рыночной площади, Тарс Таркас и Джон Картер разъяснили им, в какую беду попал Гелиум, и попросили оказать поддержку, выступив на помощь своим союзникам.

В один голос могучие воины издали крик одобрения. На рассвете следующего дня из городских ворот в сторону Гелиума выступил длинный караван, состоящий из солдат, оседлавших тхотов.

К Тунольским Болотам был отправлен гонец верхом на малагоре для того, чтобы отыскать Кантоса Кана и вернуть его назад вместе с воздушным флотом для обороны Гелиума.

Тарс Таркас уступил своего малагора гонцу, получив взамен тхота, на котором он возглавил колонну воинов.

Прямо над ним верхом на втором малагоре следовали Дея Торис и Джон Картер.

IX

НАПАДЕНИЕ НА ГЕЛИУМ

Джон Картер и Дея Торис, летевшие верхом на малагоре, оказались далеко впереди основной колонны, когда их взору открылся осажденный город Гелиум.

Стояла ясная лунная ночь.

Бросив взгляд на обширную равнину перед Гелиумом, принцесса всхлипнула от горя. Город ее деда был окружен сплошным кольцом войск Пью Могела.

— Мой бедный город! — Девушка тихо заплакала при виде громадного пролома в укреплении защитников, а также множества разрушенных зданий в прекрасной столице.

Джон Картер телепатически приказал малагору приземлиться на высокой вершине в горах, опоясывающих Равнину Гелиума.

— Слышите? — обратился Джон Картер к принцессе. При свете луны силы Пью Могела возобновили огонь из артиллерийского и стрелкового оружия. — Они готовятся к воздушной атаке.

Внезапно из-за низкого предгорья между равниной и высокими холмами поднялась многочисленная воздушная армия Пью Могела.

— Они берут город в кольцо! — воскликнула Дея Торис.

Огромные крылатые существа и их грозные всадники-обезьяны начали пикировать на город. Лишь несколько самолетов Гелиума взлетело навстречу противнику.

— Кантос Кан, как видно, забрал почти весь воздушный флот Гелиума, — заметил землянин. — Меня удивляет, что Гелиум вообще до сих пор держится.

— Ты же знаешь мой народ, Джон Картер, — ответила принцесса.

— Пехота и противовоздушная оборона Гелиума хорошо делают свое дело, — произнес Картер. — Гляди, как падают на землю птицы.

— Но долго они не продержатся,— отозвалась девушка.— Эти обезьяны, а их тут целые полчища, бросают бомбы прямо на город. О, Джон Картер, что же нам делать?

Улыбка опытного бойца на лице Джона Картера, которая появлялась в моменты личной опасности, сменилась суровым мрачным выражением.

На его глазах под натиском сил Пью Могела происходило падение древнейшего и могущественнейшего города на Марсе. Овладев огромными ресурсами Гелиума, синтетический человек отправится дальше и завоюет все цивилизованные нации на Марсе.

Пятьдесят тысяч лет марсианской науки и культуры, уничтоженные помешанным на власти маньяком! И более того, маньяк этот не что иное, как искусственное творение цивилизованного человека!

— Неужели ничего нельзя сделать, чтобы его остановить, Джон Картер? — раздался повторный вопрос девушки.

— Боюсь, почти ничего, моя принцесса,— с грустью ответил он.— Все, что мы можем, это разместить зеленых воинов Тарса Таркаса в стратегически выгодных пунктах для подготовки к контрнаступлению и надеяться на то, что наш гонец добрался до Кантоса Кана, и тот уже спешит нам на помощь.

Без поддержки с воздуха наши зеленые воины, при всем их мужестве ничего не смогут поделать против превосходящих сил Пью Могела.

Вернувшись к Тарсу Таркасу, Джон Картер и Дея Торис сообщили об увиденном.

Великий Тарк согласился с тем, что его воины ничего не добьются прямой атакой против воздушных сил Пью Могела. Тогда было решено сосредоточить половину войск в одном месте и на рассвете попытаться прорваться в город.

Оставшаяся половина воинов должна была рассредоточиться небольшими группами в горах и навязать неприятелю партизанскую войну.

Таким образом они надеялись протянуть время до возвращения Кантоса Кана с его воздушной армией скоростных истребителей.

— Самолеты Гелиума с их высокими боевыми ха-

рактическими и металлическими корпусами явятся достойным противником пернатой стае Пью Могела,— заметил Тарс Таркас.

— Разумеется, в том случае,— добавил Картер,— если авиация Кантоса Кана прибудет в Гелиум раньше, чем Пью Могел окопается в городе и встретит их своим противовоздушным огнем.

На протяжении всей ночи под покровом темноты Джон Картер и Тарс Таркас в горах перегруппировали и передислоцировали свои войска. К рассвету все было готово.

Джон Картер и Тарс Таркас поведут половину сил Тарков на штурм ворот Гелиума; вторая половина останется сзади прикрывать атаку товарищей огнем дальнотбойных ружей.

Вопреки воле землянина, Дея Торис настояла на том, чтобы въехать в город вместе с ним на малагоре.

Между тем заря на востоке разгоралась все ярче.

— Приготовиться к атаке,— приказал Картер. Тарс Таркас передал приказ через своего ординарца командирам подразделений.

— Приготовиться к атаке! Приготовиться к атаке! — эхом зазвучало по батальонам великолепных четырехруких зеленых бойцов, сидящих верхом на массивных восьминогих нетерпеливых тхотах.

Войско выстроилось за считанные минуты. Засверкали вынутые из ножен мечи. Короткие смертоносные лучевые пистолеты забряцали о луки седел.

Джон Картер обернулся к девушке, прямо сидевшей за его спиной. Лицо ее выражало непреклонную решимость.

— Ты храбро держись, моя принцесса,— сказал он.

— Легко быть храброй,— ответила она,— когда рядом величайший воин Марса.

— Вперед! — последовал короткий приказ Картера.

Дикая орда тарков лавиной хлынула вниз с горы, устремляясь через равнину к Гелиуму. Впереди скакал Тарс Таркас с высоко поднятым мечом.

В авангарде на быстрокрылом малагоре летели Джон Картер и принцесса Гелиума.

— Джон Картер, слава Богу! — радостно воскликнула Дея Торис, указывая в сторону далекого гористого горизонта.

— Возвращается армада Гелиума, — прокричал Джон Картер. — Наш гонец поспел вовремя!

Из-за гор вылетела могучая армада.

В стане врага возникло короткое замешательство. На какое-то время смолкли выстрелы. Противник одновременно заметил как наступающих тарков, так и армаду Гелиума.

При виде летящей на подмогу армии в рядах атакующих воинов раздались оглушительные, торжествующие крики.

— Послушай! — крикнула Картеру Дея Торис. — Колокола Гелиума вызывают песню нашей победы!

В следующий миг Пью Могел открыл шквальный огонь. Казалось, что одновременно стреляют из всех орудий. А из-за прикрытия холмов в воздух поднялись его летучие легионы крылатых малагоров. На спинах они несли белых обезьян с человеческими мозгами.

Навстречу лавине тарков волнами снижались пернатые эскадроны Пью Могела.

В духе тактики настоящего блицкрига, птицы пикировали вниз на зеленых воинов, оставаясь при этом вне досягаемости их мечей. А когда малагоры начинали выходить из пике, обезьяны разряжали смертоносные ружья в толпу воинов на земле.

Разразилась жуткая кровавая бойня.

И лишь после того, как Тарс Таркас и Джон Картер привели своих воинов в передние ряды укреплений обезьян, тарки нашли для себя реального противника, с которым могли сражаться эффективно.

Оказавшись лицом к лицу с неприятелем здесь, на земле, четверорукие солдаты тарки славно бились со страшными легионами белых обезьян Пью Могела.

Но ни на секунду не прекращались атаки грозных эскадрилий с воздуха.

Словно рассерженные шершни, они ныряли вниз, убивали, взмывали ввысь, снова ныряли и снова убивали — убивали, убивали, убивали.

Искусно управляя своей испуганной птицей, Джон Картер отдавал приказы и руководил ходом действий, находясь прямо над центром сражения.

Действуя отважно и умело, принцесса Гелиума защищала своего повелителя от бесчисленных воздушных атак с флангов и с тыла. Дуло ее лучевого пистолета раскалилось докрасна от непрерывной стрельбы. Она

отправила вниз, в последний полет, великое множество атакующих птиц и вопящих обезьян.

Внезапно наземные и воздушные солдаты Пью Могела, как один, разразились хриплым криком.

— Что это, мой повелитель? — вскричала девушка. — Почему неприятель кричит в триумфе?

Джон Картер устремил взор в сторону гор, откуда приближалась армада — она находилась уже в полумиле от поля боя — и в его жилах застыла кровь.

— Гигант! Джуг!

Из-за холма возникла исполинская фигура гиганта, над которым летела армада Гелиума. В могучей руке гигант сжимал огромный ствол дерева.

Даже с такого расстояния Джон Картер мог различить лицо человека, сидевшего в бронированном стальном сооружении, напоминавшем балдахин, которое крепилось к шлему Джуга.

Из глотки гиганта вдруг раздался громогласный жуткий рев, эхом разнесшийся по горам и равнине.

Быстро шагнув на вершину невысокого холма, гигант, не дав изумленным пилотам из Гелиума опомниться и изменить курс полета, принялся размахивать в воздухе толстенным стволом дерева.

В следующий миг могучий удар гиганта пришелся по передним рядам армады Гелиума.

Авангард из двадцати кораблей, гордость воздушного флота Гелиума, оказался смятым, врезался с лету в склон горы и превратился в груды обломков. Экипажи разбились насмерть.

Х

ДВЕ ТЫСЯЧИ ПАРАШЮТОВ

Флагманский корабль Кантоса Кана чудом избежал первого удара гиганта. Дубина Джуга просвистела всего в нескольких футах от него.

Со своего наблюдательного пункта Джон Картер и Дея Торис увидели, что многие воздушные корабли повернули назад к горам. Остальным, увы, повезло куда меньше.

Попав в вихревые потоки воздуха, вызванные вра-

щением дубины, самолеты потеряли управление, и их стало бросать из стороны в сторону.

Вновь и вновь рассекала воздух огромная дубина гиганта, обрушиваясь на беспомощные корабли.

— Кантос Кан перестраивает свою армаду,— крикнул Джон Картер, перекрывая шум битвы, которая возобновилась на земле с удвоенной силой.

— Самолеты возвращаются назад,— вскричала принцесса.— Держат курс на это ужасное существо!

— Они рассредотачиваются в воздухе,— ответил землянин.— Кантос Кан пытается окружить гиганта!

— Но зачем?

— Сейчас они зададут ему жару!

Многочисленная армада Гелиума устремилась со всех сторон на гиганта, часть самолетов спикировала сверху. Приблизившись к массивной мишени на расстояние выстрела, стрелки осыпали гиганта градом пуль.

Дея Торис вздохнула с облегчением.

— Долго он не продержится! — сказала она.

Однако Джон Картер грустно покачал головой, увидев, что гигант принялся сбивать самолеты с удвоенной яростью.

— Боюсь, что все зря. Его не берут ни пули, ни лучевые заряды. Его тело пропитано сывороткой, которую открыл Рас Тавас. Жидкость распространяется по всем клеткам и вызывает их моментальное восстановление при повреждении или гибели тканей.

— Ты имеешь в виду, что это страшное чудовище неуязвимо? — с испугом спросила Дея Торис.

— Возможно, что он будет жить и расти вечно,— ответил землянин,— если не предпринять что-нибудь радикальное для его гибели...

В серых глазах Джона Картера внезапно вспыхнул огонь решимости.

— Кажется, я придумал способ остановить его, моя принцесса, и спасти наш народ...

В голове Джона Картера созрел необычный смелый план. Он привык действовать быстро, повинаясь внезапному импульсу. Он приказал малагору спуститься вниз к Тарсу Таркасу.

Хотя зеленый воин и сознавал, что битва проиграна, он тем не менее продолжал яростно сражаться верхом на могучем тхоте.

— Отзови своих людей назад в горы,— крикнул Картер своему товарищу.— Спрячьтесь там и перегруппируйтесь. Ждите моего возвращения.

Не прошло и получаса, как Джон Картер и принцесса оказались рядом с флагманским кораблем Кантоса Кана. Могучая армада Гелиума снова повернула назад в горы, чтобы подсчитать потери и перестроиться для новой атаки.

И хотя каждый пилот сознавал безнадежность дальнейшей битвы с неукротимым противником, все они тем не менее были готовы сражаться до конца за свою нацию и за свою принцессу, о чудесном спасении которой они недавно узнали.

Самолеты Гелиума обладали замечательными техническими качествами: они могли бесшумно нестись с головокружительной скоростью, но могли в случае необходимости неподвижно застыть в воздухе, не выдавая своего присутствия ни шумом винтов, ни воздушными потоками.

Забравшись на борт зависшего над землей флагманского корабля, землянин с девушкой отпустили верно послужившего им великого малагора. Кантос Кан с радостью приветствовал принцессу, опустившись на одно колено, затем поздоровался со старым приятелем.

— То, что оба вы в безопасности, такая огромная радость, что даже затмевает великую скорбь при виде того, как нашим городом овладевает неприятель,— искренне произнес Кантос Кан.

— Мы пока еще не проиграли, Кантос Кан,— сказал землянин.— У меня возник план спасения. Мне нужен десяток самых больших твоих самолетов с минимальным экипажем на борту.

— Сейчас я по радио прикажу им немедленно покинуть строй и собраться у флагманского корабля,— откликнулся Кантос Кан, поворачиваясь к ординарцу.

— Минутку,— прервал его Картер,— мне необходимо, чтобы на каждом корабле было по двести парашютов!

— По двести парашютов? — переспросил ординарец.— Слушаюсь, сэр!

Через несколько минут рядом с флагманским кораблем Кантоса Кана застыла цепочка больших боевых

самолетов. На борту каждого из них находилось лишь по десять человек экипажа и двести парашютов,— в общей сложности две тысячи парашютов!

Перед тем, как перейти на головной корабль, Джон Картер обратился к Кантосу Кану.

— Постарайся сберечь свой флот до моего возвращения,— сказал он.— Оставайся возле Гелиума и защищай город, как только сможешь. Я вернусь к рассвету.

— Но этот монстр,— простонал Кантос Кан.— Ты только взгляни на него! Нам нужно спасать Гелиум!

Могучий исполин ростом в сто тридцать футов, одетый в бесформенную мешковатую тунику, метал в Гелиум валуны и бомбы. Каждое его действие было продиктовано Пью Могелом, который сидел под бронированным балдахином на шлеме гиганта.

Джон Картер положил руку на плечо Кантоса Кана.

— Не губи понапрасну корабли и людей в битве с этим существом,— предупредил он.— И доверься мне, товарищ мой. Делай, как я сказал, по крайней мере, до рассвета!

Джон Картер взял руку Деи Торис в свою и поцеловал ее.

— До свидания, мой повелитель,— прошептала она с повлажневшими от слез глазами.

— С Кантосом Каном тебе будет безопаснее, Дея Торис,— молвил землянин и добавил,— до свидания, моя принцесса.

Затем Джон Картер перепрыгнул на палубу соседнего корабля. Ему было больно покидать Дею Торис, однако его успокаивало то, что она оставалась в надежных руках.

Спустя несколько минут десять скоростных самолетов на глазах у Деи Торис и Кантоса Кана растворились в далекой дымке.

Когда Джон Картер отбыл, Кантос Кан установил личное знамя Деи Торис рядом со знаменем нации с тем, чтобы весь Гелиум знал, что принцесса жива, и чтобы люди вдохновились ее близким присутствием.

Во время отсутствия Джона Картера Кантос Кан и Тарс Таркас следовали наказу землянина и не старались посылать людей на верную гибель. В результате бойцы Пью Могела продвигались все ближе и ближе

к Гелиуму, а сам Пью Могел начал готовить Джуга к завершающей атаке на осажденный город.

Ровно через двадцать четыре часа вернулись десять кораблей Джона Картера.

Подлетая к Гелиуму, землянин с первого взгляда оценил ситуацию. Он боялся, что вернется слишком поздно, поскольку его тайная миссия заняла больше драгоценного времени, нежели он предполагал.

Но теперь он вздохнул с облегчением. У него еще оставалось время для осуществления плана, плана, от которого зависела судьба нации.

XI

РИСКОВАННЫЙ ПЛАН

Опасаясь, чтобы Пью Могел каким-то образом не перехватил на коротких волнах сигнал для Кантоса Кана, Джон Картер отыскал флагманский корабль и подрулил к нему.

Вслед за своим лидером выстроились боевые корабли, сопровождавшие его во время выполнения секретной миссии. Капитаны ожидали новых приказов этого выдающегося человека из другого мира. За истекшие сутки они оказались свидетелями таких дерзких действий Джона Картера, о которых не мог помыслить ни один марсианин.

Последующие несколько часов должны были решить судьбу плана, столь фантастичного, что землянин недоверчиво улыбался, размышляя о возможностях его осуществления.

Даже старый приятель Кантос Кан — и тот удрученно покачал головой, когда несколько минут спустя Джон Картер объяснил ему свои намерения в кабине флагманского корабля.

— Боюсь, это бесполезно, Джон Картер, — сказал он. — Хотя твой план чрезвычайно остроумен, он не сработает против этого жуткого чудовища.

Гелиум обречен, и, пусть мы будем биться до последнего ради его спасения, ничто нам не поможет.

Произнося эти слова, Кантос Кан глядел с высоты вниз на Гелиум. На равнине бесновался гигант, швырявший в город огромные валуны.

Почему Пью Могел до сих пор не приказал гиганту проникнуть в город, Картер не мог понять. Разве что Пью Могел упивался зрелищем страшных разрушений, которые производил обезумевший Джуг.

Как бы то ни было, но Джуг лучше всего способствовал замыслу хозяина именно здесь, дожидаясь нового приказа, ибо своими действиями он наносил большой ущерб городу, чем если бы оказался в самом Гелиуме.

Но объявление общей атаки на город было лишь вопросом времени.

Тогда его окопавшиеся войска ринутся вперед, преодолевая стены и штурмуя ворота. С воздуха их поддержат обезьяны на быстрокрылых малагорах, неся с собой смерть и разрушения.

И в самом конце появится Джуг, являя собой финальный штрих в победе Пью Могела.

При мысли о последующей кровавой расправе над его народом Кантос Кан содрогнулся.

— Нельзя терять ни минуты, Кантос Кан,— проговорил землянин.— Ты должен дать мне слово, что позаботишься о том, чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно.

Кантос Кан взглянул на землянина и сказал:

— Даю слово, Джон Картер, хотя я и знаю, что это означает для тебя смерть, поскольку ни одному человеку, даже тебе, не может удасться то, что ты замышляешь!

— Отлично! — воскликнул землянин.— Я немедленно отправляюсь, и, когда ты увидишь, что гигант трижды поднял и опустил руку, это будет для тебя сигналом к выполнению моих приказов!

Непосредственно перед тем, как покинуть флагманский корабль, Джон Картер постучал в дверь каюты Дей Торис.

— Войдите,— послышался изнутри голос принцессы.

Открыв дверь, он увидел Дею Торис, сидевшую за столом. Она только что выключила экран, на котором было видно лицо Кантоса Кана. Девушка поднялась со слезами на глазах.

— Не уходи, останься, Джон Картер,— взмолилась она.— Кантос Кан только что сообщил мне о твоём рискованном плане. Он обречен на провал, и ты напрас-

но рискуешь жизнью. Останься со мной, мой повелитель, и мы умрем вместе!

Джон Картер пересек помещение и заключил принцессу в объятия, вероятно, в последний раз. Она положила голову на его широкую грудь и тихо заплакала. Крепко прижимая девушку к себе, он заговорил.

— На Марсе я нашел свободолобивый и добросердечный народ, к которому я привязался всей душой, — сказал он. — А их принцесса — женщина, которую я люблю.

Она и ее народ находятся в смертельной опасности. Пока у меня есть хоть малейший шанс спасти тебя и Гелиум от страшной катастрофы, угрожающей всему Марсу, я должен действовать.

Дея Торис взяла себя в руки и, глядя снизу вверх в его глаза, храбро улыбнулась.

— Прости меня, мой повелитель, — прошептала она. — Из-за любви к тебе я на минуту забылась. Я принадлежу также своему народу. Если есть хоть малейший шанс спасти его, с моей стороны было бы величайшим эгоизмом удерживать тебя. Ступай же и помни: если ты умрешь, сердце Деи Торис умрет вместе с тобой!

Через несколько мгновений Джон Картер сидел за приборной доской самого быстроходного одноместного корабля во всей военной авиации Гелиума.

Он помахал на прощание двум одиноким фигурам, оставшимся на флагманском корабле.

Затем он нажал на педаль газа, и его бесшумный самолет завибрировал, набирая скорость. Землянин направил нос самолета ввысь и поднялся высоко над полем боя.

После этого он спикировал вниз, словно падающая комета, рассекая воздух со свистом, несясь все быстрее и быстрее — прямо на гиганта!

ХII

СУДЬБА НАЦИИ

Ни Пью Могел, ни гигант Джуг пока еще не видели одиночного самолета, несущегося на них с высоты. Пью Могел, сидя под бронированным балдахином, который

был прикреплен к огромному шлему Джуга, руководил наступлением своих войск по радио.

Балдахин был полностью застеклен, что давало возможность Пью Могелу без помех наблюдать сверху за своими войсками.

Если бы Пью Могел взглянул наверх через круглую стеклянную крышу своего стального убежища, то наверняка увидел бы стремительно пикирующий самолет землянина.

Между тем Джон Картер поставил на кон свою собственную жизнь, жизнь любимой женщины и судьбу Гелиума именно в надежде, что Пью Могел *не* станет смотреть наверх.

Джон Картер летел со скоростью пули прямо на круглый купол святилища Пью Могела.

Джуг стоял неподвижно, ссутулив плечи. Это Пью Могел велел ему утихомириться на то время, пока он отдавал последние распоряжения своим войскам.

Гигант находился на равнине между горами и городом. Картер дождался, пока до купола осталось пятьсот футов и лишь тогда убрал газ.

Столь большую первоначальную высоту ему пришлось набрать, чтобы Пью Могел не смог его обнаружить. Скорость он развил с той же целью.

Теперь, если он желал уцелеть сам, ему требовалось сбавить газ. Столкновение должно было произойти точно на заданной скорости.

Если лететь слишком быстро, он разобьется насмерть безо всякой уверенности, что Пью Могел погиб вместе с ним.

С другой стороны, если двигаться слишком медленно, то самолет не сможет пробить крепкого стекла, покрывающего крышу. В этом случае его покалеченный самолет отскочит от балдахина, и Картер разобьется при падении на поле брани.

До купола оставалось сто футов!

Он выключил двигатель, бросил взгляд на спидометр. Еще слишком большая скорость! Его рука взлетела над приборной доской. Он нажал на три рычажка. В воздухе за фюзеляжем самолета раскрылись три парашюта. Самолет дернуло, скорость пошла на убыль.

И тут нос корабля ударился о стеклянный купол, под которым скрывался Пью Могел!

Раздался скрежет стали, треск дерева — это сплюснулся нос корабля. Затем послышался звон разбиваемого стекла, за которым последовал глухой удар — самолет прошил стеклянный купол и врезался носом в пол командного пункта Пью Могела.

Хвост корабля торчал наружу, а дверь кабины оказалась внутри балдахина.

Джон Картер выпрыгнул из самолета на пол. В руке у него сверкал меч.

Пью Могел вертелся волчком на вращающемся стуле, приведенном в движение силой удара. На полу возле ног валялись сорванные с его головы наушники и микрофон, при помощи которых он управлял действиями Джуга и военных формирований.

Когда кресло, наконец, перестало вращаться, Пью Могел остался сидеть на месте. Он уставился на землянина, не веря собственным глазам.

Маленькие глазки без век вылезли из орбит. Пью Могел беззвучно открывал и закрывал рот, пытаясь заговорить. Его искривленные пальцы конвульсивно подергивались.

— Доставай свой меч, Пью Могел! — грозным шепотом произнес землянин.

Синтетический человек не двинулся с места.

— Ты мертв! — выпалил он, наконец.

Он выглядел, словно человек, который пытается убедить себя в том, что видит перед собой не вооруженного противника, а привидение. Пью Могел выпучил глаза с таким испугом, что его левый глаз повел себя точно так же, как и в прошлый раз в Корвасе, когда Картер оказался свидетелем его возбужденного состояния.

Выпав из глазницы, глаз повис на щеке.

— Быстрей, Пью Могел, доставай оружие, у меня мало времени!

Картер ощутил, что гигант под ними забеспокоился, переминаясь с ноги на ногу. Судя по всему, он еще не подозревал о том, что наверху, под балдахином на его шлеме, произошла смена власти, хотя он и ощутимо вздрогнул, когда корабль Картера влетел в святилище его хозяина.

Картер нагнулся и поднял с пола микрофон.

— Подними руку, — крикнул он в аппарат.

Возникла пауза, затем гигант поднял высоко над головой правую руку.

— Опустим руку, — вновь скомандовал Картер.

Гигант подчинился.

Картер еще дважды повторил тот же приказ, и оба раза гигант послушно выполнял то, что от него требовалось. Землянин незаметно улыбнулся. Он знал, что Кантос Кан видел этот сигнал и исполнит данные ему ранее распоряжения.

Внезапно Пью Могел быстрым движением выхватил из кобуры лучевой пистолет и нажал на спусковой крючок.

Последовала ослепительная вспышка, затем пистолет загадочным образом выпал из его рук.

Картер успел отпрыгнуть в сторону и ударом меча выбил оружие из рук Пью Могела.

Тот был вынужден достать свой меч.

Там, на макушке гиганта, яростно сражаясь с синтетическим человеком Марса, Джон Картер оказался в одной из самых необычных ситуаций за всю свою богатую приключениями жизнь.

Пью Могел хорошо владел мечом. Его первая атака оказалась столь яростной, что ему удалось отеснить землянина, который едва справлялся с быстрым потоком ударов, наносимых в разные точки тела. Это было странное, неестественное чувство — сражаться с человеком, у которого на щеке повис глаз. Пью Могел даже не вспомнил, что у него выпал глаз. Синтетический человек прекрасно видел и одним глазом.

Вскоре Пью Могел отеснил землянина к окну. Однако, когда он выглянул наружу, с его губ сорвался возглас удивления.

ХІІІ

ПАНИКА

Проследив за взглядом Пью Могела, Картер невольно улыбнулся, преисполняясь надеждой.

— Смотри, Пью Могел! — крикнул он. — Твоя летучая армия распалась!

В небе, хрипло каркая, метались тысячи малагоров с косматыми всадниками и разлетались в разные сторо-

ны. Оседлавшие их обезьяны были не в силах управлять действиями обезумевших от страха птиц. Спасаясь от возникшего в небе непонятного, жуткого явления, они яростно махали могучими крыльями, сбрасывая седоков.

Тут же обнаружилась и причина их беспорядочного бегства.

Все небо заполнилось куполами парашютов! А к стропам каждого из спускающихся парашютов была привязана трехпалая марсианская крыса — извечный враг любой марсианской птицы. Крысы извивались и яростно визжали.

Секунду-другую Картер наблюдал за тем, как огромные грызуны вываливались из боевых кораблей, на которые он их погрузил во время своей суточной отлучки.

Его приказ исполнялся безукоснительно.

Скоро крысы начнут приземляться среди окопавшихся войск Пью Могела.

Но сейчас Картера больше занимала ситуация, в которой он оказался сам.

Пью Могел ринулся с мечом на землянина. Острие клинка задело предплечье, и по бронзовой руке заструилась кровь.

Картер снова выглянул вниз. Когда крысы приземлятся в окопах, им потребуются подмога.

Отлично! Из-за холмов появились скачущие зеленые воины Тарса Таркаса, которым уже не грозил с воздуха жестокий огонь неприятеля.

Правда, оказавшись на земле, крысы будут бросаться на всех без разбора, однако зеленые тарки верхом на тхотах были неуязвимы, тогда как обезьяны лишились средств передвижения. Ни один малагор не рискнет остаться в поле зрения своего злейшего врага.

Тем временем Пью Могел стал крадучись пятиться от окна. Краем глаза Картер увидел воздушный флот Кантоса Кана, пикирующий на позиции обезьян Пью Могела.

Неожиданно Пью Могел нагнулся и свободной рукой что-то поднял с пола.

Это был микрофон, оброненный Картером в тот миг, когда на него напал Пью Могел.

Синтетический человек поднес микрофон ко рту и прежде, чем землянин успел помешать ему, крикнул:

— Джуг! Убей! Убей! Убей!

В следующую секунду Джон Картер взмахнул мечом, и голова Пью Могела покатилась по полу.

Землянин бросился поднимать выпавший микрофон, но на его пути возникло неожиданное препятствие: тело Пью Могела вслепую металось по комнате, размахивая сверкающим мечом, в то время, как его голова каталась по полу, издавая дикие крики.

Джуг, получивший приказ хозяина, уже мчался вперед.

При каждом исполинском шаге голова гиганта дергалась взад-вперед так, что Джона Картера бросало от стены к стене.

Безголовое тело Пью Могела тыкалось по сторонам, продолжая яростно махать мечом.

— Тебе меня не убить! Тебе меня не убить! — вопила голова Пью Могела, подскакивая на полу. — Я синтетический человек Раса Таваса. Меня нельзя убить! Меня нельзя убить!

Неожиданно от сотрясения распахнулась узкая входная дверь балдахина.

Не разбирая дороги, тело Пью Могела шагнуло в образовавшийся проем и полетело вниз. При виде этого его голова завизжала от страха. Изловчившись, Картер схватил голову за ухо и выбросил наружу вслед за туловищем.

Долго еще слышал ее крики землянин, затем все стихло.

К этому моменту Джуг вооружился новой дубиной, вырвав с корнем могучее дерево, и принялся крушить все вокруг направо и налево.

— Убью! Убью! — ревел он, обрушивая дубину на самолеты Гелиума, подлетавшие к траншеям.

Невзирая на немилосердную качку балдахина, Картер припал к окну. Уже приземлялись сотнями крысы, которые, стоило им оказаться на земле, тут же остервенело бросались на обезьян в окопах.

И зеленые воины Тарса Таркаса тоже были там, отважно сражаясь бок о бок со своим великим предводителем.

Но могучая дубина Джуга, пролетая над землей, с каждым разом выкашивала по сотне бойцов.

Джуга нужно было как-то остановить!

Джон Картер нагнулся за микрофоном, катавшимся

по полу, но из-за качки сумел ухватить его лишь с третьей попытки.

— Джуг, стой! Стой! — закричал в микрофон Картер.

Тяжело дыша и ворча, гигант прекратил жестокую бойню. Он стоял, опустив плечи, полыхавший в его глазах злобный огонь постепенно угасал, а под ногами у него продолжалось яростное сражение.

Наконец, обезьяны дрогнули. В их рядах возникла паника. Они выскочили из окопов и побежали в сторону гор, преследуемые разъяренными крысами и зелеными воинами Тарса Таркаса.

Джон Картер увидел, что возле головы Джуга завис флагманский корабль Кантоса Кана.

Опасаясь, что гигант может в раздражении запросто сбить самолет с бесценным грузом, землянин просигналил пилоту держаться на расстоянии.

Затем он вновь скомандовал в микрофон:

— Джуг, ложись! Ложись!

Подобно утомленному хищному зверю, Джуг растянулся на земле среди убитых им же тел.

Джон Картер спрыгнул на землю, не выпуская из рук микрофона, который соединялся с приемным устройством, установленным в ухе Джуга.

— Джуг! — крикнул Картер. — Ступай в Корвас! Ступай в Корвас!

Джуг устался на землянина, который находился менее чем в десяти футах от его лица, и сердито заворчал.

XIV

КОНЕЦ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Землянин несколько раз повторил приказ Джугу. С лица гиганта наконец сошло недовольное выражение, он испустил нечто наподобие вздоха и встал на ноги.

Медленно повернувшись, Джуг грузно затопал по равнине, удаляясь в сторону Корваса.

А спустя десять минут, когда землянина окружили примчавшиеся из города солдаты Гелиума и Джон Картер смог вновь заключить в объятия свою принцессу, он

увидел, что голова гиганта исчезла за дальними горами.

— Почему ты отпустил его, Джон Картер? — спросил Тарс Таркас, вытирая кровь с меча о шкуру взмыленного тхота.

— В самом деле, почему, — задал вопрос и Кантос Кан, — ведь он же оказался в твоей власти?

Джон Картер оглянулся, обозревая поле битвы.

— Во всех этих смертях и во всей этой разрухе следует винить не Джуга, а Пью Могела, — ответил Джон Картер. — Теперь, когда не стало его хозяина, Джуг не опасен. К чему нам еще одна смерть вдобавок ко всем остальным, даже если бы нам и удалось его убить, — в чем я сомневаюсь.

Кантос Кан глядел, как исчезают среди гор крысы в погоне за огромными неуклюжими обезьянами.

— Расскажи мне, Джон Картер, — сказал он, наконец, с озадаченным выражением лица, — как тебе удалось поймать этих жутких крыс, погрузить их на боевые корабли, и уж тем более надеть на них парашюты.

Джон Картер улыбнулся.

— Все очень просто, — ответил он. — Когда я оказался в Корвасе и попал в плен к крысам в их подземный город, то заметил, что в пещеру, где они живут, ведет только один ход — через туннель. Там есть еще проемы в потолке, но они расположены слишком высоко. Кроме того, неподалеку от входа в пещеру росли известные вам деревья, которые при горении выделяют вместе с дымом невидимый газ, вызывающий сонливость. Я спустился с людьми в этот туннель, и мы развели огромный дымный костер из собранных на земле сучьев и веток. Под воздействием естественного сквозняка дым и газ устремились в пещеру.

Там набралось столько дыма, что крысы засыпали и гибли десятками от нехватки кислорода и действия газа. Им некуда было деться — путь к спасению преграждал огонь. Позже мы просто вошли в пещеру в противогазах и выволокли столько крыс, сколько требовалось, погрузили их на корабли, и все.

— Но парашюты! — воскликнул Кантос Кан. — Как тебе удалось надеть на них парашюты и как получилось, что крысы не сорвали их с себя, когда наконец очнулись?

— Они не приходили в сознание до самой последней минуты, — ответил землянин. — Мы постарались, чтобы

в салоне каждого корабля было достаточно газа для крыс до самого Гелиума. У нас была уйма времени, чтобы надеть на них парашюты. Крысы пришли в себя только в воздухе после того, как их выталкивали из кораблей.

Джон Картер движением головы указал на исчезающих в горах крыс.

— Как вы могли видеть, на земле они резвились как ни в чем не бывало. В первый же миг выскользнули из строп и стали яростно атаковать всякого, кто попадался им на глаза.

Что же касается малагоров, то это птицы, а птицы, как на Земле, так и на Марсе, не выносят змей и крыс. Я знал, что малагоры обратятся в бегство, стоит им увидеть в воздухе или почуять запах своих извечных врагов!

Дея Торис подняла взор на своего повелителя и улыбнулась.

— Откуда берутся такие удивительные люди? — произнесла она. — Неужели все земляне похожи на тебя?

Вечером того же дня весь Гелиум праздновал победу. Улицы города заполнились толпами смеющихся жителей. Могучие зеленые воины Тарка братались с защитниками Гелиума.

В королевском дворце был устроен великий пир в честь заслуг Джона Картера перед Гелиумом.

Старый Тардос Морс, джеддак, был настолько взволнован чудесным спасением своего города от врага и благополучным возвращением принцессы, что не сразу мог начать благодарственную речь.

Но когда он наконец заговорил, в словах его прозвучало скромное достоинство великого правителя. Землянина до глубины души тронула искренняя благодарность этих людей.

А позднее тем же вечером Джон Картер и Дея Торис вышли на балкон, выходящий в королевский сад.

По небу величественно двигались луны Марса, вызывая над равниной и над лесом причудливую, калейдоскопическую игру теней, отбрасываемых далекими горами.

И два человеческих силуэта на королевском балконе медленно слились воедино.

ЧАСТЬ II

СКЕЛЕТЫ ЮПИТЕРА

I

ЛОВУШКА

Я не ученый. Я — воин. Самое любимое мое оружие — меч, и за всю долгую жизнь у меня не было повода усомниться в том, что с его помощью можно разрешить все проблемы. От ученых же толку немного. Они постоянно заняты тем, что придумывают какие-то теории, заменяя одну другой. На протяжении моей жизни неизменным остался, кажется, только закон всемирного тяготения — впрочем, если земной шар станет вращаться раз в семнадцать быстрее, чем сейчас, то и закон гравитации перестанет действовать, а мы с вами поплывем в космическое пространство.

Теории приходят и уходят. Помнится, когда-то существовала теория, утверждавшая, будто Время и Пространство постоянно движутся вперед по прямой линии. Была и другая теория, объяснявшая, что ни Времени, ни Пространства на самом деле нет — они представляют собой лишь порождения нашего разума. Потом заговорили об искривлении Времени и Пространства. Завтра еще какой-нибудь ученый муж вытащит кипу бумаг, испишет доску замысловатыми уравнениями, формулами, знаками, символами и докажет, что угодно другое. А еще через некоторое время все эти теоретические построения рухнут у нас на глазах, и придется начинать все заново.

Подобно большинству воинов, я склонен доверять тому, что говорят о вещах, находящихся вне моей компетенции. По крайней мере, я привык вести себя подобным образом. Я верю всему, что говорят ученые. Вместе с Фламарионом я был уверен, что Марс пригоден для жизни и заселен, пока новая и более уважаемая научная школа не разубедила меня в этом. Не теряя веры в воз-

возможности науки, я согласился с ними. Потом я сам перебрался жить на Марс. Они до сих пор утверждают, будто жизни на Марсе не существует, а я на этой планете живу. Факты и теории почему-то друг с другом не в ладу. Вне всякого сомнения, ученые абсолютно правы в своих теориях. Но также неопровержимо и то, что, когда речь заходит о фактах, правда на моей стороне.

В истории, которую я собираюсь вам рассказать, факты тоже плохо состыкуются с теориями. Не знаю, как воспримут ее мои многострадальные ученые друзья, но, право же, если они хотят избавить себя от лишних затруднений, им лучше обратиться за разъяснениями прямо ко мне, а не искать ответа в своих догматических теориях.

Дея Торис, моя несравненная принцесса, и я сидели на резной скамейке в одном из садов нашего дворца на Малом Гелиуме, когда к нам подошел офицер, служивший, судя по форме, у Тардоса Морса, джеддака Гелиума. Отдав честь, он обратился ко мне:

— Джону Картеру от Тардоса Морса каор! — произнес он.— Джеддак просит вас немедленно прибыть в Зал джеддаков в императорском дворце в Большом Гелиуме.

— Сейчас же отправляюсь, — ответил я.

— Могу ли я отвезти вас? — предложил он.— Я прилетел на двухместной машине.

— Благодарю, — согласился я.— Через несколько минут я буду в ангаре.

Отдав честь, он удалился.

— Что это за человек? — поинтересовалась Дея Торис.— Не припомню, чтобы мне приходилось видеть его раньше.

— Возможно, это новый офицер из Зора, принятый Тардосом Морсом в охрану джеддака. Подобным жестом он, наверное, хотел продемонстрировать, что полностью уверен в преданности жителей этого города.

Зор, лежащий в трехстах восьмидесяти милях к юго-востоку от Гелиума, был сравнительно недавно завоеван Гелиумом и в прошлом доставил нам немало хлопот из-за предательских действий, спровоцированных некоторыми членами королевской семьи во главе с принцем

Мультисом Паром. Примерно за пять лет до описываемых мною событий этот Мультис Пар неожиданно исчез, и с тех пор в Зоре воцарились порядок и спокойствие. Высказывались разные предположения и догадки, но, кажется, никто не сожалел о том, что этот человек больше не вернулся в Зор — так его все там ненавидели за высокомерие и жестокость.

— Надеюсь, мой досточтимый дедушка ненадолго тебя задержит,— сказала Дея Торис.— Сегодня к нам на обед приглашено несколько гостей, и я бы не хотела, чтобы ты опаздывал.

— Несколько! — воскликнул я.— Это сколько же? Сотни две? Или три?

— Ты становишься просто невыносимым,— ответила она, смеясь.— Правда же, несколько человек.

— Пригласи хоть тысячу, моя дорогая, если это доставит тебе удовольствие,— заверил я свою принцессу, для верности подкрепив слова поцелуем.— А сейчас, до свидания! Думаю, через часик я вернусь.

Со дня этого нашего прощанья минул уже целый год!

Когда я бегом направлялся к ангару, располагавшемуся на крыше дворца, у меня вдруг, сам не знаю почему, возникло предчувствие надвигающейся опасности, но я приписал свое настроение тому, что мое уединение с принцессой было так быстро прервано.

Из-за разреженного воздуха на умирающей планете Марс переход дня в ночь, с точки зрения землянина, происходит совершенно внезапно. Сумерки, вследствие незначительного преломления солнечных лучей, здесь быстротечны. Когда я прощался с Деей Торис, солнце, хотя и стояло низко, все еще светило. Когда же я вышел на ту часть крыши, на которой находился ангар, уже почти ничего не было видно. Вот-вот наступит ночь. Помнится, я еще удивился, почему охрана не включила свет.

Только я начал понимать, что что-то здесь неладно, как невеста откуда взявшаяся группа мужчин окружила и обезоружила меня. Все это они проделали так быстро, что я не успел даже оказать сопротивления. Голос из темноты велел мне вести себя тихо. Это был голос того самого человека, который заманил меня в ловушку. Потом заговорили и его спутники. Язык, на котором они общались друг с другом, был мне совершенно незнаком.

Речь их была глухой, уныло монотонной, доносившейся словно из могилы.

Уложив меня на крыше лицом вниз, они связали мне руки за спиной. Затем грубым толчком приказали подняться. Теперь, наконец-то, мне предоставилась возможность рассмотреть тех, кто захватил меня в плен. То, что я увидел, ужаснуло меня. Я просто не поверил собственным глазам. Передо мной стояли не люди, а скелеты! На оскалившихся черепах темнели глазные впадины. Костяшки пальцев сжимали мою руку. Мне казалось, что я вижу все кости каждого из этих существ. И тем не менее они были живые! Они двигались. Они разговаривали. Они же потащили меня к кораблю, который я поначалу не заметил, поскольку он находился в тени ангара. Это была весьма странная машина, производшая на меня зловещее впечатление. По внешнему виду она, скорее, напоминала снаряд: с круглым носом и конусообразной хвостовой частью.

Я обратил внимание на то, что у машины нет пропеллеров. Более основательно изучить этот странный агрегат мне не удалось, так как меня втолкнули внутрь. В машине царил почти полная темнота. Я не видел ничего, кроме слабого света угасавшего дня, просачивавшегося сквозь высокие, узкие иллюминаторы.

Человек, заманивший меня в ловушку, проследовал на борт корабля вместе с остальными. Дверь закрыли, и машина бесшумно поднялась в воздух. Полет начался в совершенной темноте: не зажигали даже бортовых огней. Тем не менее, я был совершенно убежден, что какой-нибудь из наших патрульных кораблей заметит чужаков. Тогда у моих людей, по крайней мере, будет ключ к разгадке моего исчезновения, и еще до рассвета в небо поднимутся тысячи кораблей воздушного флота Гелиума, которые прочешут всю поверхность Барсума. Ни одному кораблю не удастся укрыться и остаться незамеченным.

Миновав город, огни которого я заметил внизу, машина резко ускорила ход. Пожалуй, ни у кого на Барсуме не было бы ни малейших шансов нагнать ее. Корабль двигался с огромной скоростью и совершенно бесшумно. Мои похитители зажгли в кабине свет. Оружие мне не возвратили, но руки развязали. Я с отвращением и ужасом одновременно посмотрел на двадцать или тридцать существ, окруживших меня.

Только теперь, наконец, я обнаружил, что пленили меня не скелеты, хотя по внешнему виду они, действительно, весьма напоминали голые кости мертвеца. Пергаментная кожа плотно обтягивала их черепа. Складывалось впечатление, что ни хрящей, ни подкожного жирового слоя у этих существ тоже нет. То, что поначалу я принял за пустые глазные впадины, при ближайшем рассмотрении оказалось—таки глубоко посаженными карими глазами, вообще не имевшими белков. Кожа лица соединялась с деснами, совершенно открытыми на обеих челюстях, отчего сходство с черепом покойника усиливалось еще больше. Нос этим уродцам заменяли отверстия в центре лица. Ушей в нашем понимании у них тоже не было — просто небольшие дырочки с обеих сторон головы. Пожалуй, эти создания были еще более отвратительными, чем ужасные люди-пауки, в сети которых как-то попала Тара из Гелиума. У тех, по крайней мере, хоть были красивые тела, правда, не им принадлежащие.

Тела же пленивших меня существ полностью гармонизировали с их лицами. Пергаментная кожа столь плотно обтягивала их торсы, что выделялось каждое ребро, каждый позвонок. Зрелище они являли собой, говоря мягко, не самое приятное. Когда кто-нибудь из них оказывался перед ярким светом, я мог видеть все его внутренние органы.

При этом незнакомцы не особенно старались прикрыть свои мерзкие тела — одежда их была весьма скудной. Что же касается вооружения и доспехов, то они почти не отличались от тех, которые используем мы на Барсуме: меч с ножнами, кинжал и подсумок.

Не в силах сдержать отвращения, я отвернулся и взглянул через иллюминатор на луну, заливавшую светом поверхность моего любимого Барсума. Но мы стремительно отдалялись от него! Вскоре за иллюминатором промелькнул Хлорус, дальняя луна, мимо которой мы промчались буквально за одно мгновение. Четырнадцать с половиной тысяч миль за минуту, другую! Нет, это просто невероятно.

Краснокожий человек, устроивший мое похищение, подошел ко мне и сел рядом. Его довольно симпатичное лицо казалось печальным.

— Простите, Джон Картер,— начал он.— Если вы позволите мне объясниться, то, может быть, в конце

концов, хотя бы поймете, что заставило меня поступить подобным образом. На прощение я даже и не рассчитываю.

— Куда направляется этот корабль? — прервал я его.

— На Сасум.

Сасум! Так на Барсуме называют Юпитер, а он находится за триста сорок два миллиона миль от дворца, в котором дожидается меня моя ненаглядная Дея Торис!

II

У ДАН

В течение некоторого времени я сидел молча, вглядываясь в черную пустоту космического пространства. Впрочем, оно вовсе не было пустым. Вокруг уносившего меня корабля в бескрайних просторах Вселенной блистали ярким светом бесчисленные звезды и планеты. Отовсюду: сверху и снизу, справа и слева — смотрели на меня их пронзительные глаза. А в голове моей роилось множество вопросов. Охотились ли похитители именно за мной? Если да, то зачем я им нужен? Каким образом их кораблю удалось среди белого дня проникнуть в Гелиум и совершить посадку на крыше моего дворца? Кто, наконец, этот печальный, извиняющийся человек, заманивший меня в ловушку? Кажется, лично против меня он ничего не имеет. Я никогда не встречался с ним прежде.

Он первый нарушил молчание. Мне показалось, что он угадал мои мысли.

— Вас, вероятно, интересует, почему вы оказались здесь, Джон Картер,— произнес он.— Если позволите, я сейчас попытаюсь все объяснить. Но прежде разрешите мне представиться. Меня зовут У Дан и я бывший падвар в охране Зу Тифа, джеда Зора, убитого в сражении с войсками Гелиума, свергшими его тиранию и аннексировавшими нашу страну.

Мои симпатии всегда были на стороне Гелиума, и я радовался тому, какое блестящее и счастливое будущее ожидает мой родной город, ставший частью великой Гелиумской империи. Да, я сражался против воинов

Гелиума, но только потому, что присягал защищать джеда, которого ненавидел всей душой за его тиранию и жестокость. Едва лишь закончилась война — я принес клятву верности джедаку Гелиума Тардосу Морсу.

В бытность мою при дворце джеда у меня установились очень доверительные отношения с членами королевской семьи. Я знал их всех довольно хорошо, особенно принца Мультиса Пара, который, если бы не произошло вмешательство Гелиума, рано или поздно унаследовал бы трон. О, этот человек — точная копия своего отца! Надменный и жестокий по натуре, он стал бы еще большим тираном, чем Зу Тиф. После покорения Зора он пытался организовать беспорядки и подстрекал народ к бунту. Когда же убедился в тщетности своих попыток, то куда-то исчез. Это случилось лет пять тому назад.

Другой член королевской семьи, также хорошо мне знакомый, был не похож на Зу Тифа и Мультиса Пара, как день на ночь. Звали эту девушку Ваджа, и она доводилась принцу двоюродной сестрой. Мы полюбили друг друга. Дело шло уже к свадьбе, как вдруг, примерно через два года после исчезновения Мультиса Пара, загадочным образом исчезла и моя невеста.

Признаюсь, я никак не мог понять, для чего У Дан мне все это рассказывает. Его любовные похождения меня нисколько не интересовали. Сам он тоже был мне неинтересен. Мало занимала меня и особа Мультиса Пара. Тем не менее я продолжал слушать.

— Я искал ее повсюду, — рассказывал У Дан. — Правитель Зора оказывал мне всемерную помощь, какая только была в его власти — но все безуспешно. И вот однажды ночью, когда я был совершенно один, в моем доме неожиданно появился Мультис Пар. Он не стал терять понапрасну времени и перешел сразу к делу.

— Наверное, тебе было бы интересно узнать, что произошло с Ваджей, — криво ухмыляясь, начал он.

Я тут же понял, что он способствовал ее похищению, и мне стало не по себе. Я-то хорошо знал, что это за тип.

— Где она? — закричал я, хватаясь за меч. — Отвечай, если тебе дорога жизнь!

Он только рассмеялся в ответ.

— Не дури, — сказал он. — Если ты убьешь меня, то никогда больше не увидишься с ней. Ты даже не узнаешь, где она. Если же ты станешь со мной сотрудничать,

то, может быть, получишь ее обратно. Однако нужно спешить, а то что-то и мне она начинает нравиться. Странное дело,— задумчиво добавил он,— сколько лет мы бок о бок прожили с ней во дворце, а я совершенно не замечал ее многочисленных достоинств — ни умственных, ни физических. Особенно физических.

— Где она? — еле сдерживаясь, чтобы не броситься на него, спросил я.— Если только ты причинил ей какой-нибудь вред, скотина...

— Не стоит обзывать, У Дан,— прервал он меня.— Если ты будешь действовать мне на нервы, я, пожалуй, оставлю девушку себе и подыщу кого-нибудь другого для того дела, о котором собирался поговорить с тобой. По-моему, тебе следует вести себя более разумно. Ты же всегда был человеком рассудительным. Да, какие, однако, штуки выкидывает с нами любовь. Я начинаю замечать это по себе.

Он похотливо хихикнул.

— Однако не беспокойся,— продолжил он через минуту.— Она в полной безопасности. Пока, по крайней мере. Что будет с ней дальше, целиком зависит только от тебя.

— Где она? — спросил я.

— Там, откуда тебе ее никогда не получить без моей помощи,— ответил он.

— Если она где-то на Барсуме, я найду ее,— уверенно произнес я.

— На Барсуме ее нет. Она находится на Сасуме.

— Ты лжешь, Мультис Пар,— сказал я.

Он равнодушно пожал плечами.

— Может быть, ей самой ты поверишь больше, чем мне,— сказал он, передавая мне письмо.

Оно, действительно, было от Ваджи. Я помню эту записку слово в слово:

«Сколь бы невероятным это тебе ни показалось, я нахожусь в плену на Сасуме. Мультис Пар обещал доставить тебя ко мне, если ты, как он выразился, согласишься оказать ему небольшую любезность. Не знаю, о чем он собирается просить тебя, но, если это какое-нибудь бесчестное дело, не берись за него. Со мной все в порядке».

— Чего же хочешь от меня? — поинтересовался я.— Не стану подробно пересказывать его слова. Суть их сводилась к следующему: исчезновение Мультиса Пара

из Зора было вызвано тем, что его похитили обитатели Сасума. Вынашивая планы завоевания Барсума, они прилетели туда на разведку.

Я поинтересовался, для чего им понадобилось завоевывать Барсум, и принц объяснил, что жители Сасума попросту очень воинственны. Все их помыслы связаны с войной, и с годами воинственный дух стал для них столь же органичным, как инстинкт самосохранения. Они уже покорили все остальные народности, обитающие на Сасуме, и теперь подыскивают новый объект для удовлетворения своих захватнических амбиций.

Они похитили принца для того, чтобы получить от него сведения о вооружении и боеспособности различных наций Барсума. Узнав, что самой могущественной державой на планете является Гелиум, они решили напасть именно на него, резонно рассудив, что после покорения Гелиума не составит особого труда справиться с остальными странами Барсума.

— Но какое отношение ко всему этому имею я? — спросил я.

— Я как раз собираюсь сказать об этом, — ответил У Дан. — Моргоры — народ очень основательный и деловой. Они не упустят ни одной, самой мелкой детали, способной повлиять на исход компании. Они уже располагают подробнейшими и точными картами Барсума и предположительными данными об армиях и оружии основных наций Барсума. Теперь они хотят уточнить эти сведения и получить полную информацию о военной технике, имеющейся в Гелиуме. Для этого вы им и нужны. И вам придется удовлетворить их любопытство.

Я улыбнулся.

— Не слишком же высоко цените вы честь и преданность родине гелиумцев.

Грустная усмешка скривила его губы.

— Понимаю ваши чувства, — сказал он. — Поверьте, и я рассуждал подобным же образом до тех пор, пока они не похитили Ваджу. Тогда ее жизнь стала ценой моего согласия. Только ради ее спасения я взялся играть столь неблагоприятную роль в истории с захватом вас в плен. Моргоры столь же искушены в индивидуальной и массовой психологии, сколь и в военном деле.

— Так эти существа и есть моргоры? — полюбопытствовал я, указывая в сторону омерзительных тварей.

У Дан утвердительно кивнул мне в ответ.

— Я понимаю, в какой сложной ситуации вы оказались, — сказал я, — но меня они не заставят пойти на предательство.

— Погодите, — прервал меня У Дан.

— Что вы хотите сказать? — удивился я.

— Просто советую вам не рубить с плеча. Они найдут способ, уверяю вас. Они сущие дьяволы. Мог ли я сам раньше допустить мысль о том, что однажды ко мне зайвится Мультис Пар и вынудит меня предать человека, которым я, подобно всем порядочным людям, восхищаюсь? Так же, как я восхищаюсь вами, Джон Картер. Возможно, я поступил неправильно, но когда я узнал, что Ваджа находится в руках этого негодяя, что ей угрожают мучения — даже не смерть, а страшные мучения, — я не выдержал и дал согласие. Не надеюсь, что вы меня простите, но попытайтесь понять.

— Я понимаю, — ответил я. — Возможно, при подобном стечении обстоятельств и я поступил бы так же.

Я уже успел понять, что передо мной сидит честный и достойный человек, сам попавший в ловушку. Муки совести явно не давали ему покоя. Я готов был простить его за все, что ему пришлось сделать ради спасения невинного существа, которое он любил всей душой, но что дает ему основания надеяться на то, что я предам свою страну, предам весь мой мир во имя женщины, которую даже не видел ни разу? Откровенно говоря, я еще не решил, как буду действовать дальше.

— Знаете, — произнес я, — если бы мне довелось оказаться в вашем положении, я бы, пожалуй, сделал вид, что согласен, а сам тем временем приложил все усилия к тому, чтобы помешать исполнению их планов.

— Вот и я думал об этом, — живо отозвался он. — Это единственная возможность избежать бесчестья. Может быть, мне еще удастся спасти и Ваджу, и вас.

— Разумнее было бы, чтобы мы объединили наши усилия и в том направлении, и в деле спасения Гелиума, — добавил я. — Хотя о Гелиуме я не очень-то беспокоюсь. Он вполне способен постоять за себя.

Он в сомнении покачал головой.

— Боюсь, это не совсем так, даже если хотя бы часть того, что поведал мне Мультис Пар, соответствует действительности. Моргоры прилетят на тысячах кораблей, подобных этому, невидимых для обитателей Барсума. Возможно, миллиона два из них будут брошены на

захват Гелиума, и они наводнят два главных города его прежде, чем кто-нибудь хотя бы заподозрит, что его родине угрожает опасность. Они будут вооружены смертоносным оружием, о котором на Барсуме не имеют ни малейшего представления и против которого обитатели нашей планеты совершенно бессильны.

— Невидимые корабли! — воскликнул я. — Почему же после того, как меня захватили в плен, я видел этот корабль вполне отчетливо?

— Да, — отозвался он, — в тот момент вы могли его видеть. Однако он был невидимым, когда среди бела дня пролетел под носом у ваших патрулей и приземлился на крыше вашего дворца в Малом Гелиуме. А увидели вы корабль потому, что моргоры сделали так, чтобы он утратил невидимость — иначе они сами не нашли бы его. Ведь он одинаково невидим как для нас, так и для них.

— Каким же образом им удастся сделать корабль невидимым? — не удержавшись, спросил я.

— Мультис Пар объяснял мне это, — ответил У Дан. — Я хоть и не ученый, но постараюсь более или менее точно воспроизвести его слова. Как я понял, на побережье одного из океанов Сасума есть мельчайший магнитный песок, состоящий из призматических кристаллов. Если моргоры хотят сделать корабль невидимым, они намагничивают корпус, покрывая его этими кристалликами, которые заполняют бесчисленные выемки на поверхности машины. Лучи света огибают его, и он становится совершенно невидим. Когда же надо снова размагнитить корпус, песчинки просто выдуваются из отверстий.

В этот момент к нам подошел один из моргоров и прервал нашу беседу. Его манеры были бесцеремонны и грубы. Когда он заговорил своим зауспокойным голосом, я опять не понял ни слова. У Дан что-то ответил ему на их языке, хотя и не столь унылым тоном. Затем он повернулся ко мне.

— Сейчас вам придется заняться своим образованием, — сказал он.

— Что вы имеете в виду?

— За время нашего полета вы должны выучить язык моргоров, — объяснил он.

— Сколько же продлится наше путешествие? — осведомился я. — Чтобы научиться понимать язык и уметь

на нем объясняться, нужно, как минимум месяца три.

— Наше путешествие продлится дней восемнадцать, поскольку нам придется сделать небольшой крюк в несколько миллионов миль, чтобы избежать столкновения с астероидами.

— И они предполагают, что я выучу их язык за восемнадцать дней? — переспросил я.

— Не только предполагают, но именно так и будет,— твердо ответил У Дан.

III

МОРГОРЫ САСУНА

Итак, мое обучение началось. Оно велось крайне жестокими методами, но приносило свои плоды. Мои инструкторы занимались мною, сменяя друг друга, давая мне короткие передышки только на еду и на сон. У Дан помогал им в качестве переводчика и принес немалую пользу, несмотря на то, что я довольно быстро усваиваю новые языки. Иногда постоянное недосыпание так изнуряло меня, что мозг мой отказывался воспринимать информацию, и я отвечал вяло и невпопад. В один из таких моментов занимавшийся со мной моргор, разозлившись, дал мне пощечину. Я бы снес все, что угодно,— столь велико было у меня желание выучить их язык, ибо я понимал, что без этого мне не удастся бороться с ними и расстроить их планы покорения Гелиума. Однако мириться с подобной наглостью я не собирался. От одного моего удара мерзавец отлетел в другую сторону кабины, хотя я чуть не сломал себе руку об его костлявую челюсть.

Он лежал в том месте, куда упал, не поднимаясь и не подавая никаких признаков жизни. Несколько моргоров подступили ко мне с обнаженными мечами. Ситуация складывалась явно не в мою пользу, поскольку я был безоружен. У Дан в ужасе наблюдал за происходящим. К счастью для меня, услышав шум, на месте происшествия появился их офицер. Его приход был как нельзя более кстати. Успокоив своих людей, он потребовал от меня объяснений.

К тому времени я уже знал достаточно слов на их языке, чтобы понять все то, что говорил мне он, и более

или менее внятно ответить на его вопросы. Я объяснил офицеру, что ни разу не жаловался на постоянное недоедание и недосыпание, однако никому не позволено безнаказанно бить меня.

— И ни одно низшее существо, вроде тебя, не вправе безнаказанно ударить моргора, — ответил он.

— Что же вы собираетесь предпринять? — спросил я.

— Ничего, — сказал он. — Мне приказано доставить тебя живым на Евробус. Когда мы прибудем на место и я сообщу о твоём поведении, Бандолиан решит, какого наказания ты заслуживаешь.

С этими словами он повернулся и ушел прочь, однако вскоре мне принесли еду и позволили выспаться, не говоря уже о том, что больше ни один моргор за все время нашего путешествия не поднял на меня руку.

За едой я спросил У Дана, что такое Евробус.

— Это их название планеты Сасум, — ответил он.

— А кто такой Бандолиан?

— По-моему, так они называют джедака Сасума. По крайней мере, это то самое существо, которого все они боятся и боготворят.

Всласть отоспавшись, я почувствовал себя бодрым. Вялость, как рукой сняло, все, что я изучал с моими наставниками, отчетливо вспомнилось. Тут как раз их командир решил проэкзаменовать меня лично. Я ни минуты не сомневаюсь в том, что он затеял это с единственной целью — уличить меня в нерадивости и, возможно, наказать. Держался он нагло и высокомерно. С нескрываемой издевкой он начал задавать мне простейшие вопросы, но, в конце концов, явно разочарованный, оставил меня в покое. Занятий со мной больше не проводили.

— Вы отлично справились, — сказал мне У Дан. — Вы научились их языку даже быстрее, чем они рассчитывали.

Шел пятнадцатый день нашего путешествия. В последние три дня меня оставили в покое. Долгие космические перелеты — вещь довольно утомительная. Я целыми днями даже не выглядывал в иллюминатор. Правда, причина заключалась в том, что у меня просто не было на это времени из-за непрерывных занятий. Теперь же, предоставленный самому себе, я решил полюбоваться космическим пейзажем. Первое, что бросилось мне в

глаза, был величественный Юпитер. Все пять его спутников были отчетливо видны. Я разглядел даже ближайшую к нему малюсенькую планету, диаметр которой составляет не более тридцати миль. С каждым днем очертания Юпитера становились все более внушительными. Мы приближались к нему с невероятной скоростью двадцать три мили в секунду, но нас разделяло еще миллиона два миль.

В последнее время моя голова постоянно была забита моргорскими словами, которые надо было заучивать, и сейчас, почувствовав себя свободным, я с удовольствием позволил себе поразмышлять о постороннем. Как может существовать жизнь на Юпитере, если одни ученые утверждают, что температура на поверхности этой планеты не поднимается выше двухсот шестидесяти градусов ниже нуля, а представители другой, не менее уважаемой научной школы, напротив, считают, что Юпитер пребывает в полурасплавленном состоянии и на нем так жарко, что с поверхности постоянно поднимаются испарения, благодаря которым идут непрерывные горячие дожди? Как могут жить люди в атмосфере, состоящей в основном из газов аммиака и метана? Как сказывается огромная сила тяготения, существующая на Юпитере? Удержусь ли я на ногах? А если упаду, то хватит ли у меня сил на то, чтобы снова подняться?

Не давал мне покоя и еще один вопрос: какая сила вот уже столько дней со страшной скоростью мчит наш корабль в космическом пространстве? Я спросил об этом У Дана.

— Они используют Восьмое излучение Барсума, известное нам как толчковое излучение, в соединении с концентрированной силой притяжения всех небесных тел, вблизи которых проходит корабль, а также космическое излучение. Моргоры собирают космические лучи, а затем с высокой частотой выпускают их из хвостовой части корабля. Восьмое излучение Барсума обеспечивает развитие начальной скорости при взлете, с его же помощью происходит резкий сброс скорости при заходе на посадку. Силы тяготения используются как для увеличения скорости, так и для управления кораблем. Иными словами, секрет их межпланетных кораблей заключается в первую очередь в концентрации различных космических сил и в умелом использовании заключенной в них огромной энергии.

— Благодарю, У Дан,— сказал я.— По-моему, я уловил общий принцип. Думаю, многие мои ученые друзья на Земле удивятся, когда я познакомлю их с ним.

Это невольно сорвавшееся у меня с языка упоминание об ученых снова заставило меня задуматься о различных научных теориях насчет Юпитера, которым, по-видимому, суждено разбиться вдребезги в ближайшие двадцать четыре часа, в течение которых я должен впервые в своей жизни ступить на эту планету. Очевидно, она заселена существами, во многом похожими на нас. У них имеются легкие, сердце, почки, печень и прочие внутренние органы. Я знал это наверняка, поскольку успел рассмотреть одного из моргоров, когда он стоял между мной и ярким светом. Через его полупрозрачную пергаментную кожу все внутренности были видны еще более отчетливо, чем на рентгеновском снимке. Итак, наука в очередной раз будет посрамлена. Признаться, мне было жаль незадачливых ученых. Они уже столько раз попадали впросак со своими теориями, что должны были бы смириться. Ведь эти же самые ученые, к примеру, из всех сил держались за модель Вселенной, предложенную Птолемеем, и когда в 1610 году Галилей открыл четыре спутника Юпитера, они накинулись на него, утверждая, что его открытие — полнейший абсурд. А какие аргументы они приводили — просто смехотворно! У человека, дескать, семь отверстий на голове: два уха, два глаза, две ноздри и рот — значит, и на небосводе должно быть семь планет, не больше и не меньше! Опровергнув при помощи таких научных доводов абсурдное открытие Галилея, они бросили его в тюрьму.

На расстоянии примерно пятисот тысяч миль от Юпитера корабль начал медленно сбрасывать скорость, готовясь к посадке. Еще через три или четыре часа мы уже вошли в плотный облачный слой, окружающий планету. Сейчас скорость корабля едва-едва переваливала за шестьсот миль в час.

Я просто изнывал от желания поскорее увидеть поверхность Юпитера и никак не мог дожидаться, когда же корабль выйдет, наконец, из слоя облаков, откуда ничего не было видно.

В конце концов, этот момент все-таки настал. Что за удивительный вид открылся мне! Огромная планета лежала подо мной, озаренная таинственным красным светом, который, струясь как будто бы из облаков, окра-

шивал в розовые тона горы, холмы, долины, равнины и океан. Сначала я никак не мог понять, откуда же берется этот заливающий все вокруг свет, но внезапно, окидывая взором открывшуюся мне панораму, я заметил вдали огромный вулкан, из жерла которого на несколько тысяч футов вверх вздымалось пламя. Позднее я узнал, что кратер этого гиганта составляет целую сотню миль в диаметре и целая цепь таких «факелов Гаргантюа» опоясывает экватор Юпитера. Подобные же вулканы разбросаны в разных местах планеты. Именно они служат источниками света и тепла для мира, который, не будь их, был бы обречен пребывать в холоде и во тьме.

Когда мы спустились ниже, я увидел и города, расположенные на изрядном расстоянии от этих вулканов. В воздухе появилось несколько кораблей, с виду напоминавших тот, на котором меня доставили с Марса. Некоторые из них были меньше, другие — крупнее нашего. Два корабля приблизились к нам, и мы совсем замедлили ход. Очевидно, это были патрули. Один из них подлетел к самому борту нашего корабля, другой застыл неподалеку. Командир моргоров поднял люк над кабиной управления и высунулся наружу. Дверь патрульного корабля открылась, и в отверстии показался офицер. Они обменялись несколькими словами друг с другом, после чего офицер отдал честь и снова скрылся в кабине. Нам разрешили идти на посадку. Замечу, что все это произошло на высоте около пяти тысяч футов.

Теперь мы медленно снижались, описывая в воздухе круги над большим городом. Позже я узнал, что он раскинулся на площади почти в четыре тысячи квадратных миль. Впечатление город производил довольно мрачное — он был плотно застроен зданиями темно-коричневого цвета. Это однообразие объяснялось довольно просто: при возведении города использовалась, в основном, вулканическая порода. Унылый вид усугубляло и полное отсутствие какой-либо растительности: ни лужайки, ни кустика, ни деревца на всем этом громадном пространстве!

Прямые улицы города, пересекавшиеся друг с другом точно под прямым углом, были как будто проложены по линейке. Аккуратные квадраты площадей тоже, скорее, напоминали тщательно вычерченные геометрические фигуры. Слава Богу, что хоть дома, тоже одинаковой прямоугольной формы, несколько отличались друг от

друга размерами. Кажется, только это и нарушало однообразие мрачного города.

Впрочем, не только это. В городе было и несколько открытых площадок без всяких построек. Возможно, они использовались как плацы. Я разглядел их лишь тогда, когда корабль спустился уже совсем низко. Сверху их было трудно различить, так как они были засыпаны все тем же темно-коричневым камнем.

В сопровождении двух патрульных кораблей мы опустились на большую площадку, в непосредственной близости от которой находились ангары. В них стояло множество уже знакомых мне машин.

Нас тут же окружили воины, среди которых я, к немалому своему удивлению, заметил нескольких людей, внешне ничем не отличающихся от меня, если не считать того, что кожа у них была пурпурного цвета. Они были безоружные и почти совершенно нагие. Как только мы покинули борт корабля, они тут же оттащили машину в ангар. Я понял: это — рабы.

Разговор между прибывшими моргорами и вышедшими встречать корабль их соплеменниками был по-военному краток и напрочь лишен обмена какими-либо приветствиями и любезностями. Офицеры отдали честь друг другу, командир нашего корабля назвал свое имя (как выяснилось, его звали Хаглион) и доложил, что возвратился с экипажем с Марса (он называл его Гаробусом). Затем он приказал десятку своих солдат конвоировать меня и У Дана. Они тотчас окружили нас, и мы двинулись с летного поля вслед за Хаглионом.

Выйдя на широкую улицу, заполненную пешеходами, я невольно обратил внимание на то, что по тротуарам шествовали исключительно моргоры. Пурпурные люди жались к обочине. Навстречу попадались всадники, восседающие на отвратительного вида громадных существах с огромным количеством ног. Среди них встречались и особенно крупные экземпляры, на хребте которых умещалось до десяти-двенадцати моргоров. Да и остальные, бежавшие по улице животные нисколько не походили на земных — Впрочем, не стану утомлять вас их описанием.

Помимо наземного транспорта над улицей на небольшой высоте сновали взад-вперед маленькие аэропланы. А мимо нас шли и шли толпами мрачные люди, почти не разговаривавшие друг с другом и, насколько я успел

заметить, вообще не улыбающиеся. Казалось, будто это покойники, поднявшиеся из могил, чтобы поразмять свои кости в огромном городе-кладбище.

Мы с У Даном шли по обочине дороги, стража — по тротуару, ни на минуту не спуская с нас глаз. Видно, мы недостаточно хороши, раз нам не позволено ходить там, где расхаживают моргоры! Хаглион привел нас на большую площадку, окруженную какими-то строениями. Несмотря на величественные размеры, они не производили никакого впечатления из-за своей безликости. Правда, нельзя было не заметить, что строились они явно с расчетом на века.

Нас провели в одно из этих зданий, у входа в которое стоял одинокий часовой. Хаглион что-то сказал ему, и он немедленно вызвал офицера, который и сопровождал нас внутрь. Тут имена и полные данные о каждом из нас были занесены в толстую книгу. Хаглион получил расписку о сдаче пленных, после чего он и его солдаты удалились.

Наш новый опекун отдал какие-то распоряжения находившимся в помещении воинам, и они, вытолкнув нас на винтовую лестницу, повели вниз. В конце концов, мы с У Даном очутились в темном подвале. Дверь за нами захлопнулась, щелкнул замок, и мы услышали звук шагов удаляющихся конвоиров.

IV

...И САВАТОРЫ

Несмотря на мой интерес к Юпитеру, у меня и в мыслях не было когда-либо посетить эту планету, ибо земным ученым удалось уверить меня в том, что условия на ней губительны для всякого живого организма. Тем не менее сейчас я находился на Юпитере, и, должен заметить, пребывал в полном здравии. Хотя масса Юпитера значительно превышает массу Земли, сила тяготения здесь чувствуется гораздо слабее. Она даже меньше той, к которой я привык на Марсе. Причина этого заключается, как я догадался, в том, что Юпитер слишком быстро вращается вокруг своей оси. Центробежная сила, выталкивающая человека в космическое пространство,

превышает силу тяготения. Никогда еще я не чувствовал себя таким невесомым, как на этой удивительной планете. Интересно, как высоко я мог бы подпрыгнуть?

Подвал, в который нас заперли, к подобного рода экспериментам не располагал. Он представлял собой довольно просторное помещение, выложенное темно-коричневыми вулканическими камнями. Несколько светильников на потолке едва освещали нашу тюрьму. Из небольшого отверстия, проделанного в середине одной из стен, струйка воды стекала в углубление на полу. От него шел желобок для стока. На пол было небрежно брошено несколько набитых сеном матов. Вот и вся обстановка нашей камеры.

— Моргоры оказались весьма заботливыми хозяевами,— заметил я, обращаясь к У Дану.— Они обеспечили нас водой для питья и купания. Выделили маты, на которых можно хоть сидеть, хоть лежать. Провели в подвал свет. Мы надежно защищены здесь от наших врагов. Пока они проявляют такое трогательное участие...

— Тише,— предупреждающе зашипел У Дан.— Мы здесь не одни.

Кивком он указал в дальний угол подвала. Я глянул в ту сторону и только тогда заметил, что на одном из матов кто-то лежит.

В это самое время незнакомец поднялся и подошел к нам. Он оказался нормальным человеческим существом.

— Вы можете не бояться меня,— сказал он.— Что бы вы ни говорили о моргорах, едва ли вам удастся найти более оскорбительные слова, чем те, которыми ругал их я. Но и самые крепкие ругательства кажутся мне недостаточными.

За исключением голубоватого цвета кожи, я не заметил в этом человеке ничего, что бы отличало его внешне от меня или от У Дана. Тело его, почти совсем обнаженное, было безволосым, но на голове красовалась пышная шевелюра. Говорил он на том же языке, что и моргоры. У Дан и я общались между собой на универсальном барсумском языке. Странно, каким образом этот человек понял, о чем мы разговаривали. С минуту мы с У Даном молча разглядывали его.

— Может быть,— предположил наш однокамерник,— вам непонятен язык Евробуса?

— Понятен,— заверил его я.— Нас удивляет другое: то, что вы понимаете наш язык.

Парень рассмеялся.

— Я его не понимаю,— сказал он.— Просто вы упоминали моргоров, и из этого я заключил, что вы говорите о них. А потом ваш товарищ, заметив меня, предупредил вас, чтобы вы говорили потише. Значит, вы их ругали. Скажите же, кто вы? Вы и не моргоры, и не саваторы.

— Мы с Барсума,— ответил я.

— Моргоры называют его Гаробусом,— вставил У Дан.

— Я слышал о нем. Это мир, лежащий высоко над облаками. Моргоры собираются захватить его. Они и вас, наверное, взяли в плен, чтобы выудить какую-нибудь информацию, или же собираются держать в качестве заложников.

— Думаю, и то и другое,— сказал У Дан.— А за то посадили вас?

— Я случайно столкнулся с моргором, переходившим улицу на перекрестке. Он ударил меня, а я сбил его с ног. За это я буду убит во время очередных упражнений с конченными.

— О каких упражнениях вы говорите? — не понял я.

— Обучение молодых моргоров почти всецело состоит из предметов и упражнений, связанных с военным искусством. Поскольку зрелище это захватывающее, поскольку оно поднимает боевой дух как самих участников, так и зрителей, то обычно индивидуальные поединки заканчиваются упражнениями молодежи над конченными. После этого выдержавшие испытание кадеты зачисляются в касту воинов — высшую моргорскую касту. Искусство, литературу и науку, если только они как-то не связаны с войной, моргоры презирают. Самим им удалось выжить на Евробусе только благодаря саваторам, но мы, к сожалению, не уделяли никакого внимания военным приготовлениям. Будучи миролюбивой нацией, мы вооружались только для того, чтобы защитить в случае надобности свою землю.

Он остановился на мгновение, и печальная улыбка появилась на его лице:

— Этого оказалось недостаточно, чтобы одолеть моргоров.

— Расскажите нам поподробнее об этих ритуальных

упражнениях,— попросил У Дан.— Из кого состоит класс конченных?

— Из преступников и рабов,— отозвался саватор.— В основном, это мои соотечественники. Правда,— тут же добавил он,— иногда на такую казнь моргоры осуждают и некоторых своих преступников, самых отпетых. Умереть подобным образом для моргора считается страшным позором: ему ведь приходится сражаться плечом к плечу с существами низшего порядка против представителей своей расы.

— Так они считают вас существами низшего порядка! — воскликнул я.

— Моргоры относятся к нам почти как к бессловесным тварям, но при этом, правда, полагают, что мы должны нести полную ответственность за свои поступки, поскольку способны отличить хорошее от плохого. Под последним они понимают любое выражение недовольства в свой адрес.

— Ну, а если предположить, что кто-то выживет во время этих упражнений,— поинтересовался я.— Тогда он свободен?

— Теоретически,— да,— ответил он.— Практически — нет.

— Вы полагаете, что они способны нарушить данное ими же честное слово? — удивился У Дан.

Саватор расхохотался.

— Они не имеют ни малейших представлений о чести,— пояснил он.— К тому же я не припомню ни одного случая, чтобы кому-нибудь удалось остаться после этих упражнений в живых. Моргоры просто не допустят этого.

Рассказ саватора еще больше укрепил нелестное мнение о моргорах, которое постепенно начало складываться у меня. По-видимому, это действительно существа, начисто лишенные благородства и порядочности.

В подвале на некоторое время воцарилось молчание. Нарушил его саватор.

— Я ведь даже не знаю ваших имен,— сказал он.— Может быть, познакомимся? Меня зовут Зан Дар.

Едва мы успели представиться друг другу, как ввалившиеся в камеру воины велели У Дану и мне следовать за ними.

— Прощайте! — крикнул вдогонку Зан Дар.— Может, больше не увидимся.

— Эй, ты, заткнись! — рявкнул один из воинов.

Зан Дар подмигнул мне и засмеялся. Моргор рассмешился.

— Я кому сказал: заткнись!

Мне показалось, что он готов был броситься на Зан Дара и прикончить его на месте. Возможно, так бы он и поступил, но ему было приказано доставить нас, и это заставляло его торопиться. Случившееся лишний раз убедило меня в исключительном высокомерии моргоров. Одновременно я все больше и больше восхищался Зан Даром.

Нас с У Даном перевели через площадку к огромному зданию, вход в которое усиленно охранялся. Унылый вид самого строения, мрачные физиономии стороживших его скелетообразных существ — все это невольно навевало ассоциации с вратами ада. Ощущение было не из приятных.

Пока мы ожидали дальнейших распоряжений сопровождавших нас конвоиров, часовые, безглаголиво поглядывая в нашу сторону, принялись обсуждать нас.

— Чем-то они напоминают саваторов, — заметил один.

— Они так же омерзительны, как и те, — поддакнул другой.

— А у одного из них кожа совсем темная, — произнес третий.

Меня, в свою очередь, тоже удивил розоватый оттенок кожи моргорских солдат. Взглянув на У Дана, я обнаружил, что он совсем пунцовый. Мои руки тоже приобрели красный цвет, правда, не такой густой, как у У Дана. Сначала эта метаморфоза меня несколько обескуражила, но вскоре я понял, что причина подобных превращений весьма проста. Огромное пламя, вырывавшееся из жерла располагавшегося близ города вулкана, отражало свой свет от внутренней поверхности облаков, и все кругом было окрашено в розовые тона. Мне невольно пришли на ум строчки из одной популярной песенки, которую повсюду распевали на Земле во время одного из моих посещений этой планеты: «Гляжу на мир сквозь розовые очки, и все мне представляется в розовом свете». Вокруг меня все тоже было окрашено в розовые тона, однако особого оптимизма у меня это почему-то не вызывало.

Наконец, офицер появился и приказал конвоирам

ввести нас внутрь. Интерьер здания вполне соответствовал его внешнему виду. Хотя, как выяснилось впоследствии, нас привели во дворец правителя моргоров, обстановка его была весьма убогой и унылой. Никаких украшений, вообще ничего, что хоть как-то скрасило бы мрачную атмосферу выложенных темно-коричневым камнем коридоров и таких же полупустых, правильной четырехугольной формы комнат. Даже ковров на полу нигде не было.

Нас, наконец, привели в большую комнату, в центре которой вокруг стола стояло несколько моргоров. За столом важно восседало такое же скелетообразное существо. Хотя все моргоры совершенно безлики, я тем не менее узнал в одном из офицеров в толпе Хаглиона — командира корабля, на котором меня доставили на Сасун с Марса.

У Дану и мне приказали остановиться чуть поодаль от группы моргоров. Вскоре в комнату ввели еще двух краснокожих марсиан — мужчину и девушку. Девушка была удивительно хороша собой.

— Ваджа! — воскликнул У Дан.

Я уже и без его возгласа догадался, что эта девушка — невеста моего похитителя. Не сомневался я и в том, что второй марсианин — принц Зора Мультис Пар. Хотя он выглядел подавленным и явно нервничал, надменное выражение не сходило с его лица.

Между тем девушка, только теперь заметившая У Дана, глядя на своего жениха широко раскрытыми глазами, порывисто шагнула к нему. Конвоир немедленно остановил ее, грубо схватив за руку. Тонкие губы Мультиса Пара скривила злобная улыбка.

По приказу сидевшего за столом существа нас подвели поближе к нему. Внешне этот тип ничем не отличался от всех остальных моргоров. Он был одет и вооружен точно так же, как они. Только нанесенный на его меч иероглиф, которыми моргоры обозначают имя, положение и титул владельца оружия, был у него особый. Это был иероглиф Бандолиана, императора моргоров.

Прямо перед Бандолианом на столе лежала большая карта, и я сразу понял, что это карта Барсума. Видимо, император изучал ее со своими офицерами. Наконец, Бандолиан поднял голову и, глядя на Мультиса Пара, спросил:

— Кто из них кто? Который тут бог войны Барсума?

Принц указал на меня. Бандолиан уставил на меня свои ввалившиеся глаза, и в это мгновение мне показалось, будто сама смерть заглянула мне в лицо.

— Кажется, тебя зовут Джон Картер,— то ли спрашивая, то ли просто констатируя факт, произнес Бандолиан.

Я утвердительно кивнул в ответ.

— Хотя ты и являешься существом низшего порядка,— продолжал император,— какие-то зачатки здравого смысла у тебя, надеюсь, имеются. Слушай меня внимательно. Я намерен напасть на Барсум и захватить его.— Он сказал не «Барсум», а «Гаробус».— Мне нужно, чтобы ты сообщил мне и моим людям имеющуюся у тебя информацию об основных силах Гаробуса, особенно то, что касается империи Гелиума. В обмен на это тебе будет сохранена жизнь.

Вместо ответа я рассмеялся прямо ему в лицо. Его физиономия перекосилась от ярости.

— Ты смеешь смеяться надо мной, тварь! — рявкнул он.

— Это мой ответ на твое предложение,— невозмутимо ответил я.

Бандолиан пришел в полное неистовство.

— Уведите его и прикончите! — распорядился он.

— Подождите, Великий Бандолиан! — вмешался Мультис Пар.— Информация, которой располагает этот человек, нам крайне необходимая, и я знаю способ заставить его сотрудничать с нами.

— Говори, какой способ,— смягчил свой гнев император.

— На Гаробусе у него осталась жена, в которой он души не чает. Схватите ее, и Джон Картер сделает все, что вы потребуете, лишь бы его любимой не причинили зла.

— Все, кроме того, что требуют моргоры,— прервал я Мультиса Пара.— Окажись моя жена здесь, у меня не останется ни малейших сомнений в том, какая участь ей уготована.

— Довольно,— сказал Бандолиан.— Уведите их всех прочь.

— Джон Картер должен быть казнен? — поинтересовался командир конвоя, доставившего нас во дворец.

— Не сейчас,— ответил Бандолиан.

— Он ударил моргору,— напомнил Хаглион,— одного из моих офицеров.

— За это он заплатит своей жизнью,— подтвердил Бандолиан.

— Мне, видно, придется умирать дважды,— язвительно заметил я.

— Уведите же его! — крикнул Бандолиан, снова приходя в ярость.

Когда нас выводили из комнаты, Ваджа бросила пронзительный взгляд на У Дана.

V

Я ДЕЛАЮ ВИД, ЧТО СКЛОНЯЮСЬ К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ

Саватор Зан Дар был несказанно удивлен тому, что мы так быстро вернулись назад.

— По правде сказать,— признался он,— я никак не надеялся на то, что нам доведется увидеться снова. Что случилось?

Я в нескольких словах рассказал ему о том, что произошло, и добавил, что меня дважды за несколько минут приговорили к смерти.

— А как ваши дела, У Дан? — поинтересовался Зан Дар.

— Я понятия не имею, что они собираются сделать со мной,— ответил У Дан.— Бандолиан не сказал мне ни слова.

— Это неспроста. Скорее всего, он хочет, чтобы вы сломались. Он позволил вам повидаться с любимой девушкой и теперь, вероятно, ждет, чтобы вы повлияли на Джона Картера, заставив его уступить их требованиям. Думаю, и Джон Картер остался в живых только потому, что Бандолиан не теряет надежды вынудить его к предательству.

Зан Дар сообщил нам, что континент, на котором мы находимся,— самый большой на Юпитере. Он с древних времен был заселен моргорами, именно отсюда они на протяжении веков совершали завоевательные походы в другие земли. Покоренные страны, во главе каждой из которых стоял назначаемый из моргоров генерал-губернатор, платили моргорам дань промышленными товарами, продуктами и рабами. Лишь немногие территории на Сасуме — как правило, небольшие и не представ-

лявшие для моргоров особого интереса — смогли сохранить независимость и свои законные правительства. К их числу относилась и родина Зан Дара — отдаленный остров Занор.

— Занор — земля величайших гор, густо поросших огромными деревьями, — пояснил Зан Дар. — Благодаря этим горам и лесам, нам и удалось защитить свою родину от врагов.

Признаюсь, когда Зан Дар сказал, что высота королевской горы на Заноре, одной из самых величественных, достигает двадцати миль над уровнем моря, я не сразу поверил ему.

Неожиданно дверь в нашу темницу отворилась, и в подвал в сопровождении офицера и нескольких воинов вошел Мультис Пар. Я нисколько не сомневался, что он явился, чтобы уговорить меня принять предложение Бандолиана.

— Вторжение на Барсум и его завоевание неотвратимы, — без лишних предисловий начал он. — Оказав услугу Бандолиану, вы можете смягчить его гнев на обитателей Барсума. Тем самым вы гораздо больше поможете нашему миру, чем продолжая тупо упрямяться и отказывая Бандолиану в содействии.

— Вы зря теряете время, принц, — оборвал его я.

— Но в ваших руках наши жизни, — закричал он. — Если вы откажетесь, то не только умрете сами, но погубите также У Дана, Ваджу и меня. Терпение Бандолиана почти лопнуло.

Он бросил взгляд на У Дана, ища у того поддержки.

— Лучшей смерти нельзя и желать, — сказал, к моему удивлению, У Дан. — Я буду счастлив хотя бы таким образом искупить свою вину перед Джоном Картером.

— Да вы оба просто идиоты! — воскликнул, выходя из себя, Мультис Пар.

— Зато не предатели, — заметил я.

— Да, вы погибнете, Джон Картер, раз уж так добиваетесь этого, — прорычал он. — Но прежде увидите свою жену в лапах моргоров. За ней уже послали. Так что, если передумаете, дайте мне знать через часовых.

Я рванулся вперед и одним ударом сбил мерзавца с ног. Клянусь, я прикончил бы его на месте, если бы моргоры не вытащили его из подвала.

Итак, они отправились за Деей Торис, и я ничем не могу им помешать. Конечно, моргоры захватят и

ее. Разумеется, они придумают, под каким предлогом завлечь ее в свои сети. Как же быть дальше? Чем пожертвовать — моей любимой принцессой или моей второй родиной? Честно говоря, я не знал. Передо мной был пример У Дана, который предпочел патриотизм любви. Смогу ли я поступить так же?

Вскоре однообразие нашего заточения было нарушено появлением нового узника. Ко всему прочему он оказался моргором! Это-то и повергло нас в некоторое замешательство. Поменяйся мы местами и окажись на нашем месте моргоры, а на его месте один из нас, нетрудно предвидеть, как бы они его третировали, с каким презрением относились бы к нему. Вот и наш моргор, видимо, ожидавший такой же участи, забился в дальний угол подвала. Мы шепотом обсуждали ситуацию. В конце концов, было решено обращаться с ним так, как и с любым другим заключенным, нашим собратом по несчастью. Первый шаг к сближению сделал Зан Дар, поинтересовавшийся у новичка, за что тот попал в тюрьму.

— Я убил одного типа, у которого оказался довольно влиятельный родственник во дворце Бандолиана, — с готовностью отозвался моргор, подходя ближе. — За это я должен буду поплатиться жизнью во время очередных упражнений над конченными. Все мы погибнем, — добавил он с глухим смешком. И, помолчав, добавил, — если только не удастся бежать.

— Значит, мы все погибнем, — обреченно повторил Зан Дар.

— Возможно, — снова загадочно добавил моргор.

— Еще никому не удавалось бежать из моргорских тюрем, — произнес Зан Дар.

Меня же заинтересовало это «возможно», явно не без тайного смысла произнесенное им. Я решил попробовать сойтись с моргором поближе. Никакого вреда этот живой скелет принести не способен, зато вполне может оказаться полезен. Представившись сам и представив своих товарищей, я спросил моргора, как его зовут.

— Ворион, — ответил он. — А ты мог бы и не представляться, Джон Картер. Мы ведь встречались. Неужели ты не узнаешь меня?

Заметив недоумение на моем лице, он ухмыльнулся.

— Я дал тебе пощечину, а ты в ответ отшвырнул меня в противоположный угол корабля. Отличный был

удар. Все уж, было, решили, что ты прикончил меня.

— А,— наконец, догадался я,— так ты один из моих инструкторов. Тебе, наверное, доставит удовольствие узнать, что за этот удар меня приговорили к смерти.

— Возможно, все не так плохо,— сказал Ворион.

Опять это «возможно». Что же он имеет в виду?

Через некоторое время Ворион признался мне:

— Вы все трое оказались очень порядочными людьми. Вам ничего не стоило превратить мое пребывание в этой камере в сущий ад, и я никогда не упрекнул бы вас за это: вполне естественно, что вы ненавидите нас, моргоров.

— Все мы сейчас в одной лодке,— ответил я.— Чего мы добьемся, враждуя друг с другом? А вот если будем держаться вместе, то, возможно...

Я нарочно вставил это слово, которое он повторял столько раз.

Ворион кивнул мне в ответ.

— Думаю, у нас есть шанс.

— На что? — не понял я.

— На побег.

— Разве это возможно?

— Возможно.

У Дан и Зан Дар жадно прислушивались к нашему разговору. Между тем Ворион продолжал развивать свою мысль.

— Если нам удастся бежать,— сказал он, повернувшись к Зан Дару,— то каждый из вас может быть уверен в том, что найдет убежище. А что ждет меня? В любой стране на Евробусе мне угрожает смерть. Либо от моргоров, либо от тех, кто их ненавидит. Вот если бы ты мог пообещать, что я буду в безопасности в твоей стране...

Он замолк, явно ожидая ответа Зан Дара.

— Я могу лишь обещать, что сделаю все от меня зависящее,— ответил Зан Дар.— Но не сомневаюсь в том, что если ты поможешь мне бежать отсюда и добраться до Занора, тебе будет разрешено остаться в нашей стране и гарантирована полная безопасность.

Наш разговор был прерван приходом стражников. Их офицер приказал мне выходить из камеры. Я не на шутку испугался: если меня изолируют, то мне действительно, никогда не удастся выбраться отсюда.

Меня снова повели во дворец Бандолиана, в уже знакомую мне большую комнату. Тиран, как и в прош-

лый раз, восседал за массивным столом. Мрачно глядя на меня, он сказал:

— Даю тебе последний шанс.

И, повернувшись к одному из офицеров, добавил:

— Введите другого.

Ждать долго не пришлось. Дверь справа от меня отворилась, и в помещение в сопровождении моргорских воинов вошла Дея Торис. Моя несравненная Дея Торис! Вот, значит, кто этот «другой».

Видели бы вы, с каким достоинством шествовала она, как гордо держала голову, словно и не замечая окруживших ее отвратительных существ. Да, ради такой женщины можно пожертвовать целым миром!

Ей велели встать в двух шагах от меня. Повернувшись, она ободряюще улыбнулась мне и прошептала:

— Мужайся! Я знаю, зачем меня доставили сюда. Только не уступай им. Смерть лучше бесчестья.

— Что там она мелет? — недовольно спросил Бандолиан.

Я быстро соображал. Конечно, ни один из них не знает барсумского языка. В своем тупом высокомерии они не удосужились изучить язык низшей расы.

— Она умоляет, чтобы я спас ее, — ответил я.

Дея Торис не сдержала улыбки. Очевидно, ее тоже обучили языку моргоров за время перелета с Марса на Сасум.

— И ты поступишь весьма мудро, если откликнешься на ее просьбу, — сказал Бандолиан. — В противном случае я позволю Мультису Пару всласть потешиться над ней, а потом ее подвергнут страшным пыткам. Не думай, что ей удастся так просто умереть.

Я содрогнулся при мысли о том, какую судьбу уготовило моей дражайшей супруге это чудовище, и уже был готов уступить ему.

— Если я соглашусь помочь вам, вы гарантируете, что она живой и невредимой будет доставлена обратно в Гелиум?

— И она, и ты — вы оба, после того, как я завоюю Гаробус, — подтвердил Бандолиан.

— Нет! Нет! — зашептала Дея Торис. — Я лучше умру, чем соглашусь вернуться в Гелиум предательницей. Нет, Джон Картер, ты никогда не сделаешь этого даже во имя спасения моей жизни.

— А пытки! А увечья! Да я тысячу раз стану преда-

телем, лишь бы избавить тебя от этого. Но не беспокойся: я обещаю, что на тебя не падет позор. Я никогда больше не вернусь на Барсум.

— Им не удастся подвергнуть меня пыткам,— решительно произнесла она.— Лезвие моего кинжала длинно и остро.

— Отлично,— ответил я.— Мы можем отдать свои жизни за Барсум, как это делали многие тысячи храбрых воинов. Но пока мы еще не мертвы. Помни об этом, дорогая моя принцесса, и не прибегай к крайним мерам, пока не умрет последняя надежда.

— Пока жив ты, жива и надежда,— произнесла она.

— Короче,— снова вмешался Бандолиан.— Ваша глупая болтовня мне уже порядком надоела. Принимаешь ты мое предложение или нет?

— Я как раз обдумываю его,— сказал я.— Но мне нужно перекинуться еще парой слов со своей женой.

— Давай, только быстрее,— поторапливал меня Бандолиан.

Я повернулся к Дее Торис.

— Где тебя содержат?

— На верхнем этаже башни, в задней части этого здания. Вместе со мной еще одна обительница Барсума, девушка из Зора. Ее зовут Ваджа.

Бандолиан уже совсем потерял терпение. Он нервно постукивал кулаком по столу.

— Ну, хватит,— рявкнул он.— Говори свое решение!

— Дело слишком серьезное,— ответил я.— Я не могу дать ответ сию же секунду. Позвольте мне вернуться в камеру и переговорить с У Даном. Ведь и его жизнь поставлена на карту.

— Отведите его в подвал,— приказал Бандолиан своим офицерам. И, снова обратившись ко мне, добавил: — Я даю тебе совсем немного времени. Терпение мое истощилось.

VI

ПОБЕГ

Никакого плана у меня не было. Надежды тоже почти не оставалось. По крайней мере, мне удалось

добиться некоторой отсрочки. За это время, возможно, мы найдем способ бежать.

Мои сокамерники и удивились, и обрадовались моему возвращению. Я кратко рассказал им о том, что произошло. У Дан страшно расстроился, узнав, что Дея Торис попала в лапы моргоров, и снова начал проклинать себя за то, что втравил меня в эту историю.

— Одними сетованиями беде не поможешь,— сказал я ему.— Они не помогут нам выбраться отсюда. Они не помогут нам освободить Дею Торис и Ваджу. Так что кончайте заниматься самобичеванием. Нам есть о чем подумать.

Я повернулся к Вориону.

— Ты говорил о возможности побега. Объясни, как можно его осуществить.

Хотя он и не привык, чтобы существа низшей расы говорили с ним, моргором, таким не допускающим возражений тоном, это его нисколько не покорило. Он только хмыкнул. Точнее, издал звук, похожий на смешок. Моргоры, как я уже замечал, не умеют смеяться. С рождения до смерти они носят на лице одну и ту же маску — холодную, высокомерно-брезгливую.

— Тут дело случая,— начал он.— Может, повезет, а может, и нет. Но даже если у нас ничего не получится, наше положение от этого хуже не станет.

— Так расскажи подробней,— сказал я.

— Я могу открыть замок на двери в нашу камеру,— объяснил Ворион.— Если нам повезет, мы выберемся из этого здания незамеченными. Мне известен один ход, которым почти не пользуются. В свое время я служил в тюремной охране.

— А что произойдет потом, когда мы окажемся на улицах города? — спросил У Дан.— Нас-то троих во всяком случае схватят сразу же.

— Совсем не обязательно,— возразил Ворион.— На городских улицах много рабов, которые внешне ничем не отличаются от Зан Дара. Конечно, цвет кожи людей с Гаробуса может привлечь внимание, однако другого случая нам не представится. Стоит рискнуть.

— Как же все-таки нам пройти по улицам? — спросил Зан Дар.

— Я сделаю вид, что вы рабы, которых мне поручено сопровождать. Правда, мне придется обращаться с вами, как с рабами, чтобы не вызвать подозрений. Надеюсь, вы

меня за это простите. Я отведу вас на площадку, на которой стоит множество кораблей. Это частные машины очень богатых и влиятельных моргоров. Скажем, что я привел вас, чтобы вы привели в порядок один из кораблей. Мне известен такой, которым почти не пользуются. Когда мы проникнем на борт корабля, ничто не сможет помешать нашему побегу. Если приступим к делу немедленно, то уже через час мы будем лететь по направлению к Занору.

— Нам надо еще освободить Ваджу и Дею Торис,— напомнил я.

— Про них я совсем забыл,— признался Ворион.— Неужели вы станете рисковать собственной жизнью из-за двух женщин?

— В этом не может быть сомнений,— сказал У Дан. Ворион недоуменно пожал плечами.

— Тем не менее мы попытаемся,— решительно сказал я.— Ты с нами, Зан Дар?

— До конца,— подтвердил саватор.— Что бы ни случилось.

Ворион снова пожал плечами.

— Как хотите,— произнес он, но уже без особого энтузиазма.

Он принялся колдовать над замком, и буквально через минуту-другую дверь распахнулась. Мы вышли в коридор. Ворион прикрыл дверь в камеру и снова запер ее.

— Пускай поломают голову,— заметил он.

Ворион вел нас по коридору в направлении, противоположном тому, откуда нас привели. Становилось все темнее, кругом полно было пыли. Видимо, этим ходом редко пользовались. В конце коридора оказалась дверь, с замком которой моргор справился так же быстро, как и с предыдущим. Еще через минуту мы уже были в узком переулке.

Ворион, со вкусом играя свою роль, нещадно бранился и понукал нас, мы, в свою очередь, покорно склонив головы, старались держаться обочины, однако на душе у меня было беспокойно. Правда, Ворион старался вести нас по менее многолюдным улицам, но все-таки навстречу нам попадалось довольно много моргоров, которые не могли не обратить внимание на странный цвет кожи двоих из нас.

Мои предчувствия, в конце концов, оправдались.

Один из шедших навстречу моргоров смерил нас подозрительным взглядом, а затем, дав нам пройти, окликнул Вориона.

— Кто эти двое? — спросил он. — Это не саваторы.

— Они больны, — ответил Ворион, — поэтому цвет кожи у них изменился.

Я не мог не оценить того, как быстро он нашелся в столь щекотливой ситуации.

— А сам-то ты кто такой? — не унимался прохожий. — Если тебе поручено сопровождать рабов, то где твоё оружие?

Ворион оглядел себя, изображая искреннее удивление.

— Кажется, я его забыл, — сказал он.

— Сдается мне, что ты врешь, парень, — явно не удовлетворенный полученными объяснениями, произнес моргор. — Ну-ка, следуйте все за мной.

На мгновение мне показалось, что это конец. Я быстро огляделся по сторонам: поблизости не было ни души. Нельзя было терять ни минуты. Я изо всех сил ударил моргора. В этот миг я думал только о том, что он хочет помешать мне спасти мою драгоценную Дею Торис. Вероятно, поэтому удар оказался смертельным. Моргор рухнул наземь, как подкошенный.

— Ты убил его, — воскликнул Ворион. — Что ты наделал! Это же один из наиболее доверенных офицеров Бандолиона! Если теперь нас схватят, то мы будем подвергнуты мучительным пыткам.

— Нам нет никакой нужды сдаваться в плен, — отозвался я. — Давай лучше воспользуемся одним из аэропланов, которые стоят на стоянке. Во-первых, сэкономим время, да и риска меньше.

— На этой машине мы далеко не улетим. На ней нельзя преодолеть даже небольшие горные хребты, а кроме того, ее невозможно сделать невидимой. Нам следует идти на летное поле, как договаривались, — возразил Ворион.

— Мы можем отправиться туда и на транспорте, — заметил я. — Это избавит нас от нежелательных столкновений с твоими любопытными соотечественниками.

Буквально через несколько минут мы уже были возле летного поля. Как и предупреждал Ворион, охрана остановила нас и принялась расспрашивать, кто мы такие и что нам надо. Снова успех всего предприятия

повис на волоске. У солдат вызвало недоумение то, что при Ворионе не было никакого оружия, и они никак не хотели пропускать нас, пока не выйдет дежурный офицер. Эта встреча могла стать для нас роковой. Конечно, мне бы ничего не стоило прикончить еще одного моргора, но на сей раз нам едва ли удалось бы остаться незамеченными. А солдат на летном поле, как я успел заметить, было предостаточно.

Спас положение Ворион.

— Послушай,— нетерпеливо воскликнул он.— Я не собираюсь ждать тут целый день, пока придет офицер. У меня мало времени. Пропусти нас, рабы примутся за дело, а когда появится твой начальник, пускай он подойдет к нам и расспросит обо всем, о чем пожелает.

Доводы Вориона, в конце концов, убедили охранника, и он пропустил нас. Я вздохнул с облегчением. Когда мы отошли на несколько шагов, Ворион сказал мне, что назвал часовому совсем не тот корабль, который мы намереваемся похитить. Честное слово, этот моргор был совсем не так прост.

Мы, не теряя времени, забрались на борт выбранного Ворионом корабля. Я с интересом наблюдал за всеми действиями моргора, стараясь не отвлекать его лишними вопросами. За восемнадцать дней моего путешествия с Марса на Сасум мне ни разу не было позволено зайти в кабину управления, и теперь я старался наверстать упущенное.

Первым делом Ворион намагнитил корпус корабля, сделав его невидимым, а затем запустил мотор. Я вкратце объяснил ему свой план, и мы взяли курс ко дворцу Бандолиана.

— Когда я остановлю машину возле окна,— сказал Ворион,— тебе придется действовать очень быстро. Пока бортовой люк будет открыт, нас могут заметить.

— Не волнуйся, я постараюсь управиться, как можно скорее,— заверил я.

Окно в помещении, в котором содержались под стражей Дея Торис и Ваджа, было распахнуто настежь. Я быстро выпрыгнул из корабля вовнутрь. У Дан и Зан Дар остались у двери, готовые принять на борт меня и наших женщин.

К счастью, я не ошибся и попал именно в ту комнату, в которой находились Ваджа и Дея Торис. Однако они были не одни. Какой-то мужчина, обхватив Дею Торис,

пытался ее поцеловать. Она отчаянно отбивалась. Ей помогала и Ваджа, колотившая незнакомца кулаками по спине.

Вцепившись в негодая, я одним рывком отшвырнул его в угол и, не теряя времени на объяснения, велел обоим женщинам спешить на борт корабля. Тем временем мужчина, очухавшись, поднялся на ноги. Оказалось, что это Мультис Пар! Узнав меня, он побелел от злости и, выхватив меч, принялся громко звать стражу.

Заметив, что я безоружен, принц совсем осмелел и двинулся на меня. Попытайся я добежать до окна, Мультис Пар, без сомнения, догнал бы меня и нанес удар в спину. Я решил действовать напролом и шагнул ему навстречу. Ошарашенный, он отступил. Не давая ему очухаться, я приблизился к нему вплотную, и в следующий момент мои пальцы сомкнулись на его горле. Совсем одурев от страха, принц отбросил меч в сторону и принялся истошно вопить.

Я прикончил бы его в два счета, однако тут дверь распахнулась, и в комнату ворвалось с дюжину моргорских воинов. «Неужели конец? — подумалось мне. — Неужели все наши старания пошли насмарку?»

— Немедленно закройте люк и улетайте! — крикнул я в открытое окно У Дану. — Это приказ!

У Дан колебался. Дея Торис, стоявшая рядом с ним, протянула руку в мою сторону и, казалось, готова была выпрыгнуть из корабля, чтобы поспешить мне на помощь. Опомнившись, У Дан принялся закрывать дверь. Через мгновенье корабль вновь стал невидимым.

Все это время я не отпускал Мультиса Пара. Выпучив глаза, он с ужасом наблюдал за происходящим. Вбежавшие в комнату моргоры помешали мне прикончить подлеца.

Меня привели в маленькое и совершенно темное подвальное помещение и цепями приковали к стене, после чего оставили в покое. Дверь в мою темницу захлопнулась.

Окажись на моем месте слабовольный или нервный человек, он, пожалуй, мог бы и помутиться рассудком. Прикованный цепями к стене темного подземелья, я не имел никаких шансов на спасение. Однако на душе у меня было легко и радостно. Я думал о Дее Торис, которая в это самое время в сопровождении надежных людей на невидимом корабле держит путь в страну Зан Дара.

Впрочем, мне недолго пришлось пребывать в одиночестве. Вскоре за мной пришли. Признаюсь, мне очень хотелось есть и пить, однако кормить меня, кажется, не собирались.

На сей раз меня привели не к Бандолиану, а к какому-то офицеру. Из всех моргоров, которых я видел, этот показался мне самым отвратительным. Он казался живым воплощением смерти. Судя по тому, как он держался и какие вопросы задавал, я заключил, что существо, к которому меня доставили, является, по-видимому, главным следователем в империи моргоров.

— Ну, что, тварь, — рявкнул он на меня. — Даже за малую часть того, что ты успел натворить, тебя следует немедленно подвергнуть мучительным пыткам.

— Не надо кричать, — оборвал его я. — У меня со слухом все в порядке.

Он так взбесился, что изо всех сил ударил кулаком по столу.

— Ты сполна заплатишь за свою дерзость и неуважение, — пригрозил он мне.

— Я уважительно отношусь только к тем, кто заслуживает уважения, — невозмутимо ответил я. — Ты, чертов мешок с костями, к ним не относишься.

Следователя настолько ошеломила моя наглость, что на какое-то время он лишился даже дара речи. Опомнившись, он вскочил из-за стола и выхватил свой меч.

Мое положение казалось безвыходным. Я стоял совершенно безоружный перед разъяренным врагом. Кроме того, в комнате находилось еще несколько моргоров, и двое из них крепко держали меня за руки, стоя по бокам. Сознание собственной беспомощности станови-

лось для меня невыносимым. Мой следователь надвигался на меня, явно намереваясь пронзить мечом, и, вероятно, сделал бы это, если бы в этот момент в помещение не вошел еще один моргор.

Вошедший мгновенно понял, что происходит, и поспешил вмешаться.

— Остановись, Горгум! — крикнул он.

Это подействовало.

— Тварь заслуживает смерти, — пустился в объяснения тот, кого называли Горгумом. — Он оскорбил меня, офицера великого Бандолиана!

— Мы должны исполнять волю Бандолиана, — сказал офицер. — А у него другие виды на это презренное существо. Как продвигается допрос?

— Этому типу было не до допроса, — вмешался я в их разговор. — Не успели меня привести, как он начал орать на меня.

— Молчи, низшее существо! — оборвал меня пришелец. — Конечно, я понимаю, Горгум, — продолжил он, обращаясь к следователю, — что у тебя могли сдаться нервы, но наше дело — выполнять приказания Бандолиана. Продолжай расследование.

Горгум вложил меч в ножны и вернулся на свое место за столом.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Я — Джон Картер, принц Гелиума, — ответил я.

Сидевший сбоку от Горгума моргор принялся что-то писать в большую книгу. Видимо, это был писарь, который вел протокол допроса.

— Как тебе и находившимся с тобой преступникам удалось выйти из камеры, в которую вы были заключены?

— Через дверь, — спокойно сказал я.

— Это невозможно. Дверь была закрыта на замок, когда обнаружили ваше исчезновение.

— Если вы так хорошо осведомлены, зачем же задаете мне вопросы?

Физиономия следователя опять перекосилась от злости.

— Видишь, Хорур, — сказал он, обращаясь ко второму офицеру, — какая это дерзкая тварь!

— Отвечай на вопросы благородного Горгума, — накинулся на меня тот. — Как тебе удалось выйти через запертую дверь?

- Она не была заперта.
- Нет, была! — крикнул Горгум.

Я пожал плечами.

— По-моему, мы понапрасну теряем время. Какой смысл расспрашивать меня, если следователю все известно лучше, чем мне, несмотря на то, что его в подвале не было?

— Ладно, объясни толком, как тебе удалось выбраться, — уже менее раздраженным тоном предложил Хорур.

— Мы открыли замок.

— Это невозможно, — снова вмешался Горгум.

— В таком случае мы должны по-прежнему находиться в подвале, — заметил я. — Может, вам стоит сходиться и посмотреть?

— Никуда мы не пойдем, — сказал Хорур.

— Дело ваше, — ответил я.

— Продолжим допрос, — сказал Хорур. — Итак, мы предполагаем, что ты совершил побег из тюрьмы.

— Логично, — согласился я.

Он пропустил мою ироническую реплику мимо ушей.

— Важно даже не то, как тебе удалось это сделать. Сейчас нас больше интересует другой вопрос: где находятся трое твоих сокамерников и двое похищенных вами женщин. Мультис Пар сказал, что они скрылись на корабле. Я думаю, это один из наших кораблей, украденный с летного поля.

— Мне неизвестно, где они сейчас.

— Но куда они собирались направиться, ты знаешь?

— Если бы и знал, то не сказал бы вам.

— Я приказываю тебе отвечать под страхом смертной казни!

В ответ на это я рассмеялся.

— Вы в любом случае убьете меня.

Хоруру удавалось держать себя в руках гораздо лучше, чем Горгуму, однако я не мог не заметить, что и его терпению наступает конец.

— Тебе сохраняют жизнь, если ты будешь вести себя более разумно, — сказал он. — Великий Бандолиан хочет от тебя не так уж и много. Скажи нам, куда собирались направиться твои сообщники, и пообещай, что окажешь помощь Великому Бандолиану в покорении Гелиума.

— Нет, — твердо ответил я.

— погоди, — продолжал увещевать меня Хорур. —

Бандолиан готов пойти еще дальше. Он гарантирует, что после того, как мы захватим Гелиум, ты со своей женой сможешь вернуться на родину и получишь высокий пост в новом правительстве. Если же ты не согласишься, то будешь казнен. Твою жену тоже разыскивают, и можешь не сомневаться, что ее найдут. Что ждет ее в этом случае, догадайся сам. Так что хорошенько подумай.

— Я не собираюсь обдумывать подобное предложение. Я уже ответил вам, и мой ответ окончателен. На предательство я не пойду никогда.

Хорур, видимо, пораженный моим упрямством, с минуту пристально смотрел на меня.

— Глупец! — сказал он, наконец, и, обратившись к Горгуму, добавил, — отправь его в камеру.

Меня отвели в большой подвал, в котором уже находилось около двадцати заключенных. Все они были саваторами.

Не успели мои конвоиры запереть дверь, как один из арестованных подошел ко мне.

— Кто это к нам пожаловал? — довольно развязно начал он. — Краснокожий человек! Это не саватор. Кто ты такой, парень?

Мне не понравился его тон, однако я предпочел не связываться и, не говоря ни слова, прошел в дальний угол довольно большой камеры. Этот тип увязался за мной.

— Я, кажется, спросил, кто ты такой, — угрожающе произнес он, остановившись возле меня. — А когда Фо Лар задает вопрос, нужно отвечать, да побыстрее. Я здесь пахан. — Он огляделся вокруг. — Не правда ли?

Несколько человек угрюмо кивнули ему в ответ. Однако я сразу понял, что этот Фо Лар не пользуется среди остальных особой популярностью. Судя по тому, как нагло этот крепыш вел себя со мной, он был большим задирой. Наверное, он запугал и сокамерников.

— Ты, кажется, ищешь неприятностей на свою голову, Ло Фар, — сказал ему я. — Что касается меня, то у меня и без тебя проблем выше головы.

— Меня зовут Фо Лар, приятель, — обозлился он.

— Называйся как хочешь, мне все равно.

Заключенные с интересом прислушивались к нашей перепалке. Некоторые ухмылялись.

— Придется поставить тебя на место, — надвигаясь на меня, прорычал Фо Лар.

— Послушай,— попытался урезонить его я.— Лучше угомонись и оставь меня в покое.

— Да ты, видать, трус,— воскликнул Фо Лар.— Я оставлю тебя в покое, но только после того, как ты на коленях попросишь у меня прощения.

Я лишь рассмеялся в ответ, чем еще больше разозлил его. Однако он не спешил нападать на меня. Как и все хвастуны, он был гораздо смелее на словах, чем на деле.

— Не зли меня,— сказал он.— Когда я зол, я за себя не ручаюсь. Запросто могу и убить.

Фо Лар начал мне порядком надоедать.

— Может, это тебя разозлит,— произнес я и, размахнувшись, влепил ему пощечину.

Удар получился не слишком сильным, но парень еле устоял на ногах. Снеси он такое оскорбление — и его авторитету в камере немедленно пришел бы конец. Фо Лар это понимал и, оправившись от удара, бросился на меня. Остальные саваторы, окружившие нас плотным полукругом, внимательно наблюдали за поединком, бросая на меня сочувственные взгляды.

Мы сцепились. С первых же мгновений нашей схватки я понял, что Фо Лар отнюдь не слабак. Тем не менее для меня справиться с ним не составляло особого труда. Хотя драться мне совсем не хотелось, следовало раз и навсегда проучить наглеца. Немного поиграв с ним, я мощным ударом сбил его с ног.

— Молодец, краснокожий! — воскликнул один из заключенных.

— Прикончи его! — крикнул другой.

Фо Лар бездыханно лежал на полу, а ликующие саваторы окружили меня.

— Наконец-то он получил по заслугам!

— Кто ты такой, парень?

— Меня зовут Джон Картер. Я с Гаробуса.

— Я слышан о тебе,— сказал один из заключенных.— Да и остальным известно о твоих подвигах. Как ловко ты обвел вокруг пальца этих моргоров! Видно, за это тебя и бросили к нам, в камеру смертников. Что ж, давай знакомиться. Меня зовут Хан Ду.

Он крепко пожал мне руку. Этот дружеский жест растрогал меня чуть не до слез. С тех пор, как я покинул Землю, мне ни с кем не приходилось обмениваться рукопожатием. У марсиан это не принято — в знак приветствия они просто кладут руку вам на плечо.

— Ты сказал, что в этой камере содержатся смертники? — переспросил я.

— Да. Нам всем предстоит погибнуть во время очередных упражнений над конченными, когда молодые моргоры на нас будут демонстрировать свою силу и ловкость. Думаю, ждать осталось недолго.

VIII

НА АРЕНЕ

В течение некоторого времени Фо Лар лежал без сознания. Я уже забеспокоился, не убил ли я его. Наконец, он открыл глаза и огляделся вокруг. Встретившись глазами со мной, он отвел взгляд. Медленно поднявшись на ноги, Фо Лар двинулся в другой конец камеры. Несколько заключенных тут же подступили к нему.

— Ну, что, пахан? — язвительно спросил один из них и дал ему оплеуху.

Еще двое накинулись на Фо Лара с кулаками. Мне пришлось вмешаться.

— Оставьте его, — сказал я, подходя к дравшимся. — Он получил хороший урок. Если у кого-то из вас с ним личные счёты, то подождите, пока он окончательно оправится.

Один здоровяк никак не хотел уgomониться, и мне пришлось применить силу, чтобы привести его в чувство. Постепенно все заключенные успокоились. Напряжение спало. Наша схватка с Фо Ларом произвела эффект очистительной грозы. Когда мы познакомились поближе, оказалось, что мои сокамерники, в том числе и Фо Лар, совсем неплохие ребята.

Я поинтересовался, нет ли среди них кого-нибудь из Занора — родины Зан Дара. Выяснилось, что, хотя соотечественников моего товарища в подвале нет, некоторые знают, где находится этот остров. Один из них даже попытался нарисовать на стене карту Юпитера, чтобы наглядно объяснить мне, где расположен Занор.

— Боюсь только, — заметил он, — тебе это уже не пригодится.

— Как знать, — уклончиво ответил я.

Они подробно рассказывали мне о том, что ждет нас

во время упражнений над конченными, в ходе которых будет происходить посвящение молодых моргоров в касту воинов. Роль подопытного кролика, обреченного на закланье, меня никак не устраивала.

— Кто из вас хорошо владеет мечом? — поинтересовался я.

Откликнулось около половины, но зная, как люди иной раз любят бахвалиться своей доблестью, не имея на то никаких оснований, я решил, что стоит проверить моих бойцов в деле.

— Мечей нам, конечно, нигде не раздобыть,— сказал я,— но если бы удалось достать палки такой же длины, как и мечи, мы вполне могли бы потренироваться и выяснить, кто из нас чего стоит.

— Для чего все это? — спросил кто-то.

— Мы заставим моргоров дорого заплатить за свое посвящение,— ответил я.

— Раб, который приносит нам пищу,— сказал Хан Ду,— мой соотечественник. Я думаю, через него мы сможем раздобыть дюжину палок. Он хороший парень. Я попробую поговорить с ним.

Приятель Хан Ду не подвел нас, и вскоре мы смогли приступить к тренировкам. Оказалось, что сам Хан Ду весьма искусно владеет мечом, а Фо Лар показал себя просто превосходным бойцом. Давненько мне не приходилось иметь дела с таким ловким противником.

После нашей стычки Фо Лар замкнулся в себе, почти ни с кем не разговаривал, и я подозревал, что он втайне подумывает о том, как бы взять реванш за свое поражение. Я решил поговорить с ним начистоту.

— Чтобы осуществить задуманный мной план,— сказал я,— мы все должны держаться вместе. Мне очень нужны хорошие бойцы, а ты, скажу без преувеличения, владеешь мечом, как бог. Но я должен быть уверен, что ты не ослушаешься меня в решающий момент. Так что решай...

— Я выполню любое твое распоряжение,— неожиданно растрогавшись, ответил он.— Вот тебе моя рука в знак нашей дружбы!

Я с готовностью пожал протянутую мне руку.

— Если бы я познакомился с тобой раньше,— продолжал Фо Лар,— я не вел бы себя так глупо. Ты можешь всецело рассчитывать на меня. Прежде, чем мы погибнем, мы дадим моргорам хороший урок. Надолго

они его запомнят. Эти болваны полагают, что владеют мечом лучше всех. Представляю, как вытянутся их черепообразные физиономии, когда они увидят, как ты умеешь драться. Я с нетерпением жду начала нашего поединка.

Признаться, Фо Лар сильно удивил меня. Я никак не мог отделаться от ощущения, что на самом деле этот парень трусоват. Может быть, он так осмелел перед лицом смерти?

В подвале нас было около двадцати человек. Мы втроем — Хан Ду, Фо Лар и я — принялись обучать остальных приемам боя. Время за тренировками шло незаметно. Некоторые из наших подопечных оказались весьма талантливыми учениками.

Наконец, долгожданный момент настал. В камеру вошла группа солдат, которые должны были сопроводить нас к месту поединка. Я быстро оглядел свое «войско». Лица парней светились улыбками. Они ждали этого боя как облегчения, чем бы он ни закончился — победой или смертью. Их возбужденное настроение передалось и мне.

Нас привели на четырехугольное поле, со всех сторон окруженное местами для зрителей. Тысячи угрюмых глаз были устремлены на нас из впалых глазниц. При этом над площадкой стояла полная тишина. Поистине ощущение было такое, словно мы выступаем перед обитателями царства мертвых.

Какой-то офицер (по-видимому, распорядитель соревнований) подошел, чтобы проинструктировать нас.

— Когда на том конце поля появятся кадеты, вы двинетесь вперед и вступите с ними в бой,— кратко пояснил он.

— Что будет с теми из нас, кто останется в живых? — поинтересовался я.

— Не беспокойся, тварь, никто из вас в живых не останется,— отрезал он.

— Ну, а если все-таки допустить, что кто-нибудь из нас уцелеет? — снова задал я свой вопрос.

— Ему будет сохранена жизнь, и он сможет закончить свои дни в рабстве,— ответил, наконец, моргор.— Только этого не случится. Никому еще не удавалось уйти после этих упражнений живым. Кадеты на поле! Встречайте свою смерть, презренные!

— Презренные, по местам! — скомандовал я.

Моя шутка подняла настроение заключенных. Они заняли свои позиции в том порядке, который мы выработали еще во время тренировок в подвале. Я находился в центре, Хан Ду и Фо Лар — на флангах. Четким шагом мы двинулись навстречу противнику, растянувшись в шеренгу на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

— Смерть моргорам! Смерть! — раздался брошенный кем-то из наших клич.

От нас, обреченных на гибель бессловесных тварей, явно не ожидали такой организованности. На трибунах раздались удивленные возгласы. Да и сами кадеты пришли в замешательство. Когда до них осталось футов двадцать пять, я дал команду:

— В атаку!

Весь поединок продолжался, наверное, не более пятнадцати минут. Мы потеряли десять человек, но все лучшие бойцы уцелели. Когда был сражен последний моргор, над трибунами воцарилась полная тишина.

Девять моих парней окружили меня плотным кольцом.

— Что будем делать дальше? — спросил Фо Лар.

— Кто из вас хочет вернуться в рабство? — вместо ответа спросил я.

— Никто! Никто! — раздались возбужденные голоса.

— Нас здесь десять человек. Нам нет равных на Евробусе во владении мечом. Думаю, мы вполне можем вырваться из города. Вы хорошо знаете эту местность. Есть у нас шансы оторваться от погони?

— Есть, — решительно ответил Хан Ду. — Сразу за городом начинаются густые джунгли. Если мы доберемся до них, моргорам нас не найти.

Пробегая по улицам мрачного города, мы слышали сзади крики моргоров. По-видимому, их солдаты уже отправились за нами вдогонку, но мы успели оторваться и старались удерживать дистанцию. У городских ворот нас снова попытался остановить отряд моргоров. Между тем погоня приближалась, и голоса за спиной слышались все громче. Нельзя было терять ни минуты. Втроем мы выступили вперед — Фо Лар, Хан Ду и я. Схватка длилась недолго. Что могли сделать моргоры против трех бучших бойцов трех миров?

Вот, наконец, и лес! Здесь — наше спасение, здесь мы сможем надежно укрыться от моргоров. Признаюсь,

мне трудно описать эти джунгли — столь они непохожи на наши, земные леса. Листва на деревьях, почти совершенно лишенных солнечного света, была мертвенно-белого цвета. Лишь розоватые блики вулканического пламени, пробивавшиеся сквозь раскидистые кроны, слегка оживляли лесной колорит. Однако самое странное заключалось даже не в этом. Ветви деревьев двигались, словно живые существа. Они ползли по земле, скручивались в воздухе — и на первый взгляд могло показаться, что лес кишит гигантскими змеями. Неожиданно одна из ветвей обвилась вокруг моего тела. Хмыкнув, я попытался освободиться. Не тут-то было! Улыбка мгновенно сошла с моего лица, когда я осознал свою полную беспомощность против этого странного существа. Между тем ветка начала медленно поднимать меня вверх. Хорошо, что тут подоспел Хан Ду. Он схватил меня за ногу и, одной рукой держась за меня, перерубил мечом древесные оковы. Мы оба полетели вниз.

— Что за дьявольщина! — воскликнул я. — Что это было?

Хан Ду кивком указал вверх. Я посмотрел и увидел, что верхушку мощного ствола дерева венчал огромный цветок. Но что это был за цветок! В самом центре его зияла, оскалившись двумя рядами острых зубов, отвратительная пасть, а над нею располагалось два глаза, пристально глядевших на меня.

— Я совсем забыл, что ты не с Евробуса, — извинился Хан Ду. — У вас, наверное, нет таких деревьев.

— Конечно, нет, — отозвался я. — Правда, встречаются кое-где насекомоядные растения, но деревьев-людоедов, действительно, нет.

— В наших лесах нужно постоянно быть начеку, — предупредил он. — Эти деревья — живые существа со своей нервной системой и мозгом. Считается, что у них есть и свой язык, на котором они переговариваются друг с другом.

— Да, в ваших лесах нельзя чувствовать себя в безопасности, — подытожил я.

— Надо лишь соблюдать все меры предосторожности, — сказал Хан Ду. — Если приходится заночевать в джунглях, следует развести костер. Эти деревья не выносят дыма. Тогда цветок закрывается, и дерево не может напасть на человека. Главное, следить, чтобы огонь не погас.

Случилось так, что я оказался в одной группе с Фо Ларом и Хан Ду, путь которых лежал в ту же сторону, где располагался Занор. Честно говоря, я совершенно не представлял себе, как мне удастся добраться до далекого острова на планете, площадь которой составляет двадцать три миллиарда квадратных миль. Хан Ду тоже пытался отговорить меня от этой безумной затеи. Он заверял, что я буду радушно принят у него на родине, если, конечно, нам посчастливится живыми и невредимыми дойти до нее. Но я ответил, что во что бы то ни стало доберусь до Занора, где меня ждет моя любимая Дея Торис.

IX

НА ЗАНОР!

Не стану утомлять вас подробным отчетом о всех приключениях, которые нам пришлось пережить, прежде чем мы оказались в одном из городов страны Хан Ду. Продвигались мы, в основном, лесом, поскольку в его зарослях чувствовали себя в наибольшей безопасности. Моргоры ведь могли послать в погоню за нами и свои невидимые корабли. Однако нам приходилось преодолевать и равнины, и реки, и горы.

В этой стране, где не бывает ночей, трудно не потерять счет времени. Мне показалось, что наша одиссея затянулась на несколько месяцев. Большую часть этого времени с нами был и Фо Лар, однако настал день, когда нам пришлось попрощаться. Конечно, жаль было терять верного товарища и отличного бойца, но путь наш лежал в разные стороны.

Наконец, мы с Хан Ду вышли к берегу океана.

— Вот мы и дома,— произнес мой спутник.— Город, в котором я живу, находится возле этого моря.

Никакого города поблизости видно не было, но я промолчал.

Спустившись с холма вниз, мы двинулись по узкой прибрежной равнине. Хан Ду шел справа на расстоянии нескольких ярдов от меня. Неожиданно я ударился обо что-то твердое, словно передо мной возникла кирпичная стена. Я протер глаза — никакой стены не было. Сделав шаг назад, я простер вперед руки и почувствовал, как

они опять наткнулись на какой-то твердый предмет. Вероятно, это и была стена, преградившая мне путь. Странно, что я по-прежнему ничего не видел перед собой.

Оглянувшись по сторонам, я обнаружил, что и Хан Ду исчез. Это выглядело тем более странно, что нигде поблизости не было такого места, где он мог бы спрятаться. Между тем он словно сквозь землю провалился. Совершенно сбитый с толку, я, как слепой, наощупь двинулся дальше. Руки мои отчетливо ощущали твердый остов стены, а глаза видели только пустынную равнину. Не успела кончиться одна стена, как я почти тут же наткнулся на другую. Все это выглядело весьма подозрительно.

Наконец, я громко позвал Хан Ду, и почти в то же мгновение он появился рядом, как будто вырос прямо из-под земли.

— Что это за шутки? — сердито спросил я. — То я натыкаюсь на воздушную стену, которая по крепости ничуть не уступает кирпичной, то начинаю искать тебя, а ты бесследно исчезаешь.

Хан Ду рассмеялся.

— Извини, — сказал он, — я все время забываю, что ты чужой в нашем мире. Мы пришли в мой родной город. Я только на минуту забежал домой, чтобы посмотреть, как там мои. Поэтому ты меня и не видел.

В это время рядом с Хан Ду появилась какая-то женщина с маленьким ребенком. Откуда только они брались! Черт побери, неужели я попал в страну бесплотных духов, обладающих способностью к материализации?! В это мне как-то не слишком верилось, поскольку, насколько я успел узнать Хан Ду, он был обычным человеком из крови и плоти.

— Это О Ала, моя жена, — представил Хан Ду женщину. — Познакомься, О Ала, это мой друг Джон Картер, принц Гелиума.

Женщина протянула мне руку. Нет, она тоже определенно не была призраком.

— Добро пожаловать, Джон Картер, — произнесла она. — Чувствуйте себя у нас, как дома, и располагайте всем, что мы имеем.

— А где же город? — не выдержав, спросил я наконец.

Оба они рассмеялись.

— Идите за мной,— сказала О Ала.

Она повела меня за собой, обогнула какой-то невидимый угол, и в следующее мгновение я увидел прямо перед собой распахнутую дверь, которая вела в комнату.

— Заходите, прошу вас,— пригласила О Ала.

Мы оказались в довольно просторном, со вкусом обставленном помещении, разделенном раздвижными перегородками на четыре части.

— Но почему же я не видел ваш дом снаружи? — удивился я.

— Потому что с внешней стороны он покрыт специальным песком, который делает его невидимым. Этого песка полным-полно на побережье,— пояснил Хан Ду.— У нас нет другого способа защитить свои жилища от моргоров. Каждый дом в городе покрыт таким песком, а домов здесь свыше пятисот.

Итак, я оказался в городе-невидимке! Что ни говори, Юпитер, действительно, самая удивительная планета.

— А где же люди? — продолжал расспрашивать я.— Они что, тоже невидимы?

— Почти все мужчины сейчас на охоте или на рыбалке, а остальные сидят по домам,— ответила О Ала.— Мы стараемся без нужды не выходить на улицу. Моргоры постоянно кружат здесь на своих невидимых кораблях и могут запросто обнаружить наш город.

— Если кого-нибудь из нас засекут,— продолжил Хан Ду,— он должен изо всех сил бежать подальше. Если моргоры узнают точное место расположения нашего города, они не дадут нам житья. Пусть уж лучше погибнет один человек, но спасутся все остальные.

— Объясни в таком случае,— обратился я к Хан Ду,— каким образом ты отыскиваешь свой дом, если ни его, ни соседних домов не видно?

— Ты обратил внимание на деревья, растущие по всему городу?

— Я заметил какие-то деревья, но города не видел. Они опять засмеялись.

— Мы так привыкли маскироваться, что для нас все это совершенно естественно,— сказала О Ала.— Конечно, человеку постороннему это должно показаться странным. Мы ориентируемся по деревьям, как по опознавательным знакам. Со временем жители нашего города научились точно определять местоположение и своего дома, и остальных.

В один прекрасный день мы небольшой компанией отправились в лес. Едва мы оказались на равнине, как кто-то крикнул:

— Моргоры!

В тот же момент саваторы бросились бежать прочь от своего города.

— Беги, Джон Картер! — прокричал Хан Ду.

Но я бежать не собирался.

В нескольких ярдах от себя я увидел открытую дверь в невидимый корабль моргоров и шесть-семь воинов, выскакивающих из него. Двое из них бросились ко мне, остальные пустились в погоню за убегавшими саваторами. А в моем сознании уже возник новый план. В душе вновь затеплился огонек надежды.

Выхватив из ножен меч, я ринулся навстречу моргограм, благодаря Бога за то, что их только двое. Мне было не до изысков изящного боя: пронзив в сердце первого моргора, я собрался проделать то же самое и со вторым.

Сделав обманный выпад, я метким ударом сразил своего противника. Теперь — на корабль. Интересно, сколько солдат они оставили в охране? Оказалось, что на борту корабля нет ни души. Не выпуская меч из руки, я бросился к пульту управления. В эту минуту в дверь корабля принялись колотить подоспевшие моргоры, грозно требуя, чтобы я открыл ее и впустил их на борт корабля. Похоже, они держали меня за полного идиота!

Мне очень пригодилось все то, чему я научился, наблюдая за Ворионом. Я легко запустил мотор и поднял машину в воздух. Мне было известно, как набирать и как сбрасывать высоту, как делать корабль видимым. Но назначения расположенных у меня под носом приборов я не знал. Моргорские иероглифы ни о чем мне не говорили. Приходилось разбираться на ходу.

Один из приборов очень напоминал компас. Сверившись по карте, я выяснил, что Занор лежит к юго-востоку. В этом направлении я и взял курс.

Итак, я был свободен. Живым и невредимым вырвался я из лап моргоров. Дея Торис также в безопасности. В том, что скоро я увижусь с ней, у меня не было ни малейших сомнений. Мысли о том, что после всех выпавших на мою долю приключений я могу не добраться до Занора, я не допускал. Может, именно эта уверенность в себе и помогает мне преодолевать самые трудные препятствия.

Сколько времени длился мой перелет, не знаю. За все это время я не заметил на океане, над которым пролегал мой путь, ни одного корабля. Зато мне воочию довелось убедиться в том, какие страшные штормы случаются в этих краях. Только теперь до меня окончательно дошло, насколько безумной была моя затея — добраться до острова на лодке. Волны, вздымавшиеся подо мной, достигали двухсот футов в высоту. Такие штормы не выдержит никакой корабль.

Наконец, впереди показалась земля. И какая земля! Зан Дар рассказывал мне о гигантских горах и огромных деревьях своей родины. От открывшегося передо мной вида буквально захватывало дух, и это лишний раз убедило меня, что я достиг конечной точки своего путешествия.

Пытаясь как можно точнее вспомнить объяснения Зан Дара, я разыскал его деревню. Мой корабль, совершенно невидимый, плавно снижался. Я понимал, какая участь меня ждет, если саваторы примут меня за моргора. Надо было как-то дать знать им, кто я такой.

На высоте пятидесяти футов я остановил корабль. Мне были хорошо видны люди на равнине близ деревни. Первым делом я размагнитил корпус машины, и она стала видимой. Затем, не теряя времени, я открыл дверь и, высунувшись, так, чтобы было видно, что я не моргор, крикнул:

— Меня догут Джон Картер! Я друг Зан Дара! Разрешите мне приземлиться!

Получив добро на посадку, я стал снижаться. Итак, мое путешествие закончено. Мне удалось преодолеть казалось бы непреодолимые препятствия. Я достиг своей цели. Вскоре я сожму в своих объятиях несравненную Дею Торис.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОИН МАРСА

3

ЛАНА ИЗ ГАТОЛА

175

ДЖОН КАРТЕР, ЖИТЕЛЬ МАРСА

421

Литературно-художественное издание

Эдгар Райс БЕРРОУЗ

ВОИН МАРСА

ВОИН МАРСА

ЛАНА ИЗ ГАТОЛА

ДЖОН КАРТЕР, ЖИТЕЛЬ МАРСА

Повести

Сдано в набор 12.09.94. Подписано в печать 22.09.94. Формат 84×108/32. Гарнитура Тип Таймс. Бумага Типографская. Печать высокая с ФПФ. Печ. л. 16,5. Тираж 25 000 экз. Заказ 1259.

АО «Принтэст», Эстония. Таллинн, ул. Пярну, 10. Лицензия ЛВ № 216.

При участии АО «Форматэкс», 1050. F.st. Dover DE, 19901 USA.

При участии СП «Беларэст». 220049, Минск, ул. Волгоградская, 74. Лицензия ЛВ № 839.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005. Минск, Красная, 23.

**Официальный представитель
заводов-изготовителей
Фирма «ВИФ»**

**предлагает к реализации кабельно-провод-
никовую продукцию различных марок и
сечений.**

**При приобретении продукции свыше
10 миллионов — премию наличными.**

Телефоны в Москве:

(095) 271-66-03

277-68-06

271-66-90

факс: 271-66-39

ВОИН МАРСА

ЭДГАР БЕРРОУЗ

П Р И Н Т Э С Т

31